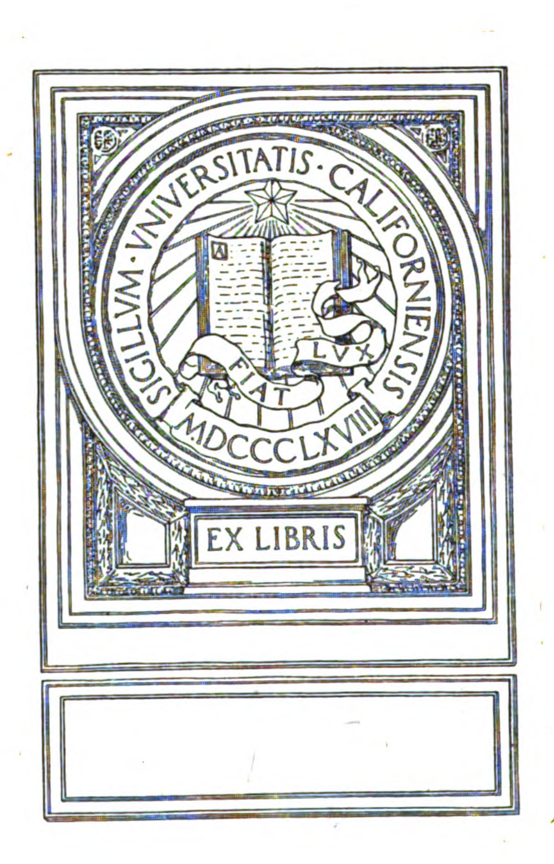
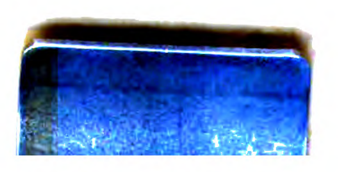

UC-NRLF
$B 603 908

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIV-й. **№ 8-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ.

1905 г.

С ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

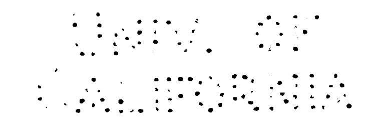
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го іюля 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Воспоминанія и письма.

Вотъ уже и годъ прошелъ, какъ умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ. И какой годъ!

Сколько разъ за это время съ болью въ сердцѣ хотѣлось крикнуть: Зачѣмъ нѣтъ его? Зачѣмъ не видитъ онъ, что творится у насъ, на родинѣ? Онъ увидалъ бы, какъ просыпается и воскресаетъ эта «нелѣпая и неуклюжая страна», которую онъ такъ любилъ, о которой онъ такъ скорбѣлъ, для которой онъ такъ много работалъ. Онъ увидалъ бы, какъ продираютъ глаза его «недотепы» и «нытики», какъ отступаютъ назадъ и гибнутъ его неизмѣнные враги—пошлость и плоскость; какъ на смѣну разнымъ «нытикамъ» идутъ люди дѣла, смѣлаго размаха, самоотверженія. Идутъ, и хотя еще пока гибнутъ въ тяжелой борьбѣ съ вѣковымъ зломъ, столь глубоко запустившимъ свои корни въ нашу рыхлую землю, но и погибая, уже пророчествуютъ намъ возрожденіе и новую жизнь.

Да! Люди сегодняшняго дня уже не предаются сентиментальнымъ мечтамъ о томъ, что будетъ черезъ триста лѣтъ, а прямо и категорически спрашиваютъ: что скажетъ намъ завтра?

Теперь, въ эти дни тяжелаго испытанія, лучше, чѣмъ когда-либо видишь, какъ много мы обязаны А. Чехову, какую большую подготовительную работу сдѣлалъ онъ для нынѣшняго пробужденія. По образному выраженію Максима Горькаго, Чеховъ «тономъ мягкаго, но глубокаго упрека сказалъ:

— Скверно вы живете, господа! Стыдно такъ жить!»

И теперь вотъ мы видимъ, что дѣйствительно скверно мы жили и стыдно было такъ жить. И больше такъ жить не будемъ!

Чеховъ сдѣлалъ свое великое дѣло и отошелъ. Но зачѣмъ онъ такъ рано умеръ? Зачѣмъ онъ не остался посмотрѣть на результаты трудовъ своихъ? Наивный, пустой вопросъ! Безполезный, какъ безсильный ропотъ, но что дѣлать, если онъ возникаетъ въ душѣ...

I.

Маленькіе разсказы Ант. Чехонте, въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ все болѣе и болѣе приковывали вниманіе читающей публики. А среди петербургской литературной братіи понемногу начали интересоваться и самой личностью автора.

— Кто онъ такой? Гдѣ живетъ? Что за странный псевдонимъ?— задавались вопросы.

— Онъ только что окончившій курсъ молодой врачъ, живетъ въ Москвѣ, настоящая его фамилія Чеховъ,—отвѣчали знающіе.

А болѣе освѣдомленные добавляли:

— И человѣкъ онъ душевнѣйшій и милѣйшій.

А когда Антонъ Павловичъ изъ «Петербургской Газеты» перешелъ въ «Новое Время» и сталъ подписываться своей настоящей фамиліей, не только исключительные любители литературы, но и такъ называемая «большая публика» стала зачитываться его произведеніями. Чего не смѣли признать въ какомъ-то невѣдомомъ А. Чехонте, признавали уже въ Антонѣ Чеховѣ, т.-е. оригинальный, исключительный талантъ и свѣжесть мысли. Только старовѣрская критика нѣкоторыхъ журналовъ еще брезгливо молчала.

Однимъ изъ самыхъ видныхъ глашатаевъ Чеховскаго таланта несомнѣнно былъ покойный Д. В. Григоровичъ. Это онъ откопалъ Чехова въ «Петербургской Газетѣ» и, не смущаясь ни страннымъ псевдонимомъ, ни мѣстомъ, въ которомъ появлялись эти маленькіе разсказы, заявлялъ urbi et orbi, что въ Ан. Чехонте мы должны видѣть нашу надежду, нашего будущаго большаго писателя.

Почему будущаго? Да развѣ Антонъ Павловичъ Чеховъ, въ своихъ самыхъ маленькихъ разсказахъ былъ не такимъ же большимъ писателемъ, какъ и въ послѣдующихъ большихъ произведеніяхъ? И не даромъ же онъ такъ любилъ именно маленькіе разсказы.

Помню, въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ Петербургъ, въ литературныхъ кружкахъ распространился слухъ, что Антонъ Павловичъ женится на одной милліонершѣ. Зайдя къ нему, я спросилъ его, сколько правды въ этихъ слухахъ?

— Да, да, представьте! До меня тоже дошли слухи о моей женитьбѣ. Настойчиво меня увѣряютъ, что я женюсь.

— Ну, а вы сами-то какъ?

Вмѣсто отвѣта, Антонъ Павловичъ только улыбнулся. «Ну, полноте вздоръ городить!»—сказала мнѣ эта улыбка.

— А, вѣдь, у нея семь милліоновъ приданаго,—дразнилъ я.

— Хорошія деньги!—тихо улыбаясь и шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ Антонъ Павловичъ.—Вообще, быть богатымъ должно быть очень пріятно.

— А что бы вы стали дѣлать, если бы вдругъ очень разбогатѣли?

— Я бы все самые маленькіе разсказы писалъ,—совершенно серьезно сказалъ онъ.

Еще не будучи знакомымъ съ Чеховымъ, я уже заочно любилъ его по его произведеніямъ и любилъ не только, какъ писателя, но и какъ человѣка. Не могу теперь вспомнить, какимъ именно представлялся онъ мнѣ тогда, такъ какъ личное знакомство должно было стереть заочное представленіе. Но мнѣ все кажется, что такимъ именно онъ мнѣ и представлялся до знакомства, какимъ впослѣдствіи я зналъ его. Очень ужъ онъ индивидуаленъ въ своихъ разсказахъ.

Однажды встрѣтился я съ И. Л. Щегловымъ и разговорился объ Чеховѣ.

— Да, вѣдь, я лично съ нимъ знакомъ,—сказалъ И. Л.

— Да неужто?—воскликнулъ я, съ завистью поглядывая на этого счастливца.

— Ну, что? Что онъ такое? Что онъ изъ себя представляетъ?

Щегловъ даже зажмурился.

— Это, батенька, такой, такой человѣкъ, какихъ я, кажется, никогда и въ жизни не видалъ: простота, мягкость, обаяніе! Да вы сами поѣзжайте къ нему и познакомтесь.

— Т.-е. какъ поѣзжайте? Куда?

— Да въ Москву. Я вамъ и адресъ дамъ. Не бойтесь. Онъ приметъ васъ очень радушно. Смѣло идите къ нему.

И Щегловъ сообщилъ мнѣ адресъ Чехова.

Желаніе познакомиться съ Чеховымъ захватило меня всецѣло. Но ѣхать прямо къ нему такъ, ни съ того, ни съ сего, я все-таки считалъ неудобнымъ и ждалъ случая.

Это было весной 1888 года. Какъ разъ въ это время вышелъ въ печати первый томъ моихъ комедій, и я сдѣлалъ то, чего ни раньше, ни послѣ никогда не дѣлалъ, т.-е. послалъ свою книжку человѣку, котораго я лично не зналъ и который самъ не выражалъ никакого желанія получить эту книжку. На обложкѣ я, конечно, сдѣлалъ соотвѣтствующую надпись, какую—ужъ теперь не помню. Послалъ и сейчасъ же сталъ раскаиваться:

«Ну, зачѣмъ я это сдѣлалъ? Что за навязчивость? Получитъ онъ мою книжку, швырнетъ ее въ корзинку и скажетъ: «вотъ тоже лѣзутъ разные со своими приношеніями».

Но не прошло и недѣли, какъ въ редакціи, въ которой я тогда работалъ, на мое имя былъ полученъ маленькій, скромненькій конвертикъ, надписанный незнакомымъ почеркомъ. Я разорвалъ конвертъ и сталъ читать письмо:

«Милостивый Государь, Владиміръ Алексѣевичъ! Приношу Вамъ, мою сердечную благодарность за книгу и за лестную надпись на ней...»

Я быстро перевернулъ страницу и взглянулъ на подпись: «А. Че-

ховъ». Въ глазахъ у меня зарябило. «Милый! Милый!» твердилъ я не хуже иной влюбленной барышни, получившей письмо отъ своего предмета. Затѣмъ, поуспокоившись немного, сталъ читать письмо по порядку.

Онъ писалъ, что видѣлъ нѣкоторыя мои пьесы на сценѣ, что знаетъ меня. «Ахъ, ну, все равно! Видѣлъ—не видѣлъ, знаетъ—не знаетъ! Важно не то. Важенъ онъ самъ, его письмо, думалъ я, читая его первыя ласковыя строки.

— А это? Это что онъ пишетъ?»

«...Мнѣ хочется отплатить Вамъ тѣмъ же, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время у меня дома нѣтъ ни одной моей книги. Пришлите мнѣ Вашъ адресъ, и я постараюсь возможно скорѣе поквитаться съ Вами.

«Если будете въ Москвѣ, то убѣдительно прошу Васъ пожаловать ко мнѣ. Застать меня можно во всѣ времена года (кромѣ лѣта. Мой лѣтній адресъ: г. Сумы, Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой). Днемъ до 2-хъ часовъ и вечеромъ отъ шести до двѣнадцати. Я былъ бы очень радъ познакомиться и поблагодарить Васъ словесно. Позвольте пожелать Вамъ успѣха и здоровья, и пребыть искренно уважающимъ—А. Чеховъ. Кудринская Садовая, д. Корнѣева».

— Ну, теперь все рѣшено. Теперь я ѣду къ нему. Я познакомлюсь съ нимъ,—восторженно бормоталъ я, опять и опять перечитывая его письмо.

Итакъ, я рѣшилъ ѣхать въ Москву и познакомиться съ Чеховымъ. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Въ Москву я попалъ только осенью того же года, а пока произошло еще одно событіе и произошло оно чуть ли не черезъ два—три дня послѣ полученнаго мною письма.

Было это въ Страстную субботу. Я жилъ одиноко въ меблированной комнатѣ на Невскомъ проспектѣ. Наступалъ вечеръ. Заранѣе условившись съ одной компаніей провести эту ночь вмѣстѣ, я въ одиннадцатомъ часу собирался уже выйти изъ дому, какъ коридорный служитель подалъ мнѣ какой-то пакетикъ, сказавъ, что это еще утромъ принесли, да въ кухнѣ заваляюсь. Это была заказная бандероль, а въ ней томъ чеховскихъ разсказовъ подъ названіемъ «Въ сумеркахъ».

Забывъ все на свѣтѣ, я присѣлъ къ столу и сталъ перелистывать книжку. На первой страницѣ была краткая, но сердечная надпись Чехова. Почти со всѣми разсказами я уже былъ знакомъ и просматривалъ ихъ бѣгло, повторяя только особенно запечатлѣвшіяся въ памяти мѣста. Но вотъ и послѣдній разсказъ, для меня еще совершенно новый: «Святою Ночью». Я такъ и впился въ него. И комната моя, какъ по волшебству, исчезла, а я, вмѣстѣ съ авторомъ, стоялъ на берегу разлившійся Голтвы, въ ожиданіи парома, чтобы плыть съ

нимъ на другой берегъ, въ монастырь, къ пасхальный заутренѣ. Вмѣстѣ съ нимъ слушалъ я полную задумчивой грусти о трепещущей поэзіи рѣчь инока Іеронима. Вмѣстѣ съ нимъ бродилъ я по монастырю... Однимъ словомъ, сидя въ моей одинокой комнатѣ, за письменнымъ столомъ, я пережилъ едва ли не лучшую и, во всякомъ случаѣ, наиболѣе памятную для меня пасхальную заутреню.

Когда я дочиталъ послѣднюю строку и совсѣмъ очарованный подошелъ къ открытому окну, густой, протяжный гулъ колокола на исаакіевской колокольнѣ поплылъ по улицамъ города.

«Радуйся крине райскаго прозябаніе,—сказано въ акаѳистѣ Николаю Чудотворцу»,—повторялъ я только что прочитанныя и уже врѣзавшіяся въ душу строки разсказа.—«Не сказано просто: крине райскій, а крине райскаго прозябаніе. Такъ и глаже и для уха сладко»...

А воображеніе мое рисовало молодого, полнаго задумчивой грусти поэта, выпѣвшаго изъ своего сердца этотъ чудный разсказъ.

II.

Наступила осень 1888 года. Литературныя дѣла вызвали меня въ Москву. И въ самый день пріѣзда туда, только что отдѣлавшись отъ первыхъ хлопотъ, въ третьемъ часу дня я отправился на Кудринскую Садовую къ Антону Павловичу, чтобы сдѣлать ему мой первый визитъ. Я не разсчитывалъ застать его, такъ какъ въ своемъ письмѣ онъ писалъ, что бываетъ дома до двухъ часовъ дня и послѣ шести вечера. Я какъ будто робѣлъ такъ вдругъ сразу встрѣтиться съ нимъ. Мнѣ просто хотѣлось оставить свою визитную карточку, чтобы, быть можетъ, получить подтвержденіе его приглашенія.

Но вотъ и домъ Корнѣева, небольшой, двухъ-этажный и ужасно похожій на старинный комодъ о четыре ящика. Звоню. Горничная впускаетъ меня прямо въ переднюю.

— Антонъ Павловичъ Чеховъ дома?—спрашиваю я.

А слѣва отворяется дверь, и на порогѣ ея стоитъ довольно высокій, худощавый молодой человѣкъ, съ молодой бѣлокурой бородкой и такимъ теплымъ-теплымъ баскомъ отвѣчаетъ мнѣ за нее:

— Дома.

Я сразу догадался, что это Антонъ Павловичъ и назвалъ свою фамилію.—А! Пожалуйте. Очень радъ.

Мы вошли въ кабинетъ и... были уже знакомы, т.-е. случилось что-то странное: черезъ минуту я сидѣлъ на какомъ-то диванѣ и курилъ, а Антонъ Павловичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и тоже курилъ и говорилъ со мной, какъ съ человѣкомъ, съ которымъ онъ уже давнымъ-давно знакомъ и съ которымъ не видался всего какихъ-нибудь два-три дня, но за эти два-три дня накопилось коечто, о чемъ надо поговорить. И онъ говорилъ объ этомъ, а я смо-

трѣлъ, отвѣчалъ, самъ старался говорить и чуть уже ему не завидовалъ.

— Боже мой! Что это за удивительная простота, думалъ я. — Откуда она? Чѣмъ она достигается?

И эта простота, не есть пренебреженіе человѣка, чувствующаго себя выше своего собесѣдника и думающаго: мнѣ дескать, все равно, что ты обо мнѣ подумаешь! Я, дескать, себѣ цѣну и самъ знаю; это не простота человѣка, привычнаго къ безчисленнымъ посѣщеніямъ и новымъ знакомствамъ, нѣтъ, это простота какая-то органическая, это именно та простота, съ которой каждый человѣкъ долженъ бы подходить къ другому человѣку: «ты, дескать, человѣкъ, я — человѣкъ, стало быть, мы братья».

И я самъ старался быть какъ можно проще. И чѣмъ больше старался, тѣмъ меньше мнѣ это удавалось. Я и ногу на ногу закидывалъ, и на диванъ небрежно разваливался, и говорилъ самымъ непринужденнымъ тономъ и все замѣчалъ, что и ногу на ногу я закидываю какъ-то неладно, и разваливаюсь я безъ надобности, и тонъ у меня напряженный и все-то я тороплюсь куда-то и со всѣхъ сторонъ отрекомендоваться спѣшу.

А онъ ходитъ себѣ взадъ и впередъ по комнатѣ, крутитъ папиросу за папиросой (много онъ въ то время курилъ) и плавно такъ своимъ теплымъ баскомъ говоритъ о чемъ-то. Вопросы задаетъ, отвѣчаетъ и все это такъ просто, какъ будто мы съ нимъ уже вѣкъ знакомы. А я сижу и проклинаю себя за мою излишне развязную застѣнчивость.

И вотъ что странно: какъ съ перваго раза началось, такъ все время нашего знакомства на многіе годы и продолжалось. Чеховъ былъ всегда со мной удивительно простъ, а я съ нимъ всегда какъ-то застѣнчиво развязенъ. Да и то сказать—такая простота, которой его надѣлила природа, многимъ ли дана въ удѣлъ?

Конечно, впослѣдствіи и я пріобыкъ и проще съ нимъ держался, все-таки, что-то напряженное чувствовалось. И особенно это сказывалось въ письмахъ. Его письма по простотѣ развѣ только съ Пушкинскими и можно сравнить. А начнешь ему самъ писать, все словно выслужиться хочешь и со всѣхъ сторонъ себя въ самомъ лучшемъ и интересномъ видѣ показать стараешься...

Время отъ времени Антонъ Павловичъ на минуту обрывался, подсаживался къ письменному столу и что-то писалъ на листочкахъ почтовой бумаги малаго формата.

— Вы что это пишете?

— Да такъ, разсказъ дописываю,—совсѣмъ просто отвѣтилъ онъ.

— Такъ я вамъ мѣшаю? Простите, ради Бога? — всполошился я, поднимаясь съ дивана.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Нисколько не мѣшаете. Я всегда такъ, успокоилъ онъ меня.

О чемъ мы тогда говорили? Не помню. Навѣрное, о литературѣ. Антонъ Павловичъ въ то время любилъ о литературѣ говорить и любилъ повторять, что всѣмъ намъ нужно писать, писать и какъ можно больше писать. «Авось, всѣ вмѣстѣ что-нибудь да и напишемъ сообща».

Эту свою мысль онъ повторилъ однажды и въ письмѣ ко мнѣ. Дѣло было такъ: разъ въ русскомъ литературномъ обществѣ, въ маленькой тѣсной компаніи, зашелъ разговоръ объ Антонѣ Чеховѣ. Присутствовавшій тутъ же Н. П. Вагнеръ (Котъ Мурлыка) сказалъ, что онъ считаетъ Чехова величайшимъ русскимъ писателемъ, слономъ между всѣми нами.

Въ одномъ изъ писемъ къ Антону Павловичу я упомянулъ объ этомъ разговорѣ, а вскорѣ получилъ отъ него письмо, въ которомъ, между прочимъ, были такія строки:

...«Дай Богъ, чтобы комедія, которую вы носите подъ сердцемъ удалась Вамъ и дала Вамъ то, что Вы хотите. Чѣмъ больше успѣха, тѣмъ лучше для всего нашего поколѣнія писателей. Я, вопреки Вагнеру, вѣрую въ то, что каждый изъ насъ въ отдѣльности не будетъ «ни слономъ среди насъ» и никакимъ либо другимъ звѣремъ, и что мы можемъ взять усиліями цѣлаго поколѣнія,—не иначе. Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Т., не К., не Щ., не Б., не Б., а «восьмидесятые годы», или «конецъ XIX столѣтія». Нѣкоторымъ образомъ, артель»...

Не этимъ ли объясняется его такое ровное отношеніе къ пишущей братіи? Между сверстниками онъ какъ будто не зналъ ни большихъ, ни малыхъ, а только—хорошихъ людей и не очень хорошихъ людей. Но, между прочимъ, онъ же писалъ мнѣ: «изъ писателей предпочитаю Толстого, а изъ врачей—Захарьина». И онъ же писалъ мнѣ по поводу одной моей слабой пьесы, имѣвшей, къ немалому моему личному удивленію, на первомъ представленіи порядочный успѣхъ, слѣдующія строки:

...«Поздравляю Васъ съ успѣхомъ, которому я, впрочемъ, очень не радъ. Профессіональнымъ драматургамъ, пока они молоды, надо нещадно шикать, особенно за тѣ пьесы, которыя пишутся сплеча. А то, господа, балуетесь очень и объ себѣ много понимаете. Если бы я составлялъ собою публику, то поощрялъ бы молодежь только денежно, а лавры приберегъ бы къ старости»...

Итакъ, я сидѣлъ у него на диванѣ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, курилъ, присаживался время отъ времени къ столу, писалъ нѣсколько строкъ и въ то же время мы бесѣдовали. Бесѣда шла спокойно, ровно, безъ ненужной горячности, безъ безполезныхъ споровъ.

Въ комнату къ намъ одинъ за другимъ, пришли три брата Чехова: художникъ Николай, учитель Иванъ и совсѣмъ еще юный Михаилъ Павловичъ. Бесѣда сдѣлалась общей, но все такой же спокой-

ной, хотя въ характерѣ Николая чувствовалась уже нѣкоторая болѣзненная нервность, вѣроятно, результатъ начинавшейся у него въ то время чахотки.

И вотъ, во время этой общей бесѣды, я подмѣтилъ въ Чеховѣ одну характерную черту, это то, что онъ *всегда* думалъ, всегда, всякую минуту, всякую секунду. Слушая веселый разсказъ, самъ разсказывая что нибудь, сидя въ пріятельской пирушкѣ, говоря съ женщиной, играя съ собакой—Чеховъ всегда думалъ. Благодаря этому, онъ иногда самъ обрывался на полсловѣ, задавалъ вамъ, кажется совсѣмъ неподходящій вопросъ и казался иногда даже разсѣяннымъ. Благодаря этому, онъ среди разговора присаживался къ столу и что-то писалъ на своихъ листкахъ почтовой бумаги; благодаря этому, стоя лицомъ къ лицу съ вами, онъ вдругъ начиналъ смотрѣть куда-то вглубь самого себя.

III.

Насъ позвали наверхъ обѣдать и я, такъ протянувши мой первый визитъ, нашелъ вполнѣ естественнымъ, вмѣстѣ со всѣми братьями Чеховыми, уже какъ свой человѣкъ въ домѣ, отправиться наверхъ, въ столовую. Тамъ я познакомился съ матушкой Антона Павловича, Евгеніей Яковлевной, съ его сестрой Марьей Павловной и отцомъ, Павломъ Егоровичемъ. И я сѣлъ за столъ, въ кругу этой семьи, какъ будто уже давно знакомый, какъ будто уже близкій имъ человѣкъ И здѣсь шелъ разговоръ простой, безъ нервности, безъ раздраженія. Особенно очаровательное впечатлѣніе производили мать и дочь.

Не доѣвъ тарелки супа, Антонъ Павловичъ всталъ изъ за стола, закурилъ папироску и зашагалъ взадъ и впередъ по столовой, прислушиваясь къ нашему разговору. А послѣ жаркого онъ и совсѣмъ вышелъ изъ столовой.

— Антонъ всегда такъ, — сказала мнѣ Марья Павловна, — поѣстъ-поѣстъ, а потомъ пойдетъ къ себѣ внизъ, да разсказъ попишетъ.

Къ третьему блюду онъ уже былъ опять наверху.

Послѣ обѣда, мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ театръ Корша. Къ сожалѣнію, не помню теперь, какая шла пьеса, но должно быть не важная, потому что, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на сцену, мы большею частью тихо бесѣдовали между собой, сидя въ глубинѣ директорской ложи.

— Пьесы надо писать такъ, чтобы на сценѣ, напримѣръ, при лѣсной или садовой декораціи—воздухъ чувствовался настоящій, а не тотъ, который на полотнѣ написанъ. А въ комнатѣ, чтобы жильемъ пахло и не бутафорскимъ, а настоящимъ жильемъ,—говорилъ онъ, между прочимъ, мнѣ.

Въ этотъ пріѣздъ я въ Москвѣ пробылъ долго и съ Чеховымъ видѣлся часто: то онъ ко мнѣ зайдетъ въ гостиницу, то я къ нему на Кудринскую-Садовую, то въ театрѣ встрѣтимся.

И, кажется, этой же самой осенью произошелъ у насъ забавный казусъ: заѣзжаю я вечеркомъ къ Чехову, а онъ, встрѣчая меня, говоритъ:

— Какъ это хорошо, что вы сегодня пріѣхали.

— А что такъ?

— Да видите ли, за мной сейчасъ долженъ заѣхать К., чтобы везти меня знакомить къ Льву Николаевичу Толстому. Ну, а я—боюсь.

— Чего же вы боитесь?—удивился я.

— Да вотъ, подите вы! Самъ не знаю, а боюсь. Какъ это такъ. вдругъ *самого* Толстого вблизи увидать! Говорить съ нимъ! Нѣтъ, какъ хотите, а это жутко. Ну, такъ вотъ вы пріѣхали, мы и того... и поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, втроемъ.

Я вытаращилъ глаза.

— Позвольте, я то съ какой стати поѣду? Съ Толстымъ я не знакомъ, знакомиться же со мной онъ, кажется, не выражалъ ни малѣйшаго желанія. Какъ же я полѣзу туда незваный-непрошеный? Другое дѣло—вы! Левъ Николаевичъ самъ пожелалъ съ вами познакомиться. Значитъ васъ тамъ ждутъ. А я увѣренъ, что тамъ и имени то моего никогда не слыхали.

— Да, но я боюсь одинъ!—настаивалъ Чеховъ.

— Такъ, вѣдь, вы же не одинъ поѣдете. Съ вами К. будетъ.

— Что-жъ что К! К. тамъ давно уже свой человѣкъ. Онъ уйдетъ въ другую комнату, а я—одинъ останусь. Страшно.

Я сталъ убѣждать Чехова, что ничего тутъ страшнаго нѣтъ, что сколько мнѣ пришлось слыхать про Льва Николаевича и его семью, все это люди простые, милые, радушные, что примутъ его, вѣроятно, какъ родного.

Но Антонъ Павловичъ все стоялъ на своемъ: страшно, да и только.

— Какъ это я вдругъ съ нимъ, *съ самимъ*, разговаривать стану!

Помолчали мы немного, и Чеховъ опять спрашиваетъ:

— Такъ ни за что не поѣдете?

— Ни за что! Подумайте только сами: вѣдь это съ моей стороны наглостью бы было!

— Тогда, знаете что?—заговорилъ онъ, вставая съ дивана.—Удеремъ куда-нибудь?

— Т.-е. какъ удеремъ?—удивился я.

— Да очень просто: удеремъ изъ дому. К. заѣдетъ и не застанетъ меня и «страшное свиданье» все-таки отложится, хоть на нѣкоторое время.

И мы удрали.

Удрали мы въ ресторанъ «Эрмитажъ» и долго тамъ сидѣли, пили красное вино и говорили о томъ, что Левъ Толстой великій писатель, что онъ глубочайшій сердцевѣдъ и какъ было бы пріятно посмотрѣть на него, послушать его, но только такъ... чтобъ самъ онъ насъ не видалъ, а то--«страшно».

А вотъ что случилось ровно черезъ годъ. Я опять пріѣхалъ въ Москву и опять заѣхалъ къ Чехову, и онъ встрѣтилъ меня совершенно тѣми же словами:

— Какъ хорошо, что вы сегодня заѣхали.

— А что такое?

— Да я черезъ часъ ѣду къ Толстымъ, чай пить. Поѣдемте вмѣстѣ.

И сказалъ такъ просто, какъ будто ѣхать къ Толстымъ чай пить, все равно, что ѣхать къ Ивановымъ или Петровымъ. А я даже похолодѣлъ отъ испуга.

— Что вы? Что вы?—говорю.—Опомнитесь! Да съ какой стати я къ нимъ поѣду незваный—непрошеный.

А онъ мнѣ:

— Пожалуйста, безъ отговорокъ! И самъ Левъ Николаевичъ, и вся его семья—люди чрезвычайно простые и милые и встрѣтятъ васъ съ совершенно искреннимъ радушіемъ.

— Да что вы, Антонъ Павловичъ! Что я имъ? Зачѣмъ я имъ? Зачѣмъ я своей особой буду увеличивать у нихъ толпу назойливыхъ и непрошеныхъ посѣтителей.

Но Чеховъ и слышать ничего не хотѣлъ. Онъ говорилъ, что знаетъ, что дѣлаетъ и что я же ему впослѣдствіи за это буду безмѣрно благодаренъ; что у Толстыхъ онъ самъ бываетъ очень часто и, конечно, никакого безтактнаго поступка себѣ не позволитъ и если везетъ меня съ собой, то уже заранѣе знаетъ, какъ это посѣщеніе будетъ принято. Однимъ словомъ, уперся на своемъ—ѣдемъ, да и только!

Тогда я пустился на хитрость: какъ будто согласился, а самъ говорю, что «позвольте мнѣ только сюртукъ надѣть, а то неудобно въ первый же вечеръ въ незнакомое семейство въ пиджакѣ ѣхать».

Чеховъ и противъ этого—было протестовать началъ, говоря, что у Толстыхъ такъ просто, что и въ пиджакѣ можно. Но потомъ согласился и отпустилъ меня, сказавъ, что будетъ меня ждать до восьми съ половиной часовъ.

А я, выйдя отъ него, малодушно улепетнулъ въ ресторанъ «Эрмитажъ», забился тамъ въ какой-то укромный уголокъ и долго въ полномъ одиночествѣ сидѣлъ тамъ, попивая красное вино и размышляя о томъ, какой великій писатель Левъ Толстой, какой онъ удивительный сердцевѣдъ и какъ бы хорошо было посмотрѣть на него, послушать

его рѣчей, но только... такъ, чтобы онъ самъ этого не видалъ. А вернувшись къ себѣ въ гостиницу, я нашелъ въ своемъ номерѣ записку Антона Павловича, всего три слова: «Вы непролазный трусъ».

Скажите, пожалуйста! А самъ забылъ, какъ еще годъ тому назадъ трусилъ!

IV.

Въ 1889 г., на сценѣ Александринскаго театра шла въ первый разъ пьеса А. П. Чехова—«Ивановъ». Я какъ разъ въ это время былъ приглашенъ покойнымъ П. А. Гайдебуровымъ вести театральный отдѣлъ въ его газетѣ «Недѣля». И моя первая статья была именно объ Чеховскомъ «Ивановѣ».

Появилась она черезъ нѣсколько дней послѣ перваго представленія, когда Чеховъ уже былъ въ Москвѣ, и я сообщилъ ему о моей статьѣ, указавъ ему, въ какомъ именно номерѣ «Недѣли» она появилась. А черезъ нѣсколько же дней получилъ отъ него слѣдующее письмо, написанное на полулисточкѣ почтовой бумаги:

«Милый драматургъ, при всемъ моемъ желаніи достойно привѣтствовать дебютъ критика Тихонова, я не могу сказать Вамъ ни единаго теплаго слова, такъ какъ «Недѣля» въ Москвѣ составляетъ такую же рѣдкость, какъ бѣлые слоны. Я нигдѣ не могъ найти ее. Не потрудитесь ли Вы прислать мнѣ тотъ N., гдѣ помѣщена Ваша рецензія? Я прочту и присовокуплю ее къ кучѣ рецензій, составляющихъ въ моемъ архивѣ объемистое «дѣло объ Ивановѣ».

Насколько могу судить по тѣмъ Вашимъ пьесамъ, которыя я видѣлъ на сценѣ, изъ Васъ едва ли можетъ выработаться театральный критикъ. Вы человѣкъ рыхлый, чувствительный, уступчивый, наклонный къ припадкамъ лѣни, впечатлительный, а всѣ сіи качества не годятся для строгаго, безпристрастнаго судьи. Чтобы умѣть писать критику, нужно быть въ душѣ немножко тою рябой бабой *), которая безъ милосердія будетъ бить Васъ. Когда С—нъ видитъ плохую пьесу, то онъ *ненавидитъ* автора, а мы съ Вами только раздражаемся и ноемъ; изъ сего я заключаю, что С. годится въ судьи и гончія, а насъ (меня, Васъ, Щеглова и проч.) природа сработала такъ, что мы годимся быть только подсудимыми и зайцами. Едина честь лунѣ, едина солнцу...

Напишите-ка лучше рефератъ и прочтите его на Гороховой. Сюжетовъ много.

Оттого, что я въ Питерѣ пилъ, не щадя живота, у меня разыгрался генеральный геморрой, отъ котораго я теряю не мало крови. Увы, лавры и опьяненіе не даются даромъ!

---

*) Объ этой рябой бабѣ—рѣчь впереди.

Ну, будьте здоровы и веселы. Поклонъ Вашему брату и общимъ знакомымъ. Вашъ А. Чеховъ. 10-го февраля. Нѣтъ почтовой бумаги»!

Я немедленно послалъ Чехову N. «Недѣли» съ моей рецензіей, сопровождая ее письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, умолялъ его писать для театра, такъ какъ, по моему мнѣнію, «Ивановъ» является первымъ шагомъ для обновленія русской драматической литературы и что ему, Чехову, суждено, какъ мнѣ кажется, дать намъ новыя формы драмы и комедіи.

Вотъ что отвѣтилъ онъ мнѣ на мое письмо:

«Спасибо за ласковое слово и теплое участіе. Меня маленькаго такъ мало ласкали, что я теперь, будучи взрослымъ, принимаю ласки, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое. Поэтому и самъ хотѣлъ бы быть ласковъ съ другими, да не умѣю: огрубѣлъ и лѣнивъ, хотя и знаю, что нашему брату безъ ласки никакъ быть невозможно»...

«... Новаго у меня пока ничего. Собираюсь писать что то въ родѣ романа и уже началъ. Пьесы не пишу и буду писать не скоро, ибо нѣтъ сюжетовъ и охоты. Чтобы писать для театра, надо любить это дѣло, а безъ любви ничего путнаго не выйдетъ. Когда нѣтъ любви, то и успѣхъ не льститъ. Начну съ будущаго сезона аккуратно посѣщать театръ и воспитывать себя сценически»...

Итакъ, Чеховъ сталъ «воспитываться сценически» и уже скоро послѣ этого письма, онъ пишетъ мнѣ:

«... Началъ было я комедію, но написалъ два акта и бросилъ. Скучно выходитъ. Ничего нѣтъ скучнѣе скучныхъ пьесъ, а я теперь, кажется, способенъ писать только скучно, такъ ужъ лучше бросить»...

А, между тѣмъ не его ли упрекали что онъ пишетъ умышленно скучно? Вспомните только первое представленіе «Чайки» въ Петербургѣ. «Чайка» дѣйствительно не имѣла тогда успѣха, но при чемъ тутъ Чеховъ? Вѣдь, если взять «ноктюрнъ» Шопена и розыграть на барабанахъ, надо полагать, что онъ тоже успѣха имѣть не будетъ. А наши присяжные лицедѣи въ то время именно всѣ, поручаемыя имъ пьесы, разыгрывали на барабанахъ. Впрочемъ, въ защиту ихъ можно сказать, что и большинство пьесъ того времени были таковы, что ни на какомъ другомъ инструментѣ ихъ и разыграть нельзя было.

Прошло время и Чеховъ—драматуръ сталъ уже почти для всѣхъ понятенъ, даже для артистовъ, конечно—новѣйшей формаціи.

Чеховъ оказалъ громадную услугу русскому театру: онъ сдѣлалъ невозможнымъ писать пьесы по старымъ образцамъ. Онъ потребовалъ на сценѣ не условной, а настоящей правды, и не только потребовалъ, но и далъ намъ ее, показалъ, что она возможна. И Чеховъ—драматургъ, еще въ 1889 г. писавшій, что у него нѣтъ любви къ театру и потому и успѣхъ ему не льститъ, ни сколько не ниже Че-

хова—беллетриста. Впрочемъ, я, кажется, забрался не въ свою область, въ область—критика, т.-е. «гончей», а не «зайца», а потому вернусь къ своимъ воспоминаніямъ о Чеховѣ, о человѣкѣ—Чеховѣ.

V.

Въ то время, когда я узналъ Антона Павловича, да и много еще лѣтъ спустя, матеріальное положеніе его было крайне незавидно. Въ письмахъ его ко мнѣ то и дѣло встрѣчаются такія фразы: «яко нагъ, яко благъ и зубы положилъ на полку. Если Вы въ самомъ скоромъ времени пришлете мнѣ деньжонокъ *), то уподобитесь водоносу, встрѣчающемуся путнику въ пустынѣ»... Или:.. «Въ письмѣ къ разсказу, я также вопіялъ въ Вамъ насчетъ авансика; Вы какъ то въ одномъ изъ своихъ писемъ проговорились, что можно получить «и впередъ»; посылая разсказъ свой, я вспомнилъ объ этомъ «и впередъ» съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ у меня денегъ буквально *ни гроша*. Надо въ Питеръ ѣхать, а у меня даже на билетъ нѣтъ, и я сижу у моря и жду погоды. Просто хоть караулъ кричи»... Или: «Если будете высылать мнѣ деньги, то нельзя ли устроить эту церемонію черезъ контору бр. Волковыхъ, переводомъ по телеграфу. Расходы по переводу мои. Страсть, какъ приспичило!..»

А, между тѣмъ, именно въ то время Антонъ Павловичъ работалъ особенно много. Произведенія его не залеживались «въ портфелѣ автора», да и гонораръ онъ получалъ, *какъ говорили*, большой (вотъ то-то, что «какъ говорили»: Антонъ Павловичъ самъ никогда этого не говорилъ); и книги его, въ изданіи А. С. Суворина, расходились бойко; и образъ жизни онъ велъ самый умѣренный—не былъ ни пьяницей, ни мотомъ, ни картежникомъ. Мало того, въ литературныхъ кружкахъ того времени «пускали слухъ», что издатель «Новаго Времени», А. С. Суворинъ любитъ Ан. П. Чехова, какъ роднаго сына и щедрой рукой платитъ ему за его произведенія и изданія. И «счастливчикъ» Чеховъ теперь можетъ себя считать обезпеченнымъ на всю жизнь и писать только то, что ему захочется, не думая о кускѣ хлѣба.

И какъ же все это сопоставить съ выраженіями: «яко благъ, яко нагъ и зубы положилъ на полку...» «Надо въ Питеръ ѣхать, а у меня даже на билетъ нѣтъ...» «Переведите по телеграфу. Страсть, какъ приспичило!..» Можно, право, подумать, что Чеховъ сторублевыми бумажками сигары закуривалъ.

А все это потому, что про благосостояніе Чехова говорили или, вѣрнѣе, пускали слухъ люди, желавшіе превознести, «легендарную»

---

*) Я въ то время (1891 г.) былъ редакторомъ журнала „Сѣверъ“ и наша редакція должна была ему за разсказъ „Попрыгунья“.

щедрость А. С. Суворина. На самомъ же дѣлѣ, Антонъ Павловичъ получалъ отъ своего издателя отнюдь немного и, во всякомъ случаѣ, далеко далеко меньше того, чѣмъ онъ стоилъ. И вотъ потому, не смотря на упорную работу, ему, хотя человѣку и скромному, но съ семьей—мать, отецъ, братья, сестра—на рукахъ, едва удавалось сводить концы съ концами. И такъ длилось долго, до тѣхъ поръ, кажется, пока Чеховъ совершенно не развязался съ «Новымъ Временемъ» и его книгоиздательствомъ, продавъ право на свои сочиненія А. Ф. Марксу.

П. А. Сергѣенко, въ своихъ воспоминаніяхъ, упоминая объ этомъ, говоритъ, что Чеховъ написалъ ему письмо, въ которомъ уподобляетъ себя человѣку, получившему изъ консисторіи извѣщеніе о разводѣ съ нелюбимой женой.

А, между тѣмъ, въ то время, т.-е. еще задолго до этого развода, былъ пущенъ слухъ, что А. С. Суворинъ покупаетъ для Чехова гдѣ то имѣніе. А вотъ что писалъ мнѣ самъ Чеховъ по поводу этой покупки:

«Простите, драгоцѣнный Владиміръ Алексѣевичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо. Во первыхъ, недавно только вернулся изъ Воронежской губ., и во вторыхъ, покупаю имѣніе (не къ ночи будь сказано) и цѣлые дни провожу во всякаго рода нотаріальныхъ, банковыхъ, страховыхъ и иныхъ поразитныхъ учрежденіяхъ. Покупка моя довела меня до остервенѣнія. Похожъ я на человѣка, который зашелъ въ трактиръ только затѣмъ, чтобы съѣсть битокъ съ лукомъ, но, встрѣтивъ благопріятелей, нализался, натрескался, какъ свинья, и уплатилъ по счету 142 р. 75 к. Разчитывалъ я купить за пять тысячъ и отдѣлаться этою суммою, но увы!.. удавы, въ видѣ всякихъ купчихъ, закладныхъ, залоговыхъ и проч. съ перваго абцуга сковали меня, и я слышу, какъ трещатъ мои кости, и, закрывши глаза, ясно вижу, какъ мое имѣніе продается съ аукціона. Увы!..»

А черезъ два мѣсяца послѣ этого, онъ уже пишетъ мнѣ нѣсколько въ иномъ духѣ:

«26-го апрѣля 1892 года за изображеніе внѣшняго вида моей наружности *) приношу вамъ мою благодарность. Портретъ, говорятъ, очень удаченъ, а статья Дѣдлова (вѣдь это его статья?) приписываетъ мнѣ достоинства, какихъ я никогда не имѣлъ и имѣть не буду.

Ну-съ, сударь, за то, что вы помѣстили мой портретъ и тѣмъ способствовали къ прославленію моего имени, дарю вамъ пять пучковъ редиски изъ своего собственнаго парника. Вы должны пріѣхать ко мнѣ и съѣсть эту редиску. Мой адресъ: Ст. Лопасня, Моск.-Курск. дор., село Мелихово. Проѣхать отъ Москвы въ третьемъ классѣ стоитъ

---

*) Въ это время въ журналѣ „Сѣверъ“ былъ помѣщенъ портретъ Антона Павловича и статья о немъ.

1 р. 1 коп., но если вы въ кассѣ скажете, что вы литераторъ, то, быть можетъ, вамъ уступятъ 1 коп. Отъ станціи до Мелихова, гдѣ я живу, ямщики берутъ не болѣе рубля. Ямщики съ колокольчиками. Разстояніе 9 верстъ. Встрѣчные мужики будутъ вамъ кланяться, изъ чего вы можете заключить, что васъ давно уже ждутъ. Пейзажи у меня скромные, вѣковыхъ кедровъ и бездонныхъ овраговъ нѣтъ; но пройтись и полежать на травѣ есть гдѣ. *Спѣшите, пока имѣніе мое не продано съ аукціона!..»* и т. д.

Здоровье Антона Павловича Чехова тоже уже давно начинало разстраиваться и послѣдніе годы поддерживалось крайне воздержаннымъ образомъ жизни. Еще до поѣздки на Сахалинъ, онъ уже и покашливалъ, и то и дѣло его лихорадило. Умеръ онъ, какъ извѣстно, отъ чахотки. Отъ чахотки же умеръ его старшій братъ, художникъ Николай Павловичъ. Кромѣ нихъ двухъ, чахоточныхъ въ семьѣ Чехова, кажется, не было. И кто знаетъ, можетъ быть, и Антонъ Павловичъ заразился чахоткой, ухаживая весной и лѣтомъ 1889 г. за своимъ больнымъ братомъ.

Кромѣ легочныхъ страданій, у Антона Павловича въ восьмидесятыхъ и первой половинѣ девяностыхъ годовъ были еще припадки сердца. Узналъ я объ этомъ слѣдующимъ образомъ: разговаривая съ нимъ однажды, какъ съ врачемъ, я жаловался ему на странные сердечные припадки, бывающіе у меня почти каждую ночь въ моментъ засыпанія.

— Вы знаете что?—сказалъ Антонъ Павловичъ,—совершенно такіе же припадки бываютъ и у меня, и я самъ не знаю, какъ отъ нихъ отдѣлаться.

А въ 1895 году, когда мы встрѣтились съ нимъ въ Петербургѣ, онъ спросилъ меня:

— Ну, какъ ваши припадки?

— Да продолжаются по прежнему,—отвѣтилъ я.

— Ну, а я отдѣлался отъ нихъ. И знаете чѣмъ? Рѣшительно и безповоротно бросилъ курить, и всѣ припадки, какъ рукой сняло.

Однажды, на одно изъ писемъ Чехова, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что у него открылось кровохарканье, я, чтобы утѣшить его, въ отвѣтномъ письмѣ сдѣлалъ предположеніе, что кровохарканье это можетъ быть истерическаго характера, что это не больше, какъ припадокъ истеріи, которая, какъ извѣстно, симулируетъ симптомы всевозможныхъ болѣзней.

На это письмо онъ писалъ мнѣ:

«...Вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, что у меня истерія. Только моя истерія въ медицинѣ называется—«чахоткой»...

Онъ, какъ врачъ, зналъ, что онъ боленъ и чѣмъ боленъ, и не закрывалъ малодушно глазъ передъ грядущей смертью.

И несмотря на нужду, которую онъ переживалъ, несмотря на болѣзнь, уже много лѣтъ подтачивавшую его жизнь, онъ никогда не

хныкалъ, не жаловался и при другихъ неизмѣнно пребывалъ въ миломъ, благодушномъ настроеніи духа. Всегда съ добродушно-насмѣшливой улыбкой на устахъ, онъ умѣлъ эту улыбку перенести и въ свои чудныя письма, пересыпая ихъ то веселымъ юморомъ, то лирическими, нѣжными нотками. Вотъ одно изъ этихъ милыхъ писемъ, особенно характерныхъ для Чехова. Привожу его цѣликомъ:

«31-го мая (1889 г.).

Живу я, милый россійскій Сарду, не въ Парижѣ и не въ Константинополѣ, а, какъ вы вѣрно изволили замѣтить на конвертѣ Вашего письма, въ г. Сумахъ, въ усадьбѣ г-жи Линтваревой. Радъ бы удрать въ Парижъ и взглянуть съ высоты Эйфелевой башни на вселенную, но—увы!—я скованъ по рукамъ и ногамъ и не имѣю права двинуться съ мѣста ни на одинъ шагъ. У меня боленъ чахоткою мой братъ художникъ, который живетъ теперь со мной.

Погода великолѣпная. Тепло, птицы поютъ, крокодилы квакаютъ. Пселъ широкъ и величественъ, какъ генеральскій кучеръ. Но, благодаря вышеописанному обстоятельству, живется скучно и сѣро. Спасибо добрымъ людямъ—навѣщаютъ меня и дѣлятъ со мною скуку, иначе пришлось бы плохо. Гостилъ у меня дней шесть С., сегодня пріѣдетъ Свободинъ, бываютъ сосѣди—день идетъ за днемъ, разговоръ за разговоромъ, анъ глядь—ужъ и весны нѣтъ, іюнь на носу.

Работаю, хотя и не усердно. Потягиваетъ меня къ работѣ, но только не къ литературной, которая пріѣлась мнѣ. Пишу романъ. Кое что какъ будто выходитъ; быстро писать не умѣю, тяну черезъ часъ по столовой ложкѣ, и оттого не знаю, когда Вы будете имѣть удовольствіе въ сотый разъ убѣдиться, что я не такой великій человѣкъ, какъ вѣщалъ за обѣдомъ Сок—инъ. Кончу я романъ черезъ 2—3 года.

Началъ было я комедію, но написалъ два акта и бросилъ. Скучно выходитъ. Нѣтъ ничего скучнѣе скучныхъ пьесъ, а я теперь, кажется, способенъ писать только скучно, такъ ужъ лучше бросить.

Ваше томленіе я понимаю. Оно пройдетъ и пьеса будетъ написана Вами во благовременіи. Ваше «Безъ коромысла и утюга» *) шло недавно въ Одессѣ. Стало быть, напрасно Вы отзываетесь презрительно о сіей пьесѣ. Все хорошо. Поймите разъ навсегда, что драматургія—ваша профессія, что Вамъ приходится писать ежегодно по одной—по двѣ пьесы, что поэтому поневолѣ Вы не можете писать одни только шедевры. На десятокъ пьесъ должно приходиться семь неважныхъ—таковъ удѣлъ всякой профессіи. Поймите сіе, и Вамъ станетъ понятно, что все хорошо и все слава Богу.

Вы хотите, чтобы я повліялъ на Жана Щеглова и вернулъ его на путь беллетристики. Въ своихъ письмахъ я всякій разъ усердно

*) Такъ въ шутку называлъ онъ мою пьесу „Безъ кормила и весла".

журю его, но всѣ мои жидкія сентенціи, какъ волны объ утесъ, разбиваются въ брызги, наталкиваясь на страсть. Страсть выбивается только страстью, а сентенціями да логикой ничего не подѣлаешь. Самое лучшее—оставить Жана въ покоѣ и ждать, когда въ немъ перекипитъ театральная бурда, и самъ онъ естественнымъ порядкомъ пріидетъ къ нормѣ.

Передъ выѣздомъ изъ Москвы, засѣдалъ я, какъ новоиспеченный членъ, въ Комитетѣ общества драмат. писателей. Вынесъ такое впечатлѣніе: дѣла Общества идутъ превосходно.

Если вѣрить газетамъ, то у Васъ на сѣверѣ теперь холодно. А у насъ жарко.

Если не лѣнь, и если Вы еще не женились на рябой бабѣ, бьющей Васъ и мѣшающей Вамъ писать, то пишите мнѣ.

Какъ Вы насчетъ спиритуозовъ? Придерживаетесь или отрицаете?

Ну, будьте здоровы и счастливы. Моя фамилія благодаритъ Васъ за поклонъ и тоже кланяется. Вашъ А. Чеховъ. Если брату станетъ полегче, то уѣду на Кавказъ».

VI.

Чеховъ любилъ иногда огорошить васъ какимъ нибудь парадоксомъ. Скажетъ что нибудь «этакое», а потомъ смотритъ на васъ и улыбается. Разъ онъ спрашиваетъ меня:

— Что, если-бъ вы не были женаты, на комъ бы вы женились?

— На рябой бабѣ,—отвѣтилъ я ему.

Антонъ Павловичъ сдѣлалъ большіе глаза. На этотъ разъ, видимо, я его огорошилъ.

А я сталъ дальше развивать мою мечту.

— Видите ли,—говорю,—высшее счастье можно постигнуть, только женившись на толстой рябой бабѣ и поселившись съ ней въ маленькой избушкѣ на берегу Волги, при чемъ получать пенсію—7 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. И жить на эту пенсію. И чтобъ у этой бабы характеръ былъ самый гнусный, и чтобъ она васъ походя колотила: то валькомъ, то скалкой, а то прямо кулакомъ по затылку. Мало того, чтобъ она завела себѣ любовника, какого нибудь сельскаго писаря, и вотъ, когда этотъ писарь будетъ пріѣзжать къ ней въ гости, чтобы вмѣстѣ съ ней пьянствовать, то на это время она совсѣмъ васъ будетъ выгонять изъ дому и вы будете съ удочкой уходить внизъ, на самую Волгу, садиться гдѣ нибудь въ кустахъ ивняка и удить рыбу. А рыба совсѣмъ не будетъ попадаться вамъ на удочку. И вамъ будетъ ужасно грустно, и вы начнете плакать горькими-горькими слезами. И вотъ въ это то самое время, рябая баба, т.-е. супруга ваша, вдругъ вспомнитъ объ васъ, сжалится, кликнетъ васъ наверхъ и изъ своихъ рукъ поднесетъ вамъ стаканчикъ водки. И это будетъ самая

счастливая минута вашей жизни, и вы тогда увидите, что на небѣ горитъ солнце, Волга величественна, а въ кустахъ орѣшника поютъ птицы. И изъ вашихъ глазъ брызнутъ слезы, но на этотъ разъ уже слезы радости.

Чеховъ, выслушавъ эту картинку, задумчиво сказалъ:

— Да, въ этомъ есть что-то такое.

А потомъ, помолчавъ немного, добавилъ:

— А вотъ я хочу жениться непремѣнно на сумасшедшей актрисѣ.

Этотъ разговоръ происходилъ между нами, сколь помнится, въ 1888 г. И съ тѣхъ поръ, Чеховъ никогда не забывалъ «рябой бабы». Воспоминанія объ ней то и дѣло встрѣчаются въ письмахъ его ко мнѣ и даже въ надписяхъ на его книжкахъ, которыя онъ мнѣ дарилъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ, напримѣръ:

«...Когда будете жениться на рябой бабѣ, которая будетъ Васъ бить, и когда на Волгѣ, вмѣстѣ съ этою бабой и ея любовникомъ станетъ одолѣвать Васъ непогода, то Вамъ будетъ скучно. Но эта скука ничто въ сравненіи съ тѣмъ уныніемъ, въ какое я впалъ, вернувшись изъ Вашего шумнаго Питера...» (1888 г.).

Однажды, въ разговорѣ, Чеховъ какъ то сказалъ мнѣ:

— У васъ очень неудобная фамилія для беллетриста. Петровъ, Ивановъ, Тихоновъ—очень хороши для коммерческаго дѣла, а для литератора нужно что нибудь звучное. Отчего вы не взяли себѣ какого нибудь хорошаго псевдонима?

Я отвѣтилъ ему, что какъ то не надумалось.

— Вотъ,—говорю,—выдумайте мнѣ сами.

И черезъ нѣсколько времени получаю отъ него въ подарокъ книжку съ надписью:

«Владиміру Алексѣевичу Беневоленскому (бывшему Тихонову)», а въ сопровождавшемъ книжку письмѣ значится:

«...Возьмите себѣ какую нибудь другую фамилію, звучную и пріятную, напримѣръ: Беневоленскій, подайте въ департаментъ герольдіи, тамъ разрѣшатъ вамъ такъ называться...»

Чеховъ любилъ шутку и любилъ общество. Любилъ соединять людей и всегда говорилъ:

— Намъ всѣмъ нужно соединяться, соединяться, иначе насъ по одиночкѣ переклюютъ всѣхъ.

Помню въ январѣ мѣсяцѣ 1892 г. онъ жилъ въ Петербургѣ и часто заходилъ ко мнѣ въ редакцію «Сѣвера». И вотъ, разъ говоритъ:—Слушайте, завтра Татьянинъ день. Какъ бы намъ всѣмъ, беллетристамъ, соединиться и пообѣдать вмѣстѣ?

— Что-жъ,—говорю—Антонъ Павловичъ, мысль прекрасная! Давайте собирать публику.

Къ намъ присоединились І. І. Ясинскій, Н. А. Лейкинъ, П. П. Гнѣдичъ, а на другой день, т.-е. 12-го января, въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ», собралось около тридцати беллетристовъ за дружной

трапезой. Это былъ первый «обѣдъ беллетристовъ». Пили за процвѣтаніе Московскаго университета; за нашего дорогого московскаго гостя и иниціатора этихъ обѣдовъ, Антона Павловича; за старѣйшаго изъ присутствующихъ между нами беллетриста, Дмитрія Васильевича Григоровича. Говорилъ свои рѣчи генералъ Дитятинъ—Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, острилъ Сергѣй Атава...

Обѣды беллетристовъ продолжаются и до сихъ поръ, но такого живого и веселаго не было ни одного. Чеховъ былъ въ самомъ чудномъ расположеніи духа. Кто-то задалъ вопросъ:

— А много ли здѣсь, среди насъ, людей съ университетскимъ образованіемъ?

Стали пересчитывать и, къ немалому нашему изумленію, оказалось, что изъ тридцати беллетристовъ окончило полный курсъ въ университетѣ только—двое: Чеховъ въ московскомъ и Кигнъ (Дѣдловъ)—въ петербургскомъ.

«Дружеская бесѣда», послѣ этого обѣда, «затянулась далеко за полночь». Передъ тѣмъ, какъ разойтись, всѣ рѣшили непремѣнно продолжать эти обѣды, собираясь разъ въ мѣсяцъ. Распорядителемъ, по предложенію Чехова, былъ выбранъ я и два года послѣ этого собиралъ беллетристовъ, но уже въ ресторанѣ Донона. А потомъ передалъ свое распорядительство другимъ.

— Голубчикъ,—говорилъ мнѣ, прощаясь Чеховъ,—поддерживайте эти обѣды! Берегите ихъ. Право, это необходимо. Поймите, что мы должны быть вмѣстѣ. А русскіе люди такъ склонны къ тому, чтобы расползаться. Пусть эти обѣды будутъ связующимъ цементомъ, хотя бы только для беллетристовъ.

Во время моего редакторства въ «Сѣверѣ», я намѣтилъ въ первыхъ же номерахъ помѣстить портретъ и біографію Антона Павловича Чехова, а по сему обратился къ нему съ просьбой сообщить мнѣ автобіаграфическія данныя. И вотъ выписки изъ его письма:

«...Вамъ нужна моя біографія? Вотъ она: Родился я въ Таганрогѣ въ 1860 г. Въ 1878 г. кончилъ курсъ въ таганрогской гимназіи. Въ 1884 г. кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1888 г. получилъ пушкинскую премію. Въ 1890 г. совершилъ путешествіе на Сахалинъ и обратно моремъ. Въ 1891 г. совершилъ турнэ по Европѣ, гдѣ пилъ прекрасное вино и ѣлъ устрицъ. Въ 1892 г. гулялъ на именинахъ съ В. А. Тихоновымъ. Писать началъ въ 1879 г. въ «Стрекозѣ». Сборники мои суть: «Пестрые разсказы», «Въ сумеркахъ», «Хмурые люди» и повѣсть «Дуэль». Грѣшилъ и по драматической части, хотя и умѣренно. Переведенъ на всѣ языки, за исключеніемъ иностранныхъ. Впрочемъ, давно уже переведенъ нѣмцами. Чехи и сербы также одобряютъ. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постигъ я, будучи 13 лѣтъ. Съ товарищами, какъ врачами, равно и литераторами, пребываю

*

въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Холостъ. Желалъ бы получать пенсію. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, лѣтомъ произвожу судебно-медицинскія вскрытія, коихъ не совершалъ уже года 2—3. Изъ писателей предпочитаю Толстого, а изъ врачей—Захарьина.

«Однако, все это вздоръ. Пишите, что угодно. Если нѣтъ фактовъ то замѣните ихъ лирикою...».

Съ 1894 года я все рѣже и рѣже встрѣчался съ Антономъ Павловичемъ. Онъ уже большею частью жилъ на югѣ, въ Крыму, а я— на сѣверѣ, въ Петербургѣ. И съ каждой новой встрѣчей замѣчалъ я, что здоровье Чехова все болѣе и болѣе разрушается, и самъ онъ становится грустнѣе и задумчивѣе. Рѣже скользитъ милая улыбка на его устахъ, рѣже сыплетъ онъ своими шутками и парадоксами. Говоритъ ужъ онъ мало, но тѣмъ болѣе цѣнно, тѣмъ болѣе вѣско каждое его слово. Боюсь на память приводить отдѣльныя его выраженія. Можно какъ-нибудь исказить, переиначить, а отъ этого—упаси Боже! Довольно и писемъ его. Въ нихъ онъ, вѣдь, былъ такой же, какъ и въ жизни, и писалъ онъ ихъ также просто, какъ и говорилъ.

Но вотъ и письма его становятся все грустнѣе и грустнѣе.

«...Раскисъ я совсѣмъ. Все хочется лежать...» пишетъ онъ мнѣ въ 1897 г.

А въ 1899 г. письма его уже начинаютъ носить оттѣнокъ совсѣмъ грустно-лирическій, хотя присущій ему юморъ и въ нихъ еще не оставляетъ его. Вотъ одно изъ нихъ, писанное мнѣ изъ Ялты, 1899 г.:

«5 янв.

«Здрайствуйте, милый Владиміръ Алексѣевичъ! Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ и желаю Вамъ здоровья, славы, выигрышныхъ билетовъ и полнаго удовольствія въ жизни. Благодарю сердечно за письма и за книжку. И я тоже частенько вспоминаю о Васъ— вспоминаю, какъ мы вмѣстѣ служили въ одной дивизіи *), какъ въ ночь подъ Крещенье мы вмѣстѣ бродили по Петербургу, и потомъ на другой день Вас. Ив. Немировичъ-Данченко разсказывалъ **), будто Вы въ Исаакіевскомъ соборѣ, стоя на колѣняхъ, били себя по груди и восклицали: «Господи, прости меня грѣшнаго!». Помните вы эту ночь? ***). Это было подъ 6-ое января, сегодня годовщина, и я спѣшу поздравить Васъ и выразить искреннее сожалѣніе, что я не съ Вами и что мы не можемъ опять побродить до утра, какъ тогда.

Вы когда то увѣряли, что у Васъ истерія. А какъ теперь? Здоровы ли? Какъ чувствуете себя?

Мое здоровье порядочно, но въ Москву и въ Питеръ меня не пускаютъ; говорятъ, что бацилла не выноситъ столичнаго духа Между. тѣмъ мнѣ ужасно хочется въ столицу, ужасно! Я здѣсь соскучился,

*) Шутка. Намекъ на мои устные разсказы отъ лица „легендарнаго" генерала Тетерина.

**) Sic!

***) Это было въ 1892 г.

сталъ обывателемъ и, повидимому, уже близокъ къ тому, чтобы сойтись съ рябой бабой, которая бы меня въ будни била, а въ праздники жалѣла. Нашему брату не слѣдуетъ жить въ провинціи. Я еще допускаю Павловскъ, *) это аристократическій городъ (я подозрѣваю, что вы избрали его для жизни именно поэтому), городъ государственныхъ мужей. Ялта же мало чѣмъ отличается отъ Ельца или Кременчуга; тутъ даже бациллы спятъ.

Напишите мнѣ, что новаго въ литературномъ мірѣ? Гдѣ Василій Ивановичъ? Когда пришлете вторую и третью книжки? Написали ли новую пьесу?

Пишите мнѣ, не жалѣйте цѣлительнаго бальзама, въ которомъ я такъ нуждаюсь.

Если увидите скоро нашихъ общихъ знакомыхъ, то поклонитесь, скажите, что я скучаю. Безъ литераторовъ скучно.

Еще разъ благодарю, что вспомнили и прислали письмо. Крѣпко жму руку и желаю всего вышеперечисленнаго, а наипаче всего здоровья, которое такъ необходимо для людей въ нашемъ возрастѣ и чинѣ. Не забывайте, вашъ А. Чеховъ».

Да, только послѣ смерти понялъ я—да и я ли одинъ—что утрачено мною со смертью Чехова, не только писателя, но и человѣка.

Въ минуты горя, въ минуты раздраженія, подъ впечатлѣніемъ какой нибудь обиды или несправедливости, случалось мнѣ обращаться къ Чехову. И онъ одними ему извѣстными чарами, умѣлъ разгладить набѣгавшія на мой лобъ горькія морщины, умѣлъ однимъ какимъ нибудь словомъ смягчить полученную обиду и показать, что мое личное горе такое маленькое, такое ничтожное по сравненію съ тѣмъ великимъ горемъ, подъ гнетомъ котораго стонетъ подъ часъ весь русскій народъ. И становилось легче за себя и какъ бы даже стыдно за свое благополучіе, и душа тянулась туда, гдѣ я—счастливый—могъ помочь истинно несчастнымъ.

Въ дѣтствѣ, когда бывало я со своими маленькими, ребячьими огорченіями прибѣгалъ къ моему отцу и жаловался ему, и плакалъ, онъ клалъ мнѣ руку на голову и какъ то мягко говорилъ:

— А ты полно! полно! Другимъ то еще хуже. Ихъ пожалѣй!

И я успокаивался.

Сколько разъ Антонъ Павловичъ Чеховъ говорилъ мнѣ эти же «отцовскія» слова и сколько разъ онъ успокаивалъ мое «за себя» раздраженное сердце.

А теперь *его* нѣтъ. Онъ умеръ.

«Кому повѣмъ печаль мою»?

Влад. Тихоновъ.

---

*) Я въ 1899 г. жилъ въ Павловскѣ.

ВЪ ТЕНЕТАХЪ.

«(IL RE BURLONE)».

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ **Джероламо Роветта.**

Переводъ съ итальянскаго **Р—ой.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Фердинандъ II, король неаполитанскій.
Франческо, наслѣдный принцъ, 11-ти лѣтъ.
Марія Аннунціата, **Марія Иммаколата**, **Марія делле Граціе** — маленькія дѣвочки, дочери Фердинанда II и Маріи Терезіи австрійской.
Монсиньоръ Кокль, монахъ ордена св. Альфонса, духовникъ короля.
Графъ Альберто Соларисъ ди Вероленго.
Капитанъ Алліана, наставникъ наслѣднаго принца.
Кавальере Андреа дель Кастелуччо, камергеръ.
Баронъ да Баттифарно.
Мюллеръ, полковникъ 2-го полка швейцарцевъ.
Гольтманъ, лейтенантъ того же полка.
Кармине, садовникъ.
Агнеса, его жена.
Гаэтано, камеръ-лакей Фердинанда.
Офицеръ 2-го полка швейцарцевъ.
Розалія Мирабелла.
Фанни.
Маэстро Савольди.
Барбайя, импрессаріо.
Никколино Таддеи, критикъ газеты «Поліорама».
Нина, горничная Мирабеллы.
Петруччо, лакей гостинницы «Золотая Лилія».

Время дѣйствія 1846—1847 гг.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Неаполѣ, въ гостинницѣ „Золотая Лилія", второе, третье и четвертое въ Казертѣ, въ королевскомъ дворцѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостинница „Золотая Лилія".—Сцена изображаетъ пріемную Розаліи Мирабелла. Посрединѣ балконъ и окно, выходящіе на улицу; по ту сторону улицы видно море. Направо выходъ въ переднюю и на лѣстницу; налѣво комната Фанни.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Въ комнатѣ темно; только лунный свѣтъ, проникающій сквозь закрытыя окна, слабо освѣщаетъ ее. Нина спитъ на диванѣ. Нѣсколько мгновеній молчанія, потомъ издали начинаютъ доноситься звуки гитаръ и мандолинъ и смѣшанный шумъ веселыхъ криковъ. Музыка и крики все приближаются, слышатся подъ самыми окнами гостинницы. Входитъ Петруччо. Подъ конецъ можно различить голоса Розаліи и Барбайи.

(Голоса за сценой) Ура! Ура! Да здравствуетъ Мирабелла! Ура! Да здравствуетъ!

Мирабелла (за сценой). Да здравствуютъ неаполитанцы! Мой поцѣлуй Неаполю! Чудному Неаполю!

(Голоса). Ура Мирабелла! Ура Линда!

Голосъ Барбайи. Да здравствуетъ Венеція и прекрасная Венеціанка

Голоса музыкантовъ. Эччеленца! Не пожалуете ли намъ! Госпожа наша! Эччеленца! Благодаримъ! Благодаримъ!

Петруччо, (входя съ зажженой свѣчой). Донна Нанни! Донна Нанни! Барыня!

Нина (просыпается, соннымъ голосомъ). Барыня?.. Такъ рано?

Петруччо. «Линда» опера короткая.

Нина. А корзинка? А платья? Надо бѣжать въ театръ за вещами!

Петруччо. Ну! вѣдь тутъ еще вся компанія.

Нина. И цѣлый вѣкъ не уйдутъ, по счастью. (Разговаривая, Петруччо и Нина бѣгаютъ по сценѣ, ищутъ спички, зажигаютъ двѣ большихъ масляныхъ лампы).

Нина (въ моментъ особенно громкихъ криковъ). Слышишь! Слышишь! Какъ безумствуютъ! Больше прежняго!

Петруччо. Прощальный вечеръ! (Между тѣмъ подъ балкономъ снова раздается музыка; потомъ звуки и голоса удаляются и медленно замираютъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Распахивается дверь справа; входятъ Барбайя, Таддеи, Кастелуччо и Савольди, длинными восковыми свѣчами освѣщая путь идущей за ними Розаліи Мирабелла; у всѣхъ четырехъ на рукахъ вѣнки изъ лавровыхъ листьевъ и камелій, съ лентами; они раскладываютъ ихъ на мебели вмѣстѣ съ пальто, плащами и шляпами. У Розаліи въ рукахъ камеліи и другіе цвѣты.

Барбайя (набрасывается на Петруччо). Это не гостинница! Это какая-то трущоба!

Кастелуччо. Это трактиръ какой-то!

Савольди. Въ Миланѣ это называлось бы постоялымъ дворомъ!

Таддеи. А въ Неаполѣ это называютъ по французской модѣ «grand Hotêl!» (Послѣдніе звуки музыки замираютъ).

Мирабелла (смѣясь, къ Кастелуччо, помогающему ей снимать верхнее платье). Видите, кавальере! Блескъ моихъ глазъ, солнце моей красоты, звѣзда моей славы... не достаточны для того, чтобы освѣтить лѣстницу!

Таддеи, (бросая догорѣвшую свѣчу). Но зато вы воспламеняете сердце, не обжигая себѣ пальцевъ!

Кастелуччо (къ Петруччо, сначала сердитымъ, потомъ торжественнымъ тономъ). Учись у его священнаго величества, нашего великаго короля.

Савольди (начинаетъ нахмуриваться).

Кастелуччо (продолжаетъ, не останавливаясь). Какъ будто недостаточно было уже того свѣта, который исходитъ отъ него, чтобы освѣтить весь міръ, его величество пожелалъ, сверхъ того, даровать неаполитанцамъ еще и газовое освѣщеніе! А ты, дымящая головешка, упразднилъ въ «Золотой Лиліи» и масло, и даже сальныя свѣчи.

Мирабелла. А ужинъ! Любезнѣйшій донъ Петруччо, надѣюсь, вы не упразднили заодно и ужинъ?

Петруччо. Пять минутъ только, эччеленца, и все будетъ подано! (Хочетъ взять лежащія тутъ же на комодѣ скатерть и салфетки).

Мирабелла (отстраняетъ его). Въ кухню! Скорѣй! Со всѣхъ ногъ! (Топаетъ, шутя, ногами). Я ѣсть хочу!

Нина (хочетъ взять у нея изъ рукъ скатерть). Донъ Педро, въ кухню!

Мирабелла (къ Нинѣ). Нѣтъ, ты оставь! Иди скорѣй въ театръ взять вещи и запереть уборную!

Таддеи (съ живостью). Здѣсь мы все сдѣлаемъ! (Зоветъ). Барбайя! Маэстро Савольди!

Барбайя. Я!

Савольди. Я готовъ!

Таддеи. Накроемте столъ! (Барбайя, Савольди, Таддеи накрываютъ).

Петруччо (возвращается въ комнату, подходитъ къ буфету, открываетъ его). Приборы...

Кастелуччо (съ важнымъ видомъ). Божественная музыка Донизетти и во мнѣ также вызываетъ слезы и аппетитъ!

Савольди (ворчливо, негромко). Крокодилъ!

Мирабелла (бросаетъ на Савольди укоризненный взглядъ, чтобы остановить его, и отнимаетъ приборы изъ рукъ Петруччо). Какой аппетитъ! Меня голодъ мучитъ! (Толкаетъ его къ дверямъ). Голодъ! голодъ!

Савольди (шутя ударяетъ кулакомъ Петруччо и тоже толкаетъ его къ дверямъ). Голодъ!

Барбайя (также шутя толкаетъ его въ плечо). Голодъ! (Петруччо уходитъ вправо).

Мирабелла (къ Нинѣ, надѣвающей мантилью). А Фанни?..

Нина. Веселехонька! Весь вечеръ пѣла и играла, теперь легла! (Уходитъ).

Мирабелла (съ нѣжнымъ и радостнымъ порывомъ посылаетъ рукой поцѣлуй по направленію къ комнатѣ Фанни). Дорогая! Дорогая сестренка!

Кастелуччо (дѣлая видъ, что ловитъ поцѣлуй на лету рукой). Этотъ мнѣ! А! (Подноситъ руку ко рту и осыпаетъ ее поцѣлуями). «Какое блаженство... мнѣ кровь наполняетъ»...

Савольди (вполголоса). Старая собака... Цѣпная! (Савольди, Барбайя и Таддеи вытираютъ салфетками стаканы и приборы).

Кастелуччо (къ Савольди, серьезно). Вы мнѣ?

Мирабелла (вмѣшиваясь, кокетливо). Ну, милый, хорошій!...

Кастелуччо (опуская голову и указывая на Савольди). Не вы. Онъ!

Савольди (направляется къ нему съ ироническимъ видомъ). Синьоръ Андрео?

Кастелуччо (быстро расхаживаетъ по сценѣ, чтобы успокоиться).

Мирабелла (вопросительно и улыбаясь, къ Барбайя и Таддеи). Андрео?

Барбайя (тихонько Мирабеллѣ). Онъ обижается, если его назвать Андреа *).

Таддеи. Король Фердинандъ увѣрилъ его, что Андреа, съ окончаніемъ *а*,—женское имя!

Петруччо (входитъ съ блюдомъ макаронъ и блюдомъ мяса). Готово, Эччеленца.

Мирабелла (веселымъ голосомъ, желая положить конецъ сценѣ). За столъ! За столъ! (Садится и ѣстъ; Барбайя и Таддеи ей услуживаютъ; Мирабелла, продолжая ѣсть). Пожалуйста, Кавальере! Дайте мнѣ пить!

Кастелуччо (пройдясь по сценѣ и останавливаясь около Савольди, тихо) Нашъ государь, хотя и достоинъ самъ быть героемъ гомеровскихъ временъ, издалъ въ своей отеческой благости строжайшій законъ, чтобы обуздать злоупотребленіе дуэлью: мои друзья, маркизъ дель Васто и Франческо Каррано были осуждены на семь лѣтъ въ каторжныя работы...

Мирабелла (повысивъ голосъ). Кавальере!.. Я пить хочу!

Кастелуччо (по прежнему вполголоса къ Савольди, но съ яростью). Если вы, дѣйствительно, какъ разсказываютъ въ театрѣ, знатный дворянинъ, подвергшійся изгнанію и занимающійся управленіемъ оркестра по склонности... къ политикѣ, то я вамъ скажу... нахалъ!.. (вздыхаетъ) и отправляйтесь въ каторжныя работы!

Савольди. Когда и какъ вамъ угодно.

Мирабелла (вскакивая, къ Савольди, на котораго бросаетъ строгій взглядъ). Сумасшедшій! Прямо сумасшедшій! (Бѣжитъ съ ласковымъ видомъ къ Кастеллучо). Гадкій! Злой! Говорите, что любите меня, а сами отравляете мнѣ макароны!

---

*) Андрей по-итальянски Андреа, Andrea.

Савольди (котораго обступаютъ Барбайя и Таддеи, тихо, но гнѣвно). Царедворецъ! Паразитъ!

Таддеи (пожимая плечами, къ Савольди). Жалкая жертва Фердинанда!

Барбайя (также къ Савольди). Невѣжественный человѣкъ! Но, при всей его любви къ королю, онъ никогда не будетъ шпіономъ!

Мирабелла (старается успокоить Кастеллучо). Маэстро, вѣдь, лунатикъ и... (улыбаясь и кокетничая) страшно ревнуетъ!

Кастелуччо (довольный). Ко мнѣ?

Мирабелла (къ Савольди съ повелительнымъ взглядомъ). Дайте мнѣ руку! (Беретъ ее у него, хотя Савольди порывается отнять, и, улыбаясь, обращается къ Кастелуччо). И вы тоже... вашу руку... (Кастелуччо хочетъ отстраниться). Если вы меня любите! (Кастелуччо моментально протягиваетъ руку). Маэстро признаетъ, что неправъ, вы ему прощаете, и заключаемъ миръ! (Хочетъ соединить ихъ руки; оба отдергиваютъ ихъ). Нѣтъ? (Къ Кастелуччо, становясь все нѣжнѣе). Такъ таки нѣтъ?.. Ни даже при условіи запечатлѣть миръ поцѣлуемъ? (Къ Савольди, нахмуривая брови и указывая на щеку). Одинъ сюда... (Обращаясь къ Касте луччо и приближая къ нему съ улыбкой щеку) и одинъ сюда?

Кастелуччо (хочетъ поцѣловать).

Мирабелла (отстраняется). Нѣтъ, нѣтъ! Вмѣстѣ,—миръ или ничего!

Савольди и Кастелуччо (цѣлуютъ одновременно).

Мирабелла (въ ту же минуту обѣими руками отталкиваетъ ихъ). Ну, а теперь дайте мнѣ поужинать. (Садится и снова принимается за ѣду).

Барбайя (принимая разъяренный видъ, къ Таддеи). Критиканъ продажный!

Таддеи (такъ-же къ Барбайѣ). Антрепренеришка... путаникъ!..

Барбайя. Какъ? мнѣ?.. Племяннику Доменика Барбайи? Дуэль!

Таддеи. А! на смерть!

Мирабелла, (продолжая ѣсть). Браво!.. Браво! Хорошенько!

Таддеи. Неблагодарная! Я отомщу на страницахъ моей газеты!

Мирабелла (смѣясь). Ладно!

Барбайя. Вотъ устрою, что васъ освищутъ!

Мирабелла. Ладно! Черезъ двѣ недѣли я въ Миланѣ!.. Пою въ «La Scala»! Въ «Цирюльникѣ». (Напѣваетъ вполголоса). «Но если задѣнутъ меня за живое»...

Нина (изъ за сцены). Синьора!

Кастелуччо (смотря въ двери). Красавица Нанни!

Мирабелла. Какъ ты скоро!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тѣ же и Нина, подъ конецъ Алліана.

Нина (вбѣгаетъ въ страшномъ волненіи). Синьора! Синьора! Это хуже кроатовъ!

Мирабелла (смѣясь). Кроаты?.. Въ Неаполѣ?

Нина. Хуже! Еще кроаты, тѣ хоть, по крайней мѣрѣ, нѣмцы, а эти...

Мирабелла. Что случилось? Что тебѣ сдѣлали?

Нина. Мнѣ?.. Вамъ сдѣлали! Тамъ все вверхъ дномъ!

Барбайя (съ живостью). Въ театрѣ?

Таддеи. Въ «Санъ-Карло»? *)

Нина. Въ уборной!

Мирабелла (съ живостью). Въ моей уборной?

Нина. Всѣ костюмы Линды арестованы, и вы обвиняетесь въ нарушеніи закона!

Мирабелла. Мои костюмы арестованы? Да какимъ это образомъ?

Барбайя. Въ послѣдній вечеръ?..

Нина (къ Барбайѣ). Вотъ именно! Въ первомъ актѣ костюмъ былъ новый. Полиція нашла его слишкомъ короткимъ, и потомъ зачѣмъ зеленыхъ панталончиковъ не было!

Мирабелла (съ изумленіемъ къ Нинѣ и къ Барбайѣ). Что это, шутки?

Савольди (съ угрозой въ голосѣ). Со стороны полиціи!

Барбайя (съ безпокойствомъ). Изъ-за подобнаго же обвиненія знаменитая Гольдбергъ принуждена была спасаться бѣгствомъ и спрятаться въ домѣ австрійскаго посланника!

Таддеи. Хотѣли арестовать ее!

Мирабелла (въ ужасѣ). Арестовать меня? (взглядываетъ на дверь въ комнату Фанни). А Фанни?.. (Успокаивается и хохочетъ). Ахъ! глупости!

Кастелуччо. Невозможно!

Савольди (вполголоса). Все возможно въ правленіе Бурбоновъ!

Кастелуччо (круто поворачивается, чтобы не слышать, и подходитъ къ Таддеи).

Таддеи. И съ такой подлой полиціей, которая сама хуже всякихъ разбойниковъ.

Кастелуччо (еще разъ такъ же поворачивается и подходитъ къ Нинѣ).

Барбайя. Это какая-то хитрость. Готовъ пари держать!

Нина. Да, вѣдь, какіе нахалы! (Энергичнымъ тономъ). Моя барыня, говорю я, королю будетъ жаловаться! (Вульгарнымъ голосомъ). Нашъ король маркизъ дель Карретто! Вотъ кто король!

Кастелуччо (отходитъ отъ нея скандализированный и протестующе машетъ руками).

Барбайя (къ Нинѣ). Чтобъ выяснить... (показываетъ деньги), полицейская ли это штука, надо бы узнать, кто именно производилъ арестъ.

Нина. Никогда раньше не видала этой злой рожи!

Мирабелла (къ Нинѣ съ рѣшительнымъ видомъ). Ни одного дня здѣсь больше не останемся, ѣдемъ сейчасъ же.

Савольди. Если васъ отпустятъ.

---

*) Театръ въ Неаполѣ.

Барбайя. Вѣдь возбуждено обвиненіе!

Мирабелла (внѣ себя). Но я... я къ королю пойду!

Кастелуччо. Непремѣнно подите!.. На первомъ представленіи «Линды» король съ восторгомъ апплодировалъ вамъ изъ своей ложи!

Барбайя. Ежели уставъ, которымъ опредѣляется длина юбокъ, ширина рукавовъ, зеленый цвѣтъ панталонъ, весь писанъ собственной рукой короля...

Савольди. Подъ диктовку королевы...

Таддеи. Которая уродлива и кособока.

Барбайя. Поэтому запрещается показывать плечи, если они красивы, запрещается показывать ноги...

Савольди. Когда онѣ прямыя.

Мирабелла. Да я не показывала ихъ! Вѣдь, только такъ вотъ, немного! (Приподнимаетъ юбки).

Кастелуччо (смотря въ лорнетъ). Еще, еще на два пальца!

Барбайя (къ Кастелуччо съ живостью). Вотъ, вы пользуетесь довѣріемъ; вы должны сказать правду королю! Струны слишкомъ натянуты! Ужъ теперь нельзя даже быть увѣреннымъ въ названіи оперы. «Лукреція Борджіа» не годится, потому что въ родѣ Борджіа было два папы... извольте называть «Элиза Фоско»!

Таддеи (къ Кастелуччо). А съ нами что дѣлаютъ? Цензура прямо идіотская! Просто и не ожидаешь, какое слово тебѣ вычеркнутъ!

Мирабелла (съ озабоченнымъ видомъ). Однимъ словомъ больше, однимъ меньше...

Нина. Это еще не бѣда!

Мирабелла. Но если вмѣсто того... (Съ внезапнымъ страхомъ). А! Боже мой!

Барбайя (стараясь ее успокоить). Я сейчасъ побѣгу въ театръ; надо узнать, кто именно производилъ арестъ.

Нина. Не стоитъ! Капитанъ Алліана придетъ; онъ скажетъ.

Мирабелла. Баронъ Алліана?

Барбайя. Онъ былъ въ театрѣ?

Нина. Я послала за нимъ Зеффирино. Онъ только что какъ разъ собирался садиться въ коляску.

Кастелуччо (услыхавъ, что долженъ придти Алліана, тотчасъ же съ поспѣшностью беретъ шляпу и пальто, намѣреваясь уйти).

Нина. Я его оставила, когда онъ тамъ кричалъ съ этими сатрапами... сама пустилась, какъ только ноги несли! (Къ Таддеи). Я не хотѣла, чтобъ еще и меня тутъ въ суматохѣ арестовали?

Мирабелла (къ Кастелуччо). Это приходъ капитана, вашего кузена васъ выгоняетъ?

Кастелуччо. Видите ли... если завтра... встрѣтясь въ Казертѣ...

Барбайя. Вотъ онъ, капитанъ! (Всѣ, кромѣ Кастелуччо, у котораго все время затѣмъ остается недовольный видъ, идутъ навстрѣчу входящему).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тѣ же и Алліана (потомъ Петруччо).

Мирабелла (полутревожно, полушутливо протягивая руку Алліана). Не дадите меня въ тюрьму посадить?)

Алліана (старается казаться беззаботнымъ, но на дѣлѣ встревоженъ). Въ тюрьму... нѣтъ; но стоить вамъ будетъ дорого! (Показываетъ на деньги).

Барбайя. Кто налагалъ арестъ?

Алліана. Знаменитый донъ Камилло!

Барбайя. Эта каналья...

Таддеи. Шш!

Савольди. Шш! (Прерываютъ собиравшагося заговорить Алліану, такъ какъ входитъ Петруччо).

Петруччо (подходитъ убирать со стола). Прикажете кофе, эччеленца?

Мирабелла. Нѣтъ...

Нина (громче). Нѣтъ!

Петруччо (вправо за сцену). Не надо кофе!

Алліана (къ Мирабеллѣ показывая глазами на Петруччо). Этотъ...

Барбайя (тихо Мирабеллѣ). Прогоните его!

Нина (увидѣвъ жестъ, сдѣланный Барбайей, тихо). Я устрою! (Подбѣгаетъ къ Петруччо, поспѣшно помогаетъ ему собрать все со стола и выталкиваетъ его за дверь). Идемъ! Живо! Теперь мнѣ ужинать! (Нина и Петруччо уходятъ направо).

Алліана, (подозвавъ всѣхъ къ себѣ, вполголоса). Надо войти въ сдѣлку съ этимъ донъ Камилло.

Мирабелла (съ живостью). Да кто это такой?

Барбайя (все такъ же вполголоса). Личность малорѣчивая, съ короткимъ языкомъ, но длинными зубами.

Таддеи. Ханжа, угодный монсиньору Коклю...

Барбайя. Креатура дель Карретто!

Алліана. Да это ужъ всѣ, и высшіе и низшіе чины полиціи!

Кастелуччо (дѣлаетъ Алліана знакъ, чтобы онъ былъ осторожнѣе, и вздыхая, покачивая головой, идетъ опять за своей шляпой, надѣваетъ перчатки).

Барбайя. И за все платить, платить, платить...

Таддеи. И полиція всегда права!

Алліана. Еще бы! Если видимый ея глава дель Карретто, то невидимый еще могущественнѣе,—монсиньоръ Кокль...

Савольди. Духовникъ?..

Алліана. Властелинъ короля!

Барбайя (къ Мирабеллѣ). Вы вызвали скандалъ? Платите, если не хотите попасть въ адъ, платите, если не хотите попасть въ тюрьму.

Кастелуччо (подходя къ Мирабеллѣ, чтобы проститься). Донна Розали...

Мирабелла, (не обращая вниманія на Кастелуччо, въ ужасѣ). Я заплачу! заплачу! (Къ Алліана). Бѣгите скорѣе къ этому донъ Камилло!

Алліана. Мнѣ въ моемъ положеніи неудобно предложить ему, да и онъ отъ меня не возьметъ!

Кастелуччо. Покойной ночи, донна Роза!...

Мирабелла, (какъ прежде). Какъ же тогда?!.

Алліана (обращаясь къ Барбайѣ и къ Савольди и провожая ихъ къ дверямъ). Вы и вы! (Къ Мирабеллѣ). Импрессаріо и акомпаніаторъ примадонны. Возвращайтесь сейчасъ же въ театръ, вы еще застанете тамъ донъ Камилло, назначьте съ нимъ на завтра свиданіе для част... ной... бесѣ... ды... (in par... ti... colare...)

Кастелуччо (опять все такъ же къ Мирабеллѣ). Желаю вамъ покойной ночи.

Мирабелла (къ Савольди и Барбайѣ). Дайте, дайте, дайте, только чтобы все было кончено, и какъ можно скорѣе! (Увидя, что Таддеи тоже собирается уйти вмѣстѣ съ Барбайей и Савольди). И вы тоже?

Таддеи. Я издали за ними пойду... (Уходитъ).

Кастелуччо (разговаривавшій съ Алліана, къ Таддеи). Донъ Николи, подождите! (Къ Алліана). Когда встрѣтимся завтра въ Казертѣ...

Алліана. Понимаю.

Кастелуччо. Когда его величество въ духѣ, то забавляется, возбуждая ревность моей жены, которая... (съ тяжелымъ вздохомъ), которая никогда не бываетъ въ духѣ!

Алліана. Я знаю кузину. Будьте покойны! (Пожимаютъ другъ другу руки).

Кастелуччо (держа за руку Алліана и нагибаясь къ его уху съ выраженіемъ ужаса на лицѣ). Осторожнѣе, осторожнѣе съ монсиньоромъ Коклемъ!

Алліана (къ Кастеллуччо). Бояться теперь монаха?.. Теперь, когда папа нашъ сторонникъ? Фердинанду II мы дадимъ въ духовники Пія IX!

Кастелуччо (убѣгаетъ заткнувъ себѣ уши).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Мирабелла, Алліана (потомъ Нина).

Мирабелла. Всѣ они считаютъ васъ моимъ возлюбленнымъ! (Восторженно протягиваетъ ему обѣ руки). Но для васъ я готова обезчестить себя.

Алліана (улыбаясь) Для меня, и для... Фанни!

Мирабелла. Да развѣ вы оба... не одно?

Алліана (смотритъ на дверь Фанни глазами, засіявшими любовью, потомъ опять становится серьезнымъ и взволнованнымъ). Когда я вышелъ изъ театра и собирался садиться въ коляску, со мной былъ графъ Альберто!

Мирабелла (съ удивленіемъ). Альберто?.. Въ «Санъ-Карло»?

Алліана. Онъ пріѣхалъ въ концѣ, передъ тѣмъ искалъ меня въ клубѣ. (Еще понижая голосъ). Онъ сейчасъ здѣсь будетъ.

Мирабелла. Здѣсь?.. Вѣдь, у него сегодня вечеромъ свиданіе съ англійскимъ посломъ?

Алліана. При дворѣ есть новости!

Мирабелла (съ живостью). Противъ Альберто?.. Его враги?.. Королева?..

Алліана. Новости эти... касаются васъ!

Мирабелла. Меня?

Алліана. Графъ Альберто не захотѣлъ объяснить мнѣ... но теперь вамъ нельзя сейчасъ уѣзжать.

Мирабелла. Это по случаю обвиненія?

Алліанз. Нѣтъ!.. Мнѣ кажется, что нѣтъ.

Мирабелла. Онъ какой былъ?.. Безпокойный?.. Озабоченный?

Алліана. Озабоченный...

Мирабелла (поникнувъ головой). Помните тогда во Флоренціи?.. Я не хотѣла принимать ангажемента въ Неаполь. И я напрасно уступила просьбамъ вашимъ и Фанни!.. Но, вѣдь, вы видите?.. Я умѣю притворяться!.. Въ театрѣ и со всѣми этими людьми я не женщина... я только примадонна... которая только и дѣлаетъ, что поетъ да шутитъ.

Алліана (прерывая ее). Надо предупредить Нину! (Дѣлаетъ шагъ къ дверямъ Фанни).

Мирабелла (останавливаетъ его, показывая ему знаками, чтобы онъ говорилъ шопотомъ, такъ какъ Фанни спитъ, идетъ къ дверямъ направо и зоветъ вполголоса). Нина!

Нина (входя). Что угодно?

Мирабелле. Покараудь въ передней.

Нина. Ожидаете обычнаго посѣщенія вѣнскаго импрессаріо?

Мирабелла. Да, я жду графа.

Нина. Хорошо! Только что кончился театръ, и ресторанъ наполняется.

Мирабелла. Смотрите за лакеемъ.

Нина. Донъ Педро у меня въ рукахъ. (Уходитъ).

Алліана. А Фанни?.. Позовете ее?

Мирабелла. Она спитъ; оставимте ее спать. Когда я пою, то всегда посылаю ее рано спать. Не хочу, чтобы она бывала со мной въ театрѣ. А ужъ здѣсь, въ Неаполѣ, моя маленькая сестренка всегда подъ ключомъ! (Оборачивается къ дверямъ Фанни). Сокровище мое! Дорогая!

Алліана (умоляющимъ голосомъ). Вѣдь, это послѣдніе дни, послѣдніе часы...

Мирабелла (притворяясь, что сердится). Вы видѣли ее сегодня и

завтра увидите! (Улыбаясь и отъ всей души, съ жаромъ пожимая ему руки). Дѣйствительно, вы очень ее любите? очень?..

Алліана. Очень?.. Что значитъ очень?.. Совсѣмъ!.. Все, что я чувствую, на что надѣюсь, чѣмъ живу, дышу... все въ этомъ!

Мирабелла (нерѣшительно и съ большой грустью). И... вы всегда будете прощать ей .. ея мать?

Алліана. Я потерялъ моихъ родителей, я одинокъ. Но какъ въ графѣ Альберто я нашелъ утраченнаго отца, такъ въ васъ я нашелъ утраченную мать мою... Мою молодую мать, какою она осталась въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Она тоже такъ была прекрасна.

Мирабелла (грустно и задумчиво смолкаетъ, преодолѣвая волненіе, со слезами на лицѣ проводитъ ему рукой передъ глазами). Прочь! Прочь! Солнце Фанни должно разогнать всѣ тучи! Предоставьте грустныя мысли мнѣ, находящейся въ неизвѣстности между тюрьмой... и дворомъ!.. Что-то будетъ?.. (Со вздохомъ). Бѣдный Альберто! Сколько заботъ! Сколько безпокойства, сколько, можетъ быть, горя изъ-за меня! О, міръ суровъ къ добрымъ, къ честнымъ и особенно къ искреннимъ. Моего бѣднаго Альберто, у котораго жена уже почти двадцать лѣтъ въ домѣ сумасшедшихъ (съ ироніей), эти непогрѣшимыя дамы, эти безукоризненные господа, конечно, признали бы преступнымъ, но не за то, что у него есть любовница, а за то, что онъ любитъ ее и обожаетъ дочь, рожденную отъ его любви! (Съ безпокойствомъ). Въ Неаполѣ никто не подозрѣваетъ, что Фанни моя дочь?

Алліана (выражаетъ движеніемъ отрицаніе).

Мирабелла. Я была такъ молода!.. И такъ бѣдна!.. Первая и единственная моя кукла была моя дочь!.. И единственный, кто меня любилъ, былъ Альберто... любовью, состоявшей изъ жалости, нѣжности и высокой духовности! (Тихо и почти съ ненавистью). Эта Марія-Терезія австрійская, эта вторая жена Фердинанда, она ненавидитъ Альберто? правда?

Алліана (серьезно и озабоченно). Она ненавидитъ его за то, что графъ Альберто ди Вероленго пьемонтецъ! За то, что онъ пріѣхалъ сюда именно съ первой женой короля, за то, что остался здѣсь и послѣ смерти Маріи-Христины. Графъ Альберто—это память, вліяніе, доброта покойницы, въ его лицѣ пережившія ее въ королевствѣ!

Мирабелла. Марія-Христина савойская! Святая королева! Вѣдь, неаполитанцы и теперь еще называютъ ее святой королевой!

Алліана. При ея жизни не было приведено въ исполненіе ни одного смертнаго приговора.

Мирабелла. «Не надо крови»,—повторяла она мужу,—я это знаю отъ Альберто,—не надо крови; смертью вы можете погубить безсмертную душу, съ жизнью можетъ придти раскаяніе». И когда она умирала, послѣднія слова ея, обращенные къ королю, послѣдняя ея мольба была: «Не надо крови, не надо крови».

Алліана. А эта, наоборотъ, уродлива, насколько та была прекрасна, зла, насколько та была добра, и не перестаетъ приставать къ нему: «Карайте, Фердинандъ! Карайте!»

Мирабелла. А король?.. И король также ненавидитъ Альберто?

Алліана. Кто можетъ проникнуть въ душу Фердинанда? Вы вѣрно сказали. Графъ Альберто при дворѣ—память Маріи-Христины. Если онъ не ненавидитъ его, то, безъ сомнѣнія, и не любитъ, потому что угрызеній совѣсти не любятъ, ихъ боятся, какъ боятся справедливости! Кромѣ того, этотъ человѣкъ...

Мирабелла. Альберто?..

Алліана. Человѣкъ сильный среди слабыхъ, говорящій правду среди холоповъ, лепечущихъ ханжескія или лживыя рѣчи, если нелюбимъ королемъ, если ненавидимъ королевой и невѣжественнымъ, лицемѣрно-благочестивымъ дворомъ, то имѣетъ зато на своей сторонѣ молодую партію, которая хочетъ сдѣлать его министромъ короля, хотя бы и противъ воли самого короля; министромъ не Фердинанда II, короля неаполитанскаго, а—хочетъ того Фердинандъ, или не хочетъ—министромъ Фердинанда I, короля Италіи, конституціоннаго короля, независимаго отъ Австріи и отъ Франціи, и если понадобится... Если они захотятъ крови, тогда, видитъ Богъ...

Мирабелла (съ тревогой устремляя на него взоръ). А Фанни? Моя Фанни? Что вы хотите сдѣлать? Что ты хочешь сдѣлать?

Алліана. Нѣтъ! Нѣтъ! Вы ошибаетесь! Клянусь! Вы ошибаетесь!

Мирабелла. Ты долженъ поклясться въ томъ Фанни! Поклясться!

Алліана. Графъ Альберто!.. Ни слова. (Съ силой, но еще тише). Ни слова!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Тѣ же, Нина, графъ Вероленго, потомъ, въ концѣ, Фанни и голоса.

Нина (входитъ впереди Вероленго и помогаетъ ему снять плащъ).

Вероленго (снимаетъ большіе золотые очки, тихо Мирабеллѣ). Прошелъ незамѣченнымъ! (Въ это время слышатся звуки двухъ мандолинъ и голосъ, поющій: „Тебя я люблю такъ сильно, а ты не думаешь обо мнѣ“, они приближаются и входятъ въ гостинницу, гдѣ ихъ встрѣчаютъ радостные возгласы и рукоплесканія, потомъ раздается хлопанье входныхъ дверей гостинницы, затѣмъ тишина.

Вероленго. Я переодѣтъ, какъ влюбленный... или какъ заговорщикъ! (Цѣлуетъ руку Мирабеллѣ). Влюбленный... всегда. Но никогда не заговорщикъ!

Нина. Тамъ внизу такой шумъ и гамъ!.. И войти, и выйти можно вполнѣ свободно!

Мирабелла. Пожалуйста, карауль...

Нина. Будьте покойны! (Уходитъ).

Мирабелла, (какъ только Нина ушла, схватываетъ за руки Вероленго). Ну?.. Ну?..

Вероленго. Алліана сказалъ тебѣ?

Мирабелла Что въ Казертѣ новости?..

Алліана. Но что сегодняшнее появленіе полиціи не имѣетъ съ этимъ ничего общаго!

Вероленго. Нѣтъ? (Внимательно смотритъ на Алліана и опускаетъ голову). Сколько ни думаю, мнѣ кажется, что нѣтъ! Но все же, кто знаетъ? При дворѣ всякая ложь имѣетъ такой успѣхъ... И монсиньоръ Кокль съ такимъ незримымъ, молчаливымъ искусствомъ плететъ свои сѣти ..

Мирабелла (не спуская глазъ съ Вероленго, подходитъ къ нему).

Вероленго. Если бы не вѣчныя мои опасенія, я долженъ былъ бы даже радоваться вмѣстѣ съ тобой! Ты получишь завтра приглашеніе отъ его величества!

Мирабелла. Приглашеніе? Я?

Вероленго. Чтобы пѣть во время празднествъ поклоненія волхвовъ.

Алліана (быстро, съ величайшимъ изумленіемъ). Вы? Женщина, выступающая на сценѣ, приглашены въ Казерту?

Вероленго. И что еще больше, на рождественскую недѣлю!

Алліана. При ханжествѣ королевы?

Мирабелла. И короля!

Вероленго. Вотъ именно! Вѣдь, надобно было получить не только разрѣшеніе, но одобреніе монсиньора Кокля!

Мирабелла (въ страхѣ). Я не поѣду! (Рѣшительно). Не поѣду и не поѣду!

Вероленго. Хочешь вмѣсто того въ тюрьму?.. Здѣсь это скоро дѣлается!

Мирабелла. Въ тюрьму? (Говоритъ, какъ бы безъ голоса). За то, что я простудилась и не могу пѣть?

Вероленго. Скажутъ, что ты простудилась потому, что юбки Линды были слишкомъ коротки!

Алліана. И въ такомъ случаѣ, не поѣхавъ въ Казерту, будете наказаны за неприличное поведеніе! Такое соотношеніе между фактами вполнѣ возможно.

Вороленго. Именно: это сѣти паука.

Мирабелла. Какъ я безпокоюсь! я ужасно безпокоюсь...

Вероленго (беря ее за руки). А, можетъ быть, я, по своему обыкновенію, напрасно напугалъ тебя!

Алліана. Конечно, не надо и преувеличивать! Королева дурна, зла, дворъ скверенъ, но король, въ сущности, добръ. Въ немъ есть благородство, величіе...

Мирабелла. А порода? Порода?.. Онъ племянникъ Фердинанда I, у котораго творили судъ кардиналъ Руффо и Фра Діаволо! Изъ его братьевъ одинъ затравилъ собаками несчастнаго отца, у котораго обезчестилъ дочь! Другой для забавы бросаетъ монеты въ бассейны съ кипящей водой, чтобы посмотрѣть, какъ голые, голодные ребятишки бросаются туда за ними... третій...

Вероленго. Фердинандъ II лучше своихъ братьевъ.

Алліана. Фердинандъ II лучшій изъ всѣхъ Бурбоновъ!

Мирабелла. Но что же въ концѣ концовъ? Лучшій онъ или худшій, но что ему можетъ быть отъ меня надо?

Вероленго (размышляя). И... кому надо?.. королю? или монсиньору Коклю? Твою довѣрчивость или какую-нибудь твою неосторожность, чтобы мочь проникнуть въ мою жизнь... (Пожимаетъ плечами). А можетъ быть, просто нужна только твоя слава, твой талантъ, для празднества поклоненія волхвовъ, и мои предположенія пустыя фантазіи!

Алліана. Но, во всякомъ случаѣ, будьте осторожны: и при дворѣ есть шпіоны...

Вероленго. Не говори, что не знаешь меня! Мы видѣлись въ Венеціи, въ Римѣ... Если не будетъ спеціальнаго приглашенія для Фанни...

(Мирабелла и Алліана инстинктивно взглядываютъ на комнату Фанни).

Мирабелла. Я хочу, чтобы она со мной была.

Вераленго. Именно наоборотъ! Ее не надо возить въ Казерту!

Алліана. Она слишкомъ наивна и слишкомъ искренна. Пусть она останется съ Ниной въ Неаполѣ!..

Вероленго. И потомъ, у меня тоже много друзей на случай...

Мирабелла. На случай?.. Какой случай? На случай какой-нибудь интриги... противъ тебя? (Оборачивается къ Алліана и смотритъ на него). Давайте, подумаемъ... хладнокровно. Для того только, чтобы открыть, что я его любовница, и что Фанни не сестра моя, а наша дочь?..

Вероленго. Конечно... изъ-за этого монсиньоръ Кокль не могъ бы заставить изгнать меня или разстрѣлять, но все же...

Алліана. А если интрига затѣвается не противъ васъ... а противъ меня?

Вероленго. Противъ тебя?.. Почему же противъ тебя?

Алліана. Меня тоже не любятъ при дворѣ. Я наставникъ наслѣднаго принца, сына Маріи-Христины, по вашей рекомендаціи. Я тоже на подозрѣніи!

Вороленго. На подозрѣніи?

Алліана. И не я одинъ, мы всѣ, всѣ офицеры-неаполитанцы! При дворѣ только и довѣряютъ, что швейцарцамъ!

Мирабелла. Шшш!.. Фанни, ради Бога!

Вероленго (внимательно глядя на Алліана). Посмотри мнѣ въ глаза?

Алліана. Алліаны всегда вѣрны. Всегда съ Богомъ и за короля.

Вероленго. Это пароль прежнихъ мюратистовъ!.. Съ Богомъ и за короля можно также... подвергнуться разстрѣлянію, если быть безумцами и фанатиками. (Къ Мирабеллѣ). Да скажи же это *и* ты ему, во имя Фанни! Никакихъ заговоровъ! Никакихъ безумствъ! (Обнимаетъ Алліана). Сынъ мой, сынъ мой, подумай! Времена заговоровъ, тайныхъ обществъ, тайныхъ союзовъ прошли!.. Это я тебѣ говорю... старый карбонарій!.. Сколько было заговоровъ, и всѣ неудачные вслѣдствіе

недостатка единства цѣли. Немного дыма, сейчасъ же заливаемаго моремъ благороднѣйшей крови!

Мирабелла (къ Алліана со слезами въ голосѣ). Подумайте о Фанни!.. Подумайте о бѣдной Фанни!

Вероленго. Нужно имѣть общность стремленія! Вмѣсто того: кто хочетъ республику, какъ (къ Розаліи) этотъ твой маэстро Савольди! Кто увлекается другимъ королемъ и видитъ въ немъ спасеніе; кто (къ Алліана) надѣется удачнымъ переворотомъ измѣнить голову Фердинанду, совсѣмъ не размышляя о томъ, что въ этой игрѣ гораздо легче потерять свою собственную! И никто не думаетъ хотѣть того, чего всѣ мы должны хотѣть,—Италіи, единой Италіи!..

Алліана (дѣлаетъ головой движеніе въ знакъ согласія).

Вероленго (хватая его за руку). И поэтому... Ты вѣришь мнѣ? И я тоже пробую дѣйствовать убѣжденіемъ... подготовляя событія съ союзными государствами. (Рѣшительно). Но не надо больше кинжаловъ, а еще не надо ружей! Когда хотятъ призвать къ жизни націю, мыслитель долженъ идти впереди солдата! Сраженію и побѣдѣ должна предшествовать книга, а теперь «Первенство» Джоберти читается, поглощается, словно романъ, и въ самомъ Неаполѣ, и при дворѣ, не королемъ... король ничего не читаетъ, но самой матерью короля!.. Не маленькія революціи теперь нужны, не судорожныя движенія, доказывающія слабость больного... а... великая единая идея, которую надо сдѣлать ясной, очевидной, идея, которую всѣ должны понимать, которую всѣ должны любить, не нѣсколько человѣкъ втайнѣ, а цѣлый народъ при полномъ дневномъ свѣтѣ!

Алліана (иронически). Народъ?.. Какой? Нищіе или мазурики?

Вероленго. Народъ, къ которому принадлежимъ, или должны принадлежать и мы! Народъ только тогда становится чернью, когда его отталкиваетъ аристократія интеллигенціи, или когда онъ ее отталкиваетъ. (Цѣлуетъ Алліана въ волосы). Дитя! Дитя!.. Сынъ мой! Дай мнѣ слово... поклянись...

Фанни (на порогѣ своей комнаты, едва просовываетъ голову, прячась вся за занавѣсями). Очень хорошо, папа! Очень хорошо, синьоръ капитанъ!.. И мама—сестричка тоже! Всѣ хороши!

Вероленго (бѣжитъ поцѣловать ее). Фанни!

Фанни. Нѣтъ!.. Нѣтъ! Никакъ не возможно!

Мирабелла. Я говорила, что вы ее разбудите!

Фанни. Я... невидима! Я услышала твой голосъ и голосъ капитана!.. Думала, что это сонъ... но увидала огонь и догадалась, что проснулась... Соскочила съ постели и (смѣется) вотъ я тутъ.

Мирабелла (вполголоса къ Алліана). Ради нея! Ради нея! Обѣщайте, поклянитесь, Альберто...

Фанни. Мама... нѣтъ, почтенная мать моя, отчего ты мнѣ ничего не сказала?

Мирабелла. Я не знала.

Вероленго. Я не думалъ, что буду свободенъ сегодня вечеромъ!

Алліана. И я тоже поздно пришелъ!

Фанни. Прощаю только папѣ и шлю ему поцѣлуй! (посылаетъ ему губами поцѣлуй). На васъ... (къ Алліана) сержусь, очень, и на долго! (Къ Мирабеллѣ). А ужъ на тебя... Не буду больше звать тебя Розалія, сестренка, а всегда мама, мама, мама!

Мирабелла. Я не хотѣла будить тебя!

Фанни. Вотъ!.. Развѣ я все равно не проснулась?—Уфф!.. Мнѣ надоѣло спать, вѣчно спать!..

Вероленго (вполголоса къ Алліана). Подумай, все это счастье, вся эта нѣжная, хрупкая жизнь въ твоихъ рукахъ...

Алліана (быстро подходитъ къ Фанни).

Фанни. Смирно! Капитанъ! И назадъ, маршъ! (Улыбаясь и напѣвая). Войти нельзя! Пришли вы слишкомъ поздно... Вы не пожелали меня видѣть...

Алліана. Ну, хоть руку...

Фанни. Нѣтъ, нельзя! (Исчезаетъ за занавѣсью).

(Раздаются голоса выходящихъ изъ ресторана).

Мужскіе голоса. } Доброй ночи, донъ Антоніо!
Идемте, поздно!

Женскій голосъ. Покойной ночи! Завтра увидимся.

Мужской голосъ. Покойной ночи.

Мирабелла. Двери запираютъ!

Вероленго (къ Алліана). Пойдемъ!

Мирабелла. Скорѣе, скорѣе.

Фанни (просовываетъ голову изъ за занавѣсей, сердито). Ну, ужъ теперь нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Останьтесь!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Тѣ же и Нина.

Нина (входитъ и дѣлаетъ Вероленго и Алліана знакъ, чтобы они уходили). Сейчасъ какъ разъ удобно...

Фанни. Гадкіе!.. Всѣ!.. По крайней мѣрѣ... хоть проститесь со мной хорошенько! А завтра?.. Подумай, папа, вѣдь это послѣдніе дни!

Вероленго (подходитъ къ Фанни). Обѣщаю тебѣ, дорогая: завтра и днемъ, и вечеромъ!

Фанни. А синьоръ капитанъ? ничего не обѣщаетъ?

Алліана. Да! да! Завтра! Всегда!

Фанни (протягиваетъ изъ за занавѣси голову къ Вероленго, который ее цѣлуетъ; потомъ протягиваетъ руку Алліана). Вамъ... руку...

Алліана (любовно и нѣжно пожимаетъ руку).

Фанни. И поцѣловать можно!.. (Крѣпко держа за руку Алліана). Нѣтъ! Не пущу тебя! Нѣтъ!..

Алліана (хочетъ поцѣловать ее въ волосы).

Фанни (снова исчезаетъ за занавѣсью. Слышится ея веселый смѣхъ). **Покойной ночи!**

Вероленго (увлекая Алліану къ дверямъ). **Идемъ!**

Фанни (снова высовываетъ голову изъ за занавѣси и зоветъ). **Винченцъ!**

Алліана (останавливается и оборачивается).

Фанни. «Тебя я люблю такъ сильно... А ты,—ты, именно ты!—не думаешь обо мнѣ!» (Алліана и Вероленго уходятъ въ сопровожденіи Нины).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Фанни и Мирабелла.

Фанни (въ короткой юбочкѣ, съ бѣлымъ платкомъ на плечахъ, бѣжитъ къ окну, отворяетъ его... Беретъ двѣ камеліи, бѣлую и розовую, связываетъ ихъ вмѣстѣ, сначала ниткой, потомъ двумя волосами, которые поспѣшно вырываетъ у себя, опять бѣжитъ къ окошку и ждетъ).

Мирабелла. Что ты дѣлаешь?

Фанни (не отвѣчаетъ, смотритъ въ окно, потомъ вдругъ бросаетъ внизъ камеліи).

Алліана (за сценой). **А!.. Покойной ночи!**

Фанни (бѣжитъ и бросается въ объятія Мирабеллы, страстно цѣлуя и обнимая ее). **О, мама! Я такъ люблю его! Такъ люблю, такъ люблю, до смерти!**

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ Казертѣ, въ королевскомъ дворцѣ. Большая зала перваго этажа, убранная небогато, но въ старинномъ стилѣ. Широкія большія двери, изъ которыхъ, когда онѣ открыты, виденъ садъ, и два офицера 2-го полка швейцарцевъ, стоящіе на часахъ. Вся зала полна различныхъ предметовъ, предназначенныхъ для празднества поклоненія Христу младенцу: богато одѣтыя куклы, изображающія Мадонну и св. Іосифа, ясли, быкъ и осликъ. На столѣ кукла, изображающая царя Балтасара, и изображеніе нагого младенца Христа, приготовленное, чтобы быть положеннымъ въ ясли. Груда сѣна. На столѣ большіе часы.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Фердинандъ II, въ бѣлой рубашкѣ, безъ куртки, въ полковничьихъ панталонахъ формы королевскаго полка и въ беретѣ на головѣ, куритъ половину неаполитанской сигары и занимается одѣваніемъ куклы, изображающей короля Балтасара, на которой еще нѣтъ мантіи и короны. Кармине и Агнеса заняты яслями, которыя они украшаютъ цвѣтами и наполняютъ сѣномъ; когда все приготовлено, кладутъ туда, какъ въ колыбель, изображеніе младенца Христа.

Фернинандъ (къ Агнесѣ). **Ну-ка, дай корону и гвоздь.**

Агнеса (беретъ корону и коробку съ гвоздями и подаетъ ихъ Фердинанду безъ поклона). **Извольте, ваше величество.**

Фердинандъ (надѣваетъ куклѣ на голову корону и прибиваетъ ее гвоздемъ). **Такъ! Ну, теперь тебѣ эту корону съ головы не стащатъ ни пьемонтцы, ни якобинцы, ни этотъ попъ франмассонъ Пій IX.** (Крестясь, къ Агнесѣ, которая слѣдуетъ его примѣру). **Спасемъ наши души** (протягиваетъ руку съ двумя выставленными пальцами *) **и отгонимъ сглазъ!** (Къ Агнесѣ съ комической важностью). **Подай мнѣ королевскую мантію... и мою куртку!**

Агнеса (подаетъ ему мантію для куклы и помогаетъ ему надѣть куртку).

Фердинандъ. Пошла теперь къ твоимъ яслямъ. (Въ то время, какъ Агнеса поворачивается, чтобы отойти, онъ щиплетъ ее).

Агнеса (слегка вскрикиваетъ).

Фердинандъ (оборачиваясь къ садовнику). **Слышалъ, донъ Карлине? У короля Балтассара голосъ-то бабій!** (Ухмыляется; толкаетъ куклѣ голову, которая начинаетъ качаться). **Кивай, кивай!.. Отлично!** (Оборачивается къ саду и съ такимъ видомъ, точно командуетъ на маневрѣ, приложивъ руки ко рту въ видѣ трубы, кричитъ). **Ша-агомъ маршъ! Впе-вредъ!**

Лейтенантъ Гольтманъ и второй офицеръ (отворяютъ садовыя двери и становятся во фронтъ).

Фердинандъ (къ Агнесѣ и Карлине). **А? каковъ голосъ?.. А эти адвокатишки, эти писаки говорятъ, что у короля Фердинанда хриплый голосъ!** (Еще громче, чѣмъ прежде, съ такимъ же жестомъ). **Ша-аго-омъ маршъ! Впе-вредъ!**

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Маленькій принцъ Франческо входитъ изъ сада, проходя между лейтенантомъ Гольтманомъ и вторымъ офицеромъ; за нимъ слѣдуютъ три дѣвочки: Марія-Аннунціата, Марія-Иммаколата и Марія делле Граціе. Франческо держитъ самую маленькую за руку, и всѣ съ веселыми криками подбѣгаютъ къ Фердинанду и обступаютъ его, цѣпляясь ему за ноги. Полковникъ Гольтманъ и второй офицеръ затворяютъ двери.

Франческо. Папà!

Марія-Иммаколата. Папà!

Марія-Аннунціата. Папà!

Марія делле Граціе. Папà.

Фердинандъ (смѣясь). **Папà, папà, папà, папапапà!** (Беретъ одну изъ дѣвочекъ на руки и нѣжно цѣлуетъ ее). **Никкія, Никкіетта, хочешь сдѣлать динъ-донъ?** (Раскачиваетъ ее, держа на вѣсу за руки). **Диннъ... Доннъ!..**

Всѣ дѣти (вмѣстѣ). **Диннъ-доннъ!.. Динъ-донъ!.. Динъ-донъ!**

Франческо (смотритъ на куклу). **Это король?**

Фердинандъ. Одинъ изъ королей-волхвовъ. Его величество Балтассаръ!

---

*) Жестъ, который итальянцы дѣлаютъ для предохраненія себя отъ сглаза (отъ jettatura).

Франческо. А другіе два?

Фердинандъ. Король Гаспаръ и король Мельхіоръ?

Франческо. Гдѣ они?

Фердинандъ. Отправились на праздникъ. Балтасаръ самый старый, потому отсталъ отъ нихъ! (Смѣется; къ Франческо, потомъ къ дѣвочкамъ). Ну, а теперь, смотри, Лазà, Никкія, Петтита, Чолла, смотрите! (Тономъ военной команды). Смо-отри! (Толкаетъ куклѣ голову, чтобы качалась).

Одна изъ дѣвочекъ. Онъ все говоритъ: да!

Фердинадъ (нравоучительнымъ тономъ). А почему онъ всегда говоритъ: да? Запомните хорошенько: онъ всегда говоритъ: да, потому что у этого короля деревянная голова! (Громко хохочетъ).

Женскій голосъ (за сценой, съ верхняго этажа). Аннунціата? Марія!..

Фердинандъ. Мамà! Скорѣе, мамà зоветъ! (Подходитъ къ дверямъ). Идутъ! (Выпроваживаетъ дѣвочекъ). Пошли! Пошли! (Останавливаетъ Франческо, садится, беретъ его на колѣни и нѣжно ласкаетъ). Ну что, Чиччи? Хорошо позавтракалъ?

Франческо. Да, папà. Лапша была съ помидорами!

Фердинандъ. А передъ тѣмъ, а?.. молитвы всѣ прочелъ?

Франческо. За тебя, за маму, за папу...

Фердинандъ (поправляетъ его). За бѣднаго папу, который не знаетъ, что дѣлаетъ... (Цѣлуетъ Франческо, потомъ встаетъ и подмигиваетъ глазомъ на куклу). Ну, а почему этотъ всегда говоритъ да?

Франческо. Потому что... (Смотритъ на Фердинанда, не зная, что отвѣтить).

Фердинандъ. Ну? Ну? Почему?.. Потому что у него?.. (Сердито). Потому что у него голова деревянная! (толкаетъ его пинкомъ въ двери) Пшелъ! (Франческо уходитъ, понуривъ голову). Эй! Кармителло!

Кармине (оборачивается съ поклономъ). Ваше величество?

Фердинандъ (хитро прищуривая глаза). Еще не такъ то онъ скоро будетъ королемъ! Выучится! (Оборачивается). Что такое?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Входитъ Гаэтано, потомъ Кастелуччо).

Гаэтано (съ глубокимъ поклономъ). Его превосходительство, кавальере дель Кастелуччо спрашиваетъ, угодно ли Вашему Величеству...

Фердинандъ (прерывая его). Андрео)? Пусть идетъ! Добрый день! (Гаэтано уходитъ).

Кастелуччо (съ глубокимъ поклономъ) Нижайше благодарю Ваше Величество! Осмѣлюсь ли спросить о здоровьи Ея Величества нашей всемилостивѣйшей королевы?

Фердинандъ. Ея здоровье... какъ полагается, когда со дня на день ожидается произведеніе на свѣтъ. Ребенокъ всегда бѣда даже и для королевы, которая къ этому привыкла. (Смѣется и ударяетъ его по

плечу). Еслибъ тебѣ пришлось производить на свѣтъ, съ непривычки, то ты бы себя еще гораздо хуже чувствовалъ.

Агнесса (вульгарно смѣется. Кармине смѣется тоже).

Кастелуччо (обижается).

Фердинандъ. По желѣзной дорогѣ?

Кастелуччо. Всегда! Всегда по желѣзной дорогѣ вашего величества!

Фердинандъ. Молодецъ донъ Андрео! Желѣзная дорога выстроена на мой счетъ, и стоила мнѣ здорово; и доходъ тоже мой. Кто пріѣзжаетъ въ Казерту въ коляскѣ, тотъ дѣлаетъ мнѣ убытокъ и не увидитъ празднества. Привезъ ты примадонну?

Кастелуччо (выражаетъ поклономъ утвердительный отвѣтъ). И сестру ея также ваше величество.

Фердинандъ. Ну ка, сядемъ. (Садясь, оборачивается къ Агнесѣ и подмигиваетъ ей). Подай стулъ.

Кастелуччо (собирается сѣсть).

Фердинандъ (выдергиваетъ изъ подъ него стулъ).

Кастелуччо (которому уже пришлось быть раньше жертвой этой шутки, остается въ полу-стоячей, полу-сидячей позѣ въ воздухѣ и лукаво смотритъ на Фердинанда).

Фердинандъ (съ досадой выпрямляетъ его пинкомъ ноги). Больно ты сталъ уменъ... на. (Кармине и Агнеса смѣются; Кастелуччо обиженъ).

Фердинандъ (оборачивается). Кончили вы?

Кармине. Сію секунду.

Фердинандъ. Неси Мадонну, святыхъ, дитя, и все, я тоже сейчасъ приду! Снесите также вола и осленка!.. (Показываетъ сначала на деревяннаго осленка, потомъ на Кастелуччо. Того... а не этого! (Агнеса опять смѣется).

Кастелуччо (все больше нахмуривается; Кармине и Агнесса впродолженіи этой сцены выносятъ постепенно все, что приготовлено для празднества).

Фердинандъ, (видя, что Кастелуччо нахмуренъ, ласково). Ты обидѣлся? Я вѣдь тебя люблю и шучу... Агнеса, поди сюда! Кавальере Андреа разсердился!

Агнсса (цѣлуя руку Кастелуччо). Кавальере, Эччеленца...

Кастелуччо (глядя на нее, улыбаясь). Смѣйся! смѣйся!.. Ты хорошенькая... прощаю тебѣ! (Агнесса отходитъ, подмигивая Фердинанду. Кастелуччо тихо Фердинанду): И первая жена у садовника была красива, но эта еще болѣе... (Дѣлаетъ жестъ, показывая, что болѣе полна, еще болѣе красива).

Фердинандъ (чтобы перемѣнить разговоръ). Сестра примадонны тоже поетъ? (Садится и показываетъ на стулъ Кастеллуччо). Садись.

Кастелуччо. Нѣтъ, ваше величество. Она еще почти совсѣмъ дѣвочка! Она никогда не показывается; я ее ни разу не видалъ и долженъ былъ очень настаивать, чтобы привезти и ее съ нами. Я дол-

женъ былъ объяснить синьорѣ Мирабеллѣ, что приглашеніе вашего величества, это такая особенная честь, что нельзя отказываться.

Фердинандъ. Это монсиньору пришло въ голову...

Кастелуччо (съ величайшей почтительностью). Монсиньору Коклю?..

Фердинандъ (утвердительно киваетъ головой) ... пришло въ голову пригласить знаменитую примадонну «Санъ-Карло» на наше празднество. (Снимаетъ беретъ и держитъ его въ рукахъ; говоритъ благочестиво проникновеннымъ тономъ, словно какъ бы говоритъ монсиньоръ Кокль; Кастеллуччо слѣдитъ за его словами съ благоговѣніемъ, шевеля головой и губами). «Неисповѣдимыми путями безконечной благости нашего Господа мы подвергнуты нынче тяжелому испытанію бѣдствіями землетрясенія и изверженія Везувія. Для успокоенія гнѣва небеснаго и для умилостивленія неба, да даруетъ намъ снисхожденіе и прощеніе, святой Альфонсъ повелѣваетъ вашему величеству черезъ посредство меня, недостойнаго, совершить въ священную годовщину Рождества Христова строжайшее покаяніе и устроить особенно торжественное, особенно величественное празднованіе поклоненія Божественному Младенцу». (Надѣваетъ беретъ и мѣняетъ тонъ). Я поручилъ маэстро Меркаданте написать спеціально священную кантату для хора, съ соло на голосъ сопрано.

Франческо (и три дѣвочки пробѣгаютъ по саду, мимо дверей въ залъ, подпрыгивая и держась за руки и распѣвая) Jammo! *) Jammo! Jammo! Larà lari-larèla! Jammo! Jammo! Lari, larè, larè!

Фердинандъ (вскакиваетъ съ бѣшенствомъ и, схвативъ хлыстъ, съ угрожающимъ видомъ бѣжитъ къ дверямъ). Смирно вы тамъ, безобразники, не знаете, что мама больна! (Опять садится; къ Кастелуччо со злобой). Садись ты! (Когда Кастелуччо садится, ударяетъ его хлыстомъ по ногамъ). Дальше! Ну!

Кастелуччо (со страхомъ пряча ноги подъ стулъ). Я?.. Что, ваше величество?

Фердинандъ. Ты началъ разсказывать, это эта знаменитая Мирабелла твоя любовница?

Кастелуччо (пытаясь смѣяться и боясь хлыста). О!.. Ваше величество.

Фердинандъ (хлещетъ его по ногамъ). А зачѣмъ ты туда шляешься?.. И днемъ и ночью?

Кастелуччо (вскакиваетъ со стула, отбѣгаетъ, прыгаетъ, умоляетъ, плачетъ, извивается).

Фердинандъ (продолжая преслѣдовать его и хлестать его по ногамъ). А донна Софія ходитъ и ищетъ тебя повсюду, приходитъ въ отчаяніе, бѣсится, ревнуетъ. (Разражается громкимъ смѣхомъ). Дурень ты эдакій! Да я шучу! Ты слишкомъ уродливъ и слишкомъ старъ для того, чтобы у тебя была возлюбленная! (Снова со злобой, топая ногой). Да не

*) Jammo идемъ,—припѣвъ неаполитанской пѣсенки.

реви ты! Еще уродливѣе дѣлаешься! (Мѣняетъ тонъ; становится благороднымъ и достойнымъ). Кавальере дель Кастелуччо, ступайте сейчасъ же отъ моего имени къ этимъ двумъ дамамъ; сообщите имъ, что его величество король желаетъ выразить имъ свое высочайшее благоволеніе. Понялъ?

Кастелуччо (склоняясь въ глубокомъ поклонѣ). Вѣчно буду благодаренъ вашему величеству за эту новую честь...

Франческо (вбѣгаетъ, распахнувъ двери изъ сада, и прячется у ногъ Фердинанда).

Фердинандъ (съ изумленіемъ). Ну? Это что за прятки? (Въ дверяхъ, оставшихся открытыми, за офицерами швейцарцами, попрежнем стоящими на караулѣ, показывается Алліана).

Фердинандъ (къ Кастеллуччо). Постой!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

(Тѣ же и Алліана).

Фердинандъ (увидя Алліану, не можетъ сдержать гримасу досады и непріязни, потомъ сейчасъ же очень благосклонно дѣлаетъ ему рукой знакъ, чтобъ вошелъ). Вы за его высочествомъ, капитанъ-профессоръ? (Гладитъ Франческо по головѣ). Вотъ онъ, мой Лазá... мой Лазаніоне, который боится ученья! (Улыбается съ тонкой ироніей и съ добродушіемъ). На все свое время. Надо принимать отъ жизни и то, что нравится, и то, что не нравится! Ты получилъ лапшу, фрикассе и зелень, а теперь... надо глотать науку. Сегодня вы чѣмъ будете заниматься, капитанъ-профессоръ?

Алліана. Сегодня утромъ занимались географіей. Сейчасъ, съ позволенія вашего величества, у его высочества будетъ урокъ геометріи.

Фердинандъ (продолжаетъ ласкать голову Франческо). Утѣшься, урокъ будетъ нынче короткій. (Смотритъ на часы, потомъ обращается къ Алліанѣ). Придите сюда черезъ полъ-часа, вы нужны мнѣ.

Алліана. Слушаю ваше величество.

Фердинандъ. Геометрія?.. Вещь немудреная! (Стукаетъ слегка пальцемъ по лбу Франческо). Запомни хорошенько эту—какъ вы называете?—эту тео...рему: кто родился квадратнымъ, не умретъ круглымъ *)! И географія тоже предметъ хорошій!.. Какъ я тебя училъ? Ну-ка, какъ называются французы?

Франческо. Цирюльники.

Фердинандъ. Англичане?

Франческо. Треска сушеная.

Фердинандъ. Русскіе?

---

*) „Chinasce quadro non muore tondo“—итальянская пословица, соотвѣтствующая русской: „горбатаго одна могила исправитъ“.

Франческо (Думаетъ. Потомъ). **Свѣчеѣды.**

Фердинандъ. А Италія что такое?

Франческо. Сапогъ въ соленой водѣ!

Фердинандъ. Молодецъ, Лаза! (Смѣется и ласково цѣлуетъ Франческо. Къ Алліанѣ). **Вы услышите отъ меня новость, профессоръ, которая доставитъ вамъ удовольствіе.**

Алліана. Величайшее мое удовольствіе, мое удовлетвореніе, моя гордость—это быть солдатомъ и вѣрнымъ слугою вашего величества.

Фердинандъ (любезно, но съ чуть замѣтной ироніей въ тонѣ). **Высокое знаніе строгой науки, профессоръ Алліана, не мѣшаетъ вамъ быть въ то же время страстнымъ любителемъ прекраснаго искусства... Мнѣ сказалъ это вашъ кузенъ!**

Кастелуччо (съ изумленіемъ). **Я?.. Ваше величество?..**

Фердинандъ (слегка толкаетъ Франческо къ Алліана). **Ступай! Занимайся старательно. Ты можешь гордиться тѣмъ, что въ твоемъ распоряженіи знаменитѣйшіе профессора моего королевства по знаніямъ, учености и талантливости.** (Подмигиваетъ Кастелуччо. Потомъ съ величайшей серьезностью и важностью). **Старайся этимъ воспользоваться... особенно, чтобы научиться... хорошо ѣздить верхомъ. Это самая важная наука для короля, запомни это. И языки! Языки тоже. Король долженъ хорошо умѣть молчать по-нѣмецки, по-англійски, по-французски и особенно по-итальянски.** (Хохочетъ. Кастелуччо также льстиво смѣется; Алліана попрежнему серьезенъ и не мѣняетъ строгой военной позы). **Знаменитая** ***Линда*** **изъ «Санъ-Карло» нынче въ гостяхъ у насъ вмѣстѣ со своей сестрою... Сегодня будетъ первая репетиція священной кантаты; завтра генеральная репетиція.** (Глядя въ упоръ на Алліану). **Вы, вѣдь, другъ этихъ двухъ... дамъ. Мнѣ это тоже сказалъ вашъ кузенъ.**

Кастелуччо (поспѣшно). **Я?.. Нѣтъ, ваше величество!** (Тотчасъ же, съ поклономъ). **Я?.. Да, ваше величество...** (Дѣлаетъ Алліанѣ знаки, что нѣтъ).

Алліана. Я имѣлъ честь познакомиться съ синьорой Мирабелла въ истекшемъ апрѣлѣ во Флоренціи.

Фердинандъ. Именно. Поручаю вамъ проводить этихъ дамъ... показать имъ королевскій дворецъ, галлерею, библіотеку. (къ Кастелуччо). **Тебѣ нельзя. Донна Софія...** (Ухмыляется). **Ты приведешь ихъ сюда, и только.** (Отпускаетъ жестомъ Франческо и Алліану).

Франческо (проходитъ впереди).

Кастелуччо (бѣжитъ съ глубокимъ поклономъ поцѣловать ему руку. Франческо выходитъ направо, за нимъ Алліана).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Фердинандъ и Кастелуччо.

Фердинандъ (какъ только вышелъ Алліана, со злобой). **Знаешь, какъ я его называю? Педантъ ходячій. И навѣрное онъ изъ тѣхъ, кото-**

рые приносятъ несчастіе. (Сердито протягиваетъ руку съ двумя вытянутыми пальцами по направленію, куда ушелъ Алліана. Къ Кастелуччо). Берегись его, а то и ты бѣду наживешь!

Кастелуччо. Я!.. О... ваше величество! Вѣдь, онъ двоюродный братъ только моей женѣ, не мнѣ!

Фердинандъ. Всѣ они писаки, эти неаполитанскіе офицеры! И всѣ мюратисты! Хорошо, что у меня есть мои швейцарцы! (Взглядываетъ на часы, стоящіе на столѣ, и вздыхаетъ). А теперь этотъ... приставала назойливый... упрямая башка. (Къ Кастелуччо). Скажи Гаэтано, чтобъ впустилъ! (Говоритъ о Вероленго). Непремѣнно ему сегодня нужна аудіенція! Ну, пять минутъ, и можетъ убираться! (Отсылаетъ знакомъ Кастелуччо). Примадонну съ сестрой... (смотритъ на часы) приведешь черезъ четверть часа. (Кастелуччо уходитъ).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Фердинандъ одинъ, потомъ Гаэтано вводитъ Вероленго.

Фердинандъ (выбираетъ изъ ящика неаполитанскую сигару, ломаетъ ее, половину бросаетъ въ ящикъ, другую половину зажигаетъ о свѣчку. Напѣваетъ вполголоса арію изъ „Линды“). «Утѣшить меня спѣши... Минута счастливая»...

Гаэтано (докладываетъ). Графъ Соларисъ ди Вероленго!

Фердинандъ. Прекрасная опера «Линда»! (Введя Вероленго, Гаэтано уходитъ).

Вороленго (кланяясь). Ваше Величество...

Фердинандъ (стоя къ нему спиной, продолжаетъ напѣвать). «Передъ лицомъ людей и неба... твоимъ супругомъ стану я!»

Вероленго. Благодарю ваше величество, что оказали мнѣ честь...

Фердинандъ. Вонючая сигара! (Съ яростью ломаетъ ее, беретъ другую, разламываетъ ее пополамъ, одну половину зажигаетъ, другую подаетъ Вероленго. Мои любимыя сигары. Ничего не стоитъ, сильно пахнетъ и много дымитъ!.. Возьми свѣчку! (Продолжаетъ напѣвать, расхаживая взадъ и впередъ и не глядя на Вероленго).

Вероленго (кладетъ сигару на столъ, дѣлаетъ шагъ впередъ и еще разъ кланяется; затѣмъ громкимъ и твердымъ голосомъ). Ваше величество...

Фердинандъ (останавливается, грубо уставляется ему въ лицо). Королева въ постели, какъ того требуетъ ея состояніе, но чувствуетъ себя хорошо; я, благодареніе святой Мадоннѣ Кармельской и святому Альфонсу, здоровъ; ты также, вижу это съ большимъ удовольствіемъ, здоровъ. Въ другой разъ приходи. Сегодня я даю аудіенцію тремъ королямъ: Балтассару, Гаспару и Мельхіору! До свиданья, и будь здоровъ! (Направляется къ дверямъ, ведущимъ туда, гдѣ приготовляется празднество, продолжая насвистывать все ту же арію изъ Линды.

Вероленго (въ горячностью). Прошу ваше величество меня выслушать!

Фердинандъ (сердито оборачивается).

Вероленго. Мною получены извѣстія... изъ Турина.

Фердинандъ (дѣлаетъ къ нему нѣсколько шаговъ съ встревоженнымъ видомъ, потомъ сразу успокаивается). Изъ... Турина?.. А мнѣ какое дѣло? Мой кузенъ Карлъ Альбертъ тоже слишкомъ слабъ! Слабость теперь въ модѣ у всѣхъ государей!—Прошу помнить: мое королевство—мое, и управляю имъ я; я, который поумнѣе тебя и всѣхъ министровъ и... больше Меттернихъ, чѣмъ самъ Меттернихъ! (Угрожающе смотритъ на Вероленго). Нѣтъ! Слабости отъ меня не увидите... я скорѣе поступлю полковникомъ на службу Россіи или Австріи! И ты, и всѣ эти дворяне, эти неаполитанскіе и сицилійскіе офицеры, вѣчно враждующіе между собою и всегда готовые помириться, чтобы возстать противъ меня, вы мечтаете о перемѣнахъ, вы грозите устройствомъ пронунціаменто!

Вероленго (тихо). Народъ, ваше величество...

Фердинандъ. Народъ всегда любилъ меня, и моего отца, и моего дѣда...

Вероленго. Народъ, настоящій народъ, сердце и душа націи, ваше величество, не сбродъ изъ предмѣстьевъ!

Фердинандъ (насмѣшливо). Писаки... Адвокатишки?.. Это народъ? Ха! ха! ха! (Серьезно). Ну и что?.. Я никого не боюсь; я не боюсь людей и сказалъ это.

Вероленго (въ свою очередь съ иронiей). Ваше величество доказали также, что не боитесь... монсиньора Кокля?

Фердинандъ (съ ужасомъ поднимаетъ руки). Монсиньоръ?.. Относись съ уваженіемъ къ Монсиньору!.. Онъ больше, чѣмъ человѣкъ, онъ моя совѣсть!

Вероленго. Онъ вашъ страхъ...

Фердинандъ. Пускай! Да, мнѣ адъ страшенъ, а тебѣ небось нѣтъ?

Вероленго. Если вы изъ страха ада слушаете Монсиньора, тогда послушайте также и меня, такъ какъ вы, ваше величество... еще другого боитесь...

Фердинандъ. Говори, какъ слѣдуетъ, говори ясно.

Вероленго (пристально смотритъ на Фердинанда, который отвѣчаетъ ему тѣмъ же). Всѣ дѣлаютъ уступки, чтобы не быть вынужденными подчиниться; бѣда, если вы одинъ будете упорствовать!.. Я вступилъ въ непосредственныя сношенія... съ Туриномъ. (Фердинандъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ). И съ полнаго вашего согласія. Правда это? Отвѣчайте, ваше величество: съ полнаго вашего согласія?

Фердинандъ. Вопросы могу дѣлать только я; прошу не забывать этого!

Вероленго. Въ Туринѣ мои надежды, мои пожеланія, мои предложенія были приняты съ сочувствіемъ... Въ Туринѣ среди празднествъ и радостныхъ демонстрацій восторженно привѣтствуется конституціонный король Карлъ Альбертъ, въ Римѣ новый, постинѣ святой глава церкви

словами мира, свободы и прощенія возрождаетъ вѣру въ родной странѣ и во всемъ мірѣ!.. Если вы не хотите подумать о себѣ, о своемъ королевствѣ, подумайте о вашемъ сынѣ, о наслѣдномъ принцѣ, который будетъ королемъ Италіи по рожденію, истинный итальянецъ по крови. Кровь пьемонтская, неаполитанская...

Фердинандъ (сердито). Легче! легче! со всей этой кровью!.. Прежде чѣмъ наслѣдный принцъ... получитъ наслѣдіе... говори о моемъ королевствѣ, которое только мое и больше ничье, и не накликай на меня несчастія!

Вероленго Заключите конфедерацію съ вашими естественными союзниками, образуйте единое итальянское королевство изъ трехъ монархій съ итальянскими государями, рожденными въ Италіи: вы, ваше величество, новый король Сардиніи... новый папа. Вы будете иниціаторомъ. (Фердинандъ видимо захваченъ рѣчью). Вы будете верховнымъ руководителемъ. Образуйте единый народъ изъ этихъ сотенъ безпорядочныхъ толпъ, и вы будете могущественны... имя ваше займетъ прекраснѣйшую страницу исторіи, вы будете любимы, обожаемы, какъ Богъ!.. Вы сразу создадите обезпеченность престола, спокойствіе, силу его... и положите начало многому великому въ будущемъ...

Фердинандъ (въ задумчивости молчитъ).

Вероленго. Что сдѣлаете вы? Что вы думаете? Чего ждете вы, ваше величество?

Фердинандъ. Я долженъ знать сначала, что хочетъ дѣлать и чего ждетъ этотъ король карбонарій?

Вероленго (показываетъ письмо). Пришло сегодня утромъ, со спеціальнымъ посланнымъ... И написано лично... (Фердинандъ не понимаетъ). собственноручно.

Фердинандъ (хочетъ схватить письмо).

Вероленго (поспѣшно отдергиваетъ его и кладетъ въ карманъ). Нѣтъ! (Съ глубокимъ поклономъ). Простите! Ваше величество и я должны вдвоемъ прочесть его, наединѣ... и вдвоемъ одни, должны отвѣтить....

Фердинандъ (молчаливо и задумчиво двигаетъ пальцами руки, выражая мимикой мыслъ о трехъ союзныхъ государствахъ съ нимъ во главѣ). Но эти бездомные сицилійцы и неополитанцы... они дѣйствительно ненавидятъ меня?

Вероленго. Не васъ, но ваше правительство! Уничтожьте произволъ, воровство, самоуправство и прежде всего... отнимите полицію изъ рукъ жандарма...

Фердинандъ. Дель-Карретто?

Вероленго (продолжая). И власть изъ рукъ монсиньора! Прогоните отъ себя и изъ всего королевства монсиньора Кокля и весь его орденъ!

Фердинандъ (съ ужасомъ). Тшш! Пошелъ вонъ! Ты съ ума сошелъ?.. Такіе разговоры сегодня, въ канунъ рождественскаго сочельника!..

Сегодня, когда я ожидаю сюда монсиньора! Сегодня, когда я исповѣдуюсь! Я оттого и видѣть тебя совсѣмъ не хотѣлъ!

Вероленго. Но...

Фердинандъ. Какіе тутъ «но»! На исповѣди все надо говорить! Для исповѣди нѣтъ тайнъ, ни даже государственныхъ! (Успокаиваясь). Вернись сегодня вечеромъ или завтра съ этимъ письмомъ... отъ... (подмигиваетъ). ...съ автографомъ!.. Я восемь дней не буду исповѣдываться. Тогда и поговоримъ на свободѣ о нашихъ дѣлахъ. (Дѣлаетъ прощальный жестъ). Прощай, и будь здоровъ!

Вероленго (умоляюще). Ваше величество!.. Ваше величество!..

Фердинандъ. Уходи вонъ теперь!

Вероленго. Каждый часъ, Ваше величество... каждая минута драгоцѣнна! (Фердинандъ звонитъ. Гаэтано появляется въ дверяхъ).

Фердинандъ. Карету! Сегодня репетиція духовной кантаты... я жду пѣвицу.

Вероленго (хочетъ настаивать). Но...

Фердинандъ (зоветъ). Лейтенандъ Гольтманъ! (Къ Вероленго). Тутъ этотъ болванъ кавальере Андреа и педантъ профессоръ! (Лейтенантъ Гольтманъ появляется и вытягивается въ дверяхъ ведущихъ въ садъ. Фердинандъ опять къ Вероленго). Не зачѣмъ имъ тебя видѣть! (Къ лейтенанту Гольтману). Потрудитесь лично проводить графа Вероленго. (Подаетъ Вероленго руку не глядя на него). До свиданья и будь здоровъ (Вероленго и лейтенантъ Гольтманъ уходятъ).

Фердинандъ (остается нѣкоторое время задумчивымъ). Карлъ-Альбертъ мечтатель... Этотъ кичливый попъ Пій IX азартный игрокъ... (стучитъ себѣ пальцемъ по лбу). Въ этой головѣ много, много! (Коротко хохочетъ, потомъ звонитъ. Гаэтано появляется въ дверяхъ). Примадонну... сюда. (Гаэтано уходитъ).

Фердинандъ (становится опять серьезнымъ, потомъ, какъ бы рѣшившись). Ну что жъ? Миръ хочетъ, чтобы его дурачили, и король долженъ больше другихъ умѣть его дурачить! (Опустивъ голову съ хитрой улыбкой). Конституція, революція.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Гаэтано вводитъ Мирабеллу, Фанни и Кастелуччо; Фердинандъ, потомъ Гаэтано и Алліана.

Фердинандъ (чрезвычайно благороднымъ жестомъ снимаетъ беретъ, бросаетъ его на стулъ и, не кланяясь, подаетъ руку, одной Мирабеллѣ). Королева сегодня не совсѣмъ здорова. Вы будете приняты завтра. (Мирабелла кланяется съ реверансомъ). Благодарю васъ, синьора, что вы любезно приняли наше приглашеніе и исполнили такимъ образомъ наше желаніе! (Смотритъ на нее въ лорнетъ).

Мирабелла (снова кланяясь какъ прежде). Чувствуя себя глубоко тро-

нутой и благодарной за великую оказанную мнѣ честь, я счастлива и горда тѣмъ, что ваше величество соблаговолили опустить на меня свой взглядъ, чтобы сдѣлать меня достойной принять участіе въ празднествѣ, особенно близкомъ сердцу вашего величества!

Кастелуччо, (который слушалъ рѣчь Мирабеллы, одобрительно кивая головой вполголоса). Браво!

Фердинандъ. Ну! Ну! Ты не въ театрѣ, чтобы апплодировать! (Короткій смѣхъ; потомъ съ величайшей вѣжливостью). То есть въ этомъ театрѣ, который принадлежитъ мнѣ, я хочу наконецъ имѣть удовольствіе одинъ вамъ апплодировать; я уже слишкомъ часто былъ принужденъ смѣшивать мои апплодисменты съ апплодисментами публики. Андреа! вотъ теперь апплодируй! (Смѣется). Эта прелестная особа... ваша сестра? Какъ ея имя? (Смотритъ на нее въ лорнетъ).

Мирабелла (по прежнему съ поклономъ и реверансомъ). Фанни...

Фердинандъ (съ удивленіемъ). Фанни? (Къ Кастелуччо). Это имя изъ оперы! Въ святцахъ такого нѣтъ!

Фанни (живо, съ улыбкой). Есть! Вполнѣ есть!

Кастелуччо (подсказываетъ шопотомъ). Ваше величество! Ваше величество!

Фанни (съ поклономъ). Ваше величество! Меня зовутъ Франческа, отъ Франческа - Фанни!.. Въ святцахъ это имя навѣрное есть!

Фердинандъ. Вижу, что есть, только надо сдѣлать маленькое путешествіе, чтобы до него добраться! (Къ Кастелуччо, вполголоса). Очень мила малютка! Донъ Гаэтано, скажите капитану Алліанѣ...

Фанни (дѣлаетъ удивленное и радостное движеніе).

Фердинандъ. Капитанъ Алліана одинъ изъ вашихъ друзей?

Мирабелла. Мы познакомились съ нимъ, ваше величество, въ виллѣ герцогини Эмполи.

Фердинандъ. Поэтому я и выбралъ вамъ въ кавалеры и въ проводники капитана Алліану. (Похлопываетъ Кастелуччо по плечу). Ты у меня больно мало смыслишь. Тутъ есть много, что посмотрѣть,—кромѣ дворца и сада, галлерея, библіотека. Капитанъ чрезвычайно ученый человѣкъ... (Къ Фанни и Мирабеллѣ, глядя на нихъ въ лорнетъ) и любитъ прекрасное искусство... когда оно прекрасно! Увидите великолѣпный залъ для большихъ оффиціальныхъ пріемовъ,—я устроилъ его на свой счетъ...

Гаэтано. Капитанъ Алліана. (Вводитъ Алліану и уходитъ. Алліана сдѣлавъ поклонъ, останавливается и стоитъ).

Фердинандъ (продолжаетъ, не оборачиваясь и попрежнему смотря въ лорнетъ на дамъ). Вамъ нравится духовная кантата, которую я для васъ заказалъ? Очень красива! Меркаданте и Донизетти величайшіе наши композиторы! (Садится однимъ прыжкомъ на столъ и продолжаетъ говорить, болтая ногами). Верди, потерпѣвъ со своей «Альзирой».. какъ это вы говорите въ театрѣ?

Фанни (живо). Фіаско.

Кастелуччо (тихонько подсказываетъ). Ваше величество!

Фанни. Ваше Величество, фіаско!

Фердинандь. Фіас-ко. Верди слишкомъ много понаписалъ! И слишкомъ все наскоро! И больше органъ не дѣйствуетъ. (Смѣется короткимъ смѣхомъ). Вы великая артистка, а мы любимъ артистовъ. Всѣ Бурбоны артисты! Мой братъ Леопольдъ скульпторъ; сдѣлалъ даже— прости его Мадонна—статую одного еретика: Джона Баттиста Вико! Если бы онъ сдѣлалъ вашу, она была бы прекраснѣе и въ нашемъ вкусѣ. А я вмѣсто того, чтобы дѣлать статуи, ихъ заказываю, и такъ какъ я король, то мои подданные заставляютъ меня платить за нихъ прорву денегъ! (Смѣется, какъ раньше). Статуи... и картины... Вы слышали о нѣкомъ Доменико Морелли? (Къ Алліанѣ, не оборачиваясь къ нему). Капитанъ - профессоръ, покажете мои картины кисти Морелли.

Фанни (улыбаясь, повторяетъ шопотомъ). Профессоръ...

Фердинандъ (продолжая). У этого Морелли (стучитъ себѣ пальцемъ по лбу) тутъ много! Я всегда ему говорю: донъ Домпъ, занимайся ты искусствомъ и не занимайся политикой! Но, кромѣ всяческаго искусства, надо также покровительствовать и наукамъ. Первый конгрессъ ученыхъ въ Неаполѣ былъ созванъ по моему желанію, и я его открылъ своей рѣчью! И какимъ голосомъ! Я былъ названъ потомъ благосклоннымъ Юпитеромъ Громовержцемъ. Но величайшая моя страсть,—это музыка! (Съ тонкой ироніей). Я даже хотѣлъ бы установить закономъ, чтобы въ моемъ королевствѣ не писали и не читали ничего... кромѣ музыки! Вы знаете комика Казачча?.. Казачіелло? Я отъ него съ ума схожу! И вы тоже мнѣ очень нравитесь! (Соскакивая со стола и дѣлая Кастелуччо знакъ, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ). Благодарю васъ, синьора, что приняли наше приглашеніе! (Къ Фанни). Вы же, синьорина...

Фанни. Фанни, ваше величество!..

Фердинандъ. Ну, скажемъ: Франческа, Франческелла... Кеккина! Всѣ цвѣты въ моемъ саду—ваши, возьмите ихъ; свѣтъ создалъ на нихъ краски и солнце наполнило ихъ ароматомъ для вашей молодости. (Дѣлая опять знакъ Кастелуччо, негромко). Идемъ, Андрео! (Уходитъ въ сопровожденіи Кастелуччо, не прощаясь и не протягивая никому руки).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Мирабелла, Фанни, Алліана, потомъ лейтенантъ Гольтманъ и второй офицеръ швейцарцевъ, Гаэтано, Кармине, Агнеса, слуги, крестьяне, маіоръ Мюллеръ и монсиньоръ Кокль. Въ концѣ Фердинандъ.

Фанни (радостно). Какой король симпатичный, какой добрый! Я такъ безпокоилась... (Къ Мирабеллѣ). И ты тоже! А на дѣлѣ... Онъ точно и не король! (Къ Мирабеллѣ, смотря на нее). Но отчего же ты и теперь все таки невеселая, мам... Сестра! сестра моя?..

Мирабелла. Я весела, дорогая. Я рада, что вижу тебя такой довольной и веселой!

Фанни. О да! Я болѣе чѣмъ довольна! Болѣе чѣмъ весела, я счастлива, такъ счастлива!.. Мы вѣдь всѣ такіе были удрученные! Получили приглашеніе ко двору, и приняли это, какъ несчастіе! И я тоже!.. Но рикошетомъ, видя ваши мрачныя физіономіи!.. Даже не хотѣли и брать меня въ Казерту! А вмѣсто того... какъ мнѣ нравится король... И дворъ! Какой чудный садъ, и этотъ дворецъ, и столько солнца, и наслаждаться этимъ съ тобой... (Къ Алліанѣ, потомъ къ Розаліи) и съ тобой. Подумать, что теперь Рождество, и такой чудный весенній день!.. Ахъ, какъ хорошо дышится при дворѣ!

Мирабелла. Дѣтка моя дорогая!

Алліана. Да, такая дорогая и такая дѣтка!

Фанни (беретъ сначала руку Мирабеллы, потомъ руку Алліаны, и увлекаетъ ихъ къ дверямъ въ садъ). Идемъ! Идемъ! Идемъ! Идемъ въ садъ! Идемъ гулять! Идемъ рвать много чудныхъ цвѣтовъ съ господиномъ... профессоромъ! (Заливается смѣхомъ). Профессоръ! Думала ли я когда нибудь, что полюблю и буду любима про-фессоромъ!.. Боже мой, какъ это страшно! (Прикасается пальцемъ къ губамъ, потомъ показываетъ тѣмъ же пальцемъ на Алліану намекая на поцѣлуй). Никогда больше!.. Профессора... никогда больше не рѣшусь! Никогда! Никогда! Только мам... (Бѣжитъ къ Мирабеллѣ и, крѣпко цѣлуя, обнимаетъ ее). Всѣ поцѣлуи моей сестрѣ!

Алліана (смѣется).

Фанни (тихонько подходитъ къ нему). А ужъ если... то сначала... заключимъ договоръ: меня никогда не будутъ называть супругой господина профессора. Жена капитана,—это мнѣ гораздо больше нравится!— Ты сердишься?

Алліана (смѣется съ недоумѣніемъ). Нѣтъ! На что?

Фанни. Сердись!.. Сердись! (Топаетъ ногами). Я такъ хочу!

Алліана. Сержусь!

Фанни (любовно). Мнѣ такъ пріятно, если ты сердишься, мы тогда можемъ помириться! (Даетъ ему руку поцѣловать). Эта капитану...

Алліана (цѣлуетъ).

Фанни (даетъ ему другую руку). А эта профессору!

Алліана (цѣлуетъ ее нѣсколько разъ).

Фанни. Довольно! Довольно!

Мирабелла (смѣется, потомъ опять начинаетъ безпокоиться). А... Альберто?.. Гдѣ бы онъ могъ быть? Какъ намъ можно будетъ его увидѣть?

Алліана. Онъ былъ здѣсь передо мной.

Мирабелла. У короля?

Алліана. Да.

Фанни. Пойдемте искать его!

Алліана. Нѣтъ, не будемъ дѣлать неосторожностей! Мы безъ сомнѣнія его встрѣтимъ, потому что онъ самъ будетъ искать насъ.

Мирабелла. Такъ что вы, дѣйствительно думаете... что мы это напрасно такъ перепугались?

Алліана. Безо всякаго сомнѣнія!.. Такъ ужъ настроили себя, всѣ сами! Король слишкомъ гордъ и самолюбивъ. Онъ не сталъ бы такъ притворяться... Вы обязаны приглашеніемъ ко двору исключительно только вашей славѣ!..

Мирабелла. И Меркаданте!.. Ахъ!.. Какое счастье снова почувствовать себя спокойной... Клянусь вамъ, Меркаданте будетъ мною доволенъ! (Смѣясь). И Кастелуччо тоже! Дамъ ему подъ страшной тайной поцѣловать мнѣ руки! (Вполголоса къ Алліанѣ). Часто бываетъ, что наша не совсѣмъ чистая совѣсть создаетъ намъ страшные призраки. Правда, Винченца?

Алліана. Совѣсть не причемъ тутъ; это воображеніе во что бы то ни стало навязываетъ намъ то, чего вовсе не существуетъ!

Фанни. Сказать вамъ, безъ такихъ глубокихъ разсужденій, что я думаю?.. Если бы этотъ король, такой веселый, такой добрый, даже и узналъ бы, что папа... мнѣ папа... никого онъ изъ насъ троихъ не съѣстъ!.. Идемте же, стало быть, идемте! Но уговоръ лучше денегъ, господинъ проводникъ, никакихъ галлерей и никакихъ картинъ! Но, весь садъ и всѣ цвѣты! Картины хороши въ дождь! (Вдали слышится сигналъ на трубѣ; затѣмъ съ противоположной стороны другой; потомъ барабанный бой. Лейтенантъ Гольтманъ и 2-й офицеръ распахиваютъ двери въ садъ и становятся во фронтъ).

Газтано (появляется изъ дверей справа, переходитъ черезъ сцену и останавливается около дверей въ садъ). Монсиньоръ Кокль!..

Агнеса (изъ дверей, ведущихъ въ помѣщеніе, приготовленное для празднества). Монсиньоръ!

Кармине (оттуда же). Монсиньоръ! (Въ саду появляются еще слуги и крестьяне).

Мирабелла (взволнованно). Кокль?

Алліана. Ну, конечно! На празднество... На рождественскія обѣдни!.. Пойдемте! (Указываетъ на дверь съ правой стороны). Караульные швейцарцы имѣютъ приказъ пропускать меня!..

Фанни. Нѣтъ! Одну минутку! Дайте мнѣ посмотрѣть его!..

Алліана. Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?..

Мирабелла. Увидишь его сегодня вечеромъ, завтра... даже слишкомъ много! (Мирабелла, Фанни и Алліана уходятъ).

Громкій голосъ (въ саду). На-а... к-раулъ! (Всѣ въ саду и въ залѣ опускаются на колѣни; въ томъ числѣ также лейтенантъ Гольтманъ и 2-й офицеръ).

Громкій голосъ (изъ сада, ближе). На-а... к-раулъ! (Въ саду показываются монсиньоръ Кокль, который идетъ, благословляя направо и налѣво,

и полковникъ Мюллеръ. Монсиньоръ Кокль одѣтъ священникомъ, съ золотымъ крестомъ на груди, и со звѣздой ордена св. Константина. Полковникъ Мюллеръ съ обнаженной головой, держитъ кэпи въ рукѣ, которою опирается въ бокъ. Кокль и Мюллеръ появляются въ среднихъ дверяхъ.

Фердинандъ (входитъ; онъ въ эполетахъ и при шпагѣ; дойдя до Кокля, онъ опускается на одно колѣно. То же дѣлаетъ Мюллеръ. Кокль благословляетъ).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Фердинандъ, Кокль, Мюллеръ, Гольтманъ, 2-й офицеръ, Гаэтано, Кармине, Агнеса. Въ саду слуги, крестьяне, солдаты.

Фердинандъ (къ Коклю). Монсиньоръ, цѣлую руки ваши и смиренно простираюсь, умоляя о прощеніи и отпущеніи грѣховъ.

Кокль. Не меня, а Господа, коему угодно было сдѣлать меня, недостойнаго, своимъ представителемъ. (Поднимаетъ его). Я преданнѣйшій и покорнѣйшій изъ подданныхъ вашего величества! (Еще разъ благословляетъ всѣхъ кругомъ).

(Всѣ встаютъ и удаляются, кромѣ Мюллера, лейтенанта Гольтмана и 2-го офицера).

Кокль (къ Фердинанду). Добрѣйшая и премудрая королева?

Фердинандъ. Тереза въ постели и поручаетъ вамъ себя, монсиньоръ, для испрошенія милости Мадонны Покровительницы Рожденій, много чтимой и столь чудотворной молитвенницы Поццуоли.

Кокль. Молитвы, возносимыя нами за ея величество, сіяющую прекраснѣйшими добродѣтелями и истинную королеву, всегда бывали услышаны Господомъ, ниспосылавшимъ всегда ея величеству свои особыя милости. Онъ пожелалъ проявить полное свое благоволеніе этому второму союзу вашему, освятивъ его многочадіемъ, дающемъ столько радости и увѣренности вашему дому.

Фердинандъ. Угодно вамъ, Моньсиньоръ?.. Наверхъ... въ ваши комнаты?

Кокль. Нѣтъ, нѣтъ, отнюдь! Смиренная особа моя не должна причинять вамъ ни малѣйшаго неудобства. Повсюду, гдѣ находится король—дворецъ, вездѣ, гдѣ есть служитель Господа—церковь...

Фердинандъ (къ Мюллеру). Какъ и въ другіе дни,—чтобъ не входилъ никто: ни даже его высочество принцъ Франческо!

Мюллеръ (отдаетъ военный салютъ; говоритъ съ обоими офицерами, изъ которыхъ одного посылаетъ направо, другого налѣво, и запираетъ двери).

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Фердинандъ, монсиньоръ Кокль, Мюллеръ.

Фердинандъ (снимаетъ съ себя шпагу и кладетъ ее вмѣстѣ съ беретомъ на столъ, разстегиваетъ куртку и показываетъ Коклю медальонъ, висящій у него на шеѣ на золотой цѣпочкѣ). Я храню здѣсь два волоса Мадонны,

которые вы попросили для меня у святого Альфонса. Всегда! Всегда здѣсь. Неправда ли, монсиньоръ? съ этой святыней я могу быть покоенъ и не бояться ни землетрясенія, ни сглаза, ни якобинцевъ?

Кокль (возводитъ глаза къ небу).

Фердинандъ (съ безпокойствомъ). Все-таки и съ этой святыней меня можетъ постичь какое-нибудь большое несчастіе?

Коклъ. Святыня эта, ваше величество, даетъ вамъ то, что очи Пресвятой Дѣвы обращены на васъ; вы не должны оказаться этого недостойнымъ, пренебрегая ея предостереженіями.

Фердинандъ (указываетъ на кресло). Угодно?.. Я уже приготовился, монсиньоръ.

Кокль. Сначала... (Принимаетъ особенно серьезный видъ, какъ будто погруженъ въ мистическое созерцаніе, и, произнося вполголоса молитву, поднимаетъ одну полу длинной мантіи и подаетъ ее поцѣловать Фердинанду).

Фердинандъ (блѣднѣя). Мантія святого Альфонса?

Кокль (утвердителяно опускаетъ, потомъ поднимаетъ голову). Мнѣ должно почерпнуть отъ нея новую силу, чтобы доставить вамъ спасеніе.

Фердинандъ. Спасеніе... души?

Кокль. Спасеніе души, спасеніе королевства и спасеніе жизни! Какъ родственникъ вашъ Людовикъ XVI...

Фердинандъ (откидывается назадъ съ крикомъ). А?

Кокль. Опасность вамъ грозящая, еще больше!.. Король-мученикъ, голова котораго, отсѣченная топоромъ палача, скатилась съ помоста при распутномъ хохотѣ пьяной толпы, палъ отъ революціи, разыгравшейся за дверьми дворца... Вы...

Фердинандъ. Я? Я?

Кокль. Она уже проникла сюда вмѣстѣ съ измѣной; она близка, она около васъ и уже занесла надъ вами свою окровавленную руку.

Фердинандъ (дрожа, прерывающимся голосомъ). Исповѣдуйте меня! Исповѣдуйте меня! Исповѣдуйте меня!

Кокль. Выслушайте...

Фердинандъ. Исповѣдуйте меня! Исповѣдуйте меня! Сначала прощеніе! Я полонъ грѣховъ! Нѣтъ... нѣтъ, нѣтъ, не... Не хочу умирать въ грѣхахъ... адъ...

Кокль. Успокойтесь... выслушайте.

Фердинандъ (внѣ себя). Исповѣдуйте меня, или, ей-Богу! (Въ ужасѣ отъ богохульства крестясь). Простите меня! Сжальтесь! Адъ! Адъ! Адъ!..

Кокль (простираетъ руки и возводитъ глаза къ небу съ молитвеннымъ видомъ). Святый Альфонсъ...

Фердинандъ. Святый Альфонсъ, но также и Мадонна Кармельская и еще болѣе чудотворная Мадонна Кампильонская...

Кокль (покрываетъ Фердинанда, не перестающаго дрожать, своей мантіей, подходитъ съ нимъ къ креслу, садится, опускаетъ Фердинанда передъ со-

бою на колѣни, читаетъ короткую молитву и благословляетъ его). Успокойтесь, сосредоточьтесь, будьте мужественны и начинайте.

Фердинандъ (все еще дрожа, судорожно и быстро). Еще... нѣсколько разъ съ Агнесой... Королева больна!.. Это грѣхъ, но, вѣдь, это не прелюбодѣяніе, правда? Прелюбодѣяніе вѣдь это только тогда, когда застаютъ при совершеніи грѣха, и если это съ лицами одного съ нами положенія, правда?

Кокль. Старайтесь не увеличивать грѣха соблазномъ!

Фердинандъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Соблазна я не допускаю! Я приказалъ закрыть наготу статуй... закрыть картины съ изображеніемъ нагихъ тѣлъ...

Кокль. Еще что? Дальше.

Фердинандъ. Опять тяжко согрѣшилъ корыстолюбіемъ въ ущербъ государству...

Кокль. Въ искупленіе принесите нашей святой церкви не обѣщанія, а доказательства вашего исправленія.

Фердинандъ. Вы сами посовѣтуйте мнѣ, какое пожертвованіе, монсиньо...

Кокль. Что еще?

Фердинандъ (со стономъ опускаетъ голову).

Кокль (громче). Еще?

Фердинандъ (поспѣшно). Я лгу, каждый день, всегда.

Кокль. Шутя? На благо или съ дурными стремленіями?

Фердинандъ. Немного... всячески!

Кокль. Помните: грѣхъ лжи тѣмъ болѣе тяжекъ, чѣмъ менѣе произносимая вами ложь можетъ вамъ быть полезна. А еще?

Фердинандъ (вздыхаетъ).

Кокль. А еще?

Фердинандъ. Ахъ, монсиньоръ!.. Монсиньоръ!.. Я не знаю, грѣхъ ли это... часто, часто мнѣ кажется, что... Когда я спокоенъ, не озабоченъ... тогда нѣтъ, но... въ иные дни... боюсь... (Невнятно, запинаясь). Боюсь! Боюсь! Я далъ клятву... потомъ... нарушилъ ее! Я поклялся въ томъ бѣдной Маріи-Христинѣ у ея смертнаго ложа... «Не надо крови! Не надо крови!» Я вижу, я вижу ихъ, монсиньоръ... Я вижу ихъ... груди, пробитыя пулями... стеклянные глаза... искаженные рты... молодые, старики... женщины... юноши... Монсиньоръ... Монсиньоръ!.. О, всѣ эти мертвецы! Всѣ заодно! Всѣ вмѣстѣ и всѣ на меня! Ужасно! Они душатъ меня!.. И потомъ она!.. Моя жена... Марія-Христина... «Не надо крови! Не надо крови!» Я ей поклялся въ томъ! Въ томъ, что не пролью крови. Каюсь! Каюсь! Я раскаялся! Я ограничилъ число приговоровъ! Да, да! Послѣ усмиренія бунта въ Сициліи, когда надо было подавить движеніе въ Абруццѣ, въ Калабріи, я приказалъ, я телеграфировалъ членамъ военныхъ судовъ, чтобы нигдѣ не разстрѣливали и не вѣшали больше десяти...

Кокль. И нигдѣ не менѣе шести!

Фердинандъ (рыдая, опускаетъ голову на колѣни Кокля).

Кокль (холоднымъ и саркастическимъ взглядомъ посмотрѣвъ на Фердинанда). Марія-Христина Савойская была слишкомъ кротка, слишкомъ слаба душой; она была рождена для монастыря, а не для престола, и ей невѣдомы были неуклонныя обязанности, суровый долгъ государей.

Фердинандъ. Правда... Она сразу отлетѣла въ рай!.. Она святая! Но святая, которая противъ меня!

Кокль (поникая головой). Святымъ никогда не можетъ быть тотъ, кто не былъ твердъ противъ враговъ вѣры! Не далъ ли Господь Богъ, Царь Небесный, даже самымъ ангеламъ своимъ, высшимъ хранителямъ Его славы, длинные пламенные мечи? Марія-Христина Савойская была причтена къ лику святыхъ тѣми же недостойными и богохульными пастырями, которые избрали Пія IX въ папы и которые обманываютъ его! Молитесь, ваше величество, за упокой души Маріи-Христины, молитесь, чтобы Святый Духъ открылъ чудомъ очи новому главѣ церкви.

Фердинандъ (схватывая одну руку Кокля и съ восторгомъ цѣлуя ее). Можете отпустить мой грѣхъ? Возможно отпустить мой грѣхъ, монсиньоръ?

Кокль (торжественно). Когда вы подписываете смертный приговоръ, кого вы чувствуете въ себѣ: человѣка ли, который мститъ, или короля, вынужденнаго карать?

Фердинандъ (съ живостью). Короля! Короля!

Кокль. Тогда это не грѣхъ!

Фердинандъ (съ радостнымъ крикомъ вскакиваетъ на ноги). Я невиненъ, монсиньоръ, я невиненъ?

Кокль (продолжая сидѣть, беретъ его за руку и вынуждаетъ его опять опуститься на колѣни). Сосредоточьтесь... Еще что?...

Фердинандъ. Скажите мнѣ, сейчасъ скажите, кто мнѣ измѣняетъ?

Кокль. Еще что? Еще что?

Фердинандъ (поспѣшно). Гнѣвъ... Злоба... легкіе грѣхи!..

Кокль (строго). Злоба? Но это всего болѣе оскорбляетъ Божественнаго Агнца.

Фердинандъ. Иногда маленькая невоздержность въ пищѣ.

Кокль. Несчастный, но объяденіе—это, вѣдь, одинъ изъ самыхъ низкихъ грѣховъ! Оно лишаетъ васъ одновременно спасенія души и тѣлеснаго здоровья и приближаетъ смерть съ ея ужасами и скрежетомъ ада!

Фердинандъ (вздрагиваетъ отъ ужаса).

Кокль. Впродолженіи восьми дней избѣгайте всякой пищи и питья, которыя доставляли бы вамъ наслажденіе.

Фердинандъ (смиренно). Хорошо, монсиньоръ.

Кокль. Повторяйте за мной съ сердечнымъ сокрушеніемъ. (Сосредоточенно произноситъ вполголоса молитву, потомъ благословляетъ Фердинанда).

«Ego te absolvo»... (Остальныя слова теряются, онъ только шевелитъ губами. Оба въ одно время встаютъ; Кокль тотчасъ же снимаетъ съ Фердинанда мантію и кладетъ ее на кресло, предварительно поцѣловавъ ее и давъ поцѣловать королю).

Фердинандъ (переставая сдерживаться). Говорите! Говорите! Все! Теперь вы говорите, безъ колебаній. Я вамъ приказываю, я вамъ король! (Мѣняя тонъ, обнимая Кокля). Вы моя поддержка, мой другъ, мой самый дорогой другъ!

Кокль (съ ироніей). Я молюсь за васъ, я о васъ забочусь, но другъ не я! Вашъ другъ графъ Вероленго!

Фердинандъ. Онъ для меня только надоѣдливый человѣкъ!

Кокль (пристально, испытующе смотритъ на Фердинанда). Вѣдь, и сегодня?.. Онъ былъ тутъ?

Фердинандъ. Я его не принялъ! Не далъ ему аудіенціи. Не видалъ его! Ну? Ну? Измѣна? Какая измѣна? Кто мнѣ измѣняетъ?

Кокль. Именно тѣ самые, которые хотятъ меня отъ васъ удалить, которые хотятъ изгнать меня, выгнать изъ государства! Мои... наши враги становятся все смѣлѣе!

Фердинандъ (нѣсколько успокоившись и, въ свою очередь, съ ироніей). А! а! такъ это вы потому удостоили меня своей столь благосклонной заботливостью, монсиньоръ; потому что опасность грозитъ вамъ, не мнѣ!

Кокль (останавливаетъ взглядомъ его смѣхъ). Большой военный заговоръ... Васъ хотятъ схватить завтра ночью въ то время, какъ вы отправитесь исполнять обрядъ покаянія въ церковь Чудесъ Господнихъ...

Фердинандъ (снова пугаясь). Какъ вы это узнали? Какъ вы открыли?

Кокль. Я узналъ это во́-время. Этого довольно, ваше величество! (Прикладываетъ одну руку сначала къ губамъ, потомъ къ груди). Тайна исповѣди.

Фердинандъ. Кто? Кто? Имена заговорщиковъ! Имена заговорщиковъ!

Кокль. Много вашихъ офицеровъ, изъ нихъ одинъ генералъ.

Фердинандъ (яростно). Войско! Всѣ предатели!

Кокль. И миланскій маркизъ Розалисъ подъ лживымъ именемъ маэстро Савольди!

Фердинандъ. Маэстро примадонны?

Кокль. Но глава, который всѣмъ руководитъ, тотъ, чья рука должна нанести ударъ—это наставникъ наслѣднаго принца, креатура Вероленго!

Фердинандъ. Алліана?

Кокль. Капитанъ Алліана!

Фердинандъ (зоветъ). Полковникъ Мюллеръ! Пол..

Кокль (останавливаетъ его). Что вы хотите сдѣлать?

Фердинандъ. Арестовать его сію минуту!

Кокль. Алліана отъ насъ уже не уйдетъ; но неосторожность могла бы спасти другихъ, тѣхъ, кто вдали.....

Фердинандъ. Дель Карретто? Маркизъ дель Карретто!

Кокль. Нѣтъ, не дель Карретто! На него больше нельзя полагаться! Это доказываетъ этотъ заговоръ: или онъ о немъ не знаетъ, и слѣдовательно не годенъ на своемъ мѣстѣ, или же знаетъ, и тогда, значитъ, измѣняетъ.

Фердинандъ. Мой министръ?

Кокль. Онъ старый карбонарій, знается съ либералами! Если замѣшаны его пріятели, они будутъ заблаговременно спасены.

Фердинандъ. Но, вѣдь, это мой министръ! Полиція въ его рукахъ!

Кокль. Вотъ именно! Не надо сенсаціонныхъ арестовъ. Настоящій судъ, который все раскроетъ, долженъ произойти здѣсь, сегодняшней же ночью; виновные будутъ захвачены спящими. Будете дѣйствовать вы, ваше величество, полковникъ Мюллеръ, баронъ Баттифарно, уже столько разъ доказывавшій вамъ свою преданность! А потомъ, для соблюденія формы и постановленія приговора—военный судъ.

Фердинандъ. Здѣсь? Здѣсь они?.. Алліана... а еще? Кто еще?

Кокль. «Золотая Лилія» гнѣздо любовныхъ исторій этихъ женщинъ...

Фердинандъ. Пѣвицы и ея сестры?

Кокль. У нихъ былъ притонъ заговорщиковъ. Эти женщины должны знать многое. Все! (Возводитъ глаза къ небу). Мое предложеніе было внушено мнѣ свыше! Онѣ тутъ у насъ теперь... подъ руками... Въ «Золотой Лиліи» бывалъ маркизъ Розалисъ также и ночью, тайно... вмѣстѣ сь капитаномъ Алліана.

Фердинандъ. Алліана? Съ Розалисомъ?..

Кокль. Розалисъ, а не профессоръ музыки Савольди! Переодѣтый Розалисъ, въ очкахъ, выдававшій себя за нѣмца-импрессаріо изъ Вѣны. Изъ двухъ женщинъ одна любовница Савольди, другая, младшая, любовница капитана Алліана. Ну, а теперь прогоните меня, ваше величество, вмѣстѣ со всѣми монахами моего ордена, и призовите дель Карретто!

Фердинандъ (умоляюще). Не покидайте меня, монсиньоръ! Не покидайте меня!

Кокль. Даруйте вы тоже широкую амнистію для политическихъ преступниковъ, какую даровалъ Пій IX,—всѣ ею восхищались, даже турецкій султанъ! Сдѣлайте уступки, дайте конституцію, какъ Карлъ-Альбертъ... (Переходя изъ ироническаго тона въ угрожающій) и, какъ Людовикъ XVI, откройте новымъ идеямъ и новымъ идеаламъ свободы двери вашего дворца... и туда войдетъ оборванное, свирѣпое площадное буйство! Свѣжа исторія, и это исторія вашего семейства! Если вы не умѣете быть королемъ,—и Богъ накажетъ васъ за то муками ада,—будьте мужчиной! У васъ... жена... дочери... Видите вы лежащимъ передъ вами обнаженное, безформенное тѣло женщины... Смотрите, какъ.. какъ его истерзали!... Это трупъ родной вамъ... (На ухо Фердинанду). Развѣ не родственница вамъ княгиня Ламбаль?

Фердинандъ (бросается къ столу, вцѣпляясь обѣими руками въ шпагу. Волосы на головѣ его поднялись; онъ кажется обезумѣвшимъ отъ ужаса). Полковникъ Мюллеръ! Полковникъ Мюллеръ! (Отворяется дверь изъ сада, на порогѣ появляется Мюллеръ. Позади него другіе два офицера стоятъ на часахъ).

Фердинандъ (мало-по-малу успокаивается, дѣлаетъ Мюллеру знакъ, чтобы онъ приблизился). Подойдите, полковникъ... Идите сюда.

Мюллеръ (подходитъ; отдаетъ честь).

Фердинандъ (смѣется, но у него трясутся ноги; вполголоса). Сегодня ночью,—но смотри! (Дѣлаетъ знакъ молчанія). Не то бѣда! Чтобы весь полкъ былъ при оружіи... наготовѣ. Ты будешь нуженъ намъ съ монсиньоромъ нынче ночью... и твои молодцы. (Улыбается). Мы готовимъ милую шутку для нашихъ друзей! (Злобно хохочетъ). Ты понялъ? Ступай!...

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Спальня Мирабеллы въ королевскомъ дворцѣ въ Казертѣ, съ альковомъ, отдѣляющимъ кровати. Въ глубинѣ, налѣво, стеклянная дверь съ прозрачными занавѣсками. Справа дверь и окно.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Мирабелла и Фанни, обѣ передъ туалетомъ; причесываютъ себѣ волосы на ночь. Какъ только занавѣсъ поднимается, раздается продолжительный, веселый смѣхъ Фанни, которая перебираетъ, приглаживаетъ и расчесываетъ волосы Мирабеллы.

Фанни. Ха! ха! ха!.. Сѣдой волосъ!.. Правда! правда! посмотри! (Показываетъ волосъ, держа его двумя пальцами; тихонько). Ужъ теперь нельзя выдавать себя за мою сестру.

Мирабелла (улыбаясь). Поищи хорошенько! Навѣрное тамъ не одинъ!

Фанни (сердясь). Вотъ неправда!.. Да и этотъ не бѣлый! Только посвѣтлѣе другихъ!

Мирабелла. Ты боишься огорчить меня своимъ открытіемъ?

Фанни. Не тебя, а себя!.. Потому что для меня ты самое прекрасное, что только есть на свѣтѣ!

Мирабелла (улыбается и качаетъ головой).

Фанни. Да, чудная, красавица! И мама, мама, мама! (Горячо ее цѣлуетъ и обнимаетъ). Господи, какъ мнѣ необходимо называть тебя мамой! И какъ меня злитъ эта сестра! Сестра! Какъ это мало по сравненію съ мамой! (Еще разъ цѣлуетъ ее). Мама!.. Моя!.. (Ласкаетъ ее). Какъ ты мнѣ нравишься! Какіе у тебя волосы чудные! Какіе чудные глаза!.. Какой ротъ красивый!.. Какой носъ красивый!.. Да, да у тебя такой носъ, прелесть! (Цѣлуетъ его).

Мирабелла. Радость моя!.. Я тебѣ нравлюсь, потому что я твоя мама!

Фанни. И поэтому ты красавица! (Съ милой кокетливостью показываетъ на зеркало). Посмотри-ка и на меня тамъ... По твоему возможно, чтобы я была дочерью... уродливой матери?

Мирабелла (смѣясь, сажаетъ себѣ Фанни на колѣни и принимается ее причесывать). Чтобы наказать тебя за тщеславіе, я тебѣ завтра напомню, что ты мнѣ сказала.

Фанни. Что я сказала?

Мирабелла. Что то, что тебѣ всего больше нравится въ мірѣ—это я!

Фанни. И завтра, и потомъ, и всегда!

Мирабелла (прищуривая одинъ глазъ и кивая головой на окно). А... онъ?.. Капитанъ?

Фанни. Капитанъ?

Мирабелла. Если это я, то ужъ, значитъ, не онъ; ты ужъ помни теперь!

Фанни. Да... если ты... (Съ громкимъ комическимъ вздохомъ). Ну, у тебя способность задавать затруднительные вопросы!

Мирабелла. Ну, ужъ хорошо! Но его ты... любишь больше!

Фанни (сердито). Вовсе нѣтъ!

Мирабелла. Въ самомъ дѣлѣ?.. нѣтъ?..

Фанни. Гадкая! Ты гадкая!

Мирабелла. Люби! Люби его! Вѣдь, и я его тоже люблю за то, что ты его любишь!

Фанни (опять улыбаясь), И потому... что онъ меня любитъ! (Вскакиваетъ и хочетъ увлечь Мирабеллу къ окну). Пойдемъ посмотрѣть!

Мирабелла. Нѣтъ, будетъ! Ты ужъ столько заставляла меня любоваться луной въ это окошко... (Смотритъ на часы, стоящіе на каминѣ). Почти два!.. Дорогая, надо сію минуту ложиться!

Фанни. Пойдемъ, посмотримъ, заперто ли его окно; темно ли все, спитъ ли онъ... и тогда хорошо!.. Пойдемъ и мы спать! (Идутъ къ окну).

Мирабелла. Видишь?.. Все заперто и вездѣ темно!

Фанни (разочарованно). Все темно!.. Спитъ,—профессоръ!

Мирабелла. Ну, значитъ, и мы сдѣлаемъ то же... Въ постель...

Фанни (облокачивается на окно). Какой у тебя голосъ былъ сегодня!.. А король-то! сколько наговорилъ любезностей! Вотъ увидишь... по окончаніи праздниковъ онъ... наградитъ тебя орденомъ.

Мирабелла. Спать! Спать!.. Ты не привыкла такъ поздно сидѣть!

Фанни (подчиняясь, все-таки продолжаетъ все время смотрѣть на окно, между тѣмъ какъ Мирабелла старается увести ее къ альковy, отдѣляющему кровати. Внезапно, съ радостнымъ крикомъ). Свѣтъ!.. Окно освѣщено! (Съ живостью выскальзываетъ изъ рукъ Мирабеллы и бѣжитъ къ окну. Въ это время за стеклянной дверью съ лѣвой стороны проходятъ нѣсколько солдатъ-швейцарцевъ съ ружьями).

Мирабелла (смотря съ Фанни въ окошко, спокойно). Сколько солдатъ во дворѣ! У каждыхъ дверей солдатъ на часахъ!

Фанни. Видно, что сонъ легко бѣжитъ изъ королевскихъ жилищъ.

Мирабелла (съ возникающимъ въ это мгновеніе смутнымъ безпокойствомъ). Я бы хотѣла знать, гдѣ Альберто? Остался онъ въ Казертѣ? Или вернулся въ Неаполь?

Фанни. Папа сказалъ, что вернется въ Неаполь.

Мирабелла. Однако... сколько солдатъ... Видишь тамъ... въ глубинѣ двора?

Фанни. Навѣрное смѣна караула! Тамъ, въ той сторонѣ лѣстница въ библіотеку!

Мирабелла (все болѣе и болѣе безпокоясь). Надъ библіотекой, вѣдь помѣщается Алліана?

Фанни (смѣясь). Это естественно! Профессоръ спитъ надъ книгами.

Мирабелла (попрежнему съ возрастающимъ безпокойствомъ). Они не смѣняютъ караулъ!.. Они уходятъ... и среди нихъ какой-то человѣкъ... смотри! (Заслоняетъ собою окно, чтобы Фанни не могла видѣть). Нѣтъ!.. Не смотри!

Фанни (въ свою очередь начиная пугаться). Отчего?

Мирабелла (успокаиваясь). Не можетъ быть!.. Такъ далеко!.. Мнѣ померещилось... такая странность...

Фанни. Что тебѣ померещилось?

Мирабелла. Мнѣ показалось, что среди солдатъ арестованный офицеръ...

Фанни. Винченцо!

Мирабелла. Нѣтъ, клянусь тебѣ! Мнѣ просто померещилось! Галлюцинація...

Фанни. Я хочу посмотрѣть...

Мирабелла. Смотри; ужъ нѣтъ никого! (Успокаивая ее). И посмотри на окно твоего Винченцо!.. Тамъ попрежнему свѣтъ!

Фанни (облегченно улыбается). Да! Правда!.. Какъ я испугалась! (Беретъ руку Мирабеллы и прижимаетъ ее къ груди). Слышишь мое сердце... Какъ бьется!.. (Опять охватываемая ужасомъ). Мама!.. Мама!.. Вѣдь наше окошко открыто... и тоже освѣщено!.. Отчего же Винченцо не открываетъ своего?.. Отчего не подойдетъ показаться?.. Ахъ, Боже мой, Боже мой! И нельзя закричать! Нельзя позвать! (Рѣшительно, безъ слезъ). Что то случилось, я чувствую! Какое то несчастіе! (Вся дрожа, ходитъ по комнатѣ, ища что то, находитъ шарфъ, окутываетъ имъ голову; все это время онѣ продолжаютъ разговаривать). Пойдемъ внизъ! Я хочу спуститься!

Мирабелла (также вся дрожа). Зачѣмъ?..

Фанни. Чтобы узнать... спросить...

Мирабелла. Спросить... кого?

Фанни. Солдатъ... какого нибудь офицера... (Подходятъ къ дверямъ съ правой стороны, открываютъ ихъ; на порогѣ появляется лейтенантъ Гольтманъ; обѣ женщины въ ужасѣ отступаютъ, Мирабелла молча, Фанни съ крикомъ бросается на шею Мирабеллѣ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Мирабелла, Фанни, лейтенантъ Гольтманъ, потомъ полковникъ Мюллеръ.

Мирабелла (спустя мгновеніе, собираетъ силы, но не въ состояніи сказать слова, и дѣлаетъ шагъ по направленію къ дверямъ).

Гольтманъ (неподвижно, съ серьезнымъ лицомъ преграждаетъ ей путь; въ эту минуту слышится стукъ ружей, которыми отдаютъ честь. Входитъ).

Мюллеръ. (Сквозь стеклянную дверь съ прозрачными занавѣсками видны нѣсколько швейцарскихъ солдатъ).

Мирабелла (къ Мюллеру гнѣвно). Сюда?.. Въ нашу комнату?..

Мюллеръ. По приказу его величества.

Фанни (съ ужасомъ крѣпче прижимается къ Мирабеллѣ).

Мирабелла (съ гордостью). Не бойся! Мы гости короля! Мы съ довѣріемъ приняли честь его приглашенія... Все это непонятно, но... (Съ тревогой). Говорите!.. Объясните намъ!.. (Опять къ Фанни, которую все время держитъ обнятою). Мы гости короля! Намъ нечего бояться!

Лейтенантъ **Гольтманъ** и **Мюллеръ** (становятся во фронтъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Входятъ Фердинандъ, монсиньоръ Кокль и Баттифарно.

Фердинандъ. Именно, синьора Розалія... (Съ легкимъ смѣхомъ). Вы можете быть покойны!

Фанни. Король! Король! (Выпускаетъ изъ рукъ Мирабеллу и съ прояснившимся лицомъ дѣлаетъ шагъ къ Фердинанду).

Фердинандъ. Изъ за нѣсколькихъ безумцевъ, которымъ охота скандалить, не приходится спать нынче ночью; но мы ихъ вылечимъ... довольно энергичнымъ пріемомъ, и они оставятъ насъ въ покоѣ! Я бы не безпокоилъ васъ, mesdames, еслибы и вы тоже не были еще на ногахъ. Вѣроятно, усталость послѣ репетиціи, громадный успѣхъ?

Мирабелла (по прежнему въ страшномъ волненіи). Доброта вашего величества даетъ мнѣ мужество...

Фанни. Даетъ намъ столько мужества...

Мирабелла. Ваше величество, скажите, какой приказъ былъ данъ... чтобы... (слова останавливаются у нея въ горлѣ, когда она видитъ входящихъ въ это мгновеніе Кокля и Баттифарно).

Фердинандъ (съ достоинствомъ и вѣжливо). Вы можете, синьора Розалія, дать этимъ господамъ... нѣсколько необходимыхъ разъясненій для того, чтобы всѣхъ опасныхъ сумасшедшихъ можно было посадить въ сумашедшій домъ. (Вульгарно смѣется). И чтобъ никто не удралъ?

Фанни (при видѣ Кокля, который смотритъ на нее съ выраженіемъ ласки и кротости на лицѣ, снова со страхомъ прижимается къ Мирабеллѣ). Кто это? Кто это?

Мирабелла (блѣдная, какъ смерть, не отвѣчая, смотритъ на Фердинанда).

Фердинандъ (жестко и иронически). Монсиньоръ Кокль, madame, то бишь mademoiselle. (Обмѣнивается съ Коклемъ взглядами, потомъ опять смѣется). Эта малютка не привыкла, должно быть, имѣть дѣло съ монсиньорами, съ духовными лицами. Ха! Ха! У нея и имя изъ оперы!

Кокль (съ кротостью). Моя одежда, синьорина, не должна смущать васъ; это одежда бѣднаго служителя церкви и указываетъ на смиреніе и снисхожденіе.

Фанни (привлеченная улыбкой и лясковостью Кокля, дѣлаетъ шагъ по направленію къ нему, потомъ инстинктивно опять отступаетъ къ Розаліи и съ ужасомъ шопотомъ говоритъ ей). Что имъ надо отъ насъ? Зачѣмъ эти солдаты? А Винченцо?..

Мирабелла (не сводитъ глазъ съ Фердинанда и съ Кокля; чтобы Фанни молчала, прижимаетъ тихонько къ своей груди ея голову, закрывая ей такимъ образомъ и ротъ).

Фердинандъ. Садись, Баттифарно! (Съ поклономъ). Прошу васъ, монсиньоръ!.. Садитесь, милыя... дамы! (Съ легкимъ зѣвкомъ, дѣлая видъ, что хочетъ спать, но дѣлая глазами знаки Коклю). Покончимъ скорѣе и пойдемъ всѣ спать. (Впродолженіи послѣдующаго разговора между Коклемъ и Мирабеллой Баттифарно ищетъ и находитъ маленькую элегантную чернильницу, которую и ставитъ на небольшой столикъ; садится, вынимаетъ изъ кармана нѣсколько листовъ бумаги и кладетъ ихъ передъ собою на столъ; внимательно слушаетъ всѣ отвѣты Мирабеллы и Фанни и записываетъ ихъ. Фердинандъ надѣваетъ беретъ, какъ бы оттого, что у него озябла голова, разваливается въ углу дивана, положивъ одну ногу на другую, и бьетъ слегка хлыстомъ по подушкамъ. Мюллеръ, вытянувшись неподвижно стоитъ у дверей).

Кокль (подвигая Мирабеллѣ кресло). Присядьте!.. Доброта его величества позволяетъ намъ это!

Мирабелла (продолжая держать Фанни въ своихъ объятіяхъ). Что желаютъ знать отъ насъ?..

Кокль (съ величайшей сладостью въ голосѣ и манерахъ). Добрые люди... легко вѣрятъ въ доброту и искренность другихъ, тѣмъ болѣе, что злонамѣренность и коварство принимаютъ на себя обыкновенно самую прекрасную и самую добродѣтельную наружность.

Мирабелла и Фанни (смотрятъ на Кокля, все блѣднѣя, и все съ большимъ ужасомъ, думая, что онъ намекаетъ на Алліану).

Кокль. Одинъ изъ вашихъ лучшихъ друзей... именно и обманулъ васъ, лукаво пріобрѣтя вашу дружбу и ваше довѣріе...

Мирабелла. Кто?

Кокль. Выставляя себя честнымъ... благороднымъ... и будучи лишеннымъ совѣсти злоумышленникомъ.

Мирабелла. Кто?.. Кто?..

Кокль. Не... догадываетесь?

Мирабелла (поспѣшно). Нѣтъ!

Кокль (улыбаясь, но внимательно слѣдя за ней). Это... вашъ... аккомпаньяторъ...

Мирабелла (съ радостнымъ взглядомъ, видя, что дѣло идетъ не объ Алліана). Ахъ! Савольди!

Фанни (такъ же). Маэстро! (Къ Розаліи шопотомъ). Они о маэстро!

Кокль. Это открытіе васъ не удивляетъ?.. Такъ что вы, значитъ, знали, что этотъ Савольди... человѣкъ увлекающійся... опасный?...

Мирабелла (внѣ себя). Да!.. (Тотчасъ же). То-есть нѣтъ. Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Я не знаю!.. Я не знаю!

Баттифарно (пишетъ).

Кокль. Милая синьора... Съ добрымъ намѣреніемъ, конечно, но опять-таки въ заблужденіи, вы не говорите намъ теперь правду... (Обращаясь также къ Фанни). Въ Миланѣ маэстро Савольди—это знаемъ теперь всѣ мы, не только вы,—носитъ другое имя, и почтеннѣйшій профессоръ музыки занимается также другой профессіей: его зовутъ маркизъ Розалисъ, и занимается онъ... (съ улыбкой) ничегонедѣланіемъ.

Мирабелла. Савольди?.. Маркизъ Розалисъ?.. Мы никогда не знали этого! Не правда ли, Фанни?

Фанни (смотритъ на мать; не можетъ сказать ложь).

Кокль (кивая головой и подмигивая глазами, добродушно). Да... да.

Фердинандъ (дѣлаетъ нетерпѣливый знакъ Баттифарно).

Баттифарно (рѣзко и рѣшительно). Да! Вамъ извѣстно настоящее его имя; ложный маэстро Савольди только что самъ сказалъ и подтвердилъ мнѣ это въ тюрьмѣ святой Маріи.

Мирабелла и Фанни (съ ужасомъ прижимаются другъ къ другу). Въ тюрьмѣ?

Фанни. Маэстро?.. Бѣдный маэстро?..

Баттифарно. Прочесть его показаніе?

Кокль. Это правда; и какъ вы были введены въ заблужденіе, точно такъ же и другіе были обмануты и совлечены съ пути истины. И среди нихъ... (со вздохомъ) также и капитанъ Алліана.

Мирабелла. Алліана?

Фанни. Винченцо?

Кокль (горестно утвердительно киваетъ головой, потомъ обмѣнивается взглядомъ съ Фердинандомъ, въ то время какъ Баттифарно продолжаетъ допросъ).

Баттифарно. Капитанъ Алліана... съ большой тайной... приходилъ въ «Золотую Лилію» съ мнимымъ Савольди?

Мирабелла. Неправда...

Фанни. Никогда! Съ маэстро никогда! (Къ Мирабеллѣ шопотомъ). Винченцо приходилъ съ папой! Скажемъ же, онъ приходилъ съ папой!

Баттифарно (грубо). Говорите со мной, а не съ вашей сестрой, и подойдите сюда!

Фанни (съ испугомъ отстраняется отъ Мирабеллы).

Баттифарно. Маэстро Савольди приходилъ переодѣтый въ «Золотую Лилію» вмѣстѣ съ капитаномъ Алліана!

Фанни (трясетъ отрицательно головой). Клянусь! Клянусь! (Къ Мирабеллѣ шопотомъ). Надо все сказать, скажемъ все!

Мирабелла (къ Фанни, шопотомъ). Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Ради Бога, нѣтъ!

Фердинандъ (грубо и злобно къ Мирабеллѣ). Молчите, вы! Только та, кого спрашиваютъ, отвѣчаетъ.

Баттифарно (грубо). И не отпирайтесь, не клянитесь, не пытайтесь лгать! (Ударяетъ рукой по бумагамъ). Правда вся тутъ, записана! Капитанъ Алліана приходилъ поздно ночью къ вамъ въ гостинницу въ то время, когда туда приходилъ тайкомъ и Савольди для устройства заговора.

Фанни (продолжаетъ выражать протестъ руками и головой).

Баттифарно (продолжая). Мнимый Савольди, переодѣтый, выдавая себя за нѣмецкаго импрессаріо изъ Вѣны!

Фанни. Неправда! Неправда! (Съ раздирающимъ крикомъ). Неправда! (Обращается съ умоляюще сложенными руками къ Коклю). Ахъ, монсиньоръ! (Умоляюще къ Фердинанду). И вы!... Вы были такимъ добрымъ!... Будьте же опять добрымъ! Васъ обманули! Винченцо не приходилъ съ Савольди, никогда, никогда не приходилъ съ Савольди!

Баттифарно (съ саркастической улыбкой, стуча опять по бумагамъ). Здѣсь все! Здѣсь! Здѣсь записано!...

Фанни. Онъ съ моимъ папой приходилъ! Это мой папа приходилъ съ Винченцо ночью, тайкомъ, переодѣтый! Онъ не заговорщикомъ приходилъ! Онъ для меня приходилъ! Потому что не надо было, чтобы это знали въ Неаполѣ! (Указываетъ на Мирабеллу). Это не сестра моя! Это моя мама!

Баттифарно. Вашъ отецъ?

Фердинандъ. Кто?

Фанни. Я сказала! Сказала! Я все сказала!

Кокль. Графъ Вероленго?..

Фердинандъ (угрожающе). Вероленго?

Кокль (внимательно слѣдя за Фанни и Мирабеллой, удерживаетъ его за руку).

Фанни. Онъ не могъ жениться на мамѣ... Не можетъ жениться... (У нея сжимается горло и слова обрываются) пото... му что... (Разражается рыданіями и бросается въ объятія къ Мирабеллѣ). Но онъ отецъ мой, отецъ мой, отецъ мой!..

Мирабелла (скрываетъ свое лицо, цѣлуя волосы Фанни).

Баттифарно (пишетъ).

Кокль (выразительно Фердинанду). Значитъ и онъ тоже... Вероленго?

Фердинандъ. Этотъ несносный проповѣдникъ законности и нрав-

ственности!.. Держитъ любовницу и незаконную дочку, баярдъ пьемонтскій!

Кокль. И онъ въ заговорѣ! Въ числѣ заговорщиковъ! Одинъ съ матерью, другой съ дочерью, какъ добрые... товарищи...

Фердинандъ. И Вероленго тоже?.. (Про себя, при чемъ Кокль внимательно слѣдитъ за нимъ). Такъ значитъ... со мной... (какъ раньше дѣлаетъ пальцами движенія, обозначающія конфедерацію). Это все притворство было? Ну, дальше, Баттифарно, и добирайся до самой сути, безо всякихъ церемоній. Живо!

Баттифарно. Фанни, Мирабелла, приблизьтесь! (Фанни нерѣшительно дѣлаетъ шагъ впередъ). Итакъ, вы признались, что графъ Вероленго вашъ отецъ. Хорошо. Теперь скажите, какія отношенія существовали между графомъ Вероленго и вашимъ любовникомъ, капитаномъ барономъ Винченцо Алліана?

Фанни (при словѣ „любовникъ“ бросается къ матери и скрываетъ лицо у нея на груди).

Мирабелла (съ силой). Я любовница графа Вероленго, потому что иначе не можетъ быть, но моя дочь невѣста капитана Алліана!

Баттифарно. Это не важно. Извольте отвѣчать, кого спрашиваютъ.

Мирабелла. Моя дочь?.. Что вы хотите отъ нея? Что она можетъ знать? Что она можетъ вамъ отвѣтить? Я вамъ скажу все, что знаю, но сначала... вы, ваше величество, скажите мнѣ, что здѣсь происходитъ? Что здѣсь хотятъ сдѣлать? Чего требуютъ отъ насъ, отъ двухъ беззащитныхъ женщинъ, ошеломленныхъ, пораженныхъ ужасомъ?

Фердинандъ (съ пренебрежительной грубостью). Дальше, Баттифарно! (Впродолженіи послѣдующаго разговора онъ вынимаетъ изъ кармана портсигаръ, выбираетъ сигару, ломаетъ ее, зажигаетъ о свѣчку и куритъ.

Баттифарно. Фанни Мирабелла, подойдите; вы одна.

Фанни (всѣмъ тѣломъ прижимается къ Мирабеллѣ).

Баттифарно (дѣлаетъ знакъ Мюллеру, невнятно произнося при этомъ нѣсколько словъ по нѣмецки; разобрать можно только: „Гольтманъ“.)

Мюллеръ (открываетъ дверь съ правой стороны и вполголоса зоветъ). Лейтенантъ Гольтманъ!

Гольтманъ (входитъ и становится во фронтъ).

Мюллеръ (говоритъ ему нѣсколько словъ по нѣмецки, указывая на Мирабеллу и Фанни, которыя въ ужасѣ еще крѣпче прижимаются другъ къ другу).

Гольтманъ (подходитъ къ Мирабеллѣ и движеніемъ руки указываетъ ей на дверь съ лѣвой стороны).

Мирабелла (вся дрожа, съ дикимъ видомъ). Съ моей дочерью!.. Я остаюсь съ моей дочерью!

Гольтманъ (хватаетъ ее за руку).

Фанни (пытается отстранить его). Мама! Мама моя! Оставьте маму!..

Мирабелла (къ Фердинанду, который оборачивается къ ней спиной и

дѣлаетъ видъ, что раздражается изъ за сигары, которая не можетъ зажечься). Я здѣсь потому, что вы меня пригласили, потому что вы просили меня, я женщина, находящаяся въ вашемъ домѣ, у васъ въ гостяхъ; но если это не затрогиваетъ чести и самолюбія короля Неаполя,—я не подданная ваша, я свободна и имѣю право быть свободной!

Кокль (чуть замѣтно улыбается).

Баттифарно (беретъ въ руку одну изъ лежащихъ на столѣ бумагъ). Вы обвиняетесь въ преступленіи, караемомъ по нашимъ законамъ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ тюрьмы. (Дѣлаетъ знакъ Мюллеру).

Мюллеръ (схватываетъ Фанни, въ то время какъ Гольтманъ вталкиваетъ Мирабеллу въ маленькую комнату налѣво и, войдя туда съ нею, запираетъ двери).

Мирабелла (внѣ себя, съ дикимъ видомъ, хриплымъ голосомъ). Нѣтъ Нѣтъ! Нѣтъ!

Фанни (почти безъ голоса, съ отчаяніемъ). Мама... мама...

Мюллеръ (послѣ того, какъ за Мирабеллой и Гольтманомъ запирается дверь, отпускаетъ Фанни и возвращается на свое мѣсто).

Фанни (бросается къ дверямъ и падаетъ на полъ около нихъ въ сидячемъ положеніи съ сухимъ рыданіемъ безъ слезъ, судорожно содрогнувшись всѣмъ тѣломъ).

Фердинандъ (кладетъ неудачную сигару на столъ). Возьми, Баттифарно!.. Эта сигара хороша чтобы подарить пріятелю. (Смѣется).

Кокль (къ Фанни съ величайшей ласковостью и вкрадчивостью). Не отчаивайтесь такъ, успокойтесь; мама тутъ близко, рядомъ съ нами! (Пониженнымъ голосомъ). Я попрошу, его величество,—нашъ король такой добрый,—попрошу, чтобы онъ велѣлъ сейчасъ, сейчасъ вернуть ее! Мы всѣ убѣждены въ невинности вашего жениха и вашего папы! Они оказались жертвами нехорошихъ друзей, съ которыми приходили къ вамъ въ гостинницу, не зная, конечно, что поступаютъ дурно... Маминъ аккомпаньяторъ, правда?.. И генералъ делль Аннунціата, полковникъ Караччоло, полковникъ Колакджело, и еще?.. Еще кто?.. Надо спасти жениха и папу отъ нехорошихъ друзей, правда? которые хотѣли схватить короля?.. Хотѣли убить короля, правда?.. Я сейчасъ позову маму, но вы заставите вашего жениха и папу пообѣщать вамъ.., что они всѣ не будутъ больше собираться во дворцѣ маркиза Драгонетти... да?.. правда?.. (Смотритъ на короля и Баттифарно и качаетъ головой).

Баттифарно. Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ очень удавалась всегда такая система: привязать большіе пальцы рукъ къ большимъ пальцамъ ногъ, потомъ ведрами ледяной воды...

Фердинандъ (прерываетъ его), Прекрати, Баттифарно! Эти вещи дѣлаются, но я не желаю ни видѣть, ни знать о нихъ...

Кокль. Зачѣмъ употреблять физическую силу; важно, чтобъ она за-

говорила; если будетъ говорить, что нибудь да обнаружимъ! (Дѣлаетъ знакъ Мюллеру). Позовите назадъ мать и сдѣлаемъ имъ очную ставку съ капитаномъ Алліана.

Мюллеръ (стучитъ въ дверь, зовя вполголоса). Лейтенантъ Гольтманъ! (Дверь отворяется, первою выходитъ Мирабелла, за нею лейтенантъ Гольтманъ. Мирабелла поднимаетъ Фанни; Мюллеръ, сопровождая Гольтмана къ дверямъ на лѣвой сторонѣ сцены, обмѣнивается съ нимъ по нѣмецки нѣсколькими словами; Гольтманъ уходитъ, Мюллеръ возвращается и становится вытянувшись, около Баттифарно).

Баттифарно. Это седьмой заговоръ съ 1831 года, ваше величество... Семь!

Фердинандъ. И все въ войскѣ! Всегда военные! (Съ вульгарной усмѣшкой), Не надо крови! Не надо крови!.. И подумать, что я помиловалъ лейтенанта Анджелотти и сержанта Розароля.

Кокль. Теперь пожинаете плоды этого.

Баттифарно. Если бы даже помилованіе и не было ошибкой, оно, во всякомъ случаѣ, является несправедливостью по отношенію къ тѣмъ, кто не былъ или не будетъ имъ осчастливленъ!

Фанни (приходя въ чувство, къ Мирабеллѣ). Прочь!.. Прочь отсюда!.. Мама! Мама! Уйдемъ отсюда!

Кокль. А вы не хотите подождать капитана Алліана?

Фанни (съ мучительной тревогой въ глазахъ вопросительно смотритъ на Мирабеллу). Винченцо?..

Кокль. Вотъ и капитанъ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тѣ же, лейтенантъ Гольтманъ, Алліана.

Фанни (глядитъ на него, потомъ внезапно краснѣетъ и прячетъ лицо на груди Мирабеллы).

Мирабелла (цѣлуетъ ее продолжительнымъ горестнымъ поцѣлуемъ).

Фердинандъ. Ну-съ, профессоръ?.. Кто родился квадратнымъ, не умретъ круглымъ... Но кто родился бумагомарателемъ... тотъ умираетъ... бунтовщикомъ!

Фанни (къ Мирабеллѣ почти беззвучнымъ голосомъ). Это правда!.. Это не была твоя галлюцинація!

Фердинандъ (съ ненавистью глядя на Алліану). Хорошо вы отплачиваете за оказанное вамъ довѣріе!

Алліана. Я могу казаться вамъ виновнымъ, ваше величество! (Къ Фанни и Мирабеллѣ). И вамъ также! Быть можетъ, я и сдѣлалъ ошибку!.. Я не хочу оправдываться, не хочу пробовать защищаться!.. Но все же, скажу: наша задача, наша мечта, ваше величество, это была мечта о вашей славѣ, о вашемъ величіи! (Указываетъ на Фанни и Мирабеллу). Но онѣ здѣсь зачѣмъ?.. Что вы хотите отъ этихъ женщинъ? Отъ двухъ женщинъ? Съ нами (обращается къ Коклю), въ нашемъ заговорѣ

были мужчины, и много больше, чѣмъ вы думаете, и всѣ готовые умереть; но женщинъ съ нами нѣтъ. Ваше величество, я все скажу! Я хочу все сказать вамъ! Худой, хорошій ли, но это случай мнѣ представляется, и я съ радостью хватаюсь за него. Но женщины здѣсь, съ нами, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!—Прикажите ихъ удалить, отошлите ихъ обратно въ Неаполь... (Беря руку Фанни и страстно, восторженно цѣлуя ее). Прости, прости мнѣ зло, которое я тебѣ сдѣлалъ и помни всегда, что я люблю, люблю, люблю тебя! (Хочетъ ихъ вывести). Уйдите! Уйдите! (Къ Фердинанду). Прошу этого у васъ; какъ милости, государь! Единственная милость, о которой я умоляю!

Фердинандъ (съ бѣшенствомъ). Никакихъ милостей! Никакихъ больше милостей не будетъ измѣнникамъ!

Алліана (съ силой). Я не измѣнникъ!

Фанни (падаетъ безъ чувствъ на руки къ Мирабеллѣ).

Алліана (продолжаетъ). Мы заимствовали мысль, хотѣли повторить попытку Микель Анджело Колафіоре..

Фердинандъ. Новый заговоръ съ цѣлью завладѣть мною?

Баттифарно (къ Алліанѣ, какъ бы въ продолженіе его словъ)... Профессора Гранки, Джузеппе Риццо... (къ Коклю) этотъ былъ священникъ!—въ 1834—седьмого августа! Помните, ваше величество? Предполагали остановить вашу коляску въ улицѣ Каподимонте, стащить въ одинъ домъ по сосѣдству и тамъ, добромъ ли, худомъ ли, заставить васъ немедленно подписать конституцію... Я просилъ тогда о преданіи смертной казни попа и профессора!

Фердинандъ. «Не надо крови!..» Марія-Христина возстала тогда противъ этого.

Кокль. И дель Карретто тоже! Онъ называлъ это дѣтскимъ заговоромъ!

Фердинандъ. А дѣти становятся взрослыми людьми, монсиньоръ, если имъ дать вырости! (Коротко смѣется; потомъ рѣзко къ Алліанѣ). Цѣль, способъ, участники?

Алліана. Насилія нами не замышлялось ни малѣйшаго,—мы хотѣли дѣйствовать только путемъ убѣжденія, ваше величество. Между нами, молодыми солдатами, и нашимъ молодымъ королемъ густая, черная, запутанная чаща. Срубить, вырвать, сломать ее нѣтъ возможности. И вотъ въ чемъ была наша задача, нашъ замыселъ: добиться, наконецъ, того, чтобы онъ былъ одинъ среди насъ, нашъ король! Одинъ! И мы хотѣли отдать нашему королю нашу вѣрность и нашу жизнь. Не насиліе готовили мы, а преданность, любовь, восторгъ! Въ ночь наканунѣ дня святого Стефана вы должны были еще до зари отправиться въ церковь св. Чудесъ слушать обѣдню, которую долженъ былъ служить донъ Плачидо Бахеръ, одинъ изъ самыхъ безсовѣстныхъ эксплоататоровъ невѣжества и суевѣрія... Но вмѣсто того вы оказались бы среди насъ, среди вашего войска, окруженный востор-

женной преданностью вашего войска! И до васъ достигъ бы, наконецъ, громко и свободно нашъ голосъ! «Государь! хотѣли мы сказать вамъ.— Офицеры, солдаты неаполитанскіе чувствують, сознають, что настало время; они хотятъ дѣйствовать, хотятъ быть смѣлыми; хотятъ драться за короля, за родину! Солдаты, офицеры неаполитанскіе и сициліанскіе хотятъ имѣть возможность держать шпагу въ своихъ рукахъ (къ Коклю), а не служить пономарями среди ладана вашихъ церквей, не факелы носить, какъ послушники, въ вашихъ процессіяхъ!»

Кокль (попрежнему молча, съ невозмутимымъ видомъ смотритъ на Баттифарно).

Баттифарно (тотчасъ же къ Алліанѣ). Все, почти все войско!.. Стало быть, и генералъ!..

Алліана (прерываетъ его). Стало быть, нѣтъ, прославленный баронъ!.. Вамъ придется удовлетвориться мною!

Фанни (къ Мирабеллѣ). Онъ себя губитъ!.. Онъ себя губитъ!..

Баттифарно (попрежнему къ Алліанѣ) И... вашимъ тестемъ; графомъ Вероленго?

Мирабелла. Альберто? Нѣтъ!

Алліана (спокойно, съ увѣренностью). Графъ Альберто не со мной, не съ нами!

Фанни. Папа! Папа!

Алліана. Онъ даже противъ насъ, и его величеству королю это извѣстно.

Фердинандъ. Мнѣ?

Кокль (дѣлаетъ изумленное движеніе и не спускаетъ уже больше глазъ съ короля).

Алліана. Мы, мы не хотимъ конфедерацій..

Фердинандъ (ударяетъ кулакомъ по столу). Довольно!

Кокль. Нѣтъ, ваше величество! (Къ Алліанѣ). Вы не хотите... конфедерацій?

Алліана. Мы хотимъ единаго короля, солдата, какъ и мы,—короля, который чувствуетъ себя королемъ, но въ то же время человѣкомъ и честнымъ человѣкомъ, и который въ игралищѣ побѣды готовъ потерять съ нами жизнь и корону! (Къ Фанни и Мирабеллѣ). Не такова задача Альберто; стремленія его иныя, и его величество знаетъ это, имѣетъ доказательства этого!

Кокль. Доказательства?

Фердинандъ (испуганный взглядомъ Кокля). Какія доказательства? Не пробуйте спасать себя и того враньемъ!

Алліана. Графъ Альберто ди Вероленго, чтобы отвлечь меня отъ моего безумія,—онъ называетъ это безуміемъ,—посвятилъ меня въ разговоръ, который имѣлъ сегодня съ вашимъ величествомъ, и сообщилъ точныя выраженія письма, прибывшаго къ вамъ сегодня изъ Турина.

Кокль (къ Фердинанду). Сегодня?... Разговоръ?... Сегодня?... (Быстро къ Алліанѣ). Письмо отъ министра короля Сардиніи?... Или отъ самого короля Сардиніи?...

Фердинандъ (теряя самообладаніе). Моихъ офицеровъ, монсиньоръ, допрашиваю я! Я глава арміи! Судъ надъ моими офицерами произвожу я, а не монахи!

Кокль (съ легкой улыбкой склоняется передъ нимъ, утвердительно опуская голову, отступаетъ на шагъ и стоитъ выпрямившись, молча, съ невозмутимымъ видомъ).

Фердинандъ (раздраженно и нервно къ Баттифарно). Бери свои бумаги и отправляйся!... Въ военный судъ все!

Баттифарно (собираетъ бумаги и уходитъ).

Фердинандъ (къ Гольтману). Лейтенантъ Гольтманъ! Отведите капитана Алліану! Чтобъ онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и никого не видѣлъ! (Ходитъ взадъ и впередъ, дрожа отъ бѣшенства и ударяя хлыстомъ по мебели).

Алліана (подбѣгаетъ къ Фанни и Мирабеллѣ, вполголоса). Не бойтесь за меня; войско наготовѣ; завтра я буду свободенъ, и король будетъ съ нами. (Цѣлуетъ руки Мирабеллѣ и Фанни и уходитъ съ Гольтманомъ).

Фердинандъ. Полковникъ Мюллеръ! За этихъ женщинъ вы мнѣ отвѣчаете!

Мюллеръ (вталкиваетъ Фанни и Мирабеллу, онѣмѣвшихъ и обезумѣвшихъ отъ ужаса, въ сосѣднюю комнату, входитъ съ ними вмѣстѣ и запираетъ двери).

Фердинандъ (съ все усиливающеюся яростью ходитъ взадъ и впередъ, изрѣдка бросая безпокойные взгляды на Кокля, который стоитъ попрежнему прямой, суровый, безмолвный). Не въ спальнѣ бабьей, не среди женщинъ можетъ совершаться судъ надъ офицерами моей арміи... надъ измѣнниками!.. Не правда ли, монсиньоръ?

Кокль (продолжаетъ быть неподвижнымъ).

Фердинандъ. «Не надо крови! Не надо крови!» Вотъ плоды слабости! Вы правы, монсиньоръ! (Стараясь его задобрить). Вы всегда правы! (Снова гнѣвно). На этотъ разъ наказаніе и примѣръ будутъ благотворны! (Заискивающе къ Коклю). Вы что говорили, монсиньоръ?.. Генералъ Аннунціата?.. Караччіоло?..

Кокль (медленно, вынимая у себя изъ кармана нѣсколько бумагъ). Извольте, ваше величество, это имена нѣкоторыхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ заговорѣ Алліаны... Вотъ нѣсколько указаній, съ очевидностью обнаруживающихъ сношенія... между капитаномъ Алліана и маэстро Савольди, то-есть маркизомъ Розалисомъ Миланскимъ, сообщникомъ этой проклятой и отверженной Богомъ души, Джузеппе Мадзини...

Фердинандъ (почтительно отстраняя бумаги). Оставьте ихъ у себя, монсиньоръ...

Кокль (прежнимъ тономъ). Изъ этихъ двухъ писемъ, одно дастъ вамъ свѣдѣнія относительно революціоннаго комитета въ Калабріи... Другое о чрезвычайно важныхъ событіяхъ, произошедшихъ въ Реджіо и въ Мессинѣ.

Фердинандъ. Оставьте ихъ у себя, всѣ у себя...

Кокль (съ испуганнымъ видомъ). Нѣтъ, ваше величество. Я не имѣю больше вашего довѣрія, вашего уваженія, вашей любви, я лишился вашей откровенности. (Вдали раздаются звуки двухъ трубъ, сначала одной, потомъ другой,—играютъ зорю. Кокль осѣняетъ себя крестомъ).

Фердинандъ (въ свою очередь крестясь). Это «Ave... Maria»...

Кокль (смотритъ въ окно). Разсвѣтаетъ... видите?... Окажите мнѣ послѣднюю милость... Коляску. Я долженъ вернуться въ мой монастырь.

Фердинандъ. Какъ?... Вы хотите меня покинуть... монсиньоръ?

Кокль. Мы скажемъ такъ, неправда ли? Торжество рождественскихъ праздниковъ откладывается... такъ какъ ея величество королева чувствуетъ себя нездоровой.

Фердинандъ. Вы хотите меня оставить... Одного?..

Кокль. Одного? Я оставляю васъ среди вашего войска, съ опытной, бдительной полиціей министра дель Карретто...

Фердинандъ (умоляюще). Вы разсердились на меня, монсиньоръ?.. Вы разсердились на меня?..

Кокль (направляется къ дверямъ).

Фердинандъ (удерживая его). Монсиньоръ!.. Монсиньоръ!.. Ваше святое благословеніе!.. Благословеніе!

Кокль (мгновеніе смотритъ на него, потомъ рѣшительно качаетъ головой). Нѣтъ!

Фердинандъ (падаетъ на колѣни у ногъ его, дрожа, ударяя себя въ грудь, цѣлуя ему мантію). Простите меня!.. Монсиньоръ... Простите меня!.. Простите меня!..

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ королевскомъ дворцѣ въ Казертѣ. Рабочій кабинетъ Фердинанда II.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Фердинандъ и Баттифарно: — Фердинандъ сидитъ у письменнаго стола и дочитываетъ большой рукописный листъ. Баттифарно стоитъ въ двух ъшагахъ отъ письменнаго стола. Въ концѣ сцены полковникъ Мюллеръ.

Фердинандъ (хохочетъ). Ха! Ха! Ха! Фердинандъ II, великій.

Баттифарно (сочувственно киваетъ головой и дѣлаетъ поклонъ при каждомъ прилагательномъ).

Фердинандъ. ...Милостивый... несравненный, славный... безсмертный!.. Могущественная и благодѣтельная рука Фердинандова! Эти писаки-адвокатишки только тогда находятъ подобающія любезности и выраженія справедливой похвалы для своего короля, когда имъ нужно писать просьбу о помилованіи. Только поскоблитъ немножко, и подъ каждымъ адвокатомъ всегда найдешь якобинца!

Баттифарно. Истинная правда, ваше величество!

Фердинандъ. Но, вѣдь если тебя поскоблить, такъ тоже обнаруживается адвокатикъ.

Баттифарно. Ваше величество, вѣдь не предполагаете уступить?.. Ваше величество, позвольте мнѣ высказать мой, не смѣю сказать совѣтъ, но...

Фердинандъ. Ну, дальше. Я знаю, что ты мнѣ добрый слуга!

Баттифарно. Не принимайте ходатайства! Никакая несвоевременная милость...

Фердинандъ. ...Если они для подписанія помилованія какъ разъ даровали мнѣ могущественную и благодѣтельную руку Фердинандову?

Баттифарно. Пусть ваша рука будетъ сегодня могущественной! Благодѣтельною она была уже слишкомъ долго!

Фердинандъ (читая). Милостивый!.. Несравненный!

Баттифарно. Не довѣряйтесь ваше величество! Эти адвокаты, подавшіе апелляцію, достаточно уже доказали свою поразительную недобросовѣстность тѣми коварными способами и тѣмъ крючкотворствомъ, благодаря которымъ имъ удалось затянуть на шесть мѣсяцевъ процессъ Алліаны, который, по истинному правосудію Господа Бога (опускаетъ голову, то же дѣлаетъ и Фердинандъ) могъ бы быть оконченъ не то что въ шесть... а менѣе чѣмъ въ три часа!

Фердинандъ. А я не успѣлъ бы тогда сдѣлаться славнымъ и безсмертнымъ!

Баттифарно. Безсмертны вы, ваше величество, по самой природѣ вашей; славны же добротой своей до неосторожности.

Фердинандъ. Ну! Ну! Дорогой баро...

Баттифарно Подпишите еще одно помилованіе, и у насъ будетъ еще новый заговоръ.

Фердинандъ. Скажи, пожалуйста, баронъ... ты что? кажется, выкралъ у монсиньора проповѣдь, а у моей жены строгій выговоръ?

Баттифарно. Это... (указывая на прошеніе) тѣ же, вѣдь, бунтовщики изъ-за которыхъ приходится создавать, хотя бы для виду, нѣкоторое подобіе конституціи. И что касается этого, не забывайте, ваше величество: verba ligant homines *)...

Фердинандъ (перебивая его). Связываютъ людей, а не королей! Эту латынь я не хуже тебя знаю!

---

*) Слова связываютъ людей.

Баттифарно. Вы сами, ваше величество, со свойственной вамъ государственной мудростью написали правила мудраго управленія королю Людовику-Филиппу...

Фердинандъ. Моему толстопузому дядюшкѣ, у котораго все такъ легко дѣлается?

Баттифарно. «Свобода фатальна для Бурбоновъ. Мои подданные слушаются силы и подчиняются. Моимъ подданнымъ нѣтъ надобности думать и размышлять... И теперь, ваше величество, помилованіемъ, которое явится результатомъ не жалости, а слабости, вы хотите отречься...

Фердинандъ (встаетъ). Ну, довольно объ этомъ, и вбей себѣ, пожалуйста, въ голову, что если тебѣ нужна цѣлая недѣля, чтобы что-нибудь придумать, то я дѣлаю это въ пять минутъ! Маркиза Розалиса и другихъ заговорщиковъ въ каторгу... Капитана же Алліану... (Ищетъ на столѣ и беретъ въ руки бумагу). Вотъ мой отвѣтъ на просьбу о помилованіи. Покажешь его монсиньору Коклю, который, вѣроятно, останется имъ доволенъ. Объ исполненіи позаботишься ты! (Отпускаетъ его, не протягивая ему руки). Прощай, будь здоровъ.

Баттифарно (кланяется и направляется къ дверямъ).

Фердинандъ (смотритъ на часы, стоящіе на столѣ). Позови сюда полковника Мюллера.

Баттифарно (уходитъ).

Фердинандъ (нахмурившись, беретъ сигару, ломаетъ ее, потомъ бросаетъ, не закуривъ; входитъ полковникъ Мюллеръ; лицо Фердинанда проясняется).

Мюллеръ (вытягивается во фронтъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Фердинандъ и полковникъ Мюллеръ, потомъ Гаэтано и Вероленго.

Фердинандъ (садится и подзываетъ Мюллера къ себѣ ближе). Подойди сюда! Я считаю тебя своимъ другомъ, не то что этого!.. (Показываетъ знакомъ, что говоритъ про Баттифарно). У барона привязанность не ко мнѣ, а къ себѣ самому! (Смѣется). Если бы я не боялся потерять должность и жалованье съ этими якобинцами, я сталъ бы такимъ либераломъ!.. И вмѣсто капитана-профессора велѣлъ бы разстрѣлять хотя бы самого монсиньора! Уже почти пять (подмигиваетъ), этотъ назойливый пьемонтскій карбонарій, вѣроятно, уже дожидается, чтобы я позвалъ его на аудіенцію. Поди сюда, приблизься, дорогой Мюллеръ! (Беретъ его за руку и пожимаетъ ее). Я знаю, что ты ко мнѣ очень привязанъ, и ты знаешь, что я это знаю; я хочу теперь дать тебѣ доказательство этого... Крестъ ордена святого Фердинанда будетъ какъ разъ на мѣстѣ здѣсь (прикасается къ его груди), а пенсія здѣсь... (Дотрогивается до его кармана).

Мюллеръ. Будьте увѣрены въ моей безграничной преданности и вѣрности, ваше величество.

Фердинандъ (подмигивая). Лейтенантъ Гольтманъ съ четырьмя солдатами?

Мюллеръ. Готовы, ваше величество!

Фердинандъ. И карета? У лѣвыхъ воротъ? Въ глубинѣ парка?

Мюллеръ. Готова.

Фердинандъ. Пароходъ?

Мюллеръ. Готовъ. Какъ только графъ Вероленго...

Фердинандъ. Ш-ш-ш! Умѣрь голосъ! (Улыбаясь). У тебя голосъ, словно канонада!

Мюллеръ (тихо). Какъ только графъ Вероленго станетъ выходить, четверо солдатъ схватятъ его, лейтенантъ Гольтманъ заткнетъ ему кляпомъ ротъ, я приставляю ему къ груди два пистолета, его несутъ на рукахъ и запираютъ въ карету, изъ кареты на пароходъ, который немедленно отойдетъ прямо въ Геную.

Фердинандъ (безпокойно). Какъ только посадите пьемонтца въ карету, вы съ лейтенантомъ Гольтманомъ сейчасъ же приходите сюда. (Пожимаетъ ему руку). Я хочу, чтобы ты всегда былъ при мнѣ.

Мюллеръ. Всегда къ вашимъ услугамъ, ваше величество.

Фердинандъ (смѣясь). Подобную же шутку сыграли мы еще съ другимъ назойливымъ господиномъ, тоже наполовину карбонаріемъ: съ министромъ Иктонти. Того мы заставили пропутешествовать по землѣ, этого заставимъ прокатиться по морю! (Смѣется). Ты какъ это находишь? А знаешь, я увѣренъ, кто былъ карбонаріемъ, тотъ всегда приноситъ съ собою несчастіе. (Звонитъ).

Гаэтано (входитъ и останавливается въ дверяхъ).

Фердинандъ. Скажи графу Вероленго, что можетъ войти.

Гаэтано (уходитъ).

Мюллеръ (пристально взглядывая на Фердинанда). Если бы... во время борьбы... ему удалось, къ несчастію, бѣжать... выстрѣлъ изъ пистолета?..

Фердинандъ. Нѣтъ, милый мой другъ; я не хочу имѣть непріятности съ моимъ кузеномъ, королемъ Сардинскимъ! Наоборотъ, я готовъ даже дать обѣтъ Кармельской Мадоннѣ, чтобы море было спокойно! (Смотритъ, не входитъ ли Вероленго, потомъ, съ фамиліарностью, къ Мюллеру). Выставь пальцы отъ сглаза! (Трогаетъ медальонъ у себя на груди). Я вездѣ ношу здѣсь эту святыню! А знаешь, кто дѣйствительно навѣрное приноситъ несчастіе? Эта пѣвица... Мирабелла!.. Видѣлъ ты, какъ она смотритъ? Это она сглазила Алліану и Вероленго!

Вероленго (входитъ и, поклонившись, останавливается у дверей).

Фердинандъ (повыся голосъ, къ Мюллеру). Стало быть, рѣшено такъ: завтра утромъ большой парадъ. Я буду на плацу ровно въ семь. (Къ Вероленго). Какъ поживаешь донъ Альберто?

Мюллеръ (кланяется Фердинанду и Вероленго, уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Фердинандъ и Вероленго.

Фердинандъ. Какъ поживаешь, донъ Альбертуччо? Здоровъ? (Подаетъ ему руку, потомъ незамѣтно дотрагивается до своего медальона). Я очень радъ! И Тереза тоже, королева—благодареніе святой Мадоннѣ и святому Альфонсу — вполнѣ здорова. Ѣдемъ всѣ въ Гаэту послѣзавтра. Лѣтомъ хорошо у моря. Свѣжѣе, потому что на морѣ всегда немного тянетъ вѣтерокъ. У меня много дѣла эти дни. Сестра моя съ нами ѣдетъ, герцогиня Беррійская съ нами ѣдетъ, малютка съ нами ѣдетъ! Очень много дѣла эти дни! (Отпускаетъ его жестомъ, не протягивая руки). Всего хорошаго, донъ Альберто! Будь здоровъ; я радъ былъ тебя видѣть.

Вероленго (смиренно опускаясь на одно колѣно). Государь! Ваше величество, молю васъ, выслушайте меня!

Фердинандъ (мѣняетъ выраженіе, смотритъ на него серьезно и сурово).

Вероленго (вставая). Я подвергся вашей немилости и, невиновность свою я доказалъ, но остались непріязнь и недовѣріе. Я вижу, за мной наблюдаютъ, шпіонятъ... Но я всегда былъ и буду вамъ вѣренъ и преданъ! Клянусь въ томъ, ваше величество! Въ тотъ день, когда я оставилъ Пьемонтъ и послѣдовалъ сюда за моей бѣдной королевой, я забылъ, что я пьемонтецъ: я былъ и есть, и всегда буду вашимъ подданнымъ. Этотъ часъ ужасенъ для меня... Но все же я надѣюсь... Надѣюсь на васъ, на ваше милосердіе... И когда-нибудь вы увидите, быть можетъ, что мои враги не лучшіе друзья ваши.

Фердинандъ (иронически). Это ужасный часъ?.. Наоборотъ, мнѣ кажется, это такой часъ, когда ты не только долженъ быть удовлетворенъ, ты долженъ былъ бы быть крайне доволенъ.

Вероленго (съ тревогой смотритъ на него).

Фердинандъ. Я послушался твоихъ добрыхъ совѣтовъ, что надо «дѣлать уступки, чтобы не оказаться принужденнымъ», и пришелъ къ убѣжденію дать конституцію! Что же тебѣ еще?

Вероленго (рыдаетъ).

Фердинандъ. Это еще что будетъ? Я не желаю у себя здѣсь никакихъ сценъ! Уходи вонъ!

Вероленго. Моя дочь... умираетъ!

Фердинандъ. Я не докторъ! Пошли за докторомъ!

Вероленго. Моя дочь умретъ, если будетъ разстрѣлянъ Алліана!

Фердинандъ. Уходи вонъ!

Вероленго (весь блѣдный, съ гордостью выпрямляется). Хорошо ли вы поняли, ваше величество, эти мои слова? Моя дочь умретъ, если Алліана будетъ разстрѣлянъ!

Фердинандъ. Въ глазахъ церкви и въ моихъ глазахъ у васъ нѣтъ

дѣтей, графъ Вероленго! Ваша жена, законная ваша жена, не подарила васъ ими.

Вероленго. Вы отвѣчаете мнѣ такъ, потому что я мужчина!.. Вы имѣли отъ меня доказательства моего мужества и моей силы! Дайте отвѣтъ этимъ двумъ женщинамъ, одной умирающей, другой обезумѣвшей!

Фердинандъ (дѣлаетъ презрительный жестъ).

Вероленго (съ силой). За двадцать лѣтъ, что я былъ вашимъ... слугой, я молю васъ только объ этомъ!

Фердинандъ. Я не хочу ихъ видѣть! Я отказываюсь принять ихъ! Уходи вонъ!

Вероленго. Я предвидѣлъ возможность отказа! (Подаетъ ему письмо). Милости... той милости, чтобы эти женщины были приняты вами, проситъ у васъ молодая королева англійская Викторія... окруженная такой любовью, столькими благословеніями своего народа.

Фердинандъ (тономъ издѣвательства). А-а! Мысль недурная! Предвидя отказъ короля неаполитанскаго, вы обратились къ могущественной королевѣ англійской!.. Хорошо! Эти женщины немедленно будутъ приняты! (Успокоившись, съ улыбкой, даже дѣлая рукой привѣтствіе Вероленго). До свиданья, другъ милый. И будь здоровъ!

Вероленго (идетъ къ дверямъ, потомъ, мучимый тревогой, останавливается). Ваше величество, простите меня, ваше величество!

Фердинандъ (продолжаетъ дѣлать рукой знакъ прощальнаго привѣтствія и улыбается).

Вероленго (уходитъ).

Фердинандъ (едва Вероленго вышелъ, бѣжитъ къ дверямъ и слушаетъ).

Вероленго. (за сценой) Негодяи! Негод...

Фердинандъ (бѣжитъ къ окну и смотритъ). И желаю тебѣ счастливаго пути подъ покровительствомъ прекрасной, милостивой и могущественной королевы Викторіи англійской! (Звонитъ).

Гаэтано (входитъ).

Фердинандъ. Этихъ женщинъ!.. Постой! (Трогаетъ свой медальонъ). Кто изъ придворныхъ съ ними?

Гаэтано. Кавальере дель Кастеллуччо.

Фердинандъ. Впусти.

Гаэтано (уходитъ).

Фердинандъ, (смотря на письмо). А-а! Вы хотѣли насильно заставить принять себя?.. Будете приняты!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Фердинандъ, потомъ снова Гаэтано, который вводитъ Мирабеллу, Фанни и Кастеллуччо.

Фердинандъ (стоитъ около письменнаго стола, повернувшись такъ, чтобы не видѣть ни Мирабеллы, ни Фанни). Браво, Андрео!..

Гаэтано (уходитъ).

Фердинандъ (къ Кастеллуччо). И ты тоже возстаешь противъ насъ!

Кастеллуччо. Я, ваше величество? Противъ васъ? Противъ моего короля?.. (Подбѣгаетъ поцѣловать ему руку).

Фердинандъ (не даетъ). Я тебѣ говорилъ: будетъ и тебѣ большая бѣда! Твоя служба съ сегодняшняго дня кончена. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Гаэту, ты останешься съ женой въ Неаполѣ!

Кастеллуччо (съ поклономъ отступаетъ въ глубину сцены).

Фердинандъ (къ Мирабеллѣ, попрежнему не глядя на нее). Я согласился принять васъ, потому что не хочу и не могу сдѣлать невѣжливость англійской королевѣ. Но я не разрѣшаю вамъ говорить. Знайте только, что милость никакая невозможна. Кавальере дель Кастеллуччо, аудіенція кончена.

Фанни (падаетъ на колѣни).

Кастеллуччо (дѣлаетъ шагъ по направленію къ Фанни, но взглядъ Фердинанда останавливаетъ его).

Мирабелла (безъ слезъ, безъ трепета, увѣреннымъ и спокойнымъ голосомъ, противорѣчащимъ странной блѣдности ея лица). Я не прошу у васъ милости. Жизнь моей дочери въ вашихъ рукахъ, а моя дочь не должна умереть. Вы король, король этой страны; но для меня нѣтъ,—вы отецъ передъ лицомъ матери! (Улыбается). Неправда ли? Если бы одинъ изъ вашихъ дѣтей былъ въ опасности, я отдала бы, не слово, или не приказаніе только, я отдала бы жизнь мою, чтобы его спасти!.. И такъ? Вы видѣли ее? (Приближаясь къ Фердинанду, который отступаетъ отъ нея по прежнему на нее не глядя). Видѣли вы ее?.. Вотъ она! (Улыбается). Всегда такъ! Не говоритъ больше!.. Не плачетъ больше!.. Умираетъ!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Тѣ же и Мюллеръ.

Фердинандъ (вопросительно взглядываетъ на Мюллера; тотъ утвердительно киваетъ головой. Спустя мгновеніе, по прежнему не глядя на Мирабеллу и трогая медальонъ). Бываютъ государственныя необходимости, сударыня, которымъ приходится подчиняться, не смотря на все наше доброе намѣреніе. Я не могу идти противъ мнѣнія моихъ министровъ, ни обсуждать правильность приговора судей. Все, что я могу сдѣлать для васъ, сударыня, это прекратить всякое преслѣдованіе противъ васъ и содѣйствовать вашему отъѣзду изъ Неаполя. (Къ Мюллеру). Объясни кавальере, что аудіенція кончена!

Мюллеръ (подходитъ къ Кастеллуччо, который съ тревогой вопросительно смотритъ на него и поникаетъ головой).

Фанни (все время стоитъ на колѣняхъ, молча, не сводя глазъ съ Фердинанда).

Мирабелла (съ безумнымъ ужасомъ глядитъ на всѣхъ; потомъ къ Фер-

динанду, сначала глухимъ голосомъ, потомъ съ взрывомъ ярости). Не поняли вы развѣ?.. Рѣчь не о милости... Я не милости прошу; это святѣйшій законъ человѣчества!. Такъ это неправда, значитъ?.. Вы не вѣрите въ Бога!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Тѣ же и Франческо. Франческо вбѣгаетъ, толкая передъ собою маленькую пушку. За дверями видны Гольтманъ и второй офицеръ.

Франческо. Jammo! jammo! jamm... (Останавливается, увидя Мирабеллу и всѣхъ остальныхъ).

Фердинандъ (поспѣшно). Пойди сюда, Лазà!

Мирабалла. А Богъ есть, Богъ существуетъ, потому что это Богъ послалъ тебя! Богъ послалъ тебя къ намъ, прекрасное, радостное, счастливое дитя! (Къ Фердинанду). Я такъ много всегда буду молиться о немъ, объ этомъ прекрасномъ вашемъ ангелѣ! Ангелъ! Ангелъ! Ты прилетѣлъ сюда, какъ ангелъ! Попроси, попроси своего папу милымъ именемъ твоей мамы... Попроси его, чтобы онъ былъ добръ... Попроси, чтобы онъ сталъ добръ... Твоя мама...

Франческо (смотря на Мирабеллу). Мама всегда говоритъ, что папà слишкомъ добръ, а что неаполитанцы всѣ гадкіе, злые и что ихъ надо карать!

Мирабелла (кричитъ). Эта порода! А-а! Эта порода!

Фанни (при послѣднихъ словахъ Франческо падаетъ, стукнувшись головой объ полъ).

Мирабелла (оборачивается и, не двигаясь, смотритъ на нее).

Фердинандъ (беретъ за руку Франческо и уводитъ его съ собой). Идемъ! Идемъ! (Уходитъ съ Франческо. Лейтенантъ Гольтманъ и 2-й офицеръ поспѣшно входятъ).

Гольтманъ (подбѣгаетъ вмѣстѣ съ Кастеллуччо поднять Фанни).

Кастеллуччо (къ Мирабеллѣ). Она въ обморокѣ! Она только въ обморокѣ!..

Мирабелла (все такъ же неподвижно, улыбаясь и пристально глядя на маленькую пушку). Дѣтка!.. Сокровище!.. И моя Фанни... моя дѣвочка... была такая же! Всегда была такая!.. Дѣти мѣняются, становятся взрослыми... Фанни нѣтъ!.. Всегда такая же!.. Съ маленькимъ своимъ розовымъ личикомъ, и веселенькая! Всегда веселенькая! (Смѣется).

Мюллеръ (схватываетъ ее за руку, чтобы увести ее, въ то время, какъ Гольтманъ, 2-й офицеръ и Кастеллуччо выносятъ Фанни изъ кабинета).

Мирабелла (къ Мюллеру, не переставая улыбаться). Зачѣмъ же вы дѣлаете мнѣ больно? (Ищетъ глазами Фанни, зоветъ ее, не переставая улыбаться). Фанни!.. Фанни!.. Подожди!.. Не уходи безъ меня! (Идя вслѣдъ ей). И мама твоя тоже съ тобой, идетъ, дорогая, сокровище мое!.. Подожди маму!..

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

(*Продолженіе* *).

VIII.

Парнель въ парламентѣ, а Дэвиттъ въ странѣ—выступили почти одновременно, и обстоятельства необыкновенно облегчили представлявшуюся имъ задачу: дать новое содержаніе политической жизни ирландской оппозиціи и вдохнуть новую энергію въ національное движеніе. Сепаратистскій идеалъ феніевъ, не успѣвшихъ въ своихъ усиліяхъ, не желавшихъ вводить въ свою программу никакихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ плановъ аграрной реформы, тускнѣлъ все болѣе и болѣе, ибо народныя массы не были имъ заинтересованы, а парламентскія дѣла подъ руководствомъ Исаака Бьютта шли у ирландской партіи вяло, такъ безнадежно,—что перестали понемногу почти вовсе привлекать къ себѣ вниманіе оппозиціонно-настроенныхъ круговъ ирландскаго общества. Надоѣли также до-нельзя и безконечная полемика и разговоры объ относительныхъ достоинствахъ легальной и революціонной борьбы, взаимные укоры феніевъ и парламентаріевъ, а между тѣмъ, какъ и во всѣ эпохи въ Ирландіи, всѣ сознательные и искренніе люди были въ большей или меньшей мѣрѣ настроены оппозиціонно, понимали ясно, что бороться съ прогрессирующимъ обнищаніемъ и хроническою голодовкою страны они обязаны, что новая теоретическая и практическая программа дѣлается совершенно неотложною потребностью. И когда въ 1878 году Парнель сталъ признаннымъ лидеромъ парламентской ирландской партіи, у Дэвитта окончательно созрѣлъ планъ организовать полулегальное-полуреволюціонное движеніе среди населенія, на почвѣ требованія аграрной реформы, чтобы такимъ путемъ сдѣлать большинство ирландской націи активною силою, дѣйствующей арміей, какъ бы всегда готовой поддержать требованія парламентскихъ представителей ирландскаго народа. Парнелю

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль 1905 г.

и Дэвитту (который скромно отводитъ тутъ первенствующую роль Парнелю) удалось начать подготовленіе той соединенной аттаки на лендлордовъ и на английское правительство, которая сдѣлала 1878—1891 гг. такимъ памятнымъ временемъ новѣйшей ирландской исторіи. Гомруль имъ удалось соединить съ самыми задушевными и сильными желаніями крестьянскаго сердца, и англичане сразу почувствовали, насколько «скомбинированное» нападеніе на всю ихъ государственную и экономическую систему опаснѣе для нихъ, нежели нападенія разрозненныя. Вожди поколѣнія восьмидесятыхъ гг. ставили и рѣшали проблему такъ. Въ Ирландіи до сихъ поръ (т.-е. до конца 70-хъ гг.) постоянно чередовались два теченія: одно—«физической силы» (physical force), т.-е. революціонное, другое «моральной силы» (moral force), т.-е. разсчитывавшее на мирную агитацію и конституціонныя средства. Революціонная угроза волонтеровъ 1782 года дала Ирландіи самоуправленіе; мирная агитаціи 1780-хъ гг. не привела почти ни къ чему; возстанія Тона и Фицджеральда (1798 г.) и Эммета (1803 г.) не привели ни къ чему; мирная агитація О'Коннеля привела къ эмансипаціи католиковъ, но тутъ онъ пожалъ плоды дѣйствій революціонеровъ предшествовавшаго и современнаго ему періодовъ; дальнѣйшая мирная агитація въ пользу отмѣны уже не привела ни къ чему; революціонная попытка «Молодой Ирландіи» не привела ни къ чему; мирная борьба лиги арендаторовъ въ 50-хъ годахъ не привела ни къ чему; революціонная борьба феніевъ въ 60-хъ гг. не привела ни къ чему; конституціонная дѣятельность Исаака Бьюта въ 1870-хъ гг. не привела ни къ чему. Комбинируя цѣли—политическое самоуправленіе и коренную аграрную реформу,—необходимо (говорили новые дѣятели, выступившіе въ концѣ 70-хъ гг.) скомбинировать и средства, которыя въ былые годы оттого и были безплодны, что пускались въ ходъ слишкомъ разрозненно. Образъ дѣйствій Парнеля въ парламентѣ сильно подготовилъ почву для дружественной коопераціи революціонныхъ и не-революціонныхъ теченій. Едва ли не впервые ирландская рѣчь въ палатѣ общинъ потеряла даже отдаленные признаки какого бы то ни было сервилизма; насколько возможно вдохнуть революціонный духъ въ парламентскую борьбу, настолько Парнель это сдѣлалъ. Поэтому, когда Дэвиттъ поѣхалъ въ Америку и на рядѣ митинговъ въ Филадельфіи, Нью-Іоркѣ, Нью-Гэвенѣ, Бостонѣ убѣждалъ и просилъ революціонные элементы о дружескомъ содѣйствіи Парнелю, когда онъ говорилъ, что отъ этого соединенія произойдетъ прежде всего повышеніе революціоннаго духа во *всей* политической жизни Ирландіи, то аудиторія его оказалась очень расположенной ему вѣрить. Программа, предложенная Дэвиттомъ въ видѣ, такъ сказать, почвы для подобной коопераціи ирландскихъ партій, сводилась къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ: 1) главная нужда Ирландіи есть нужда въ національномъ правительствѣ; 2) ирландская партія въ парламентѣ должна

дѣйствовать совершенно независимо; 3) необходима агитація въ странѣ въ пользу упорядоченія земельнаго вопроса, а также улучшенія условій жизни рабочихъ; 4) необходимо добиваться права носить оружіе. Американскіе феніи не только сочувственно отнеслись къ этимъ митингамъ, но даже приняли на себя организацію нѣкоторыхъ изъ нихъ. На митингѣ въ Бостонѣ (8-го декабря 1878 года) вышеприведенная программа Дэвитта была обстоятельно развита. Между прочимъ, было выставлено требованіе немедленнаго принятія мѣръ къ защитѣ фермеровъ отъ произвольныхъ изгнаній съ арендуемыхъ участковъ, перехода къ системѣ мелкой крестьянской земельной собственности (посредствомъ выкупа государствомъ земли у лендлордовъ и распродажи ея мелкими участками, либо отдачи въ аренду *отъ государства* сидящимъ на данной землѣ арендаторамъ). Требовалась также отмѣна всякихъ стѣсненій права сходокъ, права ношенія оружія, націонализація первоначальнаго народнаго образованія и т. д. Въ горячей рѣчи Дэвиттъ убѣждалъ феніевъ въ пользѣ для ихъ же дѣла внесенія въ ихъ программу-соціально-экономическихъ требованій, которыя сдѣлали бы и идею политическаго сепаратизма близкой и понятной голодному и темному деревенскому уму. Вліятельные феніанскіе вожди (Дьюой, О'Рилли) обнаружили полную готовность содѣйствовать осуществленію программы Дэвитта и поддерживать также и «конституціоналистовъ», если они покажутъ себя въ парламентѣ принципіальными борцами за самостоятельность ирландской націи и, прежде всего, если они безъ всякихъ компромиссовъ будутъ бороться противъ какихъ бы то ни было попытокъ англійскихъ властей проводить ограничительные и «усмирительные» законы для Ирландіи. Но планы Дэвитта встрѣтили оппозицію въ Чарльзѣ Киккэмѣ, старомъ сподвижникѣ Стивенса и О'Лири, о которомъ мы упоминали, когда рѣчь шла о первыхъ годахъ феніанства. Киккэмъ яростно напалъ на Льюоя и другихъ товарищей за ихъ мысль оказать поддержку парламентаріямъ, отъ которыхъ никогда ничего Ирландія дождаться не можетъ, за ихъ «безпринципное» поведеніе и т. д. Американскіе феніи склонялись въ пользу проектируемой кооpeраціи, феніи же ирландскіе раздѣляли пока въ большинствѣ воззрѣнія Киккэма. Они боялись, что феніанство окончательно распадется, если исчезнетъ рѣзкая и точная демаркаціонная линія между ихъ партіей и парламентаріями. Въ концѣ концовъ, послѣ долгой полемики и переговоровъ, феніанская организація отклонила принятіе программы Дэвитта, но этотъ «оффиціальный», такъ сказать, неуспѣхъ не обезкуражилъ ни Парнеля, ни Дэвитта, ни ихъ друзей: они были слишкомъ увѣрены не только въ поддержкѣ огромныхъ народныхъ массъ, которыя остались глухи къ феніанской проповѣди, но и въ томъ, что если не «оффиціально», то фактически феніи, разумѣется, будутъ ихъ поддерживать всѣми своими средствами, ибо, по существу дѣла, всякая революціонная сила должна была

идти на пользу экономической и политической эмансипаціи ирландскаго народа отъ англичанъ.

Періодически оживающій въ Ирландіи въ неурожайные годы аграрный терроръ сказывался совершенно независимо и отъ феніанства, и отъ плановъ Дэвитта, уже съ конца 1870-хъ гг. Были убійства нѣкоторыхъ особенно ненавистныхъ лицъ; въ апрѣлѣ 1878 года погибъ отъ руки убійцъ лордъ Лейтримъ, богатѣйшій помѣщикъ, съ сопровождавшими его слугами. Причиною покушенія послужила месть брата одной крестьянской дѣвушки, обезчещенной лордомъ Лейтримомъ. Дѣло въ томъ, что зависимость нѣкоторыхъ категорій фермеровъ отъ лендлордовъ была до самаго послѣдняго времени поистинѣ ужасающей: страхъ быть прогнаннымъ, страхъ смерти отъ голода заставлялъ многія несчастныя семьи приносить землевладѣльцу какія угодно жертвы, и обезчещеніе женщинъ не являлось въ Ирландіи совсѣмъ ужъ феноменальной рѣдкостью. Вся округа прекрасно знала, кто убійцы и гдѣ они скрываются, но никто ничего не сказалъ и не раскрылъ, и никто не пострадалъ по этому дѣлу. Въ газетной полемикѣ и въ дебатахъ, происшедшихъ по поводу этого случая въ палатѣ общинъ, лишній разъ предъ англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ раскрылись язвы ирландской земельной системы; въ Ирландіи же убійство Лейтрима послужило причиною дальнѣйшаго возбужденія и агитаціи среди крестьянскихъ массъ.

Эта агитація велась крестьянами самими и она сильно расчистила путь Дэвитту и его товарищамъ. Дэвиттъ рѣшилъ воспользоваться растущимъ анти-лендлордскимъ настроеніемъ и, по поводу одного изъ многочисленныхъ случаевъ притѣсненія фермеровъ, собралъ въ Айриштоунѣ 19-го апрѣля 1879 года огромный митингъ, явившійся какъ бы отправною точкою для вскорѣ затѣмъ образованной «земельной лиги». На митингѣ поддерживались не требованія Исаака Бьютта о «справедливой рентѣ», о закрѣпленіи арендуемыхъ участковъ за фермеромъ въ той или иной степени и формѣ, о правѣ фермера продать до срока аренды пользованіе своимъ участкомъ другому лицу и т. д., но о томъ, что ирландская земля такъ или иначе должна стать *собственностью* обрабатывающаго его народа, и что эксплоатація фермеровъ лендлордами должна быть не уменьшена, не ограничена, а уничтожена радикально и навсегда. Семь тысячъ собравшихся на митингъ разошлись съ криками: «долой лендлордизмъ! Земля—для народа!».

Движеніе все болѣе охватывало Ирландію. Феніи, несмотря на несогласіе многихъ изъ самыхъ уважаемыхъ своихъ вождей со взглядами Дэвитта, приняли живѣйшее участіе въ организаціи новыхъ и новыхъ митинговъ, которые бы по образцу айриштоунскаго могли бы распространить идею необходимости немедленной борьбы всѣми средствами противъ царящей земельной системы. Къ великому восторгу Дэвитта, Парнель обнаруживалъ все большую и большую внимательность къ

*

движенію, несмотря на то, что ему, какъ лидеру ирландской партіи въ парламентѣ, да и во всѣхъ, вообще, отношеніяхъ чрезвычайно важна была поддержка католическаго духовенства, которое и къ аграрному движенію уже проявило свою враждебность. Парнель пріѣхалъ, напримѣръ, на устроенный Дэвиттомъ уэстпортскій митингъ, гдѣ собралось около восьми тысячъ человѣкъ. Его сопровождала къ мѣсту сборища почетная «гвардія» изъ пятисотъ верховыхъ, и весь митингъ, въ виду присутствія этого необыкновеннаго человѣка, уже тогда оказывавшаго огромное вліяніе на всю страну,—прошелъ особенно приподнято и торжественно. Парнель въ своей рѣчи призывалъ общественое мнѣніе стать активнымъ и карающимъ судьею всякаго лендлорда, который выселитъ арендатора. «Вы не должны позволить лишить васъ имущества, какъ это было сдѣлано съ вашими отцами въ 1847 году», сказалъ онъ между прочимъ. Дэвиттъ призывалъ къ необходимости приступить немедленно къ организаціи спеціально арендаторскихъ обществъ для активной поддержки каждаго изъ своихъ членовъ въ борьбѣ противъ произвола лендлордовъ.

Призракъ голода снова вставалъ надъ Ирландіей. 1879 годъ въ смыслѣ урожая былъ еще хуже предшествовавшаго, и уплата арендной суммы для многихъ стала совершенно немыслимой. «Не платите аренды!» таковъ былъ популярный лозунгъ, раздававшійся въ наиболѣе угрожаемыхъ голодомъ мѣстностяхъ. Митинги Дэвитта и его приверженцевъ шли своимъ чередомъ и становились все болѣе и болѣе многолюдными. Наконецъ, 16-го августа 1879 года въ Кэстльбэрѣ собралось спеціально созванное Дэвиттомъ собраніе для выработки организаціи и формулировки общихъ принциповъ «національной земельной лиги въ Мэйо», которую и рѣшено было провозгласить на этомъ собраніи, какъ новое особое политическое общество съ вполнѣ опредѣленными задачами.

На кэстльбэрскомъ собраніи Дэвиттъ напомнилъ цифры, приводившіяся экономистами и изслѣдователями ирландскихъ отношеній. «Свыше шести милліоновъ акровъ ирландской земли принадлежатъ менѣе нежели тремъ стамъ лицамъ, изъ которыхъ двѣнадцать человѣкъ владѣютъ 1.297.000 акрами, въ то время какъ пять милліоновъ ирландскаго народа не владѣютъ ни единымъ акромъ». Дэвиттъ заявлялъ, что подобная система, истребляющая ирландскій народъ, терпима быть не можетъ, и что арендаторы должны стать собственниками, а лендлорды пусть получатъ отъ государства денежную компенсацію за утрату своихъ правъ на землю.

На собраніи этомъ было рѣшено, что новая лига состоитъ изъ фермеровъ и постороннихъ лицъ, которые согласны содѣйствовать цѣлямъ и видамъ этого общества. Цѣли же, для которыхъ лига образуется, сводятся къ слѣдующему: 1) блюсти интересы людей,

которыхъ представительствомъ лига служитъ и, насколько это въ ея силахъ, защищать ихъ отъ несправедливостей и капризовъ со стороны лендлордовъ, которые бы для того воспользовались своими правами и привилегіями, а также со стороны всякаго иного общественнаго класса; 2) для этой цѣли лига намѣрена прибѣгать ко всякимъ справедливымъ, моральнымъ и законнымъ средствамъ, для того, чтобы уничтожить существующую земельную систему и замѣнить ее такою, которая согласовалась бы съ правами и интересами ирландскаго народа, съ традиціями и чувствами всей націи; 3) всякая несправедливость, учиненная относительно любого мѣстнаго фермера (лига ставила себѣ первоначальнымъ полемъ дѣятельности область Мэйо), должна разоблачаться и преслѣдоваться лигою. Назначеніе слишкомъ разорительной арендной платы, изгнаніе арендатора и всякій иной произволъ и притѣсненія должны предаваться стараніями лиги широчайшей огласкѣ и встрѣчать упорнѣйшее противодѣйствіе, какое только мыслимо безъ нарушенія законовъ. Печатать и разсылать по странѣ, а также наклеивать всюду плакаты, съ извѣщеніями о совершенныхъ притѣсненіяхъ, съ указаніемъ виновниковъ, назначать публичные митинги въ возможно большей близости къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ совершена несправедливость относительно фермера, и обстоятельно выяснять всѣ обстоятельства дѣла, публиковать имена не только лендлордовъ, распоряжающихся выселеніями фермеровъ, но и тѣхъ ихъ слугъ и полицейскихъ, которые явятся исполнителями ихъ приказаній, и тѣхъ новыхъ фермеровъ, которые сочтутъ честнымъ занять очищенные участки земли; 4) лига будетъ, насколько возможно, помогать матеріально фермерамъ, пострадавшимъ отъ произвола лендлордовъ; 5) лига озаботится организаціей отдѣльныхъ мѣстныхъ клубовъ и филіальныхъ отдѣленій для большей быстроты и освѣдомленности, нужныхъ ей въ ея дѣйствіяхъ, она озаботится также дѣятельною устною и печатною пропагандою для повышенія уровня познаній фермеровъ въ земельномъ вопросѣ.

Эта резолюція была принята (причемъ рядъ вліятельныхъ феніевъ активно участвовалъ въ ея проведеніи), и дѣятельность новой лиги, пріуроченной пока къ области Мэйо, стала развиваться съ быстротою, внушавшею инициаторамъ движенія весьма розовыя надежды.

Руководители лиги принялись за дѣло съ бодростью, хотя и не скрывали отъ себя трудностей его. Темнота, невѣжество и забитость фермерской массы поражали ихъ, чѣмъ больше имъ приходилось съ этою массою сталкиваться. «Была моральная болѣзнь, порожденная феодализмомъ и страхомъ» пишетъ Дэвиттъ, и эта болѣзнь проявлялась въ видѣ унизительнѣйшаго раболѣпства фермеровъ не только предъ лендлордами, но предъ послѣднимъ лендлордскимъ приказчикомъ. Экономическое рабство, вѣчное сознаніе, что голодная смерть

виситъ надъ твоей семьею и не падаетъ на нее, пока это угодно лендлорду, страхъ быть выгнаннымъ съ участка, дѣлали ирландца либо непримиримымъ революціонеромъ, либо, если на это не хватало рѣшимости, рабомъ. Впрочемъ, обстоятельства съ осени 1879 года складывались такъ, что первый типъ и безъ помощи новой лиги повсемѣстно становился болѣе и болѣе распространеннымъ...

Страшные дожди уничтожили урожай, и подъ вліяніемъ голода революціонное настроеніе быстро росло. Клубы для защиты фермеровъ быстро организовывались повсемѣстно и всюду велась оживленная агитація и полемика противъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ увѣреній, что никакого голода нѣтъ, а мутятъ народъ «подкупленные агитаторы» (mercenary agitators). Въ сентябрѣ 1879 года Дэвиттъ и Парнель преобразовали «земельную лигу Мэйо» въ «національную земельную лигу Ирландіи». По просьбѣ Дэвитта, Парнель согласился быть президентомъ новообразованной лиги. Любопытную мысль выражалъ Парнель въ частыхъ разговорахъ съ Дэвиттомъ: ему казалось, что отдача земли въ собственность фермерамъ *до того*, какъ достигнуто самоуправленіе, опасна, ибо мелкіе собственники всегда и всюду являются классомъ, не склоннымъ къ политическимъ перемѣнамъ и риску; онъ временами склонялся скорѣе къ идеѣ того или иного пріобрѣтенія верховнаго права на землю ирландскою націею, какъ автономною государственною общиною, а затѣмъ уже къ отдачѣ этой земли въ видѣ аренды отъ государства по участкамъ отдѣльнымъ фермерамъ, конечно, на самыхъ лучшихъ для послѣднихъ условіяхъ. Начавшаяся борьба уже очень скоро привела къ одному изъ непосредственныхъ своихъ результатовъ—аресту Дэвитта, которому угрожала опасность снова попасть на каторгу, ибо срокъ его «условнаго отпуска» не окончился, и одновременному аресту нѣкоторыхъ его товарищей. Парнель немедленно организовалъ митингъ для выраженія негодованія по этому поводу, и на митингъ собралась масса вооруженныхъ людей; полиція и войска были мобилизованы, но не пробовали разгонять собравшихся. Судебное разбирательство ни къ чему не привело, ибо обвиненіе въ подстрекательствѣ къ возстанію доказано не было; самый же процессъ широко популяризовалъ идеи новой лиги.

Вскорѣ послѣ того Парнель и Диллонъ отправились въ Америку для устройства агитаціонныхъ митинговъ и сбора пожертвованій въ пользу земельной лиги.

IX.

Какъ мы уже замѣтили, въ программу предлагаемой работы не входитъ болѣе или менѣе подробное повтореніе того, что было уже нами сказано о Парнелѣ на страницахъ «Міра Божія» въ посвящен-

номъ ему очеркѣ. Напомнимъ лишь, что американская поѣздка Парнеля въ 1880 году сильно помогла одному изъ самыхъ важныхъ дѣлъ его жизни: сближенію революціонеровъ съ «конституціонными» дѣятелями на почвѣ общей борьбы противъ Англіи. Въ рядѣ рѣчей, произнесенныхъ въ американскихъ городахъ, чрезъ которые ему пришлось проѣзжать, онъ обращался къ колоссальнымъ толпамъ ирландцевъ и американцевъ, сбѣгавшимся послушать знаменитаго дѣятеля, съ убѣдительными просьбами помогать всѣми мѣрами земельной лигѣ въ ея дѣлѣ. Онъ говорилъ феніямъ, главная квартира которыхъ, по прежнему, оставалась въ Америкѣ, что всякій ирландецъ, любящій родину, долженъ быть готовъ пролить за нее *свою* кровь,—но толкать на завѣдомо-безнадежное общее возстаніе нищее безоружное крестьянство еще нельзя, Парнеля встрѣчали съ неподдающимся описанію энтузіазмомъ. Американское общество, съ своей стороны, не уставало привѣтствовать и чествовать ирландскаго вождя. Даже оффиціальные лица—губернаторы штатовъ, посѣщенныхъ имъ, принимали участіе въ торжественныхъ встрѣчахъ и пріемахъ. Что еще знаменательнѣе, конгрессъ пожелалъ, чтобы Парнель говорилъ въ его присутствіи,—и представители американскаго народа съ сочувствіемъ выслушали его блестящую рѣчь. За три мѣсяца этого путешествія Парнель сдѣлалъ 16 тысячъ миль, посѣтилъ шестьдесятъ два города, собралъ для земельной лиги около 350.000 долларовъ *)... Быть можетъ, гораздо важнѣе было то обстоятельство, что феніи за немногими исключеніями, рѣшительно примкнули къ земельной лигѣ, образовали по иниціативѣ Парнеля американскую лигу,—для сборовъ и иной помощи въ пользу ирландской земельной лиги, и, вообще, съ этихъ поръ, стали самымъ дѣятельнымъ элементомъ въ затѣянной Дэвиттомъ систематической борьбѣ противъ лендлордовъ. Извѣстіе о распущеніи парламента заставило Парнеля прервать свое путешествіе и вернуться. Биконсфильдъ распустилъ палату, надѣясь на побѣду во время выборовъ, которая подкрѣпила бы его положеніе. Вмѣсто побѣды жестокое пораженіе постигло стараго премьера—и Гладстонъ, одержавшій полную побѣду, сформировалъ либеральный кабинетъ.

Осенью 1880 году агитація земельной лиги продолжалась безъ перерыва. 19 сентября 1880 года Парнель произнесъ въ Эннисѣ свою знаменитую рѣчь, гдѣ далъ совѣтъ подвергать общественному остракизму всякого, кто-либо выгонитъ фермера съ его участка, либо исполнитъ приказъ объ этомъ, либо арендуетъ очищенный такимъ способомъ участокъ. Этотъ совѣтъ принесъ плоды очень скоро,—и, по имени первой жертвы подобной общественной опалы, такой спо-

---

*) По другимъ источникамъ—непосредственно въ пользу комитета лиги пошло двѣсти тысячъ долларовъ.

собѣ сталъ называться «бойкотомъ». Одновременно участились аграрныя преступленія. За осень и зиму 1880 года ихъ было совершенно 1700. Въ началѣ 1881 года либеральный кабинетъ внесъ билль, имѣвшій цѣлью предоставить вице-королю обширнѣйшія репрессивныя полномочія въ виду угрожающаго положенія дѣлъ. Послѣ упорнѣйшей обструкціи Парнеля и его товарищей, послѣ засѣданія, протянувшагося сорокъ одинъ часъ безъ перерыва,—спикеръ беззаконно прервалъ дебаты и поставилъ вопросъ на баллотировку. Вопросъ прошелъ, послѣ чего были повторены попытки обструкціи со стороны ирландцевъ, но и онѣ не могли разсчитывать на конечную побѣду: были вотированы новыя правила парламентской процедуры, усиливавшія дискреціонную власть спикера, послѣ чего обструкція въ палатѣ общинъ сдѣлалось (въ былыхъ размѣрахъ) совершенно невозможной. Что касается до репрессивнаго билля, направленнаго противъ Ирландіи, то онъ прошелъ во всѣхъ чтеніяхъ въ обѣихъ палатахъ и 2-го марта 1881 года вошелъ въ законную силу.

Почти одновременно съ этимъ средствомъ—запугиваніемъ врага, Гладстонъ пустилъ въ ходъ и другое,—которое онъ считалъ болѣе прочнымъ и дѣйствительнымъ. Онъ рѣшилъ создать новый аграрный законъ, который настолько замѣтно облегчилъ-бы положеніе фермеровъ, чтобы они перестали поддерживать дэвиттовскую и парнелевскую земельную лигу. Дѣло въ томъ, что, несмотря на новый арестъ Дэвитта, происшедшій 3-го февраля 1881 года, дѣятельность лиги со дня на день становилась все рѣшительнѣе. Одинъ изъ лозунговъ, данный лигою фермерамъ, заключался въ томъ, чтобы, если лендлордъ взваливаетъ на нихъ непосильную арендную плату,—они *вовсе* ее не платили, пока онъ не согласится на уступки; если же ему угодно,—пусть зоветъ полицію и выселяетъ фермера вонъ. А выселивши,—пусть считается съ разнообразными видами возмездія—начиная съ бойкота и кончая вѣчною опасностью покушеній. Хотя земельная лига никогда къ аграрному террору не призывала, но всѣмъ было ясно, что аграрный терроръ, проявленія котораго участились въ годы неурожая, сильно увеличилъ страхъ лендлордовъ предъ лигой: вѣдь именно земельная лига широко распространяла свѣдѣнія о всѣхъ изгнаніяхъ фермеровъ и возбуждала ненависть противъ виновнаго землевладѣльца. При такихъ условіяхъ, Гладстону показалось недостаточно много разъ примѣнявшихся и всегда недѣйствительныхъ мѣръ и онъ рѣшилъ восполнить часть тѣхъ недочетовъ, которые еще оставались, по его собственному признанію, въ системѣ ирландскаго землевладѣнія и землепользованія, послѣ закона 1870 года.

По проекту Гладстона, фермеръ долженъ получить право свободно продавать свое арендное землепользованіе до истеченія срока аренды—кому захочетъ, если только самъ лендлордъ не согласится на требуе-

мыхъ фермеромъ условіяхъ расторгнуть арендный договоръ,—или же, если сдѣлка полюбовно не состоится,—на условіяхъ, установляемыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—судомъ; если же лендлордъ этимъ своимъ правомъ не воспользуется,—фермеръ продаетъ аренду другому лицу,—при чемъ лендлордъ имѣетъ право требовать, чтобы изъ вырученныхъ денегъ уходящій фермеръ полностью уплатилъ весь накопившійся за нимъ долгъ,—и чтобы покупатель былъ одинъ, а не нѣсколько. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ лендлордъ, если найдетъ нужнымъ, можетъ и вовсе отвергнуть представляемаго ему покупателя аренды, т.-е. новаго фермера, съ которымъ ему придется имѣть дѣло. Далѣе размѣры ренты, которую, не впадая въ нищету и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не нарушая, очевидно, интересовъ лендлорда, можетъ въ данной мѣстности при данныхъ условіяхъ платить фермеръ,—опредѣляетъ судъ, куда фермеръ и можетъ за этимъ обратиться. При этомъ устанавливается принципъ, согласно которому рента *не* должна была опредѣляться съ *общей* стоимости участка, считая кромѣ стоимости земли, еще стоимость всякихъ хозяйственныхъ приспособленій и улучшеній, сдѣланныхъ либо самимъ фермеромъ, либо его предшественниками: лендлордъ, слѣдовательно, имѣлъ право разсчитывать на доходъ только съ принадлежащей ему земли, а не съ тѣхъ хозяйственныхъ цѣнностей, которые создалъ фермерскій трудъ. Впрочемъ, на практикѣ трудно было фермеру доказывать, что тѣ или иныя улучшенія сдѣланы предшествовавшими фермерами, а не самимъ лендлордомъ, и это въ значительной мѣрѣ парализовало благодѣтельность провозглашеннаго принципа. Установленная судомъ «справедливая рента» должна имѣть силу пятнадцать лѣтъ, впродолженіе которыхъ лендлордъ не имѣетъ права выгнать фермера или возвысить размѣры ренты; на фермерѣ же лежитъ непреложная обязанность аккуратно эту ренту выплачивать,—иначе лендлордъ можетъ его удалить. По прошествіи 15 лѣтъ, судъ снова установляетъ размѣры ренты на новые 15 лѣтъ. Чтобы какъ-нибудь ликвидировать ужасныя послѣдствія послѣднихъ неурожайныхъ лѣтъ, когда произволъ лендлордовъ былъ особенно необузданъ,—билль Гладстона давалъ судамъ право объявлять недѣйствительными письменные контракты, заключенные подъ угрозою изгнанія фермера съ участка,—если только фермеры обратятся въ судъ за назначеніемъ имъ «справедливой ренты»; для расплаты съ долгами, накопившимися за фермеромъ въ послѣдніе три года, правительственная комиссія выдаетъ ему ссуду, выплата которой можетъ быть разложена на пятнадцать лѣтъ. Въ качествѣ высшей инстанціи, которая разсматриваетъ жалобы лендлордовъ и фермеровъ на рѣшенія и разцѣнки обыкновенныхъ судовъ,—былъ учрежденъ апелляціонный судъ, который и рѣшалъ дѣла окончательно. Наконецъ, правительство приняло принципъ, широко и совсѣмъ по иному развитый, спустя 22 года въ

законѣ Уиндгэма: было рѣшено, съ одной стороны, скупать, при удобномъ случаѣ, лендлордскія помѣстья и по дешевой цѣнѣ въ разсрочку продавать ихъ участками—фермерамъ; а съ другой стороны, выдавать ссуды фермерамъ, желающимъ пріобрѣсти въ собственность свой участокъ, на льготныхъ условіяхъ погашенія этого долга казнѣ.

Таковы были общіе принципы земельнаго гладстоновскаго билля 1881 года. Онъ составляетъ эпоху въ исторіи Ирландіи потому, что нанесъ страшный ударъ безконтрольному до сихъ поръ произволу лендлордовъ. То, чего долго и тщетно домогался Исаакъ Бьютъ,—было въ принципѣ, почти цѣликомъ, дано Ирландіи. Произвольныя выбрасыванія вонъ фермерскихъ семей были очень и очень затруднены; государство выступило третейскимъ судьею въ установленіи размѣра арендной платы и въ цѣлой массѣ другихъ вопросовъ, гдѣ прежде царило исключительно благоусмотрѣніе лендлорда; было признано право фермера продавать свое землепользованіе. *Принципіально,*—ирландскій «феодализмъ» былъ потрясенъ въ самомъ основаніи,—и дэвиттовская «земельная лига» эту сторону вопроса понимала и признавала вполнѣ; но ни Парнель, ни Дэвиттъ, ни остальные руководители лиги не сомнѣвались, что и суды обыкновенные, и апелляціонный судъ будутъ склонны пользоваться неопредѣленностью термина «справедливая рента»—скорѣе въ пользу лендлорда, нежели въ пользу фермера; что фермеръ часто принужденъ будетъ и не доводить дѣла до апелляціонной инстанціи, ибо у него не будетъ средствъ для покрытія судебныхъ издержекъ; что, благодаря оппозиціи (особенно сильной въ палатѣ лордовъ) въ гладстоновскій билль вошли такія будто бы мелкія, а на практикѣ крайне важныя вставки, поясненія и оговорки, что лендлорды смогутъ очень многое въ этомъ непріятномъ для нихъ законѣ—свести къ нулю. Всѣ эти опасенія въ значительной мѣрѣ и оправдались впослѣдствіи, но, пока, въ 1881 году, при всемъ сдержанномъ и, даже холодномъ отношеніи къ этому акту, при всемъ стремленіи не давать народу слишкомъ ужъ восторгаться мѣропріятіемъ Гладстона, при всемъ желаніи постоянно напоминать населенію, что этотъ актъ есть лишь вынужденная полумѣра,—руководители «Лиги» съ справедливою гордостью подчеркивали, что гладстоновскій законъ вырванъ у англичанъ борьбою, агитаціею, страхомъ предъ аграрной революціей, а не кроткими и убѣдительными просьбами, въ которыхъ провели весь свой вѣкъ Исаакъ Бьюттъ и его друзья, такъ и не дождавшіеся исполненія своихъ требованій,—осуществленныхъ теперь почти цѣликомъ въ актѣ 1881 года. Да и въ глазахъ всего ирландскаго общества какъ бы оправдывалось замѣчаніе, сдѣланное однимъ членомъ парламента, что ирландцу только тогда есть толкъ подходить къ англійскому министру со своими требованіями, если у него при этомъ въ рукахъ—голова лендлорда. Самъ Гладстонъ, спустя 12 лѣтъ

сказалъ: «я долженъ признать, что безъ земельной лиги—актъ 1881 года не попалъ бы въ сводъ законовъ».

Парнель и земельная лига съ удвоеннымъ рвеніемъ принялись за агитацію, возбуждая всюду недовольство политикою правительства. Нужно сказать, что на этотъ разъ даже такой тонкій, проницательный и осмотрительный политикъ, какъ Гладстонъ, впалъ въ ошибку, въ которую часто впадали не идущіе ни въ какое сравненіе съ нимъ тупые полицейскіе умы: онъ полагалъ, что можно въ эпоху сильнаго общественнаго возбужденія успокоить страну какой-нибудь половинчатою аграрною реформою, оставляя въ тоже время въ полной силѣ всякія политическія притѣсненія и отказывая населенію въ гарантіяхъ личной неприкосновенности. Законъ, расширявшій полномочія вице-короля, былъ въ полной силѣ,—и «главный секретарь по дѣламъ Ирландіи», назначенный на эту должность Гладстономъ,—Форстеръ широко пользовался дискреціонною властью, предоставленною ему въ это тревожное время.

О Форстерѣ мы уже говорили въ той главѣ, гдѣ описывали впечатлѣнія англійскихъ путешественниковъ, пріѣзжавшихъ въ Ирландію въ эпоху страшнаго голода 1846—1847 гг. Форстеръ былъ тогда юношей и содрогался отъ негодованія, говоря о томъ состояніи, до котораго доведена несчастная страна. Онъ писалъ тогда, что ни одинъ истинный христіанинъ въ Англіи не имѣетъ нравственнаго права спокойно пользоваться своимъ благосостояніемъ, пока на сосѣднемъ островѣ творятся такіе неописуемые ужасы... Но все это онъ писалъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Теперь же, въ качествѣ умудреннаго опытомъ государственнаго мужа, онъ старался путемъ разнообразнѣйшихъ репрессій подавить въ Ирландіи аграрную смуту, и уже не думалъ ни о какихъ сантиментальностяхъ. Судя по его характеру и наклонностямъ, при другихъ условіяхъ изъ него выработался бы одинъ изъ тѣхъ сановныхъ палачей, имена которыхъ навсегда ложатся позоромъ на породившій ихъ народъ; въ Ирландіи же, гдѣ конституціонныя гарантіи были только временно подавлены, но не уничтожены,—такого простора дѣйствій Форстеру дано не было,—тѣмъ не менѣе онъ использовалъ свою власть въ полномъ объемѣ. Борьба полиціи, охранявшей лендлордовъ, съ фермерами, нападавшими на нихъ, кипѣла во всѣхъ частяхъ Ирландіи; процессы и тюремныя заключенія слѣдовали другъ за другомъ. Земельная лига крѣпла все болѣе и болѣе. Зимою 1880—1881 гг. она въ среднемъ получала около тысячи фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю на свои нужды—отъ членовъ и постороннихъ жертвователей. На эти деньги поддерживались семьи изгоняемыхъ фермеровъ, велись процессы противъ лендлордовъ, организовывалась защита обвиняемыхъ въ аграрныхъ дѣлахъ, издавались агитаціонные листки и брошюры. Форстеръ и его главный помощникъ Боркъ не успѣвали хватать и сажать въ тюрьму.

Былъ затѣянъ процессъ и противъ Парнеля (еще до земельнаго билля), по обвиненію въ подстрекательствѣ къ возстанію, но 26-го января 1881 года онъ былъ оправданъ. Въ 1881 году дѣйствія Форстера и Борка стали еще рѣшительнѣе и жесточе. Пользуясь расширеніемъ своей власти, они особенно преслѣдовали всякія попытки дискредитировать новый земельный актъ Гладстона и устами своей прессы провозглашали, что каждый истинный другъ ирландскаго народа долженъ смотрѣть на этотъ законъ, какъ на разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Гладстонъ самъ не скрывалъ отъ себя, что Парнель страшно вредитъ всѣмъ правительственнымъ начинаніямъ. Вотъ что, между прочимъ писалъ премьеръ Форстеру 8-го сентября 1881 г.: «Уменьшить число послѣдователей Парнеля отвлеченіемъ отъ него всѣхъ добронамѣренныхъ людей вотъ что кажется мнѣ ключемъ ирландской политики въ настоящій моментъ». 14-го сентября состоялось собраніе членовъ Лиги въ Дублинѣ. Здѣсь было выработано такое отношеніе къ земельному закону: фермеры, конечно, должны пользоваться льготами, предоставляемыми имъ новымъ актомъ,—но подъ постояннымъ и бдительнымъ руководствомъ земельной лиги. А кромѣ того—лига продолжала считать своимъ первымъ долгомъ не прекращать агитаціи среди фермеровъ, постоянно напоминая имъ о необходимости дальнѣйшей борьбы. Форстеръ жаловался Гладстону и просилъ разрѣшенія (или, быть можетъ, вѣрнѣе—«благословенія», ибо право-то онъ и самъ имѣлъ) арестовать Парнеля. Но Гладстонъ колебался. Тогда Форстеръ рѣшилъ прибѣгнуть къ провокаціи. Зная, что Гладстонъ ѣдетъ въ Лидсъ произносить тамъ большую политическую рѣчь, Форстеръ писалъ премьеру: «Я полагаю, что вы большое добро сдѣлаете, если будете въ Лидсѣ укорять Парнеля за его дѣйствія и политику». Форстеръ много разсчитывалъ на отвѣтную рѣчь Парнеля,—и обстоятельства показали, — что онъ не ошибся. 7-го октября Гладстонъ, дѣйствительно, произнесъ въ Лидсѣ рѣчь, въ которой объявлялъ, что Парнель сѣетъ смуту, что онъ сочувствуетъ аграрнымъ преступленіямъ, что онъ не даетъ спокойно существовать Ирландіи, и что «еще не всѣ средства истощены—какія «цивилизація даетъ для борьбы» противъ подобныхъ агитаторовъ и ихъ сторонниковъ». Ровно чрезъ два дня Парнель отвѣтилъ на эту рѣчь своею рѣчью, произнесенною на многолюдномъ собраніи въ Уэксфордѣ. Суть отвѣта заключалась въ томъ, что «ирландецъ, не желающій попасть въ руки своего вѣчнаго вѣроломнаго и жестокаго врага—англичанина—не долженъ разоружаться никогда,—особенно по поводу такихъ именно разсчитанныхъ на «разоруженіе» актовъ, какъ законъ 1881 года». Въ частности о Гладстонѣ, намекая на угрожающій тонъ его рѣчи, Парнель выразился такъ: «Это хорошій знакъ, что маскарадный странствующій рыцарь, этотъ претендентъ на титулъ побор-

ника правъ любой націи, кромѣ ирландской,—принужденъ былъ сбросить съ себя маску теперь и стать открыто предъ нами,—какъ человѣкъ который, по собственнымъ своимъ заявленіямъ, готовъ внести мечъ и огонь въ ваши жилища, если только вы не покоритесь униженно ему и лендлордамъ этой страны». Рѣчь была чисто боевая и дышала ненавистью къ Гладстону и англичанамъ.

Вечеромъ послѣ этого митинга одинъ знакомый членъ ирландской партіи спросилъ Парнеля: не полагаетъ ли онъ, что будетъ теперь арестованъ? Парнель отвѣтилъ, что полагаетъ. Тогда собесѣдникъ рѣшилъ запастись заблаговременно инструкціями — на время, пока лидеръ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ. «Желали бы вы дать намъ какія-нибудь инструкціи? Кто займетъ ваше мѣсто?» «О», задумчиво сказалъ Парнель: «если я буду арестованъ, то мое мѣсто займетъ Лунный Свѣтъ». «Лунный Свѣтъ»—это была обычная подпись подъ угрожающими письмами, возвѣщавшими готовящееся предпріятіе аграрно-террористическаго характера. Спустя три дня Парнель былъ уже въ тюрьмѣ.

Лордъ Куперъ, бывшій совершенно ничтожнымъ орудіемъ (несмотря на носимое имъ званіе вице-короля) въ рукахъ Форстера и Борка оправдывалъ этотъ поступокъ правительства тѣмъ, что люди менѣе важные давно уже сидятъ въ тюрьмѣ,—такъ зачѣмъ же Парнеля оставлять на свободѣ. Любопытно, что политическіе арестанты Кильмэнгэмской тюрьмы давно уже и съ жаромъ спорили о томъ, не слишкомъ ли мягко Парнель отнесся къ земельному биллю 1881 года?—и вотъ, въ разгарѣ этихъ споровъ—къ нимъ привели и засадили самаго Парнеля. Логика реакціи привела къ своему неизбѣжному результату: объединила всѣ оттѣнки убѣжденій, всѣ темпераменты, всѣ возрасты,—и ближайшее будущее показало, что безумные восторги лондонскаго Сити и огромнаго большинства англійскаго общества по поводу «рѣшимости» Форстера и Борка—были нѣсколько преждевременны. Правда, Гладстону устраивались восторженныя оваціи въ Лондонѣ при полученіи извѣстія объ арестѣ Парнеля,—но въ Ирландіи «капитанъ Лунный Свѣтъ» тотчасъ же усугубилъ свою кровавую работу. Лига рѣшила пропагандировать среди арендаторовъ идею отказа въ платежѣ ренты до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены недавно изданные законы, увеличивающіе полномочія полицейской власти. Аграрныя преступленія увеличились въ изумительной прогрессіи. Вотъ цифры приводимыя О'Брайеномъ: За десять мѣсяцевъ, предшествовавшихъ изданію репрессивнаго закона, число аграрныхъ преступленій было 2.379; за десять мѣсяцевъ послѣ изданія этого закона—число ихъ было 3.821. Въ частности сильно увеличилось число именно тягчайшихъ видовъ преступленій. Въ первые три мѣсяца 1881 года—было семь покушеній на убійство (изъ нихъ одно успѣшное), въ первые

три мѣсяца 1882 года—тридцать три покушенія (изъ нихъ шесть успѣшныхъ). Нападенія и обстрѣливаніе лендлордскихъ домовъ непрерывной вереницей проходили одно за другимъ предъ раздраженными и недоумѣвающими Форстеромъ и Боркомъ и колебавшимся Гладстономъ. Форстеръ даже полицію сталъ подозрѣвать въ попустительствѣ и преступной бездѣятельности и разослалъ циркуляръ по полицейскимъ учрежденіямъ съ изъявленіемъ полнаго своего неудовольствія по поводу нераскрытія виновниковъ аграрныхъ преступленій. Жизнь его самого неоднократно висѣла на волоскѣ, но его запугать было нельзя, какъ и помощника его Борка. Въ отвѣтъ на приглашеніе земельной лиги не платить арендныхъ денегъ лендлордамъ впредь до отмѣны репрессивныхъ законовъ, Форстеръ 20-го октября 1881 г. закрылъ лигу, объявивши ее «незаконною и преступною ассоціаціею». Итакъ, лига не существовала, вожди ея сидѣли въ тюрьмѣ, бѣлый терроръ свирѣпствовалъ въ Ирландіи. Сестра Парнеля и нѣсколько другихъ мужественныхъ женщинъ, составившія «женскую лигу», дѣятельно агитировали въ странѣ, по мѣрѣ силъ выполняя функціи закрытой земельной лиги. Конечно, митинговъ онѣ собирать не могли, но все, что только было мыслимо для поддержанія свирѣпѣвшей болѣе и болѣе аграрной борьбы, эти женщины дѣлали. Форстеръ арестовалъ и засадилъ въ тюрьму нѣсколько активныхъ дѣятельницъ женской лиги, но, на мѣсто каждой арестованной, являлись десятки новыхъ. Одновременно Форстеръ и Боркъ хватали одного за другимъ еще остававшихся членовъ закрытой земельной лиги, которые хотя не могли назваться первостепенными дѣятелями (первостепенные уже всѣ сидѣли въ тюрьмѣ еще до закрытія лиги),—но чѣмъ-либо все-таки обратили на себя вниманіе администраціи. Восемьсотъ семьдесятъ два члена лиги были арестованы и засажены въ тюрьму за эту страшную зиму 1881—1882 гг.,—а двѣсти одиннадцать человѣкъ подверглись той же участи по одному только подозрѣнію въ ночныхъ нападеніяхъ на дома и личность лендлордовъ, ихъ слугъ и полиціи. Одинъ за другимъ эти люди исчезали за тюремными стѣнами, но оставшіеся ни на сутки не отрывались отъ дѣла. Они продолжали агитировать, выдавать спасенныя отъ конфискаціи суммы «лиги» на поддержку фермеровъ, а также семействъ заключенныхъ,—и съ октября 1881 г. по май 1882 г. выдали въ общемъ семьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ октябрѣ 1881 г., когда «Лига» была закрыта,—въ Ирландіи было совершено 511 аграрныхъ преступленій; въ мартѣ 1882 г., послѣ всѣхъ неистовствъ Форстера, ихъ было совершено 531. Форстеръ настаивалъ на усугубленіи репрессій,—но Гладстонъ всегда былъ и въ «гуманныхъ», и въ «анти-гуманныхъ» своихъ поступкахъ—прежде всего государственнымъ человѣкомъ,—и изъ опыта убѣдившись, что аграрная революція при уже существую-

щихъ репрессіяхъ не уменьшается, а увеличивается, онъ рѣшилъ повернуть на другой путь.

Этимъ другимъ путемъ могъ быть только путь уступокъ. Но какихъ? Экономическія уступки были сдѣланы земельнымъ закономъ 1881 года, и, однако, это не воспрепятствовало полной неудачѣ дѣла умиротворенія. Тогда-то онъ рѣшилъ войти въ сношенія съ ирландскимъ лидеромъ и призвать его на помощь. Парнель съ своей стороны облегчилъ дѣло. Еще 10-го Апрѣля 1882 г. правительство отпустило Парнеля на честное слово изъ тюрьмы въ Парижъ, гдѣ ему нужно было навѣстить сестру, у которой умиралъ сынъ. За тѣ нѣсколько дней, пока онъ находился на свободѣ, онъ видѣлся и говорилъ съ нѣкоторыми членами своей партіи, и высказался въ томъ смыслѣ, что задача дня облегчить немедленно и серьезно положеніе тѣхъ наиболѣе мелкихъ и нуждающихся фермеровъ, которые даже и при льготныхъ условіяхъ никакъ не могутъ уплатить слѣдуемыхъ денегъ. Ихъ сто тысячъ человѣкъ въ странѣ, и Парнель полагалъ, что помочь имъ значитъ возстановить въ Ирландіи относительное спокойствіе. Капитанъ О'Ши, ирландецъ, имѣвшій знакомства въ средѣ либеральнаго кабинета, сообщилъ Гладстону объ этихъ мнѣніяхъ Парнеля. Тотчасъ же Гладстонъ отвѣтилъ О'Ши письмомъ, въ которомъ выражалъ свою признательность за сообщаемыя свѣдѣнія и въ заключеніе заявлялъ, что ни личныя чувства и предразсудки, ни «ложный стыдъ», ни иныя препятствія подобнаго же свойства не помѣшаютъ ему, Гладстону, вступить на тотъ путь, который могъ бы повести къ умиротворенію Ирландіи. Тотчасъ же вмѣстѣ съ тѣмъ Гладстонъ сообщилъ о начавшихся переговорахъ Форстеру. Но Форстеръ ни за что не хотѣлъ принимать участія ни въ чемъ, что носило бы характеръ вынужденныхъ уступокъ ирландцамъ со стороны правительства. Не для того онъ свирѣпствовалъ больше года (считая со времени изданія исключительныхъ полномочій), не для того рисковалъ (надо отдать ему справедливость, самымъ вызывающе-смѣлымъ образомъ) своею головою, чтобы признать себя побѣжденнымъ, систему свою сломленной, притязанія своихъ враговъ правильными. Онъ не прочь былъ удовлетворить требованію дальнѣйшихъ аграрныхъ облегченій, но и слышать не хотѣлъ о выпускѣ арестованныхъ на свободу, прекращеніи репрессій и возстановленіи законныхъ гарантій личной свободы въ Ирландіи. Напротивъ, какъ разъ въ это же время, приблизительно, онъ представилъ Гладстону планъ дальнѣйшаго усугубленія произвола; онъ напр., просилъ объ отмѣнѣ суда присяжныхъ для тягчайшихъ видовъ политическихъ преступленій и т. д. И вдругъ, приходилось отъ этого отказаться.

Гладстонъ 1-го мая 1882 г. написалъ намѣстнику лорду Куперу, что, такъ какъ Парнель требуетъ расширенія льготъ, дарованныхъ

актомъ 1881 года, и распространенія ихъ на тѣ категоріи арендаторовъ, которые по разнымъ обстоятельствамъ не подходили подъ термины акта 1881 года, такъ какъ при этомъ Парнель и его друзья готовы отказаться отъ агитаціи противъ платежа арендной платы, то онъ, Гладстонъ, не видитъ причины, почему бы на эту сдѣлку не пойти. 2-го мая Гладстонъ телеграфировалъ вице-королю уже приказаніе выпустить изъ тюрьмы Парнеля, О'Келли и Диллона.

Ирландія была въ восторгѣ, хотя нѣкоторые среди членовъ «земельной лиги» (и никто среди феніевъ) не одобряли какихъ бы то было соглашеній съ министерствомъ. Но большинство вполнѣ сочувствовало тому, что совершилось. Вице-король Куперъ и Форстеръ подали немедленно въ отставку.

Когда спустя два дня, 4-го мая, Форстеръ въ палатѣ общинъ говорилъ раздраженную рѣчь, въ которой оправдывалъ свою политику, вдругъ его прервали радостные возгласы и оглушительныя рукоплесканія съ ирландскихъ скамеекъ: въ палату вошелъ Парнель, котораго Форстеръ полгода держалъ въ тюрьмѣ безъ суда и слѣдствія. Въ этомъ засѣданіи и Гладстонъ, и Парнель въ своихъ рѣчахъ объяснили палатѣ условія своего «кильмэнгемскаго договора»: другая политика правительства относительно Ирландіи, съ новыми льготами арендаторамъ и съ уничтоженіемъ репрессій,—и Парнель «надѣется», что въ странѣ воцарится спокойствіе. Въ этотъ день Форстеръ окончательно увидѣлъ себя покинутымъ: премьеръ говорилъ за одно не съ нимъ, а съ Парнелемъ. Судьба готовила Форстеру скорое удовлетвореніе.

X.

Новымъ вице-королемъ вмѣсто лорда Купера былъ назначенъ графъ Спенсеръ, замѣстителемъ Форстера—лордъ Кавендишъ, а помощникъ секретаря Боркъ—въ отставку не вышелъ, и остался при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей.

6-го мая 1882 года въ Дублинъ пріѣхалъ вновь назначенный лордъ Кавендишъ. Онъ былъ торжественно встрѣченъ лордъ-мэромъ, ольдерменами и городскими совѣтниками,—и послѣ обычныхъ церемоній въ вице-королевскомъ замкѣ отправился домой. Встрѣтившись по дорогѣ съ Боркомъ, они вдвоемъ пошли въ Фениксъ-Паркъ, наполненный гуляющею публикою. Они шли по широкой аллеѣ, когда, по свидѣтельству двухъ-трехъ лицъ, видѣвшихъ эту сцену, на Борка и Кавендиша вдругъ бросилось нѣсколько человѣкъ. Оба сановника упали на землю, и въ тотъ же моментъ какая-то карета умчалась съ мѣста происшествія. Когда подбѣжали къ лежавшимъ, оказалось, что они оба заколоты кинжалами: смерть была моментальною.

Раньше, чѣмъ обратиться къ послѣдствіямъ этого событія, пояснимъ то, что было неизвѣстно, когда убійство совершилось, и что опре-

дѣлилось лишь впослѣдствіи, изъ процессовъ и мемуаровъ (вродѣ воспоминаній Патрика Тайнэна).

Усмирительная политика Форстера, сопровождавшаяся безчисленными арестами, приводила въ ярость и отчаяніе очень многихъ людей самаго различнаго возраста и темперамента. Дѣло въ томъ, что аграрныя преступленія, какъ это было до очевидности ясно, не могли прекратиться, какъ бы Форстеръ и Боркъ ни выслѣживали и ни хватали виновныхъ; а, между тѣмъ, всѣ пути легальной оппозиціи систематически преграждались послѣ усмирительнаго акта 1881 года. Аресты Диллона, Дэвитта, Парнеля, закрытіе «земельной лиги», преслѣдованіе женщинъ, взявшихъ на себя агитацію,—все это обострило политическія страсти до крайности. Неопредѣленное сидѣніе въ тюрьмѣ лучшихъ людей страны безъ суда и слѣдствія, даже безъ предъявляемаго къ нимъ опредѣленнаго обвиненія—все это какъ бы символизировало въ глазахъ многихъ «Ирландію, связанную по рукамъ и ногамъ, приготовленную къ убійству». Тогда-то, въ этотъ голодный и кровавый, «усмирительный» 1881 годъ создалась въ Ирландіи, такъ называемая «Національная непобѣдимая организація» («The Irish National Invincible organisation»), куда тотчасъ же вошли нѣкоторые члены «земельной лиги» и многіе феніи. Собственно, феніи, какъ еще существовавшая самостоятельно организація, не слились съ новымъ сообществомъ: но многіе изъ нихъ, не переставая называть себя феніями, примкнули къ «непобѣдимымъ», почему въ просторѣчіи эти термины смѣшались. «Непобѣдимые» были чисто-террористическою организаціею, которая заявила, что отвѣтитъ насиліемъ на все, что дѣлается въ Ирландіи, «такъ какъ англичане растоптали въ Ирландіи свою собственную конституцію». «Исполнительный комитетъ» («The executive»), этой организаціи въ самомъ началѣ своей дѣятельности постановилъ, по мѣрѣ возможности, убивать всѣхъ главныхъ секретарей и ихъ помощниковъ, начиная съ Форстера и Борка,—чтобы сдѣлать эти должности «вакантными» навсегда, ибо они и составляютъ душу англійской правительственной машины въ Ирландіи. Кромѣ того, всякій «британскій сатрапъ, устанавливающій и ведущій истребительную войну въ какой-либо части острова Ирландіи» долженъ также быть «устраненъ съ мѣста своихъ опустошеній». Что же касается до вице-королей (или, какъ они иначе называются, лордовъ-намѣстниковъ), то ихъ рѣшено было не трогать въ виду того, что ихъ роль фактически сводится къ обязанностямъ представительства и подписыванію наиболѣе важныхъ бумагъ. Если же вице-король активно вмѣшается въ дѣла, было рѣшено убить и его. Эта организація, подобно феніанской, своимъ конечнымъ идеаломъ ставила полное отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи, но не считала возможнымъ призыва всей націи къ вооруженному возстанію, ибо ей казался немыслимымъ успѣхъ въ открытой борьбѣ. Члены этой организаціи считались съ упреками, которые имъ были предъявляемы многими.

Вотъ что читаемъ въ воспоминаніяхъ Тайнена, одного изъ этихъ членовъ: «Люди, которые живутъ въ средѣ свободныхъ и счастливыхъ самоуправляющихся націй, наслаждающихся миромъ и благополучіемъ подъ флагомъ своей страны, могутъ сказать, что эта политика «непобѣдимыхъ» была по-истинѣ ужасною. Во всякомъ случаѣ ничто изъ всего, что могла бы сдѣлать Ирландія, не могло бы сравняться съ ужасами, совершаемыми надъ нею ея врагомъ. Путемъ грабежа и кровопролитія онъ прикрѣпилъ себя къ ирландской почвѣ, и кровопролитіемъ онъ ее удерживаетъ за собою».

Число членовъ новаго сообщества было невелико, но они рекрутировались изъ людей закаленныхъ; ихъ историкъ называетъ ихъ «арміей львовъ». Строжайшая тайна окружала организацію, ея планы и дѣйствія. Ее многіе и долго путали съ аграрными сообществами, которые въ эти годы снова появились на свѣтъ, отчасти подъ старыми прозвищами (бѣлыхъ парней, лохмотниковъ), отчасти подъ новыми (ребята капитана Луннаго Свѣта). «Непобѣдимые» были чисто-политическими террористами, и съ аграрнымъ терроромъ ничего общаго не имѣли, развѣ только то, что появились они на почвѣ борьбы противъ усмирителей аграрнаго террора. «Организація непобѣдимыхъ», говоритъ ея историкъ, должна остаться въ памяти какъ отвѣтъ ирландской націи на закрытіе «Земельной Лиги».

Террористы прежде всего собирались убить Форстера, но случай препятствовалъ имъ сдѣлать это, хотя все казалось зрѣло обдуманнымъ и разсчитаннымъ. Покушеніе рѣшено было повторить, и опять быстрый проѣздъ кареты сановника спасъ его. Тогда террористы постановили повторить попытку въ третій разъ, но именно въ это время состоялось соглашеніе Гладстона съ Парнелемъ, и Форстеръ вышелъ въ отставку и исчезъ съ ирландскаго горизонта. Самый «кильмэнгемскій договоръ» былъ встрѣченъ этою организаціею несочувственно. У нихъ были силы и въ Дублинѣ, и въ провинціи, и когда Форстеръ окончательно отъ нихъ ускользнулъ, то они рѣшили, согласно съ первоначальными своими намѣреніями, покончить съ Боркомъ и съ новымъ секретаремъ лордомъ Кавендишемъ, какъ съ лицами, занимающими наиболѣе активныя боевыя мѣста въ англійской администраціи.

Исполнительный комитетъ послѣ нѣкотораго колебанія окончательно отказался отъ мысли отправить убійцъ въ Англію, чтобы тамъ покончить все-таки съ уже отставленнымъ Форстеромъ,—хотя нѣсколько лицъ выражали полную готовность сдѣлать это, и даже большого труда стоило ихъ удержать убѣжденіями, что Форстеръ «политически мертвъ», а поэтому и безвреденъ и т. д. Убить же оставшагося Борка и Кавендиша они желали еще и потому, что смотрѣли на кильмэнгэмскій договоръ, какъ на «хитрость врага» и желали эту «хитроэть» однимъ ударомъ разрушить. Вечеромъ 5-го мая террористы уже ожидали Борка въ Фениксъ-Паркѣ, по которому онъ, обыкновенно, возвращался до-

мой. Но пришло отъ исполнительнаго комитета извѣстіе, что завтра, 6-го, въ Дублинъ пріѣдетъ лордъ Кавендишъ, и всѣ приготовленія, поэтому, должны быть сдѣланы къ слѣдующему дню, а нападеніе на Борка необходимо отложить. Вечеромъ происходило совѣщаніе, на которомъ были выработаны детали и розданы роли всѣмъ участникамъ. Участники заявили, что «ни сдачи, ни бѣгства» не будетъ, и что нападеніе должно окончиться либо ихъ смертью, либо смертью англичанина. Еще утромъ въ этотъ день, участники прохаживались въ Фениксъ-Паркѣ. Увидѣвъ проѣзжавшій отрядъ гусаръ, одинъ изъ участниковъ замѣтилъ другому, что въ случаѣ, если завяжется открытая борьба при совершеніи посягательства, то эти гусары, пожалуй, очутятся на мѣстѣ происшествія. Другой отвѣтилъ: «Если бы у насъ были ручныя гранаты, мы бы легко разбросали этихъ обмундированныхъ молодцовъ; во всякомъ случаѣ, даже и при нашемъ вооруженіи мы хорошо посчитаемся съ этой британской кавалеріей, если такая схватка случится». Это даетъ понятіе о настроеніи заговорщиковъ наканунѣ событія.

На другой день, 6-го мая 1882 года, участники предполагаемаго нападенія, съ послѣобѣденнаго времени, уже были около Фениксъ-Парка. Когда Кавендишъ и Боркъ поравнялись съ ними, то четверо бросились на сановниковъ, и въ одинъ мигъ, осыпавъ ихъ градомъ кинжальныхъ ударовъ, вскочили въ приготовленную карету. Къ трупамъ уже бѣжали люди. Въ этотъ моментъ у одного изъ покушавшихся выпалъ изъ кармана револьверъ; онъ вышелъ изъ кареты, успѣлъ поднять выпавшій предметъ, сѣлъ обратно, и карета почти мгновенно скрылась съ глазъ присутствовавшихъ.

Евг. Тарле.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МУЖЪ ЧЕСТИ.

Повѣсть.

(Окончаніе *).

XXII.

У Матвѣя былъ свой планъ.

Послѣ разговора съ отцомъ о мундирѣ и сапогахъ, вступать съ нимъ въ какія бы то ни было прямыя сношенія онъ не хотѣлъ. Однако-жъ, онъ твердо рѣшилъ довести до его свѣдѣнія обо всемъ, совершившемся въ домѣ, и ничего больше не скрывать отъ него.

«У всѣхъ членовъ семьи есть права и у Лизы есть права человѣческія. Нельзя, чтобы одинъ подавлялъ права всѣхъ остальныхъ. А скрывать, это и значитъ подавлять самимъ свои собственныя права. Надо считаться со всѣмъ. Пора, наконецъ, счесться съ этимъ человѣкомъ за все, за все...»

И подъ этимъ «все» онъ разумѣлъ очень опредѣленныя вещи. Онъ точно уяснилъ себѣ, что сдѣлалъ его отецъ съ членами его семьи—съ матерью, старшей сестрой, а особенно съ Осипомъ и съ Лизой. И онъ рѣшилъ предъявлять ему счетъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Но пойти къ нему и сказать ему про Лизу, онъ считалъ для себя унизительнымъ. Пусть это выйдетъ какъ-нибудь само собой. И для этого «само-собой» не было ничего болѣе подходящаго, какъ Броницынъ.

Онъ пріѣхалъ. Странный былъ у него видъ. Онъ вытянулся и сталъ еще длиннѣе. Съ перваго взгляда казалось, что онъ даже поправился, но во всей его фигурѣ явилась какая-то странная костлявость и угловатость.

Онъ пріѣхалъ на другой день послѣ Матвѣя и они встрѣтились въ гимназическомъ саду.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1906 г.

— Здравствуй,—сказалъ Матвѣй и пытливо посмотрѣлъ ему въ глаза. Онъ думалъ: «посмотрю, о чемъ онъ будетъ спрашивать меня?»

Броницынъ, увидѣвъ его, густо покраснѣлъ и смутился.

— Это ты?.. А что... Какъ сестра твоя?—спросилъ онъ, запинаясь.

— Это хорошо, что ты именно объ ней спросилъ,—сказалъ Матвѣй.—Ты, значитъ, ею все-таки интересовался.

— Ахъ, слушай... Я, право, не такъ виноватъ... Вѣдь я не зналъ, какъ можно написать. Мнѣ не дали указаній—ни она, ни ты... Ты же понимаешь: твой отецъ...

— Понимаю, понимаю... Ну, такъ вотъ, видишь ли... Отвѣчая на твой вопросъ, я долженъ сказать тебѣ, что Лиза въ очень серьезномъ положеніи.

— Что это значитъ?—растерянно спросилъ Броницынъ, совершенно не понявъ его.

— Это значитъ, что она беременна, и это уже сдѣлалось замѣтнымъ...

— Что? Она?..

Броницынъ даже пошатнулся отъ этого извѣстія; онъ схватился за голову, которая у него закружилась.

— Тебя это потрясаетъ?—спросилъ Матвѣй.

— Еще бы... Я виноватъ...

— А съ виноватымъ знаешь что дѣлаютъ?

— Не знаю... Только я... Я не думалъ... Извини, я сяду...

Онъ присѣлъ на скамейкѣ, потому—что ноги его начали дрожать.—Ахъ, какъ это ужасно!

Матвѣй стоялъ близко около него.—Ты, однако, не ори,—сказалъ онъ,—гимназисты очень любопытны. Вонъ уже на насъ смотрятъ нѣсколько паръ глазъ, да и, вообще, успокойся. Ужасно, ужасно... Ну, такъ что-жъ изъ того, что ты будешь восклицать: ужасно. Дѣло отъ этого не улучшится.

— Да, конечно... подавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Броницынъ. Но вдругъ подавленность смѣнилась въ немъ какой-то новой энергіей, онъ выпрямился и твердо посмотрѣлъ на Матвѣя.

— Ну, такъ видишь... Я, конечно, нездоровый человѣкъ, и это едва ли принесетъ ей счастье, но я... Я собственно рѣшилъ еще тогда и сказалъ... Я женюсь на ней...

— Когда это?

— Теперь. Когда же?

— Въ этомъ мундирѣ?

— О, что ты. Я выйду изъ гимназіи. Я сейчасъ же выйду.

— А родные?

— Это ничего. Родные знаютъ. Я все разсказалъ моему стар-

шему брату. Я не могъ иначе, потому что до него дошли слухи, въ гораздо худшемъ видѣ. И, видишь-ли, братъ меня спросилъ: а что, если она... Ну, вотъ именно это, что случилось. Я сказалъ: я женюсь на ней. И братъ думалъ, долго думалъ и потомъ сказалъ мнѣ: да, конечно, какъ порядочный человѣкъ, ты долженъ это сдѣлать, хотя твое здоровье... Впрочемъ, въ гимназіи тебѣ въ сущности нѣтъ необходимости оставаться. Однимъ словомъ—родные не будутъ препятствовать. А твой отецъ—я думаю, онъ тоже ничего не можетъ имѣть противъ. Я пойду къ нему. Я сегодня же буду у него.

Матвѣй на это промолчалъ. Онъ не высказалъ своего мнѣнія, потому что у него и не было опредѣленнаго мнѣнія на этотъ счетъ. Какъ ни мрачно смотрѣлъ онъ на своего отца, все-же не могъ съ увѣренностью сказать, что онъ и въ этомъ случаѣ останется вѣренъ себѣ. Броницынъ, конечно, не блестящъ, какъ будущій мужъ, но онъ изъ хорошей семьи, со средствами. Казалось бы, все это долженъ принять во вниманіе его отецъ. А приметъ-ли, этого онъ предугадать не могъ.

Часовъ въ семь съ половиной въ инспекторской кухнѣ появился длинный гимназистъ въ прошлогоднемъ мундирѣ, который былъ ему коротокъ. Горничная, увидѣвъ его, перепугалась. Она очень хорошо знала его по прошлогодней исторіи.

— Осипъ Матвѣевичъ уже пообѣдалъ?—спросилъ Броницынъ.— Мнѣ нужно быть у него.

Горничная испугалась еще больше. Этотъ несчастный рѣшается идти къ инспектору послѣ того, что было.

— А для чего вамъ? спросила горничная.

— Мнѣ необходимо. Пожалуйста—доложите, что я по очень важному дѣлу желаю быть принятъ.

Горничная колебалась, но, въ концѣ-концовъ, все-таки должна была согласиться и прошла въ кабинетъ. Дрожащимъ голосомъ докладывала она инспектору о гимназистѣ.

— Баринъ... Тамъ гимназистъ одинъ желаетъ васъ видѣть.

Тарановъ, послѣ обѣда сидѣвшій ради отдыха въ мягкомъ креслѣ (другого дневного отдыха онъ себѣ не позволялъ), поднялъ голову и строго посмотрѣлъ на нее.

— Гимназистъ можетъ видѣть меня въ гимназіи,—тономъ, не допускающимъ возраженія, отвѣтилъ онъ.

— У нихъ такое дѣло, что желаютъ на дому...—осмѣлилась горничная.—Очень просятъ.

— Фамилія?—кратко спросилъ Тарановъ.

— По фамиліи они Броницынъ,—окончательно рѣшилась горничная.

— Что?

— Ихъ фамилія Броницынъ.

— Броницынъ?

И черная туча появилась на челѣ инспектора, но, тѣмъ не менѣе, именно эта фамилія вызвала въ немъ замѣтное колебаніе. Броницынъ желаетъ быть принятъ на дому. Что это? Можетъ быть, раскаяніе, желаніе чистосердечно объяснить, какъ было дѣло. Не слѣдуетъ закрывать источникъ, изъ котораго, можетъ быть, готово вылиться доброе побужденіе.

— Гм... Пусть войдетъ, если это такъ нужно!—сказалъ Тарановъ и этимъ несказанно удивилъ докладчицу. Она совсѣмъ не ожидала столь благопріятнаго результата. Осипъ Матвѣевичъ, вообще, терпѣть не могъ, чтобы гимназисты шлялись къ нему на квартиру. Онъ цѣлый день въ гимназіи. Поэтому приходившихъ къ нему на домъ всегда гнали.

Горничная побѣжала въ кухню и сообщила Броницыну:—Пожалуйте... Велѣли приходить...

Броницынъ аккуратно, хотя и дрожащими пальцами, застегнулъ мундиръ на всѣ пуговицы, отдернулъ полы его, поправилъ волосы на головѣ и пошелъ черезъ столовую въ кабинетъ. Дверь была отворена и, когда онъ вошелъ въ кабинетъ и остановился около порога, на противоположномъ концѣ комнаты фигура инспектора, сидѣвшаго въ креслѣ, была какъ разъ противъ него и пара внимательныхъ глазъ пристально и строго смотрѣли на него изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Здравствуйте, Осипъ Матвѣевичъ,—довольно глупо сказалъ Броницынъ и столь же глупо поклонился.

— Вѣдь я у себя не принимаю. Что нужно?—вмѣсто отвѣта на привѣтствіе сказалъ Тарановъ.

— У меня такое дѣло, Осипъ Матвѣевичъ, что иначе нельзя,—сказалъ Броницынъ, робѣя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то необыкновенно храбро.

— Говори.

— Оно касается вашей дочери.

— Допустимъ.

— Я прошу у васъ позволенія... Позволенія исполнить мой долгъ.

— Чтобы исполнить долгъ, не надо испрашивать позволенія,—отчеканивая слова, какъ будто бы онъ дѣлалъ переводъ съ латинскаго, сказалъ Тарановъ;—исполненіе долга разъ навсегда всѣмъ дозволено.

Броницынъ опустилъ глаза и нервно мялъ въ рукахъ фуражку.

— Осипъ Матвѣевичъ... Тутъ дѣло особенное.

— Гм... Что значитъ особенное? Ты хочешь исполнить свой долгъ? Исполняй, я слушаю.

— Это не то.

— Такъ что-же?

— Я, Осипъ Матвѣевичъ... Я... виновникъ...

— Отлично. Это для меня не ново. Дальше?

— Я виновникъ того... того особеннаго положенія, въ которомъ... въ которомъ находится Лиза.

— Кто такая Лиза?—вдругъ выпрямившись, воскликнулъ Осипъ Матвѣевичъ.

— Ваша дочь.

— Что? Особое положеніе? Какое особое положеніе?

Осипъ Матвѣевичъ всталъ съ мѣста и въ тотъ же мигъ очутился лицомъ къ лицу съ Броницынымъ.—Какое особое положеніе? повторилъ онъ.

Броницынъ слегка отступилъ, но, къ его удивленію, близость инспектора не навела на него страха. Онъ чувствовалъ, что въ своемъ объясненіи какъ бы перешелъ уже ту грань, за которой инспекторъ болѣе не страшенъ.

— Осипъ Матвѣевичъ, уже безъ всякой дрожи въ голосѣ говорилъ Броницынъ, — вѣдь вы же знаете... Лиза... Она беременна...

То, что сдѣлалось съ Тарановымъ, видѣлъ только одинъ Броницынъ и никто больше никогда ничего похожаго не видѣлъ. Онъ отскочилъ въ сторону, потомъ въ то же мгновеніе ринулся на Броницына, какъ будто хотѣлъ раздавить его, подскочилъ къ нему вплотную и схватилъ его обѣими руками за утлыя слабыя плечи.

— Ты смѣешь... Ты... Ты... Почему? Откуда? Что ты сказалъ?— хриплымъ голосомъ произносилъ онъ слова, повидимому, безъ всякаго смысла. Очевидно, онъ растерялся, потерялъ равновѣсіе и самого себя.

Броницынъ смотрѣлъ на него съ безконечнымъ изумленіемъ. Никогда онъ не видѣлъ инспектора такимъ и не могъ себѣ представить, что онъ можетъ быть такимъ.

И это длилось всего нѣсколько секундъ, а затѣмъ вдругъ руки его точно отвалились отъ плечъ преступнаго гимназиста, онъ перевелъ духъ, выпрямился и лицо его, только что красное и дышавшее жаромъ, сдѣлалось убійственно холоднымъ и непроницаемымъ, точно какая-то невидимая рука наложила на него маску. Глаза его выражали глубокое презрѣніе.

— Что тебѣ нужно здѣсь?—произнесъ онъ сухимъ, безстрастнымъ голосомъ.

— Осипъ Матвѣевичъ,—съ волненіемъ сказалъ Броницынъ,— я имѣю намѣреніе жениться на... на Лизѣ...

Осипъ Матвѣевичъ, послѣ этого заявленія, ни на іоту не

измѣнился въ лицѣ.—Гимназисты не женятся,—сказалъ онъ прежнимъ тономъ и съ прежнимъ презрительнымъ взглядомъ.

— Я... я увольняюсь изъ гимназіи, я прошу увольненія...

— Въ этомъ нѣтъ надобности, потому что ты и безъ просьбы будешь исключенъ... Ступай!

— Осипъ Матвѣевичъ, но...

— Ступай!—повторилъ Тарановъ, чуть-чуть возвысивъ голосъ, но и этого было достаточно, чтобы появился тонъ приказанія, противъ котораго нельзя было возражать.

Броницынъ повернулся и вышелъ; невѣрной поступью, спотыкаясь, онъ направился въ кухню и тамъ исчезъ.

Прошло полминуты глубокой тишины въ кабинетѣ, затѣмъ слышны были шаги человѣка, прошедшагося нѣсколько разъ по комнатѣ туда и обратно, а вслѣдъ за этимъ Тарановъ вышелъ изъ кабинета въ столовую и, обойдя столъ, на которомъ еще стояла обѣденная посуда, приблизился къ маленькой двери, которая вела въ корридоръ.

Онъ уже былъ въ двухъ шагахъ отъ двери, и въ эту минуту она растворилась, и передъ самымъ его носомъ появился Матвѣй. Тарановъ, видимо, непроизвольно, остановился.

У Матвѣя лицо было полно выраженія крайней рѣшимости. Небритый, волосатый, загорѣлый, онъ производилъ впечатлѣніе какого-то разбойника.

— Куда вы?—спросилъ Матвѣй, заслонивъ собою дверь.

— Поди прочь!—отвѣтилъ Осипъ Матвѣевичъ и сдѣлалъ попытку обойти его, чтобы пробраться къ двери.

Матвѣй отодвинулся, сталъ на самомъ порогѣ, распростеръ руки поперекъ двери и сказалъ:

— Сестра нездорова, я васъ не пущу къ ней.

— Негодяй, какъ ты смѣешь отцу...—воскликнулъ Осипъ Матвѣевичъ и, схвативъ его за руки, хотѣлъ отдернуть ихъ отъ двери. Но Матвѣй былъ силенъ, руки его оказались желѣзными.

— Полноте,—сказалъ Матвѣй.—Я сильнѣе васъ... Я не пущу васъ...

— Что-же, мнѣ звать полицію?—воскликнулъ Осипъ Матвѣевичъ, отступая отъ него.

— Зовите,—сказалъ Матвѣй, не перемѣняя позы.

— Да я въ своемъ домѣ, или нѣтъ? Я, наконецъ, хочу распорядиться въ своемъ домѣ.

— Распоряжайтесь.

Этотъ удивительный тонъ Матвѣя—спокойный, увѣренный, безъ всякой аффектаціи, привелъ въ бѣшенство Осипа Матвѣевича. Въ его самообладаніи какъ будто что-то съ трескомъ порвалось. Лицо его сдѣлалось багровымъ, бѣлки глазъ покрылись

кровавыми нитками, губы задрожали. Онъ кинулся на Матвѣя съ свирѣпостью спущенной съ цѣпи собаки и буквально вцѣпился обѣими руками въ его плечи.

— Не-го-дяй... Мер-за-вецъ...—сдавленнымъ голосомъ хрипѣлъ онъ.—Но сила, которую такъ укрѣпилъ Матвѣй во время пѣшаго лѣтняго путешествія, не измѣнила ему. Онъ схватилъ своими сильными руками кисти рукъ Осипа Матвѣевича и, безпощадно сжимая и ломая ихъ, заставилъ Таранова покорно слѣдовать за нимъ къ столу и тутъ посадилъ его на стулъ. Здѣсь онъ оставилъ его руки. Дальнѣйшее примѣненіе силы было безполезно.

Осипъ Матвѣевичъ уже былъ не тотъ, что за нѣсколько минутъ передъ этимъ. Въ немъ изсякла всякая энергія. У него былъ видъ сраженнаго человѣка. Поразила ли его такъ небывалая, немыслимая дерзость мальчишки, или прямо подѣйствовала сила, но онъ уже сидѣлъ разбитый, безпомощный, неспособный къ сопротивленію и борьбѣ.

Вся эта возня заняла времени не больше двухъ минутъ; происходила она тихо и только послѣдній моментъ сопровождался грохотомъ упавшаго стула. И этотъ грохотъ смутилъ обѣихъ дамъ.

Скрипнула дверь изъ комнаты Анны Григорьевны и маленькая въ корридоръ, та самая, изъ-за которой сейчасъ происходила борьба между отцомъ и сыномъ. Анна Григорьевна вышла въ столовую и съ глубокимъ недоумѣніемъ смотрѣла на странную фигуру мужа, а Лиза пріотворила дверь и выглядывала съ выраженіемъ смертельной тревоги.

— Что это здѣсь?—спросила Анна Григорьевна.

Матвѣй обернулся къ ней.

— Да то, что я не пустилъ отца къ Лизѣ. Вотъ и все,— объяснилъ Матвѣй, поглаживая одной своей рукой другую, которая очевидно сильно помялась во время борьбы.

— Зачѣмъ къ Лизѣ?—спросила Анна Григорьевна.

— Зачѣмъ? Очевидно, зачѣмъ нибудь добрымъ,—саркастически замѣтилъ Матвѣй.—Надо полагать, отецъ хотѣлъ приласкать свою дочь, которую онъ довелъ чуть не до идіотизма.

Осипъ Матвѣевичъ чуть-чуть приподнялъ голову и посмотрѣлъ на жену.

— Вели ему, чтобы онъ ушелъ... Пусть онъ уйдетъ, промолвилъ онъ, взглядомъ указывая на Матвѣя.

— Я уйду, сказалъ Матвѣй,—только не далеко. Я буду здѣсь, у себя...

И онъ дѣйствительно ушелъ въ корридоръ, потомъ въ свою комнату, оставивъ дверь растворенной. Лиза оставалась на своемъ наблюдательномъ посту.

— Послушай, сказалъ Осипъ Матвѣевичъ женѣ:—одинъ изъ этихъ негодяевъ осмѣлился сообщить мнѣ, что Лизавета находится въ положеніи, въ какомъ не должна быть дѣвушка... Это правда?

Анна Григорьевна на секунду сжала губы, какъ бы переживая внутреннюю борьбу, потомъ отвѣтила увѣренно и твердо:

— Да, это правда... Лиза беременна .. Но виноватъ въ этомъ...

Осипъ Матвѣевичъ сдѣлалъ выразительный останавливающій жестъ.

— Я слишкомъ старъ, чтобы меня можно было убѣдить въ чемъ нибудь... Я ничего не оспариваю... Но если еще желаютъ меня слушать, то вотъ: Лизавета не должна, не имѣетъ права ни одного часа болѣе оставаться въ этой казенной квартирѣ... Пусть найметъ комнату. Я дамъ деньги... Я заплачу... Но ни одного лишняго часа... Это безповоротно... Если же меня не послушаютъ, то я самъ уйду изъ квартиры и буду ночевать въ ученическомъ дортуарѣ или въ подвалѣ съ служителями,.. Это такъ, и больше ничего...

Онъ грузно съ трудомъ поднялся и хотѣлъ идти въ кабинетъ.

— Погоди, остановила его Анна Григорьевна:—ты слишкомъ старъ, хотя я этого не вижу... А я слишкомъ измучена, чтобы спорить съ тобой... Лиза уйдетъ... О, конечно, уйдетъ послѣ этого... Но и я уйду съ ней... Платить? Нѣтъ, платить за нее мы тебѣ не позволимъ... Этого наслажденія мы тебѣ не доставимъ... Мы будемъ ходить по улицѣ и просить милостыню Христа ради... Да, да... Подайте Христа ради женѣ и дочери инспектора... Ты уходишь? Тебѣ это все равно? Ахъ, звѣрь, ахъ гіена... смрадная!.. уходитъ!..

И дѣйствительно, Осипъ Матвѣевичъ, какъ бы рѣшивъ, что безполезно слушать эти истерическія рѣчи, которыя, по его мнѣнію, никоимъ образомъ не могли быть приведены въ исполненіе, ушелъ въ кабинеть, плотно притворилъ дверь и даже заперъ ее извнутри на задвижку.

Вышла Лиза, громко рыдая. Ей представлялось это величайшимъ несчастьемъ. Но Анна Григорьевна была настроена какъ-то торжественно. Она чувствовала, что происходитъ великое отмщеніе.

— Будемъ собираться скорѣе... Ночью... Да, ночью...—громко выкрикивала она, суетясь около комода съ выдвинутыми ящиками, разстилая простыни и сваливая туда платье и бѣлье.—Ну, ну, Лиза, нечего ревѣть... Лучшаго никогда не было... По крайней мѣрѣ на воздухъ... Дышать будемъ... Изъ тюрьмы.

Лиза не помогала, а смотрѣла растерянно и глотала слезы.

Но помогать и не было нужно. Анна Григорьевна, точно вдохновленная, работала энергично, быстро и ловко.

Скоро были опустошены ящики комода, шкафа, сняты съ постели подушки и одѣяла. Пришла горничная и безъ всякаго приказанія помогала ей. Вошелъ Матвѣй.

— Вотъ переѣзжаемъ, сказала ему Анна Григорьевна.

— Ну, да и я тоже... промолвилъ Матвѣй,—у меня не много: книги, да табакъ; вотъ я принесу...

И Анна Григорьевна не возражала. Ей казалось естественнымъ что и Матвѣй долженъ быть съ ними. Онъ перетащилъ свои вещи и впихнулъ ихъ въ одинъ изъ узловъ. Горничная въ это время убирала вещи Лизы. Черезъ полчаса въ комнатахъ были навалены узлы.

— Ступай, приведи извощиковъ, скомандовала Анна Григорьевна.

Горничная побѣжала и скоро вернулась.

— Тащи узлы.

Началось перетаскиванье узловъ внизъ по парадной лѣстницѣ. Лиза напяливала пелеринку. Все было снесено, оставалось только уйти имъ самимъ.

— Постой... Надо попрощаться... сказала Анна Григорьевна и быстрымъ движеніемъ подбѣжала къ двери кабинета.

Она постучалась. Отвѣта не было. Она повторила сильнѣй. За дверью послышались шаги, звякнула задвижка, дверь отворилась, и передъ нею стоялъ Осипъ Матвѣевичъ.

Анна Григорьевна посмотрѣла на него пламеннымъ, исполненнымъ глубокой ненависти, взглядомъ и громко, хлестко, отчетливо бросила ему въ лицо:

— Под-лецъ!

И съ шумомъ захлопнула передъ нимъ дверь.

Потомъ они быстро всѣ сбѣжали внизъ по лѣстницѣ и, вмѣстѣ съ узлами, заняли мѣста въ экипажахъ трехъ извощиковъ. Съ ними поѣхала и горничная.

— На Почтовую улицу!—скомандовала Анна Григорьевна и они поѣхали въ квартиру старшаго сына Таранова—Осипа.

XXIII.

Зналъ ли Тарановъ о томъ, что Анна Григорьевна выполнила свою угрозу, что семья его дѣйствительно ночью выѣхала изъ квартиры, и что злобная выходка Анны Григорьевны была не простымъ проявленіемъ женской истеріи, а чѣмъ-то болѣе серьезнымъ,—неизвѣстно. Но послѣ того, какъ раздалось послѣднее восклицаніе по его адресу, и Анна Григорьевна захлопнула дверь

кабинета, прошло не болѣе четверти часа, и онъ уже въ высшей степени дѣловой походкой выходилъ изъ квартиры и направлялся къ квартирѣ директора Корна.

Здѣсь онъ позвонилъ, ему отперли дверь и на вопросъ его сообщили, что Василій Андреевичъ дома, у себя въ кабинетѣ, отдыхаетъ послѣ обѣда, сидя въ креслѣ и куря сигару. Онъ попросилъ доложить и его тотчасъ же приняли.

— Извините, что безпокою и отнимаю у васъ время отдыха,— сказалъ Тарановъ.

Корнъ всталъ и съ обычной холодной привѣтливостью встрѣтилъ его.

— О, нѣтъ, пожалуйста, Осипъ Матвѣевичъ... Притомъ же, разъ вы пришли, такъ это значитъ—какое-нибудь экстренное дѣло.

— Совершенно такъ. Дѣло исключительное.

— Пожалуйста, садитесь.

Осипъ Матвѣевичъ сѣлъ, а директоръ занялъ прежнее мѣсто и опять принялся за сигару.

— Неужели что-нибудь непріятное?

— Весьма,—угрюмо отвѣтилъ Тарановъ.

— Ахъ... Не люблю я этого... Особенно въ началѣ учебнаго года.

— Что дѣлать... Преступность проявляется во всѣ времена года одинаково!—изрекъ Тарановъ.—Рѣчь будетъ о воспитанникѣ Броницынѣ.

— Опять?

— Да, именно—опять, такъ какъ это имѣетъ отношеніе къ тому же дѣлу.

— Какимъ образомъ?—заинтересовался Корнъ.

— Вотъ какимъ: этотъ дерзкій воспитанникъ часъ тому назадъ явился ко мнѣ и цинически заявилъ, что особа, та именно особа, съ которой онъ былъ пойманъ въ саду, беременна, и онъ виновникъ этого.

Корнъ быстро поднялся съ мѣста и залпомъ выпустилъ сигарный дымъ изо рта.

— Да неужели это возможно? Это почти невѣроятно!—воскликнулъ онъ, сильно волнуясь.

— Это фактъ,—отвѣтилъ Тарановъ.

— Это ужасно!.. Я понимаю, Осипъ Матвѣевичъ, ваше положеніе въ этомъ дѣлѣ очень, очень печально...

— Позвольте вамъ сказать, Василій Андреевичъ, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о моемъ положеніи. Рѣчь идетъ только о поведеніи ученика гимназіи. Поведеніе это такого рода, что не позволяетъ ему оставаться въ стѣнахъ гимназіи даже лиш-

няго получаса... Надѣюсь, что на этотъ разъ вы не станете оспаривать и ни въ какихъ засѣданіяхъ совѣта нѣтъ надобности, чтобы рѣшить столь ясный, кристально-прозрачный вопросъ...

— Да, къ сожалѣнію... Къ сожалѣнію... Тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній,—говорилъ Корнъ, съ волненіемъ шагая по кабинету.—Но... Однако же, Осипъ Матвѣевичъ, вѣдь все-таки это ваша дочь... Вѣдь этотъ скандалъ всей тяжестью обрушивается на нее.

— Василій Андреевичъ, я прошу васъ... Не будемте выходить изъ границъ вопроса по существу. Вы согласны, что воспитанникъ Броницынъ уже считается исключеннымъ? Это такой случай, когда исключеніе производится директорской властью...

Корнъ съ глубокимъ вниманіемъ посмотрѣлъ ему въ лицо и у него морозъ ужаса пробѣжалъ по спинѣ при видѣ этого холоднаго, жестокаго, бездушнаго лица. Отецъ несчастной опозоренной дѣвочки, только что узнавъ о ея несчастьи, весь поглощенъ желаніемъ добиться исключенія провинившагося ученика.

И Корнъ рѣшилъ въ самомъ дѣлѣ больше «не выходить изъ рамокъ вопроса по существу». Онъ сказалъ:

— Да, безъ сомнѣнія. Тутъ ничего нельзя подѣлать.

— И, слѣдовательно, я обязанъ сейчасъ же объявить ему, чтобы онъ немедленно покинулъ предѣлы гимназіи!—настойчиво сказалъ Тарановъ.

— Позвольте, Осипъ Матвѣевичъ, какая же необходимость изгонять молодого человѣка, да еще такого нездороваго, слабаго, ночью... Мы успѣемъ это сдѣлать завтра.

— Гм... Цѣлые полусутки онъ будетъ заражать своихъ товарищей:..

У Корна ротъ чуть-чуть искривился въ усмѣшку.—Почему вы думаете, что зараза становится опасной именно послѣ того, какъ мы съ вами о ней узнали? Нѣтъ, мы отложимъ это на завтра.

— Я не беру этого на свою отвѣтственность,—сказалъ Тарановъ.

— Хорошо, Осипъ Матвѣевичъ... Я беру это на свою личную отвѣтственность.

— Какъ вамъ угодно!—промолвилъ Тарановъ и поднялся.—Я больше ничего не имѣю.

Тарановъ поклонился и, по какому-то инстинктивному побужденію, не подалъ руки директору. Корнъ наклонилъ голову и не двинулся, чтобы проводить его. Этотъ человѣкъ былъ ему глубоко противенъ.

У Корна была семья, дѣти, онъ любилъ ихъ. По своей натурѣ не жестокій, онъ, однако, могъ допустить жестокость по отношенію къ ученику, когда это безусловно требовалось уставомъ и

правилами, но къ своимъ дѣтямъ онъ былъ снисходителенъ и ради нихъ готовъ былъ преступить всѣ уставы и правила. И этого человѣка онъ не могъ понять. Онъ былъ ему чуждъ и враждебенъ.

Корнъ выждалъ минутъ десять, потомъ позвонилъ. Вошелъ Ананія, который вечеромъ обыкновенно изъ канцеляріи переселялся сюда и служилъ Корну лично.

— Послушай, Ананья,—сказалъ ему директоръ:—сдѣлай это половчѣе. Отправься въ гимназію, какъ - нибудь осторожно, не дѣлая изъ этого исторіи, позови ко мнѣ ученика Броницына... Ты его, конечно, знаешь. Если тамъ Осипъ Матвѣевичъ, постарайся это сдѣлать такъ, чтобы онъ не обратилъ вниманія.

— Слушаю.

И Ананья пошелъ исполнять трудную задачу. Онъ сдѣлалъ это довольно ловко. Ему помогло полное самыхъ мрачныхъ ожиданій настроеніе Броницына. На каждую фигуру, появлявшуюся «съ той стороны», онъ смотрѣлъ, какъ на возможнаго вѣстника о его судьбѣ.

Онъ сидѣлъ въ классѣ, передъ нимъ лежала книга, но онъ ея не читалъ, а все посматривалъ на дверь.

Въ корридорѣ мелькали фигуры — то воспитателя, то надзирателя, то самаго инспектора, и онъ удивлялся, почему никто изъ нихъ не занимается его особой.

Появленіе Ананьи въ корридорѣ у двери показалось ему наиболѣе подозрительнымъ — онъ зналъ, что Ананья былъ непосредственнымъ вѣстникомъ директора,—поэтому Ананьи стоило только сдѣлать движенье бровью, чтобы быть понятымъ. Броницынъ поднялся и вышелъ изъ класса.

— Пожалуйте, шепнулъ ему Ананья,—сами Василій Андреевичъ требуютъ... и затѣмъ какъ-то незамѣтно стушевался.

Броницынъ пошелъ длиннымъ корридоромъ, встрѣтился съ Тарановымъ и прошелъ мимо него, при чемъ тотъ сдѣлалъ видъ, что вовсе не замѣчаетъ его. Черезъ двѣ минуты онъ былъ у директора.

— Послушай, Броницынъ... Мнѣ очень, очень непріятно говорить тебѣ это, вполнѣ искреннимъ тономъ сказалъ Корнъ:—но я долженъ сказать тебѣ, что ты собственно больше уже не ученикъ гимназіи.

— Я это знаю, Василій Андреевичъ, съ выраженіемъ глубокой покорности судьбѣ отвѣтилъ Броницынъ.

— Да... Тебѣ не приходится спорить, а просто уходить завтра поскорѣй. Чѣмъ скорѣе уйдешь, тѣмъ меньше будетъ огласки, что нужно для тебя и для нея... Когда ты заявилъ инспектору о твоемъ проступкѣ?

— Въ семь часовъ вечера сегодня.

— Но скажи пожалуйста, къ чему ты сдѣлалъ это заявленіе?

— Когда я узналъ объ... объ этомъ отъ Матвѣя Таранова, я счелъ своимъ долгомъ жениться... Я и пошелъ къ Осипу Матвѣевичу просить у него позволенья жениться на его дочери, а онъ... Онъ выгналъ меня.

— Да? Такъ ты имѣлъ намѣреніе жениться?

— Я обязанъ... Это мой долгъ.

— Конечно, да... Это очень глупо въ твоемъ положеніи, но благородно. Однако, чтобы жениться, ты долженъ былъ сперва выйти изъ гимназіи...

— Я такъ и хотѣлъ. Я сказалъ Осипу Матвѣевичу, что увольняюсь изъ гимназіи...

— Да? ты, значитъ, сказалъ ему это. Именно такъ и сказалъ: увольняюсь?

— Да, я такъ сказалъ.

— Именно: увольняюсь, или уволюсь?

— Я сказалъ—увольняюсь, отвѣтилъ Броницынъ, не понимая, зачѣмъ директору понадобилась такая точность.

— Такъ. Прекрасно. Вотъ видишь-ли: если мы тебя исключимъ, то съ самой дурной аттестаціей... Иначе не можемъ. Но если представить, что ты подалъ прошеніе объ увольненіи, прежде чѣмъ сдѣлать инспектору свое признаніе, то можно будетъ смягчить...

— Но я не зналъ и я не подалъ...

— Подай: садись-ка вотъ здѣсь, за столъ; вотъ тебѣ бумага, вотъ перо, пиши. Господину Директору — гимназіи, ученика такого-то прошеніе. Не имѣя возможности, вслѣдствіе слабаго здоровья, продолжать занятія, а также по семейнымъ обстоятельствамъ, я, съ согласія моихъ родителей, прошу уволить меня изъ гимназіи и вернуть мнѣ мои документы. Согласіе же моихъ родителей на это будетъ представлено въ самомъ непродолжительномъ времени. Владиміръ Броницынъ. А внизу поставь вчерашнее число.

Броницынъ добросовѣстно написалъ все это подъ диктовку директора и въ двухъ мѣстахъ, гдѣ слѣдовало поставить *ѣ* написалъ *е*. Корнъ прочиталъ, покачалъ головой по поводу ошибокъ, сложилъ бумагу и положилъ подъ чернильницу.

— И такъ, сказалъ онъ, — ты подалъ мнѣ это прошеніе еще вчера утромъ. Помни, что это я дѣлаю ради облегченія твоей участи и, слѣдовательно, никто, кромѣ насъ съ тобой, не долженъ знать объ этомъ. Ты обѣщаешь?

— Обѣщаю, Василій Андреевичъ.

— Ну, иди себѣ и привыкни къ мысли, что завтра тебѣ придется оставить гимназію. Да... Значитъ, ты намѣренъ дѣйствительно жениться на этой дѣвушкѣ?

— Да, я это давно рѣшилъ.

— Но развѣ онъ, отецъ ея, позволитъ это? Онъ, кажется, не расположенъ къ этому.

— Василій Андреевичъ, онъ выгналъ ее изъ дома.

— Что? Какъ выгналъ? Когда?

— Сейчасъ послѣ того, какъ я заявилъ ему... Я не знаю подробностей... Ко мнѣ на минуту забѣжалъ Матвѣй Тарановъ и сообщилъ, что отецъ выгналъ изъ дому Лизу, а мать его и онъ рѣшили тоже уйти съ ней, и всѣ они уже ушли изъ дому.

— Поразительно! Это что-то нечеловѣческое! — воскликнулъ директоръ.—Ну, во всякомъ случаѣ, ступай.

Броницынъ ушелъ. Корнъ задался непреклоннымъ желаніемъ провести Таранова въ этомъ дѣлѣ. Правда, онъ согласился съ инспекторомъ, что Броницынъ долженъ быть исключенъ, но это все равно: съ такимъ каменнымъ человѣкомъ всѣ средства допустимы.

Онъ, конечно, нисколько не былъ склоненъ поощрять такіе проступки, какой совершилъ Броницынъ, и при другихъ условіяхъ, быть можетъ, самъ первый стоялъ бы за немедленное исключеніе его. Но доставить это удовольствіе Таранову онъ ни за что не хотѣлъ.

Теперь онъ дѣйствовалъ гораздо болѣе увѣренно, чѣмъ въ прошломъ году: онъ зналъ, что на верху у него есть рука, всегда способная поддержать его. А тутъ еще это извѣстіе о томъ, что Тарановъ выгналъ изъ дому дочь. Это возмущало его, какъ хорошаго семьянина.

Корнъ опять позвалъ Ананью и поручилъ ему частнымъ образомъ разузнать, правда ли это. Ананья сбѣгалъ на кухню къ инспектору и принесъ оттуда подтвержденіе. Корнъ былъ глубоко взволнованъ всѣмъ этимъ и разсказалъ обо всемъ своей семьѣ. Само собою разумѣется, что очень скоро узнали и всѣ служащіе при гимназіи. Было всеобщее негодованіе.

На другой день утромъ директоръ пригласилъ къ себѣ письмоводителя.

— Вотъ,—сказалъ онъ, передавая ему бумагу,—это—прошеніе ученика Броницына объ увольненіи изъ гимназіи. Онъ подалъ его мнѣ третьяго дня, и въ тотъ же день я поставилъ свою резолюцію. Составьте пожалуйста увольнительное свидѣтельство и подберите для возвращенія ему документы, да поскорѣе.

Письмоводитель, уже знавшій о случившемся, тотчасъ понялъ, что Таранову готовится пощечина и съ большимъ рвеніемъ принялся исполнять приказаніе директора. Свидѣтельство было написано, документы подобраны. Въ обычный часъ, Корнъ сидѣлъ въ директорскомъ кабинетѣ. Письмоводитель пришелъ къ нему, по-

далъ ему бумаги, онъ прочиталъ и, убѣдившись, что все въ порядкѣ, подписалъ свидѣтельство.

— Отнесите для подписи къ инспектору,—сказалъ Корнъ.

Письмоводитель, исполняя это порученіе, ждалъ необыкновеннаго развлеченія для себя. Никогда ему не хотѣлось видѣть Таранова, напротивъ, всегда онъ старался избѣгнуть встрѣчи съ нимъ, а теперь очень хотѣлось.

Онъ отыскалъ инспектора въ дежурной комнатѣ и подалъ ему бумагу, вмѣстѣ съ прошеніемъ и документами.

— Что это?—спросилъ Тарановъ.

— Это для подписи-съ. Отъ Василія Андреевича; они уже подписали.

Тарановъ внимательно прочиталъ свидѣтельство.

— На какомъ же это основаніи?—спросилъ онъ.

— На основаніи прошенія и положенной на немъ резолюціи директора.

— Гм... Хорошо. Я самъ поговорю съ директоромъ. Вы это оставьте.

«Поговори, поговори»!—мысленно сказалъ ему письмоводитель и ушелъ, оставивъ бумаги.

Черезъ минуту Тарановъ шумно поднялся, схватилъ бумаги и быстро пошелъ въ директорскую.

— Василій Андреевичъ, я не понимаю этой бумаги!—заявилъ онъ, указывая на свидѣтельство.

— Это увольнительное свидѣтельство, Осипъ Матвѣевичъ,—спокойно объяснилъ директоръ...—Видите ли, я совершенно забылъ... Вѣдь онъ подалъ мнѣ лично прошеніе еще третьяго дня. Я тогда же сдѣлалъ резолюцію объ увольненіи...

— Но, однако, вчера вы согласились, что онъ долженъ быть исключенъ.

— Именно потому и согласился, что забылъ о его прошеніи. А оказывается, что вчера, когда онъ дѣлалъ вамъ свое заявленіе, онъ уже не былъ гимназистомъ...

— Гм... Это очень своеобразно... Я этого мнѣнія не раздѣляю и потому не могу подписать эту бумагу.

— Вы находите ее незаконной?—спросилъ директоръ.

— Нѣтъ, помилуйте... Но, по моему мнѣнію, ученикъ, совершившій такой проступокъ, не можетъ быть уволенъ по прошенію, а долженъ быть исключенъ.

— Но онъ уже не ученикъ... Или вы резолюцію директора, поставленную на прошеніи, вмѣняете ни во что?

— Наконецъ,—сказалъ Тарановъ, нѣсколько покраснѣвъ,—онъ самъ не имѣетъ права просить объ увольненіи... Это могутъ сдѣлать только его родители, которые опредѣлили его въ гимназію.

— Въ прошеніи онъ обѣщаетъ представить согласіе родителей, и я не имѣю основаній не вѣрить ему. Онъ ссылается на свою болѣзнь, и мы съ вами знаемъ достовѣрно, что онъ дѣйствительно больной... Какія же у меня были основанія задерживать его? Я и поставилъ резолюцію. А если бы я согласился послѣ этого на исключеніе, то этимъ самимъ я долженъ былъ бы отмѣнить свою резолюцію...

— Извините, я не могу подписать бумагу!—твердо сказалъ Тарановъ.

— Вы отказываетесь?

— Да, принужденъ отказаться.

— Такимъ образомъ, Осипъ Матвѣевичъ, вы производите задержку въ теченіи дѣлъ... Я долженъ какъ-нибудь обойтись безъ вашей подписи. Бумагу подпишетъ вашъ помощникъ.

— Какъ вамъ угодно.

Тарановъ поднялся, чтобы уйти.

— Скажите, пожалуйста, Осипъ Матвѣевичъ,—остановилъ его директоръ,—имѣю ли я право опровергнуть гнусные и невѣроятные слухи, будто вчера ночью вы изгнали изъ дому вашу дочь?..

— Ваше превосходительство,—холодно и сухо сказалъ Тарановъ,—имѣете право дѣлать все, что предоставлено вамъ по закону.

Онъ круто повернулся и быстро вышелъ. Корнъ потиралъ руки отъ удовольствія. Увольнительное свидѣтельство подписалъ «за инспектора» его помощникъ, и оно было выдано Броницыну.

XXIV.

Бракъ, однако, не состоялся. Броницынъ изъ гимназіи съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ въ карманѣ пошелъ къ брату, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и жилъ еще въ гостиницѣ. Онъ разсказалъ ему всю исторію съ какимъ-то необычайнымъ волненіемъ и подъ конецъ разсказа отъ слабости повалился безъ чувствъ.

Потомъ у него явился жаръ, усилился кашель и его уложили въ постель. Его болѣзнь, которая незамѣтно съѣдала его легкія, вслѣдствіе новыхъ, пережитыхъ въ гимназіи волненій, вдругъ обострилась. Онъ долженъ былъ прожить недѣлю въ городѣ и все время лежалъ въ постели, а затѣмъ было рѣшено везти его въ деревню.

Братъ его, знавшій всю исторію съ Лизой, очень хорошо видѣлъ, что женитьба эта, при такомъ ходѣ здоровья, дѣло несбыточное. Доктора, которыхъ онъ призвалъ, сказали, что молодой Броницынъ не долго протянетъ.

Но прежде чѣмъ уѣхать въ деревню, онъ счелъ своимъ долгомъ побывать у Анны Григорьевны и Лизы. Ему было извѣстно, что они живутъ теперь не въ гимназіи, а у телеграфиста. Туда онъ и направился.

Осипъ Тарановъ не слишкомъ изумился, когда родные въ 9 часовъ вечера пріѣхали къ нему съ узлами. Онъ зналъ, что въ ихъ семействѣ всегда слѣдовало ожидать самого худшаго.

Но онъ былъ въ глубокомъ затрудненіи. Онъ занималъ всего одну комнату, большаго его скудное жалованье не позволяло.

Однако, нашлась возможность достать у хозяевъ другую комнату, и тогда всѣ размѣстились — дамы въ одной, братья въ другой.

Скудныя средства Осипа немного пополнились заработкомъ Матвѣя, для котораго теперь старались не только товарищи, но и преподаватели. Общими усиліями ему доставили два урока, и это было большимъ подспорьемъ. Жили экономно, скудно, но не голодали.

Броницынъ старшій пришелъ въ обѣденное время, когда всѣ были въ сборѣ. Онъ въ первый разъ видѣлъ семью Таранова, о которой много слышалъ и которая была такъ знаменита въ городѣ.

Лиза промелькнула передъ нимъ съ своей уже замѣтно измѣнившейся фигурой и произвела на него пріятное впечатлѣніе своимъ миловиднымъ лицомъ. Его оставили вдоемъ съ Анной Григорьевной.

— Я пришелъ сообщить вамъ о моемъ братѣ,—сказалъ онъ, — онъ вѣдь въ постели... Вы знаете, у него серьезная болѣзнь.

— Я ничего не знаю... Вѣдь это все случилось помимо меня... Васъ это удивляетъ? Но что дѣлать: у насъ такое странное семейство...—сказала Анна Григорьевна.

— Это все равно: при какихъ бы обстоятельствахъ это ни случилось, мой братъ имѣетъ самыя серьезныя и честныя намѣренія. Но сейчасъ его положеніе не допускаетъ и мысли о такомъ шагѣ. Онъ въ постели, совершенно безъ силъ, я долженъ увезти его въ деревню. Какъ только онъ поправится, пріѣдетъ сюда и обвѣнчается съ вашей дочерью. Это его пламенное желаніе. Я надѣюсь, что это произойдетъ очень скоро. Деревня хорошо на него дѣйствуетъ.

Это онъ сказалъ не искренно. Ему не хотѣлось сразу лишать ихъ всякой надежды, но самъ онъ хорошо зналъ, что никакая деревня не поправитъ его брата, у котораго болѣзнь шла колоссальными шагами.

Онъ прибавилъ:—если вы навѣстите его съ вашей дочерью— это доставитъ ему большое утѣшеніе. Завтра днемъ это можно сдѣлать, а послѣ завтра, рано утромъ, я его увезу.

Анна Григорьевна сочла своимъ долгомъ, вмѣстѣ съ Лизой, навѣстить Броницына. На другой день онѣ отправились въ гостинницу.

Броницынъ лежалъ въ постели, прикрытый одѣяломъ. Онъ былъ очень худъ и блѣденъ и часто кашлялъ.

Лиза взяла его руку и молча сидѣла около него. Сказать у нея ему было нечего. Они такъ мало знали другъ друга.

Онъ сказалъ ей:—Лиза, я скоро поправлюсь и мы обвѣнчаемся.. Это будетъ очень, очень скоро. Это у меня отъ волненія...

Анна Григорьевна въ первый разъ видѣла своего будущаго зятя. Все это было такъ странно и нелѣпо.

Подъ конецъ свиданія пришелъ и Матвѣй. Онъ взглянулъ на Броницына и сразу почувствовалъ, что онъ уже приговоренъ, но ему стало жаль не его, который никогда не пробуждалъ въ немъ симпатіи, а Лизу, которой такъ не повезло.

Они посидѣли съ полчаса почти молча и разстались. Лиза, однако, не почувствовала истины и повѣрила въ то, что онъ скоро поправится и пріѣдетъ. Она вѣрила въ свое счастье и лицо ея сіяло радостью и никто не хотѣлъ разочаровывать ее.

Ея маленькій, узенькій кругозоръ вмѣщалъ въ себѣ планъ самаго скромнаго благополучія: имѣть мужа, ребенка, свой маленькій домъ, и это счастье постоянно рисовалось въ ея головѣ въ однообразныхъ и очень опредѣленныхъ, небогатыхъ красками, картинахъ.

И теперь, получивъ обѣщаніе отъ старшаго Броницына и увѣреніе отъ жениха, она радостно надѣялась и съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждала его обѣщаннаго скораго пріѣзда.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ того, какъ они переселились къ Осипу. Однажды пришелъ изъ гимназіи курьеръ и, спросивъ Анну Григорьевну, передалъ ей толстый запечатанный сургучемъ конвертъ.

— Отъ кого это?—спросила Анна Григорьевна.

— Отъ самого Осипа Матвѣевича,—отвѣтилъ курьеръ.

Анна Григорьевна съ недоумѣніемъ распечатала конвертъ и нашла въ немъ тщательно завернутые въ бумагу кредитные билеты. Всѣхъ было 60 рублей.

У нея задрожали руки, кровь бросилась въ голову и у нея явилось страстное желаніе разорвать эти деньги въ клочья. Но на помощь пришло благоразуміе.

«Нѣтъ, уничтожить—для него это все равно, что принять. Онъ будетъ только чувствовать, что потерялъ ихъ».

Потомъ она взяла свѣжій конвертъ и хотѣла вложить въ него деньги, но опять остановилась.

«Нѣтъ, и это не нужно. Просто пусть этотъ же курьеръ отнесетъ обратно и передастъ ему въ руки».

— Послушай,—дрожащимъ голосомъ сказала она.—Эти деньги отнеси обратно инспектору и скажи, что мы ихъ не приняли... Скажи, что отъ подлецовъ мы ничего не принимаемъ...

Курьеръ съ большимъ смущеніемъ выслушалъ это порученіе и понесъ деньги обратно. Онъ отдалъ ихъ Осипу Матвѣевичу и прибавилъ:

— Не приняли-съ... Сказали, что не надо-съ...

— Они сказали, что не надо?—переспросилъ Тарановъ.

— Да-съ, не надо, говорятъ...

— Хорошо, ступай,—отозвался на это Осипъ Матвѣевичъ и, когда курьеръ ушелъ, аккуратно сложилъ кредитныя бумажки и положилъ ихъ въ бумажникъ.

Матвѣй посѣщалъ гимназію. Съ перваго же дня онъ замѣтилъ, что въ то время, какъ всѣ преподаватели стали относиться къ нему съ особеннымъ сочувствіемъ и снисходительностью, Тарановъ, напротивъ, обращался съ нимъ съ нарочитой злобностью. Когда случайно взглядъ его останавливался на Матвѣѣ, глаза его загорались ненавистью. Осипъ Матвѣевичъ рѣдко вызывалъ его, но всякій разъ это кончалось плохо. Рѣшительно замѣтили, что въ этихъ случаяхъ, инспекторъ терялъ свое обычное самообладаніе.

— Тарановъ Матвѣй!—возглашалъ онъ, и въ голосѣ его уже слышалась раздражительность.

Тономъ этого голоса онъ какъ бы угрожалъ: вотъ я тебя срѣжу, непремѣнно срѣжу...

Матвѣй поднимался и бралъ книгу.

— Переводи...

Матвѣй начиналъ обычнымъ ученическимъ тономъ переводить правильно, но вотъ, попалось неудачноо слово.

— Не вѣрно!—рѣзко останавливалъ его Осипъ Матвѣевичъ.

Тотъ поправлялся.

— Еще менѣе вѣрно.

Матвѣй начиналъ путаться.

— Очень плохо; садись. Получаешь двойку.

Матвѣй не возражалъ и молча садился. Но всякій разъ у него въ душѣ закипала злоба. Для него и для всѣхъ было ясно, что Тарановъ къ нему исключительно придирается, и что онъ готовитъ для него какое-то большое зло.

Это такъ и было. Осипъ Матвѣевичъ былъ оскорбленъ непокорностью Матвѣя, его невѣроятной дерзостью, которую онъ проявилъ, когда еще жилъ въ домѣ. А душа его такъ была устроена, что онъ не умѣлъ прощать. Матвѣй сдѣлался его личнымъ врагомъ и возбуждалъ въ немъ только одно желаніе: унизить и отомстить.

Кровныя узы не смягчали его жесткихъ чувствъ, потому что онъ этихъ узъ не ощущалъ, онъ стоялъ выше ихъ. Въ этомъ онъ былъ убѣжденъ.

«Показать мальчишкѣ мѣсто, котораго онъ достоинъ»,—вотъ какая задача выступала на первый планъ всякій разъ, когда онъ видѣлъ Матвѣя. Что-то въ груди его бунтовало, что-то требовало удовлетворенія, возмездія.

А Матвѣй своимъ поведеніемъ не только поддерживалъ это, но еще и усиливалъ. На отца онъ смотрѣлъ долгимъ пронизывающимъ взглядомъ, въ которомъ было столько предостереженія: до поры до времени терплю, но терпѣніе лопнетъ, и тогда... Будь готовъ ко всему...

Такъ говорили его глаза, полные глубокаго недружелюбія.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Однажды, вызвавъ Матвѣя и, по обыкновенію сбивъ его на половинѣ, Осипъ Матвѣевичъ сказалъ:

— Довольно. Садись. Съ такимъ знаніемъ въ слѣдующій классъ не переходятъ. Слышишь? Ты не можешь перейти въ слѣдующій классъ по латинскому языку. Слышишь?

— Слышу,—грубо и рѣзко отвѣтилъ Матвѣй.

— Что?—воскликнулъ Тарановъ, вовсе не ожидавшій отвѣта.

— Я говорю, что слышу! Я отвѣчаю на вашъ вопросъ,—сказалъ Матвѣй.

— Это говорится изъ грубости. Я отмѣчаю тебѣ тройку по поведенію. У тебя будетъ тройка въ поведеніи!—сказалъ Тарановъ и быстрымъ движеніемъ отмѣтилъ что-то въ своемъ журналѣ.

— Пожалуйста, поставьте двойку, а еще лучше единицу. Вамъ это ничего не стоитъ. Насытьтесь уже разомъ!—сказалъ Матвѣй, на котораго вдругъ снизошло то особое вдохновеніе, когда онъ былъ способенъ на непредвидѣнныя выходки.

— Что? Тарановъ, молчать!—произнесъ Осипъ Матвѣевичъ и крѣпко стиснулъ свои челюсти.

— Который Тарановъ? Ихъ здѣсь два,—сказалъ Матвѣй и въ классѣ всѣ поняли, что между Тарановыми сегодня произойдетъ какой-нибудь необыкновенный скандалъ.

Лицо Осипа Матвѣевича сдѣлалось замкнутымъ и непроницаемымъ, какъ стѣна. Онъ заглянулъ въ журналъ.

— Михайловъ, переводи,—сказалъ онъ, очевидно, задавшись цѣлью не замѣчать дерзостей Матвѣя.

Михайловъ поднялся и началъ переводить, но ему пришлось остановиться на третьемъ словѣ. Матвѣя теперь не легко было привести къ порядку и, во всякомъ случаѣ, не такими средствами.

— Позвольте сдѣлать заявленіе!—громко, отчетливо, съ явнымъ вызовомъ сказалъ онъ, обращаясь къ инспектору.

— Михайловъ, продолжай,—сказалъ на это Осипъ Матвѣевичъ, даже не взглянувъ на сына.

— Я долженъ сдѣлать заявленіе,—настойчиво повторилъ Матвѣй:—я долженъ, я долженъ...

— Переводи же, Михайловъ...

Михайловъ сдѣлалъ попытку, но опять послышался громкій, рѣзкій и исполненный какого-то злобнаго нахальства голосъ Матвѣя. Онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, какъ-то странно раскачивался и слышно было, какъ легкія его усиленно вбирали въ себя воздухъ. Глаза его горѣли возбужденіемъ, доходившимъ почти до безумія. Плечи вздрагивали.

— Позвольте, наконецъ, сдѣлать заявленіе: моя мать велѣла сказать вамъ, что вы—подлецъ...

Весь классъ замеръ отъ ужаса. Ожидали чего угодно, только не этого. Это превышало всякое воображеніе.

И всѣ смотрѣли на Таранова и на его сына и, затаивъ дыханіе, ждали, во что все это разыграется.

Осипъ Матвѣевичъ въ первое мгновеніе окаменѣлъ. Глаза его сдѣлались большими, остановились и въ нихъ застылъ ихъ обычный холодный блескъ. Потомъ онъ съ шумомъ, похожимъ на звукъ выстрѣла, захлопнулъ книгу, схватилъ журналъ, вскочилъ съ мѣста и ринулся къ двери.

Но въ это же время необычайное движеніе происходило и въ другомъ пунктѣ класса. Матвѣй глазами охотника за дикимъ звѣремъ слѣдилъ за нимъ и, какъ только замѣтилъ, что у него есть намѣреніе уйти, вскочилъ на скамью, потомъ на парту и, шагая черезъ головы товарищей, соскочилъ на полъ и однимъ прыжкомъ очутился около двери, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда тамъ былъ Осипъ Матвѣевичъ.

Тотъ выскочилъ въ коррндоръ. Матвѣй послѣдовалъ за нимъ. Онъ шелъ близко, лицо его наклонилось къ самому уху инспектора и онъ кричалъ изо всей силы, какая только у него была.

— Моя мать велѣла сказать вамъ, что вы подлецъ... Слышите? Моя мать велѣла сказать вамъ, что вы подлецъ... Это не я, не я, а моя мать... она велѣла сказать вамъ, что вы подлецъ...

Онъ говорилъ это не останавливаясь, начиная фразу сызнова, какъ только кончалъ ее. Лицо и въ особенности глаза у него были изступленные. Онъ шагалъ неровно, путаясь и спотыкаясь, размахивалъ руками. Весь классъ шелъ гурьбой позади ихъ.

Въ другихъ классахъ услышали необычный во время уроковъ шумъ, растворялись двери, выбѣгали оттуда ученики и преподаватели. Корридоръ наполнялся и шествіе вслѣдствіе этого затруднялось.

А Матвѣй, какъ заведенная машина, неумолчно твердилъ свои

слова: «моя мать велѣла сказать вамъ, что вы подлецъ... подлецъ... подлецъ»... и съ каждымъ разомъ онъ кричалъ громче, исступленнѣе.

Тарановъ быстро шагалъ, озираясь по сторонамъ оробѣвшими, растерявшимися глазами. Онъ видѣлъ толпу и въ ней только враговъ. Онъ видѣлъ товарищей и учениковъ, которые всѣ смотрѣли на это, какъ на исключительно интересное зрѣлище, но никому въ голову не приходило схватить «негодяя», заткнуть ему ротъ, остановить.

И онъ стремился только къ одному: поскорѣе пройти этотъ ужасный корридоръ и скрыться въ дежурной комнатѣ.

И онъ прошелъ его. Вотъ дежурная комната, онъ юркнулъ туда и ему удалось захлопнуть дверь и даже запереть ее ключомъ изнутри.

Передъ этой дверью Матвѣй остановился. Но не больше одной секунды онъ былъ въ замѣшательствѣ. Затѣмъ изступленіе овладѣло имъ съ новой силой и онъ началъ, что было силъ, стучать въ дверь кулаками и неистово кричать неизмѣнно все одно и то же, повышая голосъ, задыхаясь и хрипя:

— Моя мать велѣла сказать вамъ, что вы подлецъ... подлецъ...

Вдругъ среди присутствующихъ гимназистовъ произошло легкое движеніе. Кому-то дали дорогу, и передъ дверью появился директоръ Корнъ.

— Что здѣсь?—спросилъ онъ, но сейчасъ самъ понялъ, что именно здѣсь произошло. Онъ приблизился къ Матвѣю и положилъ ему на плечо руку.

— Тарановъ... Перестань... Полно... Что ты дѣлаешь?..

Матвѣй, увидѣвъ передъ собой директора и услышавъ его мягкій успокоительный голосъ, разомъ опустилъ руки и замолчалъ. Но этотъ внезапный перерывъ какъ бы прекратилъ въ немъ потокъ энергіи, и силы его какъ будто разомъ изсякли. Онъ страшно поблѣднѣлъ и пошатнулся. Корнъ поддержалъ его. Матвѣй лежалъ у него на рукахъ въ глубокомъ обморокѣ.

Его снесли въ лазаретъ. Ладони его и пальцы были разсѣчены и окровавлены.

Корнъ обратился къ ученикамъ и бывшимъ здѣсь преподавателямъ съ упрекомъ. Неужели никто не могъ успокоить его? И попросилъ всѣхъ разойтись по классамъ и продолжать занятія. Мало по малу корридоръ очистился.

Корнъ постучался въ дверь дежурной комнаты.—Это я, Осипъ Матвѣевичъ, я, директоръ Корнъ.

Дверь отворилась, Корнъ вошелъ.

— Вашъ сынъ въ глубокомъ обморокѣ... Онъ отправленъ въ лазаретъ.

— Сынъ? низкимъ осипшимъ голосомъ—сказалъ Тарановъ:— это не сынъ... Это преступникъ... Убійца. . Извините... Я долженъ уйти къ себѣ. Я долженъ прійти въ себя. Я не могу исполнять обязанностей.

— Осипъ Матвѣевичъ,—сказалъ Корнъ,—сегодня я созову совѣтъ... Вы, конечно, не будете, но я долженъ знать ваше мнѣніе...

— Не можетъ быть двухъ: исключить... Съ волчьимъ билетомъ... Безъ всякого снисхожденія.

— Но, Осипъ Матвѣевичъ, вѣдь это вашъ сынъ...

— Жестоко ошибаетесь, ваше превосходительство... Подобный негодяй не можетъ быть моимъ сыномъ. Поступайте такъ, какъ бы онъ сдѣлалъ это по отношенію къ вамъ... Извините меня,— прибавилъ онъ, вышелъ и быстрыми шагами направился въ свою квартиру.

Въ этотъ день, послѣ уроковъ, Корнъ собралъ экстренный педагогическій совѣтъ. Нѣкоторые изъ преподавателей начали было указывать на то, что Тарановъ, прогнавъ семью изъ дому, самъ являлся виновникомъ происшедшаго, и что исключить юношу при такихъ обстоятельствахъ, значитъ—окончательно погубить его. Но Корнъ остановилъ всякія попытки.

— Господа,—сказалъ онъ,—вы знаете, что я далеко не сторонникъ крутыхъ мѣръ; но настоящій случай такого рода, что не допускаетъ никакихъ смягчающихъ толкованій. Только самъ Осипъ Матвѣевичъ могъ бы, какъ инспекторъ и отецъ, внести извѣстное смягченіе въ наше постановленіе, но онъ, напротивъ, требуетъ самой строгой мѣры: исключенія съ, такъ называемымъ, волчьимъ билетомъ. Мы волчьихъ билетовъ не выдаемъ, но ученику, свершившему такой поступокъ, мы не имѣемъ права поставить въ поведеніи болѣе тройки. И мы обязаны исключить Матвѣя Таранова, какъ ученика, нанесшаго публично оскорбленіе инспектору при совершенно необычныхъ обстоятельствахъ. Въ противномъ случаѣ, мы дадимъ право обвинить нашу гимназію въ поощреніи къ буйству, разбою, неповиновенію начальству, бунту. Совѣтъ не можетъ сдѣлать другого постановленія, какъ только исключить съ тройкой по поведенію.

И совѣтъ молча согласился съ нимъ. Въ предѣлахъ дѣйствовавшихъ правилъ не было другого выхода. И тройка по поведенію, закрывавшая Матвѣю Таранову двери въ другія гимназіи, была уже снисхожденіемъ,—слѣдовало поставить единицу.

И состоялось постановленіе. Тутъ же было составлено свидѣтельство объ исключеніи Матвѣя Таранова изъ гимназіи съ тройкой. Оно было подписано директоромъ и письмоводителемъ и отослано на подпись къ инспектору.

Преподаватели не расходились, ожидая возвращенія письмоводителя.

Всѣмъ хотѣлось видѣть, какимъ почеркомъ подпишетъ свою фамилію инспекторъ на этомъ свидѣтельствѣ.

И письмоводитель вернулся и показалъ бумагу. «Инспекторъ Осипъ Тарановъ» было начертано яснымъ, твердымъ, въ высшей степени убѣжденнымъ почеркомъ и на концѣ былъ сдѣланъ обычный замысловатый красивый росчеркъ.

И эта подпись произвела на преподавателей впечатлѣніе болѣе глубокое, чѣмъ какое бы то ни было событіе изъ всей Тарановской исторіи. Она произвела потрясающее впечатлѣніе. Учитель исторіи Роскошный не выдержалъ и сказалъ:

— Вотъ человѣкъ, изъ котораго система вытравила все человѣческое. Вотъ идеалъ инспектора, въ груди котораго, на мѣстѣ души—уставъ, а въ головѣ, на мѣстѣ мыслей, правила...

XXV.

Исключеніе изъ гимназіи Матвѣя произвело большое ухудшеніе въ жизни Тарановской семьи. Матвѣю тотчасъ отказали отъ уроковъ. Какъ ни сочувствовали граждане семьѣ Таранова, сколько ни винили его самого, но это не простиралось такъ далеко, чтобы довѣрять своихъ дѣтей безумцу, исключенному изъ гимназіи съ тройкой по поведенію.

И семья принуждена была жить и питаться на скудныя средства, получаемыя Осипомъ. Бывали дни, когда приходилось и голодать.

Осипъ Матвѣевичъ не сдѣлалъ второй попытки прислать деньги. «Они отказались, значитъ, имъ не нужно»,—сказалъ онъ себѣ и призналъ себя правымъ. Но мысль о томъ, чтобы обратиться къ нему за помощью, никому изъ нихъ даже въ голову не приходила.

Матвѣй энергично искалъ занятій. Но это ему рѣшительно не удавалось. Всѣ спрашивали документы и всегда, прежде всего, замѣчали тройку въ поведеніи,—эта тройка стояла ему поперекъ дороги.

— Но вѣдь это поведеніе въ гимназіи,—возражалъ онъ,—это совсѣмъ не то, что въ жизни. Неужели вы не допускаете, что человѣкъ, исключенный изъ гимназіи съ тройкой, не можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ?.. Я буду работать, вы увидите, какъ я буду работать.

Но рѣчи его не дѣйствовали и онъ оставался безъ дѣла.

Тогда онъ началъ стараться поступить въ какое нибудь учебное заведеніе, чтобы продолжать свое образованіе. Онъ снялъ

многочисленныя копіи съ своихъ бумагъ и послалъ ихъ въ разные города—въ гимназіи и другія учебныя заведенія.

Но тутъ дѣло было необыкновенно ясно: тройка въ поведеніи закрывала ему доступъ куда бы то ни было.

А судьба между тѣмъ упорно преслѣдовала несчастную семью Таранова. Въ началѣ осени Анна Григорьевна получила отъ старшаго Броницына письмо, въ которомъ тотъ сообщалъ, что здоровье брата плохо и что по совѣту врачей онъ везетъ его въ Ментону. Онъ прибавлялъ, что при малѣйшей возможности братъ пріѣдетъ въ городъ и исполнитъ свой долгъ.

Матвѣй, прочитавъ это письмо, сказалъ матери такъ, чтобы не слышала Лиза:—нѣтъ, онъ не пріѣдетъ... Онъ, вообще, оттуда никуда ужъ не пріѣдетъ... Онъ тамъ умретъ, и этому браку никогда не бывать.

И это было настоящимъ пророчествомъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого изъ Ментоны было получено письмо въ траурномъ конвертѣ и случилось такъ, что Лиза видѣла, когда его принесли. Взглянувъ на черную каемку на конвертѣ, она схватилась за голову и зашаталась.

— Это оттуда,—сказала она:—это значитъ... онъ умеръ.

Анна Григорьевна прочитала письмо и поняла, что скрывать дольше нельзя.

— Лиза... Надо всегда быть готовой ко всему... Мы съ тобой неизбалованы, перенесли многое и это перенесемъ—сказала она,—да, твой бѣдный женихъ умеръ...

Но Лиза не была склонна къ благоразумію. Она приняла извѣстіе очень тяжело. Всѣ ея мечты были разомъ разбиты. Ребенокъ двигался въ ней, а мужа не было, и не осталось надежды, что онъ когда нибудь будетъ. Все потеряно и разрушено.

Раздались дикія рыданія и вопли. И ничѣмъ не могли успокоить ее. Потомъ начались боли, явилась потеря крови. Ее уложили въ постель. Въ эту ночь она преждевременно произвела на свѣтъ ребенка, который сейчасъ же умеръ.

А сама она не поправлялась. Ей становилось все хуже. Явился жаръ, бредъ и въ какіе нибудь три дня бѣдная дѣвочка сгорѣла. Лиза умерла.

Это было въ ноябрѣ. Стояло раннее холодное утро, когда въ скромной и тѣсной квартирѣ, занимаемой семействомъ Таранова, кончилась драма маленькой незамѣтной жизни.

Лиза умерла въ бреду и на ея блѣдномъ исхудаломъ лицѣ застыла улыбка. Можетъ быть, въ послѣднія минуты въ ея воспаленномъ мозгу рисовались картины того самого счастья, котораго ей не суждено было достигнуть.

Всю ночь не спали въ квартирѣ. Положеніе Лизы было та-

ково, что никто не заблуждался относительно исхода и, тѣмъ не менѣе, онъ произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе.

Въ тѣсной квартирѣ они всѣ—трое оставшіеся въ живыхъ и та, которая отошла уже въ иной міръ,—они были жертвы того одного, который, ни мало не смущаясь, тамъ, въ большомъ казенномъ домѣ, свершаетъ свое инспекторское назначеніе, по прежнему тщательно выискивая проступки ввѣренныхъ ему несчастныхъ дѣтей, запугивая ихъ своими начальническими угрозами, примѣняя кары, исключая...

Никогда еще они—живые—не чувствовали этого такъ ясно, во всю величину, какъ теперь, когда передъ ними на длинномъ столѣ лежала бездыханная Лиза. На ней, какъ и на живыхъ, тяготѣло проклятіе, наложенное судьбой на всю семью Тарановыхъ, кромѣ его самого. Да не онъ ли и былъ этой судьбой?

Въ конецъ надломленная мать съ изуродованной душой, съ надорванными нервами—несчастная женщина, въ которой человѣческое достоинство пробуждалось только въ минуты отчаянія и выражалось въ дикихъ истерическихъ выходкахъ; лишенный всякой энергіи, по необходимости примирившійся съ жалкой долей Осипъ—этотъ, какъ называлъ его Матвѣй, «человѣкъ съ раздавленной душой», и, наконецъ, самъ Матвѣй, передъ которымъ вдругъ въ одно мгновеніе закрылись всѣ двери и никуда ему не стало ходу...

Анна Григорьевна какими-то одичалыми и въ тоже время исполненными безумной жалости глазами смотрѣла на Лизу и въ лицѣ ея—маленькомъ, худенькомъ, но миломъ, какъ бы читала эту ужасную повѣсть про всѣхъ Тарановыхъ, про всѣхъ, кромѣ его самого.

И ее охватывала злоба и въ душѣ закипало болѣзненное желаніе, во что бы то ни стало довести до его свѣдѣнія о случившемся, чтобы онъ зналъ все о своихъ жертвахъ.

И ей хотѣлось сдѣлать это какъ нибудь жестоко, безпощадно, безчеловѣчно. Но ничего такого она не могла придумать.

Когда наступилъ день, она вышла въ другую комнату, сѣла за столъ и написала: «Господинъ инспекторъ, извѣщаю васъ, что прогнанная вами изъ вашего дома, ваша несчастная дочь Лиза въ эту ночь скончалась отъ раны, которую вы нанесли ей вашей отеческой рукой. Она не вынесла смерти своего жениха, убитаго тоже вами. За которой изъ вашихъ несчастныхъ жертвъ теперь очередь, знаетъ только Богъ. Отъ всего моего изболѣвшаго сердца, отъ всей моей истерзанной души желаю вамъ величайшаго зла, какое только можетъ послать судьба человѣку, желаю вамъ позорной гибели, достойной такого чудовищнаго негодяя, какъ вы».

Письмо она запечатала и велѣла горничной отнести въ гимназію и тамъ отдать какому нибудь курьеру, чтобы доставилъ инспектору. Это было сдѣлано и къ полудню уже былъ полученъ результатъ.

На этотъ разъ на имя Осипа принесли пакетъ, въ которомъ, тщательно завернутые въ бумагу, лежали пятьдесятъ рублей и записка. Въ запискѣ было лаконичсски сказано безъ обозначенія имени: «прилагаю пятьдесятъ рублей, предназначаемые на похороны Лизаветы».

Осипъ распечаталъ этотъ пакетъ и, познакомившись съ запиской, растерялся. Ему не пришло въ голову, что слѣдовало тотчасъ же вернуть деньги обратно и онъ оставилъ ихъ у себя. Но самъ онъ слишкомъ мало довѣрялъ своему уму, чтобы распорядиться ими. Деньги были страшно нужны, это правда, но онъ чувствовалъ, что именно ихъ-то никакъ нельзя употребить на похороны Лизы.

О письмѣ Анны Григорьевны онъ зналъ, но онъ также зналъ и о ея настроеніи и онъ не рѣшился сказать ей о присылкѣ.

Онъ сказалъ Матвѣю:—вотъ... прислалъ на похороны... пятьдесятъ рублей...

Лицо Матвѣя поблѣднѣло и въ глазахъ появилось выраженіе какой-то безпощадности.

— Отлично, сказалъ онъ:—ты дай ихъ мнѣ.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Я верну ему.

— Самъ? Лично?

— Да... Я видишь ли ты, собираюсь многое вернуть ему, такъ вотъ и это...

Осипъ посмотрѣлъ ему въ глаза и у него морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Страшными ему показались эти глаза. Въ нихъ было какое то безумное рѣшеніе.

И онъ зналъ, что Матвѣй—способный, умный, толковый, иногда рѣшался на сумасшедшіе поступки. Тѣмъ не менѣе онъ безпрекословно отдалъ Матвѣю пакетъ съ деньгами и запиской.

Лизу схоронили до послѣдней степени бѣдно. Кромѣ своихъ, за простымъ гробомъ шло человѣкъ съ десятокъ странныхъ людей, которые, будучи чужими покойнику, не могутъ удержаться, чтобы не участвовать въ печальной процессіи. Такіе люди бываютъ на каждыхъ похоронахъ. Они провожаютъ покойника на кладбище, присутствуютъ, когда его опускаютъ въ могилу и засыпаютъ землей, потомъ идутъ домой, думая о смерти.

Изъ Тарановыхъ плакалъ только Осипъ, а у Анны Григорьевны и у Матвѣя, печаль была строгая, безъ слезъ.

XXVI.

— Слушай, Осипъ, сказалъ Матвѣй своему брату дня черезъ три послѣ похоронъ Лизы,—мнѣ нужно сказать тебѣ нѣчто важное. Видишь ли, ты—слабый человѣкъ, ужасно слабый. И я не знаю, можно ли тебѣ довѣрить..

— Что это? спросилъ Осипъ, уже теперь перепугавшійся на смерть. Да, онъ дѣйствительно былъ безконечно слабъ душой.

— Вотъ видишь, ты уже и теперь растерялся.

— Да, потому что ты такъ говоришь.

— Ты боишься словъ, а жизнь то какова! Если отъ словъ теряться, что же отъ жизни... Но некому сказать... У меня больше никого нѣтъ; мы такъ жили, что нельзя было пріобрѣсти друзей.

— Ахъ, ну, говори пожалуйста, не мучай.

— Слушай, Осипъ, если со мной случится что нибудь, ты одинъ останешься у матери.

— Что такое можетъ случиться?

Матвѣй безнадежно махнулъ на него рукой.—Неужели же ты не видишь, что мнѣ жить нѣтъ никакого расчета?

— Нѣтъ расчета жить? Да ты съ ума сошелъ... Жить всегда пріятно... Что ты хочешь сказать?..

— Ты лучше не вникай въ это, все равно не поймешь. Смотри просто: мнѣ рѣшительно всѣ пути заказаны. Я все испробовалъ и отовсюду отказъ. Жить какъ нибудь, довольствоваться кой-чѣмъ я не согласенъ. Влачить такое жалкое существованіе, какъ ты, не желаю. Не возражай, пожалуйста. Безполезно. Ты меня знаешь: что задумалъ, то сдѣлаю. Но только не даромъ: скандалъ устрою, грандіозный, небывалый, скандалъ ему, виновнику всѣхъ нашихъ бѣдствій. Ну, а ты ужъ позаботься о матери, вотъ и все. Больше я ничего и не хочу сказать тебѣ.

Осипъ не совсѣмъ даже понялъ, что собственно сказалъ ему Матвѣй; что онъ устроитъ скандалъ отцу, это онъ понялъ и этому онъ вѣрилъ. Но какимъ образомъ, вмѣстѣ съ этимъ, онъ выполнитъ свое другое пагубное намѣреніе, это ему было непонятно.

Тѣмъ не менѣе съ этой минуты онъ постоянно опасался, и его несложная жизнь была отравлена.

Матвѣй рѣшилъ, что при такихъ условіяхъ, какія выпали на его долю, жить не стоитъ. Но онъ въ тоже время страстно хотѣлъ жить. Онъ чувствовалъ въ себѣ такъ много жизненныхъ силъ и способностей, сознавалъ, что не только не глупѣе другихъ, а даже умнѣе многихъ, пользующихся благами жизни. И, получивъ уже множество отказовъ, онъ въ послѣдніе дни усиленно, лихо-

радочно дѣлалъ попытки открыть себѣ какую нибудь дорогу къ жизни.

Исчерпавъ всѣ средства добиться снисхожденія у директоровъ гимназій и другихъ школъ, онъ рѣшился обратиться прямо къ первоисточнику и написалъ длинное письмо въ Округъ.

Въ этомъ письмѣ онъ, разсказавъ подробно и красочно всю жизнь своей семьи, ничего не скрывая, описалъ свое воспитаніе, и изобразилъ все то зло, какое причинилъ ему, матери, брату и сестрамъ его отецъ. Также подробно онъ разсказалъ послѣднюю исторію, которая послужила поводомъ къ исключенію его. Признавая свое поведеніе отвратительнымъ, онъ объяснялъ его озлобленностью, которую систематически поддерживалъ и развивалъ въ немъ отецъ. Онъ выражалъ страстную жажду учиться и стать хорошимъ работникомъ и гражданиномъ. Онъ просилъ разрѣшить ему поступить въ одну изъ гимназій, чтобы окончить курсъ.

И онъ съ невыразимымъ трепетомъ ждалъ этого «послѣдняго отвѣта», и послѣдній отвѣтъ, наконецъ, пришелъ. Онъ былъ написанъ на казенномъ бланкѣ и въ немъ было сказано:

«По порученію его превосходительства, въ отвѣтъ на ваше прошеніе отъ — мѣсяца,—года, увѣдомляется, что его превосходительство, по наведеніи справокъ въ мѣстной гимназіи, на основаніи существующихъ правилъ, подтвержденныхъ особымъ циркуляромъ отъ числа—года, за номеромъ, не взирая на свое желаніе оказать всяческое содѣйствіе вамъ къ осуществленію вашихъ благихъ стремленій, не имѣетъ права собственною властью разрѣшить вамъ поступить въ какое-либо учебное заведеніе ввѣреннаго ему округа и рекомендуетъ вамъ съ вашей просьбой обратиться непосредственно въ министерство».

Прочитавъ эту бумагу, Матвѣй почувствовалъ, что между нимъ, съ его пламенными стремленіями, и тѣми, отъ кого зависитъ его судьба, стоитъ стѣна, и ему теперь стало такъ ясно, что онъ обращался не къ людямъ, а къ какимъ-то окаменѣлостямъ. И онъ глубоко пожалѣлъ о тѣхъ искреннихъ признаніяхъ, которыми было полно его письмо въ округъ.

И тогда надъ всѣми своими стремленіями онъ поставилъ крестъ.

Разговоръ съ Осипомъ онъ велъ до полученія этого отвѣта, теперь же онъ ничего не сказалъ брату. Онъ рѣшилъ, что въ его власти осуществить только одно свое стремленіе, и этого права никто у него отнять не можетъ.

Былъ исключительно холодный день. На улицѣ стоялъ трескучій морозъ безъ снѣга. На стеклахъ гимназическихъ оконъ красовались фантастическіе узоры, вылѣпленные морозомъ, а въ классахъ было тепло и душно.

Въ гимназіи все шло обычнымъ порядкомъ. Въ послѣдніе два мѣсяца никакихъ особыхъ уставонарушеній не замѣчалось и это, безъ сомнѣнія, надо было приписать неусыпной дѣятельности инспектора.

Его домашнія драмы какъ-то совершенно не отражались на его инспекторской дѣятельности. Если бы гимназія не получала частныхъ свѣдѣній, то никому въ голову не пришло бы, что онъ изгналъ изъ дома собственную дочь, находившуюся въ положеніи, которое требовало особой заботливости и попеченія, что, вмѣстѣ съ дочерью, ушли изъ дома и жена и сынъ его, что у дочери умеръ женихъ и сама она затѣмъ умерла... Что жена его отказалась отъ денежной помощи и живетъ впроголодь.

Ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не отражалось ни на внѣшности, ни на дѣятельности Таранова. Онъ аккуратно являлся каждое утро къ ученической молитвѣ, дѣлалъ перекличку, отмѣчалъ въ журналѣ опоздавшихъ, цѣлые дни ходилъ по коридору, наблюдая за поведеніемъ учениковъ, записывая, карая, заглядывалъ ночью въ спальню, преподавалъ латинскій языкъ...

Въ этотъ день, въ томъ самомъ классѣ, изъ котораго былъ изгнанъ Матвѣй, переводили съ латинскаго разсказъ о какомъ-то древнемъ героѣ, который «ради спасенія чести родного города предалъ сожженію собственный домъ вмѣстѣ съ своими родными и близкими, и своей рукой, которая даже не дрогнула, подписалъ смертный приговоръ своему родному сыну»...

И когда ученикъ кончилъ переводъ этой поучительной исторіи, среди глубокой тишины въ классѣ раздался голосъ Таранова, но не обычный—сухой и холодный, а какой-то проникновенный и почти задушевный.

— Поистинѣ, это былъ мужъ чести... Въ наши дни такая добродѣтель уже не встрѣчается, а если бы кто-либо и проявилъ такую, то встрѣтилъ бы неодобреніе со стороны современниковъ и былъ бы одинокъ.

Классъ выслушалъ эту тираду съ тѣмъ оцѣпенѣніемъ, въ какомъ всегда находился во время уроковъ Таранова. Раздался звонокъ. Тарановъ ушелъ.

— Господа,—сказалъ одинъ изъ учениковъ, когда оцѣпенѣніе прошло:—да вѣдь это же онъ самъ и есть—мужъ чести, это все про него написано...

Классъ подхватилъ это крылатое слово и скоро по всей гимназіи пронеслось новое прозвище инспектора: «мужъ чести». Оно было приклеено къ нему на вѣчныя времена.

Кончились занятія, пансіонеры обѣдали, учили уроки. Все шло, какъ всегда и ничто не обѣщало въ этотъ день какихъ-либо важныхъ событій.

Наступили ранніе зимніе сумерки. Въ квартирѣ инспектора, въ столовой, на столѣ стоялъ одинокій приборъ. Единственная прислуга, убиравшая столовую и кабинетъ (остальныя комнаты были заперты) и варившая обѣдъ, приготовила его и въ этотъ день и, послѣ шести часовъ, ждала хозяина. Онъ пришелъ, молча пообѣдалъ и затѣмъ удалился въ свой кабинетъ для послѣобѣденнаго краткаго отдыха въ креслѣ.

Было около семи часовъ вечера, когда среди вечерней зимней темноты подъ сводами гимназической подворотни появился молодой человѣкъ съ смуглымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ въ партикулярное платье, очень бѣдно.

Сидѣвшій за воротами дворникъ не обратилъ на него вниманія. Въ гимназіи жило много служащихъ, и къ нимъ ходили многіе партикулярные люди.

Среди гимназическаго двора горѣлъ керосиновый фонарь, дававшій очень скудное освѣщеніе. Молодой человѣкъ повернулъ направо и, отыскавъ нужный ему входъ, сталъ подниматься по одной изъ черныхъ лѣстницъ. Онъ остановился и сдѣлалъ попытку отворить небольшую кухонную дверь. Она подалась и онъ вошелъ въ кухню.

Кухарка, увидѣвъ его, остолбенѣла. Она узнала Матвѣя. Но его появленіе казалось ей необычайнымъ, невозможнымъ.

И перемѣна, происшедшая въ немъ, произвела на нее пугающее впечатлѣніе. Онъ выросъ, похудѣлъ, сталъ еще смуглѣе прежняго, глаза его, окруженные синими пятнами, горѣли.

— Баринъ... Матвѣй Осиповичъ... Зачѣмъ это вы?—шопотомъ воскликнула она, боязливо озираясь.

— Нужно, Маланья,—просто сказалъ Матвѣй.—Дѣло есть къ отцу. Надо повидаться и переговорить.

— Да неужто пойдете къ нему? Онъ не согласится.

— Согласится... Мы его хорошенько попросимъ, такъ онъ согласится.

Кухарка сомнительно покачала головой.—Матвѣй Осиповичъ, неужто правда, что Лизанька наша померла?

— Правда, Маланья.

— Ахъ, Боже мой... Такая молодая, такая красивая... А имъ то, имъ ничего... Какъ съ гуся вода... Такъ доложить, что-ли?

— Не нужно. Я самъ о себѣ доложу. Ты, вообще, Маланья, сиди смирно и не впутывайся въ это грязное дѣло. Онъ, конечно, у себя въ кабинетѣ изволитъ отдыхать въ креслѣ послѣ благотворныхъ трудовъ?..

— Какъ всегда...

— Ну, вотъ и прекрасно.

И онъ, тихонько пріотворивъ дверь, прошелъ въ столовую.

Дверь въ кабинетъ была полуотворена. Онъ направился туда и отворилъ ее вполнѣ. На столѣ горѣла лампа, въ креслѣ, на обычномъ мѣстѣ, сидѣлъ Осипъ Матвѣевичъ, откинувъ голову на мягкую спинку кресла, и дремалъ. Онъ не замѣтилъ, какъ вошелъ Матвѣй.

И Матвѣй имѣлъ полную возможность подробно разсмотрѣть его. До какой степени мало онъ измѣнился! Чуть-чуть обрюзгли его щеки, но такъ же тщательно выбриты; такъ же приглажены волосы на головѣ, не прибавилось сѣдинъ, ни худобы, ни лишней морщины на лбу. Значитъ, ничто, такъ близкое ему, такъ кровно касающееся его, не доходило до его сердца, не произвело никакого разрушительнаго дѣйствія въ его наружности, не сдѣлало слѣдовъ на его лицѣ.

Онъ былъ въ томъ же пиджакѣ, который всегда надѣвалъ передъ обѣдомъ и оставался въ немъ весь вечеръ. На груди, на бѣлой манишкѣ, красовался орденъ, который онъ никогда не забывалъ надѣть.

Руки его, бѣлыя, съ длинными костлявыми пальцами, лежали на перильцахъ кресла. Матвѣй почему то долго не могъ отвести глазъ отъ этихъ рукъ, они всегда производили на него какое-то особенное угрожающее дѣйствіе. Въ нихъ было что-то сильное и цѣпкое, что-то черствое и безжалостное.

Матвѣй постоялъ съ минуту, пристально разсматривая его. Должно быть, эта пристальность какими-то невѣдомыми путями растревожила дремавшаго инспектора. Онъ открылъ глаза и въ тоже мгновеніе въ нихъ выразилось изумленіе, смѣшанное съ негодованіемъ.

— Что это? Кто это?—поспѣшно спросилъ онъ, схватившись за перила кресла обѣими руками.

— Это я,—очень твердо отвѣтилъ Матвѣй.

— Ты?

Осипъ Матвѣевичъ быстро поднялся съ кресла и выпрямился.

— Ты? Зачѣмъ? По какому праву?

— По праву вашего сына, какимъ я имѣю несчастье быть.

— Негодяй...—воскликнулъ Осипъ Матвѣевичъ, стремительно вытянувши впередъ руку и указывая ею на дверь:—вонъ отсюда! Вонъ, вонъ, негодяй... или я позову людей и тебя свяжутъ...

Матвѣй обернулся къ двери, быстрымъ движеніемъ захлопнулъ ее и повернулъ ключъ въ замкѣ.

— Зовите,—сказалъ онъ.

— Насиліе?—промолвилъ Тарановъ.

— Да, насиліе.

— Что тебѣ нужно отъ меня?

— Самые пустяки... Вы должны выслушать меня, у меня много есть сказать вамъ,—отвѣтилъ Матвѣй.

— Я не желаю слушать. Оставь меня... Уйди... Я не желаю...

— Полноте,—съ горькой усмѣшкой замѣтилъ Матвѣй.—Неужели вы не видите еще, что я не намѣренъ справляться съ вашими желаніями? Вы должны выслушать меня и вы выслушаете... Потому что... Вотъ что у меня есть...

Матвѣй вынулъ изъ кармана револьверъ и показалъ его. Осипъ Матвѣевичъ слегка попятился назадъ. Губы его дрогнули.

— Безумецъ...—произнесъ онъ сильно пониженнымъ голосомъ.— Несчастный безумецъ...

— Это навѣрное... Вы сдѣлали все, чтобы я сталъ такимъ,— сказалъ Матвѣй:—садитесь.

— Къ чему это?

— Садитесь!—повелительно прикрикнулъ на него Матвѣй.

И Осипъ Матвѣевичъ, какъ подкошенный, опустился въ кресло. Очевидно, онъ понялъ, что «безумецъ» способенъ на все и что остается одно: повиноваться ему.

Матвѣй сдѣлалъ два шага по направленію къ дивану и сѣлъ на боковомъ валикѣ въ полоборота къ Таранову.

— Я хочу разсказать вамъ, что вы сдѣлали съ нами, съ этими несчастными людьми, которые отъ васъ зависѣли,—заговорилъ Матвѣй негромко, медленно, необыкновенно точно, явственно выговаривая каждое слово: — судьба которыхъ была въ вашихъ рукахъ. Я хочу разсказать вамъ это, потому что вы, очевидно, не сознаете этого, иначе это было бы... Это было бы... чудовищно. Вотъ моя мать, ваша жена... Она была человѣкомъ... а вы своимъ безсердечнымъ деспотизмомъ превратили ее въ истерическаго маньяка, она почти утратила здравый смыслъ и волю... Старшая сестра моя... вы заставили ее выйти за человѣка, который былъ ей чуждъ, за старика, который купилъ ея молодое тѣло за свой чинъ и хорошій окладъ. Это сдѣлали вы—строгій блюститель нравственности, требующій отъ другихъ чуть не святости... А мой братъ Осипъ—благодаря вамъ, вашему непостижимому, упорному ненавистничеству, онъ бросилъ ученіе и сталъ жалкимъ необразованнымъ, неразвитымъ чиновникомъ, еле-еле способнымъ прокормить себя... Бѣдная моя сестренка Лиза... Я не могу вспомнить о ней... Что вы сдѣлали съ нею?.. Вы, во имя лицемѣрной добродѣтели, вышвырнули изъ гимназіи ея жениха и этимъ вѣдь вы ускорили его смерть... Вѣдь вы же знали, что у него чахотка и что ему жить недолго... И потомъ, потомъ... Развѣ вы, какъ сдѣлалъ бы всякій отецъ, простили и пожалѣли ее? Нѣтъ, вы безжалостно выгнали ее изъ дому и положили начало тому ужасному горю, которое потомъ свело ее въ могилу... И вотъ я передъ вами, вашъ младшій сынъ, послѣдній, кому вы могли сдѣлать зло. Во всю свою жизнь я не слышалъ

отъ васъ ласковаго слова, не видѣлъ добраго поступка, я видѣлъ только зложелательство, сухое, деревянное, холодное, безсердечное требованіе исполненія вашихъ предначертаній... Вы точно еще при моемъ рожденіи задались цѣлью воспитать во мнѣ злобу, ненависть, безуміе и вы достигли этого. Все это во мнѣ есть. Но, желая сдѣлать мнѣ наибольшее зло, вы довели во мнѣ эти качества до иступленія и вызвали меня на тотъ поступокъ, за который меня выгнали изъ гимназіи. Благодаря вамъ,—я знаю, что вы на этомъ настаивали,—мнѣ выдали свидѣтельство, которое закрыло передо мной всѣ двери и я въ девятнадцать лѣтъ, полный силъ, чувствуя въ себѣ и умъ и способности, превратился въ человѣка, которому отрубили руки, ноги, голову. Куда я ни обращался, мнѣ всюду отказывали. Мнѣ разъ на всегда отказано въ возможности жить по человѣчески, а жить по скотски я не хочу. И вотъ я пришелъ къ вамъ просить у васъ отеческаго совѣта: что-же мнѣ дѣлать? Я требую отъ васъ этого совѣта.

Осипъ Матвѣевичъ сидѣлъ неподвижно, съ помертвѣвшимъ лицомъ, съ стеклянными глазами. Когда Матвѣй задалъ свой вопросъ, онъ только чуть-чуть приподнялъ плечи, а слова, должно быть, замерли у него на губахъ.

— Вы не можете посовѣтовать,—сказалъ Матвѣй,—конечно, нѣтъ. Вы можете только дѣлать зло: разрушать человѣческое счастье, закрывать людямъ путь къ жизни, сводить ихъ въ могилу, наталкивать на самоубійство... Вотъ, вы теперь сидите, вы блѣдны, какъ смерть; страхъ, животный страхъ на вашемъ лицѣ, вы боитесь, что я убью васъ... Вы любите жизнь, ту жалкую жизнь, какую вы сами ведете... А моя жизнь — молодая, едва только начинавшаяся... Вы искалѣчили ее, скомкали, сгубили... И вамъ не было жаль... Сколько вы сгубили такихъ жизней и никогда не шевельнулась въ васъ жалость къ вашимъ жертвамъ... Но я васъ успокою: я не намѣренъ убивать васъ. Я пришелъ къ вамъ за тѣмъ, чтобы здѣсь, на вашихъ глазахъ, въ вашей комнатѣ убить себя.

Осипъ Матвѣевичъ энергично задвигался въ креслѣ и, видимо съ огромнымъ усиліемъ произнесъ:—неужели ты это сдѣлаешь?

— Мнѣ ничего больше не остается,—отвѣтилъ Матвѣй.

— Послушай, Матвѣй... Ты этого не приведешь въ исполненіе... Не надо этого... Послушай, я... измѣнюсь, я буду заботиться, помогать... Я для тебя выхлопочу другой документъ, но это, это...

— Вы измѣнитесь? Но это невозможно, это также невозможно, какъ вонъ той акаціи стать дубомъ... Вы не можете измѣниться и я вамъ не вѣрю. Вы говорите такъ потому, что боитесь этого небывалаго еще скандала, который вотъ тутъ у

васъ произойдетъ... Онъ испортитъ вамъ карьеру... Васъ не сдѣлаютъ директоромъ, можетъ быть еще чѣмъ-нибудь... Но уйди я отсюда, поддайся на ваше обѣщаніе, оставь васъ въ покоѣ, и вы сейчасъ же причините мнѣ такое зло, какого еще самый злобный дьяволъ не придумалъ для человѣка. Я вамъ не вѣрю.

— Повѣрь, Матвѣй, повѣрь...

— Нѣтъ, не повѣрю. Заботиться, помогать... О комъ? Кому? Мнѣ не нужно вашей помощи, я ея не принялъ бы ни при какихъ условіяхъ. Мать... Она почти уже невмѣняема... Лиза — вотъ ей была нужна ваша помощь, ваша забота, но ея уже нѣтъ... И, наконецъ, знаете-ли что?.. Я хочу отплатить вамъ за все... Я хочу испортить вамъ карьеру, даже жизнь, потому что не такъ уже легко вамъ будетъ жить послѣ этого... Ну, вотъ и все.

— Матвѣй, прошу тебя, умоляю тебя,—говорилъ Осипъ Матвѣевичъ, быть можетъ—самъ изумляясь, что изъ его устъ выходятъ такія слова.

— Что? Уйти отъ васъ и застрѣлиться въ другомъ мѣстѣ, то-есть доставить вамъ удовольствіе? Нѣтъ, не просите, не умоляйте... Ничего не выйдетъ... Это ваша казнь. Я приговорилъ васъ къ ней и она сбудется. Ахъ, да, вотъ еще: получите обратно деньги, которыя вы прислали на похороны Лизы... — Онъ вынулъ изъ кармана деньги, завернутыя въ бумагу, и бросилъ ихъ на полъ.—Отъ убійцъ не принимаютъ деньги на похороны ихъ жертвъ... А теперь...

— Матвѣй, Матвѣй... хриплымъ, сдавленнымъ голосомъ промолвилъ Тарановъ, съ мольбой простирая къ нему руки.

Но Матвѣй уже какъ бы не замѣчалъ его словъ и движеній. Онъ поднялся и съ блуждающимъ взглядомъ, обойдя диванъ, подошелъ къ окну.—Сидите, сидите, сказалъ онъ Таранову.

Нервной дрожащей рукой схватилъ онъ задвижку окна и попробовалъ растворить его, но оно было заклеено замазкой.

— Надо, чтобъ услышали... промолвилъ онъ и, сильно размахнувшись, ударилъ кулакомъ по стеклу.

Послышался трескъ. Два стекла обѣихъ рамъ разбились и въ комнату ворвался морозный воздухъ.

Затѣмъ онъ обернулся лицомъ къ Таранову, быстрымъ движеніемъ вынулъ изъ кармана револьверъ и приставилъ его къ виску.

Тарановъ не двигался. Глаза его съ выраженіемъ ужаса смотрѣли на Матвѣя, на его окровавленную стекломъ руку, державшую револьверъ. Онъ не могъ произнести ни слова.

Раздался выстрѣлъ, звучный, оглушительный, и Матвѣй какъ-то бокомъ повалился на диванъ.

Осипъ Матвѣевичъ издалъ слабый крикъ, согнулся, съежился, схватился за голову обѣими руками и замеръ.

Онъ не считалъ минутъ и не зналъ, сколько времени онъ просидѣлъ въ креслѣ, боясь шевельнуться, съ большими остановившимися глазами, съ выраженіемъ ужаса на помертвѣвшемъ лицѣ. Ни одной мысли не явилось въ его головѣ, его мозгъ точно застылъ. Этотъ оглушительный выстрѣлъ, казалось, убилъ его волю.

Послышались голоса гдѣ-то внизу, во дворѣ, потомъ шаги въ квартирѣ, все ближе, ближе. Шумъ, говоръ многихъ голосовъ... Пробуютъ отворить дверь, стучатся, называютъ его по имени.

Осипъ Матвѣевичъ точно проснулся отъ глубокаго и страшнаго сна. Онъ поднялся и, еле передвигая ноги, дошелъ до двери и повернулъ въ ней ключъ.

Столовая была полна народу. Здѣсь были Корнъ, письмоводитель, надзиратель, экономъ, курьеры, гимназисты, всѣ они ввалились въ кабинетъ и жадно-любопытными глазами смотрѣли на него и на лежавшій на диванѣ бездыханный трупъ Матвѣя.

Въ первую минуту никто ничего не понялъ. Но потомъ Корнъ, до нѣкоторой степени сообразивъ въ чемъ дѣло, приказалъ всѣмъ выйти изъ кабинета, оставивъ только нѣсколькихъ взрослыхъ людей.

Осипъ Матвѣевичъ, отперевъ дверь, разомъ потерялъ всю силу и безъ чувствъ грохнулся на полъ.

Анна Григорьевна, узнавъ о томъ, что совершилось въ кабинетѣ Таранова, окончательно лишилась разсудка. Выраженіе дикаго ужаса исказило ея лицо и никогда уже не сходило съ него. Ее помѣстили въ мѣстную больницу.

Матвѣя хоронилъ весь городъ. Гимназисты не были отпущены, тѣмъ не менѣе, почти вся гимназія была на похоронахъ.

Осипъ Матвѣевичъ уѣхалъ въ двухмѣсячный отпускъ, который, по ходатайству Корна, ему дали для поправленія потрясеннаго здоровья. Но онъ уже не вернулся въ гимназію. Послѣ всего происшедшаго, нашли неудобнымъ для него служить въ томъ самомъ городѣ, который былъ мѣстомъ столь трагическихъ событій, связанныхъ съ его личностью.

Но вѣрная служба вознаграждается. Скоро въ городѣ и въ гимназіи узнали, что «мужъ чести» назначенъ въ другую гимназію того же округа на постъ директора.

Впослѣдствіи были получены свѣдѣнія, что въ той гимназіи былъ установленъ необыкновенный безпримѣрный порядокъ.

И. Потапенко.

DIES IRAE.

Апокалипсисъ, гл. VI.

...И Агнецъ снялъ четвертую печать
И услыхалъ я голосъ, говорившій:
«Возстань—гляди». И я взглянулъ: конь блѣденъ,
На немъ же мощный Всадникъ: Смерть. И адъ
За нимъ во слѣдъ, и власть ему дана
Надъ четвертью земли,—да умерщвляетъ
Мечомъ и гладомъ, моромъ и звѣрями.

И пятую Онъ снялъ печать. И видѣлъ
Я подъ престоломъ души убіенныхъ,
Вопившія: «Доколѣ, о Владыко,
Не судишь ты живущихъ и не мстишь
За нашу кровь?»
И были имъ даны
Одежды бѣлоснѣжныя, и было
Имъ сказано—да почіютъ, покуда
Сотрудники и братья ихъ умрутъ,
Какъ и они,—за словеса Господни.

Когда же снялъ шестую Онъ печать,
Взглянулъ я вновь, и вотъ—до основанья
Потрясся міръ, и солнце стало мрачно,
Какъ вретище, и ликъ луны—какъ кровь;
И звѣзды устремились внизъ, какъ въ бурю
Незрѣлый плодъ смоковницы; и небо
Свилось, какъ свитокъ хартіи, и горы,
Колеблясь, съ мѣста двинулись; и всѣ
Цари земли, вельможи и владыки
Богатые и сильные, рабы
И вольные—сокрылися въ пещеры,
Въ ущелья горъ, и говорятъ горамъ
И камнямъ ихъ: «Падите и сокройте
Насъ отъ лица Сидящаго на тронѣ
И гнѣва Агнца: ибо настаетъ
Великій день Его всесильной кары!»

Иванъ Бунинъ.

Религіозно-нравственная проблема у Достоевскаго.

(*Окончаніе* *).

Глава третья.

Вл. Соловьевъ и Достоевскій, какъ люди противоположнаго душевнаго склада.—Вѣра или жажда вѣрить.—Муки сомнѣнія, невѣрія и раздвоенія.—Богъ добра и Богъ силы.—Вѣра въ добро и сомнѣніе въ его божественномъ всемогуществѣ.—Безъ допущенія всемогущества нѣтъ полнаго торжества личности.

Достоевскій признаетъ нравственную необходимость вѣры въ Бога и безсмертіе души. Но признаніе необходимости вѣры не есть еще самая вѣра, потому позволительно спрашивать, вѣрилъ ли самъ Достоевскій въ то, во что необходимо должно было, съ его точки зрѣнія, вѣрить, чтобы принять міръ на достаточныхъ религіозно-нравственныхъ основаніяхъ.

Вопросъ этотъ очень умѣстный, но и въ высшей степени сложный, не допускающій прямого, положительнаго или отрицательнаго отвѣта.

Есть люди безмятежно ясной, непоколебимо твердой, почти дѣтской вѣры. Религіозные догматы для нихъ не заключаютъ въ себѣ никакихъ тревожныхъ исканій или мучительныхъ болѣній. Въ ихъ вѣрѣ нѣтъ мѣста вопросамъ и сомнѣніямъ, они не испытываютъ трепетнаго безпокойства, не нуждаются въ излишнихъ самоувѣреніяхъ. Они вѣруютъ спокойно и невозмутимо, обладаютъ своей религіозной святыней, какъ прирожденные собственники, не ищутъ ея, не стараются увѣровать, не спрашиваютъ себя и другихъ о ней въ долгихъ интимныхъ бесѣдахъ, не испытуютъ своей вѣры. Эти знаютъ блаженство истинной вѣры. Имъ остается развѣ только еще учить другихъ, открывать другимъ источникъ собственнаго блаженства въ невозмутимо ясномъ сознаніи правоты своей вѣры. Но это уже второстепенная работа возведенія зданія на прочно уложенномъ фундаментѣ. Подъ ногами незыблемо твердый грунтъ, по которому можно идти твердой поступью, увѣренно звать и вести за собой другихъ. Легко тогда работается, смѣло говорится и проповѣдуется, ясно и отчетливо рѣшаются всѣ вопросы, и вообще все кругомъ свѣтло, радостно, без-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль 1905 г.

болѣзненно. Съ такой вѣрой жилъ и работалъ Вл. С. Соловьевъ. Въ концѣ XIX вѣка, на высотѣ современнаго образованія, съ огромнымъ и сильнымъ умомъ, оригинальный философъ и талантливый лирикъ, онъ смотрѣлъ на жизнь безоблачно яснымъ взоромъ библейскаго мудреца. Эпически спокойный въ своемъ обладаніи истиной, блаженный своей вѣрой, счастливый и порою даже веселый, онъ сохранялъ всюду въ своихъ произведеніяхъ удивительную ясность души, въ наше время рѣдкую. Онъ какъ бы совершенно не зналъ мучительнаго томленія исканій... Онъ нашелъ, что ему надо, твердо хочется сказать, наивно былъ увѣренъ, что нашелъ именно то, что надо, и что найденнаго никогда не потеряетъ. Отъ удивительнаго душевнаго склада этого писателя вѣяло не здѣшнимъ, несовременнымъ, библейскимъ благообразіемъ и эпическимъ спокойствіемъ, которыхъ не знаетъ наше время—полное тоски и отчаянія, скептицизма и исканія.

Совсѣмъ не таковъ былъ Достоевскій.

Несмотря на все идейное родство его съ Вл. Соловьевымъ, трудно найти по характеру душевнаго склада болѣе противоположныхъ писателей, чѣмъ Достоевскій и Соловьевъ. Насколько одинъ былъ неровенъ, своенравенъ, даже капризенъ, то озлобленно раздраженъ, то страстно восторженъ, настолько другой уравновѣшенъ, умѣлъ думать по правильно расчерченному, симметрически стройному плану, всегда благородно сдержанъ, то серьезенъ, то добродушно веселъ. Достоевскій всегда жилъ въ тревожномъ безпокойствѣ, вѣчно болѣлъ своими мыслями, вѣчно спѣшилъ, говорилъ безпорядочно и никогда не договаривалъ до конца, много разъ принимался за одно и тоже, постоянно обѣщалъ еще что-то выяснить, доказать самое важное, послѣднее, рѣшающее, почему постоянно повторялся и въ то же время постоянно былъ въ долгу и у читателя, и у самого себя, жаждалъ откровеній, вѣщихъ словъ, и тосковалъ, когда не находилъ ихъ... Соловьевъ, напротивъ, какъ мы уже говорили, мало искалъ, не болѣлъ, не тревожился вовсе, потому что самое важное было уже съ нимъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не спѣшилъ говорить, но говорилъ много, плавно, размѣренно, почти всегда законченно, и съ нѣкоторой внѣшней архитектоникой идей. Они шли по одной дорогѣ, но тамъ, гдѣ Соловьевъ шелъ твердымъ, размѣреннымъ шагомъ человѣка, хорошо знающаго дорогу, невозмутимо ясно смотря прямо передъ собой и оглядывая встрѣчныхъ улыбкой добродушнаго снисхожденія къ ихъ заблужденіямъ, Достоевскій стремительно бѣжалъ безпокойно спѣшащей, нервной, торопливой походкой человѣка, который боится, остановившись, потерять равновѣсіе...

Несходство ихъ душевнаго склада ярко сказывалось въ вопросахъ вѣры.

Достоевскій глубоко проникъ въ бездонныя глубины невѣрія, изумительно тонко изучилъ психологію атеизма, но психологія вѣры была

ему несравненно менѣе понятна. Онъ изучаетъ ее непосредственно, а чаще всего издали, приходитъ къ ней изъ отрицанія невѣрія. Тайна безыскуственной, ненадуманной вѣры осталась для него нераскрытой, блаженство этой вѣры не достигнутымъ. Напротивъ, Соловьевъ въ совершенствѣ обладаетъ этой тайною, не ища ее, блаженство вѣрить ему удалось само собой, какъ дается оно всѣмъ людямъ, истинно и просто вѣрующимъ. Конечно, можетъ быть, и онъ прошелъ черезъ горнило сомнѣній; біографы и друзья его говорятъ, что въ ранней юности онъ былъ матеріалистомъ и атеистомъ, но объ этомъ періодѣ его жизни мы судить не можемъ, въ литературѣ же онъ явился съ самаго начала обладателемъ блаженной невозмутимостью истинной вѣры, съ которой ушелъ въ могилу. Измѣнились философскія воззрѣнія, но общій душевный складъ остался тотъ-же. Отрицаніе и сомнѣніе совершенно чуждо его положительной догматической натурѣ. Достоевскій не умѣлъ беззавѣтно вѣрить, но умѣлъ глубоко сомнѣваться, много мучительно искать, дано ему было «сердце высшее, способное такою мукою мучиться, горняя мудрствовати и горняя искати», какъ говоритъ старецъ Зосима объ Иванѣ Карамазовѣ. Соловьевъ же умѣлъ вѣрить и учить, а не сомнѣваться и испытывать себя въ искусахъ вѣры. Въ одной изъ своихъ «Трехъ рѣчей въ память Достоевскаго *)» Вл. С. Соловьевъ говоритъ о Достоевскомъ: «Въ томъ-то и заслуга, въ томъ то и все значеніе такихъ людей, какъ Достоевскій что они не преклоняются предъ силой факта и не служатъ ей. Противъ этой грубой силы того, что существуетъ, у нихъ есть духовная сила вѣры въ истину и добро—въ то, что должно быть. *Не искушаться видимымъ господствомъ зла и не отрекаться ради него отъ невидимаго добра—есть подвигъ вѣры* **). Въ немъ вся сила человѣка. Кто не способенъ на этотъ подвигъ, тотъ ничего не сдѣлаетъ и ничего не скажетъ человѣчеству. *Творятъ жизнь* ***) люди вѣры. Это тѣ, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми,—они же пророки, истинно лучшіе люди и вожди человѣчества. Такого человѣка мы сегодня поминаемъ ****)». Эта характеристика въ гораздо большей степени рисуетъ самого философа, чѣмъ Достоевскаго. Достоевскій былъ именно изъ тѣхъ, «которые искушаются видимымъ господствомъ зла», «передъ грубой силой того, что существуетъ» въ душѣ ихъ часто подымается тяжелое, изнуряющее сомнѣніе, вѣра ихъ постоянно колеблется, они искушаются и мучительно болѣютъ своими искушеніями. Достоевскій не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ вѣры, о которыхъ Соловьевъ говоритъ, что они жизнь творятъ. «Вѣра Достоевскаго не позволяла ему ни горами дви-

---

*) Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева т. III.

**) Курсивъ мой.

***) Курсивъ Соловьева.

****) т. III. Вторая рѣчь, сказанная 1882 г. 1-го февраля стр. 185.

гать, ни по водамъ ходить. Подобно апостолу Петру, онъ непремѣнно усумнился бы и сталъ тонуть, и, дѣйствительно, не разъ сомнѣвается и начинаетъ тонуть тамъ, гдѣ Вл. С. Соловьевъ въ блаженствѣ вѣры своей идетъ увѣренно, ни минуты не колеблясь. Слишкомъ много досталось на долю Достоевскаго испытующихъ, тягостныхъ самовопрошаній, горячіе слѣды ихъ явственно запечатлѣлись въ его произведеніяхъ. Читая «Дневникъ писателя», мы болѣе склонны видѣть въ Достоевскомъ человѣка вѣры, чѣмъ при чтеніи художественныхъ произведеній. Здѣсь въ безсознательной работѣ творческаго генія многое обнаружилось помимо воли и желанія автора. Что скрывалось за отвлеченными разсужденіями «Дневника», то сказалось въ психологическихъ произведеніяхъ, вылилось въ художественныхъ образахъ. Но даже и въ «Дневникѣ писателя» Достоевскій очень мало развиваетъ положительное содержаніе своей религіозной вѣры. И здѣсь онъ гораздо болѣе отрицаетъ атеизмъ, чѣмъ исповѣдуетъ Бога, гораздо болѣе возмущается невѣріемъ, чѣмъ обнаруживаетъ силу своей собственной вѣры. О его религіозныхъ догматахъ мы знаемъ, главнымъ образомъ, изъ отрицательной критики атеизма, католицизма и религіи человѣкобога. Не случайно, не за однимъ только безвременьемъ спѣшной работы не договариваетъ Достоевскій своихъ мыслей до конца. Конечно, постоянныя обѣщанія вернуться къ темѣ, часто оставляющія читателя у самаго большого, важнаго и неотложнаго вопроса, такова общая манера всѣхъ спѣшно пишущихъ публицистовъ, вѣчно подавленныхъ злобами дня и интересами минуты, вѣчно должающихъ по всѣмъ вопросамъ читателю. Но есть и еще нѣчто въ этомъ пріемѣ обѣщать разрѣшенія самаго-то большого вопроса въ будущемъ, въ этомъ выбрасываніи читателя, какъ рыбу на сухой берегъ. Это нѣчто—невырѣшанность, недодуманность затрагиваемыхъ вопросовъ для самого писателя. Самому еще только чуть проясняется, чуть брезжитъ. Такъ было всегда и съ Достоевскимъ. Глубокая искренность и серьезность удерживали его отъ подробнаго развитія положительнаго содержанія своей религіозной вѣры... Невозмутимо вѣрующій В. С. Соловьевъ не раздѣляетъ этой сдержанности, ему все можно сказать безъ насилій надъ собой, безъ самоуговариванія и внутренняго боренія, вѣра его не боится никакихъ внутреннихъ сомнѣній, ни самаго полнаго внѣшняго обнаруженія. Достоевскій мучительно болѣетъ своей религіозной вѣрой, его «Богъ всю жизнь мучилъ», именно *мучилъ*. Въ записной книжкѣ, по поводу упрековъ въ наивности вѣры, Достоевскій пишетъ: «не какъ мальчикъ же я вѣрую во Христа и его исповѣдую, а черезъ большое *горнило сомнѣній* моя *осанна* прошла» *). И, дѣйствительно, въ «Карамазовыхъ» и раньше въ «Идіотѣ» (въ

*) Т. I. 1883 г. „Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго“, стр. 371.

Ипполитѣ, да и самомъ Мышкинѣ), въ «Бѣсахъ» (особенно въ Кириловѣ, но и въ Ставровѣ и Шатовѣ) и въ «Подросткѣ» (въ Версиловѣ), въ «Дневникѣ писателя», въ «Приговорѣ» черезъ большое горнило сомнѣній прошла осанна Достоевскаго. Но прошла ли совсѣмъ, стала-ли несомнѣнной, освободилась-ли отъ сомнѣній? Вотъ уже не задолго передъ смертью, въ письмѣ къ г-жѣ N. N. отъ 11-го апрѣля 1880 г. Достоевскій пишетъ: «Что вы пишете объ вашей двойственности? Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсѣмъ, впрочемъ, обыкновенныхъ. Черта, свойственная человѣческой природѣ вообще, но далеко-далеко не во всякой природѣ человѣческой встрѣчающаяся въ такой силѣ, какъ у васъ. Вотъ и поэтому вы мнѣ родная, потому что *раздвоеніе* *) въ васъ точь въ точь, какъ во мнѣ, и всю жизнь во мнѣ было. Это большая мука, но въ то же время и большое наслажденіе. Это сильное сознаніе, потребность самоотчета и присутствіе въ природѣ вашей потребности нравственнаго долга къ самой себѣ и къ человѣчеству. Вотъ что значитъ эта двойственность. Были бы вы не столь развиты умомъ, были бы ограниченнѣе, то были бы и менѣе совѣстливы и не было бы этой двойственности. Напротивъ, родилось бы великое самомнѣніе. Но все-таки эта двойственность—большая мука. Милая, глубокоуважаемая N. N., вѣрите-ли вы во Христа и его обѣты? *Если вѣрите—(или хотите вѣрить очень), то предайтесь ему вполнѣ, и муки отъ этой двойственности сильно смягчатся и вы получите исходъ душевный, а это главное»* **). Самъ Достоевскій именно больше «очень хочетъ повѣрить», чѣмъ *непосредственно* вѣритъ и во всякомъ случаѣ не можетъ и не умѣетъ вѣрить, не сомнѣваясь, не искушаясь, не испытуя себя. Не будучи въ силахъ разрѣшить двойственности своей вѣры, онъ пробуетъ найти выходъ въ неразрѣшимости ея, указывая въ самой двойственности нѣчто успокаивающее, потребность самоотчета, «большую муку, но въ то же время и большое наслажденіе». Самопризнаніе Достоевскаго въ письмѣ къ г-жѣ N. N. по своему смыслу очень уже близко стоитъ къ проникновенному замѣчанію старца Зосимы Ивану Карамазову о вѣрѣ его въ безсмертіе души. «Идея эта еще не рѣшена въ вашемъ сердцѣ и мучитъ его. Но и мученикъ любитъ иногда забавляться своимъ отчаяніемъ, какъ бы тоже отъ отчаянія. Пока съ отчаянія и вы забавляетесь и журнальными статьями и свѣтскими спорами, сами не вѣруя своей діалектикѣ и съ болью сердца усмѣхаясь ей про себя... Въ васъ этотъ вопросъ не рѣшенъ, и въ этомъ ваше великое горе, ибо настоятельно требуетъ разрѣшенія» ***).

Въ «Подросткѣ», въ одной изъ задушевныхъ бесѣдъ подростка

---

*) Курсивъ Достоевскаго.

**) Курсивъ мой.

***) VI т. „Братья Карамазовы“, стр. 52. Курсивъ мой.

съ отцомъ, Версиловъ сознается сыну, что онъ въ заграничныхъ блужденіяхъ своихъ тосковалъ о Богѣ.

— Вы такъ сильно вѣровали въ Бога? — недовѣрчиво спрашиваетъ подростокъ.

— Другъ мой, это вопросъ, можетъ быть, лишній. Положимъ *я не очень вѣровалъ, но все же я не могъ не тосковать по идеѣ.* Я не могъ представлять себѣ временами, какъ будетъ жить человѣкъ безъ Бога и возможно ли это когда-нибудь *).

Въ жаждѣ вѣры у Версилова намъ слышатся отзвуки того раздвоенія, о которомъ Достоевскій рѣшился заговорить въ 80-хъ годахъ въ письмѣ къ N. N. Версиловъ «не очень вѣритъ», но «очень хочетъ вѣрить», онъ тоскуетъ о Богѣ и хотѣлъ бы «предаться ему вполнѣ». Это невѣрье ищущаго вѣры, или вѣра тревожно невѣрующаго, вѣра маловѣрнаго.

Мучительная тревога сомнѣній истязуетъ не только сердца отрицательныхъ героевъ Достоевскаго, она прокрадывается въ душу его любимцевъ, открытыхъ носителей его идей и симпатій. Князь Мышкинъ, увидавъ въ домѣ Рогожина картину мертваго Христа, говоритъ, что «отъ этой картины у иного еще вѣра можетъ пропасть» **). Алеша Карамазовъ также прикоснулся къ «горнилу сомнѣній» Достоевскаго; объ этомъ краснорѣчиво говоритъ глава: «Тлетворный духъ». Даже старецъ Зосима, этотъ психологически чуждый Достоевскому типъ, тоже знавалъ въ юности своей муки маловѣрнаго сомнѣнія. Въ разсказѣ «Таинственный посѣтитель»—этотъ посѣтитель на малодушныя сомнѣнія юнаго Зосимы въ близости царствія небеснаго, говоритъ ему: «А вотъ вы уже, говоритъ, не вѣруете. *Проповѣдуете, а сами не вѣруете*» ***).

У Шатова въ «Бѣсахъ», тоже выразителя многихъ задушевныхъ мыслей автора, отсутствіе вѣры сознательно маскируется страстной жаждой вѣры.

Глубокія моральныя требованія возстановить безвозвратно попранную жестокой дѣйствительностью человѣческую индивидуальность, неугомонное стремленіе разрѣшить во что бы то ни стало Карамазовскій вопросъ о смыслѣ жизни, жгучая жажда личной отвѣтственности и личнаго возмездія привели Достоевскаго къ нравственной необходимости увѣровать въ догматъ личнаго безсмертія. А для этого нужно, во что бы то ни стало, добыть и вѣру въ Бога. Нужно добыть хотя бы въ кредитъ подъ залогъ вѣры въ почву, въ Россію, въ ея православіе.

Въ «Бѣсахъ» отъ имени Ставрогина дѣлается довольно безвкусное

---

*) IV т. „Подростокъ“, стр. 271. Курсивъ мой.

**) III т. „Идіотъ“, стр. 128.

***) VI т. „Братья Карамазовы“, стр. 208. Курсивъ мой.

и грубое сравненіе исканія Бога съ наглымъ хвастовствомъ Ноздрева, будто бы поймавшаго зайца за заднія ноги. «Чтобы сдѣлать соусъ изъ зайца — надо зайца, чтобы увѣровать въ Бога, надо Бога». «Вашъ-то заяцъ пойманъ-ли, аль еще бѣгаетъ?» — ехидно спрашиваетъ Ставрогинъ Шатова, страстно и увлеченно разсуждающаго передъ тѣмъ о «Богѣ истинномъ», о «тѣлѣ Божіемъ», о «народѣ Богоносцѣ». «Вѣруете ли вы сами въ Бога или нѣтъ»? — повторяетъ онъ вопросъ.

— «Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе... я вѣрую въ тѣло Христово... я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи.. я вѣрую»... залепеталъ въ изступленіи Шатовъ.

— «А въ Бога? Въ Бога?»

— «*Я... я буду вѣровать въ Бога.* *)» Ни одинъ мускулъ не двинулся въ лицѣ Ставрогина. Шатовъ пламенно, съ вызывомъ, смотрѣлъ на него, точно сжечь хотѣлъ его своимъ взглядомъ.

— «Я вѣдь не сказалъ-же вамъ, *что не вѣрую совсѣмъ*», вскричалъ онъ, наконецъ **).

Жажда вѣры и здѣсь, какъ у Версилова, замѣняетъ непосредственную, безыскуственную вѣру. Моральная потребность вѣры должна во что-бы то ни стало создать и самую вѣру. «Богъ необходимъ, а потому долженъ быть», какъ говоритъ Кириловъ и безпомощно прибавляетъ: «но я знаю, что его нѣтъ и не можетъ быть» ***).

Въ «Дневникѣ писателя» 1876 года, за апрѣль, разсуждая объ одномъ спиритическомъ сеансѣ, Достоевскій, между прочимъ, пишетъ: «Тутъ мерещится мнѣ какой-то особенный законъ человѣческой природы, общій всѣмъ и касающійся именно вѣры и невѣрія, вообще. Мнѣ какъ-то выяснилось тогда, именно черезъ этотъ опытъ, именно черезъ этотъ сеансъ—какую силу невѣріе можетъ найти и развить въ самомъ себѣ, въ данный моментъ, *совершенно помимо вашей воли, хотя и согласно съ вашимъ тайнымъ желаніемъ.* Равно, вѣроятно и вѣра» ****).

«Совершенно помимо воли, хотя согласно съ тайнымъ желаніемъ», Достоевскій стремится развить силу своей вѣчно мучающей его вѣры. Въ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ явные слѣды постоянныхъ насилій надъ собой, самоуговариваніе, самовнушеніе, постоянную раздвоенность. Всевозможными средствами пытался онъ увѣрить себя. Не послѣднимъ изъ нихъ казалось ему, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, стремленіе развить вѣру въ Бога изъ вѣры въ почву, «въ Россію», «православіе», въ «русскій народъ», «русскіе порядки», «русскаго Бога и русскаго Христа».

*) Курсивъ мой.
**) IV т. „Бѣсы“, стр. 137.
***) IV т. „Бѣсы“, стр. 124.
****) V т. „Дневникъ писателя“ стр. 349. Курсивъ мой.

Но, во всякомъ случаѣ, къ Достоевскому вполнѣ приложимы слова, сказанныя въ «Бѣсахъ» Кириловымъ о Ставрогинѣ.

«Ставрогинъ, если вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ вѣруетъ, если же не вѣруетъ, то не вѣруетъ, что онъ не вѣруетъ» *).

Общій смыслъ вѣры Достоевскаго лучше всего можетъ быть выраженъ знаменательными словами маловѣрнаго къ Христу: «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію» **).

Но было все же нѣчто незыблемо прочное, несокрушимое въ горнилѣ сомнѣнія и глубинахъ отрицанія Достоевскаго. Оставался «пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка», его нравственная недостижимость, оставался Христосъ, если не Божески могучій, то Божественно великій. Христосъ, какъ высочайшій образъ нравственнаго величія, какъ высшее воплощеніе добра, никогда не терялъ въ глазахъ Достоевскаго своего обаянія. Образъ Христа былъ для Достоевскаго несомнѣннымъ добромъ, высшей моральной цѣнностью, но въ его творческой мощи, въ реальной силѣ и власти этого нравственнаго совершенства надъ дѣйствительностью онъ часто сомнѣвался и мучительно страдалъ своими сомнѣніями. Достоевскій именно «искушался видимымъ господствомъ зла» и если «не отрекался ради него отъ невидимаго добра», то все-же переставалъ вѣрить во всемогущество этого добра, въ его божественную премудрость и силу. Достоевскій болѣлъ безсиліемъ идеальнаго Христа въ реальномъ мірѣ торжествующаго зла. «Пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка» у Достоевскаго есть развитіе и осложненное выраженіе культа автономной личности, а личность человѣческая никогда

---

*) V т. „Бѣсы", стр. 330.

**) Психологическія подпочвенныя основанія вѣры Достоевскаго остановили на себѣ вниманіе г. Мережковскаго въ его изслѣдованіи: «Л. Толстой и Достоевскій". Но только въ своемъ анализѣ г. Мережсковскій идетъ много дальше, чѣмъ слѣдуетъ. „Вообще, въ произведеніяхъ Достоевскаго иногда слишкомъ трудно рѣшить, гдѣ собственно кончается старецъ Зосима, гдѣ начинается великій инквизиторъ" (402 стр. II томъ). „Едва не срывается у насъ жуткій вопросъ: ну, а что, если „весь секретъ" самого Достоевскаго состоитъ въ томъ-же, въ чемъ и секретъ Великаго Инквизитора? что если и Достоевскій просто „не вѣритъ въ Бога или вѣритъ въ двухъ Боговъ, въ Бога и Діавола, которые борятся въ сердцахъ человѣческихъ, но еще неизвѣстно, кто кого побѣждаетъ" (402). Этотъ „жуткій вопросъ", по нашему мнѣнію, неумѣстенъ. Достоевскій, конечно, не инквизиторъ, не іезуитъ, хранящій тайну своего невѣрія ради блаженства опекаемыхъ этимъ блаженствомъ людей. Достоевскій не обманываетъ, но *обманывается*, принимая желаніе вѣрить за самую вѣру. Иногда самъ чувствовалъ это, о чемъ говорятъ живые слѣды сомнѣній, разсѣянныхъ повсюду въ его произведеніяхъ, но открыто, отъ своего лица сомнѣній эти не высказывалъ, потому что слишкомъ много для самого Достоевскаго здѣсь было неуловимаго, тонкаго, неразрѣшимо-сложнаго, невыясненнаго. Онъ сомнѣвался въ вѣрѣ своей, *но сомнѣвался и въ сомнѣніяхъ*. Въ своихъ художественныхъ твореніяхъ, вкладывая элементы собственной психологіи, самъ часто не узнавалъ въ нихъ себя, объективированное *я* становилось уже чуждымъ.

не теряла въ его глазахъ своего нравственнаго обаянія, для возвеличенія ея, какъ мы говорили выше, онъ и искалъ съ такой трепетной страстностью вѣры въ Бога и безсмертіе. Достоевскій искушалъ своего Христа сомнѣніями въ Божественномъ всемогуществѣ и воскресеніи, но никогда сознательно не умалялъ его нравственнаго величія. Идеальный образъ Христа жилъ съ Достоевскимъ и въ его сомнѣніяхъ, и въ его просвѣтленіяхъ, и въ вѣрѣ его и въ невѣріи, онъ носилъ этотъ образъ въ себѣ, когда писалъ «Бѣдныхъ людей», искалъ правды въ кружкѣ Петрашевцевъ, мечтая объ уничтоженіи крѣпостного права, и когда одиноко страдалъ въ мрачномъ «мертвомъ домѣ» каторги, и когда потомъ снова боролся въ литературѣ. Пожалуй, именно «нравственная недостижимость» идеальнаго образа Христа, моральная высота его рождала у Достоевскаго сомнѣнія въ его реальной силѣ, въ дѣйствительной приложимости этого идеала къ «лику міра сего». Хотѣлось видѣть Христа не только *Богомъ добра*, но и *Богомъ силы и славы*, хотѣлось вѣрить, но вѣра не давалась сама собой, безъ насилій и самоувѣренній... Сомнѣнія просыпались въ душѣ властно и непобѣдимо, дѣйствительность на каждомъ шагу готовила новыя и новыя искушенія. Минутами больно и обидно чувствовалось безсиліе Бога добра. Если Онъ воистину Христосъ Сынъ Бога живаго, Онъ долженъ сойти съ креста, чтобы спасти себя и насъ. Почти такими же словами невѣрующаго разбойника Достоевскій искушалъ себя.

Искушенія Христа въ пустынѣ были не только глубоко продуманы Достоевскимъ, но, если удобно будетъ такъ выразиться, и мучительно пережиты имъ. Они были близки душѣ Достоевскаго, потому то онъ такъ много говоритъ о нихъ повсюду въ своихъ произведеніяхъ. Но преодолѣлъ-ли онъ муки этихъ искушеній? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить положительно. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ въ пустынѣ искушенія, сомнѣнія и невѣрія, и вышелъ оттуда побѣдителемъ, умиротвореннымъ, просвѣтленнымъ и успокоеннымъ.

Божественность Христа все время была для Достоевскаго предметомъ никогда почти не утихающихъ испытаній, предметомъ неумолкающихъ мучительныхъ болѣній...

Въ «Идіотѣ» князь Мышкинъ, какъ-то при посѣщеніи Рогожина въ его старомъ отцовскомъ домѣ, останавливается передъ случайно попавшейся ему на глаза картиной. Она изображала Спасителя, только что снятаго съ креста. Князь зналъ эту картину Ганса Гольбейна еще за границей, она поразила его изумительной реальностью изображенія мертваго Христа и хорошо запомнилась ему. У Рогожина была хорошая копія.

— «На эту картину я люблю смотрѣть,—пробормоталъ Рогожинъ.

— «На эту картину!—вскричалъ вдругъ князь, подъ впечатлѣніемъ внезапной мысли: на эту картину! Да отъ этой картины у иного еще вѣра можетъ пропасть!

— Пропадетъ и то,—неожиданно подтвердилъ вдругъ Рогожинъ.

Подробно развиваетъ впечатлѣніе, производимое картиной, Ипполитъ, которому авторъ предоставляетъ несравненно большій просторъ въ выраженіи его сомнѣній. Ипполитъ—это одинъ изъ эмбріоновъ Ивана Карамазова, въ немъ Достоевскій распинаетъ собственныя сомнѣнія, пытаясь ихъ болью заглушить свои муки. Вотъ что говоритъ Ипполитъ:

«На картинѣ этой изображенъ Христосъ, только что снятый со креста. Мнѣ кажется, живописцы обыкновенно повадились изображать Христа и на крестѣ, и снятаго со креста все еще съ оттѣнкомъ необыкновенной красоты въ лицѣ; эту красоту они ищутъ сохранить Ему даже при самыхъ страшныхъ мукахъ. Въ картинѣ же Рогожина о красотѣ и слова нѣтъ; это въ полномъ видѣ трупъ человѣка, вынесшаго безконечныя муки еще до креста, раны, истязанія битье отъ стражи, битье отъ народа, когда онъ несъ на себѣ крестъ и упалъ подъ крестомъ, и, наконецъ, крестную муку въ продолженіе шести часовъ (такъ, по крайней мѣрѣ, по моему расчету). Правда, это лицо человѣка только что снятаго со креста, то-есть, сохранившаго въ себѣ очень много живого, теплаго; ничего еще не успѣло закостенѣть, такъ что на лицѣ умершаго даже проглядываетъ страданіе, какъ будто-бы еще и теперь имъ ощущаемое (это очень хорошо схвачено артистомъ); но за то лицо не пощажено нисколько; тутъ одна природа, и, во истину, таковъ и долженъ быть трупъ человѣка, кто бы онъ ни былъ послѣ такихъ мукъ. Я знаю, что христіанская церковь установила еще въ первые вѣка, что Христосъ страдалъ не образно, а дѣйствительно, и что тѣло его, стало быть, было подчинено на крестѣ закону природы вполнѣ и совершенно. На картинѣ это лицо страшно разбито ударами, вспухшее, со страшными вспухшими и окровавленными синяками, глаза открыты, зрачки скосились; большіе, открытые бѣлки глазъ блещутъ какимъ-то мертвеннымъ, стекляннымъ отблескомъ. Но странно, когда смотришь на этотъ трупъ измученнаго человѣка, то рождается одинъ особенный и любопытный вопросъ: если такой точно трупъ (а онъ непремѣнно долженъ былъ быть точно такой) видѣли всѣ ученики Его, Его главные будущіе апостолы, видѣли женщины, ходившія за нимъ и стоявшія у креста, всѣ вѣровавшіе въ Него и обожавшіе Его, *то какимъ образомъ могли они повѣрить, смотря на такой трупъ, что этотъ мученикъ воскреснетъ? Тутъ невольно приходитъ понятіе, что если такъ ужасна смерть и такъ сильны законы природы, то какъ-же одолѣть ихъ? Какъ одолѣть ихъ, когда не побѣдилъ ихъ теперь даже Тотъ, Который побѣждалъ и природу при жизни Своей, Которому она подчинялась* *), Который воскликнулъ: «Талиѳа куми»—и дѣвица

*) Курсивъ мой.

встала, «Лазарь, гряди вонъ»,—и вышелъ умершій? Природа мерещится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого то огромнаго, неуловимаго и нѣмого звѣря, или вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе сказать, хоть и странно,—въ видѣ какой-нибудь громадной машины новѣйшаго устройства, которая безсмысленно захватила, раздробила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное Существо,—такое Существо, которое одно стоило всей природы и всѣхъ законовъ ея, всей земли, которая и создавалась-то, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого Существа! Картиной этою какъ будто именно выражается это понятіе о темной, наглой и безсмысленной вѣчной силѣ, которой все подчинено, и передается вамъ невольно. Эти люди, окружавшіе умершаго, которыхъ тутъ нѣтъ ни одного на картинѣ, должны были ощутить страшную тоску и смятеніе въ тотъ вечеръ, раздробившій разомъ всѣ ихъ надежды и почти что вѣрованія. Они должны были разойтись въ ужаснѣйшемъ страхѣ, хотя и уносили каждый въ себѣ громадную мысль, *которая уже никогда не могла быть изъ нихъ исторгнута* *). И еслибъ этотъ самый Учитель могъ увидать Свой образъ наканунѣ казни, то такъ-ли бы Самъ Онъ взошелъ на крестъ, и такъ-ли бы умеръ какъ теперь? Этотъ вопросъ тоже невольно мерещится, когда смотришь на картину» **).

Здѣсь Достоевскій отъ имени своихъ героевъ, а потому рѣшительнѣе и откровеннѣе искушается «видимымъ господствомъ зла». Онъ мучительно болѣетъ безсиліемъ своего Христа, душа его открывается глубочайшимъ сомнѣніемъ, при видѣ страшной реальности изображенія смерти Христа, этого символа власти каменной стѣны и дѣйствительности, силы законовъ природы. Видимое господство зла разлагаетъ вѣру во всемогущество «Того, который есть безсмертіе». Ужасная реальность смерти «безсмысленно захватила, раздробила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное Существо—такое существо, которое одно стоило всей природы и всѣхъ законовъ ея, всей земли, которая и создавалась-то, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого существа». «Понятіе о темной наглой и безсмысленно вѣчной силѣ, которой все подчинено», «природа въ видѣ огромнаго, неумолимаго нѣмого звѣря», неотвязно преслѣдуетъ и пугаетъ Достоевскаго. И ужасныя мысли мерещатся тогда его отчаявшейся, ослабѣвшей вѣрѣ. Въ душѣ его опять подымается бунтъ уже не противъ эвдемонистическаго земного царства человѣкобога, а противъ всей природы, противъ всего міра, даже противъ его силы, славы и истины. Лучшее остаться съ Христомъ, чѣмъ съ истиной», если Христосъ не признается міромъ за истину,

---

*) Курсивъ мой.

**) III т. „Идіотъ“ 243—244 стр.

если онъ не пріобрѣтетъ ни славы во второмъ пришествіи своемъ, ни силы въ Богѣ-творцѣ, то пусть все—же Христосъ, какъ высшее нравственное добро, живетъ въ сердцѣ, вопреки истинѣ, силѣ и славѣ.

Ту же мысль, которая выражается въ Рогожинской картинѣ, излагаетъ въ обычной лаконически-рубленой рѣчи Кириловъ передъ самоубійствомъ Верховенскому въ «Бѣсахъ».

«Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: «будешь сегодня со мною въ раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ Ему такого-же, и никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *этого*, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то-стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты ложь и діаволовъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ?» *).

Въ Христа, какъ Бога добра, здѣсь по прежнему вѣритъ Достоевскій, чарующее обаяніе, нравственное величіе Христа испытываетъ даже нигилистъ Кириловъ, жертва идеи человѣкобога, но зато явственно слышится здѣсь сомнѣніе въ его божественности, Божескомъ всемогуществѣ, меркнетъ вѣра въ воскресеніе.

Столь же мучительное сомнѣніе посѣщаетъ даже Алешу Карамазова. Когда умеръ его старецъ и отъ тѣла его пошелъ «тлетворный духъ», дрогнула вѣра Алеши и глубокія, невысказанныя тяжелыя сомнѣнія посѣтили душу его. Слишкомъ реальная смерть старца вызвала въ душѣ Алеши, тѣ-же мучительныя томленія, которыя родятся, по словамъ Ипполита, подъ впечатлѣніемъ слишкомъ реальной картины Спасителя, только что снятаго съ креста. Старецъ Зосима для Алеши былъ отчасти тѣмъ-же, чѣмъ Христосъ для князя Мышкина и самого Достоевскаго. Настроеніе мучительнаго невѣрія, несмотря на страстное желаніе вѣрить, сомнѣнія во всемогуществѣ и воскресеніи, одинъ изъ основныхъ и глубочайшихъ мотивовъ религіозныхъ исканій Достоевскаго. Но все-же въ настроеніи этомъ было для него такъ много своего, индивидуальнаго, необъятно большого и важнаго, ему самому часто непонятнаго и неяснаго, что оно не можетъ быть вполнѣ ясно, опредѣленно. Въ главѣ «Такая минута», разсказывая о

---

*) IV т. „Бѣсы“ стр. 332.

минутѣ испытаній Алеши, Достоевскій несомнѣнно вложилъ здѣсь много своего задушевнаго, глубоко выстраданнаго. Но и въ настроеніи Алеши, въ минуту эту, для Достоевскаго оставалось много непонятнаго. «Признаюсь откровенно,—говоритъ онъ,—что самому мнѣ очень было бы трудно теперь передать ясно точный смыслъ этой страстной и неопредѣленной минуты въ жизни столь излюбленнаго мною и столь еще юнаго героя моего разсказа» *). «Лицо возлюбленнаго старца его» стояло передъ Алешей, какъ «идеалъ безспорный» и «сердце жестоко и болѣзненно было поражено» несправедливостью къ нему. «Тотъ, который долженъ былъ, по упованіямъ его, быть вознесенъ превыше всѣхъ въ цѣломъ мірѣ,—тотъ самый, вмѣсто славы ему подобавшей, вдругъ низверженъ и опозоренъ! За что? Кто судилъ?» **). Онъ вспоминаетъ бунтъ брата,—и собственный, еще болѣе страшный бунтъ, потому что въ кротости ангеловъ зачатый, подымается въ собственной душѣ Алеши: «Бога своего онъ любилъ и вѣровалъ въ него незыблемо, хотя и возроптал—было на него внезапно. Но все же какое-то смутное, но мучительное и злое впечатлѣніе отъ припоминанія вчерашняго разговора съ братомъ Иваномъ вдругъ теперь снова зашевелилось въ душѣ его и все болѣе и болѣе просилось выйти наверхъ ея» ***). На циническія приставанія Ракитина, Алеша отвѣчаетъ съ кривой усмѣшкой: «Я, противъ Бога моего не бунтуюсь, я только міра Его не принимаю...» Пошлая и злая дѣйствительность, въ лицѣ злобствующаго Ѳерапонта и резонерствующаго Ракитина, вторглась въ безмятежный міръ Алешиной вѣры, всколыхнула ясную гладь его души, насмѣялась надъ безсиліемъ его Бога. Вѣроятно, то же сомнѣніе, и въ самомъ себѣ и въ другихъ, заставляло самого Достоевскаго съ ранней юности мучительно оскорбляться, даже въ лицѣ мѣняться при недостаточно почтительномъ отношеніи къ имени Христа. Сила воздѣйствія такихъ словъ на Достоевскаго исходила изъ общаго угнетающаго его вѣру въ Богочеловѣка реалистическаго признанія власти дѣйствительности. При свѣтѣ блѣднаго дня, съ его трезвыми будничными впечатлѣніями, Достоевскій не забывалъ обаянія религіознаго экстаза, посѣщавшаго при возбуждающемъ и зовущемъ свѣтѣ ярко горящей лампы, но онъ чувствовалъ безсиліе очаровательныхъ, вызванныхъ ночной работой, грезъ надъ холоднымъ утромъ и болѣзненно раздражался безцвѣтной холодностью, обыденностью и безсодержательностью этого утра. Достоевскій съ тоской и болью осязалъ минутами безсиліе своего Христа въ мірѣ царящаго кругомъ зла, чувствовалъ неприложимость своего идеала Богочеловѣка

*) VI т. „Братья Карамазовы“, стр. 231.
**) Тамъ же, стр. 232.
***) Тамъ же, стр. 219.

въ мірѣ исторической дѣйствительности и невольно искалъ для него простора и опоры въ «касаніи мірамъ инымъ». «Многое на землѣ, говоритъ старецъ Зосима, отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того даровано намъ тайное сокровенное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высшимъ, да и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ мірахъ иныхъ. Вотъ почему и говорятъ философы, что сущности вещей нельзя постичь на землѣ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и взростилъ садъ свой и взошло все, что могло взойти, но взрощенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ; если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и возвращенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее. Мыслю такъ» *). Въ холодномъ мірѣ дѣйствительности съ ея «темной, наглой, безсмысленно-вѣчной силой, которой все подчинено», ввиду «каменной стѣны» невозможности, Достоевскій не находитъ мѣста для воплощенія «пресвѣтлаго лика» своего Христа, и это отравляетъ вѣру во всесильнаго Бога и воскресеніе Христа, необходимость котораго онъ призналъ, исходя изъ нравственнаго культа личности. Но не только вѣра въ божественность Христа колеблется при видѣ господства мірового зла, колеблется и самая почва, породившая жажду этой вѣры, колеблется воздвигнутый до небесъ, высочайшій культъ человѣческой личности. Человѣческая личность для Достоевскаго высочайшая, почти божественная цѣнность, и утверждена эта цѣнность во всемъ своемъ величіи можетъ быть только религіознымъ догматомъ личнаго безсмертія въ Богѣ. Безъ этого въ актѣ нравственнаго принятія міра живой, близкій человѣкъ отдается за земное царство абстрактнаго, дальняго человѣка, грядущая гармонія человѣкобога покупается неоплатной цѣной безвинныхъ страданій дѣтей, не говоря уже объ общей массѣ страданій человѣческихъ. Для того, чтобы отстоять святыню человѣческой личности въ каждомъ живомъ, индивидуальномъ «я», Достоевскому нужно было личное безсмертіе души и бытіе всемогущаго Бога. Безъ этого допущенія личность не можетъ быть поднята въ нашемъ представленіи на принадлежащую ей идеальную нравственную высоту. Богъ и безсмертіе только моральные постулаты апологіи личности, апологіи, доведенной до своего крайняго предѣла, до своей истинной высоты.

Личность, безвинно погибшая въ страданіи и униженіи въ индивидуальности своей, можетъ быть возстановлена въ человѣческихъ правахъ только Богомъ въ безсмертіи. Раскольниковъ въ безнадеж-

---

*) Т. VI „Братья Карамазовы", стр. 219.

номъ спокойствіи рисуетъ передъ Соней возможныя перспективы мрачнаго будущаго, безжалостно говоритъ ей, что и Полечку, сестру ея, ждетъ та же дорога.

«Съ Полечкой, навѣрное, то же самое будетъ,—сказалъ онъ вдругъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Не можетъ быть, нѣтъ!—какъ отчаянная, громко воскликнула Соня, какъ будто ее вдругъ ножомъ ранили. Богъ, Богъ такого ужаса не допуститъ!..

— Другихъ допускаетъ же.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ее Богъ защититъ, Богъ!.. повторяла она, не помня себя» *).

. Другого отвѣта нѣтъ на грозящее униженіе индивидуальной личности въ Полечкѣ, безсмертіе можетъ только, если не сдѣлать бывшее— не бывшимъ, то исправить свершившееся, утѣшить индивидуальную обиду, оправдать ее. Въ Богочеловѣчествѣ, только въ Божьемъ всемогуществѣ и личномъ безсмертіи можетъ быть возстановлена личность каждаго живого человѣческаго «я», безъ Бога же некому защитить ее.

Только Богъ и можетъ все понять и все простить. Только Онъ во всемогуществѣ своемъ можетъ дать нравственный смыслъ жизни, примирить съ міромъ. У Него только можетъ искать прибѣжища смятая и скомканная безжалостной дѣйствительностью личность. Къ Нему обращаетъ свою молитву Мармеладовъ: «Всѣхъ разсудитъ и проститъ, и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ, и смирныхъ... И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: «Выходите, скажетъ, и вы! Выходите пьяненькіе, выходите слабенькіе, выходите соромники». И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: «Свиньи вы! Образа звѣринаго и печати его; но пріидите и вы!» И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: «Господи! Почто сихъ пріемлеши?» И скажетъ: «Потому ихъ пріемлю, разумные, что ни единый изъ сихъ самъ не считалъ себя достойнымъ сего...» И прострётъ къ намъ руци свои, и мы припадемъ... и заплачемъ, и все поймемъ! *Тогда все поймемъ*!.. и всѣ поймутъ... и Катерина Ивановна... и она пойметъ... Господи, да пріидетъ Царствіе Твое!» **).

Но «если Христосъ не воскресъ, суетна наша вѣра». Достоевскій много и напряженно думаетъ объ этомъ Воскресеніи. Въ Христа, какъ Бога добра, онъ вѣруетъ свободно и непринужденно; для того же, чтобы увѣровать въ Бога силы и славы ему приходится часто употреблять *насиліе надъ собой*, слѣды котораго живо сохранились въ его писаніяхъ.

Нравственная высота, не облеченная творческой мощью реальной

---

*) III т. „Преступленье и наказаніе“, стр. 175.

**) III т. „Преступленье и наказаніе“, стр. 12—13.

силы, властью и авторитетомъ міра сего, смущала Достоевскаго, онъ искалъ имъ могущественной опоры въ культѣ дѣйствительности, въ своей «почвенности»; но культъ этотъ посягаетъ, въ концѣ концовъ на ту самую личность, на тотъ «пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка», на то, что служило высшимъ вдохновеніемъ Достоевскаго, онъ подчиняетъ свою святыню «почвѣ», а въ «почвѣ этой, хотя и «родной», и «русской» много, слишкомъ много совсѣмъ не божественныхъ элементовъ.

Глава четвертая

Исповѣданіе Бога добра, какъ источникъ исканія Бога силы и славы.—Синтезъ Бога—добра и Бога—силы въ обожествленной почвѣ.—Попытка добыть Бога соединеніями почвы съ различными элементами.

Чувствуя настоятельную моральную необходимость увѣровать въ Бога и признавать личное безсмертіе, Достоевскій пытливо заглядывалъ въ глубины собственной души и то, что находилъ онъ тамъ, было скорѣе только жгучее желаніе вѣрить, чѣмъ дѣйствительная способность вѣрить, скорѣе вѣра въ вѣру, въ ея спасающую силу, чѣмъ самая вѣра. Исканіе вѣры, страстное желаніе имѣть ее очень часто принималось за самую вѣру, и не только самимъ Достоевскимъ принималось, но и читателями его. Только потому, что Достоевскій обладалъ не столько вѣрой, сколько сознаніемъ настоятельной необходимости вѣрить, онъ считалъ нужнымъ доказывать безсмертіе души *). Этимъ онъ косвенно еще болѣе подтверждалъ тѣ тревожныя сомнѣнія, которыя явственно слышатся въ религіозныхъ бесѣдахъ дѣйствующихъ лицъ его романовъ. Истиннаго блаженства вѣры не знаютъ здѣсь не только отрицатели и бунтовщики, но и любимцы автора, носители его взглядовъ и симпатій.

Страстныя картины лика міра сего, погрязающаго во злѣ и грѣхѣ, постоянно искушали душу впечатлительнаго художника. Горячо исповѣдуя своего Христа, искренно желая лучше остаться «съ нимъ, чѣмъ съ истиной», Достоевскій все-же не могъ освободиться отъ власти истины; могучая дѣйствительность «темная, наглая и безсмысленно—

---

*) См. Дневникъ писателя 498—499.

Безыскуственная вѣра представлялася чѣмъ то далекимъ и недоступнымъ. Ею въ полнотѣ обладаютъ совершенныя человѣческія существа, которыхъ „смѣшной человѣкъ“ Достоевскаго видитъ во снѣ (см. „Сонъ смѣшного человѣка“, „Дневникъ писателя“ апрѣль 1877 года) „они почти не понимали меня, когда я спрашивалъ ихъ про вѣчную жизнь, но видимо были въ ней до того убѣждены безотчетно, что это не составляло для нихъ вопроса“ (стр. 587).

вѣчная сила, которой все подчинено», этотъ «дьяволовъ водевиль» дѣйствовали на него неотразимо.

„Смерть и время царятъ на землѣ“.

Достоевскій, какъ первоклассный художникъ, съ болѣзненно-геніальной впечатлительностью, схватывающій «всѣ впечатлѣнія бытія», сильно чувствовалъ ихъ владычество. Они мучили и истязали его, искажали и умаляли въ глазахъ его величіе человѣческой личности, уничтожали ея божественную неприкосновенность и нравственную цѣнность. Смерть и властная сила времени родятъ сомнѣнія во всеобщемъ воскресеніи и, чтобы укрѣпить слабѣющую, порой совсѣмъ уходящую вѣру, Достоевскій ищетъ реальнаго воплощенія ея въ мирѣ дѣйствительности, въ фактахъ міра сего. Здѣсь Достоевскій уже окончательно отдается искушенію видимаго господства зла, владычества смерти и времени, отдается всѣмъ тремъ искушеніямъ «чуда, тайны и авторитета», изъ которыхъ вышелъ побѣдителемъ его Христосъ. Много думалъ о нихъ Достоевскій, много страдалъ и болѣлъ ими, и думы свои, свои страданія и болѣнія ярко и окончательно запечатлѣлъ въ поэтической легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ, гдѣ Христосъ одержалъ побѣду, трижды искушенный въ пустынѣ діаволомъ, въ легендѣ же—старикомъ инквизиторомъ.

Въ своемъ стремленіи реально воплотить своего Бога въ существующемъ мірѣ, въ своемъ неизмѣнномъ желаніи видѣть своего Христа облеченнымъ Божескимъ всемогуществомъ, сошедшимъ со креста и спасающимъ себя и насъ, Достоевскій, самъ того не вѣдая, не устоялъ противъ соблазна обожествить реальный міръ существующей дѣйствительности, поклонился его могучей силѣ, какъ своему Богу, не замѣчая, что передъ нимъ только идолъ...

Здѣсь страстная религіозность Достоевскаго замѣняется почвенностью. Ища вѣры въ Бога, онъ приходитъ къ вѣрѣ въ почву родную, въ Россію, въ православіе... Искусившись безсиліемъ Христа и мучаясь сомнѣніями о Богѣ, онъ увѣровалъ въ русскую дѣйствительность, въ существующій порядокъ вещей, искренно, но идолопоклоннически исповѣдуя, что здѣсь почилъ истинный Богъ.

Горячую, глубоко искреннюю преданность Христу и не менѣе искреннюю, но маловѣрную мучительную тревогу о Богѣ, онъ утолилъ «Русскимъ Христомъ» и «Русскимъ Богомъ», искренно полагая, что нашелъ именно то, что искалъ.

Въ «Идіотѣ» устами самого Идіота устанавливается непрерывная связь между принадлежностью къ почвѣ и вѣрою въ Бога:—«Кто почвы подъ собой не имѣетъ, тотъ и Бога не имѣетъ.—Это не мое выраженіе. Это выраженіе одного купца изъ старообрядцевъ, съ которымъ я встрѣтился, когда ѣздилъ. Онъ, правда, не такъ выразился, онъ сказалъ: «Кто отъ родной земли отказался, тотъ и отъ Бога своего

отказался». Вѣдь подумать только, что у насъ образованнѣйшіе люди въ хлыстовщину пускались... Да и чѣмъ, впрочемъ, въ такомъ случаѣ, хлыстовщина хуже, чѣмъ нигилизмъ, іезуитизмъ, атеизмъ? Даже, можетъ, и поглубже еще! Но вотъ, до чего доходила тоска!.. Откройте жаждующимъ и воспаленнымъ Колумбовымъ спутникамъ берегъ «Новаго Свѣта», откройте русскому человѣку русскій «Свѣтъ», дайте отыскать ему это золото, это сокровище, скрытое отъ него въ землѣ! Покажите ему въ будущемъ обновленіе всего человѣчества и воскресеніе его, можетъ быть, одною только русскою мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ, и увидите, какой исполинъ могучій и правдивый, мудрый и кроткій, выраститъ предъ изумленнымъ міромъ» *). Если отвергающіе почву, лишаются и Бога, то принимающіе ее пріобрѣтаютъ съ ней страстно-желаемую ими вѣру. Радостное успокоеніе въ пріобщеніи къ родной почвѣ, открывающей «обновленіе человѣчества и воскресеніе его одною только русской мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ», находитъ тотъ самый князь Мышкинъ, который искушается въ своей вѣрѣ при видѣ слишкомъ реальнаго изображенія смерти Богочеловѣка на картинѣ у Рогожина. Пугающая дѣйствительность, которая въ картинѣ только что снятаго со креста Спасителя способна уничтожить вѣру у Мышкина и Рогожина, здѣсь въ видѣ родной почвы привѣтливо манитъ къ себѣ, обѣщая радостное успокоеніе отъ тревожныхъ исканій, исцѣленіе долгихъ болѣній за Христа, за обидное безсиліе добра въ мірѣ, обѣщаетъ даже вѣру въ Бога и воскресеніе... Оставленный, скорбный, страдающій Христосъ, возбуждающій видомъ своимъ сомнѣніе въ божественности своего происхожденія, становится сильнымъ и торжествующимъ «русскимъ Богомъ и Христомъ». Распятый страдалецъ сходитъ съ креста и встаетъ передъ міромъ, какъ могучій исполинъ, грозный и славный... И все это отъ одного чудодѣйственнаго прикосновенія къ почвѣ, къ землѣ родной.

Въ свѣтской бесѣдѣ Ев. Пав. Радомскій, играя мыслью и немного подсмѣиваясь надъ идіотомъ, говоритъ—«что русскій либерализмъ не есть нападеніе на *существующій порядокъ вещей* **), а есть нападеніе на самую сущность нашихъ вещей, на самыя вещи, а не на одинъ только порядокъ, не на *русскій порядокъ* **), а *на самую Россію* ** [1]). Князь Мышкинъ охотно принимаетъ эту идею, онъ находитъ здѣсь откликъ на свои интимныя мысли объ уравненіи между признаніемъ родной земли и вѣрой въ Бога, между почвой и Богомъ.

Въ «Бѣсахъ» уравненіе это еще дальше и смѣлѣе развивается

---

*) Т. III, „Идіотъ", стр. 325.
**) Курсивъ мой.
[1]) Т. III, „Идіотъ", стр. 198—199.

также отъ лица любимаго героя автора. Шатовъ въ изступленной бесѣдѣ съ Николаемъ Ставрогинымъ, излагаетъ Ставрогину сказанныя имъ когда то, по опредѣленію Шатова «огромныя слова».

«Цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ, во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ Него, какъ въ единаго истиннаго. Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Никогда еще не было, чтобы у всѣхъ или у многихъ народовъ былъ одинъ общій Богъ, но всегда и у каждаго былъ особый. Признакъ уничтоженія народностей, когда боги начинаютъ становиться общими. Когда боги становятся общими, то умираютъ боги и вѣра въ нихъ вмѣстѣ съ самими народами. Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ особливѣе его богъ» *)... Когда Ставрогинъ замѣчаетъ ему, что Богъ низводится имъ здѣсь до простого аттрибута народности, Шатовъ возражаетъ **):—«Напротивъ, народъ возношу до Бога. Да и было-ли когда-нибудь иначе? Народъ—это тѣло Божіе. Всякій народъ до тѣхъ поръ и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безо всякаго примиренія; пока вѣруетъ въ то, что своимъ богомъ побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ»... «но истина одна. а, стало быть, только единый изъ народовъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя бы остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и

*) IV т., „Бѣсы", стр. 136.

**) Вл. Соловьевъ совершенно неосновательно усмотрѣлъ въ „Бѣсахъ" „рѣзкую насмѣшку" надъ тѣми людьми, которые поклоняются народу только за то, что онъ народъ, и цѣнятъ православіе лишь какъ аттрибутъ русской народности" (Соч. т. III, стр. 180). Достоевскій самъ поклонялся народу въ значительной мѣрѣ за то, что онъ народъ", хотя временами и сознавалъ всю слѣпоту такого рода поклоненія, чувствовалъ, что оно ведетъ къ полному уничтоженію интеллигентской правды, къ самоуничтоженію поклоняющейся народу интеллигенціи, поэтому старался смягчить и умѣрить эту свою точку зрѣнія (на что указываютъ въ „Дневникѣ писателя" сл. стр. 289—90, 336, 343, а на стр. 521 опять колебанія, опять самая острая форма интеллигентскаго самоуниженія. „Я прямо полагаю, что намъ вовсе и нечему учить такой народъ". Оказывается опять нечего сообщить, своихъ драгоцѣнностей, своихъ святынь у интеллигенціи не признается вовсе). Что-же касается низведенія православія на степень простого аттрибута русской народности, то объ этомъ, кромѣ рѣчей Шатова (въ уста которому вовсе не для осмѣянія авторъ вложилъ свои завѣтныя мысли), совершенно уже не двусмысленно и съ точностью, не допускающей никакихъ перетолкованій, свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ мѣстъ въ „Дневникѣ писателя". „Православіе" для Достоевскаго не аттрибутъ вѣры въ Бога, а аттрибутъ вѣры въ народъ русскій, а народъ русскій прежде всего цѣнится имъ какъ „тѣло Божіе". Въ этомъ заколдованномъ кругѣ Достоевскій пытается укрѣпить свою колеблющуюся вѣру въ Бога, заглушить страшный шопотъ своихъ сомнѣній.

великихъ боговъ. Единый народъ «богоносецъ» — это русскій народъ» *).

Къ этому можно было бы указать цѣлый рядъ параллельныхъ мѣстъ изъ «Дневника писателя». Наконецъ, тѣ-же мысли, даже тѣ-же слова мы встрѣчаемъ уже и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», въ устахъ старца Зосима. «Берегите же народъ и оберегайте сердца его. Въ тишинѣ воспитайте его. Вотъ вашъ иноческій подвигъ, ибо сей народъ богоносецъ» **). «Кто не вѣритъ въ Бога, тотъ и въ народъ Божій не повѣритъ, кто же увѣровалъ въ народъ Божій, тотъ узритъ и святыню Его, *хотя бы и самъ не вѣрилъ въ нее до того вовсе»* ***).

Не чувствуя въ себѣ силъ унять свои сомнѣнія непосредственной безъискусственной вѣрой, Достоевскій пытается добыть ее косвеннымъ путемъ. Зарывая съ этой цѣлью свою неутомленную жажду увѣровать въ Бога, въ неопредѣленную, рыхлую «почву», состоящую изъ неоформленныхъ понятій, онъ думаетъ взростить такимъ путемъ настоящую живую вѣру. Онъ перепробовалъ всевозможныя соединенія, чтобы получить необходимый для него элементъ. Но, оказывается, искомый элементъ этотъ—простой, никакимъ искусственнымъ соединеніемъ не воспроизводимый, а если и возможно его получить лабораторнымъ путемъ, то Достоевскій, во всякомъ случаѣ, не отыскалъ необходимой формулы соединенія. Его опыты въ этомъ отношеніи больше всего напоминаютъ собой неугомонное стремленіе древнихъ алхимиковъ и современныхъ ученыхъ химиковъ найти способъ искусственнаго приготовленія золота... И чего только не перепробовалъ Достоевскій для отысканія своего золота.

Въ Идіотѣ представленіе «русскихъ порядковъ» онъ передѣлываетъ въ «самую Россію», изъ Россіи «родной земли» и «почвы» приготовляетъ «русскій свѣтъ» «Русскаго Бога и Христа», «русскою мыслью» добываетъ «воскресеніе всего человѣчества». Въ «Бѣсахъ» соединяя и просто механически смѣшивая понятія націи и народа ****), изъ идеи народности вытягиваетъ идею Бога. «Богъ есть синтетическая личность всего народа». «Народъ это тѣло Божіе», «единственный народъ «богоносецъ»—это русскій народъ». Черезъ вѣру въ народъ русскій, тоже въ смыслѣ очень рыхломъ и расплывчатомъ Достоевскій добываетъ вѣру «въ Россію», въ «ея православіе», въ «тѣло Христово», въ то, что «новое пришествіе совершится въ Россіи». Здѣсь еще

---

*) Тамъ-же.

**) VI т. „Братья Карамазовы“ 215.

***) Тамъ-же 201. Курсивъ мой.

****) На что своевременно указалъ Н. К. Михайловскій въ своей статьѣ „Отечеств. записки“ 1873 г. февраль, а также въ недавней статьѣ „Литература и Жизнь“ „Русск. Богат.“ 1902 г. № 10.

нѣтъ вѣры въ Бога, но овладѣть ею теперь кажется уже очень легко. Принявшій все это Шатовъ говоритъ, что онъ *будетъ* вѣровать въ Бога. Путемъ длиннаго ряда этихъ превращеній понятій все съ новымъ и новымъ наростаніемъ, Достоевскій надѣялся получить то, чего такъ страстно искалъ,—блаженства истинной вѣры. Но какъ приложеніе какихъ бы то ни было большихъ конечныхъ величинъ никогда не дастъ понятіе безконечности, такъ и прибавленіе къ вѣрѣ въ «родную землю» еще новыхъ вѣръ въ Россію, въ народъ, въ православіе, въ тѣло Христово не можетъ создать настоящей вѣры... Достоевскій пытается здѣсь, какъ это не кажется страннымъ со стороны такого глубокаго ума, обойти свои сомнѣнія путемъ софистическихъ ухищреній, подмѣны понятій, даже просто игры словами. Допустивъ Бога въ условномъ и переносномъ смыслѣ, (какъ синтетическую личность всего народа, какъ почву родную), Достоевскій думаетъ, что ему легче будетъ тогда увѣровать въ Него въ настоящемъ смыслѣ. Сначала только гипнотизируется сознаніе неясными словами «народъ-богоносецъ», «тѣло Божіе» и «тѣло Христово», «русскій Богъ и русскій Христосъ», а потомъ уже осваивается съ Богомъ въ собственномъ смыслѣ. Легче, когда не сразу, рѣшимости больше и меньше самоубѣжденій, и насилій надъ собой... Только страстной жаждой вѣры и можно объяснить, что Достоевскій, при всей геніальной проницательности своей, не замѣчалъ наивности и шероховатости постояннаго преобразованія формулъ своей «почвенности», созидающей Бога. Онъ составлялъ свои уравненія изъ упомянутыхъ формулъ, твердо надѣясь отыскать ихъ рѣшеніемъ вѣру въ Бога. Но величины, вводимыя въ уравненіе, оказывались слишкомъ неопредѣленными, искомое въ отношеніи ихъ оказывалось вовсе неопредѣлимымъ. Уравненія: Россія — православіе — тѣло Христово, народъ— тѣло Божіе, родная земля—русскій Богъ и русскій Христосъ и т. д. выражаясь примѣнительно къ грубой и мало остроумной аналогіи Ставрогина, только Ноздревская претензія поймать зайца за хвостъ, или похлебка изъ зайца безъ зайца.

Подобно Ивану Карамазову, который «жизнь полюбилъ больше, чѣмъ смыслъ ея», Достоевскій хотѣлъ реальнаго воплощенія Бога, больше, чѣмъ самого Бога; тѣла Христа, прежде чѣмъ самого Христа; православія, прежде чѣмъ вѣры въ Бога; конечно, такое исповѣдываніе Бога легко переходитъ въ идолопоклонничество, на мѣсто истиннаго Бога становится идолъ...

Въ «Зимнихъ запискахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», сообщая свои впечатлѣнія о всемірной Лондонской выставкѣ 1863 г., Достоевскій писалъ, въ главѣ носящей названіе «Ваалъ». «много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобы не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, т.-е. не

признать существующаго за свой идеалъ» *). Въ своемъ ученіи о Богѣ—почвѣ, о русскомъ Христѣ, воплотившемся въ существующемъ русскомъ порядкѣ вещей, въ народѣ—націи, возвышающемся до уровня Бога, Достоевскій самъ сдѣлался жертвой этого, въ самомъ дѣлѣ, властного влеченія. Не достало «вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, трудно стало оставаться съ одной только моральной правдой, съ «Христомъ, а не съ истиной», не съ дѣйствительностью, не съ силой существующаго порядка вещей. Слишкомъ могуча дѣйствительность, слишкомъ заманчивъ Богъ силы, чтобы «не поддаться ему», «не поклониться факту». Но еще сильнѣе жажда вѣры въ Божественное всемогущество, какъ рѣшающая инстанція нравственныхъ болѣній, приводящихъ къ бунту. Объ особенномъ характерѣ религіозной вѣры Достоевскаго, коренящейся въ почвѣ «русскихъ порядкахъ», Н. К. Михайловскій, въ послѣдней своей статьѣ о Достоевскомъ, остроумно писалъ: «Какъ Антей въ борьбѣ съ Геркулесомъ получалъ силу, только касаясь ногами своей матери-земли, и терялъ ее, будучи поднятъ на воздухъ, такъ Достоевскій получалъ свою вѣру, только когда Богъ становился для него «синтетическою личностью націи», а въ отвлеченномъ отъ «русскихъ порядковъ» видѣ онъ лишь «мучилъ» его» **).

Не видя Бога въ дѣйствительности, Достоевскій дѣйствительность принялъ за Бога, не находя въ мірѣ правды Божіей, онъ правду міра обожествилъ, не находя идеала въ существующемъ, призналъ существующее за свой идеалъ... Изъ современной ему Россіи, съ господствующимъ въ ней порядкомъ вещей, Достоевскій сотворилъ себѣ кумиръ (въ видѣ божественной почвы). Высочайшій идеалистъ, религіозный человѣкъ, страстно ищущій святынь, поклонился русской дѣйствительности, какъ кумиру и идолу. И дѣлаетъ это онъ «изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу» ***), какъ характеризуетъ онъ самъ, устами Идіота, страстную жажду вѣры атеистовъ. Отсюда-же вытекала и почвенность Достоевскаго, это было порожденіе тоски духовной, тоски по крѣпкому берегу, это была усталость хотѣть вѣрить въ Бога, усталость болѣть за оставленнаго міромъ распятаго Бога добра неутоленная тоска по поруганному и униженному жестокостью дѣйствительной жизни образу человѣческому, скорбь за живое «человѣческое «я», безусловное въ возможности и ничтожное въ дѣйствительности», какъ говорилъ Вл. Соловьевъ. Въ «русскомъ Богѣ», почившемъ въ глубинахъ родной почвы, Достоевскій находитъ для себя нѣкоторый

*) II „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ", 52.
**) „Русское Богатство", 1902 г., № 10. „Литература и жизнь", стр. 168.
***) IV т. „Идіотъ", стр. 325.

отдыхъ и освобожденіе отъ всю жизнь мучившаго его Бога. Христа своего онъ дѣлаетъ то-же русскимъ. «Окончательная сущность русскаго призванія состоитъ въ разоблаченіи предъ міромъ русскаго Христа, міру невѣдомаго», «начало его заключается въ нашемъ родномъ православіи», пишетъ онъ въ письмѣ къ Страхову *). Русскій Христосъ ближе къ міру, мягче принимается дѣйствительностью. Въ этомъ обрусѣніи—Онъ пріобрѣтаетъ свою силу, дѣлается творчески мощнымъ Богомъ силы и славы, а не Богомъ добра только, съ неба сходитъ на землю.

Въ преклоненіи предъ богомъ почвы Достоевскій подчиняетъ человѣка уже не «муравейнику» только, за что онъ обвиняетъ соціалистовъ, не «всеобщей сытости», не «соціалистическому іерусалиму», не «хрустальному дворцу», а развѣ вотъ «курятнику», въ которомъ. какъ смѣялся герой «записокъ изъ подполья», можно только что отъ дождя укрыться. Окружающая его русская дѣйствительность обожествленной имъ «почвы», несомнѣнно, еще менѣе способна отвѣтить на нравственные запросы о неотмщенныхъ дѣтскихъ страданіяхъ, неутоленныхъ индивидуальныхъ обидахъ, чѣмъ инкриминируемый имъ атеизмъ, эвдемонизмъ, соціализмъ, мечтающій о земномъ царствѣ человѣкобога и даже менѣе, чѣмъ «католицизмъ». Почва, отъ которой непозволительно отказываться подъ страхомъ потерять Бога, оказывалась порою настоящимъ дракономъ, пожирающимъ невинныхъ людей. Между тѣмъ какъ соціализмъ повиненъ только въ томъ, что принимаетъ «историческое зданіе, въ фундаментѣ и стѣнахъ котораго заложены кости невинныхъ страдальцевъ; обиды и униженія ихъ человѣческой личности невозможно, конечно, окупить цѣною грядущаго царства счастливаго человѣчества, никакой высшей гармоніей этихъ «послѣднихъ людей»... Но, если изъ-за любви къ человѣчеству позволительно отвергнуть грядущій моментъ высшей гармоніи, то еще болѣе, казалось бы, это позволительно въ отношеніи почвы. Страшныя чудовища обитаютъ въ расщелинахъ той почвы, въ которой Достоевскій ищетъ своего Бога... Больно, обидно становится, когда такіе люди, какъ Достоевскій, прячутъ въ берлогахъ ихъ свои завѣтныя святыни.

Въ синтезѣ Бога и «почвы» Достоевскій далъ религіозную санкцію своему поклоненію дѣйствительности, нравственное оправданіе необходимости.

Абсолютная нравственная цѣнность, воплощенная въ Христѣ страдающемъ, отвергнутомъ, въ Христѣ, непринятомъ міромъ, и могучая сила самаго этого міра, который, по апостолу Іоанну, «весь во злѣ лежитъ», синтетически сочетается Достоевскимъ при помощи обожествленія русской дѣйствительности въ русскомъ Богѣ и русскомъ

*) Біографія, письма и т. д., стр. 270.

Христѣ. То, что мучило Достоевскаго до кошмаровъ, до атеизма въ образѣ безсильнаго Христа, слишкомъ реально изображеннаго мертвымъ на картинѣ Ганса Гольбейна, то неотмщенное страданіе безвинныхъ дѣтей, тѣ невозстановимо попранныя права живой человѣческой личности, о которыхъ дѣлаетъ запросъ Иванъ Карамазовъ, наконецъ, тотъ Богъ, который всю жизнь мучилъ Достоевскаго, увѣровать въ котораго онъ такъ напряженно, такъ жадно стремился—все это здѣсь разрѣшается въ слѣпомъ, но властномъ культѣ божественной почвенности. И искушающая смерть Христа, и попраніе индивидуальности въ виду благъ послѣднихъ людей, и необходимые, но не дающіеся вѣрѣ догматы Бога и безсмертія, все здѣсь достигается какъ-то само собою, всѣ противорѣчія, дотолѣ неразрѣшимыя до мученія, здѣсь сами собой снимаются легко, безъ усилій.

Бездны сомнѣнія и отрицанія, глубина проникновенія въ жизнь, неутолимая жажда разрѣшить мучительные вопросы совѣсти, мука за человѣка, святая боль религіозной жажды—все это сводилось порою въ моменты крайняго увлеченія идеей почвы къ простому культу русской дѣйствительности, къ синтезу идеала и дѣйствительности въ идеѣ необходимости, къ оправданію и обожествленію всего существующаго, къ примиренію со всякимъ порядкомъ вещей, поскольку онъ коренится въ почвѣ.

Высота религіозно-нравственнаго полета въ ученіи Достоевскаго, этотъ яркій зовущій свѣтъ окутывается удушливымъ мракомъ постороннихъ внѣшнихъ наслоеній въ низинахъ соціально-политическихъ элементовъ его ученія.

Волжскій.

ПРОѢЗДОМЪ.

Инженеръ Приваловъ стоялъ у раскрытаго окна и смотрѣлъ въ темный садъ. На высокихъ кустахъ передъ окнами пушились крупныя гроздья сирени. Приваловъ наклонялся, перебиралъ рукою чуть влажныя листья, и глубоко и долго вдыхалъ молодой нѣжный запахъ. За клумбами, разбитыми передъ террассой, нѣсколько деревьевъ стояли въ цвѣту и робко, смутно бѣлѣли во мглѣ, словно облака бѣлесоватаго тумана. Надъ далекимъ густымъ садомъ поднимались высоко черныя важныя фигуры тополей. Листья вздрагивали съ ласковымъ шорохомъ. Гдѣ то въ глубинѣ сада должно быть первый соловей застѣнчиво и неловко пробовалъ свой голосъ.

Было темно, тихо и тепло.

Приваловъ стоялъ въ большомъ залѣ съ старинной мебелью, портретами, цвѣтами и длиннымъ старымъ роялемъ.

Онъ чувствовалъ предметы, наполнявшіе залъ, не видя ихъ въ темнотѣ, чувствовалъ ихъ милую интимную теплоту, въ которой растворялись его усталость, напряженность и тревога.

Изъ смежной комнаты, въ полуоткрытую дверь, шелъ слабый свѣтъ и лежалъ на полу блѣднымъ неподвижнымъ косоугольникомъ.

Хозяева усадьбы, старики Сонины, уже спали, а молодежь— Андрей Сонинъ, его жена и сестра, Леля, были въ клубѣ.

Также было и въ послѣдній пріѣздъ Привалова въ Прутенскъ, два года тому назадъ. Старики въ одиннадцать часовъ вечера уже спали, молодежь была въ клубѣ.

Какъ и два года назадъ, тарантасъ, привезшій Привалова со станціи, уныло подпрыгивалъ по безлюднымъ улицамъ уѣзднаго городка, на усталое позвякиваніе бубенцовъ у воротъ почтмейстерскаго дома поднялась та же рыжая лохматая собака, лѣниво, видимости ради, полаяла и опять легла. А на соборной площади тотъ-же старый сгорбленный сторожъ безъ всякаго увлеченія билъ въ доску и чихалъ отъ пыли. И въ усадьбѣ Сониныхъ та же прислуга съ тѣми же поклонами и привѣтствіями встрѣтила Привалова. Ничто не измѣнилось.

Но два года назадъ изъ клуба, помѣщавшагося въ земскомъ домѣ рядомъ съ усадьбой Сониныхъ, неслась музыка. Игралъ оркестръ «добровольцевъ», какъ говорили въ Прутенскѣ, подобранный изъ учениковъ городскаго училища и ремесленниковъ и подученный любителемъ музыки, членомъ земской управы. Играли вальсы, шаконы, па-де-катръ и Приваловъ, закуривая одну папиросу за другой, слушалъ музыку и представлялъ себѣ, какъ танцуетъ прутенская и окрестная помѣщичья молодежь, какъ танцуетъ Леля Сонина, Андрей, его жена... Съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнилъ Прутенскъ, онъ помнилъ его танцующимъ. Гдѣ-то далеко происходили войны, землетрясенія, возстанія, люди боролись, погибали, воскресали для новой борьбы и новой гибели— Прутенскъ неутомимо танцовалъ, словно исполняя предназначеніе, указанное ему провидѣніемъ.

Въ этотъ вечеръ оркестра не слышно было. И Приваловъ подумалъ, что, вѣроятно, танцуютъ подъ рояль, потому что иначе какъ въ танцующихъ позахъ и съ ритмично шаркающими ногами онъ обывателей Прутенска себѣ представить не могъ. Мысль, что шквалъ, повсемѣстно поднявшій уровень жизни, раньше или позже подхватитъ и такіе затерянные среди луговъ и лѣсовъ поэтичные уголки, какъ Прутенскъ, не волновала его опредѣленной возможностью. Перемѣны въ Прутенскѣ представлялись ему смутно, расплывчато. Онъ никогда даже не задумывался надъ этимъ.

Тѣ, которыхъ онъ помнилъ, зналъ здѣсь, винтили, танцовали, получали за что-то казенное жалованье, злословили и были скучные, жалкіе, будничные. Пріѣзжая сюда, онъ избѣгалъ ихъ и ему не было дѣла до нихъ... Но далеко отъ пыльныхъ и грязныхъ улицъ, сѣрыхъ домовъ и сѣрыхъ людей, раскинулся на окраинѣ городка большой, задумчивый, прекрасный садъ съ ласковой тѣнью и звенящей тишиной, и жили въ немъ чуткіе, изящные, красивые люди, любившіе его какъ роднаго. Этотъ садъ и люди, жившіе въ немъ, ихъ славные голоса, ихъ мягкія движенія, и трогательное безволіе и безпомощность обвѣяли его душу неизгладимой чувствительностью, которой онъ стыдился и совѣстился. И его тянуло сюда непреодолимо и противустоять этому зову онъ ни разу не сумѣлъ. Мысль о шквалахъ и буряхъ не вязалась съ воспоминаніями о задумчивомъ садѣ и тихихъ людяхъ.

Отъ Сониныхъ онъ давно извѣстій не получалъ, очень давно.

Въ вихрѣ событій послѣднихъ мѣсяцевъ, въ чаду тревожной и напряженной работы, ему и некогда было долго надъ этимъ задумываться. Онъ ѣхалъ въ Москву по большому и спѣшному дѣлу, но неожиданно для самого себя очутился въ Прутенскѣ. И при мысли объ этомъ, онъ быстро выпрямился и на лбу его внезапно выступилъ потъ.

— На нѣсколько часовъ...—мысленно успокоилъ онъ себя и вышелъ изъ темнаго зала въ смежную длинную столовую съ вѣнскими стульями и большимъ круглымъ столомъ, на которомъ горѣла металлическая лампа подъ зеленымъ абажуромъ.

Большая висячая лампа, съ черными бронзовыми амурами и тяжелыми подвѣсками, висѣла темной, скучной, какъ будто ненужною массой. На стѣнахъ и на потолкѣ дрожали странныя длинныя тѣни, и фигура Привалова съ каждымъ его шагомъ въ этой большой полутемной комнатѣ отражалась на стѣнахъ новыми безформенно-нелѣпыми большими пятнами.

Приваловъ подошелъ къ столу.

Рядомъ съ огромнымъ кувшиномъ молока стояла тарелка съ ломтиками чернаго хлѣба, сыръ подъ проволочной сѣткой и масло въ раскрашенномъ фарфоровомъ барашкѣ.

Приваловъ подумалъ, улыбаясь:

— Традиціонная трапеза на сонъ грядущій въ неизмѣнномъ составѣ.

И ему казалось, что это тотъ-же сыръ, и хлѣбъ, и масло въ фарфоровомъ барашкѣ, которые стояли здѣсь два года тому назадъ, точно они и не убирались со стола вмѣстѣ съ этой знакомой камчатной скатертью. И также, какъ тогда, домъ полонъ былъ теплой ласковой тишины...

На краю стола Приваловъ замѣтилъ измятый листокъ почтовой бумаги и взялъ его въ руки. На немъ написано было рукою Лели Сониной:

— «Милая Анна Петровна, извините меня, но я никакъ не могу...» — И перечеркнуто и написано на второй половинкѣ: «Дорогая Анна Петровна, очень сожалѣю, но, право, не могу...»

Приваловъ перечитывалъ перечеркнутыя строчки и думалъ, что и записка эта могла-бы быть написана два года тому назадъ. И тогда, какъ и сегодня, вѣроятно, Леля Сонина чего-то не могла, чего хотѣла и о чемъ искренно жалѣла и не дописавъ и не пославъ записку, пошла-бы въ клубъ... И сейчасъ въ клубѣ, какъ и два года тому назадъ, вѣроятно, танцуетъ па-де-катръ или вальсъ съ судебнымъ слѣдователемъ или съ земскимъ техникомъ или сидитъ въ клубномъ саду подъ липой и говоритъ о больномъ мужѣ тети Ани, о наводненіи въ Калифорніи, о скарлатинѣ въ Каролѣевкѣ... И говоритъ, какъ всегда, тепло, искренно, задушевно, глядя въ лицо собесѣднику своими свѣтлыми, чистыми глазами...

Приваловъ смялъ въ рукѣ листокъ бумаги и бросилъ его на столъ.

... И вернувшись домой, напьется душистаго молока съ вкуснымъ домашнимъ хлѣбомъ и ляжетъ спать, чтобы завтра начать вчерашній день...

*

— Бѣдная Лелечка—тихо прошепталъ Приваловъ.—Бѣдная, милая Лелечка... Милые вы всѣ, милые, бѣдные...

Онъ обвелъ глазами комнату, гдѣ каждая вещь, каждая дверь и окно, были знакомы ему, какъ свое лицо, и милы и близки и безмѣрно чужды...

Далеко, неизмѣримо-далеко откачнулся онъ отъ этой романтичной усадьбы съ тургеневскимъ садомъ и привѣтомъ и уютомъ старо-помѣщичьяго дома... Онъ подумалъ, что, быть можетъ, никогда больше не увидитъ ея... Кто знаетъ, что будетъ съ нимъ черезъ двѣ, черезъ три недѣли, черезъ нѣсколько дней...

И вспомнивъ свою поѣздку, Москву, свои дѣла, онъ опять вздрогнулъ и перемѣнился въ лицѣ.

— На нѣсколько часовъ!—мысленно опять успокоилъ онъ себя тѣми-же словами и тихими осторожными шагами вышелъ на террасу.

Онъ проводилъ руками по предметамъ, близко ему знакомымъ и тѣсно сплетавшимся съ глубоко-затаенными, никогда не выступавшими изъ тьмы души воспоминаніями... Тутъ были дѣтство и первая ласка, и первыя мечты, и радостная здоровая юность среди душевныхъ, любившихъ его людей... Камышевыя кресла, фикусы, просиженный диванъ, шахматный столикъ... Онъ ласкалъ ихъ быстрыми горячими прикосновеніями, стыдясь и совѣстясь себя...

Потомъ онъ облокотился на балюстраду и закурилъ папиросу.

Садъ былъ безмолвенъ и теменъ. Тихо вздрагивала порою вѣтка, жучокъ шуршалъ въ листвѣ... И что-то дышало ласковымъ тепломъ, незримое, молодое, прекрасное... Приваловъ, почти выросшій въ этой усадьбѣ, пріютившей его, одинокаго ребенка, едва помнилъ этотъ садъ зимою... Но онъ помнилъ его хорошо весной и лѣтомъ, когда пріѣзжалъ на каникулы вмѣстѣ съ Андреемъ Сонинымъ...

И садъ всегда рисовался ему такимъ, какимъ онъ и былъ... Задумчивымъ и тѣнистымъ, тихимъ и пахучимъ, полнымъ ласки и грезъ...

И когда онъ пріѣзжалъ сюда—въ послѣдніе годы все рѣже и рѣже—вся сложная жизнь, которой онъ жилъ далеко отъ этой прелестной усадьбы, какъ будто замыкалась въ высокія каменныя стѣны... И весь онъ, въ той другой жизни, суровый и твердый, какъ сталь, оставался за непроницаемой оградой. Здѣсь онъ былъ только «милый, славный Антоша», какъ называли его Сонины въ письмахъ. Здѣсь онъ говорилъ и слушалъ, больше слушалъ не только стариковъ, но и Лелю Сонину, и Андрея, съ которымъ вмѣстѣ учился, и его жену, какъ слушаетъ очень любящій сынъ

старыхъ отца и мать, не возражая имъ и чтобы не соглашаться и не спорить, уклоняясь отъ прямыхъ отвѣтовъ.

И ему казалось естественнымъ, что онъ говоритъ съ людьми молодыми, какъ онъ, здоровыми, образованными, талантливыми, какъ говорятъ со старыми людьми, отжившими свой вѣкъ, отъ которыхъ нельзя требовать ни усилій, ни напряженій, ничего больше того, что они могутъ дать... Они знали о немъ, что онъ строитъ мосты на окраинахъ Россіи и пишетъ какія-то экономическія статьи и такъ какъ вѣрили въ него и любили его, то эти мосты, которыхъ они не видали, представлялись имъ самыми крѣпкими и красивыми мостами въ мірѣ, и статьи, которыхъ они не читали, умнѣйшими въ мірѣ статьями...

«Милый, славный Антоша» внимательно и молча слушалъ разсказы Андрея Сонина про его читальню, которую онъ устроилъ на свои средства, про туманныя картины, про химическіе опыты. Въ саду у Сонина былъ большой павильонъ съ ретортами, колбочками и разными приборами, гдѣ онъ отыскивалъ какой-то реактивъ, котораго еще не было, и писалъ о своихъ опытахъ сообщенія въ какой-то спеціальный журналъ. У него былъ славный, задушевный голосъ. Онъ чудесно пѣлъ о любви, о счастьѣ, о молодыхъ порывахъ и свѣтлыхъ мечтахъ. И Приваловъ слушая его пѣніе, возбужденно шагалъ по дорожкамъ сада, думалъ съ волненіемъ о своемъ далекомъ дѣлѣ и далекихъ отъ усадьбы тревогахъ и людяхъ, и ему рисовалась побѣда, купленная смѣлыми подвигами, и торжество правды, съ ликованіемъ машущей людямъ бѣлоснѣжными крыльями... И сердце его билось чаще, сильнѣй, онъ ускорялъ шаги и вздрагивалъ молодою горячею дрожью... Но при видѣ Андрея, уходилъ за непроницаемую ограду и говорилъ ему искренно и благодарно: «славный, братъ, голосъ у тебя!»

У Андрея Сонина была жена, красивая, изящная и звали ее поэтичнымъ именемъ, Майя. Чуткая, какъ струна, влюбленная въ солнце, въ зелень, въ ручьи, она отлично владѣла кистью, но рисовала она по бархату и атласу и Привалову нарисовала на память переплетъ голубой атласный для его экономическихъ статей. У нихъ были прелестныя здоровыя дѣти, Туся и Вова, и весь домъ, включая и всю многочисленную прислугу, не чаялъ въ нихъ души. Привалова они звали дядей Антошей и ѣздили на его колѣняхъ въ Китай.

Единственнымъ никогда не высказывавшимся огорченіемъ, и для милыхъ привѣтливыхъ стариковъ и для всѣхъ членовъ семьи было то, что Леля замужъ не выходитъ. Она была почти ровесницей брата и Привалова, года на три моложе, но глядя на ея гибкую

тонкую фигуру никто ей не рѣшился бы дать ея тридцати лѣтъ. Она играла на рояли, на гитарѣ, участвовала въ любительскихъ спектакляхъ. И пока шли репетиціи, нервничала и волновалась и говорила, къ ужасу стариковъ, что уѣдетъ въ Москву во что-бы то ни стало и поступитъ на сцену. Но послѣ спектакля очень уставала, много спала и разговоръ о сценѣ больше не поднимался. Ей говорили, что ей надо учиться, работать, что изъ нея выйдетъ знаменитая піанистка, знаменитая актриса. И она это чувствовала и знала, что изъ нея не выйдетъ ни то, ни другое. Дома она всегда носила кофточки распашенки, выбивавшіяся неряшливыми складками изъ кушака, небрежно подбирала волосы узломъ, кое-какъ; курила тоненькія папироски и лежа лѣтомъ въ гамакѣ, зимой на кушеткѣ читала журнальную беллетристику или играла съ Тусей и Вовой.

Иногда Андрей или Леля заводили рѣчь о томъ, что хорошо бы съѣздить куда-нибудь, въ Шотландію, напримѣръ, въ Мадридъ или хотя бы въ Москву. Но это оказывалось невозможнымъ Лелѣ жаль было разставаться со стариками, Андрею съ Майей, Майѣ съ дѣтьми и разговоръ о поѣздкѣ исчерпывался какъ-то самъ собой, безъ грусти и сожалѣній. Но минувшая мечта раздражала воображеніе, нервы, хотѣлось двигаться, волноваться, спѣшить куда-то.. Тогда закладывали долгушу и ѣздили всей семьей на мельницу или въ монастырскую рощу пить чай.

Когда пріѣзжалъ Приваловъ, Леля цѣлые часы играла для него Чайковскаго и Шумана и лежала въ гамакѣ, а Приваловъ читалъ ей вслухъ съ той страницы, на которой она остановилась.

Однажды они забрели вдвоемъ въ монастырскій лѣсъ и когда пришли къ ручью, гдѣ клены сплетались ажурнымъ зеленымъ сводомъ и было душисто, звучно и молодо—весело, оба вдругъ смущенно замолкли, и оба ждали, что клены и ручей разрѣшатъ ихъ смущенье, выручатъ ихъ. Но лѣсъ и ручей заняты были своимъ дѣломъ. И они ядовито пообщипали нѣсколько вѣтокъ, внимательно разглядѣли теплыя солнечныя пятна, прыгавшія по травѣ, и вернулись домой. Дорога казалась обоимъ длинной и утомительной, и, не глядя другъ на друга, они говорили объ игуменьи Таисіи, что у нея растетъ ракъ и она не хочетъ лечиться. Приваловъ сократилъ тогда свое пребываніе въ Прутенскѣ и на слѣдующее утро уѣхалъ, и Лелечка вышла къ нему съ блѣднымъ лицомъ и синими тѣнями подъ глазами. А черезъ двѣ недѣли онъ получилъ отъ нея письмо:

«Хорошій, милый Антоша, надѣюсь вы благополучно доѣхали. Я здорова. У насъ Туся больна. Корь—и мы всѣ подлѣ нея дежуримъ. Расцвѣли розы «Вильямъ Бутсъ» и чудно пахнутъ. На липѣ

передъ моимъ окномъ устроилась малиновка и будитъ меня по утрамъ...»

Приваловъ читалъ письмо съ чувствомъ облегченія и мысленно повторялъ: «Милая Лелечка, бѣдная Лелечка...» И былъ радъ, какъ рады бываютъ люди, убѣдившись, что близкое существо примирилось безъ мукъ съ лишеніемъ чего-то желаннаго, что могло бы по ихъ мнѣнію принести имъ страданья, несчастье. И тогда онъ написалъ Лелѣ большое письмо, отнявшее у него много времени съ приписочками всѣмъ членамъ семьи и вложилъ въ эти страницы всю ласку и нѣжность, на какую былъ способенъ. И когда заклеивалъ конвертъ, улыбался грустной улыбкой и думалъ:

«Кто бы повѣрилъ, кто бы сказалъ»...

А потомъ съ утроенной суровой энергіей принялся за свою работу. Въ пять часовъ на ногахъ, на постройкахъ, составлявшихъ одну сторону его существованія, и часы отдыха и сна самозабвенно отдавая дѣлу, которое въ таинственномъ и свѣтломъ мракѣ жизни выковывается сильными и смѣлыми руками.

Ему никогда и въ голову не приходило посвящать Сониныхъ въ ту, другую сторону своего существованія. Когда онъ думалъ о нихъ, на душу его словно нахлынивала волна душистой теплой влаги. Онъ любилъ ихъ, какъ часто суровые фанатики идеи, непреклонные и жестокіе въ преслѣдованіи своей цѣли, любятъ дѣтей и васильки. Нѣжно, трепетно... Его плѣняло ихъ душевное изящество, ихъ чуткость, мягкость, и праздность ихъ казалась ему поэтичной и распущенность милой, трогательной... Они представлялись ему слабыми, безпомощными, чудесными ростками, которые надо зачѣмъ-то холить и беречь... И онъ ихъ берегъ.

Иногда онъ самъ удивлялся своему чувству къ Сонинымъ и думалъ съ грустной ироніей:

«Кто бы повѣрилъ? Кто бы повѣрилъ, если-бъ зналъ...»

Иногда онъ стыдился своего чувства и его мучила совѣсть и онъ испытывалъ недовольство и тревогу...

Вотъ и на этотъ разъ, подъѣзжая къ станціи, откуда вилась лугами дорога въ Прутенскъ, онъ внезапно размякъ и ясная твердая цѣльность настроенія вдругъ замутилась налетомъ какой-то юношеской теплой слабости... Онъ почти выбѣжалъ изъ вагона, словно боясь, что преодолѣетъ себя, сѣлъ въ первый попавшійся тарантасъ и полетѣлъ въ Прутенскъ.

Приваловъ выпрямился отъ быстраго горячаго толчка въ сердце и сдѣлалъ нервное движеніе, точно желая броситься куда-то, кого-то догнать...

Изъ сада потянуло прохладой. Стало еще тише и темнѣй. По столовой прошлепала босыми ногами молодая баба въ красномъ

повойникѣ, повозилась у стола и ушла. Гдѣ-то далеко тявкнула собака, птица протяжно крикнула и опять все замолкло.

Приваловъ нетерпѣливо шагалъ по террассѣ и недовольство собой росло, усиливалось и болѣло ѣдкой нехорошей болью досады и сожалѣнія.

Въ саду тихо скрипнула калитка, послышался шумъ неторопливыхъ шаговъ.

«Они»,—подумалъ Приваловъ, но не пошелъ навстрѣчу, а остался ждать на ступенькахъ террассы.

Шаги приближались и незнакомый Привалову мужской голосъ говорилъ:

— Вы слышали, сегодня говорилось уже не то, что въ тотъ разъ... Испугались своей дерзости...

Они подходили къ террассѣ и Майя, первая замѣтившая Привалова, удивленно воскликнула:

— Антонъ Владиміровичъ!

Говорившій замолкъ.

Приваловъ быстро сошелъ въ садъ. Майя поздоровалась съ нимъ какъ-то растерянно, торопливо, а Леля молча протянула ему руку и Привалову почувствовалось что-то новое тревожное въ этой встрѣчѣ и у него заныло сердце. Онъ не успѣлъ собраться съ мыслями. Высокій, немного сутуловатый человѣкъ въ накинутомъ на плечи сѣромъ пальто быстро къ нему подошелъ и положилъ ему руки на плечи.

— Сольскій!—радостно изумился Приваловъ.—Какими судьбами?

— Все разскажемъ... по алфавиту... давайте сядемъ — отвѣтилъ высокій рѣзкій голосъ.—Мы о васъ тутъ частенько говоримъ.

Майя пошла впередъ, вынесла на террассу лампу и сказала:

— Лучше здѣсь... а то еще разбудимъ стариковъ.

Приваловъ растерянно смотрѣлъ на обѣихъ женщинъ и, весь охваченный жалостью и безпокойствомъ, не рѣшался спросить ихъ, почему онѣ такъ похудѣли, такъ блѣдны...

Онъ тихо, съ недоумѣніемъ повторилъ:

— Какими судьбами, Сольскій? Вотъ встрѣча...

— Да весьма даже просто—отвѣтилъ высокій темный человѣкъ съ длиннымъ лицомъ и болѣзненно-вспыхивавшими глазами—я вѣдь здѣшняго уѣзда крестьянскій сынъ. Ну и послалъ къ родителямъ на исправленіе съ правомъ прогулокъ до бѣлаго столба и обратно.

Приваловъ слушалъ разсѣянно.

— Гдѣ, гдѣ Андрей?—обратился онъ къ женщинамъ, молча сидѣвшимъ за столомъ.

Отвѣтила Майя:

— На войнѣ.

Приваловъ изумился:

— Въ дѣйствующей арміи?!

Майя покачала головой:

— Нѣтъ... При земскомъ отрядѣ.

Леля встала и, глядя на Привалова далекимъ чуждымъ взглядомъ тускло проговорила:

— Вы, вѣроятно... не ужинали.. я сейчасъ скажу...

Приваловъ остановилъ ее за руку:

— Не надо.. не надо.. я не хочу... сядьте.

Она тихо высвободила руку и сѣла.

— Дѣла у насъ, Антонъ Владиміровичъ...—началъ Сольскій.

Какъ-то инстинктивно всѣ четверо ближе придвинулись къ столу, сжали руки и сидѣли твердо, напряженно, какъ дѣти при началѣ знакомой страшной сказки.

Говорилъ Сольскій, и Приваловъ вставлялъ быстрые, короткіе вопросы. Сольскій разсказывалъ, какъ вдругъ внезапно, нежданно вздрогнула жизнь въ этомъ покойномъ замиренномъ уголкѣ, какъ люди всколыхнулись, заволновались, растерялись... Какъ, наконецъ, перестали изо дня въ день танцовать... Въ клубѣ чуть-ли не ежедневно собранія, собираются и въ частныхъ домахъ, въ помѣщеніяхъ школъ, городской управы, говорятъ, спорятъ, горячатся, чего-то ждутъ, къ чему-то готовятся... Откуда-то выползли люди, умѣющіе негодовать, возмущаться... Изъ помѣщичьихъ берлогъ наѣзжаютъ уже не танцоры, а люди знаній, опыта, люди серьезнаго, почти трагическаго мужества. И всѣ спѣшатъ воспользоваться откуда то явившейся возможностью высказать свои мысли, выкричать накопившееся негодованіе, боль, спѣшатъ лихорадочно, молодо, что-то сдѣлать, что-то предпринять, бѣгутъ, мчатся въ Петербургъ, въ Москву...

Въ сплошномъ свинцовомъ фонѣ гнилой провинціальной жизни вдругъ забродили оттѣнки, цвѣта, обозначились мнѣнія, мысли, люди; обозначились партіи... Сольскій нѣсколько разъ повторилъ это слово.

— Вы подумайте—жили всѣ складно и ладно, были винтеры, танцоры. И вдругъ расколъ, и вдругъ партіи...

Приваловъ уже не перебивалъ его вопросами. Онъ видѣлъ наяву странное видѣніе. Огромная машина съ огромнымъ маховымъ колесомъ, шатунами, ремнями, колесиками, блестящими зубцами и винтами приходила въ движеніе, дрогнула, зарычала, лязгнула и завертѣлось маховое колесо, заметались шатуны, со свистомъ разрѣзая воздухъ замелькали, круги ремней и колесики, маленькіе, легкіе засверкали быстро, быстро, съ страшной быстротой, съ какимъ-то растеряннымъ безуміемъ... И было страшно и жутко смотрѣть на дикія усилія, съ какими маленькіе свѣтлые колесики догоняли увѣренно-спокойные смѣлые взмахи большихъ колесъ. И

вдругъ колесики стали свѣтлѣть, удлиняться, изогнулись, утончились, стали похожи на человѣческія фигуры, на Лелю, на Андрея, на Майю...

И вихрь движенія бросалъ, металъ, кружилъ ихъ, они срывались куда-то въ пропасть, взлетали наверхъ, безпомощно страстно протягивали руки, цѣплялись за что-то, и по изогнутымъ искривленнымъ осямъ струилась кровь, алая, горячая, и каплями падала въ бездну...

Онъ едва не застоналъ отъ боли, какъ во снѣ, когда кошмарное видѣніе наваливается на грудь каменной глыбой. Мысль о томъ, что должны были переживать въ послѣдніе мѣсяцы Сонины и сотни, быть можетъ, такихъ, какъ они, далекихъ, чуждыхъ жизни людей, и добрыхъ, душевныхъ, чуткихъ—въ первый разъ пришла ему въ голову съ полной, щемящей сердце ясностью.

Это возмездіе—мелькнуло у него въ головѣ.—Невѣдѣніе, слѣпота, глухота мстятъ за себя... Жестоко мстятъ...

И зная, сколько неиспользованной нѣжности и состраданія таится въ этихъ близкихъ ему людахъ, онъ прозрѣвалъ ихъ муки, раскаяніе и стыдъ...

Онъ смотрѣлъ на Лелю и Майю и думалъ съ острой жалостью о томъ, сколько онѣ выстрадали, пережили, чтобы такъ осунуться и похудѣть, и что ихъ ждетъ еще и чего онѣ ждутъ...

Небо стало уже блѣднѣть, и деревья въ цвѣту обозначались свѣтлыя, неподвижныя, словно озябшія... Сольскій всталъ изъ-за стола и взялся за шляпу.

— Мы еще увидимся? — спросилъ онъ Привалова. Вы надолго?..

Приваловъ быстро отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... гдѣ же... скоро долженъ ѣхать... къ утреннему поѣзду...

Сольскій простился и ушелъ черезъ садъ домой, на окраину города, гдѣ снималъ лачужку у кузнеца.

Ушла и Майя съ террассы.—И въ ея тихомъ пожатіи руки и взглядѣ тихихъ, теплыхъ глазъ Привалову почувствовался какой-то укоръ, мягкій и горькій... И Привалову казалось, что онъ его понялъ и его словно что-то толкнуло, бросило впередъ, но онъ ничего не сказалъ, потому что слова, мелькавшія быстро и безсвязно въ утомленной головѣ, не складывались въ сознательную мысль...

Онъ подошелъ къ Лелѣ, взялъ ея руки въ свои и сказалъ тихо, безотчетно робѣя:

— Я опомниться не могу, Леля, и мнѣ не вѣрится...

Леля вздрогнула, выпрямилась, какъ стальная, но тотчасъ опять съежилась, отняла руки и опустилась на стулъ.

— Вамъ не вѣрится—заговорила она быстро и тихо, волнуясь и подавляя свое волненіе.—Чему вы не вѣрите, Антоша? Что люди, которыхъ вы презирали, оказались людьми?

Приваловъ растерянно смотрѣлъ на нее.

— Я презиралъ... кого... кого я презиралъ?—вымолвилъ онъ съ усиліемъ.

— Всѣхъ насъ! Я знаю, вы насъ любили... И любите... Я знаю... И любя насъ, вы насъ презирали...

Она крѣпко прижала обѣ руки къ сердцу и смотрѣла на Привалова въ упоръ.

— Почему, Антоша, вы къ намъ ни разу не подошли съ простыми, искренними словами: друзья, не такъ вы живете... Потому что вы насъ жалѣли, вы насъ любили—вы насъ презирали... Годъ шелъ за годомъ... Вы... гдѣ-то, что-то дѣлали... большое, значительное, и жизнь ваша была красивая, полная, кипучая... Годъ шелъ за годомъ, и мы обростали корой неподвижности, милой лѣни, которая васъ умиляла... Что вы думали о насъ, когда пріѣзжали къ намъ? Вы глумились надъ нами... Чѣмъ-же наша жизнь и мы лучше были нашихъ сосѣдей, знакомыхъ, родственниковъ... Только тѣмъ, что мы не злословили, не сплетничали, не объѣдались и не напивались...

Приваловъ хотѣлъ прервать ее, что-то сказать, но она не давала ему говорить и выбрасывала быстро лихорадочно слова, залитыя алымъ стыдомъ и болью.

— Тѣхъ вы избѣгали, а съ нами отводили душу... такъ вы говорили... Антоша... вотъ, вы строили мосты, понастроили много, много мостовъ, а намъ, близкимъ вамъ, роднымъ, не протянули руки, чтобы помочь перейти маленькій овражекъ между нашей поэтичной усадьбой и жизнью... Вы насъ считали неспособными, несподобившимися чѣмъ-то быть, что-то дѣлать. Вотъ вы и сейчасъ не рѣшаетесь отвѣтить мнѣ: «отчего вы сами не перешли этотъ овражекъ—вѣдь вы не дѣти»...

И были-бы правы... И неправы... Но все же не скажете... Потому что вы насъ жалѣете...

Пришелъ человѣкъ, который не любилъ насъ такъ, какъ вы, не любовался, не восхищался... не жалѣлъ... пришелъ, постучался, какъ стучатся ко всѣмъ во время несчастья, наводненья, пожара... Проснитесь, выходите на помощь!.. И мы проснулись... но послѣ долгаго сна... отяжелѣвшіе, съ онѣмѣвшими членами... Если бы вы знали, что перенесъ за это время Андрей, какой стыдъ, какой стыдъ!.. Но у него все же было сознаніе, что онъ что-то тамъ дѣлалъ... читальня... наука... А у насъ тутъ затѣялся отрядъ... онъ ухватился за это, какъ за первое искупленіе и уѣхалъ... У Майи дѣти... а я...

Она встала и глядя ему въ лицо большими сухими глазами, задыхаясь, говорила:

— Поймите, какой ужасъ .. мнѣ тридцать лѣтъ... я устала... я ничего не знаю... ни на что не годна... Я не могу даже учить дѣтей... У меня нѣтъ бумажки, которая даетъ на это право... Я ничего не понимаю... Мы даемъ деньги, смутно понимая на что, подписываемъ, не зная что... Почему, почему, Антоша, вы никогда не говорили со мной, какъ со взрослой... отчего... я скажу это теперь... я васъ такъ любила... и мнѣ казалось... и у васъ было какое-то чувство ко мнѣ... Антоша, отчего вы не позвали меня за собой... я пошла бы на край свѣта... на опасность, на нужду. на каторжный трудъ... отчего вы не позвали меня... отчего?..

Приваловъ смотрѣлъ мимо нея, въ одну точку, въ блѣдный садъ, усталый и безмолвный въ грустномъ свѣтѣ занимавшагося дня.

Леля приникла головой къ столу и заплакала безудержно, безпомощно, какъ ребенокъ и тихо, сквозь всхлипыванія приговаривала: слишкомъ любили, слишкомъ жалѣли... не надо было такъ жалѣть... зачѣмъ такъ жалѣть ..

Приваловъ молча гладилъ ея волосы, сбившіеся, прилипшіе ко лбу, прижималъ къ губамъ ея руки и, когда она стала успокаиваться и затихать, заговорилъ съ ней въ первый разъ безъ отдаляющей ласковости сильнаго, безъ той мягкости, за которой чувствуется твердая, какъ желѣзо, глухая, недоступная мысль

— Быть можетъ, вы и правы... не знаю, Леля... я не чувствую еще вины... и не чувствую правоты... человѣкъ даетъ лишь то, что онъ можетъ дать... Я далъ вамъ мало... ничего не далъ... возможно... Постарайтесь меня простить, если... я виноватъ...—

Онъ остановился, она заплакала сильнѣе, и онъ хотѣлъ утѣшить ее, сказать ей что-нибудь ободряющее, хорошее, и боялся общихъ словъ...

Онъ помолчалъ немного и добавилъ:

— Ну, Леля, ну... о чемъ вы плачете... вы славная, чудная дѣвушка... такіе люди всегда на что-нибудь годны, когда хотятъ этого... Все сильное рождается въ мукахъ .. Ну... возьмите себя въ руки... простимся... я долженъ уѣхать... Мнѣ поѣздъ пропустить нельзя... Леля, другъ... дайте руку на прощанье...

У него чуть было не вырвалось: быть можетъ, не увидите меня больше...—но онъ этого не сказалъ и по привычкѣ хоронить въ себѣ свои тайныя мысли и изъ опасенія разспросовъ и сочувствія. Онъ повторилъ:

— Прощайте... я долженъ ѣхать... Леля, прощайте! Свидимся, объяснимся...

Она, не поднимая головы, пожала ему руку, и онъ ушелъ.

Черезъ четверть часа тарантасъ его выѣхалъ въ зеленый сверкающій просторъ полей. Колеса беззвучно катились по влажной отъ росы дорогѣ. Молодой ямщикъ въ бѣлой рубахѣ негромко и бодро окрикивалъ лошадей, бубенчики позвякивали съ веселой увѣренностью.

На бѣлое нѣжно-млечное небо вздымалось изъ-за зеленаго душистаго моря луговъ большое розово-золотистое прекрасное солнце и разметывало во всѣ стороны съ смѣлой, веселой торопливостью брызги свѣта. И все тянулось къ нему, трава, кустики, придорожныя деревца, и все, казалось, росло и крѣпло въ ликующихъ мгновеніяхъ.

Приваловъ, жмуря глаза, смотрѣлъ на солнце, представлялъ себѣ Лелю, сидящую на террассѣ съ мокрымъ лицомъ и сбившимися волосами, и думалъ:

— Она сидитъ и вспоминаетъ мои слова и плачетъ... Что я могъ ей сказать... Я не чувствую вины... не чувствую правоты... Бѣдная... бѣдная... Я не рѣшался втянуть ихъ въ тревоги, а жизнь втянула ихъ въ страданья... и найдутъ-ли они выходъ... Я ихъ любилъ, а былъ жестокъ, какъ только можетъ быть жестокъ одинъ человѣкъ къ другому, котораго не считаетъ равнымъ себѣ... Я ихъ жалѣлъ... не довѣрялъ... не такъ любилъ...

И въ вискахъ у него стучало молотками: зачѣмъ такъ любили? зачѣмъ такъ жалѣли?..

— Бѣдная Леля—прошепталъ онъ—милые, бѣдные...

И въ этотъ только мигъ, когда онъ по привычкѣ мысленно опять ихъ пожалѣлъ, онъ почувствовалъ всѣмъ сердцемъ, что всегда межъ нимъ и этими дорогими ему людьми будетъ лежать большой, холодный черный камень—воспоминаніе о больной и тяжкой обидѣ—недовѣріи...

— Зачѣмъ такъ жалѣть? Не надо было жалѣть... глухо стучало у него въ вискахъ, и сердце заныло болью о невозвратномъ, непоправимомъ...

А. Даманская.

НАКАНУНѢ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Историческій очеркъ).

(*Окончаніе* *).

Глава V.

Дворянскіе адреса 1859—1860 годовъ.

Столкновеніе депутатовъ съ редакціонною коммиссіею было встрѣчено въ дворянской средѣ, какъ естественное послѣдствіе «своеволія бюрократіи, которая и безъ того сосредоточиваетъ на себѣ самую глубокую ненависть всѣхъ и каждаго». Бюрократія, писалъ по этому поводу Кошелевъ, «дѣйствуетъ почти революціонно; отъ другихъ же требуетъ слѣпого, безотвѣтнаго повиновенія. Сама во всемъ беретъ инициативу, и существующее въ ея глазахъ не имѣетъ никакихъ преимущественныхъ правъ на дальнѣйшее бытіе: другимъ же она не дозволяетъ даже сказать слово въ свою защиту. Неудовольствіе, даже ожесточеніе всѣхъ противъ бюрократіи въ Петербургѣ, въ Москвѣ и во внутренности Россіи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства: нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ»... Дворянство «не должно давать бюрократіи попирать себя по ея прихотямъ. Вѣроятно, дворянство рѣшится почтительно-вѣрноподданнически высказать свои опасенія и недоумѣнія,—или оно достойно той участи, которую бюрократія ему готовитъ» **).

Предсказанія Кошелева имѣли достаточныя основанія. Положеніе господствующаго сословія въ тотъ моментъ, дѣйствительно, было критическимъ. Дворянство понимало, что развязка приближается, что его дальнѣйшая политическая и экономическая судьба опредѣлится въ зависимости отъ того вліянія, которое дворянамъ удастся оказать на послѣднее рѣшеніе высшей правительственной власти. И дворянство напрягло всѣ усилія, чтобы придать крестьянской реформѣ на-

*) См. „Міръ Божій", № 4, апрѣль 1905 г.

**) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія", т. II, стр. 192.

правленіе, благопріятное для привилегированнаго сословія. Однако, эти усилія не увѣнчались существеннымъ успѣхомъ. Несмотря на относительную широту дворянскаго движенія, его содержаніе не пріобрѣло и не могло пріобрѣсти той глубины, которая была необходима, чтобы измѣнить соотношеніе политическихъ силъ въ періодъ развязки крѣпостного крестьянскаго вопроса. Иной формы для выраженія своего протеста, кромѣ «почтительно вѣрноподданническихъ» адресовъ, дворянство не нашло, какъ не нашло и другихъ требованій, кромѣ выставленныхъ ранѣе болѣе тѣснымъ кругомъ либеральныхъ представителей дворянскаго общества.

Рязанскій адресъ, которымъ открылся рядъ дворянскихъ заявленій, ограничился только областью крестьянскаго вопроса. Сущность его заключалась въ слѣдующихъ словахъ. «По причинѣ безпрестанно стекающихся административныхъ мѣръ относительно двухъ сословій, дворянскаго и крестьянскаго, собранія дѣлаются со дня на день невыносимѣе и невозможнѣе, а потому дворянство проситъ государя: 1) ускорить разрѣшеніе вопроса и окончательно освободить крестьянъ; 2) совершить освобожденіе посредствомъ мѣстнаго земскаго банка, принимая въ основаніе надѣла норму, предложенную рязанскими депутатами, а въ основаніе банка продовольственный капиталъ рязанской губерніи, простирающійся слишкомъ до 1 милліона рублей серебромъ»*).

Въ тверскомъ собраніи, на которое обрушились наиболѣе тяжелыя административныя кары, оппозиція сосредоточилась исключительно на борьбѣ съ министерскимъ циркуляромъ, объявлявшимъ высочайшее повелѣніе не касаться на дворянскихъ собраніяхъ крестьянскаго вопроса. «Нынѣ, находясь въ полномъ своемъ составѣ въ губернскомъ собраніи, при тѣхъ практическихъ свѣдѣніяхъ, которыя пріобрѣтены имъ въ сельскохозяйственной жизни и вынесены изъ соприкосновеній съ мѣстною администраціею, дворянство могло бы однимъ откровеннымъ обмѣномъ своихъ мыслей подготовить разрѣшеніе значительной части вопросовъ, которые представляютъ важныя затрудненія по крестьянскому дѣлу» **),—въ такихъ скромныхъ выраженіяхъ тверское дворянство пыталось склонить правительство къ признанію дворянскихъ правъ.

Болѣе опредѣленный характеръ носилъ адресъ ярославскаго дворянства. Для того, чтобы Россія могла идти по пути правды и свѣта, гласилъ адресъ, «необходимо осуществленіе трехъ началъ, о которыхъ мы осмѣливаемся всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество: 1) объ образованіи уѣзднаго и губернскаго хозяйственно-распорядительнаго управленія, общаго для всѣхъ сословій, основаннаго на выборномъ началѣ; 2) объ учрежденіи дѣйстви-

*) Ibid., стр. 267.
**) Ibid., стр. 299.

тельно независимой судебной власти, т.-е. суда присяжныхъ съ публичнымъ словеснымъ и гражданскимъ судопроизводствомъ и непосредственною отвѣтственностью предъ судомъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, и 3) о допущенія общества, посредствомъ гласности, обнаруживать предъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій» *).

Во владимірскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи проектъ адреса, въ которомъ выражалось только сожалѣніе о появленіи министерскаго циркуляра и желаніе скорѣйшаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса, былъ отвергнутъ и принятъ проектъ Безобразова и Протопопова, въ которомъ ясно указывалась необходимость общихъ реформъ.

«Вступая на путь вѣковыхъ преобразованій въ законодательствѣ,—говорилось въ адресѣ,—при измѣненіи быта многочисленнѣйшаго въ государствѣ сословія, отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона. Вся администрація наша основана на бюрократическомъ началѣ, всѣ общества управляются людьми, чуждыми интересамъ тѣхъ обществъ, которыя при томъ, будучи раздѣлены на уединенныя другъ отъ друга сословія, при совершенной безгласности дѣлопроизводства и безотвѣтственности должностныхъ лицъ, не только не могутъ содѣйствовать правительству къ достиженію его цѣлей, но даже не имѣютъ возможности заботиться и о собственныхъ своихъ мѣстныхъ пользахъ. Къ тому же правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши, обязанные производить дѣла въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изслѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламентаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственныхъ убѣжденій, совершенно зависятъ отъ произвола слѣдователей и ихъ начальствъ, а поэтому не представляютъ никакихъ гарантій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Наконецъ, всѣ должностныя лица, въ случаѣ нарушенія своихъ законныхъ обязанностей, подлежатъ суду только тогда, когда это угодно ихъ административному начальству.

«Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что исполненіе законовъ нашихъ зависитъ, большею частью, отъ личнаго произвола».

Такой порядокъ могъ, по мнѣнію владимірскаго дворянства, существовать только до тѣхъ поръ, пока въ странѣ допускалось крѣпостное право, отрицавшее самое понятіе о законности, но съ уничтоженіемъ этого права, система произвола должна отойти въ вѣчность. Для того, чтобы обезпечить мирный и благополучный исходъ крестьянской реформы, правительству необходимо признать, какъ начала предстоящихъ преобразованій:

---

*) Ibid., стр. 299.

1) Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

2) Управленіе общее для всѣхъ сословій.

3) Хозяйственно-распорядительное управленіе для всѣхъ сословій и отвѣтственное только предъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правильностью избранія.

4) Полицейское управленіе, правительственное и устроенное въ чисто охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

5) Руководимое только закономъ гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

6) Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго предъ судомъ.

7) Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

8) Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита *).

Въ духѣ владимірскаго адреса составленъ былъ и адресъ 170 дворянъ нижегородской губерніи, которые ходатайствовали о различныхъ полицейскихъ, судебныхъ и иныхъ реформахъ.

Орловское и вологодское дворянства коснулись въ своихъ адресахъ только крестьянскаго вопроса, но на орловскомъ собраніи оппозиціонная партія вела усиленную политическую агитацію и открыто говорила о необходимости конституціи **).

Въ новгородскомъ и калужскомъ дворянскихъ собраніяхъ адреса не могли быть приняты только вслѣдствіе разногласій, которыми искусно воспользовалась администрація.

Въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи вслѣдствіе агитаціи оппозиціонно настроенной аристократіи былъ принятъ адресъ, заканчивавшійся заявленіемъ, что дворянство видитъ «залогъ будущаго благосостоянія всѣхъ сословій» государства въ сохраненіи и правильномъ развитіи, подъ кровомъ самодержавной власти, издревле существующаго въ Россіи начала мѣстнаго самоуправленія» ***). Адресъ петербургскаго дворянства вызвалъ сильное недовольство въ высшихъ сферахъ, главнымъ образомъ, потому, что въ немъ было упомянуто слово «самоуправленіе». Это недовольство стремленіями дворянства къ мѣстному самоуправленію весьма важно для оцѣнки реформаторскихъ плановъ бюрократіи того времени. Она также любила говорить о необхо-

*) Ibid стр. 311.
**) Ibid стр. 301.
***) Ibid стр. 327.

димости общественной самодѣятельности, но, очевидно, вкладывала въ понятіе самодѣятельности совершенно иное содержаніе. Дворянство не отличалось наивностью Маргариты, полагавшей, что пасторъ и Фаустъ говорятъ одно и то же только немного другими словами. Оно понимало, что обѣщанное бюрократіей мѣстное хозяйственно-распорядительное управленіе отдастъ мѣстное населеніе, а, слѣдовательно, и дворянство, уже не защищенное привилегіями сословно-феодальнаго строя, въ руки арміи чиновниковъ. Вотъ почему, несмотря на опредѣленныя и неоднократныя обѣщанія правительства, дворянскія собранія съ упорною настойчивостью ходатайствовали о такихъ реформахъ, которыя, казалось, уже предрѣшены правящимъ кругомъ. Но, обнаруживая въ этомъ случаѣ достаточную зрѣлость политической мысли, дворянство, какъ сословіе, не имѣло возможности правильно оцѣнить общее политическое положеніе. Прежде всего, политическое вліяніе дворянства значительно уменьшалось внутренними противорѣчіями, и разногласіями въ его средѣ.

Сословное единство не могло обезпечить единства экономическихъ интересовъ. Наиболѣе богатая часть дворянства, владѣвшая значительными помѣстьями и не нуждавшаяся въ крѣпостномъ правѣ для полученія своихъ доходовъ, заботилась, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы условія освобожденія крестьянъ обезпечили крупнымъ хозяйствамъ наличность свободныхъ рабочихъ рукъ, и о томъ, чтобы политическое вліяніе крупнаго землевладѣнія было достаточно сильно для поддержанія его экономическаго преобладанія. Съ этой точки зрѣнія вмѣшательство государства въ ликвидацію крѣпостныхъ отношеній не представляло никакой цѣнности, а всякая правительственная регламентація новыхъ отношеній казалась даже вредной, такъ какъ она ослабляла неизбѣжную зависимость труда отъ капитала. Поэтому представители крупнаго землевладѣнія высказывались въ пользу личной свободы крестьянъ и стремились къ расширенію политическихъ правъ дворянскаго сословія. Не связанные экономическими нитями съ правительствомъ, они являлись наиболѣе смѣлой и рѣшительной оппозиціей бюрократическимъ планамъ.

Иныя цѣли преслѣдовало среднее и мелкое дворянство земледѣльческихъ губерній. Оно нуждалось также въ свободныхъ рабочихъ рукахъ, но оно понимало, что свобода крестьянской личности создаетъ на рабочемъ рынкѣ условія конкуренціи, благопріятныя для крупныхъ хозяйствъ. Поэтому мелкое и среднее дворянство требовало прикрѣпленія крестьянства къ землѣ и сохраненія за помѣщиками тѣхъ или другихъ правъ вотчинной власти. Кромѣ того, эта часть дворянства нуждалась въ значительномъ капиталѣ для преобразованія крѣпостного хозяйства на началахъ свободнаго труда и разсчитывала получить необходимыя средства при помощи правительства въ видѣ выкупныхъ платежей за надѣльную землю. Наконецъ, среднее и мелкое дворянство

съ недовѣріемъ смотрѣло на политическія притязанія богатой знати, опасаясь гнета олигархіи. Такимъ образомъ, оно было и экономически и политически заинтересовано въ достиженіи благопріятнаго соглашенія съ твердой и сильной центральною властью.

Особое положеніе занимала небольшая группа средняго дворянства промышленныхъ губерній, гдѣ уже чувствовалось дыханіе нарождавшагося капитализма. Здѣсь дворянство, въ общемъ и цѣломъ, правильно понимало политическія задачи переживаемаго момента и стремилось къ болѣе или менѣе демократической конституціи. Эта группа отчасти соприкасалась съ конституціоналистами-аристократами, но слиться съ ними, естественно, не могла.

Еще большее значеніе для опредѣленія силы и вліянія дворянскаго движенія въ концѣ пятьдесятъ девятаго и шестидесятаго годовъ имѣетъ противорѣчивое и антидемократическое отношеніе дворянства къ народнымъ массамъ. Насколько дворянство далеко было отъ мысли дѣйствовать съ народомъ и чрезъ народъ, показываетъ, напримѣръ, то негодованіе, съ которымъ депутаты встрѣтили оглашеніе трудовъ редакціонныхъ коммиссій. Кошелевъ, въ цитированной неоднократно лейпцигской запискѣ, утверждаетъ, что опубликованіе трудовъ редакціонныхъ коммиссій было одной изъ важныхъ причинъ конфликта между дворянствомъ и прогрессивной бюрократіей. «Извѣстіе, что труды редакціонныхъ коммиссій печатаются въ количествѣ восьми или даже двѣнадцати тысячъ экземпляровъ и должны быть пущены въ продажу по дешевой цѣнѣ, съ цѣлью сдѣлать невозможными большія измѣненія въ предположеніяхъ коммиссій, это извѣстіе чрезвычайно встревожило большинство депутатовъ, видѣвшихъ въ такой мѣрѣ изощреніе топоровъ противъ нихъ, противъ ихъ семействъ и собраній» *).

Слѣдовательно, въ то время, какъ прогрессивная бюрократія смѣло апеллировала къ народу, дворянство признавало только одинъ путь защиты своихъ интересовъ: обращеніе къ высшей власти, и съ тревогою смотрѣло на взволнованное народное море. Между тѣмъ, только обращеніе къ народу могло бы придать дворянству ту силу, безъ которой борьба съ бюрократіей завѣдомо должна была окончиться неудачей. Сторонники идей Наполеона III, вродѣ Милютина, ясно понимали это больное мѣсто дворянской оппозиціи.

«Русское дворянство,—писалъ князь Черкасскій въ запискѣ, поданной великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ,—лишенное корней, какъ въ матеріальныхъ условіяхъ своего быта, такъ и въ общественномъ мнѣніи, совершенно не въ состояніи бороться одно противъ правительства. Оно можетъ доставить нѣсколько докучливыхъ хлопотъ, но оно успѣло предпринять серьезную борьбу лишь постольку, поскольку видѣло бы себѣ поддержку съ одной стороны въ либеральномъ мнѣніи, съ другой—

*) „Матеріалы“ т. II, стр. 205.

въ низшихъ классахъ. А эта послѣдняя поддержка, по крайней мѣрѣ, еще съ полвѣка, будетъ ему всегда не доставать, и едва ли даже этотъ долгій промежутокъ времени окажется достаточнымъ, чтобы заставить исчезнуть и позабыть тысячи глубокихъ причинъ недовѣрія, вскормленнаго среди крестьянства двухъ съ половиною вѣковымъ грубымъ гнетомъ. Благодаря же традиціонному презрѣнію дворянъ къ мѣщанамъ, священникамъ и проч. людямъ третьей статьи, недовѣріе это не преминуло зародиться даже и въ этихъ классахъ, которые, казалось бы, менѣе должны были претерпѣть отъ дворянства.

Правда, либеральная часть общественнаго мнѣнія въ данную минуту становится какъ будто благосклоннѣе къ дворянству, и на первый взглядъ сдается, что она должна поддержать его оппозиціонныя попытки. Но очевидно, однако, что этотъ преходящій и случайный союзъ не переступаетъ предѣла чисто поверхностнаго движенія и что продленіе его могло бы быть куплено дворянствомъ лишь цѣною столь серьезныхъ жертвъ, что повело бы къ коренному измѣненію этого сословія въ самомъ существѣ.

Поэтому, добрая часть настоящей провинціальной дисентри (помѣстнаго дворянства), чуждая происходящему вокругъ движенію, ужъ черезчуръ склонна заподозрить доброе къ себѣ расположеніе прессы и не чувствуетъ себя въ безопасности отъ такого союза (такъ, напр., на послѣднихъ выборахъ (1862 г.), подписывая адресы и баллотируя привезенные изъ Москвы проекты, тульское дворянство тщательно отклоняло всякую мысль о сліяніи землевладѣльческихъ классовъ); на счетъ своей политической будущности, какъ сословія, она готова воскликнуть съ латинскимъ поэтомъ: «Timeo Danaos et dona ferentes». Дѣйствительно, какія условія большая часть прессы старается навязать своему новому кліенту въ вознагражденіе за сомнительную поддержку, которую она не прочь предложить ему въ данную минуту? Эти условія не равносильны ли полному добровольному отреченію отъ своего собственнаго существованія какъ спеціально привилегированнаго сословія—юридическому и нравственному самоубійству?» *).

На такое «нравственное и юридическое самоубійство» ни одно изъ направленій дворянской оппозиціи не было способно.

Въ результатѣ, широкое движеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимавшее даже правильную форму, остановилось на безплодной литературѣ всеподданнѣйшихъ увѣщаній, на ходатайствахъ о полезныхъ и необходимыхъ учрежденіяхъ безъ всякаго сознанія, какими гарантіями обезпечивается и введеніе и существованіе гласнаго суда, мѣстнаго самоуправленія и т. д. Большаго дворянство, въ цѣломъ, дать не могло. И въ этомъ была не вина, а бѣда его. Несомнѣнно, пониманіе необ-

---

*) Кн. О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, т. I, книга 2, Москва, 1904 г., приложеніе № 17, стр. 111.

ходимости конституціонныхъ гарантій не было чуждо отдѣльнымъ членамъ дворянскихъ собраній, но соціальная природа сословія, экономическія условія существованія различныхъ его элементовъ, не позволили дворянскому движенію подняться на ту высоту, которая могла бы обезпечить побѣду общества надъ бюрократіей. Даже либерально-демократическая часть дворянства, выставившая идеалы буржуазной свободы, не имѣла возможности сгруппировать около себя сильную партію, такъ какъ она не могла опереться на матеріальныя условія, безъ которыхъ достиженіе идеала являлось пустою мечтою и которыя создались лишь долгое время спустя, съ развитіемъ капитализма и укрѣпленіемъ буржуазіи. Въ то же время, когда убожество промышленности и почти полное отсутствіе частнаго разночиннаго землевладѣнія замыкали буржуазно-демократическое движеніе въ узкія и тѣсныя рамки, ограниченныя къ тому же и различными сословными пережитками,—передовая часть дворянства фатально обречена была погибнуть и разсѣяться между сциллой аристократовъ конституціоналистовъ и харибдой народныхъ массъ. Правительство, при такихъ условіяхъ, смѣло и рѣшительно монополизировало въ свою пользу представительство народныхъ интересовъ и, чувствуя за собою поддержку крестьянства и разныхъ «людей третьей статьи», по выраженію кн. Черкасскаго, спокойно выдерживало натискъ противниковъ, разрозненныхъ непреодолимою силою антагонистическихъ интересовъ. Высылка наиболѣе энергичныхъ представителей либеральнаго движенія въ сѣверныя губерніи, замѣчанія и выговоры предводителямъ дворянства—вотъ чѣмъ отвѣтило правительство на политическія притязанія дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, власть приняла во вниманіе тѣ требованія дворянскихъ собраній, которыя, какъ, напр., гласный судъ, независимое мѣстное самоуправленіе, могли встрѣтить поддержку и въ другихъ сословіяхъ, приняла и взяла на себя ихъ осуществленіе, якобы въ интересахъ народа.

Эти результаты, въ сущности, уже опредѣлили направленіе и форму такъ называемыхъ великихъ реформъ. Правительство выяснило минимумъ требованій, безъ удовлетворенія которыхъ власть подвергалась бы опасности общаго неудовольствія. Послѣ дворянскихъ заявленій бюрократіи оставалось согласовать предполагаемыя мѣстныя реформы съ собственными интересами, пользуясь политическою отсталостью крестьянства, коснѣвшаго въ замкнутомъ кругѣ натуральнаго хозяйства. Вопросъ заключался лишь въ томъ, какую долю свободы вырветъ дворянское движеніе изъ рукъ надвигавшагося полицейскаго государства. Бюрократія, несомнѣнно, готова была отдѣлаться самыми незначительными перестройками стараго зданія, перестройками, необходимыми, прежде всего, для дальнѣйшаго функціонированія государственнаго механизма, такъ ярко обнаружившаго свою полную негодность въ огненномъ испытаніи крымской войны. Но оппозиціонное движеніе,

вскорѣ осложнившееся и революціонными элементами, еще разъ вспыхнуло яркимъ пламенемъ и—на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ,—отстояло дѣло ликвидаціи самыхъ отсталыхъ и тяжелыхъ формъ сословно-крѣпостного строя. Эта вспышка, несмотря на болѣе высокую степень сознательности руководителей движенія, не могла разсчитывать на успѣхъ; но она могла отсрочить и отсрочила побѣду реакціи, она дала странѣ зачатки тѣхъ общественныхъ организацій, которыя впослѣдствіи сыграли крупную роль въ исторіи развитія русской общественности.

Глава VI.

Общественное движеніе послѣ 19-го февраля 1861 года.

19-го февраля 1861 года крѣпостное право пало. Этотъ фактъ значительно измѣнилъ соотношенія соціально-политическихъ силъ русской жизни. Если до уничтоженія рабства бюрократія и твердая центральная власть, въ той или другой степени, играли прогрессивную роль, монополизируя представительство крестьянскихъ интересовъ, то теперь эта роль была сыграна и сыграна далеко не удачно. Бюрократическое разрѣшеніе вопроса, двусмысленное и нерѣшительное, запутало и безъ того сложныя отношенія и создало многочисленные поводы къ недовольству и въ крестьянской, и въ дворянской средѣ. Великая цѣпь порвалась, но—«порвалась и ударила однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику». Крестьянскія волненія въ 29 губерніяхъ были первымъ привѣтствіемъ дворянско-бюрократическому «освобожденію». Они были подавлены вслѣдствіе разрозненности и низкаго уровня политическаго сознанія крестьянства, соотвѣтствовавшаго низкой ступени его экономическаго развитія, но призракъ ихъ остался въ русской деревнѣ. Вслѣдъ за крестьянскими послѣдовали—въ иной, конечно, формѣ—волненія дворянскія и волненія разночинной городской интеллигенціи. Нѣсколько субъективно, но ярко охарактеризовано общее настроеніе въ брошюрѣ Кошелева: «Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія», изданной имъ въ январѣ 1862 года.

«Вездѣ: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, во внутренности Россіи,—на сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ и на западѣ—всѣ недовольны, всѣ чувствуютъ себя стѣсненными, оскорбленными, бѣдствующими; всѣ убѣждены, что Россіи въ такомъ положеніи долго оставаться нѣтъ возможности. Дворянство, лишенное перваго, самаго значительнаго своего права,—права владѣть людьми и населенными имѣніями, которое доставляло ему привилегированное положеніе въ государствѣ, и утратившее это преимущество не по собственному изволенію, не послѣ борьбы съ властью, а такъ почти нежданно-негаданно (?), и притомъ въ видѣ всего менѣе соотвѣтственномъ его желаніямъ, крайне ропщетъ, жалуется, тревожится и чего-то домогается.

«Крестьяне услышали давно желанное слово: свобода, но она явилась къ нимъ безъ прекращенія барщины и помѣщичьяго оброка, безъ окончательной развязки съ прежними ихъ владѣльцами, въ сопровожденіи новыхъ чиновниковъ изъ дворянъ и почти по избранію сихъ послѣднихъ, при розгахъ, хотя и съ ариѳметическими ограниченіями, и при прогулкахъ солдатъ, для крестьянъ всегда обременительныхъ, а иногда и весьма бѣдственныхъ. А потому крестьяне говорятъ: царь хотѣлъ намъ дать волю, да бары его обманули и насъ себѣ вновь закабалили. Многіе изъ крестьянъ ожидаютъ настоящей воли чрезъ два года; а нѣкоторые дерзко прибавляютъ: пока будутъ бары, не бывать у насъ воли. Дворовые, ожидавшіе или поземельнаго надѣла, или иного какого-то болѣе обезпеченнаго положенія, не принимаютъ предлагаемыхъ имъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, ждутъ чего-то и не хотятъ вѣрить, что царь оставилъ ихъ безпріютными сиротами.

«Купечество, крайне стѣсненное безденежьемъ въ торговлѣ, общимъ недовѣріемъ другъ къ другу и къ правительству и невѣдѣніемъ того, что будетъ завтра, сокращаетъ свои кредиты, прячетъ капиталы и не знаетъ, что̀ дѣлать, а между тѣмъ, жалуется и чего-то ищетъ.

«Мѣщанство, бѣдное мѣщанство страдаетъ, съ горя пьянствуетъ, обманываетъ, кого можетъ, и призываетъ всякую перемѣну, будучи убѣждено, что какая бы ни была, она можетъ улучшить, но не ухудшить его положеніе.

«Даже духовенство пріобщается къ общему неудовольствію.

«Даже бюрократія, могущественная бюрократія, людъ чиновный съ мала до велика, всѣ недовольны. Послушайте становаго, исправника, судью, губернатора, министра,—всѣ говорятъ: нѣтъ! Такъ дѣла идти не могутъ; мы изнемогаемъ подъ бременемъ нескончаемыхъ бумагъ, а общая путанница только растетъ и усиливается...

«А литераторы, ученые, профессоры, студенты,—объ нихъ и говорить нечего: ихъ жалобамъ на цензуру, становящуюся опять день ото дня нелѣпѣе, и на разныя другія стѣсненія, налагаемыя просвѣщенію, такимъ жалобамъ нѣтъ ни числа, ни конца... Все у насъ зашевелилось, все двигается, всякій ищетъ себѣ простора, желаетъ узнать свои права и получить въ нихъ удостовѣреніе и обезпеченіе.

«А между тѣмъ, бюрократія думаетъ, что и съ живыми людьми можно управляться также, какъ съ мертвецами; она предписываетъ подтверждаетъ, запрещаетъ, разрѣшаетъ, отмѣриваетъ, отсчитываетъ и проч., а жизнь захватываетъ все болѣе и болѣе мѣста, издѣваясь надъ регламентаціями, оставляя въ сторонѣ покойниковъ, предъявляя новыя требованія и выдвигая новые вопросы. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, неизбѣжны путаница и неурядицы; онѣ даже необходимы: въ нихъ кроется, посредствомъ ихъ развивается сѣмя будущаго устройства, сѣмя не заимствованное, не силою внесенное, а свое родное, туземное».

«Это цѣнное сѣмя будущаго заключалось въ распространявшемся все шире и шире сознаніи, что рядомъ частныхъ реформъ нельзя замѣнить одну основную реформу, въ зависимости отъ которой легко и просто разрѣшатся многочисленные вопросы русской жизни. «Нѣтъ!—говоритъ Кошелевъ въ той же брошюрѣ,—новаго вина въ старые мѣха вливать нельзя; старое платье новыми заплатами не исправляется не чинится, а только безобразіе его становится ярче и невыносимѣе. Бюрократію и устройство, ею порожденное и покровительствуемое, измѣнить постепенно и по частямъ невозможно. Надобно пресѣчь зло въ корнѣ».

Сознаніе необходимости «пресѣчь зло въ корнѣ» выразилось и въ оживленіи политической дѣятельности той части демократической интеллигенціи, которая до 19-го февраля вела въ литературѣ и обществѣ борбу за экономическія нужды крестьянства противъ сословныхъ притязаній помѣщиковъ. Опредѣленное и послѣдовательное конституціонное движеніе различной интеллигенціи проявилось съ 1861 года тайными обществами и прокламаціями болѣе или менѣе радикальнаго содержанія. Исторія этихъ обществъ еще неизвѣстна, кромѣ «Земли и Воли», о судьбѣ которой недавно разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Л. Пантелѣевъ *). Во всякомъ случаѣ, они не были сильными и вліятельными организаціями. Ни «Великоруссъ», въ изданіи котораго съ августа по ноябрь 1861 года принимали участіе офицеры, какъ, напримѣръ, сотрудникъ «Современника», Обручевъ, ни «Земская Дума» (1862 г.), ни «Земля и Воля» не сгруппировала вокругъ себя сколько-нибудь значительной партіи. Ихъ роль ограничивается тѣмъ, что онѣ бросили въ общество нѣсколько радикальныхъ идей, косвенно повліявшихъ и на сознаніе передовыхъ элементовъ дворянства. «Великоруссъ», не довольствуясь адресами отдѣльныхъ дворянскихъ собраній, процитировалъ подачу одного общаго адреса, покрытаго подписями сочувствующихъ людей всѣхъ званій и состояній и пустилъ въ обращеніе изготовленный текстъ адреса, въ которомъ, указывая на необходимость представительныхъ учрежденій, говорилъ, что вслѣдствіе неспособности бюрократіи и ея неискренности нужно требовать не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для ея составленія.

Въ листкѣ «Земская Дума», распространенномъ въ апрѣлѣ 1862 г. въ Петербургѣ, объявлялось, что образовалась партія «земская дума», которая въ день тысячелѣтія Россіи предъявитъ правительству требованіе о созывѣ народныхъ представителей.

Въ то же время составленъ былъ и проектъ общаго адреса, который, въ виду его историческаго интереса, приводимъ полностью.

«Государь! Положеніе Россіи съ каждымъ днемъ становится за-

---

*) Л. Ф. Пантелѣевъ. „Изъ воспоминаній прошлаго". Спб. 1905. Ср. „Міръ Божій". Іюнь. II, 88.

труднительнѣе и опаснѣе. Гроза растетъ, и между тѣмъ никто не знаетъ, что дѣлать и какимъ путемъ выйти изъ бѣды мирно, невредимо, съ обновленными силами на устройство новой спокойной и обильной жизни.

«Народъ молчитъ въ недоумѣніи. Никто не знаетъ, чего онъ хочетъ; онъ самъ не можетъ уяснить себѣ своихъ потребностей, потому что у него отняты средства столковаться. Онъ не имѣетъ права собираться для обсужденія своихъ нуждъ и заявленія своего голоса. О его нуждахъ никто его не спрашиваетъ; слово, сказанное имъ вслухъ, само правительство Вашего Величества сочло бы за преступленіе противу власти; а между тѣмъ затаенная сила нѣмого множества втихомолку выростаетъ до взрыва. Дворянство, утративъ помѣщичью власть, не пріобрѣло нравственнаго вліянія на народъ и не можетъ пріобрѣсти его до тѣхъ поръ, пока народъ видитъ въ немъ особое, отдѣльное сословіе съ особымъ названіемъ и особыми льготами; сословіе, которое отъ начала прошлаго столѣтія и до сего времени держалось отъ народа особо, жило своею, народу чуждою жизнью, и встрѣчалось съ народомъ только ради разорительнаго и жестокаго угнетенія его, во имя помѣщичьяго крѣпостного права, и безнаказаннаго чиновничьяго произвола. Само дворянство, въ своей гибельной оторванности отъ народа, утратило живое пониманіе народныхъ нуждъ и, несмотря на свою образованность, не въ силахъ уяснить ихъ себѣ, не спросивъ о нихъ у самого народа, и между тѣмъ не видитъ возможности столковаться съ народомъ къ пользѣ общей иначе, какъ напередъ отказавшись отъ всѣхъ своихъ сословныхъ льготъ и преимуществъ, отъ своего сословнаго названія и своей уединенности, или что все одно и то же—не признавъ за народомъ общей всѣмъ одинаковой равноправности.

«Правительство Вашего Императорскаго Величества, несмотря на Ваши искреннія, добрыя и благія начинанія, Государь, оказалось не въ силахъ постановить ясныя и опредѣленныя преобразованія. «Положеніемъ» о крестьянахъ оно, не распутавъ окончательно стараго узла, навязало къ нему такъ много новыхъ петлей, что если теперь не поспѣшить распутать ихъ общими народными силами, узелъ въ скоромъ времени затянется до того, что его развѣ мечомъ или топоромъ перерубишь, а не развяжешь работою мирныхъ рукъ.

«Вслѣдствіе запутанности «Положенія» о крестьянахъ дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы, и смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ чиновниковъ, получающихъ казенное жалованіе и награды, которыя падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство Вашего Величества, вмѣсто пособія дворянству, поспѣшило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита,—и чрезъ это лишило дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ

работать по найму къ помѣщику, который не въ состояніи заплатить за работу. Барщина стала невозможною. Помѣщичьи земли остаются необработанными.

«Между тѣмъ, «Положеніе» дало возможность урѣзать крестьянскую землю. Крестьянинъ не увѣренъ, что онъ завтра сохранитъ землю, которую обрабатываетъ сегодня. Толки объ уставныхъ грамотахъ, въ которыхъ онъ не безъ основанія боится быть обманутымъ и своею подписью отказаться отъ собственныхъ выгодъ и лучшей будущности — отнимаютъ у него время и охоту для обработки собственныхъ полей. Выкупъ обременительный и невозможный по способу, принятому «Положеніемъ», подвигается относительно цѣлаго населенія въ размѣрахъ булавочныхъ головокъ и не успокаиваетъ народа. Его положеніе становится невыносимо; онъ видитъ попрежнему и даже больше, чѣмъ прежде, въ каждомъ помѣщикѣ своего врага и въ распоряженіяхъ Вашего правительства—хитрыя козни чиновниковъ. Мировые посредники не въ состояніи помочь дѣлу; подъ вліяніемъ сбивчивыхъ предписаній министерства, они бѣгутъ отъ должностей, оставляютъ мѣста, на которыхъ не могутъ принести пользы, и народъ, и безъ того взволнованный, попадаетъ подъ власть посредниковъ недобросовѣстныхъ и окончательно озлобляется противу всего, что не принадлежитъ къ народу по платью, по обычаю, по сословнымъ преимуществамъ.

«Такимъ образомъ земля русская остается невоздѣланною. Покупатели безъ денегъ; купцы не могутъ сбывать своихъ товаровъ, и слѣдовательно неохотно покупаютъ ихъ у производителей. Фабрики останавливаются, города разоряются. Все дорого, денегъ нѣтъ, и между тѣмъ кредитные билеты постоянно падаютъ въ цѣнѣ. Довѣріе къ государственной состоятельности колеблется, частнаго кредита не существуетъ. Государственные займы лягутъ новыми налогами на страну, которая перестаетъ производить, и нисколько не помогутъ возстановленію денежнаго курса, потому что звонкой монеты въ непроизводящей странѣ держать нельзя.

«Государственные крестьяне безмолвно ждутъ себѣ новой участи, съ увѣренностью, что правительство, состоящее изъ чиновниковъ, исказитъ благія намѣренія царя; общее экономическое разстройство не только не позволитъ имъ приступить къ выкупу своихъ даровыхъ земель, какъ предполагало министерство Вашего Величества, къ выкупу равно обременительному и несправедливому, — но окончательно вызоветъ ненависть къ управляющему ими чиновничеству. Всеобщее разореніе подвигается быстрыми шагами. Всеобщая нужда подвергаетъ опасности самый престолъ Вашего Величества.

«Государь! не спросясь народа, нельзя спасти государство. Безъ Земскаго Собора, который одинъ въ состояніи найти изъ совокупности

мѣстныхъ экономическихъ средствъ способъ спасти разоренное государство и безденежное правительство, нельзя обойтись безнаказанно.

«Изъ всѣхъ новыхъ учрежденій, введенныхъ по указанію Вашего Величества, одно имѣло полный успѣхъ: это сельскіе и волостные выборы судей, старостъ и старшинъ. Крестьянскіе выборы повсюду были добросовѣстны и безошибочны. Очевидное доказательство, что народъ знаетъ хорошо своихъ избранныхъ и способенъ избрать людей, могущихъ обсуждать общія нужды и спасти Россію, надлежащими постановленіями и указаніями, чего сдѣлать уже не въ силахъ ни сословное дворянство, ни правительство Вашего Величества, составленное изъ дворянъ, чиновниковъ.

«Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, мы, нижеподписавшіеся, безбоязненно, добросовѣстно и искренно обращаемся къ Вамъ, Государь, просимъ и хотимъ, молимъ и требуемъ, чтобы народъ былъ спрошенъ объ общихъ нуждахъ черезъ своихъ избранныхъ людей и призванъ на общій Земскій Соборъ для постановленія, какимъ образомъ, какими учрежденіями спасти, успокоить, обновить и возвеличить русскій народъ и всѣ племена его, русскую землю и всѣ ея области.

«Для чего мы просимъ:

«1) Чтобы по всѣмъ губерніямъ были учреждены волостные и городскіе сходы, для избранія посланцевъ на общій Земскій Соборъ.

«2) Чтобы выбирали всѣ совершеннолѣтніе люди безъ различія сословій, вѣроисповѣданій и толковъ, поголовно, крестьяне срочнообязанные, крестьяне удѣльные, крестьяне государственные, дворяне, купцы, мѣщане, духовенство и люди всякаго званія.

«3) Чтобы для устраненія недовѣрія со стороны крестьянъ, дворяне для подачи голоса приписывались къ любой волости своего уѣзда, исключая той, къ которой принадлежатъ крестьяне, бывшіе у нихъ въ крѣпости.

«4) Чтобы дворяне при подачѣ голосовъ не имѣли никакихъ преимуществъ по сословію или по чину.

«5) Чтобы лица духовнаго чина господствующей церкви приписывались бы для подачи голосовъ къ волостямъ или городамъ, но не къ волостямъ, къ которымъ относится село ихъ прихода, а въ городахъ къ кварталамъ, къ которымъ не относится ихъ приходъ.

«6) Чтобы лица духовнаго званія также не имѣли никакого преимущества при подачѣ голоса ни по сословію, ни по чину.

«7) Чтобы въ городахъ купцы не имѣли ни по сословію, ни по гильдіи никакого преимущества передъ мѣщанами и разночинцами.

«8) Чтобы мѣстныя власти были вовсе устранены отъ подачи голосовъ и всякаго вмѣшательства въ устройство, веденіе и рѣшеніе выборовъ. Люди, сюда относящіеся, могутъ приписываться для подачи голоса только къ мѣстностямъ, гдѣ они не составляютъ власти.

«9) Чтобы избранные волостями и городами люди изъ среды своей избрали, какого бы то званія и чина ни было, трехъ кандидатовъ на уѣздъ и послали бы имена ихъ по волостямъ, селамъ и деревнямъ уѣзда и по городу на утвержденіе народомъ одного изъ нихъ по большинству голосовъ.

«10) Чтобы утвержденный народомъ кандидатъ и былъ избранникомъ отъ уѣзда на общій Земскій Соборъ.

«11) Чтобы такимъ образомъ Земскій Соборъ состоялъ изъ избранниковъ отъ всей Русской Имперіи.

«12) Чтобы на ономъ Земскомъ Соборѣ, вслѣдъ за опредѣленіемъ порядка засѣданій и подачи голосовъ были обсуждены во всеуслышаніе и постановлены: права поземельнаго владѣнія и всякой собственности, вознагражденіе дворянства смотря по уступкѣ земель, способъ выборнаго управленія, сельскаго, волостного и городского, соединеніе уѣздовъ въ области и способъ областного самоуправленія, составъ и размѣръ податей и повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, роспись государственныхъ расходовъ и приходовъ, устройство судовъ гражданскихъ и уголовныхъ, устройство высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, устройство церковныхъ приходовъ, устройство сельскихъ, волостныхъ, областныхъ и государственныхъ кредитныхъ учрежденій, и, вообще, были бы обсуждены и рѣшены всѣ вопросы, которые Земскій Соборъ почтетъ нужнымъ обсудить и рѣшить.

«Изъ любви къ отечеству и народу русскому, мы, нижеподписавшіеся, охотно, искренно и безпрекословно подчиняемся рѣшенію народныхъ избранцевъ на общемъ Земскомъ Соборѣ и глубоко уповаемъ, что изъ любви къ отечеству и народу русскому также охотно, искренно и безпрекословно подчинитесь ему Вы Сами, Государь, какъ единственному способу спасти, успокоить, обновить и возвеличить Государство.

«Государь!

«Съ вѣрою и преданностью подписываемъ наши имена».

На этихъ и нѣсколькихъ листкахъ «Земли и Воли» и закончилось конституціонное движеніе въ разночинской средѣ. Буржуазно-демократическая платформа въ то время лишена была реальной общественной почвы: между «обществомъ», формально лишеннымъ привилегированнаго положенія и отщепенцемъ сословно-крѣпостного порядка—разночинцемъ зіяла слишкомъ глубокая пропасть, чтобы они могли слиться. Разночинецъ долженъ былъ обратиться и обратился къ народу. При этомъ, подъ вліяніемъ анархической пропаганды Бакунина возникшее среди демократической интеллигенціи народническое направленіе отрицательно отнеслось не только къ конституціонализму, но и ко всякимъ политическимъ формамъ и политической борьбѣ. Предполагали, что Россія можетъ избѣжать и экономическаго и политическаго господства буржуазіи.

Но разногласія между радикальной демократіей и либеральнымъ дворянствомъ пріобрѣли практическое значеніе только впослѣдствіи. Въ 61 и 62 гг. тайныя демократическія общества скорѣе даже поддерживали конституціонное дворянское движеніе, принявшее уже опредѣленныя формы. Кошелевъ, чутко отмѣчавшій и отражавшій смѣну общественныхъ настроеній, въ цитированной брошюрѣ ясно формулировалъ очередную задачу момента, какъ она понималась передовыми представителями дворянства. «Единственный исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія, исходъ вѣрный и истинно русскій, есть проявленіе царскаго довѣрія къ народу — созваніе на общій совѣтъ выборныхъ отъ всей земли русской, созваніе Общей Земской Думы въ Москвѣ». Правда, Кошелевъ высказывался противъ конституціи, но онъ высказывался только противъ конституціи писанной, бумажной, и требовалъ, чтобы «государственное уложеніе, достойное этого имени» создалось фактически. Очевидно, земская дума представлялась ему первымъ этапомъ по пути конституціоннаго развитія, и онъ сосредоточивалъ на ней все вниманіе, думая, что все остальное приложится само собою, какъ раньше онъ думалъ, что «все остальное» приложится само собою къ земскимъ учрежденіямъ. Къ 62 году это заблужденіе разсѣялось, и онъ подвергъ безпощадной критикѣ тѣхъ, кто продолжалъ требовать постройки съ фундамента, съ организаціи и укрѣпленія губернскихъ и уѣздныхъ всесословныхъ земскихъ собраній. «При указываемомъ способѣ,—писалъ Кошелевъ,— положеніе для губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій должно быть сочинено въ Петербургѣ бюрократіею, хотя бы даже съ призывомъ экспертовъ и депутатовъ и съ повтореніемъ всего того, что дѣлалось на берегахъ Невы по случаю освобожденія крестьянъ. Такимъ образомъ сочиненное положеніе не можетъ не быть для всѣхъ гражданъ равно неудовлетворительнымъ и къ тому же неудобоисполнимымъ; ибо оно зачнется при опасеніяхъ чего-то, будетъ составляться подъ вліяніемъ желанія дать какъ можно меньше и удержать какъ можно больше, будетъ разсматриваться въ комитетѣ, гдѣ на одного депутата посадятъ трехъ чиновниковъ, и, наконецъ, оно подвергнется окончательному пересмотру въ такомъ учрежденіи, гдѣ никто Россіи не вѣдаетъ и гдѣ озаботятся лишь тѣмъ, какъ бы рѣшительнаго, положительнаго сказать поменьше, и дѣло съ рукъ сбыть. Постановленіе, въ такомъ видѣ утвержденное, отправится къ исполненію въ губерніи. Начальники губерній, подражая пославшимъ ихъ, всячески постараются еще стянуть петли, приготовленныя бюрократіею, и непремѣнно сочтутъ долгомъ вмѣшиваться въ дѣла собраній. Вѣдь, необходимо этимъ сановникамъ представлять собранія бунтующими, доносить, что ловкостью и энергіею эти ярые крамольники были укрощены, и, такимъ образомъ, добывать себѣ чины, звѣзды, земли или аренды. Уѣздныя и губернскія собранія, при такомъ порядкѣ вещей, не успокоятъ, не удовлетворятъ

ни вотчинниковъ, ни крестьянъ, ни горожанъ, а напротивъ того они послужатъ только къ общему раздраженію умовъ. Они даже не доставятъ мѣстностямъ улучшеній по управленію, по устройству дорогъ, мостовъ и проч., ибо навѣрное и тутъ въ пользу власти удержатся инструкціи, разрѣшенія, утвержденія и проч. Правительство, съ своей стороны, будетъ все болѣе и болѣе раздражаться неблагодарностью людей, не чувствующихъ того, что для нихъ сдѣлано и простирающихъ свои домогательства все далѣе и далѣе...

«Мы рѣшительно не допускаемъ пользы и дѣйствительности уѣздныхъ и губернскихъ собраній безъ одновременнаго объявленія о созывѣ Общей Земской Думы». Такъ, наконецъ, земская мысль ясно и опредѣленно поставила вопросъ объ увѣнчаніи зданія.

Насколько вѣрно Кошелевъ выразилъ настроеніе значительной части дворянства, видно изъ того, что во многихъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и 1863 годовъ были не только возбуждены вопросы о необходимости представительнаго правленія, но и приняты всеподданнѣйшіе адреса съ соотвѣтственными ходатайствами. Въ Новгородѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Твери, Тулѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ дворянство подало голосъ въ пользу созыва народныхъ представителей, хотя подъ народными представителями оно нерѣдко разумѣло представителей дворянства.

Нѣкоторые изъ этихъ предложеній и адресовъ сохранились въ литературѣ, но большинство ихъ составлено по обычной формѣ, какъ, напримѣръ, записка царскосельскаго предводителя дворянства Платонова о необходимости созванія выборныхъ земли русской, государственной думы. «Необходимо,—говорилъ Платоновъ,—не только въ видахъ народнаго блага, но и для прочнѣйшаго утвержденія верховной власти изыскать надежныя средства къ познанію народныхъ потребностей, поставить преграду самовластью правительственныхъ лицъ и установить правильный путь, по коему голосъ народа восходилъ бы до престола вѣрно и своевременно. Достиженія сего можно найти лишь въ допущеніи участія гражданскихъ сословій въ управленіи государственномъ и въ установленіи общаго народнаго представительства посредствомъ соединенія въ одну государственную думу людей отъ всѣхъ частей государства».

Въ симбирскомъ адресѣ губернское дворянство заявляло, что «оно высказываетъ положительно насущную потребность приступить къ кореннымъ преобразованіямъ управленія, признаваемымъ всѣми, какъ единственное средство къ охраненію Россіи отъ окончательнаго ея разстройства» и требовало созыва дворянскихъ представителей для окончательнаго обсужденія преобразованій.

Совершенно другой характеръ носятъ постановленія и адресъ твер-

ского дворянскаго собранія 1862 года. Они представляютъ высшую точку развитія либерально-демократическаго движенія въ дворянской средѣ и заслуживаютъ вниманія современнаго читателя. Протоколъ тверского губернскаго дворянскаго собранія является историческимъ актомъ, который, при другихъ условіяхъ, могъ повлечь выдающіяся историческія событія.

«1862 года февраля 3 дня,—гласитъ этотъ протоколъ,—чрезвычайное тверское губернское дворянское собраніе, по всестороннемъ обсужденіи вопроса объ устройствѣ земскаго банка, пришло къ слѣдующимъ соображеніямъ:

«1) для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы:

«а) преобразованіе финансовой системы въ томъ смыслѣ, чтобы она зависѣла отъ народа, а не отъ произвола,

«б) учрежденіе независимаго и гласнаго суда, безъ котораго невозможенъ не только частный кредитъ, но и государственный и

«в) введеніе полной гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія.

«Безъ этой гласности не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству и къ прочности общественнаго порядка.

2) Кромѣ всѣхъ этихъ реформъ, нужно уничтоженіе тѣхъ враждебныхъ отношеній между сословіями, которыя являются слѣдствіемъ законоположеній 19 февраля 1861 года, возбудившихъ только вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но не рѣшившихъ его окончательно. Уничтоженіе антагонизма сословій можетъ быть произведено не иначе, какъ ихъ полнымъ сліяніемъ.

«Дворянство, будучи глубоко проникнуто сознаніемъ безотлагательной необходимости выйти изъ этого антагонизма и желая уничтожить всякую возможность упрека въ томъ, что оно составляетъ преграду на пути общаго блага, объявляетъ предъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій и не считаетъ нарушеніемъ своихъ правъ обязательное предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ при содѣйствіи всего государства.

3) Осуществленіе этихъ реформъ невозможно тѣмъ путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства произвести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. Посему дворянство обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая свою несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ

того пути, на которомъ оно должно служить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій».

Согласно съ этимъ протоколомъ былъ составленъ и всеподданнѣйшій адресъ тверского дворянства.

«Собравшись въ первый разъ послѣ обнародованія законоположеній 19-го февраля 1861 года, тверское дворянство привѣтствуетъ русскаго царя, который приступилъ къ освобожденію крестьянъ и къ искорененію всякой неправды на землѣ русской.

Тверское дворянство объявляетъ торжественно, что оно искренно сочувствуетъ добрымъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества и готово слѣдовать за Вами путемъ, ведущимъ къ благоденствію русскаго народа.

Въ доказательство нашей готовности и полнаго довѣрія къ лицу Вашего Императорскаго Величества мы рѣшаемся представить на благоусмотрѣніе Ваше откровенное изложеніе нашихъ мыслей безъ всякой лжи и утайки.

Манифестъ 19-го февраля, объявившій волю народу, улучшилъ нѣсколько матеріальное благосостояніе крестьянъ, но не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и не уничтожилъ всѣхъ беззаконій, порожденныхъ крѣпостнымъ правомъ. Здравый смыслъ народа не можетъ согласить объявленной Вашимъ Величествомъ воли съ существующими обязательными отношеніями къ помѣщикамъ и съ искусственнымъ раздѣленіемъ сословій.

Народъ видитъ, что онъ современемъ можетъ освободиться только отъ обязательнаго труда, но долженъ оставаться вѣчнымъ оброчникомъ, преданнымъ во власть тѣхъ же помѣщиковъ, названныхъ мировыми посредниками. Государь! Мы признаемся откровенно, что сами не понимаемъ этого положенія. Такое громадное недоразумѣніе ставитъ все общество въ безвыходное положеніе, грозящее гибелью государству. Что же мѣшаетъ устранить его? Въ обязательномъ предоставленіи земли въ собственность крестьянъ мы не только не видимъ нарушенія нашихъ правъ, но считаемъ это единственнымъ средствомъ обезпечить спокойствіе страны и наши собственные имущественные интересы.

Мы просимъ привести эту мѣру въ исполненіе общими силами государства, не полагая всей тяжести ея на однихъ крестьянъ, которые менѣе другихъ виновны въ существованіи этого права.

Дворяне въ силу сословныхъ преимуществъ избавлялись до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь! Мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій. Неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копейки. Это могло быть терпимо при крѣпостномъ правѣ,

но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ своей родинѣ.

«Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ Ваше Величество разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей соотвѣтственно состоянію каждаго. «Кромѣ имущественныхъ привилегій мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ. Въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія.

«Всемилостивѣйшій Государь! мы тверды увѣрены, что Вы искренно желаете блага Россіи и потому считаемъ священнымъ долгомъ высказать откровенно, что между нами и правительствомъ Вашего Величества существуетъ страшное недоразумѣніе, которое препятствуетъ осуществленію Вашихъ благихъ намѣреній. Вмѣсто дѣйствительнаго осуществленія обѣщанной воли сановники изобрѣли временно обязанное положеніе, невыносимое какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Вмѣсто одновременнаго обязательнаго обращенія крестьянъ въ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ, они изобрѣли систему добровольныхъ соглашеній, которая грозитъ довести до крайняго разоренія и крестьянъ и помѣщиковъ; нынѣ они находятъ необходимымъ сохраненіе дворянскихъ привилегій, тогда какъ мы сами, болѣе всѣхъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, желаемъ ихъ отмѣненія.

«Этотъ всеобщій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся говорить за весь народъ, несмотря на то, что мы стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности, не только для удовлетворенія, но даже и для указанія народныхъ потребностей. Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными потому, что принимаются безъ спроса воли народа. Созваніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19-го февраля.

«Представляя на разсмотрѣніе Вашего Величества всеподданнѣйшее прошеніе о созваніи земскаго собранія, мы надѣемся, что искреннее желаніе общаго блага, одушевляющее тверское дворянство, не подвергнется превратному толкованію. Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣемъ счастіе именоваться Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанные». 112 подписей.

Правительство отвѣтило на тверской адресъ суровыми репрессіями. Народъ встрѣтилъ его молчаніемъ; значительная часть дворянства—ужасомъ и негодованіемъ. Смѣлая попытка тверского дворянства оста-

лась одинокой, но она не прошла безслѣдно для развитія общественнаго сознанія.

Вскорѣ послѣ дворянскихъ адресовъ 1862 года внутреннія неурядицы осложнились волненіями въ Польшѣ, предвѣщавшими возстаніе. Неспособность бюрократическаго строя мирно урегулировать взаимныя отношенія двухъ родственныхъ націй дѣлала еще болѣе труднымъ и безъ того трудное и тяжелое положеніе. И въ началѣ 63 года дворянскія собранія снова подняли вопросъ о такихъ формахъ государственной жизни, при которыхъ могли бы получить удовлетвореніе естественныя права каждаго народа на самоопредѣленіе.

Полной побѣды, однако, общественное движеніе не одержало и на этотъ разъ. Съ одной стороны, оно было отравлено и ослаблено пережитками сословно-крѣпостныхъ отношеній, съ другой—даже освобождаясь отъ печальнаго наслѣдія прошлаго, оно не могло найти достаточной силы въ народныхъ массахъ. Какъ усилія Наполеона I, ликвидировавшаго феодальный строй почти во всей Европѣ, разбились о стѣну примитивныхъ производственныхъ отношеній въ Россіи, такъ усилія Унковскаго, Кошелева, Бакунина и другихъ вождей либеральнаго движенія шестидесятыхъ годовъ снова разбились о косность натуральнаго хозяйства. Но дворянскому движенію удалось нанести серьезную рану новорожденному полицейскому государству. Правительство принуждено было уступить обществу судебную, земскую и цензурную реформу. И если, сейчасъ же послѣ ихъ проведенія, эти реформы сдѣлались пунктами яростныхъ атакъ реакціи, то, во всякомъ случаѣ, одна изъ нихъ—земская—на долгое время осталась крѣпостью,—правда, плохо защищенною,—въ которой не только сохранились обломки либеральнаго движенія, но и выросло новое либерально-демократическое движеніе, результатъ слиянія покаявшагося дворянина-феодала съ покаявшимся разночинцемъ-соціалистомъ.

Ник. Іорданскій.

МОРЕ.

Тогда мнѣ было двадцать лѣтъ.
Оставивъ экипажъ дорожный,
Я побѣжалъ съ мечтой тревожной
Туда, гдѣ степь теряла слѣдъ.
Вотъ выступъ. Я на крутизнѣ.
И съ страстной жадностью во взорѣ
Я вдаль впился глазами. Море!
Все сердце вздрогнуло во мнѣ.
Деревья, камни и цвѣты,
Казалось, замерли съ разбѣга:
Ихъ, какъ меня, сковала нѣга
Непостижимой красоты.
Какъ размахнулося оно
Внизу безъ грани и безъ края,
Гудя, вздыхая и сверкая,
Съ бездоннымъ небомъ заодно!
Кой-гдѣ въ сіяющей дали
Скользили, ввѣрившись пучинѣ,
Какъ тѣни жизни по пустынѣ,
Сѣдыя птицы—корабли.
Черты величья божества
Въ живомъ просторѣ отражались.
Глаза невольно разбѣжались
И закружилась голова.
Я растерялся, опьянѣлъ
Отъ этой дикой, гордой воли,
А сердце ширилось отъ боли
И каждый нервъ во мнѣ звенѣлъ.
И морю крикнулъ я: «Привѣтъ!
Благословляю небо, воду!
Какъ ты, я знаю лишь свободу!»
Тогда мнѣ было двадцать лѣтъ.

А. Ѳедоровъ.

ЦѢНОЮ ЖИЗНИ.

Джованни Чѐна.

Переводъ съ итальянскаго **Е. Лазаревской**.

(*Продолженіе* *).

X.

Отчего составленіе этихъ записокъ доставляетъ мнѣ такое удовольствіе? Чѣмъ дальше я пишу, тѣмъ болѣе углубляюсь въ нихъ и въ иныя минуты даже, кажется, теряю изъ виду то, что должно явиться ихъ завершеніемъ, что должно дать имъ цѣну, вѣсъ и значеніе. Но во мнѣ нѣтъ уже ни малѣйшаго внутренняго колебанія,—рѣшеніе принято мною твердо. И самыя мысли мои, задерживающіяся на моей краткой жизни, сосредоточенной въ этихъ двухъ годахъ, кажутся мнѣ воспоминаніемъ о какомъ то снѣ.

Разскажу сейчасъ одну сцену, до странности живо и полно сохранившуюся во всѣхъ своихъ подробностяхъ въ моей памяти. Эта сцена позволила мнѣ заглянуть на мгновеніе въ самую глубину души тѣхъ людей, которыхъ я раньше всегда видѣлъ скрытыми подъ покровомъ одной общей, однообразной тревоги ежедневной борьбы за существованіе, и дала мнѣ ясное и безпощадное сознаніе ихъ осужденія и ихъ неизбѣжной гибели.

Палящее августовское солнце только что спустилось за Альпы. Я сидѣлъ съ книгой въ рукахъ на окнѣ въ комнатѣ Куибіо; онъ работалъ. Внутренніе корридоры дома начинали оживляться дѣтьми и женщинами, тогда какъ впродолженіе дня казалось, что только тяжелое дыханіе какого то громаднаго задыхающагося организма поднималось изъ глубины двора и разсѣивалось въ атмосферѣ. Теперь на балконахъ верхнихъ этажей раздавались крики дѣтей и возгласы облегченія женщинъ, которыя появились тамъ въ свѣтлыхъ платьяхъ съ обнаженными руками и отъ времени до времени перекидывались между собою лѣнивыми фразами.

---

*) См. „Міръ Божій“ № 6, іюль 1905 г.

Тощая кошка Саламандры жалобно смотрѣла на меня съ постели Куибіо. Онъ какъ то разъ заманилъ ее къ себѣ въ комнату, чтобы нарисовать ее вмѣстѣ съ большимъ, толстымъ, холенымъ бѣлымъ котомъ одной дамы, жившей въ которомъ то изъ нижнихъ этажей, и теперь они были увѣковѣчены глядящими другъ на друга на гравюрѣ цвѣта ржавчины. Буржуазный котъ скоро исчезъ, съ грубостью потребованный своей желчной хозяйкой, что было услышано Саламандрой и вызвало съ ея стороны громкія замѣчанія и намеки относительно судьбы кошекъ и людей, или точнѣе женщинъ; вся разница между ею и дамой изъ нижняго этажа состояла, по ея словамъ, только въ счастьѣ.

Впрочемъ, и рисунокъ Куибіо долженъ былъ вызывать то же заключеніе; кошка же съ рѣдкой торчащей шерстью проникласъ съ тѣхъ поръ любовью къ Куибіо и всякій разъ, что видѣла его дверь пріотворенною, прокрадывалась къ нему въ комнату и сидѣла тамъ, глядя на него раздирающими душу глазами, слишкомъ большими для угловатой головы.

— Ты не читаешь?—спросилъ Куибіо, чистя мѣдную доску.—Сейчасъ придетъ Пикадэй.

Дѣйствительно, минуту спустя, пришелъ каррикатуристъ и съ нимъ Ноту, смѣявшійся, раскрывъ ротъ до самыхъ ушей, торчавшихъ, какъ у кошки. Онъ держалъ въ рукахъ большого ворона.

Мы поздоровались. Я уже нѣсколько разъ встрѣчался съ Пикадэемъ, и мы сразу оказались съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Онъ былъ чрезвычайно симпатиченъ, хотя обладалъ какой то особенной, поразительной проницательностью, которая меня смущала. Онъ сразу заинтересовался мною, впрочемъ, можетъ быть, въ значительной степени изъ любопытства. Онъ объяснялъ мнѣ какъ то, въ чемъ состоитъ разница между мною и Куибіо... По его словамъ, я одно изъ тѣхъ висячихъ растеній, которыя питаются воздухомъ и, умирая, разлетаются въ воздухѣ. Куибіо же—дубъ съ крѣпкими корнями, пускающій отъ себя отпрыски новыхъ дубовъ. «Ты не зналъ своей матери, и у тебя нѣтъ близкой женщины. Если въ жизни мужчины нѣтъ близкой женщины, можно сказать, что онъ существо безъ плоти и крови. Ты слишкомъ оторванъ отъ жизни; ты даже не усыновилъ никого, какъ это дѣлаютъ добрые буржуа, въ которыхъ есть инстинктъ размноженія. На свѣтѣ много есть обездоленныхъ, и большихъ и малыхъ, но сколько бы ты ни твердилъ себѣ, что они твои братья, братства этого ты не ощущаешь. Я, впрочемъ, дѣлаю то же самое. Мы съ тобой любимъ человѣчество, то-есть нѣкоторую отвлеченность,— но мы не испытываемъ любви къ нашимъ братьямъ»...

Можетъ быть, это правда? Я очень надъ этимъ задумался.

— Новость,—заговорилъ Пикадэй, лаская кошку, которая, какъ только онъ вошелъ, соскочила съ кровати и старалась привлечь къ

себѣ его вниманіе.—Рабочіе «Національной Типографіи» рѣшили на завтра забастовку.

— Отлично!—одобрилъ Куибіо.

— Нѣтъ. Ничего не добьются, и только хуже станетъ. Неудачная забастовка—это разгромъ. И бѣда, если остальныя типографіи согласятся ихъ поддерживать: всѣ будутъ голодать эти зиму.

— Но когда они правы!—прервалъ я его.

— Этого мало. Надо имѣть силу. Развѣ ты не видишь? Правительство гарантируетъ свободу. Да здравствуетъ свобода! А ты знаешь, что такое свобода? Я вотъ тебѣ скажу: Станга, ты свободенъ! Но земля, по которой ты ходишь,—моя, воздухъ, которымъ ты дышишь—мой. Это значитъ, и ты мой. Правительство гарантируетъ свободу тѣмъ, кто владѣетъ тобою, какъ вещью!

Изъ подъ кровати раздалось вдругъ фырканье, потомъ мяуканье. Это Ноту науськивалъ на бѣдную кошку ворона, который разѣвалъ свой клювъ, точно собирался проглотить ее.

— Животное!—молвилъ Куибіо, хватая мальчика за шиворотъ.— Садись тутъ и сиди смирно, слушай внимательно, что говорятъ старшіе. Зачѣмъ ты взялъ ворона?

— Чимизинъ его упустилъ. Я ему его несъ.

Воронъ былъ новымъ товарищемъ стараго помѣшаннаго. И онъ тоже былъ очень старъ; перья около громаднаго клюва его, облѣзлаго у основанія, казались сѣдыми. Онъ все прыгалъ, махая своими обломанными крыльями и хвостомъ, или дремалъ, втянувъ голову въ плечи. Онъ уже былъ занесенъ Куибіо въ его Аерополисъ.

— И какъ бы то ни было,—продолжалъ Пикадэй,—это помѣшаетъ устроить потомъ правильную стачку. Владѣльцы воспользуются предостереженіемъ и приготовятся разбить ее. Рабочіе слишкомъ довѣряютъ своей новой силѣ...

Кто то постучалъ въ эту минуту въ дверь. Ноту подскочилъ къ дверной ручкѣ,—появилась голова Саламандры.

— Моя Нини?

— Вонъ она,—отвѣтилъ Куибіо, указывая на кошку.

— Эдакій дрянной мальчишка,—сказала она, протягивая руку къ уху Нóту.

— Ничего онъ ей не сдѣлалъ, пошутилъ только,—вступился Куибіо за мальчугана и продолжалъ, приглашая ее.—Входи, не бойся. Представляю тебѣ Пикадэя.

— А! Одна изъ гражданокъ Аерополиса,—сказалъ тотъ, улыбаясь ей;—я уже на васъ любовался...

— Онъ меня сдѣлалъ слишкомъ уродливой,—возразила она и пошла было прочь изъ комнаты.

Но Куибіо усадилъ ее на стулъ.

— Если подождешь минуту, выпьемъ по глотку. У меня сегодня празднество. Пойди, позови свою маму,—обратился онъ къ Ноту.

Мальчуганъ просіялъ и стрѣлой вылетѣлъ изъ комнаты.

— Очень люблю этого карапуза,—сказалъ Куибіо.—Изъ него будетъ толкъ. Если-бы ты видѣлъ, какъ онъ рисуетъ!

И, найдя среди своихъ бумагъ одинъ листъ, онъ подалъ его Пикадэю.

Саламандра, встрѣчая меня на лѣстницѣ, часто улыбалась мнѣ какой то язвительной улыбкой, очень меня втайнѣ раздражавшей; теперь она опять такъ же взглянула на меня. Я пожалъ плечами...

— Отлично!—съ изумленіемъ воскликнулъ Пикадэй, посмотрѣвъ рисунокъ.—Да онъ умѣлый рисовальщикъ! Кто бы могъ сказать?! Мы сдѣлаемъ изъ него первокласснаго каррикатуриста!

Это былъ набросокъ, намараный перомъ. Мальчикъ, видимо господскій, со снисходительно важнымъ видомъ чистилъ яблоко, а другой, стоявшій противъ него, гораздо болѣе маленькій полуголый мальчуганъ подбиралъ отпадавшую длинной спиралью кожуру, съ явнымъ удовольствіемъ собираясь съѣсть ее. Такъ объяснилъ Куибіо.

— И какая безсознательная иронія!—продолжалъ Пикадэй.—Внизу надо подписать: «Равенство». Вотъ еще микробъ изъ тѣхъ, о которыхъ я тебѣ говорилъ...—добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Увидите, какой отличный очиститель выйдетъ изъ этого карапуза. Надо учить его!

Пикадэй, дѣйствительно, объяснялъ мнѣ какъ то, что онъ самъ ничто иное, какъ микробъ, изъ тѣхъ, что ѣдятъ испортившіяся вещи, чтобы очистить отъ нихъ мѣсто. Впрочемъ, всѣмъ извѣстно, чьей рукѣ принадлежатъ полные сарказма рисунки съ подписью «strafilococcus» «бацилла запятая». Онъ старался проявлять неумолимую жестокость по отношенію къ своимъ жертвамъ, но въ то же время сердце у него было нѣжное, какъ у дѣвушки. Онъ всегда остерегался, какъ бы не вложить личной досады или непріязни въ свои каррикатуры. А надо сказать, что нѣкоторыхъ видныхъ лицъ онъ такъ изобразилъ, что уже весь городъ не могъ представить ихъ себѣ иначе, какъ въ томъ видѣ, какой онъ имъ придалъ. Но онъ столько выстрадалъ, что я вполнѣ понималъ присутствіе въ немъ маленькой дозы жестокости. Онъ перебывалъ на своемъ вѣку всѣмъ, чѣмъ только возможно, отъ чистильщика сапогъ да продавца духовныхъ книгъ, питался кореньями и отбросами, которые подбиралъ на улицахъ, и четыре зимы подрядъ провелъ въ больницѣ. Теперь онъ былъ доволенъ всѣмъ пережитымъ, какъ своего рода преимуществомъ; онъ говорилъ, что узналъ зато всю гамму жизни,—toute la lyre. И онъ пользовался этимъ какъ какимъ то особымъ даромъ, такъ какъ теперь все, даже возможность быть сытымъ каждый день, казалось ему богатствомъ, роскошью.

— Такъ, значитъ, будемъ пировать!—воскликнула Саламандра.

— Вотъ!—и, вмѣсто дальнѣйшаго отвѣта, Куибіо вытащилъ изъ подъ стола двѣ бутылки, затѣмъ положилъ скатерть, развернулъ два свертка и разложилъ на нѣсколько тарелокъ ихъ содержимое; зажегъ большую керосиновую лампу съ широкимъ краснымъ абажуромъ.

— А теперь будемъ веселиться!—заключилъ онъ.

Вошла жена пьяницы и Ноту съ убогой сестренкой—дурочкой.

— Только Чимизина еще нѣтъ,—сказалъ Куибіо.

— Тогда я уйду!—заволновалась Саламандра.

— Почему? На кострѣ умираетъ вражеская злоба,—изрекъ Куибіо:—Чимизинъ воскресъ изъ мертвыхъ и гораздо безобиднѣе теперь, чѣмъ былъ раньше. Пойду попробую позвать его...

— Я уйду, я уйду,—запротестовала она.—Тоже и блондинку позовешь? да?

— Э! еслибы она пришла! Но и пробовать не стоитъ ее звать. Бѣдная дѣвушка! Садись, садись тамъ пока что,—договорилъ онъ, припринуждая ее остаться.

Минка тѣмъ временемъ сѣла въ уголокъ, съежившись, стараясь занимать вмѣстѣ со своей дѣвочкой какъ можно меньше мѣста и тщетно пытаясь усмирять мальчугана, который держалъ себя, какъ хозяинъ.

— А маленькій что, Минка?—спросила Саламандра.

— Спитъ.

— А пьяница гдѣ?—съ усмѣшкой, двусмысленнымъ тономъ спросила дѣвушка.

— Не знаю...—умоляюще отвѣтила Минка.—Не говори мнѣ о немъ! Нынче онъ не ходитъ уже въ мастерскую. Часто и ночью не приходитъ домой, а когда приходитъ, спитъ двое сутокъ подрядъ.

— Пусть бы совсѣмъ не возвращался,—сказала, смягчившись, Саламандра.—Гдѣ онъ только беретъ деньги на пьянство? Скверно онъ съ тобой поступаетъ, Минка.

Въ корридорѣ послышался точно какой то споръ. Въ комнату заглянулъ Чимизинъ и тотчасъ же съ недовѣріемъ опять отступилъ обратно въ корридоръ. Куибіо протолкнулъ его въ двери:

— Кой чортъ! Не съѣдятъ вѣдь васъ!—и, обернувшись къ Пикадэю, художникъ съ торжественнымъ жестомъ произнесъ:—Имѣю честь представить тебя синьору Верруа́, называемому невѣжественной толпой Чимизинъ.

Старикъ поздоровался съ каррикатуристомъ съ такимъ видомъ, какъ будто уже зналъ его. Онъ, дѣйствительно, зналъ въ городѣ многихъ людей, преимущественно молодыхъ, которые забавлялись имъ, восторгаясь его воздухоплавательными изобрѣтеніями, а онъ, какъ истинно великій человѣкъ, во всякой улыбающейся физіономіи видѣлъ почитателя, въ каждой равнодушной—врага.

Онъ сѣлъ къ столу и ждалъ, чтобы заговорили о немъ. Началъ

мальчикъ, сказавъ, что и его воронъ тоже вотъ все безплодно размышляетъ о томъ, какъ бы полетѣть... Воронъ между тѣмъ уже сидѣлъ на колѣняхъ у старика, очутившись тамъ въ два скачка.

— Это вы изобрѣтатель снаряда «тяжелѣе воздуха?»—сейчасъ же спросилъ его Пикадэй.

— Тяжелѣе воздуха; ну, конечно!.. Нѣтъ такого летающаго насѣкомаго, которое, не было бы тяжелѣе воздуха.—И схвативъ птицу, онъ пустился въ сложныя, запутанныя объясненія, растягивая облѣзлыя крылья и хвостъ ворона. Онъ говорилъ съ большими жестами, взмахивая широкой коленкоровой блузой, которую носилъ всегда, зиму и лѣто, и часто поднимая вверхъ лѣвую руку, какъ бы въ защиту отъ врага. Нижняя часть этой руки была у него всегда обмотана подъ рукавомъ повязкой и вооружена жестяннымъ браслетомъ, который долженъ былъ служить ему щитомъ противъ тѣхъ, которые могли бы напасть на него и отвезти его въ домъ сумасшедшихъ, какъ уже это разъ и было.

— Ну, оставимъ это пока,—сказалъ Куибіо, принимаясь нарѣзать ломтиками колбасу изъ рубленой свинины. Потомъ онъ вынулъ окорокъ ветчины, наконецъ вытащилъ изъ ящичка гирлянду мелкихъ колбасъ и повѣсилъ ее на гвоздь.

— Всѣмъ этимъ мы обязаны гравировальному рѣзцу, господа мои. Да здравствуетъ искусство!

Это было вознагражденіе за меню, которое онъ нарисовалъ и выгравировалъ по заказу одного ресторатора. При видѣ всего этого кошка сдѣлалась точно пьяная. Дѣвочка—дурочка стала издавать какіе то хрюкающіе звуки, и Саламандра сдѣлала видъ, будто ей противно.

— Слишкомъ ужъ много колбасы,—сказала она съ гримасой.

Тогда Куибіо открылъ коробку съ пирожнымъ и засахаренными фруктами, окруженными бордюромъ изъ бумажнаго кружева. Глаза у дѣвушки успокоились.

Припасы исчезали какъ бы по волшебству. Зрѣлище, которое представляла изъ себя Минка, было горестно и трогательно: она ѣла съ жадностью и улыбалась, и глаза ея были полны слезъ. Она чувствовала, что надо улыбаться, чтобы смягчать улыбкой животное выраженіе, которое голодъ долженъ былъ придавать всему ея лицу при неудержимой мучительной поспѣшности его утоленія; дѣвочка же ѣла съ полнымъ усердіемъ, какъ и кошка, для которой это занятіе было стремленіемъ каждаго мгновенія ея существованія. Воронъ, уже сытый, воровалъ и пряталъ куски.

Я смотрѣлъ на все это съ глубокой грустью, такъ какъ чувство, возникавшее во мнѣ при этомъ, было не сочувствіе, не жалость, но досада. Это было мое человѣчество, мое представленіе о самомъ себѣ, которыя я видѣлъ передъ собой униженными и попираемыми.

И когда я подумалъ, что голоданье однихъ,—и многихъ,—это низменное страданіе желудка является послѣдствіемъ алчности немногихъ другихъ,—я почувствовалъ въ себѣ приливъ гнѣвнаго отчаянія.

— И подумать, что когда мы брали Римъ, и я тамъ былъ, мы думали, что уже съ этихъ поръ всѣ будутъ сыты!

— Это вы-то Римъ брали!—воскликнула Саламандра.—Кто этому повѣритъ!

— А вмѣсто того,—продолжалъ Чимизинъ, не обращая на нее вниманія и смотря на Минку,—завели дружбу съ папой. Что меня касается, я, конечно, вѣренъ конституціи, объ этомъ нечего и говорить, но допустить, чтобы отъ насъ отняли Тунисъ, это было слишкомъ! Мы могли поселить туда всѣхъ этихъ людей!—добавилъ онъ, указывая на голодныхъ.

— Отправляйтесь туда сами!—закричала дѣвушка, бросая въ него голой вѣткой изюма, противъ которой онъ мгновенно подставилъ свою бронированную руку.

— Кавуръ и Витторіо!—вздохнулъ омрачившійся старикъ.—А потомъ больше ничего... ничего...

— Ну, что тамъ, довольно объ этомъ! За будущность аеронавтики!—воскликнулъ Куибіо, предлагая Чимизину стаканъ.

— Я не пью,—съ достоинствомъ отвѣтилъ тотъ.

Пикадэй выпилъ за здоровье обитателей Аерополиса. Но и онъ тоже все смотрѣлъ съ горестнымъ любопытствомъ на Минку. Я поднялъ свой стаканъ съ водой:

— За тотъ день, когда у всѣхъ будетъ достаточно хлѣба!

— Насъ тогда на свѣтѣ не будетъ!—замѣтила, какъ бы насмѣхаясь надо мной, Саламандра.—А вино какъ же? Вино тоже необходимо. Слушайте, друзья... слушай, Куибіо! Если-бъ не вино, сейчасъ же, сію минуту бросилась бы я тутъ у тебя изъ окошка!

Она встала съ загорѣвшимся лицомъ, потомъ, какъ подкошенная, упала опять на стулъ.

— Да здѣсь и не я одна,—заговорила она опять съ язвительной гримасой,—не я одна не прочь покончить съ жизнью какъ-нибудь такъ, чтобы какъ можно меньше это замѣтить, не правда ли, Чимизинъ? И ты, Минка, не правда ли?.. Чимизинъ хочетъ летать. Всѣ мы хотимъ летать, не правда ли, Станга?

Голосъ ея сталъ хриплымъ, взглядъ пристальнымъ и мутнымъ, и все это вмѣстѣ вызывало во мнѣ все усиливавшееся чувство непріятности и неловкости.

— Ты, Куибіо, счастливый, я знаю! Я бы хотѣла всегда быть около тебя, чтобы защищать тебя своими когтями, вотъ какъ этотъ воронъ, какъ моя кошка, и чтобы ты меня не видѣлъ... Но я не всегда была Саламандрой. Мое общество вамъ чести не дѣлаетъ, и вы слишкомъ добры. Вы сильны, вы мужчины, и вы пробиваете себѣ

дорогу. Но если бы вы были женщинами, тогда, клянусь вамъ, вы бы не выбились, не могли бы стать людьми, клянусь вамъ въ этомъ...

— Я пойду спать,—прервалъ ее Чимизинъ, забирая своего ворона.— Саламандра становится отъ вина тоскливой.

На дворѣ уже не слышно больше голосовъ. Въ небѣ царила тишина, и луна разливала свой покойный свѣтъ, покрывая какъ бы голубой дымкой противоположную крышу и далекія горы.

— Я надоѣла вамъ, а?—сказала женщина.

— Нѣтъ, ты такое же человѣческое существо, какъ и мы,—возразилъ Кунбіо,—какая разница?

— Э! есть разница, другъ мой! Когда я теперь раздумываю, такъ очень вижу ее, эту разницу. Видишь ли... Минка вотъ умираетъ съ голоду. И я говорю себѣ, что когда мы умремъ, то для обоихъ это будетъ одно и то же. Но теперь—нѣтъ, и ничего съ этимъ не подѣлаешь! Мнѣ кажется, что я вотъ такая же, какъ Пьяница. Ему уже не вернуться обратно. Не надо было ступать на этотъ путь... Надо было умереть тогда, когда первый негодяй предложилъ тебѣ первый ужинъ, не заработанный исколотыми пальцами... Мнѣ нѣтъ извиненія. Могла умереть, какъ Минка, а умру Саламандрой... но, впрочемъ, какъ только можно позже... Развеселись, старина!

И она хотѣла схватить за руку выходившаго Чимизина, но тотъ ускользнулъ отъ нея, а она расхохоталась, держась за бока, и кончила смѣхъ припадкомъ кашля.

— Ничего вѣдь вы не знаете,—заговорила она опять съ мрачнымъ видомъ.—Тамъ, на родинѣ, у меня въ деревнѣ... какъ разъ въ этотъ же мѣсяцъ, восемнадцать лѣтъ мнѣ было... священникъ говорилъ въ проповѣди о позорѣ всей деревни, и я была въ церкви, и всѣ смотрѣли на меня такъ, что я подъ землю хотѣла провалиться... Ну, а почему онъ не былъ позоромъ, онъ, племянникъ священника, студентъ, который привелъ меня въ это состояніе? Я тогда была честной дѣвушкой. Кто это вспомнитъ!..

Новый припадокъ кашля остановилъ ее. Минка встала и участливо подошла къ ней.

Съ площадки лѣстницы донесся звукъ тяжелыхъ шаговъ.

— Это папа!—сказалъ, насторожившись, Нóту.

Дремавшая дѣвочка раскрыла глазенки, наполнившіеся ужасомъ, на лицѣ матери появилось выраженіе напряженной тревоги. Она двинулась, привлекла къ себѣ дѣвочку и безшумно выскользнула изъ комнаты.

— Бѣдняга!—съ глубокой печалью въ голосѣ сказалъ Пикадзэй.— Бить ее будетъ?

Саламандра подошла къ столу, протянула-было руку къ полному стакану, но сейчасъ же отвела ее.

— Спасибо тебѣ, Кунбіо!—И она разрыдалась.—Я не пьяная... Никогда тебѣ этого не забуду. Спасибо всѣмъ вамъ.

Она кивнула мнѣ на прощанье... Пикадэй протянулъ ей руку. Она вышла, не взявъ ее.

Тогда и мы разошлись. Куибіо пробовалъ улыбаться, стремясь развеселить насъ, но не находилъ словъ и изо всѣхъ силъ стиснулъ мнѣ руку. Я пошелъ проводить Пикадэя до улицы, но и мы не находили, что сказать. Поднимаясь въ темнотѣ обратно по лѣстницѣ, я испытывалъ головокруженіе, точно меня тянуло упасть въ пустоту. Добравшись до своей мансарды забился подъ одѣяло и не могъ заснуть всю ночь.

На слѣдующій день въ типографіи чувствовалось нѣкоторое плохо скрытое броженіе. Но забастовка Національной типографіи кончилась быстро и скверно. Тѣмъ не менѣе, съ этого дня стали говорить о стачкѣ всѣхъ типографій города, какъ о вещи возможной и требующей къ себѣ серьезнаго отношенія.

И вотъ, нѣсколько недѣль спустя, въ нашей типографіи появилось тревожное нововведеніе, *линотипъ* (наборная машина). Онъ былъ поставленъ въ отдѣльной комнатѣ, и лишь съ трудомъ можно было быть допущеннымъ, чтобы посмотрѣть его. Не помню, какъ мнѣ это удалось, но я имѣлъ возможность вполнѣ разглядѣть его. Это необыкновенно сложная машина; барышня, работавшая на ней съ невозмутимо спокойнымъ видомъ, разыгрывала, казалось, на ея клавишахъ какія-то недоступныя слуху гармоніи... По мѣрѣ того, какъ работающая двигаетъ пальцами, безъ конца движутся одинъ за другимъ тонкіе рычажки, и падаетъ мелкій дождь маленькихъ звѣздочекъ, точно притягиваемый ртомъ какого-то насѣкомаго. Положительно, это похоже на ротъ насѣкомаго со сложными, замысловато усовершенствованными челюстями. Отъ времени до времени опускается сильная, нервная рука и словно собираетъ въ горсть то, что ей протягиваетъ другая маленькая ручка; потомъ эта большая рука отдергивается, поднимается вверхъ, и оттуда опять сыплется мелкій дождь, опять совершается сложная работа, повторяющаяся до безконечности..

Въ короткое время машинъ этихъ было заведено четыре. Потомъ привезли еще пятую, другого рода,—*монотипъ*, еще новый, черный блестящій организмъ, другое подобіе гигантскаго насѣкомаго съ безчисленнымъ количествомъ членовъ, неудержимо привлекающее, зачаровывающее взглядъ своими маленькими вертящимися колесами, движеніемъ своихъ сложныхъ челюстей и нервныхъ рукъ.

И рабочіе, съ озабоченными, грустными лицами, смотрѣли на эти машины, какъ будто въ нихъ поглощалось, отнималось что-то изъ ихъ жизни.

XI.

Можетъ быть, это отсутствіе въ моей жизни женщины—матери, сестры-ли, жены—дѣлаетъ то, что я могу смотрѣть на женщину со-

вершенно объективно, какъ на существо, чья судьба чужда моей судьбѣ. Я всегда видѣлъ то, чего никто не видитъ: порою безсознательныя, порою добровольныя и всегда непризнанныя жертвы одной половины человѣчества, .этого женскаго элемента, равнаго мужчинѣ по происхожденію, но котораго мужчина умѣетъ или только обожать, или только угнетать.

Однажды какъ то, въ послѣполуденное время, работая надъ вторымъ изданіемъ «Воспитанія человѣка» (первое изданіе разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ), я натолкнулся, корректируя дополненіе, на одно мѣсто, которое никакъ не могъ разобрать; машина между тѣмъ ждала новаго листа. Свободнаго разсыльнаго въ эту минуту не случилось,— я сказалъ директору и отправился самъ къ доктору Семми въ Родовспомогательный Институтъ.

Каждый день, идя на работу, я долженъ былъ проходить мимо этого зданія; долгіе годы я смотрѣлъ на него такими же глазами, какъ и на всѣ другіе роскошные дома-дворцы, сверкающіе своими окнами: эта часть пути казалась мнѣ только болѣе однообразной. Но послѣ смерти бѣдной Лены, это зданіе пріобрѣло для меня все возраставшую притягательную силу.

Я вошелъ; мнѣ сказали, что надо немного подождать. Сердце мое сильно билось.

Двери въ залѣ, гдѣ я ждалъ, были открыты, и мимо нихъ проходили сидѣлки, одѣтыя въ бѣлое, изрѣдка одна изъ сестеръ милосердія. Вскорѣ въ глубинѣ корридора появился докторъ Семми въ бѣломъ халатѣ, надъ которымъ благородно возвышалась его длинная бѣлокурая голова. Я показалъ ему перепутанное мѣсто въ наборѣ, онъ сейчасъ же разъяснилъ его.

Мнѣ оставалось только уйти: машины ждали меня.

— Вамъ, докторъ, некогда терять время, правда?—рѣшился таки я спросить его.

— Мнѣ? да, некогда... всегда некогда терять время!.. А что?

Я поколебался съ мгновеніе, потомъ собрался съ духомъ:

— Нельзя ли посмотрѣть здѣсь одну изъ палатъ?

— Нѣтъ,—поспѣшилъ онъ отвѣтить.—Невозможно. Это дѣлается только въ исключительныхъ случаяхъ. Мнѣ очень жаль...

Но тутъ онъ остановился, взглянулъ на меня и улыбнулся:

— Подождите, впрочемъ, минутку, я сейчасъ вернусь.

Онъ вернулся черезъ мгновеніе и съ простотой сказалъ мнѣ:

— Пойдемте. Я самъ хочу сдѣлать обходъ. Я вотъ уже нѣсколько дней только прихожу въ клинику и сейчасъ же убѣгаю. Столько несчастныхъ въ другихъ мѣстахъ!..

Сердце у меня забилось еще сильнѣе. Мы прошли корридоръ и вошли въ первую палату.

Тамъ стояло нѣсколько кроватей, на которыхъ видны были только

головы больныхъ. Картина прошлаго съ такой силой встала вдругъ передо мною, что мнѣ едва не стало дурно.

Докторъ подошелъ къ одной изъ кроватей:

— Ну что, какъ себя чувствуешь? А ребенокъ? Ужъ взяли у тебя? Гдѣ онъ?—ласково спросилъ онъ.

Больная молчала.

— Унесли его? а? твои унесли... Къ кормилицѣ?.. Въ воспитательный?

Она повернулась въ другую сторону; землисто-блѣдное лицо ея исказилось; она закрылась одѣяломъ до самыхъ волосъ.

Сосѣдка ея была цвѣтущая брюнетка съ большими любопытными глазами.

— Ну что, хорошо?—спросилъ ее докторъ, щупая ей пульсъ.—А ребенокъ?

Эта улыбнулась.

— Въ воспитательномъ. Но потомъ я его возьму и отдамъ кормилицѣ. У меня молока нѣтъ.

— Ты замужемъ? Сколько тебѣ лѣтъ?

— Восемнадцать... Онъ на мнѣ женится.

Другая съ ней рядомъ съ завистью посмотрѣла на нее.

— А твой ребенокъ? Не у тебя уже?

— Какъ же не у меня... у меня!.. Сколько я мучилась!

— Ты замужемъ?

— Нѣтъ...

— Женится?

Она пожала плечами:

— Гдѣ ужъ! Извѣстно, мужчины!.. У меня отецъ въ думѣ служитъ; я его опозорила... Да, наказаніе всегда приходитъ! Любились годъ, потомъ онъ меня бросилъ... Отецъ былъ сегодня утромъ.

— Не позволитъ домой взять ребенка?

— Нѣтъ! Но я пойду одна жить, буду работать, и онъ будетъ со мной; я столько страдала!.. Развѣ я могу его бросить! Сколько я муки приняла изъ за него!

Мы вышли.

Въ корридорѣ докторъ замѣтилъ:

— Повѣрьте мнѣ: эгоизмъ и небрежность мужчинъ просто чудовищны. Женщины нравственно гораздо выше мужчины.

Мнѣ казалось, что грудь моя сдавлена клещами.

Онъ открылъ другія двери. Еще палата, еще страданія.

На одной кровати посреди палаты, какъ разъ противъ двери, лежало что то, что я не принялъ сначала за человѣка; приблизившись, я увидѣлъ голову, глубоко зарывшуюся въ подушки, съ багровымъ лицомъ, съ выступившими изъ орбитъ глазами; отъ нея

неслись бѣшеные стоны. Руки держались за желѣзныя перекладины изголовья и судорожно корчились. Къ доктору подошла сидѣлка.

— Когда?—спросилъ онъ.

— Сегодня вечеромъ.

Противъ этой другая такая же кровать. Женщина, худощавая брюнетка неопредѣленнаго возраста, была спокойна. Докторъ что-то такое сказалъ ей, нагнулся къ ней... Все это стоитъ у меня въ глазахъ!

Какая страшная, чудовищная, непонятная тайна!

Мы перешли въ другую палату. Двѣ больныхъ сидѣли посреди нея. Докторъ подошелъ къ нимъ и обратился къ младшей, очень молоденькой и необыкновенно красивой.

— Ну, какъ себя чувствуешь? Еще не ложишься?

— Она нѣмая,—отвѣтила за нее другая.—Она сегодня утромъ поступила...

— Нѣмая?—повторилъ онъ съ потемнѣвшимъ лицомъ,—Видите,— обратился онъ ко мнѣ,—вѣдь даже еще почти дѣвочка... Лѣтъ шестнадцать ей? Беззащитная!.. Беззащитная!

Дѣвушка съ дѣтской улыбкой смотрѣла на насъ своими большими глазами. Сознавала ли она что-нибудь изъ того, что съ ней происходило? Она казалась совершенно не сознающей.

— Не знаете, кто она?—спросилъ докторъ у ея сосѣдки.—Чѣмъ она занимается?

— Прислуга. Ее сюда ея барышня привезла.

— Потомъ опять ее возьметъ?

— Да, кажется, возьметъ.

— А ребенка?.. Въ воспитательный... заключилъ онъ, не дожидаясь отвѣта.

Въ это время женщина на одной кровати приподнялась, сѣла и поднесла къ груди маленькій, бѣлый свертокъ; красная головка величиной съ кулакъ уткнулась въ нее всѣмъ лицомъ, крошечная, чуть замѣтная рученка задвигалась по ней хватающими движеніями. Женщина не была красива, но была крѣпкая, здоровая крестьянка, и въ лицѣ ея было что то непередаваемое, что внушало почтеніе и нѣжность. Докторъ съ улыбкой подошелъ къ ней.

— Это первый?

Она засмѣялась.

— Пятый; и всѣ живы!

— Трудно дался? Отчего ты сюда пришла?

— Я въ прислугахъ живу.

Еще другая поднялась съ постели и приблизила къ груди своего ребенка.

— А ты?—спросилъ докторъ;—ты чѣмъ занимаешься?

— Я прачка. Мужъ столяръ.

— Какой у тебя большой! Хорошо себя чувствуешь?

— У меня двое,—сказала она и подняла одѣяло. Другой сверточекъ, гораздо меньше перваго, крѣпко жмурился, раскрывая крошечный ротикъ.

— Отчего ты эту не кормишь? ей гораздо нужнѣе. Это дѣвочка, небось? Вотъ, всегда мужчины притѣснители...—добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Этотъ будетъ жить,—отвѣтила женщина.—Я ту кормлю, какъ же, но этотъ, кажется, всю меня съѣстъ...

Двѣ другія, обѣ очень печальныя, смотрѣли на счастливицъ. Одна, лѣтъ двадцати, была очень красива. Ребенокъ? Въ воспитательномъ... Почему? Потому что онъ на военной службѣ.

— Женится?—спросилъ докторъ.

— Еще пишетъ мнѣ...—и въ глазахъ ея блуждала безутѣшная неувѣренность.

Мы ушли и направились къ выходу. Идя по корридору, докторъ указалъ мнѣ одну лѣстницу.

— Тамъ наверху,—сказалъ онъ,—тѣ, которыя желаютъ остаться неизвѣстными. Ихъ около тридцати. Я собственно тамъ и работаю и спускаюсь рѣдко. А внизу здѣсь гораздо ужаснѣе! Синьорина Лавріано можетъ быть названа истиннымъ Провидѣніемъ этихъ несчастныхъ созданій!

Мнѣ показалось, что его голосъ прозвучалъ въ эту минуту нѣжнѣе. Я взглянулъ на него; лицо его стало задумчиво.

— Вѣрьте мнѣ,—сказалъ онъ,—все это страшная общественная язва. Особенно увеличивается число дѣвушекъ-матерей. Человѣкъ изъ простонародья, главнымъ образомъ, солдатъ, не имѣетъ нынче религіи, которая являлась бы для него уздой и удерживала бы его отъ преступленія—потому что это дѣйствительно преступленіе!—и, кромѣ того, онъ считаетъ женитьбу дѣломъ невозможнымъ или слишкомъ труднымъ. И дѣвушки попадаютъ сюда... Вы видѣли, ихъ слишкомъ много здѣсь, слишкомъ тѣсно. А если бы вы еще посмотрѣли другія больницы! Вопросъ о больницахъ—это вопросъ жизни и смерти для общества.

Онъ посмотрѣлъ на меня. Я подумалъ, что, можетъ быть, онъ считаетъ напраснымъ говорить мнѣ все это; но это было уже такъ привычно ему и было такимъ его глубокимъ убѣжденіемъ, что повторять это хотя бы такому общественному индивиду, какъ я, было удовлетвореніемъ для него.

О!—думалъ я,—имѣть бы силу, имѣть власть: быть законодателемъ человѣчества!

— И ничего сейчасъ не подѣлаешь,—продолжалъ онъ.—У депутатовъ есть другое, о чемъ подумать, кромѣ больницъ! Наслѣдства теперь въ пользу больницъ оставляются страшно рѣдко съ тѣхъ поръ, какъ больницы вышли изъ вѣдѣнія духовенства; а просьбы о

пріемѣ все умножаются вслѣдствіе сгущенія населенія въ городахъ и благодаря тому, что хорошій уходъ побѣдилъ недовѣріе народа. Больница, знаете, должна была бы быть домомъ человѣка въ тѣ минуты, когда обостряется борьба между нимъ и элементами разрушенія. Города должны бы были быть устроены такъ, чтобы всѣ жители могли проводить время своего, такъ сказать, очищенія въ благопріятной для того обстановкѣ, свободной отъ всякихъ враждебныхъ элементовъ.

Это все были тѣ мысли, которыя онъ съ жаромъ проповѣдывалъ въ своей книгѣ. Вдругъ онъ прервалъ свою рѣчь и спросилъ меня:

— Скажите правду. Что, подобное посѣщеніе очень разстраиваетъ? Такъ вотъ подумайте, сколько дѣтей родилось въ Италіи за то время, которое вы провели здѣсь, и для скольких всего лучше было бы сейчасъ же умереть! Но нѣтъ, они будутъ жить, мучиться, будутъ давать жизнь другимъ несчастнымъ...

У меня было какъ-то смутно въ головѣ. Послѣ первой палаты, гдѣ меня охватило ужасное волненіе, на меня нашла странная тупость, почти безчувственность. Это меня ужасало, и я упрекалъ себя; но, тѣмъ не менѣе, я все только съ жадностью смотрѣлъ, какъ бы твердя себѣ внутренно: «Смотри все, схватывай, потомъ припомнишь и прочувствуешь...» И я подумалъ о своей Запискѣ, фантастически уносившейся за облака!

— Впечатлѣніе громадно,—отвѣтилъ я доктору, съ улыбкой внимательно и испытующе смотрѣвшему на меня.—Я чувствую себя внутренно совершенно растеряннымъ.

Мнѣ казалось, что внутри меня движется въ глубинѣ какъ бы какая-то безформенная тяжесть. Думать казалось мнѣ тяжелой работой; но я уже предчувствовалъ, что когда мнѣ удастся освободить мои мысли отъ этой груды впечатлѣній, я смогу извлечь изъ нихъ заключеніе, годное для того, чтобы дать направленіе цѣлой жизни.

Мы были на дворѣ. Изъ двери, противоположной той, откуда мы вышли, высыпала толпа расходившихся молодыхъ дѣвушекъ. Это были, вѣроятно, ученицы-акушерки; среди нихъ мало было красивыхъ, большинство съ грубыми чертами (можетъ быть, это было впечатлѣніе минуты), и ни одна изъ нихъ не казалась проникнутой ужасной тайной, царившей въ этихъ стѣнахъ. Сутуловатый старикъ съ непривѣтливымъ лицомъ слѣдовалъ за ними. Увидавъ его, докторъ поспѣшно обернулся ко мнѣ:

— Директоръ... Будьте здоровы, до свиданья!—сказалъ онъ мнѣ со своей хорошей улыбкой, протягивая мнѣ руку, и подошелъ къ старику.

Очутившись на улицѣ, я оглядѣлся кругомъ, и все мнѣ показалось ново. Передъ больницей была небольшая площадь, деревья, два ряда домовъ въ обѣ стороны.

Улица была пустынна. Но вотъ, изъ другой поперечной появился старикъ, потомъ телѣжка молочника, а съ противоположной стороны женщина съ дѣвочкой-подросткомъ.

Что за волненіе вызвалъ во мнѣ видъ этихъ двухъ существъ! Потомъ, идя далѣе, я увидѣлъ еще другихъ женщинъ, и ни одна изъ нихъ не казалась озабоченной, нѣкоторыя были красивы, болтали, смѣялись. Мнѣ казалось до боли страннымъ, какъ могутъ онѣ думать *о другомъ*.

И впродолженіи нѣсколькихъ дней, во время обычныхъ моихъ занятій, въ то время, какъ я читалъ, ходилъ, дышалъ, мой мозгъ волновался, словно въ немъ стремились, бушевали волны, волновался настойчиво, постоянно, упорно, полный какого-то ужаснаго, подавляющаго видѣнія, видѣнія—того, какъ человѣчество ключемъ било изъ глубины низшей жизни и текло, текло, чтобы найти свой истокъ и излиться въ море бытія.

Лишь нѣсколько недѣль спустя мнѣ удалось вернуть моимъ мыслямъ нормальное теченіе.

И предо мной встали слѣдующіе вопросы:

Стоитъ ли жизнь человѣческая того, чтобы столько страдали въ цѣляхъ ея продолженія на землѣ?

Если-бы любовь не была, какъ говорится, слѣпа, принялъ ли бы на себя человѣкъ (и въ особенности женщина) задачу продолженія человѣческаго рода?

Такая большая часть человѣчества, наши матери, наши сестры, впродолженіи лучшаго періода своей жизни подвержены постоянной смѣнѣ мелкихъ болѣзней, подготовляющихъ другіе болѣе ужасные недуги и страданія. Рожденіе—это болѣзнь, это продолжительное, тяжелое, иногда смертельное поврежденіе материнскаго организма. Есть ли на свѣтѣ тайна, болѣе величественная, есть ли мысль, которая могла бы болѣе заставить трепетать наше сердце?

Какую же огромную цѣну имѣетъ, стало быть, жизнь, если бѣдныя созданія, для которыхъ материнство означаетъ безчестіе, нищету, смерть, любятъ рожденное ими дитя. «Онъ стоилъ мнѣ столько муки, какъ же мнѣ не любить его?»

Тогда, значитъ, любовь не должна быть слѣпою!

Любовь *сознательная*, повышеніе, усиленіе, высшее и добровольное проявленіе своей жизненности, мигъ соединенія двухъ существъ, воплотившійся въ новомъ существѣ, должны представляться неизмѣримо болѣе величественными, чѣмъ минутный, случайный, безсмысленный порывъ страсти.

Любовь и смерть. Это поэтическая формула, которая была хороша, когда любовь означала собою только удовлетвореніе желаній. «Послѣ насъ хоть потопъ!» Но *любовь и жизнь*, если любовь является дѣйствительнымъ возвышеніемъ всего существа человѣка.

И вотъ, мысль о смерти теряетъ всю свою цѣну, все свое значенiе при мысли о рожденiи.

Церковь приводитъ своихъ вѣрныхъ къ смертному ложу и говоритъ: «Трепещите!» Обновленная религiя должна привести своихъ учениковъ къ ложу, на которомъ рождается человѣкъ.

И вотъ въ чемъ разница между прошедшимъ временемъ и грядущимъ. Теперь старикъ не хочетъ умереть, не хочетъ кончить личное свое существованiе, хочетъ жить *по ту сторону* духомъ и продолжить матерiальное существованiе въ дѣтяхъ; поэтому онъ даетъ имъ, вмѣстѣ съ жизнью, свой трудъ и богатство, которое накопилъ для себя, отнимая, сколько только могъ, отъ своихъ братьевъ.

Такимъ образомъ, наслѣдственная собственность поощряетъ индивидуума, поощряетъ ограниченное продолженiе существованiя индивидуума и поощряетъ эгоизмъ.

Направимъ, вмѣсто того, все наше вниманiе не на смерть, а на рожденiе. Тогда мы почувствуемъ необходимость того, чтобы каждый рождался въ болѣе благопрiятныхъ условiяхъ, и окружимъ благоденствiемъ, уваженiемъ и любовью тотъ возрастъ, когда человѣкъ *образуется.*

XII.

Послѣдняя прогулка, послѣднее послѣполуденное время, проведенное съ Куибiо, послѣднiй часъ, озаренный солнцемъ. Жизнь положительно надо считать только тѣми часами, въ которые мы чувствовали себя живущими. Я жилъ нѣсколько дней. Остальное время я,—какъ бы это сказать?—протащился... какъ лошадь, которая все ходитъ кругомъ одного и того же жернова, пережевывая все тотъ же скверный овесъ.

Было послѣднее сентябрьское воскресенье. Куибiо влетѣлъ ко мнѣ въ комнату. Я сидѣлъ и писалъ.

— Сегодня идемъ за городъ!—закричалъ онъ.—Въ эдакiй чудный день сидѣть, закупорившись, у себя дома! И окна даже не отворилъ! Да ты плѣсенью заростешь: не видишь развѣ солнца, не слышишь призывъ зелени, природы? Какой ты деревенскiй уроженецъ, ты просто пошлѣйшiй и ограниченнѣйшiй горожанинъ!

Онъ гордился своимъ деревенскимъ происхожденiемъ, — по его мнѣнiю, всѣ великiе люди всегда родятся въ деревнѣ.

Онъ распахнулъ окно, распахнулъ дверь; изъ корридора подуло такимъ сквознякомъ, что у меня залетали всѣ листы на столѣ, а я самъ съежился и втянулъ голову въ плечи.

— Несчастное ты скопленiе ревматизмовъ, ты къ сорока годамъ астму наживешь. Боишься воздуха, который живитъ человѣка!

Онъ шумно разсмѣялся. Прыгавшiе на балконахъ ребятишки съ

голой грудью и босыми ногами завторили ему, какъ эхо. Изъ корридора опять неслось насвистываніе Чимизина, непрерывное, какъ струя фонтана. Все казалось веселымъ и обновленнымъ. Изъ глубины двора послышались вдругъ звуки шарманки. Женщины высунулись посмотрѣть, жмурясь отъ ослѣплявшаго ихъ солнца.

Мы оба взглянули на окно блондинки; оно тоже было растворено, и воробьи, какъ всегда, попрыгивали вокругъ него, но голова ея не высунулась надъ подоконникомъ, какъ это бывало прежде при появленіи на дворѣ всякой музыки.

— Ты ничего больше не знаешь?—спросилъ меня Куибіо въ то время, какъ мы спускались.

— Ничего. Ни разу не удалось поговорить съ ней.

— Кажется, она теперь въ дружбѣ съ докторшей Лавріано; по крайней мѣрѣ, та нѣсколько разъ заходила къ ней.

— Она точно онѣмѣла и такая стала дикая. Единственная, кто можетъ входить къ ней, это Минка. Я думаю, что синьорина Лавріано сможетъ немного успокоить ее.

— Знаешь, куда мы идемъ?—спросилъ художникъ.

— Не имѣю понятія.

— Въ Народный театръ, рѣшать стачку всѣхъ типографій.

До меня уже доходили объ этомъ смутные слухи.

— Что же, будемъ бастовать!

— Сядемъ на этотъ трамвай?

— Хорошо!

Я старался скрыть свое грустное настроеніе. Я чувствовалъ себя такимъ утомленнымъ! Моя служба стала для меня теперь страшно тягостной; записка моя не подвигалась, и ея страницы, которыя я безъ конца перечитывалъ и все исправлялъ, казались мнѣ нѣмыми и безцвѣтными. Я чувствовалъ себя такъ, какъ будто связь между всѣми частями моего существа была чѣмъ то разрушена.

Площадь Статута, улица Гарибальди были полны народа; подъ навѣсами магазиновъ въ улицѣ. По точно муравейникъ кишѣлъ; это все были мирныя семейства, ходящія къ обѣднѣ въ Санъ-Франческо—да—Паола и въ Санъ-Филиппо, прогуливавшіяся, по выходѣ оттуда въ двѣнадцать часовъ, показывая дочерей невѣстъ.

— Ты никогда не ходишь на это гулянье? Я хожу; тутъ бываютъ замѣчательно красивыя дѣвушки,

— Вѣдь ты мнѣ, кажется, говорилъ, что влюбленъ?

— Еще бы! И какъ! Но это не мѣшаетъ мнѣ смотрѣть на красивыхъ женщинъ. Клянусь тебѣ, что у меня не мелькаетъ при этомъ въ сердцѣ и тѣни желанія; это наслажденіе исключительно только для глазъ. Но ты вѣдь не художникъ.

Дѣйствительно, я этого не понималъ. Да и кромѣ того, я ничего не понимаю въ красотѣ; когда мнѣ случилось какъ то разъ указать

Куибіо на одну женщину, которую я нашелъ красивою, онъ расхохотался мнѣ прямо въ лицо.

— У тебя глаза, которые смотрятъ внутрь.

Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что я видѣлъ и жилъ не чувствами, а исключительно только мыслями.

Можетъ быть, онъ и былъ правъ. Конечно, у меня расширяется грудь и мнѣ становится легче дышать, когда я смотрю на прекрасный пейзажъ, но онъ мнѣ говорилъ, что и болото тоже красивый пейзажъ; прекрасная женщина поднимаетъ и проясняетъ мнѣ душу, но онъ утверждалъ, что и потерянная женщина прекрасна; онъ находилъ красивыми нищихъ, оборванцевъ въ лохмотьяхъ, людей, умирающихъ отъ голода... Нѣтъ! Нѣтъ!

Однажды, впрочемъ, когда я спросилъ его, находилъ ли бы онъ землю менѣе прекрасной, если бы не стало больше ни болотъ, ни маляріи, ни нищихъ, ни потерянныхъ женщинъ, онъ призадумался.

— Ну что же! Измѣнился бы и нашъ вкусъ!

Мы приближались къ концу улицы По. Онъ кивнулъ на холмъ по ту сторону рѣки.

— А стачка?—спросилъ я.

— Ну ее, у меня теперь другое есть, о чемъ подумать,—отвѣтилъ онъ,—у меня теперь не такое время, чтобы компрометировать себя стачкой! Поѣдемъ за городъ, въ природу, на чистый воздухъ...

Мы доѣхали такимъ образомъ до Монте Капуччини. Небо было прозрачно, какъ хрусталь; чистая, гладкая поверхность По казалась зеркаломъ, и безъ конца тянулось пространство черныхъ и ярко красныхъ крышъ, такъ что глазу представлялось, что оно достигаетъ съ одной стороны подножія Монвизо, казавшагося совсѣмъ близкимъ, съ другой стороны сверкавшей Суперга. Башня Антонелліана упиралась своимъ шпицомъ прямо въ небо; прямыя, пересѣкающіяся улицы казались черными ямами.

— Взгляни на Монвизо!—сказалъ Куибіо, указывая на крайнюю вершину въ сторонѣ Франціи.

Простиравшаяся полукругомъ торжественная дуга Альповъ выступала во весь ростъ изъ темно голубого тумана, стоявшаго надъ мѣстностью отъ послѣднихъ краевъ города, отъ острой колокольни церкви Санта-Вита вплоть до первыхъ горныхъ долинъ.

— Вотъ это красота, которую я понимаю,—сказалъ я Куибіо не безъ нѣкотораго внезапнаго чувства гордости.

— Я понимаю, что это удовлетворяетъ тебя,—тихо отвѣтилъ онъ.

Я чувствовалъ, какъ отъ созерцанія этой картины въ меня проникали сила и бодрость. Снѣгъ, заполнявшій всѣ впадины и изгибы, сильно подчеркивалъ формы этихъ гигантскихъ группъ, и вся эта бѣлизна облекала ихъ свѣжестью, какой то особой неподдѣльностью и строгой радостностью. Я выразилъ художнику мое впечатлѣніе.

— Это все отъ бѣлаго цвѣта.

— Ужъ отчего бы тамъ ни было! Что ты смыслишь съ этимъ твоимъ бѣлымъ цвѣтомъ!

Такимъ образомъ, онъ при видѣ всякаго великаго зрѣлища искалъ его составныя части и тѣмъ умалялъ его.

— Ты не художникъ, Станга,—ты поэтъ, которому не нужно портить своего ощущенія, доискиваясь его причинъ, для того, чтобы его воспроизвести. Я же художникъ; и это, мой милый, дѣйствительно бѣлый цвѣтъ.

И онъ опять разсмѣялся.

— Ну, а теперь ноги въ дѣло! Черезъ полчаса будемъ сидѣть за столомъ.

Я послѣдовалъ за нимъ не безъ нѣкоторой бодрости, проникшей въ меня вмѣстѣ съ горнымъ воздухомъ.

Когда мы возвращались вечеромъ внизъ, его внезапно охватила грусть. Мы спускались съ холма Санъ Вито; въ одномъ мѣстѣ, съ лѣвой стороны дороги, не было деревьевъ, и передъ нами внезапно открылось небо, залитое пламенемъ заката солнца, спустившагося за черную вершину Монвизо, внизу же широкое По заключало въ себѣ тоже какъ бы погруженное въ немъ пространство неба. Когда я былъ ребенкомъ, то видѣлъ иногда во снѣ, что *опускаюсь* вмѣстѣ съ колыбелью въ небо: небо надо мною, и внизу, и вокругъ повсюду, и я плыву въ немъ, какъ перышко; такъ земля, если она себя чувствуетъ, должна чувствовать, что плыветъ, плыветъ...

Куибіо указалъ мнѣ въ сторону Монвизо;

— Знаешь, что я сегодня былъ близокъ къ тому, чтобы распроститься съ тобой? Вотъ она,—Францiя! Кто знаетъ, попаду ли еще я туда? Когда что нибудь близко, когда что нибудь большое, о чемъ мечтаешь, вотъ вотъ должно совершиться, не кажется ли тогда, точно теряешь землю подъ ногами? Не кажется ли, что этимъ послѣднимъ днямъ никогда не пройти? Я даже думаю иногда, вдругъ я умру?

— Полно! Что это ты? Ты такой мужественный!

— Это правда,—согласился онъ.—Я такъ вѣрю въ себя и въ свое будущее, что это даже меня самого удивляетъ; это, конечно, самонадѣянно! Но зато, когда является упадокъ духа, онъ бываетъ тѣмъ сильнѣе. А, милый мой! Если бы дѣло было только во мнѣ одномъ! Ты разъ какъ то, не помню когда, сказалъ: пусть каждый живетъ такъ, какъ еслибы мы жили при такомъ общественномъ строѣ, о которомъ мечтаемъ! Тебѣ хорошо говорить, ты одинъ! А ты предположи, что судьба соединила тебя съ другимъ существомъ. Ты любишь женщину; она тебя любитъ и не свободна...

И онъ разсказалъ мнѣ все. Онъ встрѣтилъ ее на выставкѣ, потомъ они увидѣлись тамъ снова. Странныя письма послѣдовали за-

тѣмъ, письма, въ которыхъ она обнаруживала поверхностный скептицизмъ и ложную опытность въ вопросахъ любви, заимствованную изъ романовъ Буржэ. Въ дѣйствительности это была несчастная женщина. Выйдя шестнадцати лѣтъ замужъ за одного банкира, она съ первыхъ же мѣсяцевъ увидѣла, что между нею и мужемъ не было ничего общаго; онъ требовалъ отъ нея, чтобы она постоянно бывала въ обществѣ, и, не смотря на то, что они оба были совершенно равнодушны къ религіи, заставлялъ ее посѣщать церковь и исполнять всѣ обряды, такъ какъ это было нужно для привлеченія кліентовъ.

— Она должна была служить вывѣской для фирмы, понимаешь ли!

И она прожила съ нимъ десять лѣтъ. Сколько же и переиспытала за все это время! Она прочла много романовъ, посѣтила множество музеевъ; скучала смертельно. Попробовала развлечься сельской жизнью, попробовала искать любви, но почувствовала отвращеніе отъ перваго же флирта. Занималась благотворительностью...

Онъ показалъ себя ей человѣкомъ, который знаетъ, чего хочетъ. «Если я полюблю Васъ,—писалъ онъ ей,—то-есть, если Вы заставите себя полюбить, я предложу Вамъ бросить Вашъ домъ и уйти ко мнѣ». И они полюбили другъ друга. Онъ поклялся, что ни разу не поцѣлуетъ ее, пока она не будетъ его. Потомъ онъ былъ побѣжденъ пыломъ ея любви и собственной своей страстью. Они устраивали свиданія. Она даже приходила тайкомъ къ нему въ его мансарду; она и была та дама въ черномъ, которую я какъ-то видѣлъ мелькомъ въ корридорѣ.

— Видѣлъ ты когда-нибудь Луврскую Діану? У меня есть съ нея фотографія. Это она, стройная, рѣшительная, готовая на борьбу. Настоящій товарищъ мнѣ. И что у нея за душа! Я извлекъ ее изъ подъ коры легкомыслія и скептицизма, ее покрывавшей. Ея умъ болѣе свободенъ, чѣмъ мой, и несравненно болѣе прямъ и логиченъ. Это удивительно, какъ здорова душой эта женщина, родившаяся въ буржуазной семьѣ—она дочь учителя латинскаго языка—и проживавшая десять лѣтъ въ такой обстановкѣ!

У Куибіо сверкали глаза. Онъ говорилъ въ полголоса, дѣлая большое усиліе, чтобы сдержать наполнявшій его восторгъ, но рѣчь его ежеминутно прерывалась, словно у него захватывало дыханіе и біеніе сердца сдавливало ему горло.

— Но знаешь ли ты, чего я теперь все время ожидаю?—воскликнулъ онъ, внезапно вновь омрачаясь. — Она теперь слишкомъ откровенна и слишкомъ смѣла: я боюсь, что она сдѣлаетъ какую-нибудь большую неосторожность, и выйдетъ скандалъ. Я предложилъ ей немедленно уѣхать теперь, и сегодня вечеромъ мы должны были переѣхать границу. Но она проситъ дать ей нѣсколько дней сроку. Зачѣмъ? Ахъ, женщины обращаютъ слишкомъ много вниманія на мелочи, на практическую сторону жизни: я увѣренъ, что она заботится

о средствахъ для существованія и хочетъ увезти что нибудь изъ своего приданаго, или ужъ не знаю, что еще! Только потеря времени и лишняя возможность возникновенія подозрѣній!

— Если бы узналось, тебѣ что могло бы грозить?

— Мнѣ пока ничего. Но ей? А если бы насъ вмѣстѣ застали, тогда судебный процессъ, тюрьма... Для меня-то это ничего, но для нея?!

— Ты думаешь, что такой человѣкъ могъ бы затѣять скандалъ?

Мы подошли между тѣмъ къ мосту Изабеллы. Черное неподвижное По отражало въ своихъ водахъ ряды электрическихъ фонарей по его берегамъ, словно два жемчужныхъ ожерелья.

Тѣсно наполненный трамвай быстро везъ насъ по направленію къ центру города. Легкій туманъ, нѣсколько застилавшій освѣщеніе улицъ, дѣлалъ болѣе яркимъ свѣтъ вагона, который казался комнатой, быстро движущейся среди пустыни. Всѣ эти люди, сидѣвшіе другъ противъ друга смотрѣли поочередно другъ другу въ лицо; быть можетъ каждый изъ нихъ хранилъ въ себѣ свое горе или свое счастье? Куибіо опять успокоился, сразу привлеченный лицами, которыя сейчасъ же невольно сталъ разглядывать; потомъ онъ закрылъ глаза, какъ бы уйдя въ свои мысли.

Въ предмѣстьи Санъ-Донато свѣтъ былъ рѣже, и туманъ гуще. Я открылъ входную дверь, и мы стали медленно подниматься, зажигая одну спичку за другой. На первой площадкѣ какой-то человѣкъ посторонился и прислонился къ статуѣ, стоявшей тутъ, въ нишѣ. Мы съ любопытствомъ посмотрѣли на него. На второй площадкѣ мы пріостановились, думая пропустить его впередъ. Тогда онъ съ какой-то иронической вѣжливостью спросилъ, кто изъ насъ синьоръ Куибіо?

— Я,—отвѣтилъ, вздрогнувъ, художникъ.

— Поднимитесь,—добавилъ тотъ человѣкъ,—тамъ есть наверху люди, которые васъ ждутъ.

Куибіо сжалъ кулаки и поспѣшно пошелъ дальше вверхъ.

— Кто это можетъ быть?—сказалъ я и подумалъ о *ней*.

— О, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, понявъ мою мысль.—Это ловушка! Ты былъ правъ только что! А я и не подумалъ объ этомъ! Видишь, какъ легко отдѣлываются отъ человѣка!

Передъ дверью въ его мансарду ждалъ еще другой незнакомецъ; онъ открылъ куртку и показалъ свой шарфъ.

— Мы здѣсь для обыска...

Куибіо отворилъ дверь, бросился на кровать и, уткнувшись лицомъ въ подушку, заплакалъ, какъ ребенокъ.

Меня выслали прочь. Я остался ждать на площадкѣ лѣстницы. Ждать мнѣ пришлось не долго, я скоро услышалъ шаги въ корридорѣ. Одинъ изъ полицейскихъ несъ свѣчу. За нимъ шелъ Куибіо, который обнялъ меня, сдерживая рыданія, и медленно пошелъ съ ними внизъ.

Я вошелъ къ себѣ въ мансарду, раздѣлся, взялъ свою рукопись, положилъ ее на грудь подъ фланелевую рубашку и бросился на кровать съ чувствомъ боли и униженія, словно прибитый.

XIII.

Дѣйствительно ли существуютъ злые люди? Многіе угнетаютъ своихъ ближнихъ прямо ради собственной выгоды, но дѣлаютъ это не безъ угрызеній совѣсти. Но существуютъ ли въ самомъ дѣлѣ такіе, которые дѣлаютъ зло ради зла и мучаютъ какого-нибудь несчастнаго съ истиннымъ наслажденіемъ? Я не знаю. Но если они существуютъ, то это явленіе искусственное, это извращеніе человѣка, совершенное человѣкомъ же; и такіе злые могутъ быть только среди извѣстной категоріи лицъ, облеченныхъ полномочіемъ быть злыми или, по крайней мѣрѣ, поступать злобно.

Справедливость закона есть вещь теоретическая. Человѣкъ же дѣйствуетъ не какъ сила, разсматриваемая геометрически,—не знаю, понятно ли я выражаюсь?—но какъ существо, обладающее чувствами. Я вполнѣ готовъ представить себѣ безпристрастіе самыхъ точныхъ вѣсовъ въ судьѣ, но не въ исполнителяхъ. Для грубыхъ умовъ правосудіе и месть одно и то же.

Эти разсужденія возникли въ моемъ мозгу послѣ неожиданнаго посѣщенія, которымъ я былъ разбуженъ на слѣдующее утро. Ко мнѣ вошли, вѣжливо постучавъ, полицейскій приставъ и городовой и попросили у меня позволенія произвести обыскъ. Впродолженіе всей ночи я могъ бы успѣть увезти и скрыть цѣлый возъ документовъ, и поспѣшность, съ которою я надѣвалъ пальто, не внушала имъ подозрѣнія. На лицѣ городового не было иного выраженія, кромѣ надменности и комичнаго выраженія сознанія своей власти; худощавое лицо пристава, съ чрезвычайно тонкими губами, выражало положительно коварно преувеличенную любезность. Ни тотъ, ни другой не были бѣлоснѣжнымъ изображеніемъ правосудія.

У меня взяли, отгадайте, что?

Разсказы Тургенева, «Новую Республику» Уэльса и большое количество корректуръ, хотя на каждой пачкѣ ихъ и было оттиснуто: «Товарищество научнаго книгоиздательства». Затѣмъ они ушли, убѣжденные, что уличили меня.

Въ самомъ дѣлѣ,—думалъ я дальше, ощупывая у себя на груди спасенную рукопись,—люди, злобные до глубины души, существуютъ; а дѣлаются они такими потому, что общее отношеніе къ нимъ именно таково, что они должны быть грозными карателями злодѣевъ.

Если предположить, что въ какомъ-нибудь данномъ мѣстѣ не существуетъ больше злодѣевъ, стремленіе этихъ людей ихъ создастъ. Развѣ я не чувствую, что желаніе добра рождаетъ вокругъ тѣхъ людей,

которые дѣйствительно внушаютъ добро, много добрыхъ поступковъ? Существуетъ извѣстное взаимное внушеніе.

Думайте о злыхъ дѣлахъ, и вы увидите, какъ они будутъ возникать вокругъ васъ. Назовите человѣка воромъ, и онъ украдетъ, говоритъ пословица. И иногда бываетъ довольно самаго ничтожнаго пустяка для того, чтобы какой-нибудь несчастный подвергся осужденію за нарушеніе закона, это осужденіе повлечетъ за собой рецидивъ, наводящій затѣмъ на преступленіе, и такъ далѣе, одно за другимъ.

Возьмемъ мой случай. Какъ бы то ни было, я буду теперь занесенъ въ число подозрительныхъ; если и предположить, что начальство убѣдитъ пристава въ моей безвредности, никто не позаботится о томъ, чтобы убѣдить въ этомъ городового. И, стало быть, для него я человѣкъ опасный; завтра я буду имъ для его товарища, послѣ завтра для всѣхъ городовыхъ предмѣстія Санъ-Донато. За каждымъ моимъ поступкомъ будутъ подглядывать, слѣдить, истолковывать его всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ Въ одинъ прекрасный день происходитъ демонстрація или стачка; я возвращаюсь домой изъ типографіи и встрѣчаюсь со стачечниками, меня хватаютъ, если только уже раньше не запрятали даже безъ такого случая. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ тюрьмѣ, ожесточаютъ меня: мои мысли становятся чувствами, потомъ переходятъ въ рѣчи, потомъ въ поступки...

Но бѣдный другъ мой! Не было средства, которымъ онъ могъ бы уничтожить пятно, которое видѣла на немъ полиція,—развѣ сдѣлаться монахомъ. А онъ вмѣсто того влюбился въ чужую жену. И было достаточно неопредѣленнаго доноса для того, чтобы онъ былъ посаженъ въ тюрьму. Конечно, кислоты, нужныя для его работы, могли быть приняты за составы взрывчатыхъ веществъ!

Два дня спустя я получилъ отъ него письмо; вотъ оно:

— Дорогой Мартино,—поручаю тебѣ всѣ мои работы,—рисунки, доски и оттиски гравюръ, и прошу тебя переслать ихъ по адресу: Mr. Carlo Chedda, artiste peintre, 67, rue Lépic, Paris. XVIII. Я надѣюсь скоро выйти; у меня былъ нашъ депутатъ; попробую довѣриться властямъ разъ въ жизни: онъ соціалистъ министерской партіи. Помни, что я тебѣ разсказалъ о *ней*, и сообщай мнѣ все, что сможешь узнать.

«Обнимаю тебя отъ всей души.

«Куибіо».

«Пиши мнѣ на имя депутата Фабіо Ансальди, въ редакцію «Il Popolo».

Вотъ, я и оказался внезапно замѣшаннымъ въ драму,—подумалъ я не безъ тревоги,—а можетъ быть, и въ судебный процессъ. Мнѣ никогда не случалось быть привлеченнымъ, хотя бы въ качествѣ свидѣтеля, во внутренній механизмъ общественной машины, и меня смущало даже предстоящее знакомство съ народнымъ представителемъ,

а подумать—съ судьей! Единственное дѣйствительное благополучіе въ условіяхъ относительной свободы, среди которой мы живемъ,—это, по моему, возможность быть однимъ и быть неизвѣстнымъ даже сборщику податей.

Вечеромъ у дверей въ мою мансарду меня ждала какая то женщина.

— Я приходила уже сегодня въ четыре часа,—сказала она, подавая мнѣ записку,— но не застала васъ. Пожалуйста, сдѣлайте сейчасъ, что тамъ написано, поѣздъ отходитъ въ одиннадцать часовъ.

Я трепещущими руками разорвалъ конвертъ. Въ запискѣ женскимъ почеркомъ стояло слѣдующее:

«Милостивый государь, что вы скажете о моей смѣлости? Но я отношусь къ вамъ съ тѣмъ же довѣріемъ, какое къ вамъ имѣлъ мой другъ Куибіо, подвергшійся теперь такому ужасному несчастію. Помогите мнѣ сдѣлать для него все, что возможно. Пока-же, прошу васъ, соберите всѣ вещи, которыми онъ особенно дорожилъ, и моя горничная сейчасъ же принесетъ ихъ мнѣ на станцію. Сегодня вечеромъ, въ $11^1/_2$, я уѣзжаю въ Парижъ. И еще прошу васъ, будьте, пожалуйста, въ этотъ часъ около поѣзда. Прежде чѣмъ онъ тронется, подойдите къ дамѣ, одѣтой въ черное, которая протянетъ вамъ книгу. Надо бы, чтобы вы передали эту книгу депутату Ансальди для Куибіо.

«Простите меня,—это большая услуга, и я умоляю васъ о ней именемъ вашего друга. И благодарю васъ».

Какими вещами дорожилъ онъ всего больше? Я наполнилъ его чемоданъ выгравированными досками, рисунками, всѣми бумагами, какія только могъ найти; чемодана не хватило, тогда я наполнилъ также и свой, затѣмъ спустился вмѣстѣ съ женщиной и усадилъ ее съ обоими чемоданами на извозчика.

Было восемь часовъ. Я пошелъ поѣсть немного, и затѣмъ отправился. Я былъ словно въ лихорадкѣ. Наряду съ какимъ то ребяческимъ смущеніемъ я испытывалъ въ то же время какъ бы гордость и удовлетвореніе отъ сознанія, что я замѣшанъ въ романъ, я, проведшій такую сѣрую жизнь! Сколько драмъ происходило вокругъ меня за два года! А я все попрежнему жилъ своею ровною, однообразною жизнью. Но что-нибудь должно случиться и со мной, что-нибудь необычное: я чувствовалъ себя призываемымъ совершить что то своею жизнью или смертью, какое то дѣйствіе, быть можетъ, одинокое, но не безплодное. Когда же встрѣтится мнѣ драма на моемъ пути? Быть можетъ, сегодня же вечеромъ? Какъ бы то ни было, я чувствовалъ себя возбужденнымъ, взволнованнымъ, какъ будто бы я былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ этого романа, и какъ будто бы дѣло шло о моей жизни или о человѣкѣ, который для меня дороже жизни. Я прошелся по улицамъ, потомъ зашелъ выпить кофе. Затѣмъ неудержимо направился по направленію къ вокзалу. Вошелъ въ кафе

«Ligure» и опять выпилъ кофе. Просмотрѣлъ одну за другой нѣсколько газетъ,—въ нихъ не было ничего, только самоубійства, убійства, хроника, приложеніе... Наконецъ, и я проникалъ въ какой то фантастическій міръ, въ атмосферу, которая дышитъ и волнуется внутри одоообразной атмосферы каждодневной жизни; но въ той атмосферѣ живутъ только страсть, жертвы и смерть.

Я сталъ просматривать вечерній выпускъ «La Stampa». Просматривалъ бѣгло; то тутъ, то тамъ въ глаза мнѣ бросились названія отдѣльныхъ рубрикъ: *Добровольцы смерти*!.. Да, а почему?.. И журналистъ, изобрѣтя такое удачное названіе для этого отдѣла, нашелъ удобнымъ помѣстить его рядомъ съ биржевымъ бюллетенемъ! Жизнь упала въ цѣнѣ... *Ввозъ итальянцевъ въ Капштадтъ... Ввозъ*!.. это великолѣпно! *Покушеніе на жизнь Персидскаго Шаха...* вотъ еще доброволецъ... Бѣдный безумецъ! А, *Опроверженіе извѣстія о покушеніи...* «Бѣдно одѣтый субъектъ протолкался сквозь толпу къ каретѣ, но былъ сшибленъ лошадьми... Шахъ былъ очень взволнованъ. Неизвѣстный держалъ въ рукахъ прошеніе».

Я отвелъ глаза отъ газеты. Страшное волненіе охватило меня, я незамѣтно вытеръ себѣ глаза и оперся лбомъ на руки.

Я былъ точно ошеломленъ; въ вискахъ у меня стучало какъ бы шумомъ потока или несущагося поѣзда, и при этомъ ужасномъ волненіи въ мозгу всѣ члены мои какъ то отяжелѣли. Вдругъ мнѣ словно почудился какой то трескъ. Передъ внутреннимъ взоромъ моимъ, какъ молнія, сверкнула картина. Это я былъ тамъ, въ этой толпѣ.... я бросился...

Я оглядѣлъ сидѣвшихъ вокругъ, безпокоясь, не смотрятъ ли на меня; многіе съ блаженнымъ или скучающимъ видомъ пили свой кофе или читали «La Stampa»; но нѣсколько другихъ, съ острыми чертами лица, съ мрачными взглядами, подчеркнутыми падавшимъ сверху свѣтомъ, должны были таить что то въ своей груди! И внезапно стѣны, вся зала кафе Ligure показались мнѣ другими, или, можетъ быть, я никогда раньше не разсматривалъ ихъ. Несмотря на большое количество лампъ, углы помѣщенія были темны и становились еще темнѣе, когда я въ нихъ вглядывался, и за дверями, когда онѣ отворялись, виденъ былъ мракъ... Я вышелъ.

На площади около вокзала въ различныхъ направленіяхъ двигались освѣщенные вагоны трамваевъ, сверкая въ сыромъ воздухѣ искрами вдоль проволокъ и вдоль рельсовъ; подъ навѣсами магазиновъ въ безконечной сутолокѣ двигалась толпа. Часы на фасадѣ вокзала показывали половину десятаго.

Тогда я рѣшительно повернулъ и пошелъ по направленію къ По. Деревья, казалось, сгибались подъ тяжестью сырости, насквозь смачивавшей мнѣ одежду. Съ желѣзнаго моста виденъ былъ стоявшій надъ водой туманъ. По самой серединѣ рѣки бродили два огонька,

это были, должно быть, двѣ невидимыхъ лодки; онѣ то приближались другъ къ другу, то удалялись. Сколько тоже отчаянія нашло себѣ пріютъ въ холодной груди По! Что то искали тамъ эти два огня?

Я медленно пошелъ обратно. Когда я подходилъ къ вокзалу, къ нему подъѣзжало много экипажей. Я посмотрѣлъ издали въ залъ пріема багажа, но никого тамъ не увидѣлъ, взялъ билетъ для входа на платформу и смѣшался съ толпой. Я не рѣшился подойти къ Моданскому поѣзду, пока не раздались первые возгласы предупрежденія объ отходѣ поѣзда. Тогда я подошелъ и подождалъ, чтобы заперли двери. Я стоялъ около передняго вагона и смотрѣлъ назадъ. Женская фигурка въ черномъ, съ большой фетровой шляпой на головѣ, выглянула изъ одного окошка второго класса, повидимому, взглянула на меня, потомъ сейчасъ же скрылась. Я чувствовалъ, какъ мое сердце билось, словно готовое разорваться, но съ безпечнымъ видомъ поглядывалъ по сторонамъ и оборачивался, но не упуская изъ вида того вагона. Паровозъ засвистѣлъ, цѣпи сильно дернулись и натянулись. Тогда же женская фигура снова высунулась и прямо посмотрѣла на меня; я подошелъ и взялъ протянутый мнѣ ею предметъ:

— Счастливо оставаться, синьоръ Станга!

Я уже отошелъ отъ вагона; обернулся,—она протягивала мнѣ руку, но я не посмѣлъ вернуться, снялъ низко шляпу и ушелъ прежде, чѣмъ поѣздъ вышелъ изъ дебаркадера.

Что подумала она о моей неуклюжести? Я выхватилъ у нея книгу, какъ воръ. Я успѣлъ увидѣть въ глубинѣ вагона горничную, приносившую мнѣ записку; почему она не ей дала передать книгу? Очевидно, она хотѣла выразить мнѣ любезность и благодарность. А я не сказалъ ей даже «счастливый путь!»

Моя роль въ романѣ несомнѣнно не удалась.

Придя домой, я хотѣлъ раскрыть книгу, которая была перевязана черной лентой. Но открывалась только одна верхняя половина переплета,—вся внутренняя часть представляла изъ себя запертую шкатулку. Сказать ли, что я почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе?. Мнѣ показалось сначала, что я окунулся въ полнѣйшій романтизмъ. Тамъ не было, можетъ быть, ничего существеннаго, а лишь какое нибудь напоминаніе о любви, цвѣты, можетъ быть?.. Но сейчасъ же возникла мысль противоположнаго рода: вѣроятно, деньги. Что же, почему бы нѣтъ? Но эти деньги были причиной несчастія Куибіо...

На слѣдующій день я съ ранняго утра отправился въ типографію не безъ мысли о томъ, не распространилась ли также и на насъ стачка, разроставшаяся среди городскихъ типографій, и не была ли она рѣшена наканунѣ вечеромъ.

Дѣйствительно, я не дошелъ еще цѣлаго ряда домовъ до типографіи, когда ко мнѣ подошелъ одинъ товарищъ, корректоръ, и съ враждебнымъ видомъ сказалъ мнѣ:

— Сегодня не будемъ работать... Надѣюсь, не захочешь подводить насъ!

— Какъ разъ наоборотъ—тотчасъ же отвѣтилъ я, и тутъ же замѣтилъ, что и еще другіе товарищи, находившіеся тамъ и сямъ на улицѣ, недоброжелательно смотрѣли на меня. И я также вдругъ почувствовалъ, что мои руки мѣшаютъ мнѣ, и спряталъ ихъ въ карманы, какъ и тѣ. Мимо насъ прошелъ городовой и съ головы до ногъ осмотрѣлъ насъ; у дверей типографіи кучка городовыхъ стерегла входъ.

— Сегодня сходка въ Народномъ театрѣ. Впускъ только по билетамъ. Вотъ билетъ.

Я взялъ листокъ, предложенный товарищемъ, и повернулся къ нему спиной. Онъ за то былъ со мной невѣжливъ, что я часто помогалъ ему поправлять латинскія слова? Я увидѣлъ, что моя застѣнчивая отдаленность ото всѣхъ создала противъ меня много непріязни. А я вѣдь испытывалъ такое сочувствіе къ ихъ слишкомъ тревожной бѣдности; но, очевидно, мое сочувствіе никогда не умѣло выразиться...

Со мной была книга—шкатулка, я намѣревался снести ее во время перерыва работъ къ депутату Ансальди. Теперь я сразу же пошелъ къ нему. Это симпатичный человѣкъ высокаго роста, съ курчавыми волосами и сверкающими глазами. Онъ посмотрѣлъ на шкатулку и иронически улыбнулся:

— Всегда таинственны эти анархисты! Вы то же анархистъ!

— Нѣтъ; и Куибіо не анархистъ.

— Серьезно?—недовѣрчиво переспросилъ онъ.

— Серьезно.

— Ну, это ничего не значитъ: въ полиціи онъ считается анархистомъ, впрочемъ, не опаснымъ,—добавилъ онъ.—Во всякомъ случаѣ, ему при первомъ же удобномъ случаѣ безъ малѣйшаго затрудненія разрѣшать экспатріировать изъ Италіи. Это я могу сказать навѣрное. Вѣдь онъ этого хочетъ, не правда ли?—спросилъ онъ съ тонкой улыбкой.

— Да, я думаю,—отвѣтилъ я серьезно.—Онъ хотѣлъ бы поѣхать въ Парижъ къ своимъ друзьямъ художникамъ.

Я простился, нѣсколько успокоившись относительно судьбы моего друга.

Но пессимистическое отношеніе къ полиціи атавистично во мнѣ. Во всѣхъ пословицахъ моей родной деревни говорится, что изъ когтей *правосудія* живымъ не выйдешь. Я неправъ, но таковъ мой инстинктъ.

А его маленькая Діана? Ждетъ, ждетъ его тамъ, въ великомъ Вавилонѣ... Удастся ли ему къ ней пріѣхать? Надѣюсь, что да. Они оба такъ вѣрили въ свою звѣзду,—какъ истые фаталисты! Возможно,

что тотъ, кто *хочетъ* быть счастливымъ, имѣетъ много вѣроятій, что достигнетъ этого...

А дѣйствительно, у его Діаны—воительницы было удивительно красивое и гордое лицо! Но возможно ли бороться противъ *всѣхъ*, маленькая Діана? противъ всѣхъ злыхъ, и слабыхъ, и неподвижныхъ, изъ которыхъ состоитъ общество?

Послѣ полудня я пошелъ на сходку. Помимо приблизительно тысячи типографскихъ рабочихъ, въ ней участвовало также много и другихъ, среди которыхъ нашихъ легко было отличить по ихъ бо́льшей внѣшней культурности. Представители громкими голосами произносили рѣчи о вещахъ, уже милліонъ разъ слышанныхъ мною отъ товарищей, о борьбѣ классовъ, о правѣ на жизнь, объ улучшеніи нашего быта... Все это уже не властно было больше взволновать меня. Каждый поднимавшійся для того, чтобы говорить, становился, казалось мнѣ, скучнымъ и ничтожнымъ, какъ только выходилъ изъ толпы.

Но сама толпа наполняла меня совсѣмъ новымъ чувствомъ. Я чувствовалъ, какъ во мнѣ отражаются всѣ ея волненія, какъ если-бы я былъ ея частью; и я былъ ея частью; казалось, что я сталъ проницаемымъ, и меня словно наполняли, проходили сквозь меня волны общаго гнѣва и общихъ стремленій, и общей страсти, чего то огромнаго, среди чего отдѣльная личность минутами, казалось, тонула, минутами же пріобрѣтала высшую степень своей силы. Я чувствовалъ, какъ напрягается моя грудь, какъ кулаки мои сжимаютси такъ сильно, что почти впиваются въ ладони... Если-бы на подмостки взошелъ въ это время мощный человѣкъ, все это напряженіе вылилось бы въ такую силу, которая способна была бы перевернуть весь міръ!

Народъ нуждается въ великихъ людяхъ, и жизненная его субстанція, всегда неподдѣльная и постоянно обновляемая, богата зародышами величія. Но ложно великіе люди не даютъ имъ обнаружиться.

Нѣсколько недѣль спустя, я получилъ отъ Куибіо благодарственную записку. Онъ казался настроеннымъ ясно и полнымъ надеждъ. То обстоятельство, что я, до нѣкоторой степени, содѣйствовалъ его благополучію, растрогало меня до слезъ. Съ тѣхъ поръ ничего уже больше не знаю о немъ. Не послужитъ ли ему сколько нибудь въ пользу это мое писанье?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЭТЮДЫ О НАСЕЛЕНІИ РОССІИ

ПО ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА *).

Изданіе результатовъ первой всеобщей переписи близится къ концу. Въ свѣтъ появились уже выпуски по 78 губерніямъ и областямъ, дающіе свѣдѣнія о 113 милліонахъ лицъ обоего пола или о девяти десятыхъ населенія Имперіи, захваченнаго переписью 1897 года. Данныя объ остальной части населенія должны появиться въ ближайшемъ будущемъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, все въ этой работѣ носитъ на себѣ печать той среды, которая ее произвела. Еще со времени ея подготовки, перепись была совершенно изолирована отъ общественнаго вліянія и контроля. Русская бюрократія, со свойственной ей самоувѣренностью и отсутствіемъ пониманія отвѣтственности работы, никого не допускала къ этому дѣлу. Она хотѣла его выполнить исключительно сама и исключительно для себя, и результаты работы оказались не лучше, чѣмъ въ другихъ областяхъ бюрократическаго творчества.

Программа переписи отличалась необычайнымъ развитіемъ админи-

---

*) „Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи, 1897 г.“ Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, подъ редакціей Н. А. Тройницкаго. Изданіе распадается на три серіи: 1) Выпуски по отдѣльнымъ губерніямъ и областямъ, вышедшіе пока по 78 административнымъ дѣленіямъ. Свѣдѣнія не вышли еще по тремъ губерніямъ Европейской Россіи (Курляндской, Эстляндской и Черниговской), четыремъ Кавказа (Кубанской, Кутаисской, Дагестанской и Эриванской) и четыремъ Азіи (Тобольской, Самаркандской, Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской). Въ ближайшемъ будущемъ должны выйти выпуски и по этимъ одинадцати губерніямъ. 2) „Общій Сводъ по Имперіи“ и т. д. Т. 1 и 3.) Отдѣльные предварительные выпуски сводныхъ данныхъ, изъ которыхъ надо особо отмѣтить вып. 8: „Процентное распредѣленіе наличнаго населенія Имперіи обоего пола по группамъ занятій“.

Особо стоитъ изданіе подъ названіемъ „Распредѣленіе рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и по мѣсту рожденія“ и т. д. Данныя, заключающіяся въ этомъ изданіи, не вошли въ погубернскіе выпуски (а также, вѣроятно, не войдутъ и въ сводъ); въ послѣднихъ не различается положеніе въ промыслѣ, и рабочіе не отдѣлены отъ хозяевъ.

стративной стороны въ ущербъ соціальной. Вопросы о приписномъ и объ осѣдломъ населеніи, объ отношеніи къ воинской повинности и тому подобные заставляли сжать отдѣлъ о занятіяхъ, гдѣ не былъ выдѣленъ въ особый пунктъ даже вопросъ о положеніи въ промыслѣ (хозяинъ, рабочій). Сами инструкціи несли на себѣ ясные слѣды своего происхожденія изъ нѣдръ министерства внутреннихъ дѣлъ и были, какъ увидимъ ниже, не одинаковы для лицъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ сословій. Производство переписи также было затѣяно на бюрократическій ладъ, съ преобладаніемъ бюрократическаго элемента въ переписныхъ коммиссіяхъ съ минимальнымъ участіемъ въ нихъ представителей самоуправленія и научныхъ силъ, съ полнымъ устраненіемъ отъ дѣла переписи органовъ самоуправленія, пріуроченьемъ переписныхъ участковъ къ участкамъ земскихъ начальниковъ, жестяными медалями для счетчиковъ и массой другихъ смѣшныхъ и жалкихъ подробностей.

Разработка переписи велась въ томъ же духѣ. Она была поручена единоличному руководству лица, излюбленнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но много разъ доказавшаго свою некомпетентность въ организаціи статистическихъ работъ *). Тѣмъ самымъ это сложное дѣло заранѣе было осуждено на плачевные результаты. Отмѣтимъ тутъ только нѣкоторыя черты. Перепись должна была дать свѣдѣнія о населеніи сразу въ трехъ его видахъ: наличномъ, осѣдломъ и приписномъ, чего не дѣлается ни въ одной странѣ и чего, въ концѣ концовъ, не удалось выполнить и при разработкѣ переписи 1897 г. Безполезныя осложненія плана разработки ненужными вопросами и неправильная постановкаа работъ вызвали ихъ необычайную медлительность и израсходованіе ассигнованныхъ первоначально суммъ уже въ самомъ началѣ подсчетовъ. Необходимость ввести работы въ извѣстныя рамки вызвала насильственное сокращеніе программы разработки. При этомъ, на ряду съ дѣйствительно безполезными отдѣлами (напримѣръ, о приписномъ населеніи), были выброшены за бортъ и отдѣлы необходимые. Такъ, окончательно устранена разработка по положенію въ промыслѣ, и публикѣ даны лишь тощія свѣдѣнія о количествѣ рабочихъ и прислуги, но не объ ихъ семьяхъ.

Въ результатѣ мы имѣемъ появленіе данныхъ переписи лишь черезъ восемь съ половиной лѣтъ послѣ ея производства, значительный денежный перерасходъ и несоотвѣтствіе изданныхъ таблицъ ни первоначальному плану переписи, ни научнымъ требованіямъ отъ нея.

Однако, имѣемъ ли мы возможность отбросить эти данныя, не пользоваться ими? нельзя ли ихъ замѣнить другими, лучшими?

Со времени первой переписи прошло такъ много времени, что было

*) Достаточно напомнить исторію изданія результатовъ обслѣдованія поземельной собственности 1887 года.

бы своевременно заговорить о производствѣ новой. Но и при самыхъ лучшихъ условіяхъ на подготовку къ ней пройдетъ не менѣ двухъ лѣтъ, а на разработку полученныхъ данныхъ понадобится еще, по крайней мѣрѣ, три года. Новыхъ и лучшихъ данныхъ о населеніи мы не будемъ имѣть, по меньшей мѣрѣ, пять лѣтъ.

Пять лѣтъ, по крайней мѣрѣ, придется ждать новыхъ свѣдѣній. И какихъ лѣтъ—когда преобразуется весь строй Россіи, и потребность выясненія состава населенія пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Полное отсутствіе систематическихъ данныхъ по этому вопросу еще усиливаетъ эту потребность. Очевидно, что пользованіе данными переписи 1897 года неизбѣжно.

Интересъ вопроса заставилъ автора этихъ этюдовъ не дожидаться окончательнаго появленія «Свода» данныхъ переписи и всѣхъ погубернскихъ выпусковъ. Въ нижеслѣдующихъ этюдахъ использованы будутъ подсчеты по 78 губерніямъ, свѣдѣнія о которыхъ опубликованы уже цѣликомъ. Общіе выводы, которые авторъ разсчитываетъ сдѣлать на основаніи данныхъ о 113 милліонахъ душъ, не измѣнятся вслѣдствіе опубликованія данныхъ объ остальныхъ 10%-тахъ населенія, — около 12 милліоновъ душъ. Само собою разумѣется, что на ряду съ подсчетами по 78 губерніямъ, мы будемъ пользоваться и даннымъ общихъ сводовъ по Имперіи, гдѣ это представится возможнымъ.

I. Составъ земледѣльческаго населенія. Ошибки переписи.

Распредѣленіе земледѣльческаго населенія, какъ оно дается переписью 1897 года, отличается отъ распредѣленія прочаго населенія крупными особенностями, которыя отчасти дѣйствительно свойственны этому населенію, отчасти же, видимо, зависятъ отъ недостатковъ переписи. Выдѣлить тѣ и другія, изучивъ сходство и различія въ распредѣленіи земледѣльцевъ и прочаго населенія, составить нашу ближайшую задачу.

Распредѣленіе по полу представляется въ слѣдующемъ видѣ (сравни таблицу I):

	Муж. пола.	Женск. пола.	Женщ. на 100 м.
Земледѣльческое населеніе .	38.504.503	40.926.691	106,3
Прочее населеніе	17.543.923	16.098.917	91,7
Итого . .	56.048.426	57.025.608	101,7

Это распредѣленіе даетъ приблизительное равенство половъ въ обѣихъ половинахъ населенія: земледѣльческой и неземледѣльческой. Преобладаніе женщинъ въ земледѣльческомъ и мужчинъ въ неземледѣльческомъ населеніи не выходитъ изъ извѣстныхъ, довольно тѣсныхъ, предѣловъ и, въ общемъ, соотвѣтствуетъ условіямъ жизни того и другого населенія.

Распредѣленіе по возрасту всего населенія въ связи съ занятіями можно сдѣлать лишь по двумъ группамъ: лица старше 15-ти лѣтъ и моложе 15-ти лѣтъ. Населеніе неизвѣстнаго возраста исключено изъ итоговъ.

	Лицъ 15 лѣтъ и старше.	Лицъ моложе 15 лѣтъ.	Малолѣтн. на 100 взросл.
Земледѣльческое населеніе .	46.907.360	32.523.834	69,4
Прочее населеніе	22.605.822	11.047.018	48,8
Итого . .	69.513.182	43.570.852	62,7

Нельзя не отмѣтить здѣсь, что число малолѣтнихъ въ земледѣльческомъ населеніи слишкомъ велико. Отчасти это можетъ зависѣть отъ большей многочисленности земледѣльческихъ семей, но здѣсь можно предположить уже и ошибки счета. Дѣйствительно, члены семей промышленниковъ, остающіеся въ деревнѣ, отмѣчались, конечно, какъ живущіе на средства своихъ старшихъ родственниковъ. При этомъ, однако, возможны два случая ошибокъ. 1) Лицомъ, содержащимъ ребенка, отмѣчалось не то, которое его дѣйствительно содержало, но котораго не было на мѣстѣ, а то лицо, у котораго ребенокъ только жилъ, но которое было на мѣстѣ, въ деревнѣ, и являлось главою семьи, въ которой жилъ ребенокъ. 2) Источникъ заработка отсутствующаго родителя или родственника ребенка показывался не тотъ, который онъ самъ показалъ про себя на мѣстѣ жительства, напримѣръ, въ городѣ, а другой, который считали болѣе удобнымъ указать деревенскіе его родственники, у которыхъ проживалъ ребенокъ отсутствующаго. Въ обоихъ случаяхъ вполнѣ возможны ошибки: въ одномъ невѣрно указывалось лицо, средствами котораго живетъ ребенокъ, а въ другомъ—родъ заработка этого лица. Въ обоихъ случаяхъ именно за земледѣліемъ могли зачисляться дѣти, которыя должны были бы быть зачисленными за другими заработками. Это вліяніе бытовыхъ особенностей русскаго народа на результаты переписи надо имѣть въ виду въ дальнѣйшемъ.

Гораздо болѣе рѣзкія особенности земледѣльческаго населенія обнаруживаются при распредѣленіи населенія на самодѣятельныхъ и несамодѣятельныхъ, живущихъ на счетъ первыхъ (болѣе полное объясненіе терминовъ дано будетъ ниже):

	Самодѣятельныхъ.	Несамодѣятельныхъ.	Несамод. на 100 самод.
Земледѣльческое населеніе .	15.058.127	64.373.067	427
Прочее населеніе	15.003.891	18.638.949	124
Итого. . .	30.062.018	83.012.016	276

Такимъ образомъ, на 100 самодѣятельныхъ въ земледѣльческомъ населеніи приходится 427 несамодѣятельныхъ, а въ прочемъ населеніи только 124. Разница получилась настолько грандіозная, что для ея

*

объясненія совершенно недостаточно предположеніе о большей многочисленности семей земледѣльческаго населенія, хотя бы эта многочисленность и была преувеличена упомянутымъ выше причисленіемъ къ нимъ нѣкоторого количества дѣтей неземледѣльческаго населенія. Несообразность указанныхъ данныхъ о земледѣльческомъ населеніи яснѣе предстанетъ предъ нами, когда мы представимъ себѣ въ грубыхъ, конечно, чертахъ составъ средней семьи въ земледѣльческомъ и неземледѣльческомъ населеніи. Средняя земледѣльческая семья состоитъ, примѣрно, изъ шести членовъ, а неземледѣльческая, если судить по даннымъ о городскомъ населеніи, нѣсколько меньше. Возьмемъ для неземледѣльческой семьи наиболѣе простой составъ—въ три человѣка. Тогда въ круглыхъ числахъ въ этой семьѣ окажется одинъ взрослый мужчина съ самостоятельнымъ заработкомъ и два несамодѣятельныхъ члена семьи—одинъ взрослый (женщина) и одинъ малолѣтній. Составъ семьи болѣе или менѣе возможный. Столь же вѣроятный составъ семьи получается и при предположеніи большого числа членовъ *). Другое мы замѣчаемъ относительно земледѣльческихъ семей. Тутъ въ круглыхъ числахъ на одного взрослаго мужчину съ самостоятельнымъ заработкомъ приходится пять несамодѣятельныхъ членовъ семьи, а именно 2—3 малолѣтнихъ и 2—3 взрослыхъ, но почему то не имѣющихъ самостоятельнаго заработка, а именно, одинъ взрослый мужчина и двѣ взрослыхъ женщины. Нѣтъ надобности далѣе останавливаться на этихъ данныхъ, чтобы сказазать, что составъ земледѣльческой семьи получается совершенно невозможный: пять членовъ семьи на одного самодѣятельнаго при чемъ три члена взрослыхъ, но не имѣющихъ самостоятельнаго заработка, представляетъ экономическій и бытовой nonsens. Очевидно, что лицами съ самостоятельнымъ заработкомъ считались при переписи только домохозяева, а неотдѣленные члены семей, хотя бы вполнѣ покрывающіе свое содержаніе, т.-е. имѣющіе самостоятельный заработокъ, считались не имѣющими таковаго и заносились въ ту категорію, которую перепись такъ неудачно назвала «членами семей». Повидимому, въ число несамодѣятельныхъ поголовно зачислялись всѣ самодѣятельные, но неотдѣленные члены семей, а также ихъ жены **). Въ пользу такого

*) Такъ, напримѣръ, при 6-ти членахъ семьи составъ ихъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: двое мужчинъ съ самостоятельнымъ заработкомъ (одинъ постарше, другой помоложе), одна взрослая женщина, не имѣющая самостоятельнаго заработка, двое дѣтей и часто еще женщина съ самостоятельнымъ заработкомъ, обыкновенно прислуга. Второй мужчина съ самостоятельнымъ заработкомъ часто оказывается постороннимъ, т.-е. жильцомъ.

**) Пояснимъ примѣромъ: взрослый, но отдѣленный сынъ или братъ въ житейскомъ смыслѣ является, конечно, членомъ семьи, но по отношенію къ средствамъ существованія онъ является лицомъ съ самостоятельнымъ заработкомъ и назвать его членомъ семьи значило бы зачислить его въ несамодѣятельные.

толкованія говоритъ и подозрительная близость числа самодѣятельныхъ земледѣльцевъ по Европейской Россіи съ числомъ крестьянскихъ дворовъ въ ней *). Высказанное выше предположеніе о допущенной переписью ошибкѣ быстро теряетъ характеръ догадки и получаетъ видъ неоспоримаго положенія. Причина этой ошибки становится вполнѣ понятной при разсмотрѣніи инструкцій по заполненію переписныхъ листовъ.

Какъ извѣстно, для городского и уѣзднаго населенія установлены были переписные листы формы Б и В, съ совершенно аналогичной инструкціей о заполненіи ихъ, и лишь для крестьянскихъ дворовъ, находящихся на земляхъ сельскихъ обществъ, употреблялись особые листы формы А.

Вопросъ о занятіяхъ, какъ мы уже упоминали, былъ заданъ въ суммарной формѣ: «занятіе, ремесло, промыселъ, должность или служба». Поэтому въ инструкціи необходимо было дать свѣдѣнія по тремъ пунктамъ: 1) прежде всего, надо было отдѣлить, такъ называемое, самодѣятельное населеніе (Erwerbstätigen), т.-е. лицъ, активно занятыхъ въ какомъ-либо промыслѣ или имѣющихъ самостоятельный доходъ, отъ населенія несамодѣятельнаго (Angehörigen), т.-е. лицъ живущихъ на средства первой категоріи; 2) затѣмъ надо было указать на необходимость отмѣтить родъ занятія самодѣятельныхъ лицъ и 3) наконецъ, отмѣтить ихъ положеніе въ производствѣ (хозяинъ, служащій, рабочій, что по-нѣмецки носитъ названіе: Selbständige, Beamte, Arbeiter). Поясненія эти надо было дать особенно отчетливо, такъ какъ въ переписномъ листѣ три эти вопроса были слиты въ одинъ пунктъ.

На листахъ Б и В поясненія были даны довольно удовлетворительно. Сначала указывалось, какъ отмѣчать занятія и положеніе, занимаемое лицомъ въ упомянутомъ занятіи. Послѣднее спрашивалось детально; такъ, о занимающихся ремеслами требовалось отмѣтить, хозяинъ ли это лицо, мастеръ, подмастерье, ученикъ или рабочій и т. д. Затѣмъ говорилось: «противъ такихъ членовъ семейства (женъ, дѣтей, престарѣлыхъ), которые не имѣютъ ни ремесленныхъ, ни иныхъ занятій, ни собственнаго денежнаго имущества, въ этой графѣ отмѣчается, при комъ или на чей счетъ они проживаютъ, напримѣръ: «при мужѣ», «при родителяхъ», «на воспитаніи», «при сынѣ» и т. д.

«Подобныя отмѣтки могутъ ставиться относительно женщинъ посвящающихъ свое время исключительно лишь заботамъ по веденію

*) Количество крестьянскихъ дворовъ къ 1 іюля 1893 года (по „Временнику" № 33) равно 10.023.281 по 44 губерніямъ Европейской Россіи (безъ Прибалтійскихъ, Черниговской, Архангельской и Донской). По конскимъ переписямъ 1899, 1900 и 1896 годовъ въ тѣхъ же губерніяхъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Вологодской и Пермской губ.) оказалось 10.673.052 крестьянскихъ дворовъ въ сельскихъ обществахъ, а число самодѣятельныхъ земледѣльцевъ обоего пола по переписи 1897 г. равнялось 11.581.206, т.-е. по 1,1 на дворъ

домашняго хозяйства и не имѣющихъ постояннаго самостоятельнаго занятія или не принимающихъ въ таковомъ *никакого участія* (курсивъ мой А. Л.); затѣмъ тоже соблюдается относительно дѣтей и стариковъ, еще или уже неспособныхъ къ труду».

Эти поясненія отчетливо выдѣляли несамодѣятельныхъ и дѣлали невозможнымъ включеніе самодѣятельныхъ въ число первыхъ.

Не такъ было поступлено относительно населенія, переписываемаго на листахъ А и попавшаго еще разъ въ положеніе непривилегированнаго. Приведемъ изъ инструкціи сельскимъ счетчикамъ главный, относящійся союза, пассажъ: «противъ такихъ крестьянъ, которые занимаются главнымъ образомъ *земледѣліемъ*, въ этой графѣ должно быть обозначено это занятіе, съ прибавленіемъ противъ каждаго того положенія, которое онъ въ немъ занимаетъ, напримѣръ, для хозяина—«земледѣлецъ хозяинъ», *для остальныхъ членовъ семьи* (курсивъ мой А. Л.), если они главнымъ образомъ занимаются земледѣліемъ—«земледѣлецъ при отцѣ», «земледѣлица при мужѣ», «земледѣлецъ при братѣ» и т. д.».

Ясно, что здѣсь сбиты въ одну кучу три ряда понятій: 1) хозяинъ, въ смыслѣ самодѣятельнаго, въ отличіе отъ зависимыхъ отъ него несамодѣятельныхъ, 2) хозяинъ, какъ положеніе въ промыслѣ, въ отличіе отъ рабочаго и 3) хозяинъ, въ смыслѣ главы семьи, въ отличіе отъ членовъ семьи. Сопоставленіе въ инструкціи слова: «хозяинъ» со словами «члены семьи» заставляетъ понимать первое именно въ смыслѣ: главы семьи, «домохозяина».

Итакъ, буквальный смыслъ инструкціи заставляетъ заносить въ самодѣятельные только домохозяевъ, а всѣхъ остальныхъ членовъ семьи—въ несамодѣятельные, въ противоположность инструкціямъ на листахъ Б и В. Мы видимъ, что подмѣченныя выше особенности въ распредѣленіи земледѣльческаго населенія на самодѣятельныхъ и несамодѣятельныхъ дѣйствительно представляютъ результатъ ошибки и вызваны неполнотою и неясностью переписныхъ инструкцій *).

---

*) Повидимому, центральный комитетъ въ послѣднихъ выпускахъ переписи самъ начинаетъ понимать негодность своихъ данныхъ. Намеки на это находимъ во введеніи къ тетради по Бакинской губерніи г. П. Бечаенова—стр. X („нѣкоторая часть лицъ, самостоятельно трудящихся, отнесена къ численности семейнаго состава", „данными о занятіяхъ не очерчивается въ полной мѣрѣ дѣйствительность"). Яснѣе и детальнѣе вопросъ изложенъ во введеніи по Ставропольской губерніи г. Н. Швейкина (стр. XII; подписано 1 мая 1905 г.); причиной ошибокъ по его мнѣнію является то имущественное значеніе, которое придавалось въ земледѣліи понятію „хозяинъ", близкаго къ понятію хозяина двора, надѣла (вѣрнѣе: главы семьи—А. Л.). Но г. Швейкинъ забываетъ упомянуть, что такое неправильное понятіе и ошибки переписи прямо вызваны инструкціями къ переписнымъ листамъ.

Мы доказали существованіе ошибокъ въ данныхъ переписи о соціальномъ распредѣленіи населенія и выяснили причины этого. Но чтобы имѣть возможность пользоваться данными переписи, необходимо знать размѣры этихъ ошибокъ.

Для рѣшенія этой задачи слѣдуетъ исходить изъ данныхъ той же переписи. Единственнымъ пріемомъ здѣсь является: дать распредѣленіе земледѣльческаго населенія по распредѣленію тѣхъ группъ населенія, относительно которыхъ нѣтъ упомянутыхъ выше сомнѣній, иначе говоря: приравнять земледѣльческое населеніе неземледѣльческому. Замѣтимъ, что вычисленные такимъ образомъ предѣлы ошибокъ придется разсматривать, какъ максимальные, такъ какъ земледѣльческое населеніе и въ дѣйствительности имѣетъ свои особенности, лишь преувеличенныя переписью. Дѣйствительность должна находиться между показаніями переписи и вычисленными поправками. Тѣмъ не менѣе знать максимумъ возможныхъ ошибокъ намъ необходимо, такъ какъ это первая задача всякаго научнаго изслѣдованія.

Первая поправка имѣетъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ вторая. Она касается распредѣленія дѣтей («членовъ семей» моложе 15-ти лѣтъ). Среди нихъ число живущихъ отъ земледѣлія слишкомъ преувеличено переписью. Часть дѣтей зачислена переписью за земледѣліемъ ошибочно. Поправку можно сдѣлать лишь по даннымъ о взросломъ населеніи, разнесеніе котораго по занятіямъ подвергается меньшимъ сомнѣніямъ. Среди взрослаго населенія земледѣльцы составляютъ 67,4%. Приложимъ это отношеніе къ дѣтямъ. Оказывается, что около 3.157 тысячъ дѣтей надо перенести изъ группы земледѣльческаго населенія въ группу лицъ, живущихъ отъ прочихъ занятій, чтобы уравнять распредѣленіе малолѣтнихъ съ распредѣленіемъ взрослыхъ. Для населенія всей Имперіи эта поправка повысится до 3½ милліоновъ. Замѣтимъ пока эту цифру и перейдемъ ко второй поправкѣ.

Эта поправка относится къ распредѣленію *земледѣльческаго* населенія на самодѣятельныхъ и несамодѣятельныхъ и касается исключительно взрослаго населенія (старше 15-ти лѣтъ). Распредѣленіе ихъ отличается слѣдующими особенностями: число несамодѣятельныхъ («членовъ семей») черезмѣрно повышено, а число самодѣятельныхъ понижено. Зависитъ это, какъ мы показали выше, отъ зачисленія многихъ самодѣятельныхъ земледѣльцевъ въ «члены семей», не имѣющихъ самостоятельнаго заработка. Поправка должна быть сдѣлана по даннымъ о неземледѣльческомъ населеніи, распредѣленіе котораго вызываетъ меньше сомнѣній. Методъ нашихъ поправокъ яснѣе виденъ изъ таблички на слѣдующей (232) страницѣ.

Итакъ, если бы распредѣленіе земледѣльческаго населенія соотвѣтствовало распредѣленію прочаго населенія, то число самодѣятельныхъ должно было бы быть болѣе показаннаго на 14 съ лишнимъ милліоновъ, т.-е. быть вдвое больше, а число несамодѣятельныхъ почти

вдвое меньше (на тѣ же 14½ милліоновъ). Для всего населенія Имперіи поправка возрастаетъ до 16 милліоновъ.

	Сумма взрослаго населенія данной группы.	Въ томъ числѣ:	
		Самодѣятельныхъ.	Несамодѣятельныхъ.
Населеніе, живущее не отъ земледѣлія,—по переписи	22.605,822	14.182,526	8.423,296
Тоже, въ процентахъ	100	62,7	37,3
Земледѣльческое населеніе — по переписи	46.907,360	14.935,095	31.972,265
При распредѣленіи пропорціонально неземледѣльческому населенію получимъ	46.907,360	29.411,415	17.495,945
Максимумъ поправки	—	+ 14.476,320	— 14.476,320

Мы видимъ, что вторая поправка гораздо значительнѣе, чѣмъ первая; численно она вчетверо больше. Ее мы непремѣнно должны имѣть въ виду всякій разъ, когда намъ придется говорить о распредѣленіи самодѣятельнаго населенія. Перепись 1897 года, благодаря своимъ ошибкамъ, на многіе вопросы о распредѣленіи населенія *не въ состояніи дать точнаго отвѣта*, она можетъ дать отвѣтъ лишь приблизительный, болѣе или менѣе близкій къ истинѣ. И вычисленныя нами поправки должны показать степень этого приближенія.

Однако, остановиться на намѣченныхъ выше цифрахъ было бы не совсѣмъ правильно. Онѣ даютъ распредѣленіе земледѣльческаго населенія совершенно сходное съ распредѣленіемъ населенія неземледѣльческаго, и принять ихъ значило бы забыть о дѣйствительныхъ особенностяхъ земледѣльческой половины населенія, которыя, тѣмъ не менѣе, существуютъ. Дѣйствительность находится между показаніями переписи и вычисленными выше поправками. Мы не имѣемъ надлежащихъ данныхъ для болѣе точнаго опредѣленія этой дѣйствительности. Поэтому, чтобы не склониться въ сторону преувеличенія или преуменьшенія поправокъ, намъ остается предположить, что дѣйствительность находится ровно посрединѣ между однимъ предѣломъ, даннымъ переписью, и другимъ, указаннымъ нашими вычисленіями. Иначе говоря, мы предположимъ, что число несамодѣятельныхъ дѣтей, неправильно зачисленныхъ переписью за земледѣльческимъ населеніемъ, равно 1.600 тысячамъ по 78 губерніямъ, или 5% этой группы, какъ она указана переписью. Съ другой стороны, мы предположимъ, что число взрослыхъ, имѣющихъ самостоятельный заработокъ въ земледѣліи, должно быть увеличено на 7 милліоновъ или на 50% противъ числа ихъ, даннаго переписью. До появленія другихъ, болѣе точныхъ данныхъ, поправки эти придется считать наиболѣе вѣроятными.

Слѣдующія соображенія показываютъ, что предложенные выше размѣры поправокъ достаточны, и что ихъ не слѣдуетъ дѣлать большими. Остановимся на важнѣйшей изъ этихъ поправокъ. Перепись 1897 года насчитала во всей Имперіи 33 милліона самодѣятельныхъ лицъ обоего пола и болѣе 92 милліоновъ несамодѣятельныхъ. Такое распредѣленіе является дѣйствительно исключительнымъ, единственнымъ во всей исторіи народныхъ переписей. Мы предполагаемъ поправку въ 8 милліоновъ, т. е. принимаемъ число самодѣятельныхъ равнымъ 41 милліону, а несамодѣятельныхъ—84 милліонамъ. Несомнѣнно, и при этой поправкѣ число несамодѣятельныхъ очень велико. Однако, въ значительной мѣрѣ, это зависитъ уже отъ возрастнаго состава населенія Россіи, съ его большимъ числомъ малолѣтнихъ. Если мы примѣнимъ данныя иностранныхъ переписей о числѣ самодѣятельныхъ по разнымъ возрастнымъ группамъ къ возрастному составу населенія Россіи, то получимъ слѣдующіе результаты *). По даннымъ Соединенныхъ Штатовъ за 1890 годъ, число самодѣятельныхъ обоего пола въ Россіи должно равняться 42.251.000; по даннымъ Германіи за 1895 годъ для Россіи можно было бы опредѣлить количество активнаго населенія въ 42.592.000 и прислуги 2.352.000, а вмѣстѣ 44.945.000. Даваемыя переписью 1897 года число въ 33 милліона самодѣятельныхъ несомнѣнно слишкомъ мало, но, послѣ прибавленія вычисленной нами поправки, вновь полученное число въ 41 милліонъ уже ближе къ цифрамъ, вычисленнымъ по американскимъ и германскимъ даннымъ (42 и 45 милліоновъ). Намъ кажется, что эти данныя показываютъ, что вычисленная нами поправка достаточна.

Оріентировавшись въ размѣрахъ необходимыхъ поправокъ, попробуемъ дать свѣдѣнія о распредѣленіи земледѣльческаго населенія. Отмѣтимъ при этомъ, что поправку на число самодѣятельныхъ мы разнесли равномѣрно по всѣмъ возрастамъ. Въ прилагаемой на слѣдующей (234) стр. таблицѣ мы не приводимъ полученныхъ нами абсолютныхъ данныхъ, а лишь выведенныя на основаніи ихъ относительной величины. Въ послѣднемъ столбцѣ мы приводимъ относительную величину земледѣльцевъ въ разныхъ группахъ населенія безъ поправки, т.-е. вычисленную на основаніи данныхъ приложенной ниже таблицѣ 1-й.

Среди всего населенія земледѣльцы съ ихъ семьями составляютъ 69%. Въ нѣкоторыхъ группахъ населенія % этотъ нѣсколько повышается, а именно: среди женщинъ онъ равенъ 70, среди несамодѣятельныхъ обоего пола 73-мъ. Наоборотъ, онъ ниже средняго среди мужчинъ (67%) и среди самодѣятельныхъ обоего пола (60%). Въ послѣдней группѣ земледѣльцевъ тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе молодой возрастъ мы возьмемъ: въ возрастахъ въ сорокъ лѣтъ и болѣе

*) Вычисленія сдѣланы по даннымъ, приведеннымъ на страницѣ 66 и 67 русскаго перевода „Статистики и Экономіи“ Майо-Смита.

процентъ земледѣльцевъ равенъ 72 и 71,въ возрастѣ отъ 20 до 39 лѣтъ процентъ земледѣльцевъ понижается до 54-хъ, а въ возрастѣ отъ 15 до 19-ти лѣтъ—до 34%. Неземледѣльческое населеніе, вообще, составляетъ 31%, но % этотъ повышается среди мужчинъ, среди самодѣятельныхъ и среди болѣе молодыхъ возрастовъ послѣдней группы. Цифры эти показываютъ, что отъ земледѣлія отливаютъ болѣе активные и болѣе молодые элементы. Въ немъ остаются въ сравнительно большей степени несамодѣятельные, женщины и старики.

	Распредѣленіе населенія.			% земледѣльческаго населенія безъ поправки.
	Все населеніе.	Земледѣльч. населен.	Прочее населен.	
Все населеніе	100	69	31	70
Въ томъ числѣ мужчины	100	67	33	69
„ „ „ женщины	100	70	30	72
Самодѣятельные обоего пола	100	60	40	50
Въ томъ числѣ моложе 15 лѣтъ	100	13	87	13
„ „ „ 15 лѣтъ и старше	100	61	39	51
Несамодѣятельные обоего пола	100	73	27	78
Въ томъ числѣ моложе 15 лѣтъ	100	72	28	76
„ „ „ 15 лѣтъ и старше	100	74	26	79
Въ числѣ самодѣятельныхъ:				
15—19 лѣтъ	100	34	66	25
20—39 „	100	54	46	44
40—59 „	100	72	28	63
60 лѣтъ и старше	100	71	29	62

Причиной такого состава нужно считать явленіе, общее Россіи со всѣми прочими странами; это именно—обезлюденіе деревни. Большая самостоятельность, большая свобода, большая культура, лучшій заработокъ и многое другое составляютъ притягательную силу городовъ. Такая сила особенно вліяетъ на наиболѣе энергичную и интеллигентную часть сельскаго населенія, которая лучше другихъ видитъ ничтожные доходы и слабую обезпеченность земледѣльческаго заработка. Въ результатѣ рабочій бѣжитъ въ города. Различаясь нѣсколько по формѣ, по существу явленіе это обще Россіи, Западной Европѣ и Америкѣ.

Мы выше привели тѣ цифры неземледѣльческаго населенія, которыя дала первая русская перепись. Цифры эти оказались довольно внушительными. Нѣтъ сомнѣнія, что въ болѣе ранніе періоды русской исторіи земледѣльческое населеніе представляло большую величину. Это обстоятельство заставляетъ насъ думать, что и въ дальнѣйшемъ въ Россіи скажется та тенденція, которую отмѣчаетъ Майо-Смитъ для прочихъ странъ. Въ одномъ мѣстѣ цитированнаго нами труда (стр. 75)

онъ отмѣчаетъ тенденцію современнаго общества прилагать все меньше рабочей силы къ земледѣлію и добывающей промышленности и все больше къ мануфактурѣ, транспорту и торговлѣ.

Замѣтимъ, что сдѣланные нами выводы о составѣ земледѣльческаго населенія вполнѣ подтверждаются и данными подлинныхъ подсчетовъ свѣдѣній переписи (безъ поправокъ). Только эти послѣдніе показываютъ особенности состава земледѣльческаго населенія въ слишкомъ рѣзкой формѣ, на нашъ взглядъ не отвѣчающей дѣйствительности.

II. Численность пролетаріата и крестьянства.

Разсчеты пролетаризированнаго населенія можно сдѣлать лишь для самодѣятельныхъ, такъ какъ отмѣченная выше работа (произведенная г-номъ В. Степановымъ) о «Распредѣленіи рабочихъ и прислуги» не охватываетъ вовсе членовъ семьи. Нѣтъ сомнѣнія, что семьи пролетаризированнаго населенія часто бываютъ менѣе многочисленны, чѣмъ семьи населенія имущаго. На результатѣ работы отразятся также неточности переписи 1897 года при исчисленіи самодѣятельнаго населенія. Эти оговорки надо имѣть въ виду, при распространеніи представляемыхъ ниже (см. стр. 236) разсчетовъ на все населеніе Россіи. Тѣмъ не менѣе, эти разсчеты имѣютъ высокій интересъ *).

Мы разобьемъ самодѣятельное населеніе по отраслямъ промысловой дѣятельности и для каждой изъ нихъ укажемъ число лицъ, которыя отмѣтили о себѣ, что продажа рабочей силы составляетъ ихъ главный заработокъ, ихъ главный источникъ существованія. Поденщики и чернорабочіе, хотя и заняты промысловой дѣятельностью, не могутъ быть разнесены по отраслямъ ея и потому подсчитаны лишь въ общемъ итогѣ лицъ, занятыхъ промысловыми занятіями. Подсчетъ, какъ указано выше, сдѣланъ по 78 губерніямъ и областямъ Россіи (см. табл. 2).

Если къ этимъ даннымъ приложить данныя о непромысловыхъ занятіяхъ (въ томъ числѣ о прислугѣ), то на 30 081.454 самодѣятельныхъ окажется 8.406.440 рабочихъ и прислуги, или 28% перваго числа.

Итакъ, если судить по даннымъ о самодѣятельномъ населеніи, то въ Россіи болѣе $^1/_4$ населенія уже пролетаризировано. Лица, для которыхъ работа по найму составляетъ лишь подспорье къ собственному хозяйству, не вошли въ этотъ подсчетъ. Наиболѣе капиталистически организована промышленность. Рабочіе составляютъ 52 процента всего населенія, живущаго отъ этой отрасли дѣятельности. Далѣе идутъ

*) Работа г. Степанова пестритъ различными ошибками подсчета, но мы не имѣемъ здѣсь достаточно мѣста, чтобы останавливаться на этомъ вопросѣ. Отмѣтимъ лишь, что изданіе это заслуживаетъ такого же довѣрія, какъ и всѣ изданія по переписи, такъ какъ редакція и матеріалъ у нихъ—общіе.

транспортъ и торговля, гдѣ этотъ процентъ понижается до 29. Наконецъ, слѣдуетъ сельское хозяйство, гдѣ процентъ рабочихъ равняется 15.

	Число самодѣятельныхъ обоего пола.	Въ томъ числѣ рабочихъ.	% послѣднихъ.
Земледѣліе	15.063,589	1.847,659	12
Прочія отрасли сельскаго хозяйства, кочевое хозяйство, рыболовство и охота	1.141,086	520,844	46
Итого	16.204,675	2.368,503	15
Промышленность и горное дѣло .	4.822,480	2.491,549	52
Транспортъ и торговля	2.042,212	590,138	29
Поденщики и чернорабочіе . . .	976,290	976,290	—
Всего: промысловыя занятія	24.045,657	6.426,480	27

Изъ отдѣльныхъ отраслей промышленности наиболѣе капиталистически организовано горное дѣло съ 91% рабочихъ. Затѣмъ идутъ обработка металловъ и волокнистыхъ веществъ (60 и 58 процентовъ рабочихъ). Около половины рабочихъ находимъ въ обработкѣ животныхъ продуктовъ, строительныхъ работахъ и обработкѣ дерева (50, 49 и 43%). Наконецъ, ниже всего процентъ рабочихъ (30) въ изготовленіи одежды. Эта отрасль промышленности представляетъ изъ себя сосредоточіе ремесленничества и кустарничества. Не перечисленныя отдѣльно отрасли промышленности организованы въ большинствѣ случаевъ капиталистически (62% рабочихъ).

Изъ предпріятій по транспорту и торговлѣ наиболѣе капиталистически организованы, конечно, желѣзныя дороги (67% рабочихъ). Въ предпріятіяхъ по извозу и всѣмъ средствамъ сообщенія рабочихъ 44%. Наконецъ, въ разныхъ видахъ торговли % этотъ понижается до 18; такимъ образомъ, въ торговлѣ, повидимому, преобладаютъ одиночныя предпріятія; впрочемъ, надо отмѣтить, что въ работѣ г. В. Степанова подсчитаны лишь собственно рабочіе и не подсчитывались служащіе (приказчики, конторщики, бухгалтеры, управляющіе), такъ что приводимыя цифры ниже процента наемнаго персонала, вообще, что особенно большое значеніе имѣетъ именно для торговли.

Въ сельскомъ хозяйствѣ на рабочихъ приходится 12% въ земле-

дѣліи и 46% въ прочихъ отрасляхъ. Процентъ рабочихъ въ этой второй категоріи понизился вслѣдствіе того, что сюда зачислено не только сельскохозяйственное населеніе, но и кочевники (преимущественно въ Средней Азіи), примѣняющіе наемный трудъ въ слабой степени. Въ собственно Европейской Россіи рабочихъ въ этихъ отрасляхъ хозяйства насчитывается уже 74%. Послѣднее число составляется изъ скотниковъ, скотницъ и другихъ рабочихъ по животноводству, а также рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ (въ Астраханской губерніи) и т. д. Эти отрасли хозяйства, какъ видимъ, организованы капиталистически.

Намѣченныя нами поправки къ числу самодѣятельныхъ лицъ въ немногомъ измѣнятъ набросанную выше картину. Число рабочихъ собственно въ земледѣліи понизится до 8%, а общій процентъ пролетаризированнаго населенія—до 22%. Это послѣднее отношеніе можно признать выражающимъ, вообще, численность пролетаріата въ самодѣятельномъ населеніи Россіи.

Въ высокой степени интересно по даннымъ переписи подойти къ опредѣленію численности крестьянства въ экономическомъ смыслѣ. Общепринятое опредѣленіе называетъ крестьянами «мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, лично обрабатывающихъ землю». Надо заранѣе оговориться, что по даннымъ переписи невозможно учесть нѣкоторыхъ признаковъ: мы не можемъ судить, лично или не лично хозяинъ обрабатываетъ землю, не можемъ опредѣлить, мелкій ли это, средній или крупный хозяинъ и т. д. Единственными признаками, распространеніе которыхъ мы можемъ учесть, являются: хозяинъ и земледѣлецъ. Стало быть, въ крестьяне нельзя зачесть все то населеніе, которое отмѣтило о себѣ, что продажа рабочей силы составляетъ его главный заработокъ, его главный источникъ существованія, иначе говоря—рабочихъ и прислугу. Съ другой стороны, въ крестьянство безусловно не попадаютъ всѣ лица, хотя бы и хозяева, главный источникъ существованія которыхъ—не земледѣліе, а другая какая-нибудь отрасль промысловой дѣятельности.

Но дѣйствуя по этому плану, выдѣляя изъ общей массы населенія рабочихъ и неземледѣльцевъ, мы получимъ только общую массу хозяевъ-земледѣльцевъ вмѣстѣ со служащими у нихъ, т.-е. не только крестьянъ, но и болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, вмѣстѣ съ которыми кромѣ того будутъ сосчитаны ихъ управляющіе, конторщики, хозяйственные старосты и т. д., такъ какъ по даннымъ центральнаго комитета можно выдѣлить лишь рабочихъ въ собственномъ смыслѣ (Arbeiter, ouvriers), а не служащихъ (Beamte, employés). Въ виду этого мы будемъ помнить, что данныя, которыя мы получимъ, будутъ нѣсколько превышать искомую величину.

Для исчисленія числа крестьянъ мы возьмемъ группу собственно земледѣльческаго населенія. Прибавить къ нимъ населеніе живущее

«другими отраслями сельскаго хозяйства, рыболовствовъ и охотой» было бы неправильно. Въ самомъ дѣлѣ, число крестьянъ (въ экономическомъ смыслѣ), не ведущихъ земледѣльческаго хозяйства, а живущихъ исключительно или главнымъ образомъ животноводствомъ, должно быть крайне невелико, если только такіе крестьяне вообще существуютъ. Но малое число ихъ прямо обнаруживается и самой переписью. Самодѣятельное населеніе рэзсматриваемыхъ категорій на 4/5 навѣрно состоитъ не изъ крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ составъ самодѣятельныхъ лицъ, живущихъ этими отраслями хозяйства. Изъ 1.141 тыс. душъ обоего пола здѣсь оказывается 521 тыс. рабочихъ, т.-е. не крестьянъ въ экономическомъ смыслѣ. Довольно существенное значеніе имѣетъ также включеніе сюда центральнымъ комитетомъ кочевниковъ. Такъ, въ 6 областяхъ одной Средней Азіи насчитывается 346 тыс. хозяевъ указаннаго типа, т. - е. earthземледѣльцевъ. За вычетомъ этихъ двухъ группъ въ разсматриваемой категоріи остается всего 274 тыс. душъ т.-е. всего 1,3% вычисленнаго нами количества крестьянъ. Среди этого остатка довольно замѣтную величину составляютъ еще кочевое, рыболовное и охотничье населеніе въ Сибири, Архангельской, Астраханской, Ставропольской губерніяхъ, далѣе наши лѣсопромышленники, маслодѣлы, сыровары, владѣльцы рыбныхъ промысловъ и ихъ служащіе. То количество, которое затѣмъ остается и которое можно было бы съ натяжкой приписать къ итогу крестьянства, конечно, далеко не можетъ покрывать того вычета, который въ немъ слѣдуетъ сдѣлать (землевладѣльцы и ихъ служащіе). Такимъ образомъ, вычисляемая нами ниже величина все еще должна считаться максимальнымъ выраженіемъ количества крестьянства.

По предложенному плану самодѣятельное населеніе 78 губерній естественно разбивается на слѣдующія категоріи:

	Число самодѣятельныхъ.	Тоже съ поправкой.	%% распредѣленіе.
Крестьяне и землевладѣльцы съ ихъ служащими	13.215,930	20.683,478	55
Хозяева и служащіе въ проч. промысловыхъ занятіяхъ	4.403,247	4.403,247	12
Пролетаріи (рабочіе и прислуга).	8.406,440	8.406,440	22
Непромысловыя занятія (кромѣ прислуги)	4.055,928	4.055,928	11
Итого	30.081,545	37.549,093	100

Итакъ, среди самодѣятельнаго населенія Россіи крестьяне составляютъ максимумъ 55%. Поправка на число самодѣятельныхъ уже при-

нята во вниманіе. Во всей Имперіи, при 42 милліонахъ самодѣятельныхъ, крестьянъ будетъ 23 милліона.

Остается учесть вліяніе большаго состава земледѣльческихъ семей и болѣе ранней самостоятельности неземледѣльческихъ рабочихъ. Сдѣлать это можно, основываясь на отношеніи несамодѣятельнаго населенія къ самодѣятельному. Послѣ сдѣланныхъ выше поправокъ, на 100 самодѣятельныхъ приходится несамодѣятельныхъ: въ земледѣльческомъ населеніи 246, въ неземледѣльческомъ 135. Воспользовавшись этими данными и распространяя подсчетъ на всю Имперію, получимъ, что на крестьянъ (въ экономическомъ смыслѣ) съ ихъ семьями приходится около 80 милліоновъ душъ или 64% населенія, на пролетаріатъ съ семьями 22 милліона душъ или 17% населенія, на всѣ прочія группы 24 милліона или 19% населенія.

Сдѣланные подсчеты, при всей ихъ приблизительности, приходится считать наиболѣе точными, какіе только доступны русскому изслѣдователю вплоть до производства новой, лучшей переписи. Попытаемся же оцѣнить полученные результаты.

Русскимъ экономистамъ за послѣднее время неоднократно приходилось говорить о крестьянствѣ и приблизительно опредѣлять его численность. Опредѣленія эти дѣлались весьма разнообразно и почти всегда «на глазъ». Достаточно сказать, что численность крестьянства, какъ экономической группы, опредѣлялись и въ 3/4 населенія и въ 85% и даже въ 90% его.—Подсчеты, сдѣланные выше, показали, что среди самодѣятельнаго населенія крестьяне въ экономическомъ смыслѣ составляютъ не болѣе 55%, а среди всего населенія (съ семьями) не болѣе 64%. Крестьяне, *какъ сословіе*, болѣе многочисленны, и по Имперіи на нихъ приходится до 97 милліоновъ, 77% всего населенія. Нѣтъ сомнѣнія что нѣкогда оба эти понятія: крестьяне, какъ сословіе, и крестьяне въ экономическомъ смыслѣ ближе подходили другъ къ другу и даже совпадали, тѣмъ болѣе, что крестьяне, прежде чѣмъ стать сословіемъ, были лишь экономической группой. Отъ этого сословнаго раздѣленія, совпадавшаго съ экономической группировкой, современная Россія сдѣлала большой шагъ впередъ: по крайней мѣрѣ, 17 милліоновъ душъ, числившихся въ 1897 году въ крестьянскомъ сословіи, т.-е. болѣе одной шестой крестьянскаго сословія, не были уже связаны съ земледѣліемъ, не имѣли «собственнаго» хозяйства и не могли считаться крестьянами въ экономическомъ смыслѣ. Въ цѣломъ рядѣ губерній, преимущественно промышленныхъ, съ крупными городскими центрами это противорѣчіе крестьянъ, какъ сословія, и какъ экономической группы, достигаетъ гораздо большихъ размѣровъ и быстро растетъ. Явленіе это рѣзко подчеркиваетъ, что сословная группировка отжила свой вѣкъ, и что недалеко то время, когда она устранится неизбѣжно, силою вещей. Повторяемъ, отъ своей сословной группировки современ-

ная Россія сдѣлала большой шагъ; еще одинъ такой шагъ, и крестьянамъ въ экономическомъ смыслѣ уже не будетъ принадлежать абсолютное большинство въ населеніи Россіи,—они будутъ составлять менѣе половины этого населенія.

Въ подсчетѣ численности крестьянъ, какъ экономической группы, мы находимъ также опорный пунктъ для критическаго отношенія къ сужденіямъ нашихъ экономистовъ. Если кто нибудь изъ нихъ говоритъ о $^3/_4$, а тѣмъ болѣе, о большемъ процентѣ, который составляютъ крестьяне среди всего населенія Россіи,—мы будемъ знать, что дѣло идетъ о крестьянахъ, какъ сословіи, хотя бы говорящій утверждалъ противное и доказывалъ, что онъ говоритъ именно о крестьянахъ въ экономическомъ смыслѣ, что именно онъ умѣетъ отличать это понятіе отъ крестьянъ, какъ отъ сословія, тогда какъ другіе путаютъ ихъ.

Но гдѣ перепись открываетъ передъ нами цѣлый новый міръ, это именно въ области нашихъ представленій о пролетаріатѣ въ Россіи. Еще съ легкой руки Гагстгаузена въ русской литературѣ долго господствовало плохо обоснованное утвержденіе, что Россія застрахована отъ этого явленія. Чернышевскій цитировалъ въ 1857 году слѣдующія слова Гагстгаузена, подчеркивая ихъ важность: «Русское общинное устройство, описанное нами выше, безконечно важно для Россіи, особенно, въ настоящее время, въ государственномъ отношеніи. Всѣ западно-европейскія государства страдаютъ одною болѣзнью, исцѣленіе которой доселѣ остается неразрѣшимой задачей,—они страдаютъ пауперизмомъ—пролетаріатствомъ. Россія не знаетъ этого бѣдствія; она предохраняется отъ него своимъ общиннымъ устройствомъ. Каждый русскій имѣетъ и свою родную землю и право на участокъ ея». Вышедшіе въ 1893 году «Очерки» г-на Николая—она въ положительной своей части всецѣло построены на мечтѣ того же Гагстгаузена объ «уничтоженіи дѣлежа земли и возстановленіи общаго труда при хлѣбопашествѣ». Г. Николай—онъ, какъ и Гагстгаузенъ, «считалъ это возможнымъ у народа, столь привыкшаго слѣдовать духу общинной власти».

Общинно-земледѣльческій строй Россіи противуполагался въ теоріи капитализму. Послѣдній долго считался невозможнымъ на русской почвѣ. Естественно, что при такомъ пониманіи, развитіе пролетаріата долго не могло найти себѣ правильной оцѣнки въ трудахъ экономистовъ этого толка. Неправильное представленіе о фактахъ порождало неправильныя теоріи, а неправильныя теоріи вызывали неправильное представленіе о фактахъ. Въ 1899 году, въ своей книгѣ «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи», въ этомъ послѣднемъ произведеніи доктринерскаго народничества, г-нъ Каблуковъ утверждалъ, что съ ростомъ капитализаціи производства у насъ «происходитъ не только *относительное*, а, повидимому, даже абсолютное умень-

шеніе числа фабричныхъ рабочихъ, а отсюда прямо напрашивается то заключеніе, что въ Россіи путемъ такого же хода капиталистическаго развитія, какимъ оно совершается на Западѣ, не можетъ быть достигнуто то обобществленіе, какое совершается путемъ сосредоточенія все большей и большей массы населенія на фабрикахъ». Для подтвержденія этой мысли г. Каблуковъ сообщалъ, что фабричные рабочіе безъ горнорабочихъ въ 1865 году составляли 1,35% населенія а въ 1890—0,96% или въ томъ же 1890 году вмѣстѣ съ горнорабочими составляли 1.203.714 человѣкъ, а ко всему населенію 1,32%, въ 1892 году—уже 1.094.776, а въ 1897 году—еще меньше (стр. 12 и 13) «Сокращеніе въ числѣ крестьянскаго населенія», «отдѣленіе человѣка отъ условій приложенія его труда», «превращеніе всего населенія въ одинъ классъ рабочихъ, за исключеніемъ небольшого класса капиталистовъ», «уничтоженіе затѣмъ дѣленія общества на классы и превращеніе производства изъ частнаго въ общественное»—«таковъ путь, утверждаетъ г. Каблуковъ, которымъ идетъ капиталистическое производство Западной Европы» (стр. 8—9). «Въ Россіи обрабатывающая промышленность не въ состояніи дать занятіе такой массѣ населенія, совершенно отклонивъ его отъ земледѣлія, чтобы создать такое же отношеніе между классомъ фабричныхъ рабочихъ и земледѣльческимъ, какъ на Западѣ Европы» (11-ая стр.).

А между тѣмъ въ то время дѣйствительное положеніе дѣлъ было болѣе или менѣе ясно для всѣхъ, кто не закрывалъ глаза на дѣйствительность. Вышедшая въ томъ же 1899 году книга г. В. Ильина «Развитіе капитализма въ Россіи» между прочимъ показывала, «что число рабочихъ въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ увеличилось за 25 лѣтъ (тѣже 1865 и 1890 годы, что и у г. Каблукова— А. Л.) болѣе чѣмъ вдвое, т.-е. оно возрастало не только гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе вообще, но даже быстрѣе городского населенія» *) (стр. 397). Обратный выводъ г. Каблукова могъ получиться только благодаря неразборчивому пользованію источниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Ильинъ правильно указывалъ, что напрасно г. Каблуковъ сводитъ количество наемныхъ рабочихъ лишь къ суммѣ фабричныхъ рабочихъ. Самъ онъ исчислялъ число наемныхъ рабочихъ въ гораздо большихъ цифрахъ, чѣмъ г. Каблуковъ. «Итого, говоритъ онъ, мы насчитали *около десяти милліоновъ наемныхъ рабочихъ*» («Развитіе капитализма» стр. 462). «Большая часть ихъ еще не порвала съ землей», указывалъ онъ тутъ же, т. е. считалъ число лицъ, живущихъ, главнымъ образомъ, продажей рабочей силы, около 5 милліоновъ.

*) Въ 1865 г.—706 тыс., въ 1890 г.—1.432 тыс. Къ 1900 году число это, по подсчету Отдѣла Промышленности Министерства Финансовъ равнялось 2.373.419.

Если мы припомнимъ, что въ свои разсчеты г. Ильинъ включалъ не всю Россійскую Имперію и не всѣ формы наемнаго труда, то должны будемъ признать, что онъ былъ довольно близокъ къ истинѣ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣйствительности соціальное разслоеніе пошло еще глубже. Въ 1897 году въ Россіи оказалось 9.156.080 лицъ, для которыхъ продажа рабочей силы составляетъ исключительный или, по крайней мѣрѣ, главный заработокъ, а связь съ землей безусловно отступаетъ на заднiй планъ. Среди же всего населенія пролетаризованная его часть составляла не менѣе 17%, и это въ то время, когда г. Каблуковъ мыслилъ наемный трудъ въ Россіи въ количествѣ не болѣе 1 милліона фабричныхъ рабочихъ или менѣе 1% населенія.

Какъ видимъ, схема Маркса въ приложеніи къ Россіи оправдалась съ буквальной точностью. «Если Россія, говорилъ онъ въ извѣстномъ своемъ письмѣ, стремится стать націей капиталистической по образцу западно-европейскихъ націй, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда, она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная разъ на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и всякая непосвященная нація».

Данныя переписи 1897 года показываютъ, что задолго до того, какъ кончился цитированный споръ марксистовъ и народниковъ, исторія осуществила условіе, указанное Маркомъ.

А. Лосицкій.

Таблица 1-я.

Распредѣленіе населенія 78 губерній и областей Россіи по отношенію къ средствамъ существованія и возрастамъ,

по переписи 1897 года. Въ тысячахъ душъ *).

Группы населенія по отношенію къ средствамъ существованія и по возрастамъ.	Населеніе, живущее земледѣліемъ.			Населеніе, живущее отъ прочихъ занятій.			Все населеніе.		
	Муж. п.	Жен. п.	Об. п.	Муж. п.	Жен. п.	Об. п.	Муж. п.	Жен. п.	Об. п.
Самодѣятельные:									
Моложе 15 лѣтъ.	82	41	123	458	373	831	540	414	954
15 лѣтъ и старше.	13.137	1.798	14.935	10.563	3.610	14.173	23.700	5.408	29.108
Въ томъ числѣ:									
15—19 лѣтъ . . .	405	187	592	1.068	681	1.749	1.473	868	2.341
20—39 „ . . .	4.945	703	5.648	5.841	1.470	7.311	10.786	2.173	12.959
40—59 „ . . .	5.571	706	6.277	2.704	918	3.622	8.275	1.624	9.899
60 лѣтъ и старше.	2.216	202	2.418	950	551	1.501	3.166	753	3.919
Итого . .	**13.219**	**1.839**	**15.058**	**11.021**	**3.983**	**15.004**	**24.240**	**5.822**	**30.062**
Несамодѣятельные:									
Моложе 15 лѣтъ.	16.148	16.253	32.401	5.074	5.142	10.216	21.222	21.395	42.617
15 лѣтъ и старше.	9.137	22.835	31.972	1.449	6.974	8.423	10.586	29.809	40.395
Итого . .	**25.285**	**39.088**	**64.373**	**6.523**	**12.116**	**18.639**	**31.808**	**51.204**	**83.012**
Всего . .	**38.504**	**40.927**	**79.431**	**17.544**	**16.099**	**33.643**	**56.048**	**57.026**	**113.074**
Кромѣ того **) .	—	—	—	—	—	—	—	—	43

*) Округленіе до тысячъ произведено лишь въ окончательной таблицѣ. Подсчеты произведены по подлиннымъ даннымъ, безъ округленія.

**) Лица неизвѣстнаго возраста. Ихъ мы, чтобы не осложнять таблицу 1-ю, совсѣмъ изъ нея выдѣлили. Въ таблицу 2-ю они вошли. Всего, вмѣстѣ съ этими лицами, въ 78 губерніяхъ и областяхъ переписью 1897 года насчитано 113.117,011 душъ.

*

Таблица 2-я.

Самодѣятельное населеніе и пролетаризированная его часть

въ 78 губерн. и обл. Россіи, по переписи 1897 г. Въ тысячахъ душъ.

Группы занятій, показанныхъ, какъ доставляющія главныя средства существованія.	Число лицъ, имѣющихъ самостоятельныя занятія.			Въ томъ числѣ рабочихъ (и прислуги).			% послѣднихъ въ каждой группѣ.		
	Муж. п.	Жен. п.	Об. п.	Муж. п.	Жен. п.	Об. п.	М. п.	Ж. п.	Об. п.
Земледѣліе	13.223,3	1.840,3	15.063,6	1.263,5	584,2	1.847,7	9,6	31,7	12,2
Проч. отрасли сельск. хоз., рыболовство и охота.	1.049,3	91,8	1.141,1	446,0	74,8	520,8	42,5	81,5	45,6
Итого .	**14.272,6**	**1.932,1**	**16.204,7**	**1.709,5**	**659,0**	**2.368,5**	**12,0**	**34,1**	**14,6**
Добыча рудъ и выплавка металловъ	216,3	10,8	227,1	195,0	10,5	205,5	90.2	96.9	90,6
Обработка волокнистыхъ веществъ .	429,6	462,9	892,5	302,2	214,2	516,4	70,3	46,3	57,9
Обработка животныхъ продуктовъ.	132,1	8,9	141,0	67,0	2,8	69.8	50.7	32,0	49,6
Обработка дерева .	368,2	12,4	380,6	158,2	6,0	164,2	43,0	48,5	43,2
Обработка металловъ.	583,9	9,3	593,2	351,6	6,0	357,6	60,2	65,2	60,3
Изготовленіе одежды.	757,4	286,8	1.044,2	241,3	66,7	308,0	31,8	23,3	29,5
Строительныя работы.	666,4	7,3	673,7	326,9	—	226,9	49,1	—	48,6
Проч. отрасли обработ. промышл. . .	766,7	103,5	870,2	473.3	69,8	543,1	61,7	67,4	62,4
Итого. .	**3.920,6**	**901,9**	**4.822,5**	**2.115,5**	**376,0**	**2.491,5**	**54,0**	**41,7**	**51,6**
Желѣзныя дороги .	231,1	14,7	245,8	152,5	12,1	164,6	66,0	82,2	67,0
Извозъ и всяк. средства сообщенія. .	411,8	6,2	418,0	180,9	1,3	182,2	44,0	20,7	43,6
Торговля	1.196,3	182,1	1.378,4	202,1	41,2	243,3	16,9	22,7	17,6
Итого .	**1.839,2**	**203,0**	**2.042,2**	**535,5**	**54,6**	**590,1**	**29,1**	**26,9**	**28,9**
Поденщики и чернорабочіе.	712,5	263,8	976,3	712,5	263,8	976,3	—	—	—
Всего: **промысловыя занятія**. .	**20.744,9**	**3.300,8**	**24.045,7**	**5.073,0**	**1.353,5**	**6.426,5**	**24,5**	**41,0**	**26,8**
Занятія непромысловыя и проч.. . .	3.509,4	2.526,5	6.035,9	—	—	—	—	—	—
Прислуга *). . . .	—	—	—	725,9	1.254,1	1.980,0	—	—	—
Всего. .	**24.254,3**	**5.827,3**	**30.081,6**	**5.798,9**	**2.607,6**	**8.406,5**	**23,9**	**44,9**	**28,0**

*) Прислуга включена переписью 1897 г. въ непромысловыя занятія. Но въ виду того, что она проживаетъ также у лицъ съ промысловыми занятіями, вычисленіе %%, со включеніемъ прислуги, сдѣлано лишь по послѣдней строкѣ таблицы.

ОБРЕЧЕННЫЕ.

А. Купринъ, „Поединокъ“. Въ VI сборникѣ „Знанія“. 1905.

> „Группой петербургскихъ офицеровъ посланъ сочувственный адресъ писателю А. Куприну за мысли, высказанныя въ повѣсти „Поединокъ“. Въ адресѣ, между прочимъ, какъ сообщаетъ „Пет. Лист.“, сказано: „Язвы, поражающія современную офицерскую среду, нуждаются не въ паллiативномъ, а въ радикальномъ леченiи, которое станетъ возможнымъ лишь при полномъ оздоровленiи всей русской жизни“. („Слово“, № 183)“.

Вчерашнiй «талантливый разсказчикъ», какимъ мы знали до сихъ поръ г-на Куприна, теперь, послѣ написанія «Поединка», въ полномъ правѣ считать себя крупной художественной силой. Произведеніе это—повѣсть изъ военнаго быта—представляется и, вообще говоря, выдающимся явленіемъ въ современной литературѣ и такъ же, какъ «Красный Смѣхъ» г. Л. Андреева, хотя не столь «злободневное» по сюжету, имѣетъ особое значеніе именно теперь, когда все вниманье приковано къ судьбамъ нашихъ воиновъ въ далекой, злосчастной войнѣ. Но авторъ, конечно, не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду настоящiй моментъ. Такія обстоятельныя наблюденія надъ жизнью офицеровъ въ мирное время, такое детальное изученіе военнаго быта, знаніе условій и обстоятельствъ прохожденія военной службы, яркіе, художественно выписанные типы изъ военной среды, словомъ—все то, что составляетъ фонъ и содержаніе новой повѣсти г. Куприна—могло явиться лишь въ результатѣ накопленнаго за много лѣтъ опыта, внимательнаго отношенія къ избранному для художественнаго воспроизведенія классу общества, и вылиться въ цѣльную, сводную картину тогда, когда у автора опредѣлилась своя точка зрѣнія, и онъ, какъ сторонній человѣкъ, взглянулъ на представителей той среды, съ которой, судя по изложенію, можно думать, онъ долго жилъ общей жизнью.—Любопытно, что авторъ даетъ намъ почувствовать это постепенное освобожденіе отъ подчиненія средѣ, переходъ отъ «классовыхъ» къ общечеловѣческимъ воззрѣніямъ въ лицѣ героя своей повѣсти, подпоручика Ромашева, съ которымъ шагъ за шагомъ мы переживаемъ какъ бы различныя стадіи военной службы и обихода жизни въ армейскомъ полку, въ глухой провинціи, гдѣ-то на окраинахъ Россіи, и затѣмъ присутствуемъ при его нѣкоторомъ перерожденіи, или, во всякомъ случаѣ—измѣнившемся настроеніи, при чемъ его, Ро-

машева, потянуло «написать повѣсть или большой романъ, канвой къ которому послужили бы ужасъ и скука военной жизни». Авторъ словно подслушалъ желаніе своего героя и выполнилъ его, призвавъ на помощь свой талантъ, котораго недоставало Ромашеву.—Другое дѣйствующее лицо въ повѣсти, офицеръ Назанскій, тоже всталъ выше своей среды; онъ критически относится къ ней и, обладая еще тѣмъ преимуществомъ (помимо другихъ, но также и недочетовъ) надъ Ромашевымъ, что онъ временно оставлялъ полкъ, четыре года числился въ запасѣ, за это время «много кой-чего читалъ, много испыталъ и видѣлъ», а потомъ опять вернулся на службу,—еще рѣзче, еще сознательнѣе изобличаетъ условія жизни и общество, въ которомъ ему приходится вращаться. Даромъ, что алкоголикъ, безнадежно спившійся съ круга человѣкъ, этотъ Назанскій выступаетъ въ концѣ повѣсти резонеромъ-обличителемъ и досказываетъ (а можетъ быть, и *пере*-сказываетъ въ томъ смыслѣ, что говоритъ и кое-что лишнее) взгляды автора, стремящагося быть и художникомъ и моралистомъ, представляя нравственную оцѣнку описанныхъ картинъ и выставленныхъ типовъ, и даже нѣкоторую «философію» жизни въ противоположность господствующимъ въ данной средѣ воззрѣніямъ. Объ этой «философіи» мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а пока для выясненія точки зрѣнія автора намъ важно принять во вниманіе настроенія и разсужденія обоихъ названныхъ лицъ—Ромашева и Назанскаго, какъ мѣрило для опредѣленія идейнаго содержанія повѣсти.

Оно несомнѣнно *есть* и это-то, главнымъ образомъ, и дѣлаетъ бытовую картину художественнымъ произведеніемъ въ болѣе высокомъ значеніи слова. Художественность сказывается, конечно, и въ пріемахъ письма, въ умѣлой архитектоникѣ произведенія, которое охватываетъ разныя стороны военной жизни. Авторъ сразу вводитъ насъ въ кругъ спеціальныхъ занятій и интересовъ сословія, затѣмъ постепенно раздвигаетъ поле зрѣнія, включая въ него частную и интимную жизнь дѣйствующихъ лицъ; онъ подстрекаетъ интересъ перипетіями романической фабулы, ставитъ въ центрѣ мастерски начерченную картину смотра, въ которой сразу выставлены всѣ лица въ разныхъ положеніяхъ и при новомъ освѣщеніи,—провѣрки высшаго начальства; затѣмъ, не давая интересу ослабнуть, выдвигаетъ пружины, уже раньше заготовленныя и дававшія себя чувствовать рядомъ намековъ въ разговорахъ, чтобы довести высшее напряженіе вниманія въ сценахъ, непосредственно предшествующихъ поединку; и разсказъ круто обрывается извѣстіемъ о смерти Ромашева. Читатель невольно возвращается назадъ, охваченный «роемъ мыслей», возбужденныхъ не столько печальной судьбой героя повѣсти, какъ совокупностью прошедшихъ передъ нимъ сценъ изъ жизни полка, и ясно сознается, что главный интересъ именно въ нихъ, въ положеніяхъ и условіяхъ жизни, въ общемъ значеніи «классовой этики», которой отдѣльныя личности являются то поборниками, то жертвами, то—въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ,—изобличителями, сумѣвшими стать, хотя бы лишь въ мысляхъ, настолько выше ея, чтобы почувствовать себя людьми, а не представителями одной какой-либо «породы людей» или одного класса общества. Кисть художника сказалась и въ умѣлой

трактовкѣ образовъ, которые выступаютъ сочно выписанными, рельефно очерченными типическими фигурами, и въ немногихъ, но всегда выразительныхъ картинахъ природы, бѣгло, даже скупо вводимыхъ въ разсказъ, но каждый штрихъ своеобразенъ, индивидуально-новъ и, въ тоже время, мѣтокъ. Все это безусловно показатели художественности. Но есть и большее—синтезъ наблюденій жизни или то, что принято называть «идейнымъ содержаніемъ» произведенія искусства, не навязанное, а связанное органическими узами съ сюжетомъ повѣсти.

Въ чемъ же выражается его идея?

Офицеръ Назанскій, или авторъ его устами, проводитъ, между прочимъ, остроумную параллель между «офицерствомъ» и монашествомъ. Дѣйствительно аналогія есть, хотя занятія и образъ жизни рѣзко противоположны. Авторъ имѣетъ въ виду лишь позднѣйшее вырожденіе и искаженіе того и другого учрежденія, сдѣлавъ впрочемъ оговорку: «начало (монашества) было смиренно, красиво и трогательно. Можетъ быть,—почемъ знать—оно было вызвано мировой необходимостью? Но прошли столѣтія...» и оказалось совсѣмъ не то, что было въ началѣ. Далѣе слѣдуетъ сопоставленіе настоящаго. «Подумайте только,—продолжаетъ Назанскій,—какъ много общаго. Тамъ—ряса и кадило, здѣсь—мундиръ и гремящее оружіе; тамъ—смиреніе, лицемѣрные вздохи, слащавая рѣчь, здѣсь—наигранное мужество, гордая честь, которая все время вращаетъ глазами: «а вдругъ меня кто-нибудь обидитъ?» — выпяченныя груди, вывороченныя локти, поднятыя плечи. Но и тѣ и другія живутъ паразитами и знаютъ, вѣдь знаютъ это глубоко въ душѣ, но боятся познать это разумомъ и, главное, животомъ». Это все внѣшнія черты, пережитки формы надъ выдохшимся содержаніемъ. Но аналогія можетъ быть проведена глубже, касаясь самой сути выдѣленія того и другого класса общества. Конечно, нужно для этого обратиться назадъ, къ тому времени, когда ихъ возникновеніе было исторической необходимостью. Монашество, въ прежнія времена, было не только уходомъ отъ жизни въ цѣляхъ личнаго спасенія души. Отшельники, схимники, вообще лица, принимающіе на себя извѣстный обѣтъ,—были печальниками рода человѣческаго. Они своимъ подвигомъ замаливали «грѣхи» мірянъ, были духовными стражниками и ходатаями за живущихъ «среди соблазновъ міра»: такъ въ старину смотрѣли на монаховъ (Извѣстно, что въ монашескихъ орденахъ въ средніе вѣка и до современной «арміи спасенія» включительно—духовнымъ лицамъ неоднократно сообщались наименованія, заимствованныя изъ военнаго обихода). Обреченные на безличное существованіе, въ силу принятаго обѣта, монахи выдѣлялись изъ среды людей, чтобы молиться за спасеніе человѣческаго рода и быть на стражѣ передъ «врагомъ», соблазняющимъ души на погибель. Военные тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ «обреченные»: они живутъ съ исключительной цѣлью умѣть умирать за другихъ. Мысль о смерти главный стимулъ и монашескаго подвижнечества и, такъ называемаго, «христолюбиваго воинства». Выдѣленіе военныхъ въ отдѣльное сословіе, совершившееся въ результатѣ историческихъ процессовъ, давало возможность другимъ членамъ общества предаваться мирнымъ занятіямъ, быть полнѣе строителями жизни, преслѣдовать задачи культурнаго развитія и

*

правового порядка. Въ мирное время, когда не приходится рисковать жизнью, военные дѣйствительно *кажущіеся* паразиты, тунеядцы, бездѣльники, каковыми представляются и монахи, если отнять у нихъ идею подвижничества за другихъ. Но какая идея можетъ вдохновлять военнаго? Защита родины, ненависть къ врагамъ отечества—все это сводится къ мысли о смерти и разрушенія. Личный идеалъ военнаго—умѣнье умереть; искусство военное—есть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ искусствомъ убивать. Все это, конечно, не ново, а въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, принято думать, что пока неизбѣжны войны, необходимо и военное сословіе, необходимъ классъ людей, посвящающихъ себя смерти и убіенію, за неимѣніемъ другихъ способовъ международнаго соглашенія. Но если имѣть въ виду въ искомомъ будущемъ лучшее и болѣе равномѣрное распредѣленіе повинностей въ обществѣ, къ чему введеніе всеобщей воинской повинности представляется уже нѣкоторымъ приближеніемъ, то, конечно, кастовая и классовая рознь сословій должна быть упразднена, какъ забота «о спасеніи души» предоставлена на отвѣтственность каждаго, по его усмотрѣнію. Въ старину, въ назиданіе барскимъ дѣтямъ подвергались въ ихъ присутствіи тѣлесному наказанію дѣти крѣпостныхъ: въ такомъ положеніи привелегированныхъ барчуковъ отчасти являются тѣ, которые предоставляютъ другимъ избирать за нихъ своей спеціальностью—готовность къ смерти, физической или нравственной, т.-е. готовность умереть на войнѣ или умереть для міра, предавшись подвигамъ аскезы. Пока рѣчь идетъ лишь о готовности къ смерти физической. Важны тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ этой основной мысли для психологіи класса «обреченныхъ», и подъ вопросомъ остается необходимость и польза классовой обособленности. Г. Купринъ съумѣлъ использовать намѣченную идею, къ которой сводится сущность «военнаго ремесла», если можно такъ выразиться, для освѣщенія какъ личной, такъ и групповой психологіи, и разработалъ ее въ двухъ направленіяхъ—статическомъ, т.-е. характеристики того, что есть, при извѣстныхъ условіяхъ, и спекулятивномъ—т.-е. идеалы и мечты, которые создаются при данныхъ обстоятельствахъ жизни, отчасти въ соотвѣтствіи съ обиходомъ жизни, отчасти по прямой противоположности къ наличной дѣйствительности, по законамъ контраста.

Итакъ, нужно было сперва выдвинуть этотъ мотивъ смерти—какъ единственной цѣли данной классовой организаціи. Она показана въ первой же сценѣ, гдѣ офицеры занимаются рубкой чучелъ и выяснено разное отношеніе къ этому занятію дѣйствующихъ лицъ (Ромашевъ, поручикъ Вѣткинъ, подпрапорщикъ Лбовъ, поручикъ Бекъ-Агамаловъ, восточный человѣкъ, типичный пережитокъ первобытной дикости). Далѣе, она формулируется постороннимъ лицомъ—женщиной и сдѣлано это очень удачно:—говоритъ Александра Петровна Николаева, жена поручика, готовящагося уже въ третій разъ держать экзаменъ въ академію генеральнаго штаба, согласно настойчивому желанію своей супруги. Разговоръ шелъ о дуэли, вообще. Александра Петровна, или Шурочка, какъ мысленно называетъ ее герой повѣсти, тайно въ ней влюбленный, энергично высказывается за дуэли. Ея доводы вытекаютъ логически

изъ назначенія военныхъ. «Для чего офицеры?»—спрашиваетъ Шурочка и сама тотчасъ отвѣчаетъ,—«для войны. Что для войны раньше всего требуется? Смѣлость, гордость, умѣнье не сморгнуть передъ смертью. Гдѣ эти качества всего ярче проявляются въ мирное время? Вотъ и все. Кажется, ясно». Дѣйствительно, аргументація Шурочки, съ точки зрѣнія спеціально-военныхъ требованій, неопровержима. «Ваша профессія—рисковать жизнью» добавляетъ она въ заключеніе.

Подпоручикъ Ромашевъ, сидя подъ арестомъ, предается размышленіямъ о жизни, о службѣ, міровомъ порядкѣ и т. д. Онъ старается вызвать въ памяти всѣ священные завѣты воина—отечество, колыбель, прахъ отцовъ, алтари, наконецъ—воинскую честь и дисциплину. И все-таки его отношеніе ко всему этому держится лишь готовностью умереть, пока существуютъ и возможны войны. Какъ только война станетъ немыслимой—упразднится цѣлый классъ общества, который потеряетъ свой raison d'être. Ромашеву кажется, что это можетъ легко сбыться. Стоитъ для этого только всѣмъ уговориться, заявить о томъ, что войны не хотятъ и ея не будетъ. «Вся эта военная доблесть, и дисциплина, и чинопочитаніе, и честь мундира, и вся военная наука—все зиждется только на томъ, что человѣчество не хочетъ, или не умѣетъ, или не смѣетъ сказать: «не хочу!» Предположимъ, что вопросъ не такъ просто рѣшается, т.-е. что недостаточно голаго заявленія «не хочу», чтобы война прекратилась навсегда,—мы все же, слѣдуя за разсужденіями Ромашева, не въ состояніи вывести никакого дѣйственнаго, продуктивнаго, жизненнаго принципа изъ назначенія человѣка—жить для смерти. Упоеніе такой цѣлью возможно только среди такихъ дикихъ первобытныхъ натуръ, какимъ, напримѣръ, выставленъ Бекъ-Агамаловъ, или у послѣдыша николаевскихъ временъ, монументальнаго, въ своемъ родѣ тоже стихійнаго капитана Осадчаго, провозглашающаго на пикникѣ тостъ—«за радость прежнихъ войнъ, за веселую и кровавую жестокость». Ромашевъ поневолѣ, ставъ мыслящимъ человѣкомъ, перебираетъ въ умѣ иныя профессіи, куда онъ могъ бы уйти изъ военщины. Поручикъ Вѣткинъ, котораго авторъ характеризуетъ—«весельчакъ, говорунъ, пѣвунъ и пьяница»—просто рѣшаетъ вопросъ въ бесѣдѣ съ Ромашевымъ, развивающимъ мысль, что можетъ быть война—«какая-то общая ошибка, какое-то всемірное заблужденіе, помѣшательство»: «куда же мы съ вами дѣнемся, если не будемъ служить? Куда мы годимся... Умирать мы умѣемъ, это вѣрно. И умремъ, дьяволъ насъ задави, когда потребуютъ». И нѣсколько спустя, когда оба, Ромашевъ и Вѣткинъ, уже сильно подвыпили, Вѣткинъ только и умѣетъ сказать, «ударивъ кулакомъ по столу»: «А велятъ умереть—умремъ!» «Умремъ», жалобно отвѣтилъ Ромашевъ. «Что—умереть? Это чепуха—умереть... Душа болитъ у меня...»

Дѣйствительно изъ идеи смерти нельзя вывести принципа жизни—отъ того и «душа болитъ».

Но какъ же, въ такомъ случаѣ,—невольно возникаетъ вопросъ,—возможны были военные геніи, великіе полководцы? Какъ создалась военная наука,—тактика, фортификація, минное искусство и т. д.? Вѣрили же люди въ свое

дѣло, въ свое призваніе, находили возможнымъ отдать ему весь свой геній? Этихъ высшихъ сторонъ военнаго строя авторъ почти не затрагиваетъ и съ полнымъ основаніемъ. Правда, эпизодически выставлено имъ такое лицо—генерала, корпуснаго командира, производящаго смотръ,—въ которомъ угадываются даже реальные черты прославившагося военнаго дѣятеля; но онъ вводится въ разсказъ только для того, чтобы рѣзче подчеркнуть именно съ точки зрѣнія здравой военной науки недостатки веденія дѣла въ нашей арміи. Этотъ генералъ въ извѣстномъ смыслѣ представленъ положительнымъ типомъ. Онъ вноситъ нѣкоторое равновѣсіе въ картину изобличеній. Однако, для темы, которую спеціально разрабатываетъ авторъ, это высшее пониманіе военнаго искусства и не нужно. Оно слишкомъ отвлеченно и считается съ человѣческими массами, какъ съ математическими формулами. Между тѣмъ въ повѣсти на первомъ планѣ выступаетъ значеніе личности, какъ таковой, т.-е. отдѣльное, самостоятельное значеніе каждаго индивидуума, какъ цѣли въ себѣ.

Когда Ромашевъ, обладающій вообще мечтательной натурой и склонностью къ рефлексу, забѣгая впередъ, рисуетъ въ своемъ воображеніи свою будущую карьеру, то, пока онъ подчиняется воззрѣніямъ среды, его фантазія неможетъ идти дальше какой-нибудь сцены казни «за преданность отечеству», усмиренія бунта, или «историческаго момента», когда подъ разстрѣломъ враговъ, онъ удерживаетъ боевую позицію и спасаетъ честь полка.

Когда же онъ задумывается надъ значеніемъ личности, своего *я*,—то это служитъ началомъ переворота въ цѣломъ міросозерцаніи, которое раньше исключало именно идею личности. Военный строй силенъ корпоративнымъ началомъ. Честь мундира, честь полка, честь арміи—за всѣмъ этимъ индивидуальности стираются. Дисциплина все нивелируетъ. Капитанъ Слива разсказываетъ, какъ какой-то генералъ-лейтенантъ Львовичъ осрамилъ при всей ротѣ командира эксцентричнымъ распоряженіемъ: ротнаго командира онъ не называетъ по имени и суть не въ обидѣ, лично ему нанесенной, а въ томъ, что—«при людяхъ срамятъ командира». Задѣта честь штабъ-офицера. Еще опредѣленнѣе отношеніе къ рядовымъ солдатамъ, которые числятся только по счету. «Въ прежнее время никакихъ личностей не было, заявляетъ тотъ же капитанъ Слива, и лупили ихъ (солдатъ), скотовъ, какъ сидорыхъ козъ».—Правда, этому Сливѣ больше всего достается на смотру отъ корпуснаго командира, который, между прочимъ, ставитъ въ укоръ и Осадчему то, что онъ не знаетъ своихъ солдатъ (194): «Сказано въ писаніи: духа не угашайте, а вы что дѣлаете? Вѣдь эта самая святая, сѣрая скотинка, когда дѣло дойдетъ до боя, васъ своей грудью прикроетъ, вынесетъ васъ изъ огня на своихъ плечахъ, на морозѣ своей шинелешкой дырявой прикроетъ, а вы—не могу знать»! Но относиться по человѣчески къ людямъ, вникая въ ихъ положеніе, еще не означаетъ признаніе самоцѣльности личнаго существованія. И вотъ Ромашевъ, когда началъ задумываться надъ смысломъ жизни, прежде всего пораженъ сознаніемъ своего Я, котораго онъ раньше не ощущалъ. «Это Я сижу (подъ арестомъ)—открываетъ Ромашевъ.—Я. Вѣдь это—Я! Но вѣдь это только онъ (полковникъ) рѣшилъ, что я долженъ сидѣть. Я не давалъ своего

согласія». Его мысли принимаютъ новое направленіе. Онъ пытается тщательно выяснить открытое имъ въ себѣ начало личности и отдѣлить то, что есть *Я*—отъ того, что не *Я*. Отсюда рядъ выводовъ. «Я» окружено призраками, которые умрутъ съ нимъ; почему же Я подчинялось призракамъ? Я умру и не будетъ больше ни родины, ни враговъ, ни чести. Они живутъ, пока живетъ мое сознанье. Но—исчезни родина и честь, и мундиръ, и всѣ великія слова—мое Я останется неприкосновеннымъ». Стало быть,—заключаетъ Ромашевъ, это Я важнѣе всего остального.

Такая реакція личнаго самосознанія и возвеличеніе своего Я противъ всего порабощающаго и придавливающаго индивидуальность,—явились, какъ было замѣчено, по законамъ контраста, какъ противоположность той дѣйствительности, которая не считается и не признаетъ въ данной средѣ начала личности, какъ таковой.

Еще дальше въ направленіи той же противоположности идутъ мечты и думы другого дѣйствующаго лица повѣсти—Назанскаго. Прежде всего по отношенію къ любовному чувству. Въ этомъ Назанскій отчасти сходится съ Ромашевымъ, но, какъ сказано, идетъ дальше. Въ военной средѣ преобладаетъ грубо-чувственное, животное отношеніе къ женщинѣ. Это общеизвѣстное положеніе иллюстрируется нѣсколькими примѣрами и въ повѣсти г. Куприна. И вотъ Назанскій любитъ предаваться мечтамъ о женщинахъ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. «Нѣтъ, не грязно думать. Зачѣмъ?—говоритъ онъ Ромашеву... Я думаю часто о нѣжныхъ, чистыхъ, изящныхъ женщинахъ, объ ихъ свѣтлыхъ слезахъ и прелестныхъ улыбкахъ, думаю о молодыхъ цѣломудренныхъ матеряхъ» и т. д. «Такихъ женщинъ нѣтъ—заканчиваетъ онъ. Впрочемъ, я не правъ. Навѣрно, Ромашевъ, такія женщины есть, но мы съ вами никогда ихъ не увидимъ. Вы еще, можетъ быть, увидите, но я—нѣтъ». Однажды онъ встрѣтилъ такую дѣвушку и полюбилъ ее, но не сумѣлъ остаться на высотѣ своего чувства. Она вышла за другого; это, оказывается, и была Александра Петровна. Назанскій, безнадежно спившійся человѣкъ, довольствуется мечтами о хорошей, возвышенной, честной любви, въ противоположность тому, что изъ нея сдѣлали—«тему для грязныхъ, помойныхъ оперетокъ, для похабныхъ карточекъ, для мерзкихъ анекдотовъ, для мерзкихъ-мерзкихъ стишковъ. Это мы, офицеры, сдѣлали»—казнится Назанскій. Ромашевъ вскорѣ узналъ то же свѣтлое, возвышающее чувство любви, о которомъ проповѣдовалъ Назанскій. И на него, послѣ низкопробной, грязной связи съ полковой дамой,—«чѣмъ-то тихимъ, чистымъ, безпечно-спокойнымъ» повѣяло отъ А. П., которую онъ полюбилъ по настоящему. Не опустившись такъ низко, какъ Назанскій, онъ иначе закончилъ свой романъ.

Въ культѣ личности Назанскій продолжаетъ разсужденія Ромашева, приводя ихъ къ тезисамъ человѣка-бога: «Кто вамъ дороже и ближе себя? Никто.— Вы царь міра, его гордость и утѣшеніе. Вы—богъ всего живущаго... Настанетъ время и великая вѣра въ свое Я осѣнитъ, какъ огненные языки Святого Духа, головы всѣхъ людей и тогда уже не будетъ ни рабовъ, ни господъ, ни калѣкъ, ни жалости, ни пороковъ, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станутъ

богами» и т. д. и т. д. Довольно пространныя разсужденія Назанскаго вращаются въ кругѣ идей вульгаризованнаго «ницшеанства» и не представляли бы особаго интереса, если бы эти мечты не вытекали именно изъ рѣзко противоположной имъ дѣйствительности. Поэтому они вяжутся съ обстановкой. Давно сказано, что именно въ тюрьмахъ слагались самые пламенные гимны свободѣ; Назанскій, по профессіи служитель Смерти, восторженно привѣтствуетъ «великую радость жизни». И чѣмъ придавленнѣе личность, не находящая себѣ законной формы выраженія, тѣмъ понятнѣе прославленіе даже «крайняго индивидуализма», какъ иронизируетъ Назанскій, представляя себѣ отповѣдь «какого-нибудь профессора догматическаго богословія» по поводу высказываемыхъ имъ утопическихъ мечтаній. Психологическая подкладка такихъ «фантазій» понятна и этого достаточно, чтобы признать ихъ умѣстность. Одно только можно замѣтить, что разсужденія Назанскаго слишкомъ пространны, и что къ нимъ примѣшиваются тоже отголоски «модныхъ» воззрѣній, которыя уже не имѣютъ прямого основанія въ указанной психологіи данной группы общества. Пускай Назанскій мечтаетъ себѣ о томъ, что люди станутъ когда-нибудь богами и тогда «любовь, освобожденная отъ темныхъ путъ собственности (это не совсѣмъ ясно), станетъ свѣтлой религіей міра», а теперь, дескать,—«любовь къ человѣчеству выгорѣла и вычадилась изъ человѣческихъ сердецъ». Когда всѣ будутъ равно прекрасны, одѣты въ «великолѣпныя одежды» и т. д. не трудно представить себѣ, что—«бѣленкихъ всякій полюбитъ». Но съ какой стати тотъ же Назанскій, имѣя въ виду не будущія, сулимыя имъ времена, когда наступитъ земной рай, какъ въ старинныхъ утопіяхъ въ духѣ «Телема» Раблэ, или въ болѣе примитивныхъ формахъ народныхъ сказаній «о роскошномъ житіи и веселіи»,—а съ точки зрѣнія современной дѣйствительности, ополчается на чувства любви къ ближнему, состраданія къ слабому и беззащитному, и проявляетъ какую-то злобную жестокость по отношенію къ тѣмъ, которые еще не удостоились прозрѣваемой имъ богоподобной жизни? Назанскій слишкомъ распустился на этихъ страницахъ и мы поставили бы это въ укоръ автору, если бы онъ не далъ передъ тѣмъ другой превосходной сцены, которая служитъ противовѣсомъ діалогу Назанскаго съ Ромашевымъ: это сцена между Ромашевымъ и забитымъ, запуганнымъ, несчастнымъ солдатикомъ, Хлѣбниковымъ, который хотѣлъ дезертировать. Ромашевъ съ нимъ встрѣтился въ полѣ. Онъ самъ только что потерпѣлъ крупное фіаско на смотру, сбилъ нечаянно всю роту, попалъ подъ замѣчаніе начальства, и ему сразу сталъ близокъ и понятенъ этотъ злосчастный, больной, загнанный солдатикъ, которому онъ протянулъ руку помощи. Не знаемъ, какъ въ этомъ случаѣ поступилъ бы Назанскій со своими теоріями «сверхъчеловѣка», но Ромашевъ поступилъ вполнѣ по человѣчески, возвысившись надъ предразсудками касты, надъ всѣми условностями дисциплины, чинопочитанія и т. п.—«и тихо склонясь къ стриженной, колючей, грязной головѣ, прошепталъ чуть слышно: Братъ мой!» Въ ту минуту онъ, конечно, *не* презиралъ—«всѣмъ сердцемъ, всей способностью къ презрѣнію—легенду объ Юліанѣ Милостивомъ», о которой, вѣроятно, тогда и не думалъ...

Не трудно было бы возразить и на предшествовавшія разсужденія Ромашева о своемъ Я, которое онъ возвеличиваетъ надъ долгомъ, родиной, честью и т. д. Если справедливо, что они живутъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, пока въ немъ живо сознаніе, то, умри онъ или погасни въ немъ это сознаніе, они будутъ жить для другихъ людей. И «Я» не можетъ остаться неприкосновеннымъ, исчезни «родина и честь и всѣ великія слова», ибо безъ каждаго изъ насъ въ отдѣльности родина можетъ обойтись,—найдется другой,—но мы не можемъ обойтись безъ сознанія солидарности или съ группой индивидуумовъ, или съ болѣе широкимъ представленіемъ единства человѣческаго рода, съ которымъ насъ связываетъ общность стремленій и необходимость другъ въ другѣ. Абсолютное одиночество есть абсолютный фантомъ. Внѣ общественности можетъ наступить лишь полное одичанье. И въ надлежащемъ пониманіи индивидуализмъ есть лишь переходный моментъ въ круговоротѣ центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ, управляющихъ жизнью человѣка и общества. Индивидуальность должна быть, но выше ея общій разумъ, общее сознаніе, общее благо, къ которымъ она примыкаетъ, какъ часть къ цѣлому, или какъ атомъ въ мильярдѣ другихъ атомовъ, безъ которыхъ онъ отдѣльно не можетъ существовать. Къ этому выводу пришелъ подъ конецъ жизни великій «индивидуалистъ» Гете, заставившій своего Фауста найти успокоеніе лишь въ работѣ на пользу другимъ. Другой геніальный писатель, Достоевскій, котораго тоже по праву причисляютъ къ мыслителямъ—индивидуалистамъ, утверждалъ, что—«сильно развитая личность, вполнѣ увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, т.-е, никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями». А ужъ Достоевскому ли не были вѣдомы всѣ вершины индивидуальнаго развитія. Но онъ правъ и въ томъ, что это высшее проявленіе личности въ актѣ добровольной отдачи себя всего—всѣмъ, возможно только «при самомъ сильномъ развитіи личности». Отсюда слѣдуетъ, что ее ни въ коемъ случаѣ не должно подавлять, а напротивъ добиваться того, чтобы всѣ становились личностями. Въ повѣсти Куприна рисуется первая стадія этой формаціи. Не важно, какъ думаетъ Ромашевъ о высшихъ предѣлахъ развитой личности; значительно лишь то, что онъ вышелъ на путь, чтобы стать личностью.

По отношенію къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ повѣсти авторъ ограничивается статикой изъ возрѣній, подчиненныхъ воздѣйствію среды, или указаніемъ на обычное «бѣгство отъ себя»,—по выраженію Герцена,—т.-е стараніе не задумываться надъ сложными задачами жизни и своимъ положеніемъ,—путемъ придумыванія себѣ какихъ либо занятій, вплоть до вышиванія крестиками и т. п. «женскими рукодѣліями», которыми увлекаются на досугѣ г-да офицеры.

Особое мѣсто въ повѣсти занимаетъ выше упомянутая Александра Петровна, въ которую поочередно влюбляются Назанскій и потомъ Ромашевъ, изъ-за нея и погибнувшій. Натура сложная, отнюдь не положительный типъ въ принятомъ смыслѣ, честолюбивая и холодная, но, по своему—честная и гордая,

она интересна опять-таки потому, какъ сложились ея идеалы и мечты о жизни въ противоположность окружающей ея дѣйствительности, но подъ впечатлѣніемъ той же дѣйствительности. «Въ ней пропасть властолюбія, какая-то злая и гордая сила—говоритъ о ней Назанскій. И въ тоже время она такая добрая, женственная, безконечно милая. Точно въ ней два человѣка: одинъ съ сухимъ, эгоистическимъ умомъ,—другой съ нѣжнымъ и страстнымъ сердцемъ». Откуда такая двойственность? Это не простое свойство натуры, а результатъ условій жизни: Александрѣ Петровнѣ приходилось отстаивать себя, бороться за свое Я, чтобы не опуститься, не дать себя затянуть той плѣсныо, которая уже стольнихъ заставила погрузиться въ болото. Она рѣшила во что-бы то ни стало выбраться на вольный свѣтъ, добиться иной жизни, проникнуть въ иное общество съ болѣе широкими кругозорами и интересами. И чувство она подчинила волѣ; умъ ограждалъ ее и поддерживалъ ее. Она вышла за-мужъ не любя, но уважая въ мужѣ «честнаго, смѣлаго и трудолюбиваго человѣка», хотя не выдумавшаго порохъ; она надѣется, что онъ поступитъ въ академію и современемъ доставитъ ей искомое положеніе. «Остаться здѣсь,—съ ужасомъ говоритъ она Ромашеву,—это значитъ опуститься, стать полковой дамой, ходить на ваши дикіе вечера, сплетничать, интриговать и злиться по поводу разныхъ суточныхъ и прогонныхъ... какихъ-то грошей!.. бррр...» и т. д. Въ Шурочкѣ есть самосознаніе нѣкоторыхъ своихъ преимуществъ,—не только наивно выставляемое на видъ знаніе иностранныхъ языковъ и умѣнье держаться въ любомъ обществѣ, но «такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумѣю приспособиться». Она красива и умна. Ей грезится—«общество, большое, настоящее общество, свѣтъ, музыка» поклоненіе, умные собесѣдники и пр., словомъ, ей хочется всего, о чемъ она читала, слышала, но никогда не видѣла. Она думаетъ, что все это можетъ доставить счастье и, конечно, жестоко заблуждается, но слишкомъ много она отдала просто на борьбу за существованіе, на то, чтобы не опуститься, не утратить своего Я, и уже неспособна къ цѣльному, прочному чувству: природа ея раздвоилась. И, однако, когда она почувствовала въ себѣ отвѣтное чувство на любовь Ромашева, когда разыгралась вся эта грустная и грязная исторія ревности мужа на почвѣ сплетенъ и подметныхъ писемъ озлобленной и покинутой любовницы Ромашева, когда дуэль между послѣднимъ и мужемъ Шурочки стала неизбѣжной по суду офицеровъ, она честно отдалась Ромашеву въ первый и единственный разъ: послѣ этого пути ихъ должны были разойтись навсегда.

Въ поведеніи Николаева на дуэли есть нѣкоторая неясность, которую авторъ не досказалъ намъ: по настоянію Шурочки оба противника должны были стрѣлять въ воздухъ. Но Николаевъ нацѣлилъ прямо въ Ромашева и убилъ его. Предположимъ, что онъ измѣнилъ слову, данному женѣ, по неудержимому чувству ревнивой ненависти къ Ромашеву: какъ отнеслась потомъ Шурочка къ этому факту? Допускала ли она мысль, что Николаевъ можетъ все-таки убить Ромашева, и неужели послѣ совершеннаго убійства (ибо Ромашевъ, конечно, и не стрѣлялъ), она останется съ нимъ и попрежнему будетъ

готовить его къ экзаменамъ въ академію?.. Для полноты характеристики Александры Петровны слѣдовало бы все это нѣсколько прояснить. Вѣдь, при данныхъ обстоятельствахъ, отвѣтственность за смерть Ромашева ложится и на Шурочку.

За идейной и психологической сторонами повѣсти—въ ней богатѣйшій бытовой матеріалъ, который наши публицисты, конечно, не замедлятъ использовать и даже отчасти это уже сдѣлано. Авторъ и самъ впадаетъ порой въ тонъ публицистики, приводя огульныя характеристики того, что творится въ средѣ военныхъ, давая перечень всякаго рода провинностей, который мы должны принять на вѣру, такъ какъ они не выведены передъ нами въ образахъ, а сообщаются болѣе или менѣе голословно. Всѣ эти изобличенія во всякомъ случаѣ правдоподобны и наводятъ на глубокую грусть. Нѣкоторыя проявленія грубости и дикости, выражающіяся въ особенности въ кутежахъ и пьянствѣ, свойственны, конечно, не однимъ только военнымъ. Не менѣе кутятъ у насъ купцы; пьютъ и студенты, художники и артисты; запиваютъ и духовныя лица; кутежами славятся и воспитанники привилегированныхъ заведеній... Попойками никого не удивишь въ Россіи. Но въ кутежахъ военныхъ есть дѣйствительно специфическая черта, которую вѣрно отмѣтилъ авторъ: это какое-то публичное щеголяніе своей безнаказанностью, въ какихъ бы грубыхъ формахъ ни выражалось пренебреженіе къ обществу. И въ этомъ смыслѣ несомнѣнно весьма типична поѣздка подгулявшихъ офицеровъ въ нѣкоторое учрежденіе, дикая вспышка Бекъ-Агамаловъ, безобразное поведеніе Олизара на обратномъ пути по городу и т. д. Авторъ откровененъ въ выраженіяхъ: мы не назовемъ это цинизмомъ, ибо нѣтъ грязнаго умысла, и хотя нѣтъ безусловной надобности, какъ говорится, называть всѣ вещи своими именами, пожалуй, что пора намъ освободиться отъ излишней pruderie, отъ которой французская литература давно отстала.

Два слова еще о Ромашевѣ: авторъ очертилъ его милымъ, симпатичнымъ юношей, не ахти какимъ орломъ, но съ наклонностями къ «умствованію», чистымъ, порядочнымъ, съ сознаніемъ своего достоинства, и съ сильно развитымъ воображеніемъ. Привычка мечтать привела къ тому, что онъ о себѣ неоднократно думаетъ въ третьемъ лицѣ, какъ это свойственно дѣтямъ и «непочатымъ натурамъ», и тутъ же приводятся эти замѣчанія Ромашева про себя и о себѣ. Вначалѣ это выходитъ очень мѣтко и остроумно, особенно когда Ромашевъ цитуетъ фразы по шаблону какого нибудь бульварнаго романа: «Его добрые, выразительные глаза подернулись облакомъ грусти», «глаза прекрасной незнакомки съ удовольствіемъ остановились на стройной, худощавой фигурѣ молодого офицера» и т. п. Но пріемъ этотъ, при частомъ повтореніи, нѣсколько пріѣдается, а, по крайней мѣрѣ, въ одномъ случаѣ, показался намъ даже и совсѣмъ неумѣстнымъ, перебивая серьезность настроенія: это во время разъѣзда послѣ пикника, на которомъ Ромашевъ впервые признался въ своемъ чувствѣ Шурочкѣ, и тутъ же слѣдомъ присутствуетъ при сценѣ ревности мужа. Это уже начало драмы и Ромашевъ долженъ былъ себя чувствовать совсѣмъ инымъ человѣкомъ послѣ разговора съ Александрой Пет-

ровной. Умѣстно ли ему и здѣсь, какъ на вокзалѣ въ самомъ началѣ повѣсти, повторять шаблонную фразу: «Его красивое лицо было подернуто облакомъ скорби»...?

Когда Ромашевъ перебираетъ разныя профессіи, которымъ онъ могъ бы отдать предпочтеніе взамѣнъ военной службы, онъ останавливается на формулѣ, что есть—«только три гордыхъ призванія человѣка: наука, искусство и свободный физическій трудъ». Характерно, что онъ даже не вспомнилъ о свободной общественной дѣятельности. Конечно, вопросъ призванія дѣло личной склонности, но если Ромашевъ, начавъ вдумываться въ жизненныя явленія, прежде всего отстранилъ отъ себя мысль о возможности стать чиновникомъ какого бы то ни было вѣдомства, ужаснулся разнымъ «смѣшнымъ, чудовищнымъ, нелѣпымъ и грязнымъ спеціальностямъ»—какъ-то: тюремщики, акробаты, мозольные операторы и пр., отстранился и отъ тѣхъ, которые служатъ физическому или нравственному благополучію человѣчества, находя, что именно тѣ, которымъ приходится, по роду ихъ занятій, постоянно соприкасаться съ думами, мыслями и страданіями другихъ людей (священники, доктора, педагоги, адвокаты)—всего скорѣе черствѣютъ и опускаются, впадая въ формалистику, и, наконецъ, устроители внѣшняго благополучія (инженеры, архитекторы, изобрѣтатели и т. д.) попадаютъ на удочку погони лишь за наживой,—то у него не было примѣровъ подъ глазами искренняго служенія обществу, въ качествѣ независимаго общественнаго дѣятеля. Между тѣмъ, «строительство жизни» требуетъ такого же напряженія творческихъ силъ въ изобрѣтеніи и воплощеніи болѣе совершенныхъ формъ общественной организаціи. Такая дѣятельность есть также одно изъ «гордыхъ призваній» человѣка, о чемъ, Ромашевъ, повидимому не догадывается.

Что это—дефектъ русской жизни, просмотръ Ромашева, или недосмотръ автора, конечно, невозможный въ странахъ, гдѣ установился правовой порядокъ, поддерживаемый участіемъ свободныхъ гражданъ въ самоуправленіи?

Мы упомянули въ началѣ этой замѣтки, что повѣсть г. Куприна связана нѣкоторыми сторонами съ другимъ выдающимся литературнымъ произведеніемъ нынѣшняго сезона—«Краснымъ смѣхомъ» Л. Андреева. Связь, конечно, чисто формальная: у Андреева—война, у Куприна—готовящіеся къ войнѣ. Тамъ «безуміе и ужасъ» самой войны и ея послѣдствій, здѣсь—ужасъ и скука военной жизни въ мирное время. Сравнивать оба произведенія нѣтъ возможности, хотя они и сходны въ основной концепціи темы, но слишкомъ разнятся по письму и по пріемамъ композиціи. Л. Андреевъ по преимуществу художникъ мысли, мы сказали бы даже—поэтъ мысли. Отсюда его склонность къ символикѣ образовъ и чуткость къ тончайшимъ психическимъ движеніямъ, въ освѣщеніи рефлекса. А. Купринъ чистѣйшій реалистъ, съ наклономъ къ натурализму, и его сила въ яркости образовъ, оживляемыхъ смѣлыми мазками кисти, передающей краски дѣйствительной жизни. Языкъ его, не столь нервный, извилистый и виртуозный, какъ языкъ Л. Андреева, отличается качествами простоты и выразительности, включая въ свой словарь особыя жаргонныя выраженія, весьма типичныя для характеристики изображаемой среды. Въ «Поедин-

кѣ» мы имѣемъ рядъ такихъ «красочныхъ» выраженій, какъ напримѣръ: «не кирпичитесь» (вм. не горячитесь), «раздавимъ» (вм. выпьемъ), «заткнитесь», «фендрикъ», «шпаки» (штатскіе) и т. п. Быть можетъ, авторъ нѣсколько увлекся, заявивъ уже отъ своего имени, а не въ устахъ кого-либо изъ дѣйствующихъ лицъ, что на конвертѣ записки, полученной Ромашевымъ, изображенъ былъ «голубь съ письмомъ *въ зубахъ* (?)» (34). Это, пожалуй, и лишнее. Но, въ общемъ, языкъ превосходенъ. Художественное описаніе смотра мы могли бы сравнить лишь съ тѣмъ, что сумѣлъ, напримѣръ, сдѣлать И. Е. Рѣпинъ въ своей картинѣ Государственнаго Совѣта: вложить столько жизни и движенія, при изображеніи съ виду столь неблагодарнаго, «казеннаго» сюжета, который какъ-бы самъ напрашивался на шаблонъ, это подстать только изъ-ряду выдающимся талантамъ. Если подыскивать параллель къ «Поединку» въ нашей новѣйшей литературѣ, то по силѣ реализма, на нашъ взглядъ, она ближе всего подходитъ къ «Мужикамъ» Чехова, задавшагося также цѣлью очертить опредѣленный классъ общества. Чехову ставили на видъ нѣкоторую субъективность выбора, при слишкомъ общемъ заглавіи, матеріала наблюденій въ подмосковной деревнѣ. Ошибочно было заглавіе, а затѣмъ сама по себѣ вещь остается превосходной, начертанной кистью мастера. Г. Купринъ сумѣлъ избѣжать этой ошибки слишкомъ общаго заглавія, которое бы охватило цѣлый классъ общества, въ то время, какъ авторъ ограничилъ свои наблюденія однимъ полкомъ. Но обобщенія напрашиваются сами собой и въ большей степени, чѣмъ у Чехова: это происходитъ потому что, какъ мы постарались выяснить, авторъ сумѣлъ связать особенности быта съ тѣмъ принципомъ, съ той идеей, которая налагаетъ особую печать на всѣхъ, обреченныхъ жить лишь для того, чтобы, во имя чего бы то ни было, служить смерти.

Ѳ. Батюшковъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Правда о войнѣ“ г. Табурно.—Появленіе правдолюбцевъ.—Кривая правда хуже ясной лжи.—Въ чемъ правда о войнѣ г-на Табурно.—Мелочность его взглядовъ и указаній.—Его заключеніе о русскомъ солдатѣ.—Наивность автора и непониманіе коренной причины русскихъ неудачъ.

Сколько проявилось теперь у насъ правдолюбцевъ,—просто душа радуется. Къ старому нашему «исконному» эпитету «святая Русь» мы можемъ прибавить теперь еще и «правдивая». Въ особенности это вѣрно по сравненію съ японцами, которые коварны, скрытны и лгутъ всему міру. Въ то время, какъ на страницахъ «Новаго Времени» и другихъ не менѣе доброкачественныхъ органовъ патріоты-стратеги, съ г. Суворинымъ во главѣ, давно уже разбили ихъ «морально», какъ они скромно выражаются,—эти не признающіе правды враги продолжаютъ дѣлать видъ, будто они и въ самомъ дѣлѣ кого-то побили. Въ то время, какъ патріоты-экономисты давно доказали, что Японія уже разорена на вѣки, не унывающіе лгуны—японцы дѣлаютъ видъ, будто имъ на самомъ дѣлѣ удалось заключить новый заемъ въ 300 мил. рубл. въ Лондонѣ и Берлинѣ. Развѣ это не наглость съ ихъ стороны, не злостный обманъ и не нарушеніе международныхъ приличій? Въ то время, какъ японцы внушили міру увѣренность, будто они потопили нашу эскадру, капитанъ Михайловъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» клятвенно утверждаетъ, что это мы уничтожили у японцевъ весь флотъ, всего около сорока судовъ.

Ложь къ добру не ведетъ. Извѣстно, кривдой весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься. Японцы, какъ идолопоклонники, не знаютъ этой истины и потому лгутъ, не стѣсняясь. Можетъ быть, негодованіе противъ этой лжи, можетъ быть, врожденная нововременскимъ писателямъ правдивость, а, можетъ быть, и увлеченіе славой и гонораріемъ—подвигли нѣкоего г. Табурно поѣхать спеціально за правдой въ Манчжурію. «Въ половинѣ декабря прошлаго года я отправился на театръ войны съ цѣлью познакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ нашихъ войскъ въ Манчжуріи и представить все въ истинномъ освѣщеніи»... «фактическую сторону я представляю такъ, какъ она есть, такою, какою я ее видѣлъ». Вотъ въ результатѣ этой поѣздки и появилась книга «Правда о войнѣ», составившаяся изъ корреспонденцій, сначала печатавшихся въ «Новомъ Времени» и получившихъ здѣсь санкцію правдивости. Только этимъ мы и объясняемъ нѣкоторую претенціозность заглавія. Не у всякаго хватило-бы наглости... то есть, смѣлости такъ назвать свое произведеніе

о такомъ сложномъ явленіи, какъ настоящая война, да еще послѣ какихъ-нибудь двухъ—трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на мѣстѣ дѣйствія. Для такой смѣлости нужно быть, во первыхъ, русскимъ правдолюбцемъ, во вторыхъ — правдолюбцемъ изъ «новременцевъ». Какъ показываетъ самая фамилія г. Табурно, мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ братушекъ, а братушки и остзейскіе бароны суть единственные нынѣ люди, сохранившіе въ чистомъ видѣ святорусскія исконныя черты.

Что знали мы до г-на Табурно о войнѣ? Ничего или очень мало. Со словъ отца русскихъ Тряпичкиныхъ—очевидцевъ, г-на Вас. Немировича—Данченки, мы знали, что у ген. Куропаткина «геніальные глаза», что ген. Куропаткинъ умѣетъ не только милостиво наказывать, но и отечески миловать, такъ напр., г. Немировичъ получилъ орденъ Станислава второй степени съ мечами. Знали мы еще, опять-таки со словъ того-же патріота, что въ Манчжуріи нѣтъ китайца, спина котораго не познакомилась-бы съ русской нагайкой. Знали еще о безчисленномъ количествѣ японца, котораго мы накрошили «смѣты нѣту». Знали, конечно, и еще кое-что, чего не можетъ скрыть даже и «Новое Время»,— о «неудачахъ», какъ принято выражаться у патріотовъ, при Тюренченѣ, при Вафангоу, Цинь-джоу, Гай-чжоу, Дашичао, Ансяндянѣ, Лаоянѣ, при «наступленіяхъ» у Шахэ и Сандепу, при «отступленіи» отъ Мукдена, о сдачѣ Портъ-Артура, о потопленіи эскадры при Цусимѣ, о взятіи Сахалина... Эти скромныя «неудачи» имѣютъ зато и хорошую сторону: мы изучили карту нашихъ дальне-восточныхъ... похожденій, что значительно облегчитъ нынѣ задачу «нашего» уполномоченнаго, С. Ю. Витте, при переговорахъ съ японцами о мирѣ.

Но все это служитъ лишь маленькимъ вступленіемъ къ «Правдѣ о войнѣ» которую намъ взялся открыть г. Табурно. Послушаемъ его и поучимся. Г-нъ Табурно—не то что другіе корреспонденты, изъ коихъ не всѣ находились на высотѣ положенія,—какъ говоритъ онъ о нихъ на стр. 150,—въ смыслѣ безпристрастнаго освѣщенія собтій. У многихъ была сильная тенденція представлять все въ отрицательномъ освѣщеніи, можетъ быть, въ силу, вообще, присущаго русской интеллигенціи стремленія къ самоосужденію. Мнѣ сейчасъ вспомнился разговоръ съ однимъ корреспондентомъ.

«— Почему,—спрашиваю я,—вы не сообщаете объ этомъ фактѣ?

«— Видите-ли, я принадлежу къ либеральной партіи, поэтому не могу сообщить этого факта, чтобы не возбудить оптимистическаго настроенія въ обществѣ, вы—другое дѣло, вамъ можно.

«— Позвольте, начинаю я уже съ негодованіемъ,—значитъ, если я сообщаю положительный фактъ, который долженъ порадовать русскихъ людей, то этимъ доказываю свое ретроградство: развѣ сообщить правду значитъ быть ретроградомъ? Я считаю своимъ долгомъ наряду съ отрицательными фактами, скрытіе которыхъ, по моему, есть также преступленіе,—сообщать и положительные. Этимъ я ничуть не умаляю свои свободомышленныя воззрѣнія» (стр. 150—151).

Кто этотъ «либеральный» корреспондентъ, г. Табурно благоразумно умолчалъ. Будемъ же утѣшаться свободомышленными воззрѣніями автора.

«Въ чемъ же состоялъ тотъ протрубленный иностранной печатью и подхваченный нашей прессой мукденскій погромъ»?—вопрошаетъ авторъ «Правды». По его мнѣнію, мы все время были побѣдителями и только по недоразумѣнію отошли въ тотъ моментъ, когда только одно маленькое усилье, одно «чуть—чуть», — какъ говорятъ художники, — и японцы были бы уничтожены. Посудите сами: «15, 16, 17 февраля японцы, во чтобы то ни стало, стремятся прорвать гдѣ-нибудь наше расположеніе; но всѣ ихъ усилія остаются тщетными, хотя намъ это стоитъ громадныхъ жертвъ: у непріятеля потери еще больше... Можно считать, что японцы уже 18—19 поняли, что имъ не удастся прорваться на лѣвомъ флангѣ и выбить отсюда армію Линевича, обороняющуюся съ такимъ необыкновеннымъ упорствомъ. Потери непріятеля были здѣсь такъ велики, что его армія прямо таяла у насъ на глазахъ. Считая здѣсь дѣло проиграннымъ, японцы устремляются сначала на фронтъ, но и здѣсь всѣ ихъ усилія разбиваются о стойкость нашихъ защитниковъ. Тогда они идутъ далѣе и, наконецъ, обрушиваются на нашъ правый флангъ» (стр. 95—96).

Мы, словомъ, гнали японца съ лѣваго на правый флангъ, лупили его такъ, что онъ «просто таялъ» на глазахъ г. Табурно, и только какъ результатъ нашихъ побѣдоносныхъ дѣйствій оказалось такое скопленіе врага на лѣвомъ, что намъ пришлось отступить... исключительно изъ благоразумія. Наступай мы и здѣсь также побѣдоносно, коварный врагъ возросъ-бы здѣсь, Богъ знаетъ, до какихъ размѣровъ. Тогда какъ теперь «потери въ людяхъ у насъ меньше, чѣмъ у побѣдителя. Потеря какихъ-нибудь 30—40 орудій, нѣсколькихъ подводъ и на 3—4 мил. р. припасовъ уже не такъ велика, чтобы изъ-за нея все дѣло можно было назвать погромомъ. Мы, правда, не могли воспользоваться телинскими позиціями, считаемыми спеціалистами гораздо больше сильными, чѣмъ тѣ, которыя мы занимали на Шахе. Но,—строгимъ голосомъ и поднявъ многозначительно палецъ кверху, возглашаетъ авторъ «Правды»,—въ стратегическомъ отношеніи, мнѣ кажется (къ чему такая скромность? А. Б.), мы *не проиграли*. Наше теперешнее положеніе *лучше*, чѣмъ бывшее подъ Мукденомъ. Нашъ правый флангъ теперь открытъ (передъ нимъ незаселенная пустыня), такъ что намъ видно каждое движеніе противника, и мы можемъ судить о его силахъ съ большей достовѣрностью, чѣмъ то было подъ Мукденомъ, въ многочисленныхъ деревняхъ, обнесенныхъ глинобитными стѣнами. Лѣвый флангъ гористый, приспособленный къ оборонѣ даже съ незначительными силами. Убыль въ войскахъ пополнена съ избыткомъ» (стр. 68—69).

Такова первая «правда», добытая г-номъ Табурно въ Манчжуріи. Не разгромъ подъ Мукденомъ, а усиленіе въ «стратегическомъ отношеніи». Не рядъ «неудачъ», какъ склонны были думать даже нововременскіе патріоты, а улучшеніе позицій. Не потери, а пополненіе съ избыткомъ. Но все же, съ прискорбіемъ соглашается и г. Табурно,—отступленіе было, былъ и одинъ печальный эпизодъ въ обозѣ, послужившій «основаніемъ для тенденціозныхъ свѣдѣній о порядкѣ нашего отступленія» (стр. 69). Однако, и въ этомъ пе-

чальномъ случаѣ, какъ всегда... cherchez la femme. Гдѣ дьяволъ самъ не можетъ, онъ посылаетъ женщину. Такъ и тутъ, гдѣ былъ безсиленъ самъ маршалъ Ояма, ему помогла «молодая жена одного изъ помощниковъ главнокомандующаго, свиданія съ которой, благодаря приказу ген. Куропаткина, не допускающаго даже на короткое время пребыванія женъ подчиненныхъ офицеровъ ни въ своемъ поѣздѣ, ни въ поѣздѣ начальника штаба, были весьма рѣдки». И вотъ, когда 24 февраля ген. Куропаткинъ отдаетъ этому помощнику приказъ объ отступленіи обозовъ на сѣверъ, начавъ съ обоза главнокомандующаго, его штаба и квартирмейстерской части,—къ помощнику явилась «его молодая жена»... Дальнѣйшее понятно: «Извращенному человѣку двадцатаго вѣка пріятно щекотятъ нервы ненормальныя, извращенныя ощущенія. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ свиданіе съ женой, подъ грохотъ орудій и стоны тысячъ гибнущихъ лучшихъ сыновъ родины, въ то время, когда рѣшается судьба всей войны, вызывало особенное ощущеніе, приводило въ исключительный экстазъ, заставляло забывать обязанности. По какой-то случайности, поѣздъ, въ которомъ онъ помѣщался, оказался въ такую критическую минуту несоединеннымъ телефономъ. Лишь только когда подъ вечеръ явилась вѣсть о прорывѣ нашего центра, онъ вспомнилъ о необходимости отступленія, и только въ восемь часовъ вечера былъ отданъ приказъ обозамъ отступать на сѣверъ по Мандаринской дорогѣ» (стр. 71).

А что произошло, о томъ пространно пишетъ г. Табурно, коему одному, въ виду его правдивости, было разрѣшено дать это описаніе.

«И вотъ обозъ тронулся въ путь. Трудно представить, что это былъ за громадный по величинѣ и ужасный по неподвижности обозъ. Непрерывной лентой въ нѣсколько рядовъ онъ растянулся почти на 60—70 верстъ. Къ нему присоединились артиллерійскіе парки и артиллерія, не долженствующая участвовать въ арріергардномъ бою, повозки съ имуществомъ китайскаго банка и его служащихъ и частныхъ лицъ, выѣхавшихъ вмѣстѣ съ чиновниками. Присутствіе этихъ постороннихъ войскамъ элементовъ отнюдь не способствовало порядку движенія. Застрянетъ одна повозка—остановится весь караванъ; проходитъ порядочно времени, пока ее освобождаютъ, а сзади напираютъ, особенно артиллерія, не знающая преградъ, и, понятно, безпорядокъ все увеличивается.

«Лишь только къ разсвѣту голова обоза вышла на Мандаринскуюдорогу. По мѣрѣ движенія впередъ, къ обозу присоединялись разныя нестроевыя команды: хлѣбопеки, интендантскія команды и другія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ обозъ имѣлъ видъ тѣхъ фуръ, которыя столичные жители созерцаютъ при переѣздѣ на дачи и обратно въ городъ: столы, табуретки, разная домашняя утварь—все то, что домовитый денщикъ не захотѣлъ оставить на произволъ судьбы, чтобы не лишить своего офицера того комфорта, который возможенъ въ походной жизни. Когда главная часть обоза находилась между д. Тава и Пухе, на вершинѣ одного изъ холмовъ внезапно показались нѣсколько непріятельскихъ горныхъ орудій, а, можетъ быть, и эскадронъ или два кавалеріи, и, пробравшись сюда, открыли огонь по отступающему обозу. Засвистѣла шрап-

нель и зашипѣли шимозы. Вотъ одна шимоза попала и разорвалась въ центрѣ обоза, перевернула нѣсколько повозокъ, убила и ранила нѣсколько человѣкъ прислуги и лошадей; вотъ разорвалась шрапнель, и опять нѣсколько убитыхъ и раненыхъ людей и животныхъ. Лошади бѣснуются, неистово бьютъ ногами, повозки лѣзутъ другъ на друга, опрокидываются, раздаются крики, стоны— суматоха ужасная. Каждый стремится выбраться изъ обстрѣливаемой полосы и этимъ еще увеличиваетъ общій хаосъ и безпорядокъ. Нестроевыя команды, лишенныя всякой иниціативы, безъ надлежащаго руководства, неспособны не къ чему, а тутъ еще безпорядокъ увеличиваетъ присутствіе частныхъ лицъ, китайскихъ погонщиковъ, съ ихъ арбами и подводами... Непривыкшая къ огню обозная прислуга растерялась и въ страхѣ начала искать спасенія, кто гдѣ можетъ. Кто бросился въ поле и безумно скакалъ по грядамъ гаоляна, кто застревалъ въ линіи обоза и всякими способами стремился освободить изъ упряжи лошадь, чтобы спастись бѣгствомъ. Артиллерія, хотя уже бывавшая въ огнѣ, послѣдовала тому же примѣру; бросались парки и пушки, или же какое-нибудь орудіе, вырвавшись на свободу, бѣшено неслось, опрокидывая все, что попадалось на пути... Неизвѣстно откуда появился полковникъ генеральнаго штаба Тимофѣевъ. Видя ничтожность силъ непріятеля и думая, вѣроятно, что можно будетъ легко захватить у него даже орудія, и желая, вообще, возстановить порядокъ, онъ подъѣзжаетъ къ какимъ-то частямъ и пытается остановить ихъ. Но, несмотря на всѣ усилія, его уговоры не дѣйствуютъ. Тогда онъ выхватываетъ револьверъ и дѣлаетъ два выстрѣла, должно быть въ тѣхъ, которые отвѣчаютъ особенно грубо. Они падаютъ, а ихъ товарищи стрѣляютъ въ полковника. Пораженный нѣсколькими пулями, онъ падаетъ, тяжело раненый. Части разбѣгаются и слѣдъ ихъ пропадаетъ...

«28 февраля я отправился по линіи подбирать раненыхъ. Платформа Сантайзы была вся наполнена ранеными... Солнце уже зашло, быстро приближалась ночь. Въ полѣ, недалеко отъ станціи, слышится шумъ, говоръ, ржаніе лошадей,—это остановился на отдыхъ обозъ. Повозки, парки, орудія, поѣзда съ ранеными и людьми, усѣявшими площадки и крыши вагоновъ, все прибываютъ. Вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ раздался залпъ. Послышались крики: «Японцы, японская кавалерія!» Все пришло въ смятеніе. Крики людей смѣшались съ ржаніемъ лошадей, со всѣхъ сторонъ началась пальба. Стрѣлялъ всякій, у кого имѣлось ружье, не разбирая цѣли. Стоны, вой тысячъ людей, ружейная трескотня неслись отовсюду. Комендантъ, имѣвшій, очевидно, приказаніе на случай появленія японцевъ, вѣроятно, полагая, что непріятель уже здѣсь, приказалъ поджечь склады,—и скоро огромное зарево освѣтило ужасную картину смерти отъ рукъ своихъ же солдатъ. Мимо станціи, по платформѣ, мчится артиллерія, опрокидывая все на своемъ пути; люди, лошади, всѣ бѣгутъ, охваченные паникой.

«Два—три смѣльчака становятся поперекъ платформы и пробуютъ уговорить бѣгущихъ: «Стойте, стойте! Никакихъ японцевъ!» Люди на минуту останавливаются, но потомъ, не повѣривъ сообщенію, еще быстрѣе несутся далѣе... Наконецъ, ружейная пальба начинаетъ стихать и мало-по-малу все успокаивается.

«— Я начальникъ обороны станцій!—кричитъ, откуда-то появившись, полковникъ.

«Въ эту ночь на этой станціи ночевалъ въ товарномъ вагонѣ генералъ Куропаткинъ...» (стр. 72—85).

И всю эту панику, безпорядочное отступленіе и неурядицу трехсоттысячной арміи произвела, по мнѣнія правдиваго г. Табурно, одна маленькая «молодая жена», не во время явившаяся къ своему мужу. О, насколько правы моралисты, которые, со временъ Даніила Заточника и до Пушкина, неутомимо предупреждаютъ человѣчество объ опасностяхъ женской прелести! «Жена да дѣти, другъ, повѣрь, большое зло на свѣтѣ». Этотъ стихъ Пушкинъ адресовалъ, положимъ, своему цензору, но вѣрная мысль можетъ имѣть примѣненіе и въ военномъ дѣлѣ.

Не будь маленькой молодой женщины, кто знаетъ, въ какое торжественное побѣдное шествіе превратилось бы дѣло подъ Мукденомъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ дальнѣйшее поученіе г-на Табурно о «правдѣ». Все имъ видѣнное произвело на него превосходное впечатлѣніе, и описывая дѣятельность разныхъ военныхъ учрежденій, онъ не находитъ словъ для похвалы и поощренія. Читая эти описанія, такъ и представляешь нашего «правдолюбца» среди растроганныхъ военныхъ дѣятелей, которымъ онъ «съ дежурной слезой во взорѣ» пожимаетъ руки и говоритъ дрожащимъ отъ полноты чувствъ голосомъ: «бла-а-дарю! бла-а-дарю! Превосходно... тронутъ... не нахожу словъ... Вѣрьте мнѣ, родина васъ не забудетъ...»

Придетъ ли онъ въ интендантство, ему «было отрадно наблюдать, что въ эту годину тяжелыхъ испытаній родины сознаніе гражданственности проснулось и въ нашей закоснѣлой бюрократіи. Интендантскій вопросъ заинтересовалъ меня не только, какъ наблюдателя, который долженъ представить результаты своихъ наблюденій обществу, но мнѣ хотѣлось самому убѣдиться въ томъ, что общій прогрессъ сдѣлалъ свое дѣло и въ той средѣ, которая всѣми до сихъ поръ считалась отпѣтой. И вотъ я, никому неизвѣстный, разспрашивалъ поставщиковъ, присутствовалъ какъ бы случайнымъ зрителемъ при пріемахъ, видѣлъ, какъ и чѣмъ продовольствуется армія, какъ обувается, одѣвается, и долженъ засвидѣтельствовать, что не могу сдѣлать никакихъ нареканій этому вѣдомству» (стр. 110).

А въ то время, когда г. Табурно «наблюдалъ», вотъ что происходило, напр., въ Харбинѣ, не такъ ужъ далеко отъ него, какъ свидѣтельствуетъ другой корреспондентъ того-же «Новаго Времени».

«Для интендантскаго вѣдомства зимой, по благой мысли «кого-то», въ Сибири были скуплены громадныя партіи мороженаго мяса. Десятками вагоновъ, ежедневно съ декабря мясо стало прибывать въ Харбинъ, но... забыли, что въ Харбинѣ нѣтъ ледниковъ. Спѣшно пошла переписка, составлялись чертежи, смѣты, конечно, довольно дорогія, принимая во вниманіе спѣшность работъ, дабы загладить эту маленькую оплошность. А пока туши мяса сгружались прямо на землю. Начался февраль, ледники не готовы, и, вообразите, чуть не жара, чортъ знаетъ, что за климатъ въ Манчжуріи!.. Пока окончилась по-

*

стройка ледниковъ, пока набили ихъ (кстати сказать, уже совершенно тающимъ льдомъ), горы сваленныхъ на землю тушъ стали издавать порядочное зловоніе... Начали мороженое мясо солить... часть засолили, а часть въ 10 ледниковъ набили. Въ началѣ мая ледники начали издавать такое зловоніе, что по осмотрѣ мяса «коммиссіей», оно признано негоднымъ и подлежащимъ уничтоженію. 70.000 пудовъ мяса надо извлечь изъ ледниковъ, вывезти, облить керосиномъ и закопать въ землю!!.

«Я былъ у ледниковъ, работа по выволакиванію гнилыхъ тушъ въ полномъ разгарѣ, копошились китайцы. Попался какой-то, противъ обыкновенія изъ разговорчивыхъ, интендантскій вахтеръ.

«— Что это у васъ?—спросилъ я его.

«— Да вотъ покойничковъ хоронимъ! (Къ сѣверу отъ деревни Фердзядань, близъ Харбина, и образовалось «кладбище интендантства»).

«— А мяса жаль! И на что жъ его загружать въ ледники, видимо, было гнилое, а главное, что мѣсто заняли. Вотъ у насъ еще что дѣлается: масла коровьяго нетопленаго тысячи пудовъ валяются на солнцѣ, ледниковъ нѣтъ, и пропало все—вонъ посмотрите, какія лужи!

«Я взглянулъ... Груды черныхъ, какъ въ смолѣ, бочекъ валялись въ громадныхъ тоже черныхъ лужахъ»... («Нов. Время», 9 іюля, № 10,542).

Нельзя не пожалѣть, что во время «тихой» ревизіи, которую невидимо для всѣхъ производилъ г. Табурно, ему не попался разговорчивый интенданскій вахтеръ. Вѣроятно, тогда г. Табурно сдѣлалъ бы нѣсколько иное открытіе. Теперь же онъ приходитъ къ окончательному выводу, что единственное темное пятно въ интендантствѣ... государственный контроль, благодаря присутствію котораго «здѣсь завелась тоже канцелярщина, тоже рутина, которыя и въ мирное время губятъ всякое живое дѣло» (стр. 115). Устраните контроль—и интендантская часть процвѣтетъ, яко кринъ сельный,

Посѣтитъ-ли г. Табурно лазареты, лицо его расцвѣтаетъ еще больше, чѣмъ при наблюденіи за интендантской частью. «Санитарная часть. Всѣ три арміи находятся въ наилучшихъ санитарныхъ условіяхъ... Всѣ медицинско-санитарныя учрежденіи, какъ-то: военно-медицинская часть, учрежденія Краснаго Креста, земскіе отряды и другіе отлично выполняютъ свои функціи въ небоевое время» (стр. 116—117). Нѣсколько страдаетъ перевязочная часть на передовыхъ позиціяхъ. За то «незамѣнимы учрежденія Краснаго Креста. Летучіе отряды Краснаго Креста много служатъ дѣлу подачи первоначальной помощи раненымъ. Много пользы приносятъ также и другіе отряды, хотя изъ того, что мнѣ пришлось видѣть, я долженъ отдать предпочтеніе дѣятельности Краснаго Креста» (стр. 119—120). Бывшій уполномоченный этого учрежденія г. Александровскій «очень энергичный и знающій человѣкъ, и уходъ его въ этомъ смыслѣ ощутителенъ». «Никакихъ особыхъ злоупотребленій въ Красномъ Крестѣ не существуетъ» (стр. 125—128). Словомъ, въ Красномъ Крестѣ все лучше, чѣмъ у другихъ. Во всемъ виновата «партійность», и больше ничего. Пріятно читать эти увѣренія правдиваго г-на Табурно, въ особенности послѣ того, какъ на дняхъ еще пришлось прочесть заявленіе епископа Иннокентія,

главы россійской миссіи въ Китаѣ, который, по словамъ «Восточнаго Обозрѣнія», напечаталъ рѣзкую обличительную статью въ «Извѣстіяхъ Православной Церкви». Тамъ онъ заявляетъ, что «пьянство, развратъ и полное безвѣріе въ такой степени въѣлись въ наши войска, что и самый Красный Крестъ, это дивное и святое учрежденіе, уже запятналъ себя той репутаціей, отъ которой надо бѣжать» («Русь», 11 іюля, № 154).

Коснется-ли г-нъ Табурно вопроса о желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ—и восторгу его нѣтъ предѣловъ. «Только благодаря энергичной, самоотверженной работѣ всѣхъ агентовъ дороги, одушевленныхъ желаніемъ принести посильную помощь родинѣ, эта дорога смогла выполнить выпавшую на ея долю трудную задачу. Только этой самоотверженной дѣятельностью всего желѣзнодорожнаго персонала можно объяснить, что, несмотря на такое усиленное движеніе, несчастные случаи были рѣдки. То-же самое слѣдуетъ сказать о дѣятельности всѣхъ агентовъ Сибирской желѣзной дороги... Это были положительно мученики, не знавшіе отдыха ни днемъ, ни ночью (стр. 133—136).

Даже военная цензура, и та удостоилась отъ г. Табурно похвальнаго отзыва Такъ, говоря о завѣдываніи цензурой полковникомъ Пестичемъ, онъ «ничего, кромѣ хорошаго не можетъ сказать». Правда, начальникъ штаба ген. Сахаровъ не долюбливалъ корреспондентовъ. Зато бывшій главнокомандующій ген. Куропаткинъ «былъ о печати противоположнаго мнѣнія». Въ заключеніе, г. Табурно полагаетъ, что «теперь, когда во главѣ военной цензуры стоитъ человѣкъ, который, помимо другихъ качествъ, необходимыхъ государственному дѣятелю, хорошо понимаетъ значеніе печатнаго слова, и когда новый главнокомандующій придаетъ большое значеніе печати и съ этимъ взглядомъ его не расходится его штабъ,—цензура военныхъ корреспонденцій будетъ построена на другихъ, болѣе раціональныхъ основаніяхъ» (стр. 148—158).

Итакъ, прочитавъ двѣ трети книги г. Табурно (съ 1 по 165 страницу, а ихъ всѣхъ 233 разгонистаго шрифта, такъ что всю книгу можно бы умѣстить на 4—5 листахъ обычнаго книжно-журнальнаго размѣра), чему же мы научились? «Все прекрасно въ божьемъ мірѣ», все превосходно устроено, остается только радоваться и благодарить судьбу. Но тутъ авторъ, видимо, и самъ смущенный своимъ панегирикомъ, спохватывается и начинаетъ бить отбой, правда жиденькій, съ оглядкой и опаской. Укажетъ тотъ или иной недостатокъ и сейчасъ же силится прикрыть его соотвѣтственными достоинствами. И все-таки, все-таки—такъ, должно быть, ярка настоящая, а не нововременская правда о войнѣ, что даже и этотъ авторъ, казалось-бы, вполнѣ, какъ мы видѣли, застрахованный противъ всякой правды, не могъ замолчать цѣлаго ряда любопытныхъ явленій. Конечно, и тутъ приходится принимать его увѣренія cum grano salis, памятуя, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Но тѣмъ-то и убѣдительна эта насильно вырывающаяся изъ-подъ его пера правда, что онъ всѣми правдами и неправдами хотѣлъ-бы прикрыть ее.

Кругозоръ автора въ этомъ случаѣ ужасно мелокъ и узокъ. Широкія, глубокія историческія причины такого великаго явленія, какъ русско-японская война со всѣми ея особенностями, ему недоступны. Онъ скользитъ по поверх-

ности, цѣпляется за единичные факты, упускаетъ главное и возмущается мелочами. Онъ негодуетъ, напр., на то, что «главные начальники позволяли себѣ роскошествовать, разъѣзжая въ отдѣльныхъ поѣздахъ, а за ними тянулись и поменьше». «У адмирала Алексѣева, кромѣ роскошныхъ аппартаментовъ своего дома въ Портъ-Артурѣ, въ Дальнемъ, а въ послѣднее время и въ Мукденѣ, былъ еще роскошный поѣздъ изъ пульмановскихъ вагоновъ, съ громадными салонами и столовыми для него самого и всего его штаба. Передъ его поѣздомъ пускался пробный поѣздъ, который долженъ былъ констатировать исправность и безопасность пути. Адмиралъ Алексѣевъ не любилъ ночной ѣзды и останавливался на ночь на станціяхъ, но онъ не выносилъ паровозныхъ свистковъ и ночью его безпокоило всякое движеніе на линіи, гдѣ все на ночь замирало, чтобы не безпокоить начальства». Глядя на него, завели себѣ поѣзда и другіе главные начальники. Фигурируетъ тутъ и корова одного изъ корпусныхъ командировъ, которая загораживала пути въ самое неудобное время (стр. 171—174). Изъ-за этихъ поѣздовъ и коровы авторъ не видитъ болѣе существеннаго и, къ тому же, все это онъ описываетъ въ прошломъ. Лишь только дѣло касается современныхъ начальниковъ, ген. Линевича, напр., тонъ его сразу мѣняется («Одинъ только ген. Линевичъ бросилъ свой поѣздъ и жилъ въ фанзахъ»). Указываетъ онъ на большой процентъ нестроевыхъ частей, доходящій до 30% всего состава дѣйствующей арміи, и тутъ же мудрый совѣтъ сократитъ число деньщиковъ, отчего увеличится число строевыхъ на 15.000 ружей. Подумаешь, какъ это важно при полумилліонномъ составѣ арміи. Говоритъ о недовѣріи, которое перешло изъ Россіи и находило опору въ томъ, что ген. Куропаткинъ хотѣлъ все дѣлать самъ и не давалъ развиться самостоятельности отдѣльныхъ начальниковъ. Достается, конечно, и его штабу. Онъ упрекаетъ его, какъ водится, за то, что штабные гонялись за наградами и обходили строевыхъ офицеровъ (стр. 193).

Все это, безспорно, недостатки, хотя и не крупные. Къ нимъ же онъ прибавляетъ и отсталость въ технической части и неудовлетворительность запасныхъ, которыми комплектовалась вначалѣ армія («были такіе, которые сейчасъ же по прибытіи шли въ бой, даже не ознакомившись съ нашимъ новымъ скорострѣльнымъ оружіемъ»). Но, вѣдь, и у японцевъ, какъ видно изъ его же описаній боя подъ Мукденомъ, далеко не все идеально хорошо. У нихъ, напр., пушки хуже нашихъ, не такъ дальнобойны и скорострѣльны (стр. 209). И армію нашу они все же упустили, дали ей вновь собраться и укрѣпиться. «А истрепанность и разстройство ихъ арміи было такъ велико, что они сдѣлались мало способны къ дальнѣйшему побѣдоносному наступленію. Гдѣ же, спрашивается, тутъ искусство и выдающаяся тактика японскихъ военачальниковъ? Я убѣжденъ, что будь мы на мѣстѣ японцевъ, т.-е. перемѣнись наши роли въ дѣлѣ подъ Мукденомъ, отъ японской арміи, при всѣхъ нашихъ недостаткахъ, не осталось-бы и слѣда» (стр. 198—199). Тѣмъ не менѣе, по его же признанію, японцы все время заставляли нашу армію отступать, цѣликомъ владѣя иниціативой, не давая противнику ни на одну минуту управлять собой. Если безъ особаго «искусства» и безъ «выдающейся тактики»

японцы все же не позволили «намъ помѣняться ролями» ни подъ Мукденомъ, и, нигдѣ вообще, за все время войны, значитъ, есть тому причина. Чувствуетъ и самъ г. Табурно, что въ его «правдѣ» что-то неладно, чего-то не хватаетъ, но уразумѣніе настоящей правды выше его пониманія, и онъ все время толчется на частностяхъ.

У японцевъ онъ находитъ одно важное преимущество. Не усматривая въ ихъ арміи, вообще, ничего особеннаго, «тѣхъ изумительныхъ качествъ, о которыхъ ходили почти легендарные разсказы», авторъ признается, что «японская армія представляетъ компактное единое цѣлое, объединенное общимъ духомъ... Японцы преисполнены сознанія и пониманія цѣли войны» (стр. 200). Этого-то качества, по его словамъ, и не доставало нашей арміи, и авторъ, съ непонятной даже и въ нововременцѣ наивностью, удивляется, какъ это никто не позаботился до сихъ поръ объяснить нашимъ войскамъ «то значеніе, какое имѣетъ настоящая война для родины, какую пользу принесетъ намъ ея *побѣдоносное* окончаніе». Право, не слѣдуетъ злоупотреблять наивностью, вѣжливо выражаясь. Автору, повидимому, дѣло представляется очень просто. «Скажите имъ (войскамъ, народу, обществу),—патетически восклицаетъ онъ—что эта побѣда нужна намъ, чтобы возстановить нашъ престижъ великой, сильной державы» и т. д. Это «скажите» превосходно! Стоитъ написать приказъ, въ коемъ изложить всѣ доводы за войну, и прочесть его «по всѣмъ ротамъ, батареямъ, эскадронамъ, сотнямъ и прочимъ отдѣльнымъ частямъ», — и авторское «скажите» готово. И тогда «пойдетъ ужъ музыка не та»! Но если бы дѣла такъ просто дѣлались, не было бы, вообще, армій, терпящихъ пораженія. Хорошо оборудованная канцелярія замѣняла-бы все, разъ однимъ клочкомъ бумаги можно было-бы вдохновлять сотни тысячъ людей, собранныхъ со всѣхъ концовъ земли русской. Не отъ этой-ли, однако, вѣры въ силу канцеляріи наши войска и терпятъ пораженія? Въ чемъ другомъ, но въ недостаткѣ канцеляріи насъ еще никто не попрекнулъ, и огромность нашихъ обозовъ, на что такъ сѣтуетъ г. Табурно, зависитъ отчасти отъ необычайнаго изобилія канцелярій—ротныхъ, батальонныхъ, полковыхъ и пр.

Понимаетъ отчасти и авторъ, что причины русскихъ неудачъ куда сложнѣе и что одними предписаніями («скажите») не поможешь дѣлу. По крайней мѣрѣ, въ заключительной главѣ книги («Русскій солдатъ») онъ близко подходитъ къ коренной разницѣ между японской и русской арміями, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ основной причинѣ русскихъ неудачъ. Дѣло вовсе не въ томъ, что «мы имѣемъ на театрѣ войны всего лишь одну коммуникаціонную линію», въ чемъ авторъ видитъ «главную причину всѣхъ нашихъ неудачъ въ настоящей войнѣ». Это затрудненіе вести войну на далекой окраинѣ не помѣшало съ января 1904 года по мартъ 1905 г. доставить на театръ войны 773.000 солдатъ со всѣмъ вооруженіемъ, обозами, лошадьми и массою припасовъ, какъ показываетъ обнародованное въ «Рус. Инвалидѣ» въ мартѣ объявленіе военнаго министерства, въ свое время такъ всѣхъ удивившее своею неожиданностью. Если присоединить сюда войска, бывшія на мѣстѣ до начала войны, то получится такая солидная сила, что и двѣ комуникаціонныхъ линіи едва-ли

создали-бы большую. Да врядъ-ли это и нужно. При всѣхъ бояхъ, какъ извѣстно теперь, силы японцевъ почти равнялись съ нашими, по крайней мѣрѣ, подъ Мукденомъ авторъ считаетъ японскую армію въ 400 т. и русскую въ 350 т. (признавая, впрочемъ, свой разсчетъ «весьма проблематичнымъ»). Для армій есть тоже свой предѣлъ, за которымъ ихъ чрезмѣрная колоссальность является уже ихъ слабостью. Повидимому, японцы съ самаго начала имѣли это въ виду, почему оперировали вначалѣ съ небольшими сравнительно силами, лишь постепенно доводя свою армію до ея настоящаго громаднаго количества. Помимо трудности оперировать съ колоссальными арміями, возникаютъ и всѣ затрудненія, связанныя съ такимъ необычнымъ скопленіемъ людей въ одномъ мѣстѣ. Растянутость фронта, на что авторъ указываетъ въ книгѣ, одно изъ послѣдствій такого скопища людей.

Одна желѣзная дорога, конечно, большое усложненіе, но не «главная причина». Не она сдѣлала русскаго солдата такимъ, какимъ его рисуетъ авторъ. По его же словамъ, русскій солдатъ «не привыкъ къ самостоятельности, у него ограничена иниціатива, онъ недостаточно наблюдателенъ и плохо оріентируется... И это не потому, что у него отсутствуютъ природныя качества, природныя способности: такимъ его сдѣлало военное воспитаніе, муштровка въ общемъ строю, безъ всякихъ самостоятельныхъ задачъ, безъ соотвѣтственнаго воспитанія на маневрахъ, въ смыслѣ умѣнія оріентироваться въ незнакомой мѣстности. Солдатъ въ бою стоекъ въ отраженіи атакъ и отваженъ въ наступленіи, пока на лицо есть руководитель съ такими же качествами и пока онъ въ строю, но какъ только командиръ выбываетъ изъ него, солдаты теряются, какъ цыплята, отъ которыхъ отнята мать» (стр. 222). Такой важный недостатокъ, несомнѣнно, играетъ огромную роль въ современной войнѣ, гдѣ сплошь и рядомъ личная иниціатива замѣняетъ все. Разсыпной строй, наступленіе мелкими отрядами, а не сплошными колоннами, умѣніе пользоваться всякимъ прикрытіемъ, все это должно вліять на психологію солдата, пріученнаго дѣйствовать какъ машина, не иначе какъ по командѣ, не разсуждать, а только съ буквальной точностью исполнять приказанія. Прибавьте къ этому общее невѣжество русскаго солдата, неразвитость и грубость, которыя солдатъ приноситъ изъ деревни. Тутъ ужъ никакое строевое воспитаніе ничего не подѣлаетъ, и можно только удивляться, какъ сравнительно легко офицеры могутъ «обломать» эту тупую, забитую массу, слить ее въ нѣчто по виду стройное, способное дѣйствовать цѣлесообразно, хотя-бы и по командѣ только. Требовать отъ этой массы интеллигентности, богатства иниціативы и развитія личнаго достоинства—да развѣ это возможно, когда 90% безграмотныхъ поступаетъ въ строй? Авторъ правъ, указывая на устарѣлость системы военнаго воспитанія, но самая устарѣлость зависитъ отъ устарѣлой общей системы, отъ общей отсталости.

«Солдату,—говоритъ онъ,—твердятъ, что солдатское званіе одно изъ самыхъ почетныхъ, но онъ этого не видитъ; съ нимъ обходятся не такъ, какъ съ тѣми, кто носитъ почетное званіе. Оказывай солдату начальство и общество побольше вниманія не только въ военное, но и въ мирное время, духъ войскъ

былъ-бы куда выше» (стр. 225). «Презрительное «ты», съ которымъ офицеръ по уставу обращается къ солдату, даже къ тому, который получилъ образованіе или имѣетъ даже знакъ высшаго воинскаго отличія—георгіевскій крестъ, не составляетъ развѣ оскорбленія «почетнаго званія солдата?» Не могу не замѣтить при этомъ, что защита традиціоннаго обращенія съ солдатомъ на «ты», встрѣчаемая въ военной литературѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана удовлетворительной, отличаясь крайней неискренностью и наивными софизмами. Военное званіе есть дѣйствительно почетное, и этотъ почетъ долженъ быть подчеркнутъ всюду, до низшихъ ступеней арміи» (стр. 226).

Всѣ эти съ виду правильныя разсужденія автора нельзя не признать тоже наивными. Армія не есть нѣчто замкнутое, самодовлѣющее, она является частью общей жизни страны и отражаетъ въ себѣ недостатки этой жизни. Грубость, презрѣніе къ человѣческому достоинству, обнаглѣніе въ отношеніяхъ, выдвинутыя съ 80 годовъ, какъ исконныя русскія черты, не могли не коснуться и арміи. Отдача въ солдаты студентовъ, провинившихся противъ университетскаго устава,—яркій примѣръ того, какъ понизился взглядъ на армію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ понизился взглядъ на человѣка, вообще, въ Россіи. Тѣлесныя наказанія въ арміи отвѣчали тѣлеснымъ наказаніямъ для крестьянъ, что отмѣнено лишь годъ тому назадъ. Невинное «ты»—пустякъ въ сравненіи съ прочими особенностями русской военной среды, и опять-таки оно вполнѣ отвѣчаетъ общему строю жизни, гдѣ «тыканіе», «мордобой», издѣвательство надъ безправной личностью составляютъ обыденное явленіе, настолько общее, что мы этого даже и не замѣчаемъ.

«И вотъ, въ настоящей войнѣ другъ противъ друга стали двѣ арміи. Въ одной—сознаніе своего достоинства и гражданскаго долга передъ страной, разумное пониманіе цѣли и ея достиженія... Въ другой—лишь потерявшая свое прежнее значеніе голая формула дисциплины, безпрекословнаго подчиненія волѣ начальства, къ чему бы она ни клонилось. Такимъ образомъ, различіе въ побужденіяхъ, съ которыми выступили другъ противъ друга эти двѣ арміи, громадно» (стр. 228—229).

Заключеніе автора совершенно правильно, но оно-то и убиваетъ всѣ его предварительныя сѣтованія въ указанія на мелкіе недочеты, а также и на яко-бы главную причину русскихъ неудачъ въ этой войнѣ—одну желѣзнодорожную линію. Главная причина—въ столкновеніи двухъ неравныхъ силъ, изъ которыхъ одна цѣликомъ вытекаетъ изъ стремленія человѣческаго духа къ культурѣ и прогрессу, другая—изъ забвенія именно культуры и прогресса. Японія борется не за Корею и Манчжурію, безъ которыхъ она могла бы и впредь прекрасно обойтись, а за свою свободу, за право жить такъ, какъ она хочетъ. Если бы, что невѣроятно въ дѣйствительности, но допустимо въ отвлеченности, Россіи удалось закрѣпить за собой обладаніе Манчжуріей и Кореей, то черезъ какую-нибудь четверть вѣка Японіи, какъ самостоятельнаго государства, не существовало бы, была бы «Японская губернія», «японскій край», какъ есть теперь «пріамурскій край», «привислянскій» и прочіе «края», какъ явилась, наконецъ, «Желтороссія» вмѣсто Манчжуріи, правда, на стра-

ницахъ «Новаго Времени» только, но въ этомъ «Новое Время» неповинно. Каждый японецъ, отъ микадо и до поселянина въ самомъ глухомъ уголкѣ, отлично это понимаетъ. Въ книгѣ г. Сѣрошевскаго «На Дальнемъ Востокѣ» приводится разговоръ его съ однимъ японцемъ въ глуши Японіи по поводу обычая «харакири». На выраженное авторомъ недоумѣніе, какъ можетъ сохраниться въ культурной странѣ такой варварскій обычай, японецъ, соглашаясь съ мнѣніемъ автора, заявилъ, что, тѣмъ не менѣе, для нихъ «харакири» имѣетъ особое значеніе, не только какъ пережитокъ старины: это символъ того, что для каждаго японца смерть самая мучительная предпочтительнѣе позора. И вслѣдъ затѣмъ собесѣдникъ автора заговорилъ о томъ, что народъ, который готовъ скорѣе совершить надъ собой харакири, чѣмъ допустить отнять у себя свободу,—никогда не будетъ побѣжденъ. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до войны. Вездѣ уже на народныхъ театрахъ, въ ресторанахъ, на гуляніяхъ народные пѣвцы и разсказчики съ воодушевленіемъ говорили о надвигающемся страшномъ врагѣ. Весь *народъ* готовился къ войнѣ. Для Японіи это была не «военная экспедиція», не развязка дальневосточной эпопеи, а *народная* война.

Что могли бы русскіе шовинисты противопоставить этому воодушевленію, этой сознательной готовности отстаивать родину вплоть до «харакири», этой народной подготовкѣ ко всѣмъ тягостямъ и ужасамъ войны? «Скажите имъ»— вопитъ г. Табурно. Имъ, т.-е. войску, народу. Что сказать и какъ сказать? Для народа самое слово Японія говоритъ столько же, что и «бѣлая арапія», а изъ этого народа набирается и войско. Что касается интеллигенціи, то она достаточно изучила вопросъ о современной войнѣ, и двухъ мнѣній у нея по этому вопросу не существуетъ. И сколько бы ни распинались за свою «правду» тѣ или иные гг. Табурно, ихъ «Правда о войнѣ» никого не убѣдитъ и не затмитъ яркаго свѣта подлинной правды... **А. Б.**

НОВОЕ О ПРОШЛОМЪ.

(*Окончаніе* *).

2. Проповѣдникъ-реформаторъ (В. Фрей).

Н. В. Рейнгардтъ. „Необыкновенная личность". „Наука и Жизнь", кн. 2—4.

Въ книгѣ «Изъ воспоминаній прошлаго» Л. Ф. Пантелѣевъ упоминаетъ вскользь, какъ о членѣ существовавшей въ шестидесятыхъ годахъ организаціи «Земля и Воля» офицерѣ Гейнсѣ, «впослѣдствіи Фреѣ» (стр. 291). Принадлежность Гейнса къ организаціи осталась неизвѣстною властямъ и только поэтому, конечно, имя Гейнса не занесено въ лѣтописи судебныхъ приговоровъ шестидесятыхъ годовъ; лѣтописи, отличающіяся, какъ извѣстно, чрезвычайною суровостью. Но имя Гейнса пріобрѣло, тѣмъ не менѣе, громкую извѣстность, если не въ Россіи, гдѣ этому препятствовали «независящія обстоятельства»,

---

*) См. „Міръ Божій", № 7, іюль. 1905 г.

то въ свободной отъ этихъ «обстоятельствъ» Европѣ и еще болѣе Америкѣ. Жизни Гейнса посвятилъ нынѣ во 2, 3 и 4 книжкахъ журнала «Наука и Жизнь» г. Рейнгардтъ обширную статью, озаглавленную «Необыкновенная личность». Заглавіе это отвѣчаетъ вполнѣ содержанію статьи, ибо Гейнсъ представляетъ собою дѣйствительно одну изъ тѣхъ «необыкновенныхъ личностей, которыя являются по преимуществу въ критическіе періоды жизни народовъ, а однимъ изъ такихъ періодовъ были несомнѣнно для народа русскаго шестидесятые годы. Но обратимся къ статьѣ г. Рейнгардта.

Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ среди слушателей артиллерійской академіи находился молодой гвардейскій прапорщикъ Финляндскаго полка Владиміръ Константиновичъ Гейнсъ, обратившій на себя вниманіе профессоровъ, а въ томъ числѣ и извѣстнаго Петра Лавровича Лаврова, своими выдающимися способностями. По этому поводу сохранился такой, приводимый г. Рейнгардтомъ, разсказъ: «Однажды, въ перемѣну, въ аудиторію вошелъ начальникъ академіи генералъ Платовъ и просилъ вызвать прапорщика Гейнса; когда послѣдній явился, то генералъ, обратившись къ нему, сказалъ: «Позвольте посмотрѣть на васъ, какъ на чудо. Полковникъ Лавровъ, не хвалящій никого, отзывается о васъ не только съ похвалой, но даже съ нѣкоторымъ паѳосомъ... Пойду, думаю, посмотрю, на такого человѣка».

Окончивъ курсъ въ академіи, Гейнсъ получилъ мѣсто преподавателя аналитической геометріи въ инженерномъ училищѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдался со страстью изученію соціальныхъ вопросовъ. Не удовлетворившись имѣющимися знаніями, онъ вскорѣ поступилъ въ академію генеральнаго штаба. «Въ это время,—пишетъ г. Рейнгардтъ,—онъ сблизился съ нѣкоторыми членами тайнаго общества или, вѣрнѣе, кружка «Земля и Воля», цѣль котораго была при помощи возстанія надѣлить народъ *землею* и *правами*. Вполнѣ сочувствуя конечнымъ цѣлямъ кружка, онъ не соглашался со средствами для достиженія этихъ цѣлей и потому не принималъ почти никакого участія въ его дѣятельности. Всякое насиліе было противно его натурѣ. «У меня нѣтъ настолько злобы,—писалъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—чтобы бороться за правду, но у меня есть любовь къ правдѣ, горячее желаніе неуклонно служить ей»... Кружокъ былъ вскорѣ открытъ правительствомъ, почти всѣ члены его были арестованы, за исключеніемъ немногихъ, въ числѣ которыхъ былъ и Владиміръ Константиновичъ, избѣгнувшій ареста благодаря счастливой случайности... Разставшись съ кружкомъ, разставшись съ симпатичными ему людьми, съ которыми хотя и не соглашался во многомъ, но идеалы которыхъ были и его идеалами, Владиміръ Константиновичъ испытывалъ сначала полное нравственное одиночество, подъ вліяніемъ котораго онъ съ лихорадочнымъ рвеніемъ принялся за академическія занятія и черезъ два года, блистательно окончивъ курсъ, выпущенъ былъ въ генеральный штабъ съ прикомандированіемъ къ Пулковской обсерваторіи, гдѣ пользовался особымъ вниманіемъ директора Струве».

Пріобрѣтши въ двухъ академіяхъ множество прикладныхъ знаній, Гейнсъ отдался въ то же время глубокому изученію соціально-экономическихъ вопросовъ,

достигши и въ этой области весьма обширной эрудиціи. Одно теоретическое изученіе этихъ вопросовъ не могло, однако, удовлетворить его дѣятельную натуру.

«Будучи глубоко убѣжденнымъ соціалистомъ, стремившимся къ кореннымъ реформамъ въ экономической жизни народа, — пишетъ г. Рейнгардтъ,—Владиміръ Константиновичъ по этому скептически относился, какъ и многіе представители радикальной молодежи того времени, къ послѣдовавшимъ, послѣ великой крестьянской реформы, реформамъ печати, земской и судебной, которыя представлялись ему, по его выраженію, «однѣми только вывѣсками», такъ какъ не существовало въ нашей общественной жизни самаго главнаго условія ихъ дѣйствительности—«уваженія къ личности и къ закону».

«Фатальная судьба Чернышевскаго и многіе другіе факты, повидимому, вполнѣ подтверждали его взглядъ на значеніе этихъ реформъ и на несостоятельность либеральныхъ принциповъ въ русской жизни, находящихся въ полномъ противорѣчіи съ суровой дѣйствительностью, съ которой не могъ примириться Владиміръ Константиновичъ. Хотя онъ и жилъ въ мірѣ идеаловъ, но не забывалъ вѣчно занимавшаго его вопроса *что дѣлать?* Раздумывая надъ этимъ вопросомъ, онъ постоянно спрашивалъ себя, *что дѣлать*, чтобы осуществить наилучшую жизнь для массы страждущихъ и угнетенныхъ, чтобы людямъ жилось лучше и полнѣе, чѣмъ въ настоящее время, чтобы удалить ихъ отъ этой постылой жизни, полной разврата и несчастій, какъ отъ чрезмѣрной роскоши немногихъ, такъ и отъ чрезмѣрной, подавляющей нищеты массы, обязанной содержать дармоѣдовъ. Но оглянувшись на себя, на свою жизнь, онъ увидѣлъ, что онъ для разрѣшенія этого вопроса ничего не сдѣлалъ, что онъ такой же непроизводительный членъ общества, такой же дармоѣдъ, какъ и другіе, которыхъ онъ строго осуждалъ за пустую и безсодержательную жизнь. Сознаніе своей умственной и нравственной несостоятельности, сознаніе неоплатнаго долга передъ народомъ, для уплаты котораго онъ ничего не сдѣлалъ, приводило его въ глубокое отчаяніе, результатомъ чего явилось пессимистическое настроеніе, подъ вліяніемъ котораго созрѣла у него мысль о самоубійствѣ, и онъ рѣшился покончить съ собою».

Намѣренія этого Гейнсъ не привелъ, къ счастью, въ исполненіе, рѣшившись попробовать жить такъ, чтобы примѣромъ своей жизни принести людямъ пользу и побудить ихъ къ нравственному совершенствованію. Для этой цѣли онъ задумалъ переселиться въ Америку и начать снискивать себѣ пропитаніе физическимъ трудомъ, присоединившись въ то же время къ какой-либо изъ существовавшихъ въ Америкѣ коммунистическихъ общинъ. Въ то время, когда въ немъ окончательно созрѣло это намѣреніе, онъ встрѣтился съ одной дѣвушкой Маріей Евстафьевной Славинской, которая стремилась, какъ и Гейнсъ, къ моральному обновленію общества. Послѣ непродолжительнаго знакомства, Гейнсъ женился на Славинской и съ нею вмѣстѣ уѣхалъ за-границу. Родные думали, что молодая чета задумала лишь совершить свадебное путешествіе, но, по пріѣздѣ въ Берлинъ, Владиміръ Константиновичъ послалъ оттуда прошеніе объ

отставкѣ и, не дожидаясь увольненія, уѣхалъ съ женой въ Америку съ мыслью никогда не возвращаться въ Россію.

«Ему было въ это время около 29 лѣтъ,—пишетъ г. Рейнгардтъ,—онъ былъ въ чинѣ капитана генеральнаго штаба и его ожидала самая блестящая будущность на военно-ученомъ поприщѣ, матеріальныя выгоды и почести... Но ни блестящая служебная карьера, ни выгодныя матеріальныя условія не соблазняли Владиміра Константиновича, воодушевленнаго совсѣмъ другими цѣлями, чѣмъ тѣ, которыя занимаютъ рядовыхъ, обыкновенныхъ людей, составляющихъ массу общества и живущихъ такъ, какъ всѣ живутъ. «Онъ, говоря словами друга его профессора Бизле, былъ преисполненъ въ то время, тѣмъ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, который влечетъ иногда многихъ русскихъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ, отказаться отъ выгодъ и удобствъ своего положенія, чтобы раздѣлить судьбу бѣдныхъ, несчастныхъ людей. Только въ среднихъ вѣкахъ и можно найти подобные случаи, когда люди обезпеченные бѣжали въ монастыри, чтобы жить среди труда, лишеній и подвижничества ради спасенія души своей. Русскіе энтузіасты одушевлены совсѣмъ другимъ чувствомъ: они одушевлены горячимъ желаніемъ улучшить положеніе бѣдныхъ, обездоленныхъ классовъ»...

Въ мартѣ 1858 г. Гейнсъ съ женой прибыли въ Джерсей-Сити, находящійся около Нью-Іорка, наняли скромную квартирку и стали, прежде всего, усиленно изучать англійскій языкъ. Нѣсколько сотъ долларовъ, которые привезли они съ собою, послужили имъ обезпеченіемъ на первое время, въ теченіе котораго Гейнсъ и его жена старались приглядѣться къ своему новому отечеству. Черезъ четыре мѣсяца послѣ пріѣзда въ Америку, Гейнсъ встрѣтился съ знакомымъ соотечественникомъ, тоже русскимъ офицеромъ П—вымъ прибывшимъ съ женою въ Новый Свѣтъ тоже съ идейными цѣлями. Вскорѣ всѣ четверо отправились въ Сенъ-Луи. Тамъ Гейнсъ принялъ имя Вильяма Фрея, а П—въ—Брука Фрей сталъ присматриваться къ существовавшимъ около Сенъ-Луи нѣсколькимъ общинамъ, среди которыхъ ему наиболѣе показалась привлекательною община «Union», основанная нѣкіемъ Лонглеемъ. Главныя начало общины заключались въ реализаціи принциповъ общей собственности и коллективнаго труда. Лонглей при первомъ же свиданіи съ Фреемъ произвелъ на него хорошее впечатлѣніе и дѣло было рѣшено. Члены коммуны, которые всѣ жили въ помѣщеніи, представлявшемъ собою простую мазанку, встрѣтили Фрея и его жену радушно и привѣтливо. Началась новая жизнь во имя нравственнаго обновленія. Коммуна состояла въ это время изъ 18 человѣкъ взрослыхъ и 10 дѣтей. Образъ жизни былъ такой: «всѣ члены вставали въ 5 часовъ утра, въ 6 собирались къ завтраку, послѣ котораго шли на работу; въ 12 часовъ былъ обѣдъ и черезъ часъ послѣ него опять работа, продолжавшаяся до 6 часовъ вечера; въ $6^1/_2$ часовъ былъ ужинъ, послѣ котораго каждый занимался своимъ личнымъ дѣломъ—чтеніемъ, писаніемъ писемъ и пр. Занимаясь цѣлую недѣлю тяжелымъ физическимъ трудомъ, коммунисты воскресные дни посвящали одни чтенію, другіе составленію статей, которыя печатали въ издаваемыхъ ими по временамъ сборникахъ. По вечерамъ въ субботу и воскре-

сенье собирались для обсужденія дѣлъ коммуны на такъ называемые домашніе миттинги, на которыхъ участвовали женщины съ правомъ голоса. Въ субботніе миттинги, называемые «дѣловыми», подводились итоги дѣятельности коммуны за истекшую недѣлю, составлялось распредѣленіе работъ и производились другія хозяйственныя распоряженія на слѣдующую недѣлю. По воскресеньямъ на миттингахъ занимались внутренними дѣлами общины, причемъ, согласно коммунальной конституціи, происходилъ такъ называемый свободный критицизмъ, на основаніи котораго каждый членъ имѣлъ право заявить о моральныхъ недостаткахъ, причемъ замѣчанія и совѣты должны были выслушиваться безъ раздраженія, спокойно. Свободный критицизмъ, веденный въ дружескомъ тонѣ, долженъ былъ содѣйствовать исправленію личности, ея нравственному усовершенствованію. Въ этой общинѣ Фрей завѣдывалъ устройствомъ сада и уходомъ за огородомъ, а жена его занималась присмотромъ за дѣтьми, швейнымъ дѣломъ и разъ въ недѣлю принимала участіе въ уборкѣ комнатъ и стиркѣ бѣлья. Члены общины вели трудовую, суровую жизнь и питались растительной пищей, состоявшей изъ кортофеля, гороха, бобовъ, кукурузы, огурцовъ и дынь; только дѣти ѣли пшеничный хлѣбъ и молоко, взрослые же лепешки изъ кукурузной муки и хлѣбъ изъ непросѣянной муки». Изъ числа коммунистовъ Фрей сблизился особенно коротко съ докторомъ Бригсомъ,—тоже типомъ правдоискателя. Окончивъ медицинское образованіе, Бригсъ сдѣлался странствующимъ врачомъ, пропагандистомъ вегетаріанства и популяризаторомъ естественно-научныхъ и медицинскихъ знаній въ народѣ. Во время войны за освобожденіе негровъ онъ поступилъ въ армію сѣверныхъ штатовъ въ качествѣ военнаго врача, но по окончаніи войны принялся за свои прежнія занятія. Пріобрѣтя хорошій манекенъ, Бригсъ разъѣзжалъ съ нимъ по всей Америкѣ для чтенія общедоступныхъ лекцій по анатоміи и физіологіи и пропаганды вегетаріанизма. Въ одну изъ такихъ своихъ поѣздокъ онъ натолкнулся на общину Лонглея и рѣшился поселиться въ ней навсегда.

Такъ шли дѣла въ коммунѣ до тѣхъ поръ, пока не поселился въ ней нѣкто Спольдингъ, ставшій проповѣдовать принципъ общности женъ, принятый, между прочимъ, въ онендской коммунѣ. Такъ какъ всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, то Спольдингъ сталъ подбирать себѣ партію, и на его сторонѣ вскорѣ оказалось большинство коммунистовъ. Тогда меньшинство, въ числѣ котораго были Фрей и Лонглей, отказались подчиниться большинству и это повлекло за собою распаденіе коммуны.

«Лонглей, Бригсъ, Фрей и ихъ единомышленники, разойдясь съ Спольдингомъ, сохранили за собою ферму, пару лошадей и одну корову, принявъ при этомъ обязанность уплатить долги собственнику земли, которая была куплена съ разсрочкой платежа; но такъ какъ вслѣдствіе ухода большинства членовъ коммуны хозяйство послѣдней сильно разстроилось, что уплатить этого долга въ срокъ не было никакой возможности, а потому означенный собственникъ, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ оставшихся членовъ коммуны, постарался поприжать ихъ такъ сильно, что они отдали

ему все свое имущество за самое ничтожное вознагражденіе. Лонглей вернулся къ своимъ прежнимъ занятіямъ наборщика, а Фрей и Бригсъ рѣшились основать новую коммуну, въ которую пригласили только Брука (П—ва) съ женою и болѣе пока никого».

«Наученные горькимъ опытомъ,—писалъ Фрей своимъ родственникамъ,—мы рѣшили не приглашать въ свое общество никого до тѣхъ поръ, пока не обезпечимъ земли, т.-е. не уплатимъ за нее правительству. Конечно, потративъ всѣ свои средства на наше дѣло, посвятивъ годъ или два каторжнаго труда, мы не захотѣли рисковать своимъ потомъ и кровью (буквально) и принимать къ себѣ, подобно Лонглею, всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Двери нашего дома будутъ открыты для всѣхъ желающихъ пріѣхать и пожить съ нами, но сдѣлаться членами нашей семьи могутъ только избранные, послѣ долгаго и основательнаго изученія».

Для новой коммуны Бригсъ выбралъ землю въ Канзасѣ. Тамъ и образовалась новая маленькая община, просуществовавшая, однако, не долго. На этотъ разъ разошлись во взглядахъ Фрей и Брукъ. Фрей попрежнему стремился къ воплощенію въ личной жизни идеала, Брукъ желалъ личной независимости и улучшенія матеріальнаго положенія. Когда отношенія между Фреемъ и Брукомъ, вслѣдствіе этихъ разногласій, очень обострились, Фрей и его жена обратились къ своимъ родственникамъ въ Россію, чтобы тѣ ссудили Бруку сто рублей на постройку дома, дабы онъ могъ отдѣлиться и жить особымъ хозяйствомъ. Такъ дѣло и устроилось.

Новая неудача не разочаровала, однако, Фрея и онъ продолжалъ прежній образъ жизни, назвавъ свою коммуну «прогрессивною». Между тѣмъ, въ началѣ 70-хъ годовъ среди русской молодежи возникла довольно замѣтная тяга къ переселенію въ Америку, дабы тамъ жить трудами рукъ своихъ. По этому поводу Фрей писалъ роднымъ:

«Въ послѣднее время американскія газеты начинаютъ поговаривать объ эмиграціи русскихъ за океанъ; даже я лично слышалъ отъ земляковъ, что нѣсколько молодыхъ русскихъ желаютъ пріѣхать къ намъ, въ нашу ферму. При этомъ, конечно, воображеніе ихъ настроено на розовый ладъ, жизнь наша представляется имъ земнымъ раемъ и т. д. Съ тѣмъ энтузіазмомъ, который такъ присущъ русскому люду, они, подталкиваемые какою-то маніей къ переселенію, говорятъ восторженно о прелестяхъ физическаго труда и сельской жизни гдѣ-то въ далекомъ Канзасѣ... Имъ придется разочароваться съ перваго же дня по пріѣздѣ сюда. Пусть они знаютъ, что наша жизнь—тяжелая, трудовая; что много горя и лишеній приходится намъ испытывать; разсчитывая получить отъ жизни все, что она способна дать, мы стараемся эксплоатировать даже лишенія наши; мы дрессируемъ себя, закаливаемся въ этой суровой школѣ, и весьма можетъ быть, что эти лишенія сильнѣе, чѣмъ все остальное, связали насъ горячею братскою любовью другъ къ другу».

«Прогрессивная коммуна» привлекала, тѣмъ не менѣе, вниманіе и въ ней перебывало не мало и русскихъ, и американцевъ Многіе изъ такихъ посѣти-

телей, послѣ опредѣленнаго срока испытанія, дѣлались членами коммуны, и черезъ четыре года ея существованія коммуна состояла уже изъ значительнаго числа членовъ.

«Домъ, въ которомъ помѣщалась коммуна, былъ деревянный съ досчатыми стѣнами и состоялъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ между собою досчатой перегородкой; въ одной изъ этихъ комнатъ помѣщается Фрей съ женою и дочерью, а въ другой, большой, остальные члены коммуны».

Въ октябрѣ 1874 года Фрей и Бригсъ совершили нотаріальный актъ, по которому свои участки передали въ собственность коммуны. Казалось, на этотъ разъ Фрей достигъ того, чего хотѣлось: основалась община, которая примѣромъ личной жизни должна была вліять на поднятіе моральнаго уровня развитія всѣхъ съ нею соприкасающихся людей. На дѣлѣ вышло иначе: опять обнаружились среди членовъ коммуны два теченія: одно чисто идейное, другое, такъ сказать, мірское. Сторонниками перваго были преимущественно русскіе, второго—преимущественно американцы. «Не имѣя возможности примирить два такихъ противоположныхъ направленія, Фрей съ семьею и своими соотечественниками отдѣлился, уступивъ американцамъ значительную часть земли и вслѣдъ затѣмъ (въ 1876 году) основалъ новую общину—Investigatrice».

Неудачи, такимъ образомъ, и на этотъ разъ не сломали Фрея.

«Я смотрю,—говорилъ онъ,—на путь, по которому иду, какъ на единственно вѣрный путь для того, чтобы произвести революцію не только въ сферѣ мысли и чувствахъ людей, но и въ сферѣ практической дѣятельности, въ сферѣ измѣненія общественныхъ формъ. Я говорилъ, говорю и буду говорить, что идеи любви, добра и справедливости не могутъ быть достижимы путемъ революціонныхъ катаклизмовъ, что люди должны жить братскою жизнью, жизнью общинъ,—это и есть вѣрнѣйшее средство къ счастью. Я буду пропагандировать это, буду указывать людямъ на ихъ ошибки и въ то же время, понимая, что сущность не въ словахъ, а въ практической дѣятельности, употреблю всѣ силы, чтобы осуществить свое ученіе на дѣлѣ. Отсюда уже вытекаетъ моя практическая дѣятельность коммуниста и, какъ необходимый результатъ этого,—нравственное усовершенствованіе».

Не долго просуществовала, однако, и коммуна «Investigatrice». Совершенно такія же причины, какъ и прежде, повели къ ея распаденію. Это повело за собою тяжелыя для Фрея послѣдствія. Земля, на которой находилась коммуна, была пріобрѣтена въ долгъ, съ разсрочкою платежа, а такъ какъ, оставшись одинъ, Фрей не былъ въ состояніи исполнить лежавшія на землѣ обязательства, то все коммунальное имущество было продано съ аукціона. Изъ всего имущества Фрею осталась лишь пара лошадей да телѣга, на которой онъ и двинулся въ С.-Луи.

«Прибывъ въ С.-Луи, Фрей увидѣлъ, что ему не достанетъ денегъ на дальнѣйшій путь, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ остановиться и заняться извозчичьимъ промысломъ; но этимъ промысломъ онъ занимался не долго, потому что лошади околѣли, а такъ какъ купить другихъ было не на что, то онъ, продавъ экипажъ, поступилъ наборщикомъ въ типографію, гдѣ рабо-

талъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, а жена его въ это время занималась шитьемъ и мытьемъ бѣлья. Въ свободные отъ работы часы онъ изучалъ Герберта Спенсера и Огюста Конта».

Поманило, наконецъ, Фрея и на родину. Онъ совсѣмъ уже задумалъ переѣхать, по крайней мѣрѣ, въ Европу, какъ его задержало въ Америкѣ одно дѣло.

«Въ началѣ 1882 года нѣсколько русскихъ эмигрантовъ, желая основать коммуну, просили Фрея помочь имъ въ отысканіи для этого земли, на что онъ согласился и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ въ Орегонѣ подходящую землю, на которой была основана коммуна «Новая Одесса». Фрей, помогши отыскать землю, самъ отказался поселиться въ коммунѣ и руководить ея дѣлами, однако, не отказался оказывать ей помощь совѣтами и потому отъ времени до времени писалъ нѣкоторымъ членамъ письма, въ которыхъ излагалъ руководящіе принципы. Эти письма постоянно читались на коммунальныхъ митингахъ, вызывая оживленные дебаты. Въ письмахъ Фрей совѣтовалъ, чтобы въ коммунѣ былъ введенъ строгій порядокъ, чтобы было опредѣлено время для работы и для ѣды и чтобы не было въ этомъ отношеніи личнаго произвола, отражающагося весьма вредно на дѣлахъ коммуны. Затѣмъ онъ совѣтовалъ завести миттинги не только для критики, но и для обсужденія разныхъ вопросовъ, которые имѣютъ вліяніе на жизнь коммуны. Наконецъ, онъ совѣтовалъ умѣренность въ пищѣ и простоту жизни, потому что человѣкъ, который тратитъ на себя много на томъ только основаніи, что есть деньги, ничѣмъ не лучше Вандербильда (извѣстный богачъ), который строитъ пятимилліонный дворецъ потому, что у него есть деньги. «Самый энергичный трудъ самой долгой жизни,—писалъ онъ,—не въ состояніи заплатить сотой доли обязательствъ передъ человѣчествомъ. Истинный человѣкъ долженъ тратить на себя только то, что необходимо для здоровой жизни. Удовлетвореніе вкуса, гастрономическія удовольствія должны быть предоставлены тѣмъ, которые, подобно свиньямъ, живутъ для своего удовольствія, не думая объ обязательствахъ предъ другими. Чѣмъ проще будетъ ваша жизнь, тѣмъ больше шансовъ будете вы имѣть для улучшенія вашей духовной жизни. Три доллара въ недѣлю для вегетаріанца и пять долларовъ для мясоѣда—вотъ все, что необходимо для здоровой жизни. Великъ не тотъ человѣкъ, который живетъ поневолѣ на коркѣ хлѣба, когда проѣлъ свои средства, а великъ тотъ, кто съ тысячами и милліонами долларовъ въ карманѣ будетъ жить такъ же, какъ жилъ въ бѣдности».

Затѣмъ Фрей согласился посѣтить на нѣкоторое время коммуну «Новая Одесса» и, прибывъ туда, горячо отдался ея дѣламъ.

«Ново-Одесская коммуна состояла изъ 50 человѣкъ членовъ,—русскихъ и американцевъ,—главное занятіе которыхъ заключалось въ рубкѣ лѣса и въ поставкѣ его на сосѣднюю желѣзную дорогу. Всѣ дѣла коммуны рѣшались на миттингахъ, на которыхъ мужчины и женщины принимали одинаковое участіе, имѣя равныя права. Постояннымъ президентомъ миттинговъ былъ избранъ Фрей. Эта коммуна не ограничивалась въ своей дѣятельности одной экономической стороной, а также преслѣдовала и интеллектуальныя и въ особенности

моральныя цѣли, имѣя въ виду нравственное воспитаніе своихъ членовъ, для чего введенъ былъ, по совѣту Фрея, критицизмъ, давшій, по отзывамъ бывшихъ членовъ, превосходные результаты, такъ какъ совершался онъ въ спокойномъ, дружескомъ тонѣ, безъ всякаго желанія обидѣть критикуемое лицо или возвысить себя, указывая на недостатки ближняго, а съ единственной цѣлью взаимнаго исправленія».

Тѣмъ не менѣе, и ново-одесская коммуна кончила тѣмъ же, чѣмъ и другія: распаденіемъ.

Послѣ этого Фрей покинулъ Америку и уѣхалъ въ Европу. Америка не дала Фрею того, чего онъ отъ нея ждалъ, но дала, тѣмъ не менѣе, многое. По собственнымъ его словамъ, «эта страна была для него великой соціальной школой, въ которой онъ научился многому хорошему и въ особенности хорошо усвоилъ сущность свободы, заключающейся въ самой широкой терпимости, ясно понявъ, что политическая свобода можетъ существовать только тамъ, гдѣ люди умѣютъ управлять собою, уважать личность другого и повиноваться закону».

Прибывъ въ Лондонъ, Фрей продолжалъ заниматься съ увлеченіемъ позитивной философіей. На почвѣ этого изученія онъ познакомился съ Бисли, Гаррисономъ, Конгревомъ и другими. Наконецъ, Фрею удалось побывать и въ Россіи, гдѣ въ это время начиналъ свою проповѣдническую дѣятельность Левъ Толстой. Результатомъ знакомства Фрея съ ученіемъ Толстого, было его, впослѣдствіи опубликованное, письмо къ знаменитому писателю, а затѣмъ и личное съ нимъ свиданіе, которое произвело на Толстого самое хорошее впечатлѣніе. Думалъ Фрей заняться и въ Россіи тою дѣятельностью, которою онъ занимался въ Америкѣ, но это ему, разумѣется, не удалось, и онъ снова уѣхалъ въ Лондонъ. Измученный, больной, постоянно матеріально бѣдствующій, Фрей продолжалъ, однако, работать, не покладая рукъ, но истощенный организмъ не выдержалъ и 17 ноября 1888 года этотъ необыкновенный человѣкъ скончался.

Въ засѣданіи позитивнаго общества въ Лондонѣ проф. Бисли сдѣлалъ сообщеніе о жизни Фрея, закончивъ свой докладъ такими словами: «Зрѣлище подобнаго существованія, представляющее рѣзкое отличіе отъ существованія остального, обыденнаго люда, было для насъ чрезвычайно благотворно, но, какъ это часто случается, мы оцѣнили эту благотворность и достоинство самой личности только тогда, когда лишились ея. Намъ кажется теперь, что былъ моментъ, когда среди насъ былъ герой, святой... жизнь Фрея представляетъ примѣръ такого альтруизма, о которомъ даже и не мечталъ Огюстъ Контъ въ порывѣ глубокаго энтузіазма. Если подобные примѣры являются въ настоящее время, то чего же мы можемъ ожидать отъ нашей натуры въ далекомъ будущемъ, котораго, однако, намъ не придется увидѣть? Великій мыслитель, котораго мы являемся учениками, указалъ намъ путь самопожертвованія, ведущій къ этому свѣтлому будущему и самъ пошелъ по немъ твердою и увѣренною стопою. Вильямъ Фрей послѣдовалъ по этому же пути и его примѣръ всегда будетъ жить между нами, чтобы укрѣплять наши силы и воодушевлять наши стремленія».

Такъ протекла вдали отъ родины вся жизнь одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей той эпохи, которую принято называть «шестидесятыми годами». Для приложенія богатѣйшихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ этого человѣка подобно силамъ многихъ другихъ выдающихся русскихъ людей, на родинѣ мѣста, увы, не нашлось...

В. Богучарскій.

НОВОЕ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

I.

Новое соціологическое общество въ Лондонѣ возникло съ прошлаго года. Нѣкоторые члены его читаютъ лекціи въ школѣ общественныхъ наукъ при лондонскомъ университетѣ; въ стѣнахъ того же университета устроено было нѣсколько собраній, на которыхъ прочитаны были доклады, вызвавшіе оживленныя пренія. Не всѣ доклады исходили отъ англичанъ. Темою одного изъ нихъ послужила статья, напечатанная Дюркгеймомъ, извѣстнымъ французскимъ соціологомъ, въ «Revue Philosophique». Она вызвала много разномыслія въ прошломъ году между французскими обществовѣдами и встрѣтила энергичный отпоръ въ двухъ нихъ: въ проф. Эспинасѣ и въ покойнымъ Тардѣ. Въ сокращенномъ видѣ лондонское соціолологическое общество распространило ее между англійскими и иностранными философами и обществовѣдами, прося ихъ прислать свои письменныя замѣчанія на нее. Въ числѣ другихъ такой запросъ полученъ былъ и мною. Наши отвѣты присоединены были къ тексту прочитанныхъ докладовъ и произнесенныхъ рѣчей. Мало этого: печать, занявшаяся обсужденіемъ многихъ вопросовъ, поднятыхъ на засѣданіяхъ соціологическаго общества, также призвана была содѣйствовать успѣху перваго сборника работъ англійскаго соціологическаго общества *); важнѣйшія критики, появившіяся въ періодическихъ изданіяхъ, были воспроизведены въ сборникѣ, обогащая, такимъ образомъ, соціологическую литературу интересными и, какъ мы сейчасъ покажемъ, крайне разнорѣчивыми точками зрѣнія. Интересъ 1-го тома трудовъ соціологическаго общества лежитъ, однако, не столько въ попыткахъ дать возможно полное выраженіе современному разномыслію по вопросу о томъ, что такое соціологія и каково ея отношеніе къ конкретнымъ наукамъ объ обществѣ, сколько въ двухъ отдѣлахъ съ новыми названіями «eugenics» и «civics», изъ которыхъ одинъ лежитъ на границѣ біологіи и соціологіи, а другой является чѣмъ-то вродѣ соціальной экономіи. Каждый изъ этихъ отдѣловъ порученъ былъ лицамъ съ именемъ и продолжительной научной и педагогической дѣятельностью. Въ первомъ мы встрѣчаемся съ Францисомъ

---

*) Этотъ сборникъ вышелъ недавно подъ заглавіемъ *Sociological Papers*, London, Macmillan, 1905.

*

Гальтономъ, дѣятельность котораго такъ тѣсно связана съ судьбами дарвинизма, что и въ средѣ оспаривающихъ его выводы критиковъ мы не могли встрѣтить ничего, кромѣ восторженнаго отношенія къ его прежнимъ научнымъ заслугамъ. Что касается до Геддеса, то это—старый знакомый для всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ преподаваніемъ въ свободныхъ высшихъ школахъ. Ему принадлежитъ блестящая мысль поднять ренту въ захудаломъ кварталѣ Эдинбурга съ помощью такого чрезвычайнаго средства, какъ созданіе въ центрѣ его свободнаго университета. Проекту посчастливилось на первыхъ порахъ, и домовладѣльцы охотно поставили въ распоряженіе Геддеса свои незанятыя помѣщенія. Университетъ дѣйствовалъ успѣшно, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, привлекая отовсюду спеціалистовъ и устраивая согласованные между собою спеціальные курсы. Затѣмъ преподаваніе временно было прервано, такъ какъ Геддесъ перенесъ свою педагогическую дѣятельность въ Парижъ, по случаю открытія въ немъ всемірной выставки. При его ближайшемъ участіи и, можно сказать, по его иниціативѣ, возникла международная школа, русскимъ отдѣленіемъ которой мнѣ пришлось завѣдывать, съ Мечниковымъ и де-Роберти. Въ настоящее время Геддесъ перенесъ свою дѣятельность въ школу общественныхъ наукъ въ Лондонѣ, и передъ лондонскимъ университетомъ, при почетномъ предсѣдательствѣ извѣстнаго генерала арміи спасенія Чарльза Бутса, прочитанъ былъ имъ докладъ, всестороннее обсужденіе котораго сдѣлало возможнымъ отвести цѣлый отдѣлъ сборника такъ называемымъ *civics*, т.-е., повторяю, подобію соціальной экономіи.

Желая познакомить русскихъ читателей съ тѣмъ, что дѣйствительно есть новаго въ этомъ первомъ томѣ изданій лондонскаго соціологическаго общества, я остановлюсь, прежде всего, на той картинѣ, какую оно даетъ современному состоянію европейской мысли по вопросу о соціологіи, ея задачахъ и отношеніи къ конкретнымъ наукамъ объ обществѣ. Во-вторыхъ, я познакомлю читателя съ той постановкой, какая дана была въ равной степени Гальтономъ и его критиками вопросу о возможности примѣнить, не столько статистическій методъ, сколько методъ частной анкеты, къ такому еще мало затронутому предмету, какъ анализъ условій, содѣйствующихъ зарожденію способныхъ и выдающихся людей. Наконецъ, въ-третьихъ, я считаю полезнымъ бросить бѣглый взглядъ и на то пониманіе задачъ конкретной, или, точнѣе, прикладной, соціологіи, какой мы находимъ въ докладѣ Геддеса и вызванной имъ полемикѣ.

Тонъ всѣмъ работамъ по вопросу о томъ, что такое соціологія, каковы ея ближайшія задачи и отношенія къ другимъ общественнымъ наукамъ, данъ былъ не столько докладомъ молодого англійскаго соціолога Барнфильда о происхожденіи самого термина «соціологія» и связываемаго съ нимъ смысла, сколько уже названной мною статьею проф. Дюркгейма. Ближайшій смыслъ ея тотъ, что соціологія должна разорвать съ созданной Кантомъ традиціей какой-то новой философіи исторіи и сдѣлаться достояніемъ спеціалистовъ—обществовѣдовъ, орудующихъ индукціей въ большей степени, чѣмъ дедукціей. Эта мысль, которая нѣкоторымъ французамъ, какъ, напр. Леви-Брюлю, пока-

залась своего рода откровеніемъ, встрѣтила въ Англіи довольно дружную критику. Критика вызвала, въ свою очередь, контръ-критику, въ которой приняли участіе и итальянскіе и французскіе, и нѣмецкіе, и русскіе изслѣдователи. Если я позволю себѣ привести нѣкоторые изъ высказанныхъ взглядовъ, то не съ цѣлью ихъ примиренія, а чтобы показать, какъ глубоко расходятся еще мнѣнія выдающихся европейскихъ ученыхъ и мыслителей по вопросу о томъ, насколько такъ называемыя нравственныя науки могутъ разсчитывать въ близкомъ будущемъ на роль точныхъ описательныхъ наукъ, вродѣ біологіи. Вотъ что говоритъ, наприм., предсѣдатель собранія проф. Бозанке, очевидно, не давшій себѣ точнаго отчета въ томъ, къ чему сводится предлагаемая Дюркгеймомъ реформа соціологіи. Бозанке настаиваетъ на томъ, что классификація съ точки зрѣнія логики не можетъ быть признана первичною формою мышленія, что она возможна только послѣ предварительнаго отвѣта конкретными науками, каждой въ предѣлахъ ея спеціальности, на отдѣльные вопросы обществовѣдѣнія, почему соціологія, какъ сводящая будто бы свою роль къ такой классификаціи добытаго другими науками знанія, и должна будетъ возникнуть только въ отдаленномъ будущемъ *). Другой спеціалистъ, на этотъ разъ не философъ, а экономистъ, Никольсонъ, считалъ возможнымъ утверждать, что соціологія въ наше время можетъ быть только преждевременнымъ и апріорнымъ обобщеніемъ результатовъ, достигнутыхъ спеціальными науками объ обществѣ. Онъ не отрицалъ того, что и экономисту приходится, хотя бы при рѣшеніи вопроса о собственности, имѣть дѣло и съ фольклоромъ, и съ археологіей, и съ этнологіей, которую онъ смѣшиваетъ съ антропологіей; но въ этой невозможности такой даже наиболѣе выработанной конкретной общественной дисциплинѣ, какъ экономика, обойтись безъ помощи другихъ соціальныхъ наукъ Никольсонъ не видѣлъ основанія стремиться къ созданію отвлеченной науки объ обществѣ, или соціологіи. Не менѣе категориченъ былъ въ своемъ отрицаніи пользы послѣдней и извѣстный сравнительный историкъ права Родольфъ Дарестъ. Онъ полагалъ, что успѣхи конкретныхъ наукъ объ обществѣ, въ томъ числѣ исторіи права, возможны только при одномъ условіи: если онѣ способны будутъ отрѣшиться отъ всякой системы и придерживаться изученія однихъ фактовъ и текстовъ. Прибавимъ къ этимъ отрицательнымъ отзывамъ еще тотъ, какой представленъ былъ профессоромъ Карломъ Пирсономъ. Онъ относится съ скептицизмомъ не столько къ соціологіи, сколько къ возможности содѣйствовать ея развитію основаніемъ научнаго общества. «Я не вѣрю,—сказалъ онъ, чтобы группа мужчинъ и женщинъ, имѣющихъ свои повседневныя занятія, могла, собравшись, положить основаніе новой наукѣ. Я полагаю, что это можетъ быть сдѣлано только однимъ человѣкомъ, который, съ помощью массы накопленнаго имъ знанія, правильнаго метода и научнаго энтузіазма, въ грубыхъ линіяхъ дастъ окончательное очертаніе новой научной дисциплинѣ и создастъ школу, которой и поручитъ выработку ея въ подробностяхъ. Я полагаю, что такъ и было всегда въ исторіи наукъ. Иниціатива исходила отъ

*) „Sociogical Papers", стр. 204—205.

одного какого нибудь мыслителя—отъ Декарта, Ньютона, Вирхова, Дарвина, Пастера. Пока мы не найдемъ великаго соціолога, основываемому обществу не удастся ни установить границъ науки, ни опредѣлить ея функцій». Я слышалъ нѣчто подобное и во Франціи, прежде всего отъ Эспинаса, отчасти также отъ Дюркгейма. Очевидно, такой скептицизмъ не свойственъ тѣмъ, кто, какъ Бриджесъ, вѣритъ въ созданіе верховыхъ столбовъ на пути соціологическаго знанія основателемъ положительной философіи, Контомъ. Бриджесъ высказываетъ увѣренность, что теорія трехъ стадій можетъ служить руководящей нитью для всѣхъ работъ, входящихъ въ область абстрактной науки объ обществѣ, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ и опредѣлилъ ея природу авторъ «Положительной философіи».

Съ точки зрѣнія ортодоксальнаго позитивизма—да и не одного только ортодоксальнаго,—предложеніе Дюркгейма разорвать связь соціологіи съ философіей, очевидно, не выдерживаетъ критики. «Если исторія научныхъ изобрѣтеній учитъ насъ чему-либо, справедливо замѣчаетъ Бриджесъ, то несомнѣнно тому, что нельзя производить точныхъ неучныхъ наблюденій безъ руководящей теоріи, или, другими словами, безъ прилагаемой къ работѣ гипотезы. Это справедливо даже по отношенію къ выработаннымъ уже наукамъ, а тѣмъ болѣе это примѣнимо къ наукѣ молодой, какова соціологія». Говоря это, Бриджесъ только повторяетъ высказанную еще Контомъ мысль, что всякое обобщеніе, даже теологическое или метафизическое, т. е. въ концѣ концовъ ложное, лучше той умственной анархіи, въ которой, въ его время, столько же какъ и въ наше, производились и производятся спеціальныя изслѣдованія въ области обществовѣдѣнія.

Очевидно, что такія соображенія имѣютъ вѣсъ только въ глазахъ тѣхъ, кто думаетъ, что должны существовать законы общественной эволюціи, или, что то же, историческіе законы. Но въ числѣ мыслителей, мнѣніе которыхъ было спрошено составителями сборника, оказался и нѣкій д-ръ Эмиль Рейхъ, выразившій рѣшительное сомнѣніе въ томъ, чтобы можно было добиться установленія такихъ законовъ. «Бокль, пишетъ онъ, составилъ себѣ неправильное представленіе объ исторіи, такъ какъ вѣрилъ въ возможность существованія въ ней законовъ. Во времена Бокля, люди были увлечены успѣхами науки и вѣрили, что и исторія будетъ имѣть судьбу физики или біологіи. Они надѣялись и въ ней открыть законы. Бокль искалъ ихъ; онъ думалъ, что открытіе ихъ есть верхъ мудрости. Но на дѣлѣ такихъ законовъ нѣтъ: историческій законъ имѣлся бы на лицо въ томъ случаѣ, если бы мы могли доказать, напримѣръ, что такъ какъ въ Англіи было три правящихъ династіи, то въ Ирландіи должно быть именно такое, а не бóльшее число. Но такихъ законовъ нѣтъ и слѣда. Исторія находится въ вѣчномъ движеніи. Она никогда не повторяется. Есть въ ней такое неизвѣстное, которое нельзя открыть простымъ анализомъ фактовъ».

Англійскіе соціологи, собравшіеся для обсужденія вопроса о природѣ и задачахъ новой науки, обнаружили свою терпимость, свое уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, выслушавъ спокойно и только что приведенное. Оно нашло даже

нѣкоторую поддержку со стороны д-ра Шадуортса-Годжсона. По примѣру Фюстель-де-Куланжа, онъ не прочь былъ также сводить соціологію къ одной исторіи, что не мѣшало ему затѣмъ высказать нѣсколько противорѣчивое положеніе, что соціологія—спеціальная наука, зависящая отъ психо-физіологіи. Вѣдь психо-физіологія занимается рѣшеніемъ вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи сознаніе стоитъ къ физіологической энергіи. Всѣ человѣческія тяготѣнія, сказывающіяся въ области исторіи—соціологіи, имѣютъ поэтому свой корень въ явленіяхъ, объясняемыхъ психо-физіологіей (стр. 211). Д-ръ Робертсонъ, возражая противъ этой попытки обосновать соціологію исключительно на психологіи, настаивалъ на той мысли, что соціологія имѣетъ дѣло съ историческимъ опытомъ, опытомъ, поставленномъ намъ предшествующей исторіей общества. И этотъ-то опытъ и долженъ подвергнуться такому же научному изслѣдованію, какому подлежатъ предметы другихъ наукъ, напр., естественныхъ. Это не значитъ, конечно, чтобы соціологу не приходилось искать частичнаго объясненія нѣкоторыхъ явленій, скажемъ реформаціи, и въ психологіи. Соціологія несомнѣнно, будетъ обращаться за содѣйствіемъ и къ другимъ наукамъ, но это не помѣшаетъ ея самостоятельности (стр. 214).

Соціологическое общество въ Лондонѣ запросило, между прочимъ, Барта и Фулье. Первый высказался въ томъ смыслѣ, что законы соціологіи должны быть психическаго характера, такъ какъ основу всякой исторіи даетъ человѣческая воля, стремящаяся превозмочь всѣ препятствія, какія ставитъ ей природа. Что касается до Фулье, то въ своемъ отвѣтѣ онъ отмѣтилъ ранѣе имъ высказанную мысль, что соціологія имѣетъ дѣло не съ одними индивидуальными актами, но и съ массовыми движеніями, съ феноменами, зарождающимися въ нѣдрахъ самаго общества.

Поэтому ей приходится заниматься законами психологическаго взаимодѣйствія въ такой же степени, какъ и законами авто-детерминизма со стороны цѣлаго общества. Содержаніе соціологіи составитъ поэтому изученіе функцій и органовъ соціальнаго тѣла, ихъ зарожденія, принятыхъ ими формъ, проникающаго ихъ самосознанія и тѣхъ реакцій, которыя порождаются этимъ самосознаніемъ. Отъ соціологіи Фулье желалъ бы обособить этику, т.-е. нравственную оцѣнку цѣлей, преслѣдуемыхъ обществомъ. Оттѣняя болѣе опредѣленно специфическія особенности своей доктрины, Фулье настаиваетъ на томъ, что существенную характеристику общества составляетъ постепенное его видоизмѣненіе подъ вліяніемъ его собственныхъ идей и идеаловъ, подъ вліяніемъ тѣхъ идей-силъ, которымъ французскій мыслитель посвятилъ ранѣе отдѣльную монографію. Съ другой стороны, мы можемъ сказать, что общество представляетъ намъ картину постояннаго авто-детерминизма. По мнѣнію Фулье, признаніе идей-силъ позволило бы признать за обществомъ извѣстную свободу въ осуществленіи своихъ высшихъ функцій; она позволила бы смотрѣть на него, какъ на живой организмъ, который, при осуществленіи своихъ высшихъ функцій, постоянно додѣлываетъ самого себя. Эти соображенія не позволяютъ Фулье послѣдовать за Контомъ и Спенсеромъ въ признаніи, что методъ естественныхъ наукъ и естественно-научныя концепцій могутъ быть цѣликомъ

приложены къ наукѣ объ обществѣ. Элементъ сознательности привноситъ въ соціальные феномены нѣчто чуждое тѣмъ, которыми занимаются естественныя науки. Все это имѣетъ то послѣдствіе, что въ области обществовѣдѣнія можно найти лишь небольшое число основныхъ законовъ причинности и несравненно большее законовъ второстепенныхъ. Эти первичные законы окажутся имѣющими большое сродство, съ одной стороны, съ законами біологическими, съ другой—съ психологическими. Но это не помѣшаетъ имъ имѣть нѣкоторую оригинальность и самостоятельное значеніе. Я не думаю, что приведенное мнѣніе Фулье можетъ выяснить тѣ недоразумѣнія, какія оставили въ умахъ соціологовъ его предшествующія разсужденія на ту же тему. Между свободою воли и детерминизмомъ трудно вставить что-нибудь третье, и заявленіе Фулье, что общество сохраняетъ свою свободу, но что эта свобода въ то же время не равнозначительна съ свободою воли, вѣроятно, останется непонятымъ. Идеи-силы въ концѣ концовъ будутъ сведены къ болѣе простымъ факторамъ, какими окажутся, съ одной стороны, поступательное развитіе знанія, абстрактнаго и прикладного, а съ другой стороны—осложненіе потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію, подъ вліяніемъ растущей густоты населенія и обусловленныхъ успѣхами знанія модификацій въ орудіяхъ производства. Сами чувствованія измѣнятся подъ вліяніемъ этого взаимодѣйствія знаній и желаній. Говоря, что соціологическіе законы окажутся стоящими въ близкомъ отношеніи къ біологическимъ и психологическимъ, Фулье высказываетъ болѣе или менѣе общее убѣжденіе современныхъ обществовѣдовъ и продолжаетъ традицію не только Спенсера, но и Конта.

Меньше оригинальности вносятъ въ пониманіе задачъ соціологіи такіе последователи доктринъ Конта, какъ извѣстный историкъ экономическихъ ученій Ингрэмъ, и сторонники экономическаго матеріализма, какъ Лоріа. Лоріа повторяетъ не разъ уже высказанную имъ увѣренность, что экономическая интерпретація есть единственная, поставившая пока «солидную массу согласныхъ и координированныхъ доктринъ», доктринъ, которымъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи присущъ былъ вполнѣ научный характеръ. Наоборотъ, энциклопедическія, какъ онъ выражается, соціологіи, которыя за разными факторами или феноменами, изучаемыми отдѣльными общественными науками, признавали равное значеніе въ выясненіи причинъ общественнаго строя и развитія, не въ состояніи были поставить ничего, кромѣ крайне неопредѣленныхъ обобщеній и неточной систематизаціи. Надо сказать однако, что Лоріа далеко не представляетъ еще самаго крайняго выраженія той доктрины, которая внѣ экономики не ищетъ объясненія ни для успѣховъ знанія, ни для развитія искусства. Онъ допускаетъ, вмѣстѣ съ Лабріола, возможность нѣкотораго позднѣйшаго саморазвитія въ этихъ двухъ областяхъ и возводитъ только корни ихъ къ условіямъ производства обмѣна и, въ частности, къ той постепенной аппропріаціи свободныхъ къ занятію земель, которая въ его системѣ даетъ ключъ къ толкованію всѣхъ явленій общественности.

Я, разумѣется, не привелъ и десятой части всѣхъ тѣхъ мнѣній, какія высказаны были различными мыслителями, спрошенными вновь возникшимъ

обществомъ въ Лондонѣ о природѣ и задачахъ той науки, которой оно собирается служить. Справка имѣла свое значеніе: оно показало лишній разъ, что мы далеко не имѣемъ еще дѣла съ вполнѣ сложившейся соціологической доктриной, что имѣются только различныя и непримиримыя между собою системы. Одни не прочь отрицать самую пользу новой отвлеченной науки объ обществѣ, другіе смѣшиваютъ ее съ философіей исторіи, третьи считаютъ ее придаткомъ къ біологіи и въ особенности къ психо-физіологіи, четвертые думаютъ, что въ экономикѣ уже имѣются достаточныя данныя для объясненія какъ современной структуры, такъ и всего хода развитія общества. И одни только послѣдователи Конта сохраняютъ увѣренность въ томъ, что соціологія есть уже наука, имѣющая свои самостоятельные законы и прежде всего законъ трехъ стадій: смѣны теологическаго міросозерцанія метафизическимъ и, наконецъ, научнымъ. Замѣчательно, что въ Англіи, которой принадлежитъ, какъ и можно было этого ожидать, большинство спрошенныхъ лондонскимъ обществомъ мыслителей, не послышалось ни одного голоса въ пользу признанія органической теоріи общества, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ ее Гербертъ Спенсеръ. Въ томѣ, заключающемъ въ себѣ цѣлыхъ 300 страницъ, едва одна отведена оцѣнкѣ вліянія, оказаннаго Спенсеромъ на ходъ развитія соціологіи. Невольно зарождается въ умѣ сомнѣніе въ достаточной отрѣшенности спрошенныхъ мыслителей отъ интересовъ одной ближайшей современности. Я радъ тому, что въ приложеніи, въ которомъ собраны отзывы печати о движеніи, поведшемъ къ созданію соціологическаго общества въ Лондонѣ, точно преднамѣренно подчеркиваетъ неблагодарность новаго общества къ тѣни человѣка, который, можно сказать, одинъ создалъ въ Англіи все движеніе въ пользу соціологіи. Почти всѣ эти отзывы начинаются съ упоминанія печальнаго факта кончины Герберта Спенсера и услугъ, оказанныхъ имъ соціологіи. Нѣкоторыя газеты отмѣчаютъ тотъ символическій въ ихъ глазахъ фактъ, что основаніе новаго соціологическаго общества совпадаетъ съ смертью Герберта Спенсера. Будемъ надѣяться, что въ ближайшихъ трудахъ молодого общества мы найдемъ болѣе уважительное отношеніе къ этому начинателю.

II.

Еслибъ въ отпечатанномъ сборникѣ не было ничего другого, кромѣ передачи современнаго разномыслія по вопросу о природѣ соціологіи, о немъ можно было бы и не поднимать рѣчи. Но два отдѣла «Соціологическихъ мемуаровъ» лондонскаго общества посвящены разсмотрѣнію двухъ основныхъ вопросовъ: одного—біо-соціологическаго, другого — соціологическаго въ тѣсномъ смыслѣ слова. Постановкой перваго мы обязаны Франсису Гальтону. Гальтонъ недавно пожертвовалъ значительную сумму денегъ на созданіе каѳедры, преслѣдующей задачу изученія этой новой науки, которой онъ является ревнителемъ. Опредѣленіе даваемое имъ этой наукѣ, слѣдующее: «Ея задача,—говоритъ онъ,—содѣйствовать устройству брачныхъ союзовъ, способныхъ увеличить число даро-

витыхъ людей». На каѳедру ассигновано 1.500 фунтовъ; преподаваніе должно происходить въ лондонскомъ университетѣ.

Въ мемуарѣ, представленномъ Гальтономъ соціологическому обществу, онъ настаиваетъ на той мысли, что съ помощью статистики возможно рѣшить вопросъ о томъ, какіе браки обусловливаютъ собою зарожденіе особенно даровитыхъ или, какъ онъ выражается, «efficient» потомковъ. Соціологическое общество призывается впрочемъ, не къ одному этому, но также къ распространенію въ обществѣ знаній о законахъ наслѣдственности и къ дальнѣйшему ихъ изученію. Гальтонъ утверждаетъ, что мало людей даютъ себѣ отчетъ въ томъ, какіе успѣхи сдѣланы въ послѣднее время статистическимъ выясненіемъ роли наслѣдственности, тѣмъ, что онъ называетъ «actuarial side of heredity». Задачей той же новой науки должно быть историческое изслѣдованіе вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ различные классы общества (при установленіи которыхъ принятъ критерій гражданской полезности) участвовали въ ростѣ населенія у древнихъ и новыхъ націй. Есть, пишетъ онъ, большое вѣроятіе въ томъ, что ростъ и упадокъ народовъ тѣсно связанъ съ этимъ вопросомъ. Тенденціей высшей культуры является, повидимому, упадокъ рождаемости высшихъ классовъ, причины чего далеко еще не вполнѣ выяснены. Гальтонъ полагаетъ, что одна изъ нихъ—та же, какую можно наблюдать у многихъ дикихъ животныхъ, попавшихъ въ зоологическіе сады; изъ сотенъ и тысячъ породъ, такимъ образомъ укрощенныхъ, весьма немногія при лишеніи свободы и упраздненіи необходимости борьбы за существованіе, оказываются способными къ дѣторожденію. Тѣ, которыя отвѣчаютъ этому условію, рано или поздно становятся ручными.

«Весьма вѣроятно,—пишетъ Гальтонъ,—что существуетъ нѣкоторая зависимость между отмѣченнымъ явленіемъ и исчезновеніемъ дикарей, вступившихъ въ близкое отношеніе къ высшей цивилизаціи, хотя имѣются этому и другія, параллельно дѣйствующія и хорошо выясненныя, причины». Тогда какъ большинство дикихъ и варварскихъ расъ исчезаетъ, негры продолжаютъ размножаться. Можно поэтому расчитывать, думаетъ Гальтонъ, что окажутся такія расы, которыя не теряютъ производительности и при высшей цивилизаціи, которыя могутъ даже сдѣлаться болѣе производительными при искусственныхъ условіяхъ, какъ это имѣетъ мѣсто съ домашними животными. Задачею преподаванія, какъ и научнаго изслѣдованія, должно быть также собраніе возможно большого числа фактовъ, указывающихъ на обстоятельства, при которыхъ большія и успѣшныя семьи обыкновенно возникали. Успѣшной семьей Гальтонъ считаетъ такую, въ которой дѣти получили высшее положеніе, чѣмъ унаслѣдованное ими въ ранней молодости; крупными же семьями—тѣ, въ которыхъ имѣется болѣе трехъ дѣтей-мужчинъ. Въ доказательство той мысли, что такія работы могутъ быть выполнены, Гальтонъ представляетъ мемуаръ, составленный имъ самимъ на основаніи отвѣтовъ, полученныхъ отъ членовъ королевскаго общества наукъ въ Лондонѣ. Половина всего ихъ числа (454) прислала Гальтону данныя о своихъ семьяхъ въ прошломъ и настоящемъ. На основаніи этихъ данныхъ онъ могъ установить тотъ фактъ, что можно на раз-

стояніи полутора столѣтія найти въ однихъ и тѣхъ же семьяхъ чередованіе даровитыхъ людей. Наиболѣе характерный примѣръ изъ приводимыхъ имъ представляетъ семья Дарвина. Дѣдъ извѣстнаго натуралиста, Эразмъ Дарвинъ (1731—1802), былъ медикомъ, поэтомъ и философомъ. Отецъ автора «Происхожденія видовъ», Уорингъ Дарвинъ (1766—1848), также былъ медикомъ и охарактеризованъ своимъ сыномъ названіемъ «мудрѣйшаго изъ людей, съ какимъ ему приходилось встрѣчаться». Къ семьѣ Дарвина принадлежитъ и братъ послѣдняго Карлъ Дарвинъ (1758—1778), получившій первую золотую медаль за экпериментальныя работы отъ «Общества Эскулапа». Братъ Дарвина Эразмъ, также представленъ въ письмахъ Чарльза Дарвина выдающимся человѣкомъ. Въ семьѣ матери перваго Дарвина мы находимъ Джозіа Веджвуда (1730—1795), знаменитаго основателя фабрики фаянсовыхъ издѣлій, и Томаса Веджвуда (1771—1805), одного изъ первыхъ изобрѣтателей фотографіи наконецъ, въ нисходящихъ поколѣніяхъ, въ обѣихъ семьяхъ мы находимъ выдающихся людей: трое изъ сыновей Дарвина—члены королевскаго общества наукъ, къ семьѣ же Веджвудовъ принадлежитъ авторъ «Этимологическаго словаря», Генсли Веджвудъ; по матери въ родствѣ съ Дарвиными стоитъ и Франсисъ Гальтонъ (род. 1822), авторъ мемуара и ряда сочиненій, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуется его монографія «О наслѣдственномъ геніи» отъ 1869 г. и двѣ другія работы о человѣческихъ способностяхъ и о «Естественной наслѣдственности», послѣднее отъ 1889 года.

Мемуаръ Гальтона вызвалъ въ высшей степени интересныя пренія, въ которыхъ подвергнута была сомнѣнію возможность достигнуть ожидаемыхъ результатовъ съ помощью статистическаго метода. Весьма любопытно соображеніе д-ра Маудсли. «Занимаясь значительную часть моей жизни вопросомъ о вліяніи наслѣдственности,—сказалъ онъ,—я, наравнѣ съ другими, имѣлъ случай отмѣтить тотъ фактъ, что рядомъ съ дѣтьми, напоминающими отца, мать или болѣе отдаленнаго предка, мы въ одной и той же семьѣ встрѣчаемъ такихъ, которыя никого не напоминаютъ. При современномъ состояніи знанія мы не можемъ дать ни малѣйшаго объясненія причинъ этого уклоненія. Возьмите для примѣра Шекспира. Онъ, сынъ родителей, ничѣмъ не отличавшихся отъ своихъ сосѣдей. У него было 5 братьевъ, изъ которыхъ ни одинъ ничѣмъ не выдавался. Изъ моей продолжительной практики, какъ медика, я могъ бы указать явленія, совершенно однохарактерныя. И вотъ, чтобы объяснить такіе факты, намъ необходимо будетъ пойти несравненно болѣе вглубь вопроса и остановиться на изученіи такихъ зародышныхъ тѣльцевъ, какъ атомъ, электронъ или какимъ бы другимъ именемъ они не назывались; эти-то тѣльца и окажутся подлежащими могущественнымъ вліяніемъ физическимъ и умственнымъ въ процессѣ своего образованія и позднѣйшей комбинаціи. Въ этихъ то факторахъ и лежитъ, по моему, ключъ къ объясненію того, почему одни члены семьи возвысились надъ общимъ уровнемъ, а другіе—нѣтъ». Сравнивать эти явленія съ процессомъ усовершенствованія породъ животныхъ кажется Маудсли ошибочнымъ, такъ какъ процессъ въ первомъ случаѣ осложняется умственными состояніями. Это заставляетъ его предупреждать отъ поспѣшности вы-

водовъ и не предлагать правилъ къ искусственному усовершенствованію человѣческой породы. «Я не вполнѣ увѣренъ, — заключилъ Маудсли, — что природа, порождая чувство привязанности, не устраиваетъ союзъ половъ лучше, чѣмъ могли бы сдѣлать это мы по соображенію съ тѣми, весьма несовершенными, принципами, какими мы пока располагаемъ». Въ числѣ приславшихъ мемуары по тому же вопросу мы находимъ д-ра Десли Макензи, медицинскаго инспектора при бюро мѣстнаго управленія въ Шотландіи. Онъ высказываетъ увѣренность въ томъ, что когда къ грубымъ методамъ практической гигіены присоединена будетъ точность антропологическаго изслѣдованія, легко будетъ найти въ школахъ обильный матеріалъ для тѣхъ работъ о вліяніи наслѣдственности, на которыхъ настаиваетъ Гальтонъ. На преніяхъ отразилось также вліяніе новѣйшихъ доктринъ Вейсмана. Д-ръ Аргдиль Рейдъ настаивалъ на томъ, что пріобрѣтенныя особенности не передаются по наслѣдству, что поэтому еще вопросъ, переходитъ ли къ потомку доброе или дурное здоровье родителей. Нисколько не доказано, чтобы дѣти жителей трущобъ представляли менѣе жизненный типъ, нежели дѣти только что переселившихся въ городъ поселянъ. Трущобная жизнь вліяетъ на здоровье индивида, но прямо не воздѣйствуетъ на происшедшее отъ него потомство. Въ томъ же направленіи можно указать на то, что малярія, которой страдаетъ столько негровъ, не повела къ упадку ихъ жизненнаго типа. Можно сказать даже болѣе: жители сѣверной Европы, которые въ теченіе стольких столѣтій и даже тысячелѣтій страдали отъ чахотки, породили потомство, менѣе подверженное этой болѣзни, очевидно, въ виду того, что ея избѣжали только наиболѣе способныя къ борьбѣ съ нею особи. Прилагая эту точку зрѣнія, Рейдъ настаивалъ на томъ, что дикія расы вырождаются, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ измѣненія физическихъ условій, дѣлающихъ ихъ беззащитными по отношенію къ инфекціоннымъ болѣзнямъ: платье, посѣщеніе церквей и школъ гибельно повліяло на тасманійцевъ; у нихъ даже составился, за нѣсколько лѣтъ до совершеннаго ихъ исчезновенія, тотъ взглядъ, что добропорядочные люди, т.-е. ходившіе въ церковь, непремѣнно умираютъ молодыми. Негры, способные переносить малярію, вымираютъ отъ чахотки, чѣмъ и надо объяснить, что число ихъ не могли размножиться ни въ Европѣ, ни въ Азіи. Изъ 12.000, ввезенныхъ въ Цейлонъ голландцами и англичанами лѣтъ 100 тому назадъ, въ 20 лѣтъ почто всѣ погибли отъ чахотки, а между тѣмъ на этомъ островѣ чахотка далеко не свирѣпствуетъ такъ, какъ въ сѣверной Европѣ.

Безплодность расъ Новаго Свѣта, входящихъ въ соприкосновеніе съ цивилизаціей, обусловливается, по мнѣнію Рейда, почти исключительно болѣзнями, безплодіе же нашихъ высшихъ классовъ—добровольное и сознательное. Намъ часто говорятъ о томъ, что нѣтъ городской семьи, которая бы не вымерла послѣ 4-хъ поколѣній, безъ примѣси сельской крови; но истинно то, что сельская кровь не усиливаетъ жизнеспособности, а только уменьшаетъ ее, такъ какъ сельское населеніе менѣе освободилось отъ слабыхъ элементовъ, чѣмъ городское. Если бы дурныя физическія условія приносили вредъ не одному только индивиду, а всей расѣ, никакая цивилизація не была бы мыс-

лима, а послѣдовало бы вымираніе. Въ дѣйствительности же устраненіемъ неспособныхъ выдержать эти условія послѣднія закаляютъ расу противъ вредныхъ физическихъ вліяній. Поэтому, если мы желаемъ поднять уровень нашей расы, мы должны сдѣлать это двоякимъ образомъ: мы должны, во-первыхъ, усовершенствовать условія, въ которыхъ развивается индивидъ и сдѣлать его тѣмъ самымъ болѣе совершеннымъ животнымъ. Во-вторыхъ, мы должны ограничить по возможности бракъ между физически и умственно неспособными. Совершенствуя же только условія, въ которыхъ живутъ люди, мы совершенствуемъ одного индивида, а не расу.

Эти замѣчанія Рейда встрѣтили отпоръ въ Робертсонѣ. Невозможно, говорилъ онъ, обособить новую науку, задуманную Гальтономъ, отъ политики въ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ дурныя физическія и нравственныя условія, порождаемыя бѣдностью,—дурная пища, дурное жилье, недостаточная одежда, половая неумѣренность, съ одной стороны, и отсутствіе знаній на счетъ лучшаго способа выращиванія дѣтей—съ другой, въ значительной степени обусловливаютъ наступленіе тѣхъ послѣдствій, какихъ желалъ бы избѣжать Гальтонъ. Настоящая причина роста и упадка націй, въ глазахъ Робертсона, зависитъ отъ физической обстановки и отъ политическаго руководительства. Римъ поднялся и палъ не отъ производительности или непроизводительности его высшихъ классовъ, а оттого, что экономическія условія сперва содѣйствовали, а потомъ препятствовали производительности. Обезлюденіе Италіи въ эпохи имперіи и Греціи, слѣдовавшія за Александромъ, было результатомъ не физіологическаго, а экономическаго процесса. Робертсонъ протестовалъ также противъ смѣшенія физически совершеннаго типа съ большими умственными способностями. Многіе великіе люди, какъ, напр., Ньютонъ или Вольтеръ, были физически очень слабы въ молодости; другіе, какъ Кальвинъ, Спенсеръ, Гейне, Стивенсонъ, были хроническими больными. Безумно было бы, однако, препятствовать размноженію такихъ лицъ, воздерживая ихъ отъ брака.

Полемика, вызванная сообщеніемъ Гальтона, такимъ образомъ не рѣшила вопроса, что надо считать слѣдствіемъ, а что причиной: экономическую ли необезпеченность или физическое вырожденіе, и чѣмъ, слѣдовательно, можетъ быть всего болѣе обезпечено усовершенствованіе человѣческой породы: брачнымъ соединеніемъ людей высшаго физическаго и нравственнаго типа или усовершенствованіемъ матеріальной и нравственной обстановки народныхъ массъ. На Гальтона эти пренія, повидимому, произвели невыгодное впечатлѣніе, такъ какъ въ его отвѣтѣ мы находимъ, между прочимъ, ту мысль, что многія изъ сдѣланныхъ ему возраженій имѣли силу лѣтъ 70 тому назадъ и совершенно потеряли ее въ настоящее время, послѣ того, какъ статистическими пріемами установлено было дѣйствіе наслѣдственности. Любопытно, что, при оцѣнкѣ въ печати характера преній, большинство рецензентовъ стало на сторону Гальтона. Невѣрныя представленія о вліяніи наслѣдственности, столь распространенныя въ обществѣ, приписывались при этомъ печатью вліянію романовъ Золя. Правда, прибавлялъ одинъ изъ обозрѣвателей, согласно установленному Гальтономъ закону регрессіи къ посредственности, дѣти генія, оставаясь на

среднемъ уровнѣ, обнаруживаютъ тенденцію къ упадку, тогда какъ дѣти преступника, хотя и представляютъ нравственный уровень болѣе низкій, чѣмъ средній, тѣмъ не менѣе не могутъ считаться столь же черными, какъ ихъ родитель. Но все же это не доказываетъ, чтобы въ интересахъ общества не было содѣйствовать размноженію геніевъ и святыхъ, атлетовъ и артистовъ въ большей степени, чѣмъ идіотовъ и преступниковъ, слабосильныхъ и филистеровъ.

III.

Не столько горячіе дебаты, сколько дружный хоръ похвалъ вызвало сообщеніе Геддеса, сообщеніе программнаго характера. Въ немъ этотъ возстановитель цѣлаго квартала стараго Эдинбурга старался обосновать тотъ взглядъ, что исторія гражданскаго развитія въ такой же степени, какъ и практическое рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, выиграетъ отъ внимательнаго отношенія къ тѣмъ различнымъ наслоеніямъ, какія могутъ быть обнаружены при изученіи любого историческаго города въ Англіи. Практическія стремленія Геддеса сводятся къ тому, чтобы подарить свою родину муниципіями, въ которыхъ соблюдены были бы, по возможности, всѣ условія общественной гигіены и, столько же историческія, сколько и эстетическія требованія были бы приняты въ расчетъ при возстановленіи старинныхъ зданій, отчасти также при постройкѣ новыхъ. Какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, при созданіи свободнаго университета въ Эдинбургѣ, Геддесъ до нѣкоторой степени задался и этой мыслью. Извѣстность, пріобрѣтенная имъ въ этомъ предпріятіи, заставила Карнеджи обратиться недавно къ его услугамъ и поставить въ его распоряженіе полъ-милліона фунтовъ стерлинговъ (5 милліоновъ рублей) для того, чтобы сдѣлать изъ родины американскаго милліонера, небольшого шотландскаго городка Денфермлайнъ, образцовый въ гигіеническомъ и художественномъ отношеніи поселокъ. Карнеджи, повидимому, не одинъ задается такими цѣлями; болѣе практическія задачи преслѣдуетъ, напр. предпріятіе фирмы братьевъ Леверъ, которые, пользуясь низкимъ уровнемъ ренты въ Урингтонѣ, рѣшились перенести въ него изъ города свои фабричныя заведенія и обратить этотъ поселокъ въ образцовое въ гигіеническомъ отношеніи рабочее селеніе, самое названіе котораго Портъ Солнечнаго Свѣта—уже вызываетъ въ умѣ представленіе о разрывѣ съ фабричнымъ чадомъ и такъ дружно сопвовождающимъ его туманомъ. Всѣ эти недавніе опыты приняты въ расчетъ при составленіи Геддесомъ его доклада о задачахъ новой науки, для которой придумано имъ и новое названіе: «civics», въ смыслѣ городского быта. Въ докладѣ намѣчены въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ вопросы, частью географическаго характера, частью историческаго, какіе вызываетъ знакомство съ внѣшнимъ видомъ городовъ, и сдѣлана попытка указать преемство различныхъ ихъ типовъ, начиная отъ городища и оканчивая современными центрами міровой торговли и міровыхъ финансовыхъ оборотовъ. По мѣрѣ эволюціи города мѣнялся, очевидно, не одинъ только его внѣшній видъ: мѣнялся и составъ населенія, возникали новыя отношенія между образующими его сословіями и классами. Мы

въ правѣ поэтому сказать, что изученіе современнаго города съ точки зрѣнія удержавшихся въ немъ переживаній можетъ представить примѣръ удачнаго пользованія индуктивнымъ методомъ въ области обществовѣдѣнія. Но, очевидно, оно не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, знакомство съ которыми сдѣлалось бы возможнымъ при ближайшемъ ознакомленіи съ условіями быта городского населенія вообще и въ частности рабочаго пролетаріата. Поэтому, нѣкоторыя изъ лицъ, присутствовавшихъ при докладѣ Геддеса, справедливо указывали на то, что методъ анкеты, пущенный въ ходъ Бутсомъ при изученіи лондонскихъ трущобъ, методъ, позволившій ему издать цѣлыхъ два тома о положеніи трудящагося люда въ Лондонѣ, также входитъ въ число задачъ этой новой вѣтви обществовѣдѣнія, какой представляется проповѣдуемая Геддесомъ наука, «civics». Другіе, еще съ большимъ основаніемъ, указывали, что поле изслѣдованія можетъ быть въ этой области еще расширено, напр. постановкой вопроса о томъ, насколько возможна децентрализація промышленности и отливъ рабочаго населенія изъ городовъ въ села. Этотъ вопросъ, затронутый уже въ недавней книгѣ Вандервельда, находитъ себѣ въ Англіи попытки практическаго рѣшенія въ такихъ фактахъ, какъ упомянутый уже мною переносъ въ деревню промышленнаго предпріятія братьевъ Леверъ и созданіе ими цѣлаго рабочаго поселка. Нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя на этотъ счетъ, заслуживаютъ быть отмѣченными. Они свидѣтельствуютъ о тѣхъ заботахъ, какія новѣйшая эволюція капитализма вызываетъ въ лицахъ, проникшихся сознаніемъ опасности самаго вырожденія расы въ томъ случаѣ, если не принято будетъ нѣкоторыхъ мѣръ, задерживающихъ гибельныя послѣдствія скучиванія для здоровья и жизни рабочихъ. Поддерживая принципъ, высказанный Геддесомъ, Эбенезеръ Гауердъ, основатель ассоціаціи по устройству т. наз. garden-city, т. е. «снабженнаго садами города», считалъ возможнымъ заявить, что децентрализація промышленности въ настоящее время—вопросъ на очереди. Основаніе такихъ образцовыхъ рабочихъ поселковъ, какъ Портъ Солнечнаго Свѣта, Бурнвиль и Садовый Градъ (garden-city), могутъ считаться только первыми опытами въ этомъ родѣ. Говоря въ частности о руководимомъ имъ же предпріятіи, Гауердъ сообщилъ о немъ слѣдующія интересныя данныя: 3.800 гектаровъ, т. е. площадь въ 10 разъ большая, чѣмъ та, которая занята Бурнвилемъ или Портомъ Солнечнаго Свѣта, пріобрѣтены въ Герфордширѣ, въ двухъ миляхъ отъ Гитчина. Деньги уплочены были созданной Гауердомъ ассоціаціей. При распланированіи новаго поселенія принята въ расчетъ необходимость сохранить всѣ природныя красоты мѣстности, живописно расположенной среди деревьевъ поселковъ Нортонъ и Уильямъ. Въ то же время принято въ расчетъ удобство сообщенія съ желѣзной дорогой и создана по соглашенію съ «Большой сѣверной компаніей», особая станція. Продолжены также шоссейные пути, дѣлающіе возможнымъ сообщеніе отдѣльныхъ частей площади; обезпечена обильная и хорошая вода, созданъ резервуаръ на приличной высотѣ, устроена система дренажа, отведена площадь подъ парки и подъ игры; наконецъ, приступлено къ постройкѣ рабочихъ жилищъ для 30.000 душъ, жилищъ, окруженныхъ садами. Часть этихъ коттеджей строится не ассоціа-

ціей, а частными лицами. Въ проектъ входитъ также постройка школъ, церквей и другихъ публичныхъ зданій, и устройство электрическаго освѣщенія.

Изъ всего сказаннаго доселѣ русскій читатель въ правѣ заключить, что вновь возникшее въ Лондонѣ общество намѣрено преслѣдовать не одни теоретическія цѣли, но и задачи практическія. Конкретная соціологія, повидимому, будетъ даже главнымъ занятіемъ того круга лицъ, который собрался вокругъ Вебба и Бутса и нашелъ въ лондонской школѣ общественныхъ наукъ, устроенной и руководимой первымъ, свой ближайшій центръ. Лондонское общество соціологовъ не чуждается однохарактерныхъ предпріятій, ранѣе его возникшихъ на континентѣ Европы. Оно состоитъ въ письменныхъ сношеніяхъ съ соціологическимъ обществомъ въ Парижѣ и приглашаетъ международный институтъ соціологовъ созвать свой ближайшій конгрессъ въ Лондонѣ, въ стѣнахъ его университета. Если принять во вниманіе возникновеніе за послѣдніе 15 лѣтъ, вслѣдъ за международнымъ институтомъ соціологіи и его первыми конгрессами, соціологическаго общества въ Парижѣ, имѣющаго свой особый органъ въ «Международномъ журналѣ соціологіи», издаваемомъ Вормсомъ; открытіе курсовъ по соціологіи въ двухъ школахъ общественныхъ наукъ, имѣющихся въ Парижѣ; изданіе въ Италіи трехъ журналовъ, посвященныхъ соціологіи, изъ которыхъ одинъ—«Rivisto internationale di sociologia»—также носитъ международный характеръ; включеніе въ задачи такихъ обществъ какъ напр., общество сравнительнаго законовѣдѣнія въ Берлинѣ, между прочимъ, и чисто соціологическихъ изслѣдованій; наконецъ, изданіе весьма полной библіографіи по общественнымъ наукамъ въ Парижѣ однимъ изъ лучшихъ французскихъ соціологовъ, Дюркгеймомъ,—то можно будетъ сказать, что интересъ къ соціологіи, по крайней мѣрѣ на Западѣ Европы—прибавлю также: въ Америкѣ, гдѣ въ Чикаго издается «Американскій журналъ соціологіи»—значительно возросъ за послѣднее время. Ежегодно выбрасывается на книжный рынокъ не мало сочиненій, въ которыхъ слова «соціальный» и «эволюція» красуются не на одномъ заголовкѣ. Правда, le pavillon ne couvre pas toujours la cargaison, но намѣренія все-таки остаются похвальными. Возрожденіе идеализма, такимъ образомъ, повидимому не служитъ препятствіемъ къ успѣшному развитію соціологической литературы. Скажу болѣе: въ средѣ самихъ идеологовъ замѣтно стремленіе меньше прежняго сторониться отъ задуманной Контомъ науки. Многіе философскіе журналы включили въ свою програму и соціологію; члены метафизическихъ обществъ, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, появляются на засѣданія соціологическаго общества и даже читаютъ въ немъ свои рефераты, которые въ глазахъ соціологовъ не всегда имѣютъ желательную ясность и фактическую убѣдительность. О прежней претензіи не считаться съ «мнимонаучнымъ эмпиризмомъ и верхоглядствомъ» обществовѣдовъ болѣе не слышно ни въ средѣ философовъ, ни въ средѣ спеціалистовъ-эрудитовъ. Сама соціологія перестаетъ считаться наукой, какъ бы пріуроченной къ одному позитивизму.

Разныя школы соперничаютъ другъ съ другомъ въ попыткахъ ея обоснованія или, по крайней мѣрѣ, упроченія ея корней. Если въ настоящее время преобладающими теченіями въ ней надо признать, съ одной стороны, психо-

логическое, а съ другой—экономическое, то уже во взаимныхъ уступкахъ, дѣлаемыхъ обѣими враждующими школами другъ другу, сказывается близкое наступленіе новой эры, эта послѣдняя будетъ, вѣрнѣе, возрожденіемъ того основного взгляда, который высказанъ былъ еще Контомъ и сводится къ признанію взаимодѣйствія самыхъ разнообразныхъ причинъ,—столько же физико-біологическихъ, сколько и психо-соціальныхъ, экономическихъ, политическихъ и эстетическихъ, въ созданіи какъ структуры общества, такъ и его постепенной эволюціи. Въ настоящее время соціологи все еще спорятъ о факторахъ и о важнѣйшемъ и всеопредѣляющемъ изъ среды ихъ. Можно ждать, что въ будущемъ вполнѣ будетъ оцѣнена сложность общественныхъ явленій и, вмѣсто факторовъ, будутъ имѣть дѣло только съ фактами, воздѣйствіе которыхъ другъ на друга можетъ сказываться въ различнѣйшихъ направленіяхъ, такъ что одинъ и тотъ же феноменъ представляется одновременно изслѣдователю, съ одной стороны, причиной, а съ другой—слѣдствіемъ. При анализѣ ходячихъ въ настоящее время системъ, анализѣ, которому я посвящаю цѣлое сочиненіе, мнѣ постоянно бросалась въ глаза односторонность даваемыхъ объясненій и возможность поправки выводовъ одной школы соображеніями, представляемыми соперничающимъ съ нею направленіемъ. Если я издаю эту книгу, то въ намѣреніи подѣлиться съ другими этимъ впечатлѣніемъ, и тѣмъ самымъ содѣйствовать повороту къ той болѣе широкой и свободной схемѣ, въ которой взаимодѣйствіе различныхъ сторонъ общественной жизни признается непреложнымъ закономъ. Это-то теченіе, изъ котораго вышли важнѣйшія системы Конта и Спенсера, столь различныя между собою во многомъ, но которымъ одинаково чужды всякая узкость и исключительность. Впрочемъ, современное стремленіе къ монизму и въ области соціологіи принесетъ свою пользу. Оно сдѣлало возможнымъ проникнуть болѣе въ глубь вопроса о границахъ вліянія отдѣльныхъ причинъ общественныхъ измѣненій, и тѣмъ самымъ подготовило почву признанію, что ни одной изъ этихъ причинъ недостаточно для объясненія всѣхъ общественныхъ феноменовъ въ непрекращающемся процессѣ ихъ эволюціи.

Максимъ Ковалевскій.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

Пріемы и методы бюрократическаго творчества.—Уроки франко-прусской и русско-турецкой войнъ.—Pour la bonne bouche.

I.

Майскія книжки нѣкоторыхъ нашихъ ежемѣсячниковъ («Образованія», «Русскаго Богатства» и «Русской Мысли») даютъ намъ поводъ остановиться на этотъ разъ на темѣ о тѣхъ пріемахъ и методахъ, при помощи которыхъ бюрократія осуществляетъ свое ненасытное стремленіе къ безграничной опекѣ надъ «ввѣреннымъ ея попеченію» населеніемъ.

Тема, какъ видитъ читатель, вполнѣ современная, не потому только, что на ней, какъ будто по предварительному сговору, «съ заранѣе обдуманнымъ

намѣреніемъ», одновременно сошлись три органа общественнаго мнѣнія, но потому, главнымъ образомъ, что она касается творческой способности бюрократіи, той способности, которую въ наши дни русская бюрократія развиваетъ съ какою-то необычайной, лихорадочной энергіей, собираясь одарить Россію, «въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ», конечно, и свободой печати (коммиссія т. с. Кобеко), и свободой совѣсти (особое совѣщаніе гр. А. П. Игнатьева), и свободой стачекъ (коммиссія Коковцева), и уничтоженіемъ исключительныхъ законовъ, (совѣщаніе гр. Игнатьева), и водвореніемъ законности въ странѣ (коммиссія А. А. Сабурова) и даже народными представителями (коммиссія А. Г. Булыгина). Правда, въ той части горизонта, гдѣ давно, казалось бы, должна была загорѣться заря всѣхъ этихъ «имѣющихъ» взойти солнцъ, мутно-краснымъ пятномъ все шире и шире разростается зарево кровавыхъ дальне восточныхъ и внутреннихъ событій, но какъ бы тамъ ни было, фактъ остается фактомъ: прекрасныя намѣренія, которыми, пользуясь выраженіемъ Данта, бюрократія «вымостила» современную Россію, назрѣваютъ подъ таинственной сѣнью петербургскихъ канцелярій. И присмотрѣться къ пріемамъ и методамъ бюрократическаго творчества въ настоящій моментъ и поучительно и интересно.

Въ статьѣ «Эпизоды изъ жизни одной деревни» г. П. Мас—въ («Образованіе», № 5) даетъ нѣсколько образчиковъ благожелательныхъ мѣропріятій, которыя администрація осуществляла въ хозяйствѣ оренбургскаго казачьяго войска.

Надобно замѣтить, что казачество, вообще, излюбленное дѣтище нашей бюрократіи. Съ самаго появленія своего на свѣтъ казакъ тщательно регистрируется, переводится, по достиженіи извѣстныхъ возрастовъ, изъ разряда въ разрядъ и уже вплоть до гробовой доски становится объектомъ неусыпныхъ заботъ мѣстной и столичной администраціи. Начиная съ поселковаго атамана и кончая главнымъ управленіемъ казачьихъ войскъ, огромная іерархія административныхъ учрежденій опекаетъ каждый шагъ казака. Администрація заботится о духовномъ и физическомъ развитіи казака, слѣдитъ за его экономическимъ благосостояніемъ, вмѣшиваясь во всѣ проявленія его хозяйственной дѣятельности; она же назначаетъ ему сроки и формы отбыванія разнаго рода военныхъ и общественныхъ повинностей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, администрація беретъ на себя и выполненіе извѣстныхъ религіозныхъ функцій, причемъ власть наказнаго атамана не такъ давно еще на Уралѣ сливалась съ властью епархіальнаго архіерея. Словомъ, весь укладъ жизни казака, складъ его мысли и совѣсти до мельчайшихъ деталей предусматривается и регламентируется «приказами по войску», долженствующими замѣнить для казачества самостоятельную иниціативу, земское самоуправленіе и даже свободу печати. Предполагается, что попечительное начальство обо всемъ уже позаботилось, а если чего и не доглядѣло, то только за недосугомъ, за неотложными другими дѣлами, за которыми будетъ обдумано и то, что сейчасъ еще не досмотрѣли, а всѣ права и обязанности казака сводятся къ безусловному повиновенію.

И казакъ повинуется, повинуется и за страхъ и за совѣсть. Повинуется потому, что онъ не можетъ не повиноваться, потому что всѣмъ воспитаніемъ

своимъ онъ пріученъ только къ повиновенію и ни къ чему больше. Но вся его образцовая исполнительность не мѣшаетъ ему, какъ рабу, ненавидѣть господина своего. Прислушайтесь къ бесѣдѣ казаковъ, и вы услышите, какъ часто и теперь еще повторяютъ они старое когда-то давно имѣвшее смыслъ предостереженіе: «живи, пока тебя Москва не узнала». Москва успѣла не только узнать, но и поработить ихъ, а они все еще шепчутъ эти старыя слова, которыя теперь кажутся какимъ-то таинственнымъ и злобнымъ заклинаніемъ.

«Москва» узнала о казакахъ и вторглась въ заповѣдные предѣлы ихъ территоріи не только въ видѣ начальства, но—за послѣдніе годы,—и въ формѣ торговаго и промышленнаго капитала. Этотъ послѣдній пробиваетъ довольно-таки существенныя бреши въ неприспособившемся къ новымъ капиталистическимъ отношеніямъ первобытномъ казачьемъ хозяйствѣ. И эта разрушительная работа капитала еще болѣе разжигаетъ старую казачью непріязнь къ «Москвѣ». Все, что не принадлежитъ къ казачеству, будь это наказный атаманъ, военный министръ или ничтожный поселковый лавочникъ, заклеймено казачествомъ кличкой «мужика». И этотъ «мужикъ» процѣживается сквозь зубы казака съ такимъ же презрѣніемъ, съ такой же злобой, съ какими наши юдофобы произносятъ ненавистное имъ слово «жидъ».

Понятно, почему въ итогѣ такого воспитанія и такихъ отношеній казачество, оказавшееся, по единодушнымъ отзывамъ корреспондентовъ, совершенно непригоднымъ въ японско-русской войнѣ, гдѣ успѣхи этой иррегулярной конницы отмѣчаются лишь при отступленіяхъ, усиленно эксплуатируется теперь для несенія полицейской службы внутри страны. Здѣсь, въ «Москвѣ», казакъ «работаетъ» въ экстазѣ сладострастнаго опьяненія, и нагайка его бьетъ по «мужику» безъ промаха, не разбираясь въ тонкихъ дѣленіяхъ пола, возраста и положенія. Былъ бы «мужикъ», а кто онъ, мальчикъ-гимназистъ или старикъ—священникъ, курсистка или рабочій,—это для него безразлично: все одна «Москва», все одна «Рассея».

И этотъ же самый казакъ, который вчера еще «лихо» въ «охотку» заносилъ надъ вами широкимъ размахомъ нагайку на улицахъ «Москвы», завтра, встрѣтивъ васъ на улицѣ своей станицы, раболѣпно сниметъ фуражку и отвѣситъ вамъ низкій поклонъ. Когда намъ приходилось проѣзжать по уральскимъ станицамъ, эти отвѣшиваемые встрѣчными казаками поклоны живо напомнили намъ пребываніе въ Бѣлоруссіи, гдѣ каждый сюртукъ или пиджакъ встрѣчается униженными поклонами забитаго бѣлорусскаго мужика. Намъ бросилась въ глаза только та разница что бѣлорусскій мужикъ кланяется пиджаку просто, безъ всякихъ фокусовъ, тогда какъ уральскій казакъ въ это время, для собственнаго своего утѣшенія, неслышно шепчетъ про себя: «анделу твоему кланяюсь». Но вы понимаете, конечно, что до «андела» вашего ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, а попросту, не зная вашего общественнаго положенія, онъ предполагаетъ въ васъ какую нибудь степень близости къ чиновному міру. И если бы вы оказались чиновникомъ, то не поклониться вамъ никакъ нельзя, ибо, какую бы вы ступень въ табели о рангахъ не занимали, мѣра вашей власти надъ казаками, прямой или косвенной, столь вели-

ка, что любой земскій начальникъ въ любой русской деревушкѣ окажется передъ вами,—извините за выраженіе,—мальчишкой и щенкомъ. Чиновникъ въ войскѣ это такая сила, которая самаго здоровеннаго казака можетъ даже ненарокомъ, случайно, проглотить съ такою же непринужденной легкостью, съ какой щука, втягивая въ себя струю воды, глотаетъ нечаянно оказавшагося вблизи нея пескаря.

Объ одной такой нечаянности, къ счастью, впрочемъ, закончившейся безъ всякихъ жертвъ, съ нескрываемымъ ужасомъ на лицахъ разсказывали намъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ два старыхъ казака.

Пріѣхалъ—было въ Уральскъ вновь назначенный наказный атаманъ, одержимый неизлѣчимымъ зудомъ благожелательнаго попечительства. Дѣло было осенью, когда уральскіе казаки готовились къ *осенней плавнѣ*.

Плавня—это одинъ изъ видовъ рыболовства, привлекающій на рѣку Уралъ нѣсколько тысячъ казаковъ съ двумя или даже тремя тысячами лодокъ («бударъ») и съ огромнымъ обозомъ, который тянется вдоль рѣки вслѣдъ за рыболовами. Рѣка дѣлится на части, и каждую часть ея («рубежъ») казаки разрабатываютъ всѣ вмѣстѣ, по сигналу изъ пушки. Рыба въ плавню вылавливается дорогая, главнымъ образомъ, «красная» (осетры, бѣлуги, шипы), которая въ это время лежитъ на днѣ рѣки въ какомъ-то полусонномъ состояніи. По разработкѣ «рубежа», лодки вытаскиваютъ на берегъ и идутъ дальше, до слѣдующаго рубежа, съ обозомъ, въ которомъ, кромѣ рыбаковъ-казаковъ и ихъ семей, находятся рабочіе—киргизы, наблюдающіе за лошадьми, и «мужики»—скупщики рыбы, а то и просто зрители.

Такъ вотъ, на такую «плавню» отправился, вмѣстѣ съ обозами, и новый наказный атаманъ.

Въ одну изъ остановокъ онъ шелъ по берегу, окруженный свитой, въ числѣ которой находился, между прочимъ, и областной ветеринарный врачъ, отличавшійся не столько своими спеціальными познаніями, сколько удивительнымъ умѣніемъ быть всегда на глазахъ у благопопечительнаго начальства.

Идутъ.

А свита, между тѣмъ, всячески занимаетъ новаго атамана поучительными разговорами.

Не пожелалъ отстать отъ другихъ и ветеринаръ. И вотъ, наткнувшись на одно нечистоплотное мѣсто, онъ останавливаетъ сановника.

— Видите, ваше пр-во?

— Ну?—недоумѣвающе вопрошаетъ атаманъ, брезгливо осматривая нечистоплотное мѣсто.

— Взгляните, ваше пр-во, и вы увидите непереваренное просо. Это результатъ казачьей нехозяйственности, которая граничитъ съ непозволительной расточительностью. Казаки кормятъ лошадей просомъ, которое, какъ изволите видѣть, лошади совершенно не переваривають, выбрасывая его вмѣстѣ съ испражненіемъ въ совершенно неразрушенномъ видѣ. Конечно, просо даетъ на мѣстной почвѣ богатые урожаи, но изъ этого не слѣдуетъ, что надо тутъ же, на мѣстѣ, и потреблять его...

Одного намека ученаго спеціалиста достаточно было, чтобы попечительный начальникъ понялъ, въ чемъ дѣло. Тутъ же, не сходя съ мѣста, онъ потребовалъ созыва казачьяго «круга» изъ старѣйшихъ представителей ввѣреннаго ему населенія.

Собралась огромная толпа, обступившая начальника, который и не замедлилъ выступить со словомъ вразумленія.

— Когда я отправлялся къ вамъ, меня въ Петербургѣ предупреждали объ огромности предстоящей мнѣ работы. И вотъ, въ первые же дни моего пребыванія съ вами, я натыкаюсь на очевидное доказательство вашей, скажу прямо, глупости. Взгляните на этотъ комокъ лошадинаго изверженія, посмотрите на это непереваренное просо и устыдитесь!

— Ваше пр-во—раздался робкій голосъ въ дальнихъ отъ атамана рядахъ казаковъ.

— Молчать!—грозно вскрикнулъ начальникъ.—Я знаю, что уральскіе казаки забыли дисциплину, но я сумѣю заставить ихъ вспомнить ее.

И затѣмъ, измѣнивъ грозный тонъ на учительскій, онъ продолжалъ:

— Вмѣсто того, чтобы заводить куръ и кормить просомъ ихъ, продавать яйца и птицу, а на добытыя такимъ способомъ деньги покупать для лошадей...

— Ваше пр-во,—раздался въ толпѣ еще болѣе отдаленный, еще болѣе робкій возгласъ.

— Молчать! кто тамъ оретъ?—выходи!—еще болѣе грозно вскрикнулъ начальникъ, послѣ чего толпа, вдругъ сдѣлалась неподвижной и неслышной, какъ застоявшееся болото.

— Овесъ,—вотъ кормъ для лошадей—продолжалъ опять въ спокойномъ тонѣ атаманъ:—и если у васъ нѣтъ овса, то, вѣдь, просо такъ или иначе можно превращать въ деньги, а на деньги вы могли бы для вашихъ лошадей, которыми не-даромъ гордится казачество, покупать...

— Ваше пр-во!—не выдержалъ, наконецъ, казакъ, лицомъ къ лицу стоявшій съ атаманомъ,—да, вѣдь, это—не лошадь, а подлецъ Махмудка—пастухъ,—поспѣшно выговорилъ онъ, выразительнымъ жестомъ показывая на инкриминируемое нечистоплотное мѣсто.

Тутъ только атаманъ и вся окружавшая его свита, бросивъ милолетный взоръ внизъ, сообразили, что стоятъ совсѣмъ не передъ лошадинымъ пометомъ...

— Счастье наше,—эпическимъ тономъ продолжалъ докладывать намъ разсказчикъ—что передовой казакъ осмѣлился, а начальникъ внялъ. А то быть бы большо-ой бѣдѣ! Да и то сказать: одного сраму-то, сраму сколько изъ-за Махмудки претерпѣли!

Да, и мы, зная обстановку уральской казачьей жизни, можетъ повторить за нашимъ разсказчикомъ: счастье казаковъ, что передовой изъ нихъ осмѣлился заговорить; счастье ихъ, что его пр-во нечаянно выслушалъ спорщика и внялъ ему; счастье ихъ, что не лошади, о которыхъ заботится попечительное начальство, а пастухи-киргизы, «инородцы», о которыхъ никто не заботится, сырьемъ ѣдятъ просо, которое не переваривается... Счастье... рѣдкое счастье...

потому что, на нашихъ же глазахъ, не менѣе своеобразныя благожелательныя мѣропріятія уральскаго войсковаго начальства сплошь и рядомъ вели уже не къ юмористической, а трагической развязкѣ...

Но уральскія воспоминанія отвлекли насъ, однако, въ сторону отъ оренбургской дѣйствительности, къ которой мы теперь и переходимъ.

Изъ числа эпизодовъ, разсказанныхъ г. П. М—вымъ и типичныхъ не только для оренбургскаго, но для всѣхъ другихъ казачьихъ войскъ, остановимся на слѣдующемъ.

«Озабоченное разореніемъ массы казачьяго населенія, войсковое начальство рѣшило принять «мѣры» для подъема благосостоянія казаковъ». И вотъ, въ одно прекрасное время станичныя правленія получили циркуляръ, которымъ «предлагается» казакамъ составлять приговоры о введеніи «трехпольнаго» хозяйства. По разъясненію благопопечительнаго начальства, «рекомендуемое» имъ «трехпольное» хозяйство заключается въ томъ, что вся общественная земля дѣлится на три части, изъ которыхъ одна часть распахивается, а двѣ другія лежатъ впустѣ. Черезъ опредѣленное число лѣтъ, другая треть пахотной земли распахивается, а остальныя двѣ трети забрасываются и т. д. Иными словами, оренбургскимъ казакамъ предлагалось ввести *переложное* хозяйство, которое когда-то и велось въ краѣ, но, за истощеніемъ земельнаго богатства, было оставлено.

«Очевидно,—разсказываетъ г. М—въ,—войсковое начальство слыхало о трехпольномъ хозяйствѣ и, рѣшивъ «поднять благосостояніе казаковъ», стало придумывать, въ чемъ должно заключаться это трехполье. Трехполье—три поля, слѣдовательно, нужно раздѣлить поле на три части и одну изъ нихъ распахивать».

А между тѣмъ здѣсь именно существовало и существуетъ настоящее трехпольное хозяйство съ значительной площадью выгона, который черезъ извѣстные промежутки времени поступаетъ подъ пашню. И для того, чтобы, вмѣсто настоящаго ввести изобрѣтенное начальствомъ «трехполье», надо было бы сократить площадь посѣва на двѣ трети, такъ какъ большая половина удобныхъ земель занята была запашкой трехполья.

«Эксперименты сверху грозили жителямъ полнымъ разореніемъ, а между тѣмъ начальство настойчиво заставляло составлять приговоръ. Въ окрестныхъ деревняхъ и станицахъ приговоры были уже составлены, хотя фактически и не исполнялись. Жители же деревни Масловой, подъ редакціей единственнаго интеллигентнаго общинника г. N., составили приговоръ приблизительно такого содержанія: жители ведутъ трехпольное хозяйство. Предлагаемая атаманомъ отдѣла переложная система хозяйства, неправильно названная трехпольной, сократитъ посѣвъ жителей на двѣ трети и поведетъ къ полному ихъ разоренію... Общество считаетъ невозможнымъ сократить свои посѣвы, такъ какъ не въ состояніи будетъ удовлетворять ни свои потребности, ни потребности обмундированія и снаряженія въ походъ казаковъ».

Этотъ «дерзкій» приговоръ навлекъ на масловцевъ громы начальственнаго негодованія, и только настойчивость, проявленная ими подъ несомнѣннымъ

вліяніемъ «единственнаго интеллигента», спасла ихъ на этотъ разъ отъ болѣе серьезныхъ воздѣйствій начальственной благопопечительности. Только атаманъ поселка поплатился недѣльнымъ арестомъ, да времени не мало ухлопано было на дипломатическіе переговоры съ администраціей.

«Это «свѣтлое явленіе» деревенской жизни,—замѣчаетъ г. М—въ,—исключительный случай: обыкновенно деревня не можетъ справиться съ напоромъ бюрократическихъ фантазій и принуждена исполнять ихъ согласно волѣ начальства. При этомъ каждая смѣна начальства сопровождается новыми фантазіями. Такъ, одинъ изъ мѣстнаго «высшаго» начальства выразилъ желаніе. чтобы передъ каждымъ домомъ въ деревнѣ были насажены деревья. И вотъ, при проѣздѣ «особы» передъ каждымъ домомъ была сдѣлана временная загородка и натыканы въ землю деревья, срубленныя въ лѣсу... Другое начальство пожелало, какъ разъ во время посѣва, чтобы всѣ плетни были обмазаны глиной «для несгораемости». Пришлось деревенскимъ дѣтишкамъ да и взрослымъ во время дождя забрасывать всѣ плетни грязью, которая и украшала дворы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ»...

Какую степень рабской угодливости должна была привить казаку «Москва», чтобы онъ безропотно подчинялся всѣмъ этимъ явно нелѣпымъ ея фантазіямъ! И вѣдь фантазіи-то ретивыхъ администраторовъ, по справедливому утвержденію г. М—ва, «въ большинствѣ случаевъ, не такъ не винны, какъ въ приведенныхъ случаяхъ», хотя отпоръ имъ—явленіе исключительное.

Года три тому назадъ въ газетахъ было напечатано краткое сообщеніе о томъ, что въ одной изъ станицъ Верхнеуральскаго уѣзда произошелъ бунтъ изъ-за нежеланія ввести общественный плодовой табунъ. Случай возмущенія былъ единичный, почему бунтъ былъ немедленно же подавленъ, а виновные сосланы въ отдаленныя станицы. Вспоминая этотъ эпизодъ, г. М—въ кстати знакомитъ насъ и съ любопытной исторіей «общественныхъ табуновъ».

Администрація, задумавъ года четыре тому назадъ, улучшить породу казачьихъ лошадей, потребовала, чтобы въ каждой станицѣ былъ организованъ табунъ изъ кобылицъ, принадлежащихъ мѣстнымъ жителямъ. Табунъ пасется на общественный счетъ на особо отведенномъ выгонѣ, при чемъ къ табуну назначаются начальникъ и пастухи—опять же на общественный счетъ. Стоимость производителей жеребцовъ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, не превышаетъ 60 рублей, тогда какъ въ каждой деревнѣ есть свои производители стоимостью въ 200—300 рублей. «Такимъ образомъ, *фактически* организовались табуны для *ухудшенія* породы лошадей». И вотъ, эти-то «плодовые табуны», поглощающіе сотни тысячъ рублей мѣстнаго населенія, даютъ «ухудшенныхъ» жеребятъ, стоимость которыхъ, по разсчетамъ жителей, доходитъ до 800 руб. за голову, въ то время какъ рыночная цѣна такого новорожденнаго коняги не превышаетъ 5—6 рублей.

Вотъ при какихъ условіяхъ воспитываются и растутъ тѣ представители казачества, которые, въ роли усмирителей, въ побѣдоносныхъ позахъ разъѣзжаютъ отрядами по городамъ и селамъ поработившей ихъ и ненавистной имъ «Москвы».

Можетъ-ли—спрашиваетъ авторъ—земство улучшить это положеніе? Конечно, нѣтъ. Потому что казакъ, пока не будетъ окончательно уничтожено это архаическое сословіе, останется, съ земствомъ-ли, или безъ земства, объектомъ особливой административной заботливости, а результаты ея вездѣ одинаковы, всюду опасны.

Дѣло въ томъ, что бюрократія, разъ только она берется осчастливить или облагодѣтельствовать обывателя какими-нибудь даже наиполезнѣйшими, съ ея точки зрѣнія мѣропріятіями, она проводитъ ихъ такъ, какъ будто бы осуществляемое ею мѣропріятіе до обывателя вовсе и не относится и «должно непремѣнно застигнуть его съ извѣстной внезапностью и врасплохъ».

Взятое здѣсь въ ковычки опредѣленіе бюрократическаго метода осуществленія реформъ и мѣропріятій заимствовано нами изъ статьи В. Г. Короленко: «Холерный карантинъ на девяти-футовомъ рейдѣ» («Рус. Бог.», кн. 6), въ которой дана яркая и живая иллюстрація на затронутую нами тему.

Въ 1892 г., послѣ «страшнаго, небывалаго еще по размѣрамъ голода», на Россію надвигалась холера. Такъ какъ холера шла изъ Персіи, то почетная обязанность встрѣтить опасную гостью и не допустить ее въ предѣлы Россіи пала на астраханскаго и бакинскаго губернаторовъ. В. Г. Короленко разсказываетъ, какъ встрѣтила холеру астраханская администрація. Изъ исторіи героической борьбы съ холерой бакинской администраціи онъ вспоминаетъ лишь одинъ эпизодъ, въ свое время отмѣченной газетами, а именно—удаленіе мѣстнаго губернатора (г. Рогге) на нѣкоторую почтительную дистанцію въ горы, откуда, повидимому, можно было лучше обозрѣвать поле предстоявшей борьбы.

Въ Астрахани же прежде всего были заготовлены очень эффектныя повозки, которыя «имѣли форму большихъ черныхъ ящиковъ, отчасти напоминавшихъ телѣжки для ловли бродячихъ собакъ, только значительно больше. Онѣ были выкрашены черной краской, по которой бѣлыми буквами виднѣлась ободряющая надпись: «холера». Обыватель, а съ нимъ вмѣстѣ и городское управленіе лишены были «своего» самостоятельнаго голоса въ этихъ дѣлахъ, и гласные, въ какомъ-нибудь отношеніи противодѣйствовавшіе или несоглашавшіеся съ намѣреніями администраціи, немедленно попадали въ «неблагонадежные» и выдворялись административнымъ порядкомъ изъ города. Разумѣется, всѣ предварительныя совѣщанія административныхъ учрежденій и предполагаемые ими планы борьбы велись и вырабатывались наисекретнѣйшимъ образомъ. Когда же, наконецъ, несмотря на дѣятельную конфиденціальную переписку разныхъ канцелярій, холера все-таки появилась, то астраханскій губернаторъ (г. Тевяшевъ) призвалъ къ себѣ доктора Арустамова и, снабдивъ его соотвѣтствующими инструкціями, поручилъ ему отправиться на передовыя позиціи, въ Каспійское море, и тамъ «встрѣтить и задержать холеру, какъ задерживаютъ пограничную контрабанду».

И вотъ, докторъ Арустамовъ, разбивъ, свой небольшой отрядъ (изъ трехъ врачей, съ однимъ фельдшеромъ, двумя санитарами, однимъ поваромъ для больницы и одной повивальной бабкой (!) на трехъ пунктахъ—на «Девяти» и «Двѣнадцати футахъ» и на «Могильномъ бугрѣ»—приступилъ къ точному и неукоснительному выполненію данныхъ ему инструкцій.

А инструкція была одна—Мымрецовская: «тащить» больныхъ на обсервацію и не «пущать» въ Астрахань. И вотъ, на «водномъ Невскомъ проспектѣ» (по выраженію Гл. Успенскаго), оживленное движеніе было остановлено, какъ останавливается оно на настоящемъ Невскомъ проспектѣ по мановенію подчаска. Пароходы перестали дымить, спускали якоря, и у карантинной пристани покорно, смиренно, безъ ропота, ошвартовались сотни судовъ. За время обсерваціи были задержаны на Каспійскомъ взморьѣ ни много, ни мало... 263 (двѣсти шестьдесятъ три!) парохода и 214 (двѣсти четырнаднать!) баржей. По минимальному разсчету на «Девями футахъ» скопилось (одновременно!) до десяти тысячъ человѣкъ.

Какъ это бываетъ и не въ одной Астрахани, администрація, давая приказы объ остановкѣ каравановъ въ морѣ, не подумала заранѣе, что задержанные будутъ нуждаться въ пищѣ. Въ виду имѣлась только холера, которую надлежало «задержать», живые же люди и ихъ потребности не входили въ кругъ административныхъ распоряженій. «Среди десятка тысячъ остановленныхъ въ морѣ для *«обсерваціи, изоляціи и дизенфекціи»*,—находились *подозрительные* и *неблагонадежные* по холерѣ личности... Ну, значитъ, ихъ и надлежало подвергнуть медицинскому аресту, для чего имѣлось 10 кроватей, поваръ и повивальная бабка. Что же касается здоровыхъ, то для нихъ не было приготовлено даже хлѣба и, что еще важнѣе,—воды! А кругомъ было соленое море»!..

«Въ одинъ изъ дней этого ужаснаго томленія, когда на задержанныхъ пароходахъ происходили сцены въ родѣ дантова ада, на горизонтѣ, со стороны Астрахани, показался дымокъ... Бѣжалъ казенный пароходикъ, который сразу привлекъ вниманіе и возбудилъ въ истомленныхъ сердцахъ радостныя надежды: навѣрное, это везутъ изъ Астрахани припасы, а можетъ быть, даже приказъ снять этотъ жестокій и нелѣпый арестъ баржей и пароходовъ въ открытомъ морѣ. Сотни глазъ жадно всматривались въ выроставшее темное пятнышко съ казеннымъ флагомъ... Но когда пароходъ присталъ къ карантину, оказалось, что въ немъ не было ни запасовъ прѣсной воды, ни хлѣба для арестованныхъ... Вмѣсто всего этого, пароходъ привезъ... гробы»...

Гробы, дѣйствительно, были необходимы, такъ какъ въ это время доктора должны были на своихъ плечахъ выносить въ лодки трупы, завернутые одними простынями, и везти ихъ для похоронъ къ Могильному бугру. Но, вѣдь, этотъ «полезный подарокъ» появился, когда люди изнемогали отъ голода и жажды, когда за стаканъ воды платили по 20 коп... И понятенъ становится тотъ логическій выводъ, какой сдѣлала истомленная толпа: «приказано уморить столько людей, сколько прислано гробовъ... А тамъ,—можетъ быть, подошлютъ еще»...

«И вотъ,—замѣчаетъ В. Г. Короленко,—на «Девяти футахъ», въ открытомъ морѣ на палубахъ арестованныхъ санитарной полиціей пароходовъ, назрѣвали мрачныя событія, и человѣконенавистный призракъ, родившійся изъ невѣжества, тьмы и страданія,—облекался здѣсь живою плотью и кровью»...

Въ Россіи пока еще какъ будто «все обстояло благополучно». Админи-

стративныя воздѣйствія на печать преградили обществу всякую возможность узнавать точныя свѣдѣнія о холерѣ, а оффиціальныя извѣстія печатались какъ это водится, лишь самаго успокоительнаго характера. А между тѣмъ, изъ Астрахани и, главнымъ образомъ, съ «Девяти футовъ», вмѣстѣ съ тысячами людей, переживших карантинные ужасы, вверхъ по Волгѣ двигалась возбужденная волна съ нескрываемой угрозой возмездія. «Холерная легенда» принималась на вѣру, безъ критики, не только темной массой.

«Въ селѣ Работкахъ (большая приволжская лѣсная пристань), я встрѣтилъ,—разсказываетъ г. Короленко,—знакомаго водолива съ остановившагося у пристани каравана. Это былъ не образованный, но разумный и пріятный человѣкъ, который недавно женился на вполнѣ грамотной и читавшей книги горожанкѣ. Я былъ увѣренъ, что здѣсь я встрѣчу трезвое отношеніе къ событіямъ. Къ моему удивленію, водоливъ былъ тоже во власти дикой легенды.

— Правда!—говорилъ онъ съ упрямой энергіей.—Господинъ!.. Владиміръ Галактіоновичъ!.. Вѣрьте моей совѣсти, потому—что я самъ это видѣлъ.

«И онъ опять разсказалъ мнѣ о томъ, что на «Девяти футахъ» держали людей безъ воды и припасовъ, здоровыхъ вмѣстѣ съ больными, живыхъ съ азлагающимися трупами, а вмѣсто хлѣба, въ самую страшную минуту, прислали гробы...

— Что-жъ это значитъ?.. Для чего?.. Какъ по вашему?

«Мнѣ стоило большого труда объяснить ему и другимъ, что это была благонамѣренная «обсервація, изоляція и дезинфекція», а не адское желаніе морить народъ... Что чудовищнаго приказа морить людей ни откуда не было и быть не могло, а были только циркуляры о безпрекословномъ повиновеніи неограниченной власти господъ губернаторовъ. Ну, а господа губернаторы и, вообще чиновники, въ особенности облеченные экстренными полномочіями, имѣютъ въ виду прежде всего непремѣнно переловить всѣхъ больныхъ, изолировать ихъ (т.-е. попросту арестовать) и затѣмъ уже облагодѣтельствовать по силѣ возможности лѣченіемъ и дезинфекціей. Бѣда только въ томъ, что весь механизмъ, находящійся въ ихъ распоряженіи, отлично приспособленъ для уловленія и арестованія больного и здороваго человѣчества, но очень плохъ для лѣченія и уже совсѣмъ не имѣетъ въ виду другихъ потребностей живого человѣка простого званія, не всегда располагающаго «карманными» деньгами. Отъ этого происходитъ нѣкоторое прискорбное несоотвѣтствіе: ловятъ больныхъ и въ одиночку и массами отлично, но лѣчатъ плохо, кормить же иной разъ совсѣмъ забываютъ... И отъ этого чиновничьи заботы становятся порой хуже и грознѣе самой эпидиміи».

Печальная роль въ этой ужасной «Девяти футовой» эпопеѣ выпала на долю врачебнаго персонала и особенно на долю главнаго ея дѣятеля—доктора Арустамова. Врачамъ приходилось выполнять прямо-таки непосильную работу, и нельзя не согласиться съ В. Г. Короленко, что поведеніе ихъ, «если смотрѣть на нихъ, какъ на исполнителей выработанныхъ астраханскимъ губернаторомъ инструкцій, — стоитъ выше всякихъ похвалъ». Но не съ этой точки зрѣнія можемъ и должны мы оцѣнивать общественныхъ дѣятелей. Слѣпой героизмъ

гг. Арустамовыхъ мы не поставимъ имъ въ заслугу, потому что «на службѣ у безсмысленныхъ чиновничьихъ усмотрѣній онъ оказался не только безплоднымъ, но прямо гибельнымъ и вреднымъ».

Отъ этой «краткой, но поучительной исторіи» отдѣляетъ насъ промежутокъ въ 12 лѣтъ. Но и теперь, когда холера опять грозитъ явиться въ наши предѣлы, мысль автора «невольно бѣжитъ на Каспійское взморье, къ плавучимъ городкамъ, гдѣ, вѣроятно, опять покачивается на соленыхъ волнахъ «одинокая карантинная пристань», и какой-нибудь новый докторъ Арустамовъ готовится повторить героическія дѣйствія своего предшественника, быть можетъ, даже имѣя въ своемъ распоряженіи ту же, обогащенную прошлымъ опытомъ, повивальную бабку»...

Казалось бы, что эта полная горькаго пессимизма, картина ближайшаго будущаго не имѣетъ никакихъ основаній въ переживаемой нами дѣйствительности. Вѣдь какъ-никакъ, а опытъ прошлаго долженъ былъ бы чему-нибудь научить. Полмилліона жертвъ, которыя поглотила послѣдняя холерная эпидемія, съ достаточной вразумительностью должны были бы убѣдить по крайней мѣрѣ въ полной безплодности пріемовъ, практиковавшихся администраціей на Каспійскомъ взморьѣ. Наконецъ, гг. Арустамовы, если они собственнымъ умомъ не дошли до сознанія ужасныхъ результатовъ прошлой своей работы, не могутъ же они не прислушиваться къ голосу своихъ болѣе сознательныхъ товарищей. А, вѣдь, это послѣдніе, собравшись со всѣхъ концовъ Россіи на пироговскомъ съѣздѣ, категорически и безповоротно осудили бюрократическую систему борьбы съ эпидеміей. По компетентному сужденію съѣзда, «борьба съ холерой возможна, она сулитъ успѣхъ и побѣду. Врачи отлично знаютъ всѣ мѣры борьбы. Но проводить ихъ въ жизнь можно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда возможна свободная дѣятельность людей, ставящихъ себѣ цѣлью служить интересамъ народа». Авторитетность постановленій пироговскаго съѣзда призналъ не только цѣлый рядъ врачебныхъ корпорацій Россіи, но за ними также множество земскихъ и городскихъ учрежденій. Все общество, спеціальная и общая литература, все какъ будто бы говоритъ противъ мрачныхъ предположеній В. Г. Короленка, и тѣмъ не менѣе... И тѣмъ не менѣе, бюрократія такъ настойчиво держится выработанныхъ ею мѣропріятій борьбы съ холерой, что едва ли она уступитъ даже въ томъ случаѣ, если докторовъ ей придется замѣнить становыми и частными приставами.

Да, въ сущности говоря, такая замѣна уже и произведена «правилами о принятіи мѣръ къ прекращенью холеры и чумы при появленіи ихъ внутри имперіи» 11 августа 1903 года.

«Въ этихъ правилахъ,—говоритъ г. В. Я. Канель (см. статью: «Къ борьбѣ съ холерой» въ «Русской Мысли», май 1905 г.)—которыя могутъ служить образчикомъ мертваго бюрократическаго творчества, не принимающаго во вниманіе ни требованій времени, ни нуждъ населенія, соединились, точно какой то волшебной силой, и полное невѣжество, и недостаточная опредѣленность установленныхъ нормъ, и непониманіе условій окружающей дѣйствительности. Правила 11 августа 1903 г. созданы были въ ту эпоху, когда земскія

учрежденія были въ опалѣ, когда въ развитіи общественной самодѣятельности видѣли грозную опасность для государственнаго благоустройства. Нужно было исключить всякое участіе земства въ борьбѣ съ эпидеміями, и для этой цѣли пожертвовали и наукой, и цѣлесообразностью, и требованіями здраваго смысла».

Эта рѣзкая и категорическая оцѣнка правилъ 11 августа можетъ показаться съ перваго взгляда преувеличенной. Но если мы послѣдуемъ за г. Канелемъ въ его детальной критикѣ инкриминируемыхъ правилъ, то мы должны будемъ согласиться съ нимъ.

Авторъ прежде всего подчеркиваетъ желаніе бюрократіи нивеллировать борьбу съ болѣзнями, сдѣлать ее одинаково шаблонной для всѣхъ мѣстностей имперіи и для всякаго рода эпидемій. Холеру и чуму бюрократія поставила въ одну рубрику, несмотря на рѣзкія различія между этими двумя заболѣваніями.

Параграфъ первый правилъ предоставляетъ комиссіи о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумной заразой право объявлять «неблагополучными» или «угрожаемыми» по чумѣ или холерѣ отдѣльные населенные пункты или цѣлые районы и издавать обязательныя для всѣхъ лицъ, вѣдомствъ и учрежденій «обязательныя постановденія». О томъ, какая разница между «неблагополучной» и «угрожаемой» мѣстностью, правила говорятъ весьма неопредѣленно, но зато съ большой подробностью разъясняется въ нихъ, какой громоздкій аппаратъ долженъ быть приведенъ въ движеніе, прежде чѣмъ общество узнаетъ на мѣстахъ о случаяхъ холерныхъ заболѣваній». Ограниченіе гласности и таинственность—вотъ та атмосфера, въ которую одинаково погружаются и «неблагополучныя» и «угрожаемыя» мѣстности. «Изоляція, обсервація и дезинфекція»—начала, осуществлявшіяся для спасенія Россіи двѣнадцать лѣтъ тому назадъ на Каспійскомъ взморьѣ, входятъ въ правила 1903 г. въ полной ихъ неприкосновенности и чистотѣ. Наука давно уже пришла къ отрицательнымъ выводамъ относительно карантиновъ и изоляціи лицъ, находившихся въ сношеніи съ больными. Но «комиссіи—замѣчаетъ г. Канель—хотѣлось, какъ видно, повторить старый опытъ, за который Россія въ свое время уже дорого заплатила».

Земскія и городскія учрежденія, совершенно отстраняемыя отъ борьбы съ эпидеміями, обязаны лишь доставлять необходимыя средства, которыя потребуются для осуществленія мѣръ, вырабатываемыхъ санитарно-исполнительными комиссіями. Эти новые органы, снабженные огромными полномочіями, выступятъ, по передовѣрію главной комиссіи, во всеоружіи медицинскихъ знаній, какъ только мѣстность будетъ объявлена «угрожаемой» или «неблагополучной». Самый составъ городской комиссіи,—замѣчаетъ г. Канель,—гарантируетъ цѣлесообразность тѣхъ мѣръ, какія будутъ ими выработаны. Полицеймейстеръ, исправникъ или приставъ, городовой врачъ и управа въ полномъ составѣ—вотъ ученый синклитъ, который будетъ рѣшать серьезные вопросы санитаріи». Предсѣдатели комиссій имѣютъ къ тому же право не соглашаться съ постановленіями большинства членовъ и опротестовывать ихъ. Въ «экстренныхъ» случаяхъ губернаторы, предсѣдательствущіе въ губернскихъ комиссіяхъ, могутъ прямо предлагать комиссіямъ къ исполненію свое личное мнѣніе, хотя бы

цѣлесообразность послѣдняго была оспариваема всѣмъ наличнымъ составомъ комиссіи.

Вся эта организація, съ завѣдомо ненаучными и даже анти-научными пріемами борьбы съ эпидеміей, съ обезличенными, лишенными всякой самостоятельности комиссіями, даетъ автору цитируемой статьи полное основаніе предполагать, что дѣйствительной цѣлью этого механизма, по мысли его иниціаторовъ, является не столько борьба съ холерой, сколько съ самодѣятельностью общества. Не столько санитарія, сколько политика, которою бюрократія окрашиваетъ всю свою дѣятельность, начиная съ просвѣтительной и кончая продовольственной. Давнымъ давно извѣстно, что холерныя эпидеміи возникаютъ на почвѣ хроническаго недоѣданія, что онѣ берутъ себѣ наибольшее число жертвъ послѣ неурожаевъ и голодовокъ. Казалось, при такихъ условіяхъ особенно необходимо хорошо организовать продовольственное дѣло въ нашемъ отечествѣ, которое такъ часто и тяжко страдаетъ отъ недородовъ. Всякая помощь въ этомъ серьезномъ дѣлѣ должна быть принята съ признательностью. Но бюрократія и тутъ затѣяла заняться политикой». Авторъ напоминаетъ «знаменитые по своей жестокости циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ отъ 19 іюня и 17 августа 1901 г., которыми частныя лица и цѣлыя общества отстранялись отъ помощи голодающему населенію. Къ этой же области продовольственнаго политиканства слѣдуетъ отнести также изъятіе продовольственнаго дѣла изъ рукъ земства и передачу его въ вѣдѣніе бюрократическихъ органовъ, которые успѣли уже съ достаточной очевидностью обнаружить свою абсолютную несостоятельность.

Возвращаясь опять къ своей основной темѣ—къ борьбѣ съ холерой,— авторъ естественно приходитъ къ положеніямъ, которыя въ наши дни стали безспорными для всего русскаго общества. «На гнилой почвѣ,—говоритъ онъ,— мѣропріятія, какъ бы они ни были цѣлесообразны и разумны, привиться не могутъ. Пока дѣятельность общественныхъ учрежденій встрѣчаетъ на своемъ пути цѣлый рядъ непреодолимыхъ преградъ, никакой рѣчи не можетъ быть о раціональной постановкѣ борьбы съ холерой».

II.

Въ «Русскомъ Богатствѣ» (іюнь) очень кстати помѣщенъ переводъ очерка Карла Блейбтрей «Dies irae» — воспоминанія французскаго офицера о Седанѣ. Маленькій эпизодъ, вырванный изъ давно уже пережитой эпохи «маленькаго», но заносчиваго Наполеона III, наводитъ на размышленія о повторяемости историческихъ явленій въ разныя времена, въ разной обстановкѣ при наличности однородныхъ вызывающихъ ихъ причинъ.

Разсказъ начинается съ того момента, когда Наполеонъ уже отказался отъ общаго командованія войсками и оставался при арміи Макъ-Магона въ скромной роли корпуснаго командира. Макъ-Магонъ, сопровождаемый знаменитымъ «дамскимъ багажемъ», огромной собственной кухней и всѣми прочими приспособленіями для веселаго пикника, совершалъ, по его собственному хваст-

ливому выраженію, «военную прогулку въ Берлинъ». «Прогулка» принимала все болѣе и болѣе печальный оборотъ, и въ тотъ моментъ, когда мы вмѣстѣ съ разсказчикомъ попадаемъ въ армію, «дамскій багажъ» уже оставленъ, а руководительство войсками принадлежитъ теперь не императору и не Макъ-Магону, растерявшимся отъ постоянныхъ неудачъ, а какимъ-то другимъ властнымъ голосамъ, явнымъ и тайнымъ, послѣднимъ въ особенности, въ изобиліи высылавшимся въ армію изъ Парижа военнымъ министромъ Паликао. Однимъ изъ такихъ главнокомандующихъ французской арміи былъ, между прочимъ, и генералъ Вимпфенъ, командированный министромъ, послѣ одного изъ многихъ пораженій, съ секретными, но неограниченными полномочіями. Ближайшимъ помощникомъ Вимпфена былъ назначенъ полковникъ, отъ имени котораго и ведется разсказъ.

Какъ извѣстно, война была начата Наполеономъ по самому легкомысленному и даже нелѣпому поводу. «Война нужна для того чтобы это дитя царствовало»—объясняла императрица Евгенія, указывая на своего сына. И хотя военный министръ увѣрялъ, что къ войнѣ все, вплоть до солдатскихъ пуговицъ, подготовлено, на самомъ дѣлѣ армія совершенно не была готова къ борьбѣ, и первая же неудача окончательно разстроила ее.

Впрочемъ, объ арміи, хотя и деморализованной постоянными пораженіями и отступленіями, разсказчикъ не считаетъ себя вправѣ отзываться дурно. «Только пустые лгуны — говоритъ онъ — посмѣютъ утверждать, что солдаты второй имперіи не были вполнѣ достойны своихъ предковъ. Армія была великолѣпна, но мы слишкомъ низко цѣнили противника».

«Львы, предводимые ослами»! — сказалъ защитникъ Редана объ англичанахъ; это можетъ относится и къ другимъ. Наполеонъ, отправляясь на о. св. Елены, сказалъ: «Родина храбрыхъ! нѣсколькими подлецами меньше — и ты все еще была бы великой націей»...

Въ этихъ словахъ основная мысль разсказа. Заносчивые, невѣжественные интриганы, всплывшіе на поверхность политической жизни во время второй имперіи, оказались, разумѣется, и во главѣ французскихъ войскъ. Оргіи, которыми забавляли себя правители Франціи въ Парижѣ, были перенесены ими и на поля битвъ.

«Да, будемъ пѣть гимны Вакху и Венерѣ! А если битва завтра? Ну что-жъ, тогда пусть разобьютъ въ дребезги сосудъ съ мозгами, и красное вино жизни пусть брызнетъ во славу Творца!»

Такъ резюмируетъ разсказчикъ свои впечатлѣнія въ первую ночь, когда онъ объѣзжалъ укрѣпленія и видѣлъ что «всѣ кафэ были еще переполнены, и звуки оргій доносились до него по вѣтру».

Полная растерянность послѣ пораженій и безсмыленно-хвастливая фанфаронада передъ наступленіемъ даже самыхъ критическихъ моментовъ — такова характеристика, которую даетъ авторъ главнымъ дѣятелемъ этой несчастной для Франціи войны.

Вотъ одна изъ типичныхъ сценъ въ этомъ жанрѣ.

Императоръ блуждаетъ по полю битвы, разумѣется, не имѣя никакого по-

нятія о положеніи дѣла. «Свита его, погруженная въ глубокое молчаніе, очевидно, была въ сильномъ смущеніи.

— Какъ идетъ сраженіе? — поспѣшно спросилъ онъ прежде, чѣмъ Вимпфенъ успѣлъ представиться ему, какъ главнокомандующій.

— Такъ хорошо, какъ только можетъ идти, государь. Мы наступаемъ.

— Однако, говорятъ, что сильный непріятельскій отрядъ обходитъ нашъ лѣвый флангъ.

Вимпфенъ съ непоколебимой увѣренностью произнесъ въ отвѣтъ слѣдующія памятныя слова:

— Тѣмъ лучше! Пусть обходятъ. Мы сбросимъ ихъ въ Маасъ».

И это говорится въ то время, когда прусская армія желѣзнымъ кольцомъ уже окружила французовъ, говорится наканунѣ того, какъ вся армія Макъ-Магона, вмѣстѣ со своимъ императоромъ, должна была отдаться въ плѣнъ непріятелю!

И спустя какихъ-нибудь два-три часа послѣ встрѣчи съ Вимпфеномъ, императоръ въ другой части поля битвы встрѣчается со своими войсками.

«Кое-гдѣ проѣзжавшаго императора встрѣчали отдѣльные возгласы: «Vive l'Empereur!» но раздавались также и угрозы. Нерѣдко какой-нибудь раненый, приподнявшись съ усиліемъ, показывалъ сжатый кулакъ и съ пѣной у рта посылалъ ему вслѣдъ проклятіе...

— Сомкнись!—поспѣшно скомандовалъ генералъ Пеллэ.—Впередъ! Да здравствуетъ императоръ!

— Э, чего тутъ!—проворчалъ старый сержантъ.—Долой Бонапарта! Да здравствуетъ Франція!

«Этотъ боевой кличъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ, и въ то время, какъ граната, одна за другой, укладывали на землю цѣлыя части, словно подъ дѣйствіемъ электрическаго тока, со всѣхъ сторонъ разомъ, навстрѣчу посыпавшемуся граду пуль, раздались мощныя слова запрещеннаго свергаемымъ правительствомъ народнаго гимна: «Allons enfants de la patrie»...

Такъ пала на поляхъ Седана вторая Имперія, и Франція, съ огромными и тяжелыми жертвами ликвидировавъ кровавую авантюру «маленькаго Наполеона», возродилась къ новой политической жизни.

Конечно, какъ и во всякомъ историческомъ разсказѣ, и въ очеркѣ Блейбтрея «Warheit—довольно тѣсно переплетена съ необходимымъ элементомъ всякой беллетристики—съ «Dichtung». Силы историческаго документа очеркъ этотъ не имѣетъ, да и не въ документальности его значеніе. Во всякомъ случаѣ, перечитывая разсказъ, въ которомъ вся обстановка франко-прусской войны схвачена вѣрно, безъ всякихъ преувеличеній въ ту или иную сторону, можно съ увѣренностью сказать, что урокъ этой войны не прошелъ для Франціи безслѣдно: кое-чему, а, можетъ быть, даже и многому она здѣсь научилась.

Совсѣмъ не то впечатлѣніе выноситъ читатель изъ воспоминаній М. А. Газенкампфа о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., печатающихся съ начала текущаго года на страницахъ «Вѣстника Европы» (см. «Мой дневникъ на войнѣ»).

Авторъ «Дневника»—лицо, близко стоявшее къ августѣйшему главнокомандующему русской арміи великому князю Николаю Николаевичу. Онъ не только за страхъ, но и за совѣсть преданъ своему начальнику, любитъ и высоко цѣнитъ его, ведетъ свои записи съ большой осмотрительностью, осторожно, и, тѣмъ не менѣе, каждая страница его дневника есть сплошное обличеніе такихъ явленій и фактовъ, которые, ни мало не измѣнившись и въ наши дни, опять и опять ждутъ новыхъ разоблаченій.

Возьмемъ наудачу нѣсколько случайныхъ выдержекъ изъ лежащихъ передъ нами іюньской и іюльской книжекъ журнала.

Подъ датой *14 сентября* читаемъ: «Сегодня, по приказанью великаго князя, изгналъ изъ арміи корреспондента газеты «Standart», Ф. Бойля, рекомендованнаго англійскимъ гувернеромъ августѣйшихъ дѣтей, Митчиномъ». Изъ дальнѣйшаго изложенія выясняется, что причиною изгнанія послужили «злорадные отзывы о нашей арміи».

Запись *17 сентября* показываетъ, что къ другимъ корреспондентамъ, въ зависимости отъ ихъ сообщеній, относятся вполнѣ милостиво. «У насъ завелись уже двѣ «рептиліи», одной изъ которыхъ, а именно корреспонденту «Wiener Tageblatt» Лукешу велѣно сегодня же выдать 4.000 франковъ подъ предлогомъ пособія на покупку экипажа и лошадей. Сообщенія русскихъ корреспондентовъ также тщательно «регулируются», съ одной стороны, цензурой, съ другой—наградами и орденами».

И въ главной квартирѣ были весьма поражены, что, несмотря на такую заботливую опеку надъ гг. корреспондентами и ихъ сообщеніями, «вчера» (запись 21 ноября), когда вернулся изъ Петербурга флигель-адъютантъ Кладищевъ, то онъ «привезъ самыя возмутительныя свѣдѣнія о тамошнихъ сплетняхъ и пересудахъ».

«Великаго князя громко и рѣзко бранятъ, не стѣсняясь. Войну клянутъ. Къ неудачамъ нашихъ войскъ относятся съ злораднымъ торжествомъ, какъ будто это войска непріятельскія. Высшіе сановники не только потворствуютъ этому направленью, но сами подаютъ примѣръ. Изъ среды *высшаго* общества пущена въ ходъ злобная острота: «нынѣшняя война—неудачный пикникъ дома Р.». Къ военнымъ бюллетенямъ придираются. А по поводу одной телеграммы, въ которой было сказано, между прочимъ: «всюду холодъ и ненастье, на Балканахъ снѣгъ идетъ», сейчасъ же сочинили и пустили въ ходъ ругательное четверостишье, о которомъ предпочитаю умолчать».

«По словамъ Кладищева, весьма видная роль въ распространеніи гнусныхъ сплетенъ принадлежитъ раненымъ офицерамъ, привезеннымъ въ Петербургъ...»

М. А. Газенкампфъ полагаетъ, что раненые офицеры потому распускаютъ «гнусныя сплетни», что ихъ обходятъ орденами, въ то время какъ адъютантовъ и ординарцевъ главнокомандующаго засыпаютъ наградами. Но самъ же, осыпаемый милостями великаго князя, Газенкампфъ заноситъ въ свой дневникъ факты, которые едва-ли могутъ, по ихъ обличающему значенію, уступить какимъ бы то ни было, даже самымъ «гнуснымъ сплетнямъ».

Подозрительныя «дѣловыя» бесѣды начальствующихъ лицъ съ крупными

подрядчиками; щедро оплачиваемые переговоры съ явными авантюристами, предлагающими себя на роли шпіоновъ; безобразное содержаніе войскъ; отсутствіе какого либо опредѣленнаго плана дѣйствій; противорѣчивые приказы многочисленнаго и другъ противъ друга интригующаго начальства; «явно несообразныя назначенія», благодаря которымъ кавалерійскій полковникъ получаетъ пѣхотный полкъ, а ротмистру поручается стрѣлковый баталіонъ; огромная роль протекціи, почему способные и знающіе люди сидятъ безъ дѣла или за перепискою никому ненужныхъ бумагъ, а невѣжественные льстецы получаютъ отвѣтственные посты; полная бездѣятельность начальства, отчего «у насъ всѣ турецкія наступленія неожиданны» и т. д., и т. д. Вотъ картина, складывающаяся изъ отдѣльныхъ записей дневника, и что же «возмутительнѣе» могли разсказывать въ Петербургѣ раненые офицеры?

Впрочемъ, отсутствіе послѣдовательности, сказавшееся въ этой полемической выходкѣ противъ раненыхъ офицеровъ, составляетъ основной грѣхъ автора дневника. И сплошь и рядомъ его собственныя замѣчанія находятся въ полномъ и явномъ противорѣчіи съ отмѣчаемыми имъ же фактами. Типичнымъ образцомъ такой непослѣдовательности можетъ служить его отношеніе къ румынамъ, къ которымъ онъ, вмѣстѣ со всей придворной челядью, относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ и насмѣшкой. И въ тоже время вотъ что заноситъ онъ въ свой дневникъ 20 сентября:

«За Гривицей начался участокъ румынскихъ войскъ. *Совѣстно было смотрѣть*, насколько у нихъ больше порядка, чѣмъ у насъ. Бивачныя мѣста выбраны тщательно и устроены красиво и акуратно; ружья и солдатскія вещи разставлены и разложены систематически; палатки и землянки расположены правильными и выравненными линіями и рядами; между баталіонами и полками уставные интервалы. Внутренняя отдѣлка землянокъ— на отличку. Вездѣ чисто, порядливо и изящно. Даже для лошадей на коновязяхъ устроены соломенные навѣсы; этого у насъ и для царскихъ лошадей нѣтъ. Войска встрѣчали великаго князя не толпою, какъ наши, а въ колоннахъ впереди своихъ землянокъ и палатокъ; всѣ офицеры на своихъ мѣстахъ. Пошли мы посмотрѣть румынскія укрѣпленія—*еще стыднѣе стало*» и т. д.

Каковы-же, спроситъ изумленный читатель, были порядки, каково было содержаніе нашихъ войскъ если «совѣстно» и «стыдно» было смотрѣть даже на презираемыхъ и высмѣиваемыхъ нами нашихъ румынскихъ союзниковъ?..

Да и разсказы раненыхъ,—не повторяютъ ли они и теперь тѣ же «гнусныя сплетни», которыя составляютъ содержаніе «Дневника» Газенкампфа и которыя давнымъ давно должны были бы устранить мы въ самомъ ихъ гнилостномъ источникѣ?..

Безъ всякой связи съ предыдущимъ, а такъ, просто, pour la bonne bouche, хотѣлось бы намъ сдѣлать еще одну маленькую выписку изъ дневника,—выписку, имѣющую отношеніе уже не къ русской, а къ турецкой исторіи.

Какъ извѣстно, незадолго до начала русско-турецкой войны, а именно въ декабря 1876 г., султанъ Абдулъ-Гамидъ, подъ угрозой вмѣшательства ино-

странныхъ державъ во внутренія дѣла Турціи, поспѣшилъ даровать своему народу конституцію. Хотя конституція была состряпана наскоро, въ нѣсколько дней, тѣмъ не менѣе это была довольно приличная конституція, сильно смахивавшая на бельгійскую, и если надо отмѣтить здѣсь ея недостатки, то самымъ существеннымъ былъ тотъ, что она не дѣйствовала. Правда, въ мартѣ 1877 г. была созвана первая сессія турецкаго парламента, но она засѣдала лишь нѣсколько дней, послѣ чего парламентъ неожиданно былъ распущенъ. Въ разгарѣ русско-турецкой войны султанъ снова вспомнилъ о конституціи и издалъ посланіе къ «парламенту», которое Газенкампфъ и цитируетъ въ своемъ дневникѣ въ переводѣ съ французскаго текста.

«Султанъ, упомянувъ о войнѣ, начатой Россіей, добавилъ, что нѣкоторая часть его подданныхъ возмутилась, не взирая на дарованіе имъ правъ, обезпечивающихъ равноправность всѣхъ національностей, вѣроисповѣданій и языковъ. Султанъ обращается къ патріотизму и содѣйствію народа для защиты законныхъ правъ Порты. Образованіе ополченія будетъ вскорѣ закончено. Не мусульманскіе подданные султана должны быть привлечены къ воинской повинности, составляющей первый долгъ и основу равноправія. Единственное спасеніе имперіи въ конституціи: султанъ желаетъ, чтобы всѣ его подданные могли вкусить блага прогресса и современной цивилизаціи. Затѣмъ онъ намѣчаетъ рядъ существенныхъ и важныхъ преобразованій, но тутъ-же высказываетъ сожалѣніе о томъ, что, къ несчастью, осуществленіе всѣхъ этихъ реформъ задерживается войною. Султанъ надѣется, однако, что въ будущемъ ничто не помѣшаетъ осуществленію реформъ и правильному правосудію. Новые законопроекты будутъ предложены на обсужденіе палатъ. Сверхъ того палаты будутъ спрошены по вопросамъ объ устройствѣ вилайетовъ, о законахъ печати, о податяхъ. Султанъ обращаетъ особое вниманіе палатъ на смѣту предстоящихъ расходовъ и прибавляетъ: внутреннія преобразованія, уже совершенныя, несмотря на войну, служатъ доказательствомъ искренности нашихъ намѣреній; въ обезпеченной свободѣ преній палаты имѣютъ наилучшее средство раскрыть истину по всѣмъ вопросамъ, предлагаемымъ на ихъ обсужденіе».

Выписавъ въ дневникъ этотъ многообѣщающій манифестъ, Газенкампфъ чуть чуть что не отплевывается въ негодованіи. «Кому—восклицаетъ онъ— нужна эта постыдная комедія? Кого этими благоглупостями благоудивить хотятъ»?

А «постыдная комедія», которую разыгрывалъ султанъ передъ своимъ народомъ, нужна была, потому что перипетіи затянувшейся войны ставили Порту въ весьма и весьма критическое положеніе. Приходилось изворачиваться и лгать. Но кончилась война, и отъ обѣщанныхъ преобразованій такъ же, какъ и отъ «пожалованной» было уже конституціи не осталось ни малѣйшаго слѣда.

Вл. Кранихфельдъ.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

О русскомъ словѣ и „должномъ образѣ мыслей". — Обогащеніе русскаго разговора новыми словами.—Многочисленные толковники стараго добраго слова— „произволъ". — „Солнце міровой правды" въ домѣ коннозаводства.—Истинно-русское слово и слово „истинно-русскихъ" людей.—„Отечественный союзъ". — Маленькое отрадное явленіе.

Неисчерпаемыя богатства русскаго языка довольно извѣстны. Обиліе словъ и выраженій, а также чрезвычайное разнообразіе и гибкость комбинаціонной формы даютъ намъ, русскимъ, великое преимущество передъ прочими народами. Достаточно сравнить наше положеніе въ этомъ смыслѣ съ положеніемъ французовъ. Пользуясь однимъ изъ самыхъ бѣдныхъ европейскихъ языковъ по количеству словъ, французы поставлены въ несчастную необходимость постоянно остроумничать и каламбурить; чтобы выразить самую простую мысль, они должны выжать изъ французскаго слова все, что возможно.

Правда, о русскомъ языкѣ можно сказать то же, что сказано было о русской землѣ: онъ великъ и богатъ, но порядку въ немъ нѣтъ, и мы до сихъ поръ не можемъ пользоваться его богатствомъ. Но дальше аналогія прекращается, и владѣютъ имъ и княжатъ надъ нимъ не призванные, а незваные варяги. Они держатъ сокровище подъ спудомъ, а въ народное обращеніе представляются лишь крохи. Извольте тутъ уподобиться скупому богачу, который питается подаяніемъ. По неволѣ обращаешься въ легкомысленнаго француза и начинаешь жонглировать десяткомъ словъ. Горько сознавать, что могъ бы безъ труда и не думая сказать что-нибудь очень значительное и очень нужное, если бы былъ доступъ ко всѣмъ русскимъ словамъ.

Но все же и въ такомъ оскудѣніи русское слово выручаетъ. Его мѣткость и многозначительность порой отличается высшимъ вдохновеніемъ независимо отъ убожества того, кто его произноситъ.

Напр., бесѣдуетъ учитель одной сельской школы съ инспекторомъ. Инспекторъ старается «ущемить» учителя въ либерализмѣ, о которомъ г. инспекторъ имѣетъ свѣдѣнія изъ «частныхъ слуховъ», «по всему» и одного доноса, который написанъ «такъ хорошо и грамотно». Ущемляемый справедливо недоумѣваетъ: неужели для учителя обязательно держаться консервативнаго образа мыслей? «До нѣкоторой степени—да. Пожалуй—да»... отвѣчаетъ инспекторъ.

— «Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, — для учителя этотъ образъ мыслей предпочтительнѣе либеральнаго.

— Тогда я прошу васъ разъяснить мнѣ,—каковъ долженъ быть консервативный образъ мыслей?

— Консервативный... Это, видите ли... Впрочемъ, вѣрнѣе будетъ «должный» образъ мыслей. У учителя долженъ быть «должный» образъ мыслей. Такъ прямо и въ законѣ сказано...

*

— Въ законѣ?

— Да. Это содержится въ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, въ которой сказано, что инспектора должны наблюдать, чтобы учащіе держались «должнаго» образа мыслей. Эта инструкція инспекторамъ вошла теперь въ сводъ законовъ. Она высочайше утверждена. Такъ что я и говорю, что это сказано въ законѣ» («Наша Жизнь» № 125).

«— А какой это такой «должный образъ мыслей»?

Г-нъ инспекторъ отвѣтилъ коротко:

«— А это значитъ—быть православнымъ... и во всякомъ случаѣ, не идти противъ своего вѣдомства...

Инспекторъ подумалъ и добавилъ:

— Лучше, вообще, ничего не разговаривать объ этомъ ни съ учениками, ни съ крестьянами. Вообще, не слѣдуетъ разговаривать и, тѣмъ болѣе, съ крестьянами.

— Такъ, значитъ, ни съ крестьянами, ни съ учениками нельзя ни объ чемъ разговаривать?

— Лучше не разговаривать.

— А если они спросятъ. Какъ же имъ отвѣтить? Сказать, что не приказано мнѣ съ вами разговаривать!?

— Нѣтъ, зачѣмъ же такъ. Просто сказать—«не знаю».

Совершенно серьезный тонъ инспектора настолько ошеломилъ учителя, что онъ даже переспросилъ:

— Не знаю? Такъ и говорить?

— Да,—«не знаю»,—подтвердилъ инспекторъ и даже помоталъ головой, показывая, какъ это отнѣкиваются».

У насъ такъ увѣрены, что русское слово само за себя постоитъ, что всякія разсужденія почитаются излишними.

Съ другой стороны, эта увѣренность обнаруживается особенно ярко въ томъ, что даже тотъ небольшой словесный запасъ, который отпущенъ русскому человѣку для нуждъ членораздѣльной рѣчи, вызываетъ опасенія: положимъ, что обыватель не умничаетъ, да, вѣдь, слово то умно! И изъ такого простого соображенія вытекаетъ такая, напр., политика.

Ученикъ одного изъ начальныхъ училищъ г. Златоуста принесъ въ школу нѣсколько ненужныхъ брошюръ, касающихся всеобщей переписи, и роздалъ товарищамъ. На книги никто не обратилъ вниманія, и ученики побросали ихъ въ печь, одну показали учителю, и онъ также выбросилъ брошюрку. Но вслѣдствіе разсказовъ учениковъ, что въ училищѣ были сожжены какія-то книги за исключеніемъ одного экземпляра, учитель черезъ нѣкоторое время былъ позванъ къ допросу. Во время допроса въ школѣ шелъ обыскъ, и только по окончаніи его учитель былъ отпущенъ съ миромъ. Затѣмъ 30-го марта учителя златоустовскихъ начальныхъ училищъ получили отъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ Юркевича предписаніе такого содержанія: «Вслѣдствіе предложенія г. директора народныхъ училищъ Уфим. г. отъ 23 марта 1905 г. за № 819, прошу васъ внушить учащимся во ввѣренномъ вамъ учи-

лищѣ, чтобы они не приносили въ училище никакихъ книгъ и брошюръ кромѣ учебниковъ и книгъ, взятыхъ изъ училищной библіотеки».

1 апрѣля учителями была получена другая бумага отъ того же г. Юркевича. «До свѣдѣнія дирекціи народныхъ училищъ Уфим. г. дошло, что за послѣднее время неизвѣстными людьми разсылаются по училищамъ на имя завѣдывающихъ антиправительственныя прокламаціи при чемъ таковыя нерѣдко вручаются и ученикамъ на пути къ школѣ.

«Для огражденія учебныхъ заведеній отъ нежелательнаго распространенія въ стѣнахъ ихъ прокламацій, г. директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи предложеніемъ отъ 27 марта 1905 г. за № 846 поручилъ мнѣ предложить г. учителямъ и учительницамъ златоустовскаго уѣзда, чтобы они адресованныя на имя ихъ или приносимыя учениками въ школу прокламаціи передавали полиціи и немедленно извѣщали объ этомъ инспекцію народныхъ училищъ». («Н. Ж.» № 116).

Такимъ образомъ, старая кчижка о всеобщей переписи съ Божьей помощью обернулась въ антиправительственную прокламацію. Остается только изумляться оппозиціонной силѣ печатнаго, но ни кѣмъ не прочитаннаго слова да еще и на сухую статистическую тему.

Любопытнѣе всего, что оскудѣніе рѣчи сильнѣе чувствуется именно у педагоговъ. Между тѣмъ ихъ главнымъ оружіемъ и должно быть поучительное слово. Кромѣ указанныхъ случаевъ словобоязни, мы можемъ привести еще два обращенія двухъ педагоговъ. У обоихъ весьма словоточивыя главы, но при этомъ столь «должнаго образа мыслей», что, чѣмъ больше они говорятъ, тѣмъ яснѣе видно, какъ они боятся сказать лишнее внѣ установленной инструкціи. Одинъ, — попечитель оренбургскаго учебнаго округа, Н. Ч. Заіончковскій обратился въ г. Уральскѣ къ выпускнымъ реалистамъ съ рѣчью (см. «Рус. Вѣд.» № 159):

«Ѣдете вы,—говорилъ г. Заіончковскій,—по желѣзной дорогѣ, на мосту стоитъ часовой съ ружьемъ, въ вагонахъ тоже. Невольно сейчасъ-же возникаетъ вопросъ: отъ кого онъ охраняетъ путь и поѣздъ желѣзной дороги—отъ японца, отъ француза, отъ нѣмца, отъ англичанина? Какъ вы думаете? Нѣтъ!.. Отъ внутреннихъ враговъ, отъ насъ-же, русскихъ, охраняетъ онъ. Всюду у насъ забастовки, всюду бунты, въ то время, когда надлежало всѣмъ намъ воспрянуть духомъ. У насъ находятся люди, которые посягаютъ на существующій строй и идутъ противъ воли Царя».

Что касается студентовъ, то «русскій студентъ,—говорилъ ораторъ,—забастовалъ и книги бросилъ, его отъ нихъ воротитъ». Такъ какъ рѣчь произносилась въ городѣ, населенномъ исключительно казаками, то г. Заіончковскій въ заключеніе сказалъ: «Казаки, постарайтесь оправдать тѣ надежды, которыя возлагаютъ на васъ».

Другой ораторъ—директоръ народныхъ училищъ оренбургской губерніи г. Терновскій, авторъ «патріотическихъ» брошюръ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ г. Терновскій въ 9 выпускѣ «Русско-японская война» (приложеніе къ № 3 «Циркуляра для народныхъ училищъ оренбургскаго учебнаго округа»

за 1905 г.). «Нужно замѣтить, говорятъ «Рус. Вѣд.», что всѣ выпуски начинаются съ обращенія «Дорогія дѣти!» Но это, конечно, ни къ чему не обязываетъ г. Терновскаго. А дальше слѣдуетъ:

«Въ ту пору, когда всѣ истинно-русскіе люди горько скорбѣли о гибели нашего флота и сдачѣ Артура, наши внѣшніе враги изъ-за границы стали употреблять всѣ силы, чтобы произвести смуту умовъ въ самой Россіи, и многіе, многіе русскіе люди изъ рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и даже на желѣзныхъ дорогахъ поддались смутѣ и стали отказываться отъ работы, чтобы вытребовать себѣ большую плату за меньшее время работы. Нѣтъ сомнѣнія, что коноводы безпорядковъ получали деньги и указанія изъ-за границы отъ нашихъ недруговъ».

Никто, конечно, прочитавши эти рѣчи, не скажетъ, чтобы онѣ служили къ возвеличенію русскаго языка. По этимъ обращеніямъ можно только судить, сколь бѣденъ словарь даже покровительствуемыхъ ораторовъ, что имъ приходится, подобно французамъ, переворачивать на всѣ лады одно выраженіе, «внутренній врагъ», но безъ французскаго остроумія. Впрочемъ, на послѣднее достоинство гг. ораторы, въ качествѣ истинно-русскихъ людей, вѣроятно, и не претендуютъ.

Чтобы покончить съ педагогическими поучительными словами, приведемъ въ заключеніе еще одну рѣчь, которая показываетъ, что получается въ результатѣ убогаго краснорѣчія. По правдѣ сказать, мы затрудняемся опредѣлить, чего собственно желаютъ достигнуть кастраціей русскаго языка. По крайней мѣрѣ, въ педагогической практикѣ такая экономія словъ представляется намъ совершенно непонятной. Учить безъ словъ—это такая же нелѣпая претензія, какъ играть на скрипкѣ безъ канифоли, странность, погубившая репутацію и карьеру прутковскаго героя. Какъ бы тамъ ни было, но, вѣроятно, гг. педагоги совсѣмъ не желали добиться подобнаго же уничтожающаго приговора, какой имъ вынесли въ г. Ковно выпускные гимназисты. 4 іюня въ ковенской мужской гимназіи, послѣ того какъ аттестаты были розданы, однимъ изъ окончившихъ была сказана слѣдующая рѣчь, обращенная къ педагогическому персоналу (см. «Веч. Почту» № 166):

«Я скажу вамъ, господа педагоги, нѣсколько словъ отъ имени большинства моихъ товарищей. Восемь лѣтъ вы намъ читали поученія, позвольте и намъ хоть одинъ разъ сдѣлать то же.

«Восемь лѣтъ тому назадъ мы вступили въ стѣны этого заведенія веселыми, жизнерадостными мальчиками, готовыми на высокіе порывы съ чистой, открытой для всего хорошаго, душой. Мы жаждали свѣта, любви и ласки; но, вмѣсто хлѣба, намъ дали камень; и вотъ, теперь, по истеченіи 8, а для многихъ и болѣе лѣтъ, мы выходимъ изъ стѣнъ этого учебнаго заведенія, лишенные вѣры въ себя и людей, измученные долголѣтней борьбой съ вами, не пріобрѣтя никакихъ положительныхъ знаній, съ горькимъ сознаніемъ, что мы безполезно потеряли столько лучшихъ лѣтъ нашей жизни. Мы не выносимъ изъ нашей гимназической жизни ни одного свѣтлаго воспоминанія. Ни одинъ свѣтлый лучъ не освѣщаетъ этого темнаго царства невѣжества и попранія

правъ личности. Уходя отсюда, мы всѣ проникнуты однимъ чувствомъ, это чувство—ненависть къ общимъ условіямъ жизни, создавшимъ учебныя заведенія такого типа...

«Съ этимъ чувствомъ мы разстаемся съ гимназіей, съ этимъ чувствомъ разстанутся съ ней и всѣ будущіе воспитанники подобной гимназіи».

«Первую половину рѣчи,—сообщаетъ корреспондетъ «Веч. П.»,—П. прочелъ при мертвой тишинѣ, затѣмъ былъ прерванъ г. директоромъ и докончилъ ее уже при общемъ шумѣ»...

* * *

Сильно даютъ знать себя новыя вѣянія, въ Саратовской губерніи. Инженеръ Архангельскій напечаталъ въ «Саратовскомъ Дневникѣ» письмо, въ которомъ разсказываетъ, какъ онъ проѣзжалъ въ поѣздѣ отъ Аткарска до Екатериновки. Сидѣлъ г. Архангельскій со своими двумя сослуживцами въ вагонѣ 1 класса и, по случаю прогресса, громко разсуждалъ о современномъ положеніи Россіи, о настроеніи общества и проч. Нѣсколько въ сторонѣ сидѣлъ спокойно нѣкій незнакомецъ. Этотъ незнакомецъ высадился вмѣстѣ съ г. Архангельскимъ на ст. «Екатериновка» и сейчасъ же потребовалъ у дежурнаго по станціи жалобную книгу. На вопросъ дежурнаго г. Якубинскаго, зачѣмъ ему книга, незнакомецъ объяснилъ, что такой-то (называетъ фамилію г. Архангельскаго), сидя въ вагонѣ, занимался политическими разговорами. Но «дежурный по станціи,—продолжаетъ свой разсказъ г. Архангельскій,—объяснилъ, что все это относится къ области моихъ взглядовъ и убѣжденій и не можетъ служить темой для жалобъ пассажировъ при помощи станціонной книги. Раздумавъ занести свою жалобу, нашъ незнакомецъ хотѣлъ было записать, что нашъ разговоръ мѣшалъ ему спать, но такъ какъ дежурный выяснилъ что тотъ не обращался къ намъ съ соотвѣтствующей просьбой, ни непосредственно, ни черезъ главнаго кондуктора, то и эту жалобу незнакомецъ тоже раздумалъ записать».

Незнакомецъ оказался дворяниномъ Павловымъ, землевладѣльцемъ Аткарскаго уѣзда и сотрудникомъ «Моск. Вѣд.». Не вынесла его душа стремительнаго россійскаго прогресса и, заслышавъ «политическія» слова, онъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ доносу. Но прогрессъ—тутъ какъ тутъ—былъ уже на станціи «Екатериновка», и жалобная книга, смѣшная, чеховская жалобная книга, гостепріимно открытая для всякаго «слова нелѣпости», захлопнулась передъ лицомъ дворянина Павлова, собиравшагося вписать «слово и дѣло». Въ этомъ эпизодѣ видѣнъ даже какой-то явно прогрессивный перстъ, грозно помавающій передъ дворяниномъ Павловымъ. По крайней мѣрѣ, либералы такъ думаютъ.

Что же касается до самого «незнакомца», то, онъ по всей видимости, мало смущенъ несчастнымъ предзнаменованіемъ. Извѣстно даже, что онъ принялъ свои мѣры, чтобы вернуть Россію къ прежнему состоянію. Какъ водится, онъ основалъ въ Аткарскѣ «лигу патріотовъ-монархистовъ». Лига, конечно, какъ лига. Устои укрѣпляетъ, крамолу всякими способами уничтожаетъ, даже неподаваніемъ руки всѣмъ недовольнымъ нынѣшнимъ строемъ. Все

это мало интересно. Гораздо знаменательнѣе необычайная откровенность лиги. Въ своемъ постановленіи, которое удалось добыть корреспонденту «Рус. Сл.» (№ 172), лига рекомендуетъ слѣдующую точку зрѣнія:

«Положеніе лучшей части населенія становится нестерпимымъ, и волненіе народа доходитъ до крайнихъ предѣловъ... Возстановленіе нарушеннаго спокойствія и полнаго порядка возможно при условіи скорѣйшаго проявленія всей могущественной силы правительственной, какъ административной, такъ и судебной власти...

«Никого изъ насъ не смущаютъ самыя радикальныя мѣры охранительной власти, именуемыя крамольной частью общества «произволомъ»... Мы ожидаемъ отъ правительства сильныхъ, властныхъ и радикальныхъ актовъ, чтобы почерпнуть въ нихъ новый запасъ силъ для активной борьбы съ потерявшими совѣсть и стыдъ внутренними врагами Россіи, препятствующими славному окончанію борьбы съ врагами внѣшними».

Слово сказано. Дворянинъ Павловъ, ни мало не жантильничая, потребовалъ «произвола». Противъ новыхъ терминовъ, обогатившихъ русскую рѣчь, г. Павловъ выдвинулъ тоже своего рода нелегальное слово, по содержанію, можетъ быть, самое богатое. Пока—это единственное слово, которое можетъ поспорить со «свободой», «конституціей» и прочими ci—devant жупелами. Кто кого съѣстъ, за какимъ словомъ стоитъ больше общественныхъ силъ, сейчасъ не за чѣмъ рѣшать. Для насъ важно сейчасъ только то обстоятельство, что разныя общественныя группы и направленія договариваются до конца или пытаются какъ можно точнѣе выразить свои интересы и пожеланія. Если направленія, діаметрально противоположныя вожделѣніямъ разныхъ «лигъ», еще и не могутъ размежеваться между собою и сказать все необходимое въ своихъ цѣляхъ, то вожделѣющіе «патріоты» въ лицѣ дворянина Павлова произнесли, кажется, послѣднее слово. Выдвигая въ защиту государственныхъ устоевъ произволъ, аткарскіе лигисты, вѣроятно, и не подозрѣваютъ, что воинственный азартъ довелъ ихъ до антигосударственности. Конечно, отъ такого эффекта лигисты всячески открещиваются, но, въ такомъ случаѣ, въ ихъ программѣ проводится политика ничѣмъ нестѣсняемаго авантюризма, подкрѣпленнаго пугачевщиной. Такъ или иначе, но честь опредѣленія этой государственной мудрости принадлежитъ г. Павлову. Весь смыслъ реакціоннаго движенія онъ заключилъ въ одномъ словѣ «произволъ». Куда же дальше идти?

* *
*

Вмѣсто того, чтобы собственными силами изслѣдовать мудрость, заключенную въ явленномъ аткарскимъ государственнымъ мужемъ словѣ, обратимся лучше къ многочисленнымъ толковникамъ «произвола».

На первомъ мѣстѣ, конечно, долженъ быть поставленъ одинъ уфимскій городовой. Недавно онъ «всенародно объяснилъ пріѣзжимъ крестьянамъ, что въ Уфѣ—усиленная охрана и что онъ «кажиннаго» можетъ убить изъ «леворвера» и никакихъ «свидѣтелевъ» противъ него не примутъ» (Рус. Вѣд.» № 155).

Или вотъ «необычное происшествіе», какое имѣло мѣсто въ Среднеколымскѣ, отдаленнѣйшемъ городѣ Якутской области, 8 марта. «Пятью мѣстными административно-ссыльными, М. Басомъ, М. Бойковымъ, П. Верхотуровымъ, Вл. Держановскимъ и К. Сидоровичемъ, было произведено, какъ формулировано обвиненіе въ полицейскомъ протоколѣ (по 263 ст.), «вооруженное нападеніе» на исправника *съ цѣлью отнятія у него пришедшей на ихъ имя корреспонденціи* и выраженія протеста противъ просмотра ея администраціей. Нынѣ всѣ протестанты отправлены подъ усиленнымъ конвоемъ въ Якутскъ, гдѣ будетъ слушаться ихъ дѣло». («Р. В.» № 155).

Не считая очень частыхъ «произвольныхъ» задержаній и обысковъ, происходящихъ въ разныхъ городахъ, мы обратимъ вниманіе на одинъ, но зато систематическій опытъ примѣненія произвола. Мы имѣемъ въ виду село Павловки Сумскаго уѣзда, Харьковской гуоерніи.

Какъ извѣстно, здѣсь въ 1901 г. сектанты, доведенные до «изступленія и полнаго отчаянія» притѣсненіями мѣстныхъ властей, пытались разгромить православную церковь съ цѣлью освободить скрытую тамъ будто бы «правду». Послѣ этого, въ селѣ Павловки было создано совершенно исключительное положеніе для сектантовъ. Г. Мельгуновъ, посѣтившій Павловки послѣ оффиціальнаго провозглашенія въ Россіи вѣротерпимости, посвятилъ описанію тамошняго режима два большихъ фельетона въ «Рус. Вѣд.» (№ 162 и 172). Вотъ что онъ пишетъ, между прочимъ.

«Дабы преградить въ Павловки доступъ постороннимъ вѣяніямъ и оградить сосѣднія села отъ вреднаго вліянія сектантовъ, это село огораживается какой-то непроницаемой китайской стѣной и въ буквальномъ смыслѣ отрѣзывается отъ всего окружающаго міра. Безъ разрѣшенія администраціи никто не можетъ пріѣхать въ Павловки и никто не можетъ оттуда выѣхать. На основаніи Положенія объ усиленной охранѣ здѣсь вводится тотъ полицейскій режимъ, который превращаетъ обывателя въ простую игрушку всевластной администраціи,—гг. мѣстныхъ урядниковъ, земскихъ начальниковъ, становыхъ и т. д.».

«Нигдѣ такъ грубо не попираются неприкосновенность личности и жилища,—во всякое время дня и ночи стражники имѣютъ право врываться въ дома сектантовъ и производить здѣсь обыски; изъ опасенія какой-либо конспираціи всякія сборища сектантовъ разгоняются, и такими недозволенными сборищами считается, когда 2—3 сектанта сойдутся для чтенія евангелія; мало того, сектантъ не можетъ пойти даже къ сосѣду по хозяйственной надобности,—взять нужный ему топоръ или лемехъ; крестьянинъ нанимаетъ работника себѣ въ помощь для обработки сада; ихъ обоихъ немедленно арестовываютъ, везутъ по начальству за десятки верстъ, къ становому и исправнику; недѣля, быть-можетъ, проходитъ въ такихъ мытарствахъ, и, въ концѣ-концовъ, земскій начальникъ на основаніи протокола полиціи приговариваетъ къ 50-тирублевому штрафу виновныхъ въ нарушеніи обязательныхъ постановленій, дѣйствующихъ въ Павловкахъ».

«Не только мѣстные церберы въ видѣ полицейскихъ стражниковъ, въ

особенномъ обиліи сосредоточенные въ этомъ яко-бы «революціонномъ» гнѣздѣ, но и каждый обыватель Павловокъ получилъ исключительное право арестовывать безъ объясненія причинъ вновь прибывшее неизвѣстное въ деревнѣ лицо и доставлять на усмотрѣніе безконтрольнаго вершителя мѣстныхъ дѣлъ—урядника Заички. Понятно, что при такихъ условіяхъ всякія попытки проникнуть въ Павловки, миновавъ эти полицейскія заставы, оканчивались крайне неудачно. Намъ извѣстны двѣ такихъ неудачныхъ попытки за истекшіе четыре года, и обѣ онѣ окончились весьма печально для смѣльчаковъ. Такъ, пытался однажды посѣтить Павловки одинъ американецъ, не знакомый съ нашими отечественными порядками; если его миссія къ сектантамъ и не удалась, то онъ вознаградилъ себя за-то сторицей, ознакомившись съ павловскими порядками и лично на себѣ испытавъ всю тяжесть этого режима: при въѣздѣ въ Павловки любопытный американецъ былъ немедленно арестованъ и безъ дальнихъ разговоровъ отправленъ этапнымъ порядкомъ къ харьковскому губернатору. Пытались сюда въ другой разъ проникнуть и двое изъ нашихъ наивныхъ соотечественниковъ, недостаточно еще освоившихся съ самобытными устоями русской жизни, но ихъ судьба была еще болѣе печальна»...

Самому г. Мельгунову удалось проникнуть въ Павловки послѣ продолжительныхъ мытарствъ, только заручившись санкціей высшей губернской администраціи, но не потому, что онъ «имѣлъ на это неоспоримое право, принадлежащее каждому русскому гражданину, и не потому, что объявленная правительственнымъ актомъ вѣротерпимость уничтожила всѣ существовавшія ранѣе ограниченія»...

Къ этимъ, наудачу выбраннымъ большимъ и малымъ комментаріямъ «произвола», новый писанный комментарій совершенно излишенъ. Анархія ли это будетъ или авантюризмъ, но поставленная во главу аткарской программы идея оказывается дѣйствительно значительной во всѣхъ проявленіяхъ жизни. Нужно только пожелать, чтобы безстыдству слова двор. Павлова соотвѣтствовала и ничѣмъ не прикрытая нагота дѣла его лиги. Тогда мы не будемъ принуждены искать иллюстрацій на сторонѣ. Мы жаждемъ просвѣщеннаго руководства дворянина Павлова, а не невѣжественныхъ указаній уфимскаго городового и павловскаго стражника.

* * *

Въ домѣ коннозаводства, въ Москвѣ, тоже не теряютъ времени напрасно и придумываютъ новыя формулы, спасающія отечество. Членъ «Союза русскихъ людей» г. П. А. Некрасовъ прочелъ тамъ докладъ о государственныхъ реформахъ и объ избирательной и палатной системѣ, а г. Ежовъ передалъ суть реферата въ «Новомъ Времени».

Новая формула гласитъ слѣдующее: «православіе, самодержавіе и академія» (науки и искусства). Такимъ образомъ, народность, даже московская, даже Страстного бульвара народность упраздняется совсѣмъ и навсегда. Ибо, если принять во вниманіе, что новое триединство именуется «отраженіемъ солнца міровой правды», то станетъ яснымъ, что все прочее относится къ неправдѣ. Значитъ, и народность туда же. Вообще, г. Некрасовъ меньше всего заботится

о народности. Рефератъ его обиленъ иностранными словами и учеными терминами, сухъ и книженъ, что докладчикъ объяснилъ очень просто:

—«Я старался дать матеріалъ, который былъ бы доступенъ слушателямъ съ образовательнымъ цензомъ, хотя бы только въ предѣлахъ пяти классовъ гимназіи!»

«Солнце міровой правды» «стоитъ выше гражданскаго закона и юридическаго обряда». «Вотъ почему всѣмъ конституціямъ, требующимъ независимости суда отъ Верховной власти, можно сказать,—заявилъ лекторъ:—«судьи, не заслоняйте солнца правды того государства, которому вы служите!»

«Кормчій государственнаго корабля—верховная власть». Всѣ прочіе, «матросы, мастера и техники» должны скромно занимать свою позицію, соотвѣтственно разнымъ вѣдомствамъ («должный образъ мыслей»!). Никакихъ «западныхъ кумировъ», заслоняющихъ «русскіе естественные и историческіе путеводные авторитеты», т. е. «православіе, самодержавіе и академію»! «Боритесь съ этимъ русскіе люди!»

Разсуждая о представительствѣ, г. Некрасовъ, по своей манерѣ давать гораздо больше, чѣмъ у него просятъ, стоитъ не за одну и не за двѣ палаты, а за множество,—центральную, новую палату, и мѣстныя, провинціальныя. Слѣдовательно, можемъ мы заключить, г. Некрасовъ противъ всѣхъ палатъ. Такъ и есть. Когда его спросили прямо, нужна ли по его мнѣнію новая палата, г. Некрасовъ «не затрудняясь» отвѣтилъ такъ же прямо:

«Я думаю, что хорошая палата съ доблестнымъ большинствомъ дѣятелей нужна и желательна, а плохая конечно нѣтъ. Затѣмъ, на мой взглядъ, судя по нынѣшней спутанности взглядовъ и понятій, скорѣе можно ожидать образованія палаты послѣдняго типа, чѣмъ добропорядочной!».

Разсмотримъ еще одну деталь «корабля», чтобы рѣшить вопросъ, куда же запропалъ народъ, хотя бы въ лицѣ избирателей. Права избирателей г. Некрасовъ отдаетъ не гражданину, а семьѣ коренного населенія, при чемъ семьи раздѣляются на «опороченныя» и «неопороченныя». Первыя погрѣшили противъ воинской повинности и, вообще, противъ службы государству, обществу и народу и не пользуются избирательнымъ правомъ. Во вторыхъ же семьяхъ избирательный голосъ принадлежитъ главѣ семьи, мужчинѣ или женщинѣ.

Впрочемъ, всѣ эти подробности, повторяемъ, не имѣютъ значенія, потому что представительства не нужно. Все остается по старому, только размѣры «приведены въ огромность»: міровой океанъ, солнце міровой правды и старый русскій «корабль», которымъ управляютъ «презрѣнные» совѣтники!.. Академическое табло!

* * *

Пока «академія» г. Некрасова приводитъ свои размѣры въ огромность, опорочивая, по мѣрѣ силъ, всѣхъ, не имѣющихъ свидѣтельства о прохожденіи 5-ти классовъ гимназіи, въ народѣ,—въ «простомъ» народѣ, г. Некрасовъ!—совершается непрерывная работа надъ такими же государственной важности задачами. И что, вѣроятно, больше всего удивитъ г. попечителя московскаго учебнаго округа,—«простой» народъ чрезвычайно интересуется теоретической, такъ сказать, академической (только безъ московскихъ размѣровъ) стороной

политическихъ вопросовъ. Интересуется и очень хорошо разбирается. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, напр., во время 50-дневной стачки, мѣстность на рѣкѣ Талкѣ превратилась, по выраженію одного корреспондента, въ каѳедру соціальныхъ наукъ. Здѣсь нашли себѣ популяризаторовъ всѣ толки и оттѣнки общественной политической мысли въ той системѣ, какая выработана западно-европейской наукой. И слушателями были исключительно рабочіе. Конечно, здѣсь не плавали безъ руля и безъ вѣтрилъ по міровому океану, но зато солнце правды свѣтило одинаково и праведнымъ и грѣшнымъ. И здѣсь тоже звучали новыя слова и новыя формулы, но они держали въ напряженномъ вниманіи 50-ти тысячную массу рабочихъ въ теченіе цѣлаго дня, не утомляя ихъ. Эти слова были не придуманными, а настоящими русскими словами, которыхъ давно жаждало слышать ухо и такъ долго не могло услышать. Можетъ быть, и тутъ были рѣчи съ темнымъ или ничтожнымъ значеніемъ («пустые» и «презрѣнные» совѣты, какъ выразился бы г. Некрасовъ), но ужъ, навѣрное, изъ тѣхъ рѣчей, что «имъ безъ волненья внимать невозможно».

Кромѣ грандіозныхъ иваново-вознесенскихъ митинговъ подъ открытымъ небомъ, мы укажемъ на два маленькихъ, случайныхъ сборища. Что именно говорилось на этихъ собраніяхъ, корреспонденты не сообщаютъ, но что бы тамъ ни было, ясно, что массы связываетъ въ одно цѣлое не «исконно-русскія» начала, а живое слово о настоятельномъ русскомъ дѣлѣ, ихъ сплачиваетъ политическій голодъ, какъ бы онъ ни противорѣчилъ исконной натурѣ.

Въ с. Ст.-Ликѣево Нижегородскаго уѣзда, пишетъ корреспондентъ «Нашей Жизни», въ лугахъ «во время праздничнаго гулянья крестьянъ, одинъ интеллигентъ изъ Н.-Новгорода попробовалъ поораторствовать на современныя темы: о деревенскомъ оскудѣніи, безправіи и о народномъ представительствѣ. Сначала крестьяне слушали неохотно, но къ концу ихъ было около 70 человѣкъ. Во время рѣчи, къ оратору подошелъ одинъ парень и сказалъ: «Это, навѣрно, сормовскій, чего его слушать-то»! Но тутъ вдругъ изъ толпы посыпались на голову парня: «А ты не мѣшай, большой выросъ, а ума нѣтъ!» Парень, сконфузившись, исчезъ куда-то.

Довѣріе къ оратору росло вмѣстѣ съ его рѣчью. Но вотъ въ лугахъ появляется волостной старшина Даниловъ со старостой и нарядчикомъ «Егоркой». Старшина посылаетъ къ оратору Егорку. Тотъ безцеремонно расталкиваетъ толпу локтями, пробирается къ оратору и говоритъ ему: «А ты, баринъ, уходи, не мѣсто тебѣ здѣсь...»

Баринъ не уходитъ, крестьяне дѣлаютъ угрожающій окрикъ по адресу Егорки. Егорка стушевывается съ луга вмѣстѣ съ представителями мѣстной власти.

По окончаніи рѣчи, крестьяне благодарили оратора.

Собраніе закончилось безъ всякихъ инцидентовъ».

Какъ видимъ, случай незначительный, но довольно типичный для нашего времени. Типична тутъ и роль исконныхъ началъ, въ лицѣ «Егорки», и полное ихъ пораженіе.

Другое тоже ничѣмъ не выдающееся собраніе, но именно оттого и харак-

терное для современнаго направленія умовъ, имѣло мѣсто въ с. Иванинѣ Владимірской губ. Недавно, какъ передаетъ корреспондентъ «Сына Отечества», тамъ было «собесѣдованіе миссіонера съ мѣстными старообрядцами. Цѣль поѣздки миссіонера по здѣшнему и другимъ уѣздамъ—побудить старообрядцевъ перейти въ единовѣріе. Старообрядцы, не довѣряя силамъ мѣстныхъ начетчиковъ, вызвали изъ саратовской губ. извѣстнаго начетчика, старика Коновалова. Собесѣдованіе подъ предсѣдсѣдательствомъ крупнаго мѣстнаго землевладѣльца А. Грессера началось съ религіозныхъ вопросовъ, но скоро перешло на вопросы общественные, волнующіе теперь всѣхъ. Предсѣдатель въ своемъ резюме по религіознымъ вопросамъ сдѣлалъ выводы въ пользу старообрядцевъ, за что послѣдніе въ концѣ благодарили его за безпристрастное и сочувственное отношеніе къ нимъ.

Самый же главный вопросъ—о переходѣ въ единовѣріе—къ великому огорченію миссіонера, былъ оставленъ открытымъ, такъ какъ публика перешла на обсужденіе волнующихъ теперь всѣхъ общественныхъ вопросовъ и такъ увлеклась этимъ, что на главную цѣль пріѣзда миссіонера не осталось уже времени».

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ разныхъ другихъ городахъ, селахъ и мѣстечкахъ происходили и происходятъ подобныя же собранія. Они влекутъ къ себѣ тѣхъ, кого устраняетъ «академія» «Союза русскихъ людей» или исконныя начала Русскаго Собранія. На нихъ совершается та незамѣтная, но глубоконаціональная работа общественной мысли, которой такъ чуждо настроеніе разныхъ лигъ. На засѣданіяхъ лигъ, если и занимались чѣмъ-нибудь, такъ, вообще говоря, только опредѣленіемъ собственной національности. А, опредѣливши свою исконную природу, переходили къ опознаванію національности своего сосѣда и т. д. до безконечности.

Къ этому сыску не лучше ли привлечь иностранныхъ шпіоновъ? Большіе мастера.

* *
*

Одинъ изъ самыхъ послѣднихъ проектовъ спасти отечество отъ народа—это земскій соборъ и земская дума по мысли новаго «Отечественнаго Союза». Достигается рѣшеніе этой общей всѣмъ «патріотическимъ» организаціямъ задачи при помощи особаго института исконно-русскаго гостепріимства. Весь фокусъ заключается въ томъ, чтобы народныхъ представителей сдѣлать гостями. А затѣмъ ужъ, сообразно своему положенію, «гости» принуждены будутъ удалиться домой. Этотъ новый политическій терминъ, болѣе тонкій и болѣе чреватый неожиданными сюрпризами, чѣмъ «академія», стоитъ въ тѣсной связи со всѣмъ проектомъ «Отечественнаго Союза» (напечатаннымъ въ выдержкахъ въ «Словѣ» №№ 186 и 187).

«Каждая объединенная общими интересами группа населенія выбираетъ въ законосовѣщательное учрежденіе, именуемое земскимъ соборомъ, своихъ излюбленныхъ людей, исключительно изъ своей среды». Выборные отъ духовенства являются представителями «духовныхъ интересовъ народа», а выборные отъ дворянства—«представителями политическаго разума страны т.-е. выразителями

нуждъ всѣхъ слоевъ ея населенія, взятыхъ въ совокупности». Что касается остальныхъ соціальныхъ группъ, на которыя подраздѣляется городское и сельское населеніе, то для нихъ устанавливается приличный имущественный цензъ, такъ какъ «при нашемъ самодержавномъ строѣ... естественнымъ защитникомъ всѣхъ неимущихъ классовъ населенія является сама Верховная власть». При этомъ проектъ проявляетъ особенную заботливость о крестьянахъ (владѣющихъ надѣльной землей). Для нихъ устанавливается особая система выборовъ (одинъ выборный отъ 500.000 крестьянскаго населенія) и къ тому же многостепенная «въ виду многочисленности этого сословія и въ цѣляхъ предоставленія ему возможности сознательно избирать дѣйствительно достойнѣйшихъ своихъ членовъ». Но и этого мало. «Оторвать землевладѣльца отъ родного села на нѣсколько лѣтъ,—а само собой разумѣется, что личный составъ собора не можетъ возобновляться въ краткіе промежутки и въ крайнемъ случаѣ долженъ бы избираться не менѣе какъ на пять лѣтъ,—значитъ превратить его въ горожанина, искусственно разорвать его связь съ землей и въ результатѣ затемнить въ его пониманіи истинныя пользы и нужды сословія, къ коему онъ принадлежитъ».

Участіе крестьянъ въ разработкѣ спеціальныхъ узаконеній, сопряженныхъ съ областью отвлеченнаго права, будетъ въ большинствѣ случаевъ, по меньшей мѣрѣ, безполезно».

Не отрывать—грозитъ опасность. Вѣдь крестьянство «несомнѣнно соль земли нашей; нѣтъ сомнѣнія, что именно оно все крѣпче держится за нашъ старинный государственный укладъ и, слѣдовательно, въ общемъ явится наиболѣе надежнымъ оплотомъ существующаго строя. Такимъ образомъ, устранять представителей крестьянства отъ непосредственнаго участія въ собраніи всѣхъ людей земли было бы не только не справедливо, но и опасно».

Съ одной стороны, безполезно, съ другой—опасно. Какой же выходъ? «Выходъ изъ этого положенія можетъ быть только одинъ—земскій соборъ, какъ таковой, т.-е. какъ собраніе непосредственныхъ представителей всѣхъ слоевъ населенія, можетъ дѣйствовать лишь кратковременно и при томъ обсуждать лишь основные вопросы государственной жизни».

Итакъ, въ интересахъ крестьянъ сдѣлано все, что возможно. Выборы произведены. По примѣрному подсчету составителя проекта представителей отъ крестьянъ (80% всего населенія Россіи) будетъ 191, отъ дворянскихъ обществъ и землевладѣльцевъ вмѣстѣ—*209*, отъ духовенствъ—18 и отъ городскаго населенія—194. Весь этотъ личный составъ собора избирается на пять лѣтъ и долженъ собираться «лишь на краткій срокъ и при томъ обсуждать вопросы государственной важности».

«Онъ собирается въ первопрестольной столицѣ—въ московскомъ Кремлѣ. Здѣсь выборные отъ крестьянъ, наравнѣ съ представителями отъ остальныхъ сословій, являются гостями русскаго Царя и въ соотвѣтствіи съ этимъ размѣщаются въ особо приготовленныхъ для нихъ помѣщеніяхъ. Тѣмъ самымъ, съ одной стороны, обезпечивается соотвѣтственная достоинству выборныхъ представителей населенія внѣшняя обстановка ихъ жизни, а съ другой, въ

значительной степени пресѣкается возможность революціонной пропаганды среди избранныхъ».

Работа сдѣлана довольно чисто. Представители передѣланы въ гостей и довольно богатыхъ гостей, приглашенныхъ лишь на короткій визитъ, и заключены,—виноватъ,—размѣщены въ Кремлѣ, соотвѣтственно ихъ достоинству. «Засимъ земскій соборъ будетъ распущенъ», и гости разъѣзжаются домой. Регулярная государственная работа возлагается на другое законосовѣщательное учрежденіе, земскую думу, которая разсматриваетъ законопроекты во всѣхъ ихъ деталяхъ и находится въ Петербургѣ, поближе къ административнымъ канцеляріямъ. Членовъ земской думы держатъ, вѣроятно, въ затрапезномъ платьѣ и не особенно берегутъ, потому что, благодаря меньшему численному составу (100—150 чел.), въ земской думѣ сохранять «непосредственное представительство отъ всѣхъ слоевъ населенія нѣтъ надобности». Такимъ образомъ, земская дума не имѣетъ ничего общаго съ народнымъ представительствомъ. Въ ней засѣдаютъ не гости, не слуги и ужъ совсѣмъ не хозяева. Что-то въ родѣ бѣдныхъ родственниковъ на положеніи чиновниковъ-практикантовъ.

«Отечественный» союзъ былъ названъ газетами аграрнымъ. И дѣйствительно, представителей частновладѣльческаго землевладѣнія въ соборѣ насчитывается 161, а вмѣстѣ съ дворянами ихъ больше, чѣмъ крестьянъ. Всѣхъ же представителей земли—400 противъ 194 выборныхъ отъ городского населенія.

Мы достаточно видѣли, какъ противъ обогащенія русскаго языка новыми, трепещущими жизнью словами, реакціонная часть общества выдвинула,—да позволено будетъ тамъ сказать, — контръ-богатство своей фразеологіи. Хотя насильственное уничтоженіе словъ, обѣднѣніе языка остается въ прежней силѣ, но теперь выдвинуто и новое средство для достиженія исконныхъ цѣлей. «Академія» и «гости» какъ бы вносятъ тоже нѣчто новое въ русскую жизнь, но при ближайшемъ разсмотрѣніи они являются только новой погудкой на старый ладъ, и сочиненные термины служатъ лишь для выраженія вѣчно того же «должнаго образа мыслей».

Одинъ только г. Павловъ сказалъ настоящее слово — «произволъ». Но оно оказалось настоящее, а не «нарочно» только потому, что оно старо и давно уже имѣетъ солидныя толкованія, случайные примѣры которыхъ мы приводимъ.

Между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія, что назрѣла необходимость снять запретъ со всей русской рѣчи. Настала пора говорить откровенно, а не только безстыдно, какъ это позволяетъ себѣ дѣлать аткарская лига. Жизнь дѣйствительно требуетъ новыхъ формулъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что это требованіе можно удовлетворить словесностью и разными риторическими варіаціями. Такими упражненіями особенно прославились извѣстныя общественныя группы... Въ переливаніи изъ пустого въ порожнее есть движеніе, но только не общественное. А двигаться все-таки надо. И вотъ, въ то время, какъ жизнь устремляется въ неизвѣстную даль и гдѣ-то въ глубинѣ ея, впотьмахъ, органически складываются и уже звучатъ новыя слова, на бурной поверхности

происходитъ какое-то нелѣпое словоизверженіе, цѣль котораго — только бы заглушить рѣчи снизу. Реакціонеры говорятъ, говорятъ и говорятъ, стараясь очиститься отъ всякой подозрительной въ глазахъ начальства скверны. Но, храни Богъ, какъ бы тамъ, у каблука его превосходительства не подумали, что и они двигаются вмѣстѣ съ жизнью! Нѣтъ, они только говорятъ, потому что трудно молчать, когда дрожитъ подъ ногами почва. Но зато это единственная ихъ уступка духу времени. Во всемъ прочемъ они твердо стоятъ исконно-русскими ногами на исконно-русской землѣ. Вотъ только русская земля колеблется...

* * *

Всякія слова пріятно заключить дѣломъ, хотя бы и маленькимъ. Ничто такъ успокоительно не дѣйствуетъ, какъ маленькій отрадный фактъ, особенно, когда онъ является во благовременіи. Обозрѣвши нѣсколько государственныхъ и даже «міровыхъ» проектовъ, наслушавшись разныхъ самыхъ послѣднихъ словъ, мысль ищетъ отдохновенія въ непридуманной дѣйствительности.

Вотъ назрѣвшая и совершившаяся реформа:

«По распоряженію намѣстника гр. Воронцова-Дашкова, у чиновъ закавказской полицейской стражи отмѣнены нагайки при верховой ѣздѣ и вмѣсто нихъ введено для всѣхъ, въ томъ числѣ и нижнихъ чиновъ, ношеніе шпоръ» («Кавказъ»).

Чтобы оцѣнить все значеніе этой реформы, нужно вспомнить, что такое нагайка, а для этого не лишнимъ будетъ принять во вниманіе слѣдующее письмо одного казака, полученное, по словамъ «Веч. Почты», въ станицѣ Урюпинской, Донской области:

«вотъ я вамъ раскажу просваю службу служимъ мы вгороди риге Не такъ какъ мы Служили вмоскве Атиперь служимъ и козаками но Анднимъ словомъ *какъ* впрошетчие года въ древніи вримина *розьбоиники Ногаики мы все поделали испроволоки прямо смертные рубимъ наповалъ...*».

Большое облегченіе вышло лошадямъ...

І. Ларскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Германія и марокккскій вопросъ. — Шовинизмъ націоналъ-либераловъ.—Честь арміи на судѣ.—Вліяніе войны.—Военный ферейнъ и народный учитель.—Полковникъ Пикаръ о германской арміи.—Политика князя Бюлова.—Венгрія и шведско-норвежскій конфликтъ.—Практическое разрѣшеніе шведско-норвежскаго конфликта.—Юбилей Маццини.—Парламентскій скандалъ во Франціи.—Измѣненіе характера англійской палаты общинъ.

Въ германскомъ общественномъ мнѣніи замѣчается нѣкоторая растерянность по отношенію къ марокккскому вопросу. Правда, нѣкоторыми газетами было торжественно заявлено, что Германія имѣла успѣхъ въ Марокко и заставила уважать свои требованія, вслѣдствіе чего императоръ Вильгельмъ выбралъ

текстомъ для своей воскресной проповѣди изрѣченіе «Gott mit Uns», но тѣмъ не менѣе, въ сообщеніяхъ печати постоянно встрѣчаются разногласія и самыя противорѣчивыя свѣдѣнія о ходѣ марокксвихъ переговоровъ. Даже официальныя и офиціозныя корреспонденціи объ этомъ вопросѣ зачастую противорѣчатъ другъ другу, и это, конечно, является причиной возбужденнаго состоянія, въ которомъ находится въ данный моментъ германская публика. Далеко не всѣ оправдываютъ поведеніе германскаго канцлера, стяжавшаго себѣ, благодаря марокккскому вопросу, княжескій титулъ. Въ печати раздаются голоса, доказывающіе пользу и необходимость добрыхъ сосѣдскихъ отношеній съ Франціей, которыя, въ концѣ концовъ, могли бы привести и къ дружбѣ и, хотя эти голоса немногочисленны, но все же они указываютъ, что шовинизмъ германскихъ официальныхъ круговъ имѣетъ противниковъ даже въ самомъ германскомъ обществѣ. Раздраженіе противъ Англіи, на которую нѣмцы взваливаютъ отвѣтственность за весь марокккскій инцидентъ, на время какъ будто начавшее утихать, возродилось съ новою силой послѣ статьи, появившейся въ «Morning Post». Этотъ вліятельный органъ англійской консервативной печати, не высказывавшій до сихъ поръ никакой особенной враждебности по отношенію къ Германіи, вдругъ заговорилъ воинственнымъ тономъ. Само собою разумѣется, что эта воинственная нота тотчасъ же нашла откликъ въ германской консервативной печати, воспользовавшейся этимъ, чтобы возобновить свой походъ въ пользу увеличенія германскаго флота, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ рейхстагѣ, съ открытіемъ осенней сессіи, будетъ внесено требованіе новыхъ морскихъ кредитовъ.

Національ-либералы также повидимому настроены довольно воинственно по отношенію къ Англіи. Лидеръ этой партіи въ рейхстагѣ Бассерманнъ сказалъ недавно рѣчь, очень непонравившуюся англичанамъ и вызвавшую рѣзкую критику въ англійскихъ газетахъ. Онъ началъ съ упоминанія о временахъ Бисмарка. Пока Бисмаркъ стоялъ у кормила правленія, не было никакой необходимости обсуждать вопросы иностранной политики публично, но Бюловъ долженъ, конечно, желать, чтобы общественное мнѣніе высказывалось объ этихъ вопросахъ, такъ какъ ему надо знать, пользуется ли его политика довѣріемъ націи? Характернымъ симптомомъ современной эпохи являются международныя смуты, тѣмъ болѣе, что война дальняго востока выдвинула теперь вопросъ объ измѣненіяхъ въ равновѣсіи державъ, несомнѣнно послѣдующихъ вслѣдъ за заключеніемъ мира. Это обстоятельство вынуждаетъ Германію съ еще большимъ вниманіемъ относиться къ своему международному положенію. Бассерманнъ, являющійся выразителемъ мнѣнія національ-либеральной партіи, находитъ, конечно, что Германія больше всего должна заботиться о томъ, чтобы всегда быть хорошо вооруженной, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Современный миръ, сказалъ онъ,—это миръ «вооруженнаго кулака»; объ этомъ не слѣдуетъ забывать ни на минуту. «Очень жаль, прибавилъ онъ, что состояніе имперскихъ финансовъ не позволяетъ государству подготовить къ военной службѣ буквально каждаго нѣмца». Эта послѣдняя фраза вызвала въ особенности язвительную критику той части печати, которая

всѣми силами возстаетъ противъ шовинисткаго направленія. Новый матеріалъ для этого рода полемики доставилъ процессъ, разбиравшійся недавно въ Галле и снова выдвинувшій на сцену вопросъ о поведеніи войскъ на войнѣ и о «подвигахъ гунновъ», какъ выражаются соціалъ-демократическія газеты. Депутатъ рейхстага Кунертъ обвинялся въ клеветѣ на германскихъ солдатъ и офицеровъ, служившихъ въ восточно-азіатскомъ экспедиціонномъ корпусѣ во время боксерскаго возстанія. Два года тому назадъ, въ періодъ выборной агитаціи, Кунертъ сказалъ рѣчь въ одномъ избирательномъ собраніи, въ которой, между прочимъ, упомянулъ о некрасивыхъ и звѣрскихъ поступкахъ, продѣланныхъ офицерами и солдатами въ Китаѣ. Теперь за эти слова ему приходится поплатиться трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, къ которому его приговорилъ судъ, усмотрѣвшій въ его рѣчи желаніе бросить невыгодную тѣнь и загрязнить репутацію всей германской арміи, такъ какъ Кунертъ говорилъ не объ отдѣльныхъ случаяхъ, а дѣлалъ обобщенія; защита просила вызвать разныхъ лицъ, между прочимъ генерала фонъ-Лессели, командовавшаго восточно-азіатскою бригадой, Брандта, бывшаго посланника въ Китаѣ, Госслера, бывшаго военнаго министра, и допросить письменно сэра Роберта Гарта, но судъ отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, и допрошены были только присутствовавшіе свидѣтели. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ свидѣтелей подтвердили обвиненія Кунерта, прокуроръ все-таки настаивалъ на томъ, что эти были лишь «единичные случаи», и Кунертъ не имѣлъ права, на основаніи такихъ случаевъ, составляющихъ на войнѣ довольно «обычное явленіе», открыто порицать поведеніе войскъ и дѣлать выводы, касающіеся всей арміи. Словомъ, онъ находилъ, что тутъ задѣта «военная честь», съ чѣмъ согласились и судьи, вынесшіе Кунерту обвинительный приговоръ, несмотря на его протесты и довольно противорѣчивыя показанія свидѣтелей, агентовъ полиціи, и нѣкоторыхъ другихъ, цитировавшихъ инкриминированныя фразы его рѣчи. Во всякомъ случаѣ «честь» германской арміи теперь удовлетворена: соціалъ-демократъ Кунертъ отсидитъ три мѣсяца въ тюрьмѣ за свои непочтительныя рѣчи, но это не можетъ помѣшать общественному мнѣнію высказать свой взглядъ на это дѣло. «Мы не можемъ раздѣлять мнѣнія прокурора и судей, что все это неизбѣжныя сопутствующія явленія войны,—говоритъ либеральная печать. Не разъ уже было замѣчено, что войска цивилизованныхъ народовъ во время войнъ съ народами, стоящими на болѣе низкой степени культуры, обнаруживали склонность усваивать себѣ привычки и взгляды именно варварскихъ народовъ. Во время войны съ африканскими племенами, европейцы зачастую даже превосходили ихъ жестокостью,—и въ англійскихъ владѣніяхъ, въ Конго и въ земляхъ германскаго протектората въ Африкѣ такіе случаи составляютъ далеко не рѣдкое явленіе и даже вызывали возмущенные протесты общества и печати. Тоже произошло и во время китайскаго похода, гдѣ мѣстами можно было замѣтить у войскъ склонность становиться на монгольскую точку зрѣнія и усваивать себѣ монгольскіе военные пріемы. Это фактъ, что многіе гуманные и прекрасные люди у себя дома—превращались въ грубыхъ животныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и совершали такіе по-

ступки, на которые никто, на родинѣ, не могъ считать ихъ способными. Ожесточеніе нравовъ, вандализмъ являются послѣдствіемъ войны, но на нихъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на неизбѣжныя явленія и мириться съ ними. Надо протестовать во имя цивилизаціи, и лучшимъ средствомъ борьбы является, конечно, полное и безусловное оглашеніе всѣхъ подобныхъ случаевъ и преданіе ихъ на судъ общественнаго мнѣнія страны». Само собою разумѣется, что консервативная печать не раздѣляетъ такой точки зрѣнія и съ пѣною у рта доказываетъ необходимость сохраненія престижа войска, который такъ стараются подорвать соціалъ-демократы.

Такую же ожесточенную полемику и тоже касающуюся военнаго элемента вызываетъ другое судебное дѣло. Дисциплинарный судъ въ Верхней Силезіи привлекъ къ отвѣтственности одного школьнаго учителя за оскорбленіе военнаго ферейна. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: органъ этого ферейна «Parole» поименовалъ съ надлежащими коментаріями всѣхъ лицъ, которыя были исключены изъ состава членовъ за свои политическія убѣжденія. Возмущенный этимъ поступкомъ, учитель, увидѣвъ однажды въ гостинницѣ, гдѣ онъ обѣдалъ, эту газету, сказалъ хозяйкѣ: «Пфуй! какъ можете вы держать у себя такую газету? Если вамъ ее присылаютъ, то вы должны ее тотчасъ же выбрасывать!» Вмѣстѣ съ этимъ, онъ разсказалъ хозяйкѣ, что въ нѣкоторыхъ органахъ германской печати военные ферейны называются не «Kriegervereine» (ферейны воиновъ), а «Kriechervereine» (ферейны пресмыкающихся), такъ какъ тамъ не дозволяется свободно высказывать свое мнѣніе. Судъ, разобравъ дѣло, не счелъ возможнымъ признать виновнымъ учителя, такъ какъ насмѣшливое наименованіе: «Kriechervereine» употреблялось не разъ даже депутатами въ засѣданіяхъ рейхстага и, слѣдовательно, учитель не уклонился отъ правды въ своемъ разсказѣ; учитель былъ оправданъ, но, мотивируя свой оправдательный приговоръ, судъ все-таки призналъ нужнымъ высказаться въ пользу его увольненія отъ службы. По мнѣнію суда, учитель, позволяя себѣ публично критиковать военные ферейны, оказался не на высотѣ патріотическихъ требованій, предъявляемыхъ каждому чиновнику, находящемуся на государственной службѣ, и поэтому долженъ быть уволенъ. Онъ не могъ не знать, что ферейны находятся подъ высокимъ покровительствомъ императора Вильгельма II, который одобряетъ ихъ направленіе, а также направленіе издаваемыхъ ими газетъ и ихъ дѣятельность, имѣющую цѣлью борьбу съ партіями переворота. Въ виду этого поступокъ учителя слѣдуетъ признать въ высокой степени «непатріотичнымъ» и заслуживающимъ порицанія.

Такая мотивировка вызвала взрывъ негодованія въ нѣмецкой либеральной печати. «Если чиновники не имѣютъ даже права критиковать дѣйствія военныхъ ферейновъ, какъ бы они ни были возмутительны, на томъ основаніи, что ферейны эти находятся подъ высокимъ покровительствомъ, то значитъ они лишены самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ!» восклицаютъ эти газеты, выражая твердую увѣренность, что чиновники, желающіе сохранить за собою право независимаго мнѣнія, будутъ энергично протестовать противъ такихъ взглядовъ дисциплинарнаго суда. Во всякомъ случаѣ, дѣло это еще

*

нельзя считать покончeннымъ, и учитель еще не уволенъ въ отставку, такъ какъ общественное мнѣніе было слишкомъ возмущено подобнымъ заявленіемъ, на основаніи котораго чуть ли не двѣ трети гражданъ Германіи должны быть обвинены въ отсутствіи патріотическихъ чувствъ.

Вопросъ о войскѣ, объ отношеніяхъ къ нему гражданской части общества, о качествахъ и недостаткахъ военной организаціи и т. д. почти не сходитъ со страницъ газетъ. Въ Германіи большую сенсацію производятъ статьи полковника Пикара во французской газетѣ «Aurore». Этотъ полковникъ, извѣстный по дѣлу Дрейфуса, такъ какъ онъ принималъ участіе въ выясненіи истины и даже былъ за это арестованъ, считается во Франціи военнымъ авторитетомъ, и въ Германіи къ его замѣчаніямъ прислушиваются съ большимъ вниманіемъ. Сравнивая германскую и французскую армію настоящаго времени, Пикаръ воздаетъ должное всѣмъ качествамъ германскаго войска. Дѣйствующій составъ германской арміи въ мирное время больше, чѣмъ во Франціи. Кромѣ того, обученіе германскаго солдата лучше, и Пикаръ называетъ его «превосходнымъ». Каждый солдатъ посвящается во всѣ требованія современнаго военнаго искусства и пріучается имѣть собственную инициативу во множествѣ затруднительныхъ случаевъ. Словомъ, онъ долженъ умѣть не только повиноваться, но и разсуждать, а это полковникъ Пикаръ считаетъ особенно важнымъ.

Однако, восхваляя германскую армію, Пикаръ все-таки говоритъ, что хотя съ 1870 года военное могущество Германіи значительно возрасло, но самая система подверглась лишь незначительнымъ измѣненіямъ. Въ особенности эти слова относятся къ корпусу офицеровъ, главнымъ недостаткомъ котораго является его исключительность. Германскіе офицеры образуютъ особую касту и генеральный корпусъ по прежнему представляетъ изъ себя корпусъ избранныхъ, какимъ его сдѣлалъ Мольтке. Въ этомъ обстоятельствѣ Пикаръ видитъ источникъ слабости и будущихъ опасностей для войска, организація котораго, въ сущности, вовсе не ушла впередъ со временъ французской войны, тогда какъ Франція сдѣлала большіе успѣхи въ этомъ направленіи и можетъ спокойно смотрѣть въ будущее.

Князь Бюловъ можетъ похвалиться тѣмъ, что его популярность среди его согражданъ возрастаетъ. Онъ не сходитъ со страницъ сатирическихъ листковъ и каррикатуры его распространяются по всей Германіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчается въ печати (за исключеніемъ конечно «пресмыкающейся» прессы) наростаніе раздраженіе противъ него. Онъ получилъ княжескій титулъ, но за что?—спрашиваютъ газеты,—за то что чуть не ввергъ страну въ непоправимое бѣдствіе, которымъ явилась бы война съ Франціей и всюду старается помѣшать дѣлу мира и прогресса, заставляя Германію поддерживать угнетателей и такую политику, которая является позоромъ для XX вѣка! Инцидентъ съ Жоресомъ, по адресу котораго Бюловъ наговорилъ массу любезностей, не допустивъ ни его пріѣзда въ Берлинъ, ни его рѣчи, имѣющей цѣлью сближеніе двухъ великихъ культурныхъ націй и упроченіе мира, возмутилъ общественное мнѣніе Германіи, лицемѣрныя похвалы, расточаемыя Бюловымъ патріотизму Жореса, котораго онъ противопоставляетъ германскимъ соціалъ-демократамъ и

инсинуаціи по адресу послѣднихъ, вызвали негодованіе даже болѣе умѣренныхъ органовъ печати. «Неужели германскій народъ позволитъ, чтобы его участью распоряжались, не спрашивая его, и ради какихъ-то, никому неизвѣстныхъ дипломатическихъ соображеній подвергали бы его опасности войны?» Вотъ вопросъ, который повторяется на всѣ лады прогрессивною печатью, доказывающею необходимость національнаго контроля надъ дѣйствіями дипломатовъ. Несмотря на вмѣшательство Бюлова, не допустившаго Жореса сказать свою рѣчь въ Берлинѣ, эта не произнесенная рѣчь напечатана и распространяется тысячами экземпляровъ во всей странѣ, производя еще больше впечатлѣнія, вслѣдствіе запрещенія произнести ее публично, чѣмъ если бы даже она была произнесена. Поступокъ Бюлова, быть можетъ, больше сдѣлалъ въ пользу сближенія французскаго и германскаго народовъ, нежели всякія свиданія и переговоры. Безсмысленная и вредная политика Бюлова подверглась жестокой и блестящей критикѣ въ громовой рѣчи Бебеля, сказанной имъ на съѣздѣ соціалъ-демократовъ въ Констанцѣ (на швейцарской границѣ). Бюловъ и тамъ вмѣшался и по его настоянію баденское правительство запретило произносить рѣчи иностраннымъ ораторамъ. Но, къ своему великому огорченію, оно не могло запретить говорить Бебелю, который, между прочимъ, предостерегъ германское правительство, указавъ на сосѣднюю страну и замѣтивъ, что аналогичныя дѣйствія могутъ привести и къ аналогичнымъ результатамъ... Затѣмъ все собраніе изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, перешло, вмѣстѣ со своими ораторами германскую границу, въ десяти минутахъ разстоянія и на глазахъ баденскихъ властей, оставшихся по ту сторону, продолжало свое засѣданіе уже на свободной швейцарской землѣ.

Событія въ Скандинавіи производятъ громадное впечатлѣніе на умы въ Венгріи. Одинъ выдающійся и вліятельный депутатъ независимой партіи, а также издатель главнаго органа венгерской коалиціи, собираетъ подписи подъ поздравительнымъ адресомъ норвежскому парламенту, а Кошутъ печатаетъ статьи, подъ заглавіемъ «Благое предостереженіе», въ которыхъ говоритъ, что какъ русско-японская война доказала дѣйствительное значеніе національной арміи, такъ и норвежскій народъ, устранивъ короля, который лично пользовался любовью и уваженіемъ въ Норвегіи, доказалъ, что даже родственныя расы вынуждены бываютъ порою порывать связывающія ихъ узы, когда союзъ между ними истолковывается одностороннимъ образомъ, и онѣ не могутъ достичь полнаго равенства, вслѣдствіе того, что централизаціонныя силы препятствуютъ осуществленію легальныхъ національныхъ правъ.

Въ Венгріи, кризисъ достигъ того пункта, когда онъ является уже открытымъ столкновеніемъ между короной и націей, дѣйствующей въ данномъ случаѣ почти единодушно. Теперешнее венгерское правительство объявлено незаконнымъ, такъ какъ кабинетъ Фейервари остается у власти вопреки выраженному ему палатой недовѣрія, и потому каждому венгерскому гражданину предлагается оказывать открытое противодѣйствіе, всѣми имѣющимися средствами, такому незаконному правительству. Такъ и поступаютъ уже разныя мѣстныя власти и органы самоуправленія, отказывающія въ своемъ содѣйствіи при сборѣ податей и призывѣ новобранцевъ. Правительство лишено

возможности отмѣнить такого рода постановленія общинныхъ властей и можетъ только смѣстить непокорныхъ чиновниковъ, но центральный комитетъ венгерской объединенной оппозиціи успокаиваетъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что такія дѣйствія не пройдутъ даромъ правительству и по возстановленіи нормальнаго порядка, будетъ потребовано съ него полное возмѣщеніе нанесенныхъ имъ убытковъ и какъ правительство, такъ и его помощники, будутъ привлечены къ судебной отвѣтственности. Какъ бы то ни было, а крайнія націоналистическія тенденціи въ Венгріи несомнѣнно берутъ верхъ въ данную минуту надъ всѣми другими соображеніями, и политическая система, породившая австро-венгерскую унію 1877 г.. вѣроятно, безповоротно рушилась.

Графъ Тисса, правительство котораго ознаменовалось этимъ разрывомъ, недавно въ собраніи либеральной партіи съ грустью констатировалъ успѣхи, демагогической агитаціи въ странѣ и парламентѣ. Онъ жалѣлъ о томъ, что военныя уступки, сдѣланныя королемъ мадьярамъ, были отвергнуты ради агитаціи въ пользу употребленія мадьярскаго языка для команды въ войскахъ. «Вѣдь, еслибы даже король согласился на эту реформу,—сказалъ Тисса,—то она долгое время оставалась бы мертвою буквой, вслѣдствіе невозможности найти офицеровъ, которые могли бы командовать на этомъ языкѣ». Но такіе аргументы не дѣйствуютъ на мадьяръ, также какъ и слова Тиссы, что если бы въ венгерской арміи были другія условія, и она не была бы полиглотской организаціей, гдѣ необходимо было установить какіе-нибудь общіе способы для сношеній между штабомъ, офицерами и солдатами, то, безъ сомнѣнія, король не затруднился бы согласиться на введеніе въ арміи мадьярскаго языка. «На что намъ Австрія?—возразилъ ему одинъ изъ непримиримыхъ.—Намъ нѣтъ до нея никакого дѣла? Мы хотимъ, чтобы въ нашихъ войскахъ команда производилась на нашемъ родномъ языкѣ. Если дѣло дойдетъ до борьбы, то пускай! Вѣдь Венгрія существуетъ уже болѣе тысячи лѣтъ и будетъ продолжать существовать вопреки Австріи». Возбужденіе въ Венгріи, какъ видно изъ этого, нисколько не утихаетъ. Наоборотъ, мадьярская печать негодуетъ и обвиняетъ Францъ-Іосифа въ «открытомъ абсолютизмѣ», обращаясь въ то же время къ барону Фейервари съ вопросомъ, понимаетъ ли онъ, куда ведутъ его дѣйствія? Ораторы партіи и всѣ мадьярскія газеты въ одинъ голосъ говорятъ о необходимости организаціи «національнаго сопротивленія» въ каждомъ уголкѣ страны, и возбужденіе народа все растетъ...

Въ Швеціи и Норвегіи событія развиваются въ полномъ спокойствіи, безъ сильныхъ волненій и потрясеній. Расторженіе уніи не нарушило мира, хотя былъ такой моментъ, когда въ европейскихъ газетахъ появились сенсаціонныя извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ и возможности вооруженнаго конфликта между двумя родственными странами. Но теперь, повидимому, дѣло налаживается съ тѣхъ поръ, какъ норвержцы придумали практическій способъ снискать благосклонное отношеніе державъ, Англіи, Германіи и Даніи и, отказавшись отъ идеи учрежденія республики, рѣшили пригласить датскаго принца Карла занять вакантное мѣсто. Это очень ловкій дипломатическій пріемъ, такъ какъ съ воцареніемъ новой династіи въ Норвегіи, она окажется въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ вліятельными европейскими державами и будетъ

имѣть гораздо больше шансовъ получить съ ихъ стороны полное признаніе. При томъ же, какъ сказалъ Нансенъ одному французскому журналисту, «монархія обойдется Норвегіи дешево». Во всякомъ случаѣ, вопросъ о монархіи, какъ видно, не вызываетъ особенныхъ разногласій. По выраженію Ибсена, «норвежцы хотятъ жить собственною жизнью» и, конечно, конституціонный монархъ не можетъ помѣшать этому въ виду существующихъ въ странѣ демократическихъ учрежденій. Въ европейскомъ общественномъ мнѣніи замѣчается уже охлажденіе интереса къ шведско-норвежскому конфликту, который не даетъ никакой пищи для сенсаціонныхъ слуховъ и продолжаетъ мирно развиваться. Франкфуртская газета замѣчаетъ, что мирный характеръ переворота дѣлаетъ честь учтивости и сдержанности сѣверныхъ народовъ и въ шутку называетъ это «революціей во фракѣ и бѣломъ галстухѣ». Эта революція не только не сопровождалась выстрѣлами, но до сихъ поръ не было сказано даже ни одного рѣзкаго слова, ни съ той, ни съ другой стороны. Хорошо еслибы и въ другихъ странахъ брали примѣръ съ Стокгольма и Христіаніи. Недавно въ Упсалѣ происходилъ студенческій митингъ, на которомъ обсуждался вопросъ объ уніи. По словамъ всѣхъ иностранныхъ корреспондентовъ, присутствовавшихъ на митингѣ, онъ поражалъ своимъ спокойствіемъ и чинностью. Ни одного рѣзкаго слова не было произнесено, хотя въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ и звучала нотка негодованія. Но большею частью вопросъ обсуждался совершенно объективно, «академически» и не вызвалъ никакихъ рѣзкихъ заявленій среди публики. Такой спокойный тонъ преобладаетъ во всей націи, и какъ министры и профессора, такъ и писатели, студенты крестьяне и пастора никогда не измѣняютъ ему въ своихъ рѣчахъ и дебатахъ, даже если дѣло касается такого остраго политическаго вопроса, какимъ является шведско-норвежскій споръ.

Италія очень торжественно отпраздновала столѣтнюю годовщину рожденія Мащини, и любителямъ историческихъ парадоксовъ церемонія, происходившая въ римской коллегіи, конечно, должна была очень понравиться. Правнукъ Карла Альберта лично принималъ участіе въ апоѳеозѣ того самого человѣка, котораго пьемонтская монархія преслѣдовала въ теченіе пятидесяти лѣтъ по всей Европѣ. Этотъ фактъ служитъ наилучшимъ доказательствомъ умиротворенія, наступившаго въ Италіи, гдѣ, ради общаго дѣла, были забыты всѣ прежнія разногласія и распри, и теперь между королемъ, предки котораго яростно преслѣдовали революціонеровъ, и революціонерами, которые въ Италіи и другихъ мѣстахъ вели ожесточенную войну противъ монархіи, образовалась высшая солидарность ради общей цѣли объединенія отечества. Но когда умеръ Маццини (10 мая 1872 г.), то полнаго примиренія еще не было, тѣмъ не менѣе смерть его была національнымъ трауромъ, въ которомъ династія первая приняла участіе. И теперь празднованіе годовщины рожденія Маццини явилось настоящимъ политическимъ событіемъ. Эрнесто Нитинъ, воспитанный въ домѣ Маццини, въ своей рѣчи, произнесенной въ присутствіи короля, изложилъ идеи великаго итальянскаго патріота. Маццини считалъ республику единственною логическою государственною формой, но выше республиканскаго принципа онъ ставилъ волю народа, и поэтому онъ преклонился передъ монархіей, осно-

ванной на народномъ рѣшеніи. Ради единства Италіи, Маццини принесъ въ жертву свои политическія убѣжденія и подалъ этимъ примѣръ національнаго примиренія. Итальянскій король сознaлъ это и почтилъ память революціонера, котораго его прадѣдъ держалъ въ тюрьмѣ. Такъ мѣняются взгляды и условія, и вчерашній преступникъ превращается во всѣми чествуемаго великаго патріота; офиціальныя чествованія памяти Маццини, происходившія во всей Италіи, являются въ этомъ отношеніи настоящимъ политическимъ урокомъ.

Во Франціи закрытіе парламентской сессіи не обошлось безъ скандала. Послѣ ухода Комба, казалось, наступило нѣкоторое затишье, не нарушившееся даже тогда, когда Делькассе своею внѣшнею политикой чуть не вовлекъ страну въ большія затрудненія, поэтому министерство и сочло моментъ благопріятнымъ, чтобы провести въ палатѣ давно ожидаемую амнистію націоналистамъ и роялистамъ, находящимся въ изгнаніи. Реакціонеры давно уже намекали на то, что отечеству могутъ понадобиться всѣ его сыны, и такъ какъ они очень корректно держали себя въ марокkскомъ вопросѣ и допустили вотированіе закона отдѣленія церкви отъ государства, а съ другой стороны—лѣвая также настаивала на помилованіи лицъ, замѣшанныхъ въ стачечныхъ безпорядкахъ и въ дѣлѣ масонскихъ ложъ, то правительство и рѣшило внести законопроектъ объ амнистіи всѣхъ политическихъ преступниковъ, а также членовъ монастырскихъ общинъ, оказавшихъ сопротивленіе закону объ ассоціаціяхъ, и чиновниковъ, доставлявшихъ масонскимъ ложамъ свѣдѣнія объ реакціонерныхъ офицерахъ и поэтому подвергшихся дисциплинарному взысканію. Въ сенатѣ законопроектъ этотъ прошелъ, хотя нѣкоторые изъ передовыхъ политиковъ и питали опасенія, что возвращеніе Деруледа, Бюффэ и Люръ-Салюса, какъ разъ передъ выборами, можетъ породить новыя смуты. Но въ палатѣ, совершенно неожиданно, законопроектъ объ амнистіи вызвалъ большой скандалъ. Націоналистскій депутатъ Лази съ яростью возсталъ противъ амнистіи, которая распространяется и на такихъ лицъ, какъ генералъ Пенье, собиравшій, черезъ посредство ложи «Grand Orient», свѣдѣнія о клерикальныхъ и реакціонерныхъ взглядахъ своихъ офицеровъ и уволенный за это въ отставку. При неистовыхъ апплодисментахъ правой, Лази, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, критиковалъ дѣйствія бывшаго военнаго министра Андре и «шпіонскую систему», введенную для выслѣживанія частныхъ отношеній и взглядовъ католическихъ офицеровъ. Крайняя рѣзкость оратора вызвала сильнѣйшее негодованіе лѣвой, и Жоресъ, возмущенный словами Лази, крикнулъ ему: «преступленіе человѣка, котораго вы оскорбляете, заключалось лишь въ томъ, что онъ былъ республиканскій солдатъ!» Старикъ Анри Бриссонъ, бывшій министръ-президентъ и президентъ палаты, блѣдный какъ смерть, всталъ со своего мѣста и заявилъ, что онъ будетъ вотировать противъ амнистіи, послѣ того какъ его друга, генерала Андре, подвергли здѣсь такимъ оскорбленіямъ и въ отвѣтъ на предложеніе амнистіи отвѣчали требованіемъ насилія. Лѣвая бѣшено апплодировала Бриссону, а правая подняла кошачій концертъ. Вслѣдъ затѣмъ потребовалъ словъ военный министръ Берто и въ сильнѣйшемъ волненіи сказалъ: «Сожалѣю о тѣхъ, которые не понимаютъ, что теперь, послѣ того, что пережито,

первою обязанностью палаты было вызвать успокоеніе и вернуть Франціи всѣхъ ея дѣтей. Надо было придать забвенію то, что было, а не вести такихъ постыдныхъ рѣчей, которыя не могутъ быть допущены ни однимъ республиканцемъ. Съ своей стороны я присоединился къ предложенію правительства, я готовъ былъ произнести оправдательный приговоръ всѣмъ тѣмъ, кто питалъ преступное намѣреніе втянуть армію въ заговоръ противъ республики. Но, послѣ словъ, которыя были произнесены здѣсь, я беру свою подпись назадъ». Сказавъ это, Берто взялъ подъ мышку свой портфель и вышелъ подъ руку съ Пельетаномъ. Лѣвая устроила ему овацію и шумъ еще больше усилился. Со всѣхъ сторонъ раздавались ругательства, которыми члены партій осыпали другъ друга. Наконецъ, по настоянію министра юстиціи, президентъ палаты закрылъ засѣданіе. Рувье не присутствовалъ, но за нимъ тотчасъ же поѣхали, и немедленно состоялся совѣтъ министровъ, послѣ котораго Рувье отправился къ президенту Лубэ, а отъ него въ сенатъ. Между тѣмъ, въ кулуарахъ палаты волненіе не утихало. Депутаты не расходились и въ сильнѣйшемъ возбужденіи обсуждили случившееся. Распространялись самые невообразимые слухи; говорили, будто министерство уже подало въ отставку и будто весь этотъ инцидентъ былъ подстроенъ Берто, Бриссономъ и Жоресомъ, съ цѣлью вызвать паденіе кабинета Рувье. Между націоналистами возникла яростная перебранка, и Марсель Габеръ, депутатъ и другъ Деруледа, недавно только вернувшійся изъ изгнанія, ругалъ Лази свиньей, увѣряя, что онъ нарочно это устроилъ, чтобы помѣшать Деруледу вернуться и взять на себя предводительство всѣми реакціонными партіями; словомъ, повсюду царила сумятица и когда появился Рувье, то возбужденіе достигло своего апогея. Всѣ съ напряженіемъ ожидали, что онъ скажетъ, будетъ ли онъ требовать голосованія амнистіи, несмотря на заявленіе Берто? Рувье взошелъ на трибуну, досталъ какую то бумагу и прочелъ декретъ о закрытіи сессіи. Послышались крики: «это государственный переворотъ!», но правая зааплодировала, какъ будто она была въ восторгѣ отъ того, что изъ амнистіи ничего не вышло, и ея друзья остаются въ изгнаніи.

Когда, наконецъ, депутаты разошлись, и палата опустѣла, то министры опять собрались на совѣщаніе и рѣшили, чтобы не заставить страдать изъ за рѣзкихъ словъ и безтактнаго поведенія депутата Лази разныхъ изгнанниковъ, мечтающихъ о возращеніи на родину и др. политическихъ преступниковъ,—объявить имъ помилованіе посредствомъ декрета. Деруледъ, Бюффе и Люръ Салюсъ могли бы на основаніи этого декрета вернуться на родину, однако, сомнѣваются, чтобы Деруледъ захотѣлъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ помилованіе не есть амнистія и не возвращаетъ ему всѣхъ его гражданскихъ правъ, слѣдовательно, онъ не можетъ выступить кандидатомъ на депутатскихъ выборахъ. Бурное окончаніе парламентской сессіи несомнѣнно является предзнаменованіемъ того, что предстоящіе выборы будутъ очень оживленны и что кабинетъ Рувье находится въ опасности.

Лондонская палата общинъ, всегда пользовавшаяся репутаціей очень чиннаго, спокойнаго и даже чопорнаго собранія, въ послѣднее время измѣнила

свой характеръ и тоже сдѣлалась мѣстомъ весьма бурныхъ сценъ, столкновеній и даже вмѣшательствъ силы. Причиною такой перемѣны, огорчающей многихъ англичанъ, съ грустью взирающихъ на то, во что превращается «House» (домъ), несомнѣнно является странная политика Бальфура, который поражаетъ всѣхъ своимъ упорствомъ и, несмотря на неблагопріятный исходъ положеній, все таки остается у власти. Оппозиція громко требуетъ его отставки, послѣ того какъ министерство осталось въ меньшинствѣ при голосованіи одного второстепеннаго вопроса. Прежнія министерства, не колеблясь, выходили въ отставку въ такихъ случаяхъ, и всѣ ожидали, что также поступитъ и Бальфуръ. Но не тутъ то было! Онъ объявилъ, что результаты голосованія случайные, такъ какъ министерство осталось въ меньшинствѣ лишь вслѣдствіе отсутствія своихъ приверженцевъ и поэтому онъ не считаетъ для себя обязательнымъ выходъ въ отставку! Его не вразумляютъ также и почти постоянныя пораженія консервативной партіи на дополнительныхъ выборахъ, могущія служить указаніемъ того, что ожидаетъ эту партію на общихъ парламентскихъ выборахъ. Бальфуръ ведетъ свою линію и не обращаетъ на все это ни малѣйшаго вниманія, страшно раздражая своимъ индиферентнымъ отношеніемъ оппозицію и поддерживая напряженное состояніе въ палатѣ.

Что касается англійскихъ партій, то борьба между ними стала тише, хотя и ведется также энергично, какъ и въ предшествующую сессію. Въ послѣднее время Чэмберленъ какъ то отступилъ на задній планъ. Правда, онъ появляется въ палатѣ и даже говоритъ тамъ рѣчи, но въ народныхъ собраніяхъ его почти совсѣмъ не видно. А между тѣмъ, именно такія собранія были для него прежде любимою ареной, гдѣ онъ пробовалъ свои силы и укрѣплялъ ихъ для дальнѣйшей борьбы. Но съ той поры настроеніе народныхъ массъ сильно измѣнилось, и Чэмберленъ имѣетъ всѣ основанія опасаться враждебной аудиторіи. Народъ довольно рѣшительно высказывается противъ покровительственныхъ пошлинъ, и поэтому открытая защита протекціонизма можетъ нанести прямой ущербъ господствующей партіи. Чэмберленъ это отлично понимаетъ, поэтому онъ и молчитъ теперь. Его политика совершенно непопулярна и насильно навязывать ее народу было бы равносильно самоубійству для партіи. Вотъ подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ Чэмберленъ и сдѣлался «молчаливымъ человѣкомъ», предоставляя Бальфуру защищать свою политику въ палатѣ и странѣ.

Однако, рѣчи Бальфура, особенно въ послѣднее время, отличаются туманностью и уклончивостью и не разъяснили еще ни одного вопроса изъ тѣхъ, которые такъ сильно волнуютъ англійское общественное мнѣніе. Такъ напримѣръ, онъ такъ и не разъяснилъ противорѣчій своей колоніальной политики, не сказалъ, когда и какъ будетъ обсуждаться вопросъ о таможенно-политическомъ союзѣ метрополіи съ колоніями, имѣющемъ цѣлью установленіе болѣе крѣпкой связи между отдѣльными частями Британской имперіи. Если бы это зависѣло отъ Чэмберлена, то колоніальная конференція давно уже была бы созвана, живо были бы выработаны различныя предложенія и внесены въ парламентъ, гдѣ, по мнѣнію Чэмберлена, ихъ удалось бы вотировать. Но Бальфуръ

не обладаетъ такою рѣшительностью, при томъ же онъ видѣлъ, что идеи Чэмберлена встрѣчаютъ отпоръ въ значительной части англійскаго общества и поэтому счелъ нужнымъ даже нѣсколько разъ въ своихъ рѣчахъ косвенно дать понять, что онъ не вполнѣ раздѣляетъ взгляды своего товарища, бывшаго министра колоній, что пока онъ стоитъ во главѣ министерства, до тѣхъ поръ никакихъ коренныхъ измѣненій во взаимныхъ отношеніяхъ метрополіи и колоній не будетъ произведено и, вообще, эта проблема британскаго имперіализма не будетъ выдвинута уніонистами на первый планъ. Каково же было удивленіе и неудовольствіе англійскаго общества, не желавшаго поднимать этого вопроса въ данный моментъ, когда вдругъ Бальфуръ совершенно хладнокровно заявилъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей, что колоніальная конференція будетъ созвана въ наивозможно ближайшемъ будущемъ. Это было такимъ явнымъ противорѣчіемъ со всѣми его прежними словами, что вызвало страшный шумъ и неслыханный скандалъ въ палатѣ, и противъ министра президента были высказаны рѣзкія обвиненія, задѣвающія даже его личную добросовѣстность. И тѣмъ не менѣе, Бальфуръ остается на своемъ посту, что можно объяснить только отсутствіемъ единенія и вполнѣ ясной и опредѣленной программы у либеральной партіи. Сэръ Кэмибелль Баннерманъ, теперешній лидеръ либеральной партіи сказалъ, что Англіей управляетъ не министръ-президентъ, а «великій визирь», но заставить этого великаго визиря сойти со сцены онъ не можетъ. Само собою разумѣется, что въ Англіи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ наступленія общихъ выборовъ, такъ какъ они укажутъ, кому больше довѣряетъ англійскій народъ: своему нынѣшнему правительству или либеральной оппозиціи.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛ ВЪ.

Переговоры о мирѣ.—Бѣлая или желтая опасность?—Американскій милитаризмъ.— Какъ писалъ свои романы Эмиль Золя.

Переговоры о мирѣ служатъ въ данный моментъ главною тэмой разсужденій иностранной печати и въ особенности — англійской. Почти всѣ статьи англійскихъ журналовъ въ своихъ обсужденіяхъ положенія Россіи сходятся къ одному, что «заключеніе мира въ данный моментъ является безусловною необходимостью». Диллонъ въ своей статьѣ въ «Contemporary Review», говоритъ что все человѣчество желаетъ скорѣйшаго заключенія мира, и Англія, въ частности, также стремится къ этому. По его мнѣнію, лучшимъ средствомъ разрѣшенія вопроса дальняго востока было бы совмѣстное соглашеніе: Англо-Японское—съ одной стороны, Англо-Русское—съ другой, т. е. нѣчто въ родѣ тройственной Конвенціи, по срединѣ которой находилась бы Англія, держащая за руки Россію и Японію. Каждая изъ сторонъ извлекла бы тутъ свою выгоду: Японія могла бы по собственному почину начать переговоры о мирѣ, не подвергаясь давленію извнѣ, Россія получила бы возможность употребить всю свою энергію на разрѣшеніе своихъ внутреннихъ проблемъ, Англія же перестала бы безпокоиться насчетъ Индіи, словомъ—на дальнемъ востокѣ устано-

вился бы прочный миръ. Само собою разумѣется, что въ этой комбинаціи должны были бы принять участіе Франція и Германія, такъ какъ Франція, такимъ образомъ, гарантировала бы себѣ неприкосновенность своихъ колоніальныхъ владѣній въ Китаѣ, а Германія своихъ интересовъ въ Шантунгѣ и Янтсекіангѣ, о чемъ теперь такъ усиленно заботятся въ Берлинѣ.

«Миръ долженъ быть заключенъ по международнымъ причинамъ», заявляетъ «Fornightly Review», прибавляя, что Японія, къ тому же, сама нисколько не противится этому. Война, которую вела Японія, не была агрессивной завоевательной войной, и поэтому они готовы остановить въ каждый моментъ свои военныя дѣйствія, лишь бы не пострадалъ отъ этого престижъ, достигнутый ею и добытые результаты. Со стороны Японіи, слѣдовательно, заключеніе мира не встрѣтитъ особенныхъ препятствій. Что же касается Россіи, отъ которой собственно и зависитъ исходъ вашингтонскихъ переговоровъ, то какъ внутреннія, такъ и внѣшнія условія заставляютъ ее разрубить какъ можно скорѣе Гордіевъ узелъ. Само собою разумѣется, что безъ затяжекъ дѣло не обойдется. но, во всякомъ случаѣ, въ принципѣ вопросъ о мирѣ, вѣроятно, уже рѣшенъ, Такое же мнѣніе высказываетъ и американскій журналъ «World's Work», доказывающій, что съ гибелью русскаго флота въ Цусимскомъ проливѣ война уже кончилась. Возрожденіе морского могущества немыслимо такъ скоро и пройдетъ, по крайней мѣрѣ, одно поколѣніе, прежде чѣмъ оно совершится. Разумѣется ни одна держава на свѣтѣ не можетъ дипломатическимъ путемъ заставить Россію признать себя побѣжденной, но, безъ сомнѣнія, надо имѣть больше мужества, чтобы признать себя побѣжденнымъ и трудиться надъ возстановленіемъ своихъ силъ, нежели упорствовать въ борьбѣ за такое дѣло, которое безвозвратно проиграно. Россія была бы опасна, если бы у нея нашлось это мужество, и она бодро принялась бы за перестройку своего государственнаго зданія съ самаго начала до самаго основанія. Война на дальнемъ востокѣ произнесла безповоротный приговоръ администраціи, ошибки которой и злоупотребленія, все накопляясь, привели, наконецъ, къ неизбѣжной катастрофѣ. Все указываетъ, что пробилъ часъ расплаты за всѣ эти грѣхи, и система, которая привела Россію къ гибели, погубила и себя вмѣстѣ съ нею. Высшій патріотизмъ заключается теперь не въ томъ, чтобы поддерживать подгнившее зданіе, которое грозитъ рухнуть, и устраивать для него подпорки, а въ томъ, чтобы твердо и мужественно взглянуть правдѣ въ глаза и дружно приняться за работу. Но прежде всего нуженъ миръ, нужны не кажущіяся, а настоящія реформы, которыя однѣ только могутъ привести къ возрожденію Россію и послужить толчкомъ къ ея новому мощному развитію.

Обсуждая положеніе Россіи въ Европѣ, англійская печать доказываетъ, что вліяніе этого государства всегда было вреднымъ, что оно всегда служило реакціоннымъ цѣлямъ и основывалось на воображаемой конвенціи, придуманной дипломатіей. Таково было прошлое русскаго могущества, исчезновеніе котораго ни въ комъ не можетъ оставить никакихъ сожалѣній. Переходя затѣмъ къ Германіи, англійскіе журналы обвиняютъ германскую политику въ томъ, что она всегда была дурною совѣтчицей Россіи. Если теперь сошелъ со сцены

грозный призракъ русской силы, то остается другой—прусскій милитаризмъ, который, какъ кошмаръ, давитъ на плечи всей Европы и препятствуетъ мирному развитію народовъ.

«Бѣлая или желтая опасность?»—вотъ вопросъ, который ставитъ Г. Линчъ въ своей статьѣ въ «Nineteenth Century». «Въ Азіи существуетъ теперь своего рода доктрина Монроё, относящаяся къ господству на Тихомъ Океанѣ. По мнѣнію г. Линча, Японія не уступитъ ни одного изъ тѣхъ преимуществъ, которыя были завоеваны Того и Оямой, и японизація Китая является ближайшимъ вопросомъ. Та «желтая опасность», о которой такъ много говорили, никогда не существовала для запада, но зато на дальнемъ востокѣ несомнѣнно существовала и бѣлая опасность». Эта опасность была настолько реальной, что азіатскіе народы не могли не сознать, въ концѣ концовъ, необходимости бороться съ нею. Европейцы не поняли истинныхъ мотивовъ преобразованія Японіи и напрасно чванились тѣмъ, что Японія заимствовала ихъ цивилизацію. Линчъ полагаетъ, что японцы усвоили себѣ западную цивилизацію только потому, что они ее боялись, а не потому, что считали ее выше своей. Они похитили у запада всѣ его военные секреты, научились у него искусству обороны, чтобы обратить потомъ это искусство противъ своего же учителя, если понадобится. Такимъ образомъ, они давно начали подготовляться, искусно и энергично, къ встрѣчѣ опасности, которая надвигалась на нихъ съ запада. Умно и ловко вели они свои дѣла, терпѣливо трудились и подготовляли будущее, и результаты оправдали ихъ надежды. Они только ждали момента, чтобы помѣряться силами съ Европой, зная навѣрное, что рано или поздно имъ придется пройти это испытаніе. Россія первая доставила имъ этотъ случай, явившись подъ видомъ «бѣлой опасности», о которой такъ много говорилось въ Токіо съ самаго начала новой эры. Теперь вопросъ этотъ рѣшается громомъ пушекъ. Бѣлая опасность уже не существуетъ болѣе для Японіи, и западные народы, создавшіе ее и заранѣе усчитывавшіе выгоды, которыя она должна будетъ принести имъ, увидали вдругъ прочныя и хорошо оберегаемыя преграды своему распространенію на сушѣ и на морѣ. Господиномъ положенія теперь является Японія и она останется имъ, тѣмъ болѣе, что можно предвидѣть скорое вступленіе Китая въ ея политическую орбиту. Такимъ образомъ, осуществится лозунгъ: «Азія—азіатамъ».

Однако, японскій посланникъ въ Вашингтонѣ Когора Такагира не вполнѣ раздѣляетъ эту точку зрѣнія. Въ своей статьѣ, напечатанной въ журналѣ «American Monthly», онъ сомнѣвается въ возможности милитаризаціи Китая и въ томъ, что Китай и Японія могутъ образовать единую азіатскую имперію. Главное препятствіе онъ видитъ въ нарѣчіи расъ и языка и прибавляетъ, что сама Японія, къ этому же, не стремится къ такому вліянію. Ея намѣренія прежде всего миролюбивыя; заключивъ миръ съ Россіей, она посвятитъ все свое вниманіе и всѣ свои силы торговому развитію и охранѣ своихъ интересовъ на дальнемъ востокѣ. Конечно, ей придется конкурировать съ другими державами и въ особенности съ Америкой, но Соединенные штаты, въ концѣ концовъ, и сами извлекутъ пользу изъ новой организаціи Кореи и Формозы,

также какъ и японцы—изъ присоединенія Филиппинъ и Гавайскихъ острововъ къ американскому союзу. Что же касается идеи русско-японскаго союза, то японскій авторъ считаетъ ее неосуществимой, главнымъ образомъ—потому, что въ политическомъ и интеллектуальномъ отношеніи японскій народъ проникнутъ англосаксонскими взглядами и не имѣетъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ Россіей.

Въ томъ же журналѣ говорится о восходящемъ движеніи Японіи, о тѣхъ разительныхъ перемѣнахъ, которыя произвело японское вліяніе въ Кореѣ въ какіе нибудь нѣсколько мѣсяцевъ и рядомъ рисуются русскіе порядки. Контрастъ получается поразительный.

Въ своихъ статьяхъ объ американскомъ имперіализмѣ, напечатанныхъ въ «Nouvelle Revue», Жозефъ Рибе называетъ его «полетомъ орла». Этотъ имперіализмъ явился плодомъ небывалаго экономическаго процвѣтанія. Экспортъ Соединенныхъ штатовъ, равнявшійся въ 1871 г. 500 мильонамъ, достигъ въ 1890 г. 15,000 мильоновъ, а въ 1900—23,000 мильоновъ. Мануфактурное производство развивалось гигантскими шагами. Въ 1870 г. число фабричныхъ учрежденій равнялось 252,148, а въ 1900 оно достигло фантастической цифры 490,415. Съ этимъ поразительнымъ прогрессомъ промышленности связаны имена Карнеджи, Вандербильда, Моргана и др. Такимъ образомъ американскій имперіализмъ зиждется на экономическомъ основаніи, но онъ освященъ своего рода философскою теоріею американской расы и является для нея религіей.

Соединенные штаты положили основаніе своему экономическому имперіализму завоеваніемъ Филиппинъ и затѣмъ уже, при первой возможности, испробовали силу своего престижа среди великихъ державъ міра. На Гаагской конференціи, происходившей въ Маѣ 1899 г., американскій союзъ впервые вышелъ изъ своего изолированнаго положенія и занялъ мѣсто среди другихъ достойныхъ народовъ вселенной. Съ тѣхъ поръ Соединенные штаты не упускали случая подтвердить свою гордую независимость и свои честолюбивыя притязанія.

Въ ноябрѣ прошлаго года, Теодоръ Рузвельтъ, на другой день послѣ своего избранія, сказалъ делегатамъ республиканской партіи, явившимся поздравить его: «Я чувствую всю отвѣтственность, которую довѣріе народа возлагаетъ на меня». Рузвельтъ принялъ изъ рукъ Макъ Кинлея только что народившійся имперіализмъ, и ему предстояла задача тѣсно пріобщить его къ національнымъ стремленіямъ и придать ему чисто національный характеръ, окруживъ его ореоломъ такихъ именъ, какъ Монроё и Эмерсонъ. И онъ сумѣлъ это сдѣлать. «Мы продолжаемъ переживать періодъ поразительнаго процвѣтанія, сказалъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей.—Какъ народъ, мы уже сыграли большую роль въ мірѣ и въ будущемъ должны сыграть еще большую. Событія послѣднихъ четырехъ лѣтъ окончательно подтвердили, что намъ, къ счастью или несчастью нашему, суждено играть значительную роль среди прочихъ націй, и даже еслибы мы хотѣли, то не могли бы удовольствоваться болѣе скромною ролью. Но нашъ народъ смотритъ въ будущее

твердо и мужественно, и нами руководитъ увѣренность въ успѣхѣ. Мы не страшимся борьбы, которая предстоитъ намъ». Являясь апостоломъ имперіализма, Рузвельтъ всячески старается побудить американскій народъ къ дѣятельности, непрестанной, смѣлой и отважной, указывая ему на тѣ опасности, которыя заключаетъ въ себѣ безпечность. Логическимъ выводомъ изъ всѣхъ его рѣчей — было, что Соединенные штаты не должны оставаться пассивнымъ зрителемъ того, что совершается въ мірѣ и ограничиваться только ролью производителей и торговцевъ, интересующихся однимъ лишь сбытомъ своихъ товаровъ. Вмѣстѣ съ этимъ, Рузвельтъ постоянно старался подчеркнуть, что доктрина Монроё—это доктрина мира и не заключаетъ въ себѣ никакихъ агрессивныхъ цѣлей и намѣреній. Наслѣдіе Макъ-Кинлея перешло въ искусныя руки. Въ сущности, Макъ-Кинлей явился иниціаторомъ имперіализма лишь подъ давленіемъ народной волны. Это было нѣчто новое и для него самого и онъ вполнѣ уяснилъ себѣ это теченіе. Онъ присоединилъ Филиппины, трудился въ пользу межъ-океанскаго канала, оказалъ покровительство Сандвичевымъ островамъ и Самоа, отправился съ Китай съ одной стороны, и въ Гаагу—съ другой, но все это дѣлалъ потому, что таково было желаніе американскаго народа. По счастливой случайности, имперіализмъ Макъ-Кинлея могъ опираться на экономическую основу и на основу нравственной политики. Но это направленіе все-таки было туманнымъ и только, когда Рузвельтъ взялъ бразды власти въ свои руки, все стало яснымъ. Экономическій имперіализмъ былъ прочно установленъ на основахъ доктрины Монроё, являющейся главною его опорой, затѣмъ Рузвельтъ постарался освободить его отъ не совсѣмъ чистаго вмѣшательства мильярдёровъ, вмѣстѣ съ этимъ ввести новый элементъ въ американскій имперіализмъ—нравственно-политическій. Онъ воспользовался для этого идеей третейскаго суда, которая робко прокладывала себѣ дорогу, и пріобщилъ ее къ доктринѣ Монроё для вящей славы американскаго народа. Такимъ образомъ, подъ твердымъ и разумнымъ руководствомъ Рузвельта американскій имперіализмъ сдѣлалъ громадные успѣхи. Достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться въ этомъ. Панама принадлежитъ теперь къ американскому союзу, Китай открытъ для Соединенныхъ штатовъ, Филиппины организованы, Гаваи и Самоа присоединены, Турція находится подъ угрозою Соединенныхъ штатовъ, но этого мало! Европа была встревожена призракомъ океанскаго треста и получила два урока политической нравственности по поводу кишиневскихъ событій и румынскихъ евреевъ, а недавно она была взволнована американской иниціативой созыва второй гаагской конференціи. Эти факты достаточно краснорѣчивы и говорятъ сами за себя, указывая то направленіе, которое принимаетъ американскій имперіализмъ.

Журналъ «La Revue» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ тщательно подготовлялъ Эмиль Золя свои романы, и съ какою кропотливостью собиралъ онъ нужные ему документы. Для изслѣдованія способа работы знаменитаго французскаго романиста послужили собственноручныя замѣтки и ру-

кописи Золя, хранящіяся въ Національной библіотекѣ. За образецъ взятъ романъ «Assamoir». Идея этого романа возникла у Золя въ 1868 году, но онъ опубликовалъ его только въ 1878 г. Въ періодъ конца имперіи онъ жилъ на улицѣ Сенъ Жакъ, въ одномъ изъ большихъ и мрачныхъ домовъ, такъ мастерски описанныхъ имъ въ романахъ, и среди бѣдняковъ и рабочихъ, погрязшихъ въ нищетѣ и алкоголизмѣ. Въ 1869 г. онъ набросалъ первый эскизъ романа: среду рабочихъ, ихъ семьи, обстановку ихъ жилищъ и т. д. Планъ созрѣвалъ у него постепенно, и въ 1878 г. онъ въ общихъ чертахъ набросалъ его: романъ долженъ обрисовать народную среду и объяснить посредствомъ этой среды народные нравы въ Парижѣ, пьянство, разложеніе семьи, грубость, побои и покорность по отношенію ко всякаго рода бѣдствіямъ и униженіямъ, тяжелый трудъ, попустительство, развратъ и т. д. Словомъ, картина жизни народа должна быть въ высшей степени правдивой; она должна быть изображена такою, какъ есть, во всей своей неприглядной наготѣ. Не надо льстить рабочему, но не надо и чернить его; надо изобразить только одну дѣйствительность, какъ можно болѣе точно. Мораль выдѣлится сама собой въ концѣ. Давъ такимъ образомъ, общій тонъ, Золя разсуждаетъ о своихъ герояхъ и героиняхъ: «Моя Жерверза Маккаръ должна быть героиней, говоритъ онъ.—Я создаю въ ней женщину народа, жену рабочаго. Это ея исторію я разсказываю...»

Золя подробно развиваетъ различныя фазы существованія и черты характера своихъ дѣйствующихъ лицъ, обсуждаетъ обстановку, придумываетъ названіе и занимается развязкой. «Конецъ: драма является главнымъ моментомъ» замѣчаетъ онъ и самымъ тщательнымъ образомъ обдумываетъ всѣ детали. Онъ говоритъ себѣ: «Я не долженъ забывать, что хочу ее сдѣлать симпатичной. Я долженъ раздѣлить своихъ личностей на добрыхъ и злыхъ, но добрыхъ должно быть больше». Онъ заботится также о политическихъ взглядахъ своихъ дѣйствующихъ лицъ; затѣмъ, когда первоначальный эскизъ готовъ, онъ еще разъ просматриваетъ его, провѣряетъ характеры дѣйствующихъ лицъ, пишетъ ихъ біографію, ставитъ даты, заставляетъ ихъ говорить, записываетъ частицы діалоговъ. И весь этотъ огромный трудъ, занимающій нѣсколько страницъ, является только прелюдіей. Съ такою же тщательностью Золя описываетъ съ мельчайшими подробностями обстановку жизни своихъ воображаемыхъ героевъ, улицы, закоулки, дома и т. д., рисуетъ планы и группируетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ логическимъ образомъ. Его герои—рабочіе и поэтому онъ отправляется въ ихъ среду и въ его бумагахъ можно найти подробнѣйшее описаніе прачешныхъ и мастерскихъ съ разными техническими деталями, затѣмъ онъ читаетъ книги объ алкоголизмѣ и изучаетъ различныя его проявленія. Только тогда, когда весь матеріалъ собранъ и планъ у него готовъ, всѣ лица вполнѣ обрисованы, также какъ и ихъ обстановка, воспроизведенная съ фотографическою точностью и со всѣми подробностями, Золя принимается за созданіе своего произведенія, и именно этою детальною предварительною работой объясняется то, что онъ могъ и такъ быстро написать ту серію романовъ, которая создала ему славу.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Опытъ демократической программы.—II. Голоса сословнаго прошлаго.—III. Хроника внутренней жизни.

I.

Національно-прогрессивная и земская конституціонная партіи, съ программами которыхъ мы познакомились въ прошлыхъ обозрѣніяхъ, представляютъ плодъ политической мысли верхнихъ слоевъ имущей части россійскаго населенія. Между тѣмъ, экономическое строеніе Россіи должно выдвинуть и уже выдвигаетъ на политическую арену милліонныя массы крестьянства, до настоящаго времени остававшагося за кулисами политической жизни или выступавшаго только въ роли классическаго народа, который безмолвствуетъ въ наиболѣе патетическіе моменты исторической драмы. Эти массы, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ явиться серьезными соперниками высшихъ классовъ въ борьбѣ за политическую гегемонію въ обновленной Россіи. Если ликвидація многочисленныхъ и разнообразныхъ пережитковъ крѣпостного строя совершится съ необходимою послѣдовательностью и законченностью, то основою соціально-политическихъ отношеній грядущаго строя русской жизни будетъ мелкое крестьянское хозяйство, а наиболѣе вліятельнымъ факторомъ политической жизни—сельская и городская мелкая буржуазія во главѣ съ разночинной интеллигенціей. Насущные жизненные интересы этого общественнаго слоя повелительно толкаютъ его къ политическому и экономическому демократизму.

При такихъ условіяхъ, образованіе сильной и послѣдовательной демократической партіи съ ясной и обстоятельно разработанной программой казалось бы весьма легкимъ дѣломъ. Однако, въ дѣйствительности, мы видимъ иное. Несмотря на оживленіе политической жизни и мысли, у насъ до сихъ поръ нѣтъ доброй демократической партіи, нѣтъ и демократической программы, какъ самостоятельныхъ факторовъ. Безъ сомнѣнія, демократическіе элементы общества чувствуются въ повседневной борьбѣ, но они чувствуются гдѣ-то подъ почвою, въ скрытомъ, часто искаженномъ видѣ. Эта дезорганизованность русской демократіи, которая, очевидно, приноситъ большой вредъ современному освободительному движенію, всецѣло объясняется состояніемъ производственныхъ отношеній въ современной Россіи.

Какъ и Германія 48 года, Россія страдаетъ не только и не столько отъ капитализма, сколько отъ его недостаточнаго развитія. Вслѣдствіе этого, наша буржуазная демократія находится еще въ связанномъ состояніи.

Въ деревнѣ ея кристаллизація задерживается политическимъ гнетомъ и податною системою, которые въ цѣлыхъ районахъ почти пріостановили развитіе производительныхъ силъ. Вмѣсто дифференціаціи крестьянства, являющейся точнымъ признакомъ хозяйственнаго прогресса, въ значительной части сельской Руси наблюдается та нивеллировка мелкихъ производителей, въ которой даже модернизованное народничество видитъ якорь спасенія, но которая, на дѣлѣ, означаетъ равенство нищеты. На почвѣ нищенскаго существованія не можетъ

выросли сильное демократическое движеніе. Поэтому современныя крестьянскія волненія въ большинствѣ случаевъ носятъ анархическій характеръ и не имѣютъ самостоятельнаго прогрессивнаго значенія. Между тѣмъ, они пока скрадываютъ и заглушаютъ ростки здороваго и имѣющаго будущее крестьянскаго буржуазно-демократическаго движенія. Въ такомъ же неопредѣлившемся состояніи находится и движеніе городской мелкой буржуазіи, далеко еще не раздѣлавшейся съ цеховыми традиціями ремесленнаго производства и свойственной ему рутиной и профессіональной и политической мысли.

Слабость и расплывчатость мелкобуржуазныхъ слоевъ населенія отражается и на примыкающей къ нимъ обыкновенно разночинной интеллигенціи. Эта группа, не представляя самостоятельной исторической силы и не имѣя возможности примкнуть къ мощному демократическому потоку, разбивается сейчасъ на два теченія. Одно сливается съ крайними направленіями научнаго или утопическаго соціализма и, въ зависимости отъ степени ихъ внутренней твердости, или пытается приспособить или приспособляетъ ихъ къ потребностямъ буржуазнаго общества.

Другое—болѣе значительное и вліятельное теченіе разночинной интеллигенціи примыкаетъ къ правому флангу прогрессивныхъ группъ и преимущественно къ земской либеральной партіи. Здѣсь «третій элементъ» работаетъ надъ трудною задачею политическаго сплава двухъ разнородныхъ соціальныхъ группъ. По формулировкѣ демократическаго писателя, «идея политической необходимости программной солидарности и тактическаго сотрудничества земской оппозиціи и демократической интеллигенціи, рука объ руку работающихъ надъ политическимъ пробужденіемъ народа, который самъ призывается рѣшать свои судьбы,—эта идея есть суть нашей политической философіи, и она же должна быть регулятивнымъ началомъ нашего партійнаго самоопредѣленія». Это начало необходимо потому, что, оторвавшись отъ земскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, элементовъ, третій элементъ круто потянетъ влѣво и неизбѣжно впадетъ въ «крайность»; обратно, земцы, оторванные отъ третьяго элемента, неизбѣжно потянутъ вправо и потеряютъ связь съ общедемократическимъ сознаніемъ. Между тѣмъ, только тѣсное и прочное единеніе земцевъ и интеллигенціи можетъ привлечь къ прогрммѣ и тактикѣ этого двойственнаго союза третью рѣшающую силу—народъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ, демократія играетъ не самостоятельную, а служебную роль, которая заключается въ томъ, чтобы, пользуясь близостью разночинцевъ къ народной массѣ, подчинить народное движеніе политическому руководству либеральныхъ землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ, дѣйствительное демократическое движеніе—еще дѣло будущаго, хотя, вѣроятно, очень недалекаго. Всѣ элементы для него уже готовы и достаточно, быть можетъ, самаго ничтожнаго повода, чтобы они срослись въ стройное цѣлое и оживили новымъ духомъ вялые ряды современной мелкой буржуазіи.

Нѣкоторые признаки усиленія демократическаго движенія уже наблюдаются въ усиленныхъ попыткахъ различныхъ группъ освободиться изъ-подъ ига неповоротливаго земскаго либерализма и создать програму, проникнутую истин-

нымъ и послѣдовательнымъ демократизмомъ. На одной изъ такихъ попытокъ, оставившей нѣкоторое впечатлѣніе, мы и намѣрены остановиться.

* * *

Разсматриваемая нами программа была первоначально опубликована въ газетахъ, какъ проектъ программы демократическаго блока. Затѣмъ она съ незначительными измѣненіями воспроизведена г. Прокоповичемъ въ его новой книгѣ уже въ качествѣ программы независимой рабочей партіи, отрекшейся отъ соціалистическихъ заблужденій *). Уже одно это обстоятельство бросаетъ яркій свѣтъ на характеръ современныхъ программныхъ исканій русской демократической мысли. Очевидно, что программа, не связанная ни съ какимъ опредѣленнымъ общественнымъ классомъ и одинаково пригодная и для пролетарскихъ массъ и для верховъ имущаго общества не можетъ отличаться не обходимою въ политическихъ отношеніяхъ ясностью и точностью. Ставя своею цѣлью объединить въ тѣсный союзъ земскихъ людей, которые внѣ этого союза утратятъ связь съ «демократическимъ сознаніемъ», разночинную интеллигенцію, которая внѣ союза увлечется на крайнюю лѣвую особенностями своего психическаго склада, и народъ, который также, повидимому, безъ опеки двойственнаго союза можетъ избрать лѣвое направленіе,—демократическая программа, несомнѣнно, пытается повторить прискорбную исторію одного воза, въ который впряглись лебедь, ракъ и щука.

Соединеніе въ одно политическое цѣлое такихъ разнородныхъ величинъ, какъ землевладѣльцы, мелкіе собственники, разночинная интеллигенція и даже пролетаріатъ можетъ быть достигнуто или только на бумагѣ путемъ построенія программы изъ расплывчатыхъ общихъ мѣстъ, въ которыхъ каждый общественный слой находитъ все, что ему угодно, или путемъ компромисса, въ которомъ правые элементы блока выигрываютъ все, а лѣвые—ничего. Этотъ результатъ неизбѣжно вытекаетъ изъ соціальныхъ свойствъ договаривающихся сторонъ. Въ то время, какъ земцы являются представителями класса, который, въ цѣломъ, не можетъ отказаться отъ своихъ интересовъ, разночинная интеллигенція, непосредственно не связанная съ тою или иною формою производственныхъ отношеній, представляетъ достаточно гибкій и растяжимый матеріалъ для того, чтобы приспособиться къ различнымъ политическимъ и экономическимъ требованіямъ. Въ союзѣ интеллигенціи съ земцами послѣдніе представляютъ изъ себя величину постоянную, первая же—величину перемѣнную. Если мы и наблюдаемъ нѣкоторыя кажущіяся измѣненія земскихъ программъ, то они вынуждены давленіемъ народныхъ массъ—давленіемъ, которое, разумѣется, только ослабляется отъ перехода разночинной интеллигенціи изъ лѣваго лагеря въ правый.

Эта роковая необходимость или ограничиваться общими мѣстами, чтобы придать программѣ якобы универсальный характеръ, или открыто становиться на сторону отсталыхъ элементовъ прогрессивнаго движенія наложила двойной

---

*) С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи. Спб. 1905. Стр. 204.

слѣдъ на первый опытъ демократической мысли. Программа страдаетъ и тѣмъ и другимъ недостатками сразу.

Авторы сами признаютъ, что они допустили, якобы въ интересахъ реальной политики, нѣкоторыя временныя и условныя рѣшенія или, лучше сказать, оставили безъ рѣшенія нѣкоторые важные вопросы. «Самая необходимость оставить нѣкоторыя рѣшенія временно открытыми,—говорятъ они,—показываетъ, что въ этихъ случаяхъ за отдѣльными группами и членами остается свобода выбора тѣхъ дѣйствій и рѣшеній, которыя диктуютъ имъ ихъ совѣсть и ихъ общественныя убѣжденія».

Эти слова, въ сущности, отнимаютъ у разсматриваемой программы право называться программою, такъ какъ всякая программа обязана дать самое ясное и точное рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ, рѣшеніе, вытекающее изъ совѣсти и общественныхъ убѣжденій той или иной группы. Программа, это—публичное заявленіе своихъ взглядовъ на общія и частныя проблемы соціально-политической жизни страны; это — знамя, которое обнаруживаетъ предъ всѣми смыслъ и значеніе данной группы. Поэтому, програмы каждой дѣеспособной организаціи чужды какихъ-либо умолчаній или двусмысленныхъ отвѣтовъ на жизненные вопросы и обязательны для всѣхъ, признавшихъ правильность этихъ отвѣтовъ. Разбираемый опытъ отрекается отъ этого условія и, въ цѣляхъ универсальности и общепріемлемости програмы, заранѣе объявляетъ необязательными для отдѣльныхъ членовъ всѣ тѣ пункты, съ которыми эти члены не согласятся. Но, чтобы избѣжать вербовки партизановъ по такому странному принципу, какъ несогласіе съ програмой, авторы ея во всѣхъ почти важныхъ, но щекотливыхъ вопросахъ прибѣгаютъ къ своего рода фигурамъ умолчанія. Этотъ пріемъ мы встрѣчаемъ съ первыхъ же словъ програмы. Общею цѣлью ея сторонниковъ является коренное преобразованіе современнаго полицейско-бюрократическаго строя «на началахъ политической свободы и демократизма». Такая формулировка можетъ означать очень много и очень мало; для политической програмы она, во всякомъ случаѣ, недостаточна.

Политическая свобода, въ дѣйствительности, воплощается въ государственной жизни въ различныхъ учрежденіяхъ и проводится, въ зависимости отъ конкретныхъ условій, съ тою или иною послѣдовательностью. Поэтому, написать на своемъ знамени: политическая свобода, значитъ отдѣлаться только общимъ мѣстомъ. Еще болѣе общимъ мѣстомъ является «демократизмъ». Что это такое? Начало демократизма—-начало народовластія. Демократическое государство—государство, которое опирается на народъ. Но—«въ настоящее время универсальнаго прогресса и гуманныхъ идей», когда волки воркуютъ о свободѣ и гіены поютъ о любви, — кто не провозглашаетъ принципа «народнаго суверенитета»?

Надо помнить, что, по словамъ государствовѣда, «теоретическое провозглашеніе «народной воли» ни въ чемъ не препятствовало, однако, проявленію самыхъ грубыхъ и жестокихъ сторонъ произвольнаго режима» *).

---

*) М. Рейснеръ. Основныя черты представительства. См. книгу: Конституціонное государство. Спб. 1905. Стр. 121.

Для того, чтобы принципы получили реальную цѣнность, они должны быть воплощены въ извѣстныя формы. Мыслимы, конечно, случаи, когда принципы «свободы и демократизма» осуществляются и внѣ обычныхъ историческихъ формъ. Но программа строится, разумѣется, не по исключеніямъ, а по общимъ даннымъ политической теоріи и практики. Какъ бы то ни было, формы государственнаго быта имѣютъ настолько важное значеніе въ политической жизни, что ни одна программа не имѣетъ права умолчать о томъ, къ какой формѣ она стремится. Между тѣмъ, демократы промолчали. Въ программѣ нѣтъ ни слова о томъ, какъ же преобразуется современный бюрократическій строй, въ какія формы должна вылиться, по мнѣнію демократіи, новая жизнь.

И наши демократы промолчали объ этомъ кардинальномъ пунктѣ вовсе не по забывчивости или недоразумѣнію. Мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, что составители программы подобны благодушнымъ гессенцамъ, которые въ 1878 году требовали, по разсказу Блосса, «республики съ нашимъ добрымъ королемъ во главѣ». Наши авторы знаютъ о различіи между монархіей и республикой, и именно потому, что они знаютъ, они сочли нужнымъ «въ цѣляхъ реальной политики», прибѣгнуть къ фигурѣ умолчанія.

Опредѣленіе формъ государственнаго строя, къ которымъ стремится та или иная партія, немедленно раскрываетъ карты. Достаточно было бы высказаться за одну или двѣ палаты, чтобы сразу потерять или послѣдовательную демократическую группу своихъ приверженцевъ или послѣдовательную группу либеральныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ. И то и другое противорѣчитъ основной идеѣ программы: однихъ спасти отъ пропасти радикализма, другихъ—отъ пропасти реакціи. Въ результатѣ предъ нами появляется программа, въ которой такъ основательно спрятанъ взглядъ авторовъ на тѣ или другія формы государственнаго быта, что ихъ можно заподозрить въ толстовскомъ отрицаніи «политики». Для людей, которые ставятъ своею задачею политическое освобожденіе, это обстоятельство едва-ли пріятно!

* * *

Гораздо болѣе отчетливо и толково составлена соціально-экономическая часть программы. Авторы удѣлили ей много вниманія, исходя изъ совершенно справедливой мысли, что «политическая реформа необходима ради осуществленія глубокихъ культурныхъ, правовыхъ и экономическихъ преобразованій». Но въ этой части демократическая программа почти полностью повторяетъ обычную программу международной рабочей партіи. Творческая работа русскихъ демократовъ выразилась только въ нѣкоторомъ смягченіи однихъ и въ устраненіи другихъ требованій рабочей программы, да въ замѣнѣ ясныхъ формулъ недомолвками. Вслѣдствіе такой обработки и эта часть программы получила такой видъ, который, если и примиритъ съ нею нѣкоторые слои господствующихъ классовъ, то, навѣрное, оттолкнетъ отъ нея крестьянство и пролетаріатъ.

Въ аграрной программѣ, напримѣръ, русскіе демократы высказываются за «новое надѣленіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ государственными, удѣльными и кабинетскими землями, а гдѣ ихъ нѣтъ, частновладѣльческими,

съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ этихъ земель». Устанавливая такимъ образомъ, принципъ выкупа земли, программа, однако, умалчиваетъ о томъ, какими средствами должны быть покрыты расходы по выкупной операціи. Если на русское обнищалое крестьянство взвалить бремя новыхъ выкупныхъ платежей въ то время, какъ оно не расквиталось еще со старыми, и въ то время, какъ оно въ старыхъ платежахъ уплатило двойную и болѣе цѣну полученной въ 1861 году земли, то такое новое надѣленіе нисколько не улучшитъ положенія мелкаго хозяйства и даже ухудшитъ его. Во всякомъ случаѣ, для крестьянина, который долженъ стать столпомъ демократической партіи, такой пунктъ программы представляетъ вѣрное средство заставить его держаться отъ нея какъ можно дальше. Этотъ грѣхъ разсматриваемаго проекта настолько бросается въ глаза, что въ книгѣ г. Прокоповича, гдѣ демократія показывается тою стороною, которая обращена къ рабочимъ и крестьянамъ, уже внесено важное дополненіе, что вознагражденіе владѣльцевъ должно быть уплачено изъ суммъ спеціально для этой цѣли установленнаго прогрессивнаго подоходнаго налога *). Такая постановка вопроса гораздо болѣе отвѣчаетъ интересамъ крестьянъ, но что скажутъ землевладѣльцы и промышленники, если они увидятъ другое лицо демократическаго Януса?

Зато каждый землевладѣлецъ охотно подпишется подъ тѣмъ пунктомъ, который требуетъ «распространенія рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ примѣнительно къ особымъ условіямъ земледѣлія», такъ какъ этотъ пунктъ никого ни къ чему не обязываетъ. Ограниченіе рабочаго законодательства въ области сельскохозяйственнаго наемнаго труда «особыми условіями земледѣлія» является слишкомъ растяжимымъ и произвольнымъ. Исходя изъ этого принципа, никогда нельзя создать сколько-нибудь серьезной и плодотворной охраны труда. Для каждой программы, ставящей своею цѣлью дѣйствительную защиту интересовъ рабочихъ, единственно правильной исходной точкой зрѣнія должна быть точка зрѣнія рабочаго, какъ человѣка и гражданина, нуждающагося въ законодательномъ огражденіи отъ эксплоатаціи.

Съ этой точки зрѣнія нельзя отнестись иначе, какъ съ самымъ суровымъ осужденіемъ и къ тому пункту демократической программы, который требуетъ «развитія охраны труда женщинъ и дѣтей», вмѣсто того, чтобы требовать полнаго запрещенія дѣтскаго труда вплоть до извѣстнаго возраста. Только при такомъ условіи можетъ быть достигнуто всеобщее и обязательное обученіе. Разсматриваемая программа, правда, не говоритъ о необходимости немедленнаго введенія обязательнаго обученія. Она указываетъ лишь на введеніе его «впослѣдствіи», откладывая вопросъ, такимъ образомъ, ad calendas graecas, но такой «реализмъ», пожалуй, покажется излишнимъ даже кой-кому изъ культурныхъ земцевъ и понравится лишь капиталистамъ, эксплоатирующимъ дѣтскій трудъ.

Остальныя требованія соціально-экономической программы разработаны, въ общемъ и цѣломъ, довольно удовлетворительно, поскольку основой для

*) Стр. 206.

нихъ послужила рабочая программа. Но какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой они ясны и опредѣленны, они едва-ли пріемлемы крупной землевладѣльческой и промышленной буржуазіей: мы имѣемъ въ виду, конечно, классъ, а не отдѣльныхъ лицъ, согласіе или несогласіе которыхъ съ тою или другою программою не создаетъ и не убиваетъ общественныхъ движеній.

Подводя итоги, мы должны признать, что не видимъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя могли бы принять проэктированную демократами программу и сдѣлать ее своимъ знаменемъ, защищаемымъ до послѣдней капли крови и не щадя живота своего.

II.

Всеподаннѣйшій адресъ «отечественнаго союза» и произнесенная при подачѣ его рѣчь графа Бобринскаго являются знаменательнымъ признакомъ мобилизаціи и организаціи консервативныхъ элементовъ имущаго русскаго общества. Мы не видимъ основаній раздѣлять сомнѣнія нѣкоторыхъ органовъ печати относительно правоспособности «отечественнаго союза» выступать съ какими-либо политическими заявленіями. Можно быть увѣреннымъ, что графы Шереметевъ и Бобринскій дѣйствительно представляютъ значительную группу, состоящую изъ «людей всѣхъ званій и состояній: духовныхъ, дворянъ, крестьянъ, торговцевъ, промышленниковъ и людей науки», хотя таинственность, которою облечена дѣятельность союза, и неизвѣстность его состава даютъ возможность дѣлать различныя невыгодныя для него предположенія. Во всякомъ случаѣ, впредь до того, какъ союзъ представитъ неопровержимыя доказательства противнаго, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что подавляющее большинство его членовъ принадлежитъ къ числу представителей крупнаго дворянскаго землевладѣнія, отстаивающаго свое исключительно привилегированное положеніе въ современномъ сословно—полицейскомъ государствѣ и соглашающагося, подъ давленіемъ жизненныхъ условій, раздѣлить свое преобладаніе съ представителями торговой и промышленной буржуазіи. Этотъ взглядъ подтверждается и содержаніемъ заявленій, сдѣланныхъ депутаціей «отечественнаго союза». «Вмѣстѣ со всей Русской землей, говоритъ адресъ,— мы жаждемъ уничтоженія того средостѣнія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ понемногу созидалось и съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпло между живыми общественными силами и самодержцемъ». «Радостнымъ благовѣстомъ откликнулся въ сердцахъ нашихъ возвѣщенный съ высоты престола 18 февраля сего года призывъ выборныхъ отъ населенія людей къ участію въ разработкѣ законодательныхъ предположеній.» Такимъ образомъ, «отечественный союзъ» не только не высказывается противъ народнаго представительства, но и считаетъ его самой неотложной и настоятельной нуждой переживаемаго момента.

Однако, союзъ не раздѣляетъ тѣхъ воззрѣній на задачи народнаго представительства, которыя высказываются большинствомъ русскаго общества, и тою частью народа, которая до настоящаго времени сумѣла заявить свои желанія. Золотой вѣкъ для представителей отечественнаго союза не въ будущемъ, а въ прошломъ. Имъ рисуется не западноевропейскій парламентъ, а законо-

совѣщательное народное представительство, «при коемъ собраніе являлось бы совѣтомъ земли, какимъ были наши старые земскіе соборы». Они стоятъ за «возстановленіе того древняго порядка, при которомъ, оставляя за собою полноту власти и свободорѣшенія, русскіе цари благосклонно выслушивали правдивый и безкорыстый голосъ лучшихъ выборныхъ людей».

Мы уже говорили по поводу программы національно—прогрессивной партіи о значеніи законосовѣщательнаго представительства и теперь не будемъ касаться этого вопроса. Не будемъ говорить и о томъ, насколько вѣрно исторической дѣйствительности то пониманіе «древняго порядка», какое обнаруживаютъ современные сторонники земскихъ соборовъ. На самомъ дѣлѣ, это пониманіе совершенно ошибочно и представляетъ интересный примѣръ субъективнаго метода историческаго изслѣдованія. Прошлое окрашивается здѣсь въ цвѣтъ современной идеологіи опредѣленныхъ общественныхъ группъ. Задачи депутаціи и ея значеніе заключаются не въ повтореніи извѣстныхъ разсужденій о необходимости законосовѣщательныхъ представительныхъ учрежденій и о негодности парламентарнаго строя.

Консервативная партія идетъ дальше и развиваетъ свои взгляды уже на основы избирательнаго права. И цѣлью делегатовъ отечественнаго союза было указать на необходимость *сословнаго* представительства.

«Мы полагаемъ,—говорится въ адресѣ,—что избранные по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою, бытовымъ группамъ населенія явятся вѣрными выразителями мыслей и потребностей всего народа въ его совокупности». «Мы просимъ Ваше Величество вызвать этихъ избранниковъ,—говорилъ графъ Бобринскій,—изъ освященныхъ исторіей нашей бытовыхъ группъ. Къ такимъ выборамъ Россія давно привыкла. Они представятъ Вамъ лицъ опытныхъ, разумныхъ, хорошо освѣдомленныхъ объ истинныхъ нуждахъ своихъ согражданъ».

Кромѣ сословныхъ традицій, якобы свойственныхъ Россіи, и особой освѣдомленности депутатовъ, посланныхъ сословными обществами, эти депутаты, по мнѣнію отечественнаго союза, имѣютъ еще весьма важныя достоинства, которыя заставляютъ высказаться за сословную систему выборовъ.

«При производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія, нѣкоторые изъ нихъ, даже самые многочисленные, легко могутъ быть лишены возможности высказывать... свои насущныя нужды».

Затѣмъ, смѣшанные выборы «выдвинутъ разрядъ людей, которыхъ мы опасаемся и съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности».

Вотъ всѣ аргументы, которыми графы Бобринскій и Шереметевъ и стоящіе за ними люди науки, торговли и другихъ званій и состояній могли привести въ пользу своего мнѣнія о единой спасительности для Россіи сословныхъ выборовъ. Ясно, что эти аргументы недостаточны. Но характерна та общая черта, которая проходитъ по всѣмъ разсужденіямъ делегатовъ отечественнаго союза.

Эта черта—едва-ли наивное, а скорѣе лукавное лицемѣріе. Сторонники сословности обыкновенно говорятъ объ историческихъ заслугахъ сословій, объ

ихъ культурномъ уровнѣ, о преимуществахъ, которыми, въ силу подобныхъ соображеній, должны пользоваться высшія сословія. Делегація отечественнаго союза отбросила всѣ эти естественные и искренніе аргументы. Она исходитъ изъ интересовъ народа—и только изъ его интересовъ, подкрѣпляя свою главную базу однимъ второстепеннымъ аргументомъ объ опасности неизбѣжной при безсословныхъ выборахъ побѣдѣ какихъ-то разрушителей.

Смѣшанные выборы не могутъ дать представителей, которые явились бы «вѣрными выразителями мыслей и потребностей всего народа въ его совокупности». При смѣшанныхъ выборахъ даже самые многочисленные слои населенія подвергаются опасности лишиться возможности высказывать свои насущныя нужды. Эти недостатки смѣшанныхъ выборовъ были бы, дѣйствительно, убійственными, еслибы они... существовали. Но, къ счастью для прогрогрессивной мысли и къ несчастью—для консервативной, эти грѣхи всеобщаго избирательнаго права существуютъ только въ воображеніи членовъ отечественнаго союза. Мы опасаемся даже, что и члены союза не думаютъ того, что они сказали, и что эти утвержденія представляютъ совершенно необдуманную ложь, которая, несомнѣнно, упадетъ на головы консерваторовъ. Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, знать четыре правила ариѳметики, чтобы понять, что при всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи «самые многочисленные» слои населенія никоимъ образомъ не могутъ лишиться представительства. Быть можетъ, консерваторы имѣли въ виду ту группу либеральной буржуазіи, которая стремится или не дать народу всеобщаго избирательнаго права или ослабить его различными ограниченіями въ видѣ двухстепеннаго голосованія? Тогда они, конечно, правы, но, во-первыхъ, отечественный союзъ ясно заявляетъ, что онъ послалъ депутацію въ противовѣсъ депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей, которые высказались за обычную четырехчленную формулу; во-вторыхъ, противоядіе антидемократическимъ стремленіямъ лежитъ вовсе не въ сословномъ началѣ выборной системы. Титулованные вожди отечественнаго союза не могли этого не знать. Они не могли не знать и того, что именно при сословной системѣ выборовъ народъ будетъ лишенъ дѣйствительнаго представительства.

Это обстоятельство немедленно станетъ яснымъ даже для тѣхъ крестьянъ, которые изображали народъ въ депутаціи, когда отечественный союзъ перейдетъ отъ общихъ заявленій къ конкретной разработкѣ проектируемаго имъ избирательнаго права. Тогда обнаружится то, что дипломатично скрыли графы Шереметевъ и Бобринскій—что сословное представительство нужно не «самымъ многочисленнымъ», а самымъ малочисленнымъ и при томъ, привилегированнымъ слоямъ населенія. Тогда обнаружится, что сторонники сословныхъ выборовъ въ Россіи, какъ и повсюду, не удовлетворятся только порядкомъ выборовъ по сословіямъ, но потребуютъ для привилегированныхъ сословій большаго числа депутатовъ, независимо отъ пропорціональнаго отношенія къ числу членовъ даннаго сословія.

При существующемъ земскомъ представительствѣ, являющемся побѣдой дворянской партіи, гласные распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Количество земли.	Число гласныхъ.
Крестьянской надѣльной	89,7 мил.	3.162
Частновладѣльческой	71,7 »	5.474
Городской . . . . около	1,0 »	1.592

т.-е. большинство гласныхъ принадлежитъ къ представителямъ дворянскаго и крупнаго землевладѣнія, несмотря на то, что большая доля земли находится во владѣніи крестьянскихъ обществъ. Въ австрійской палатѣ депутатовъ помѣщикамъ, городской и торговой буржуазіи принадлежитъ $53^2/_3$ проц. депутатовъ, сельскому населенію—$30^1/_3$ проц.; общему же классу выборщиковъ безъ различія сословій—всего 17 процентовъ. Иного отношенія не можетъ быть и въ русскихъ представительныхъ учрежденіяхъ; въ этой непропорціональности представительства заключается весь смыслъ сословной системы, о которомъ, конечно, умолчали делегаты отечественнаго союза. Захватъ политической власти въ руки незначительнаго меньшинства землевладѣльцевъ и крупныхъ капиталистовъ—вотъ единственный результатъ сословной системы. Какъ и система представительства, основаннаго на имущественномъ цензѣ, она отстраняетъ отъ участія въ политической жизни страны широкія массы населенія. Но, раздѣляя всѣ недостатки цензовой системы, она имѣетъ еще и присущіе только ей, такъ какъ открываетъ возможность политическаго вліянія отпавшимъ феодальнымъ традиціямъ. Поэтому даже въ Западной Европѣ представители аграрнаго капитала ревностно отстаиваютъ сословное начало. По остроумному выраженію проф. Рейснера, капиталистическій скелетъ современнаго аграрія «одѣвается въ феодальные доспѣхи и получаетъ представительство по праву первородства или въ верхней камерѣ или привилегированное положеніе въ нижней». Тѣмъ не менѣе, наши аграріи имѣли смѣлость предъ лицомъ всей Россіи заявить, что они мыслятъ «едино съ огромнымъ большинствомъ коренного русскаго народа». «Живя общей съ нимъ жизнью,—говорилъ гр. Бобринскій,—по завѣтамъ предковъ, мы не обособляемъ себя отъ него въ качествѣ образованныхъ классовъ». Но—объ этомъ умолчалъ графъ Бобринскій—вдохновители сословно-консервативной группы обособляютъ себя отъ народа въ качествѣ привилегированнаго сословія.

Представители отечественнаго союза плохо спрятали свои карты. Но уже то обстоятельство, что они сочли необходимымъ подмѣнить откровенныя дворянскія мелодіи будто бы демократическими показываетъ, что безъ народа, безъ его не только сочувствія, но и содѣйствія, ни одна партія не можетъ сейчасъ разсчитывать на реализацію своихъ стремленій. Сознать это и сдѣлать изъ этого послѣдовательные выводы могутъ, однако, только демократическія партіи, и онѣ должны это сдѣлать безъ колебанія и промедленія. Время движется быстро, и каждый, кто думаетъ о будущемъ, долженъ быть готовъ, чтобы не оказаться рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ въ великій часъ окончательной ликвидаціи стараго порядка.

Н. I.

III.

Когда мы заканчивали «Внутреннее Обозрѣніе» предыдущей книжки журнала, по Черному Морю плавалъ лучшій броненосецъ флота «Потемкинъ-Таврическій»

съ краснымъ знаменемъ, вмѣсто андреевскаго флага, безъ адмираловъ и офицеровъ; къ нему присоединились два миноносца, сторожевое судно «Вѣха» и броненосецъ «Георгій Побѣдоносецъ». Адмиралъ Кригеръ, прибывшій со всей севастопольской эскадрой, чтобы «усмирить бунтовщиковъ», не могъ исполнить своей задачи и поспѣшилъ уйти обратно въ Севастополь въ виду ненадежности командъ и остальныхъ судовъ. Немедленно послѣ этого пришли къ намъ извѣстія изъ Либавы о взбунтовавшихся матросахъ, изъ Севастополя о возмущеніи на «Прутѣ», изъ Херсона—о дисциплинарномъ батальонѣ, поднявшемъ на штыки своего командира *), наконецъ изъ Кронштадта—о матросахъ, «приведенныхъ въ повиновеніе», и о крейсерѣ «Symbol» — «Мининъ», который стоитъ «въ сферѣ выстрѣловъ фортовъ третьей линіи, готовыхъ пустить крейсеръ ко дну при малѣйшей попыткѣ уйти». Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этихъ и другихъ—неопубликованныхъ еще явленій—значеніе ихъ ясно и помимо деталей. Однако, несомнѣнно, что не наканунѣ этихъ происшествій появилась причина ихъ, и не менѣе очевидно, что тѣ, кто объясняетъ подобныя потрясенія «вліяніями, приходящими извнѣ» и пытается прекратить или предотвратить ихъ введеніемъ военнаго положенія, не объясняютъ и не предотвращаютъ ничего. Мѣры же исключительнаго характера, уничтожая, «съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ», лишь внѣшнія проявленія волненій, не могутъ по самому существу своему удовлетворить запросамъ и желаніямъ даже и умѣренныхъ элементовъ населенія. Не вчера, не сегодня стали дѣйствовать начала, разлагающія и соціальныя связи и служебную дисциплину самая широта проявленій ихъ и стихійность говорятъ за необходимость коренного обновленія устоевъ общественнаго быта, пришедшихъ въ противорѣчіе съ потребностями жизни и съ сознаніемъ массъ народныхъ.

Между тѣмъ, принятыя до сихъ поръ и принимаемыя въ настоящее время мѣры обнаруживаютъ не только нежеланіе но и полную неспособность иниціаторовъ ихъ уяснить себѣ значеніе и всю важность событій. Одновременно съ этимъ въ центрѣ мѣстные администраторы развиваютъ свою дѣятельность, сообразно своимъ индивидуальнымъ вкусамъ и желаніямъ, не только не сдерживаемымъ изъ центра, но иногда и поощряемымъ. Щедро распространенная на губерніи и области усиленная охрана и военное положеніе даютъ своими полномочіями полный просторъ проявленіямъ административнаго произвола и усмотрѣнія. Кажется, наиболѣе излюбленнымъ методомъ «усмиренія» является въ настоящее время распространенный со временъ Плеве путь натравливанія одной части населенія на другую, преимущественно темной массы на сознательныхъ рабочихъ и интеллигенцію, но въ болѣе усовершенствованныхъ формахъ и подъ флагомъ патріотизма Не успѣли еще въ Одессѣ, похоронить жертвъ іюньскихъ дней какъ въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ появилось удивительное по своему цинизму объясненіе «бунта»: виновной въ «бунтѣ» оказывается ни болѣе ни менѣе, какъ печать! та самая одесская подцензурная печать, объ утѣсненіяхъ которой сложились классическіе анекдоты; тѣ самыя газеты, невыносимое положеніе которыхъ за послѣдніе мѣсяцы

*) „Право“ № 26.

такъ ярко описалъ въ столичной прессѣ одесскій (теперь ужъ не одесскій!) литераторъ Герцо-Виноградскій.

Вотъ что было напечатано въ «Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства»:

„Одно изъ величайшихъ могущественныхъ орудій нашего времени, вліяющихъ на народныя движенія въ ту или иную сторону, именно, пресса, въ послѣдніе мѣсяцы, систематически подготовляя темную массу къ кровавой развязкѣ послѣднихъ дней, почти вся въ рукахъ людей, преслѣдующихъ партійныя цѣли. Пресса, въ особенности, такъ называемая, маленькая, дешево распространяемая въ массѣ, достигла въ послѣдніе дни апогея разнузданности. Надо было удивляться смѣлости, съ которой выступали передовики, фельетонисты, даже хроникеры въ статьяхъ и замѣткахъ, тенденціозно группируя и направляя наблюденія къ одной цѣли—вліянію на массы рабочихъ, пользуясь частными недоразумѣніями съ хозяевами. Въ результатѣ—пожары, грабежи, убійства, тысячи разоренныхъ семействъ“.

И этотъ способъ «административнаго воздѣйствія» вовсе не составляетъ специфическаго свойства одесскихъ властей. Въ *Уфѣ* вице-губернаторъ Богдановичъ (сынъ знаменитаго своими брошюрками генерала), въ Тамбовѣ изгнанный изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ Луженовскій (нынѣ совѣтникъ губ. правленія, редакторъ и вдохновитель мѣстныхъ «Вѣдомостей», блистательно задушившій въ самое короткое время «Тамбовскій Голосъ»), въ Курскѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ—полицеймейстеры, въ Саратовѣ высшее духовенство и многіе другіе прилагаютъ всѣ силы къ обостренію отношеній между различными группами населенія... Совсѣмъ на-дняхъ по серпуховскому и рузскому у. моск. губ. мѣстный архіерей развозилъ анонимное воззваніе «къ соотечественникамъ» *) отпечатанное въ университетской типографіи и дозволенное цензурою еще 27 апрѣля. Анонимъ въ патетическихъ, напыщенныхъ фразахъ призываетъ «соотечественниковъ» «начать жить своимъ умомъ» «разбудить оцѣпенѣлое правительство, поддержать власть и раздавить ядовитую гадину крамолы и измѣны». А въ Барановѣ при благосклонномъ присутствіи губернатора Столыпина и при активномъ участіи казаковъ съ нагайками толпа «съ портретомъ Государя Императора» желала «справиться» съ врачами «за» ихъ коллективный уходъ со службы.

Такую точку зрѣнія на происходящее стараются внушить широкимъ массамъ повидимому, и нѣкоторые органы центральной власти. Иначе трудно объяснить, напр., оффиціальное сообщеніе о событіяхъ въ Тифлисѣ, напечатанное въ «Правительств. Вѣстникѣ» 5 іюля. Сообщая о забастовкѣ рабочихъ и подчеркивая отказъ русскихъ рабочихъ отъ участія въ ней, газета удостовѣряла, будто эти русскіе рабочіе 1 іюля «сдѣлались жертвами гнуснаго насилія террористовъ»—въ общій котелъ съ горячей водой былъ всыпанъ мышьякъ, и въ результатѣ 10 челов. тутъ же умерли, 5 заболѣли тяжело и 5—легко. Однако, послѣ того какъ это сообщеніе появилось во всѣхъ газетахъ и произвело, конечно, угнетающее впечатлѣніе, черезъ день появляется *оффиціальное* же *опроверженіе* перваго сообщенія: никто въ дѣйствительности не умеръ, и никакого «гнуснаго покушенія» не было, а заболѣло 9 рабочихъ—и всѣ выздоровѣли,—у которыхъ въ чайникѣ оказались «признаки сулемы».

---

*) „Рус. Вѣд.“ № 192.

Послѣ столь сенсацiоннаго опроверженiя появилось распоряженiе М. В. Д. о печатанiи оффицiальныхъ сообщенiй съ указанiемъ—отъ какого учрежденiя оно исходитъ. Что собственно такимъ путемъ имѣетъ быть предупреждено—понять. трудно, задерживающаго же значенiя это распоряженiе, конечно, не имѣло. Не далѣе, какъ 10 iюля въ Нижнемъ-Новгородѣ произошло возмутительное избiенiе рабочихъ и интеллигенцiи хулиганами на глазахъ у мѣстныхъ властей. Избiенiе происходило въ продолженiе трехъ дней, при чемъ «возмущенная» противъ демонстрантовъ «толпа» аккуратно и въ разные «соотвѣтствующiе» часы появлялась въ полной боевой готовности даже за городомъ, гдѣ были демонстранты. Появившееся вскорѣ оффицiальное сообщенiе объясняло этотъ погромъ, какъ взрывъ «народнаго негодованiя» противъ «демонстрантовъ» и «забастовщиковъ», при чемъ оказалось, что мѣстная администрацiя спасала «демонстрантовъ» отъ «народнаго» гнѣва и что убитъ «руководившiй демонстрантами аптекарь Гейнце, который первый сталъ стрѣлять въ толпу». Но 18 iюля родственники А. К. Гейнце опубликовали въ газетахъ письмо съ опроверженiемъ этого сообщенiя: оказалось на самомъ дѣлѣ, что «демонстрацiя окончилась въ пять часовъ дня, а онъ вышелъ изъ дому только въ 7 час. безъ 20 м. Выйдя на улицу, А. К. вступился за кого то и былъ убитъ толпою. Мѣстныя власти—губернаторъ и полицеймейстеръ—утверждаютъ, что *сообщенiя*, будто бы А. П. Гейнце руководилъ демонстрацiей, *они не посылали*» *).

Опасный путь—будить въ человѣкѣ звѣря—становится у насъ обычнымъ какъ разъ въ такой перiодъ, когда только что начинаетъ формироваться народное самоопредѣленiе, когда пробуждающаяся въ политическомъ отношенiи масса населенiя еще неясно различаетъ друзей отъ враговъ.

А массовое движенiе разростается. Уже не говоря о городахъ, деревня становится совершенно неузнаваемой по необычности своей тактики. Безправное въ политическомъ и эксплуатируемое въ экономическомъ отношенiи маломощное крестьянство ищетъ выхода изъ своего невыносимаго положенiя. Первымъ вопросомъ является вопросъ земельный. Отыскивая свои «права», крестьянство уже не полагается на своихъ отцовъ-командировъ и переходитъ къ фактическому осуществленiю своихъ правъ на «землю».

Область этого движенiя настолько расширилась за перiодъ весна—лѣто, что трудно указать «благополучную» въ этомъ отношенiи губернiю.

Вмѣстѣ съ аграрнымъ, идетъ движенiе и политическое также стихiйное, безъ сознательно-выработанной программы, но съ общимъ колоритомъ протеста противъ существующаго строя произвола. Многочисленны случаи подачи крестьянскими обществами петицiй въ совѣтъ министровъ по вопросамъ государственнаго устройства. Саратовскiй губернаторъ уже оповѣстилъ циркуляромъ 6 iюля земскихъ начальниковъ о томъ, что **) «въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ происходитъ весьма нежелательное явленiе: крестьяне собираются тайно въ лѣсахъ, обсуждаютъ тамъ свои нужды, по большей части, въ присутствiи лицъ, совершенно постороннихъ обществу, и тайно записываютъ

---

*) „Бирж. Вѣд." № 8938, 22 iюля.

**) „Рус. Вѣд.". № 190.

приговоры и постановленія для отсылки ихъ въ высшія правительственныя учрежденія. На такихъ сборищахъ, какъ дознано, присутствуютъ и принимаютъ участіе лица, постороннія обществу, пріѣзжающія съ этою цѣлью изъ городовъ, и приговоръ опять-таки не выражаетъ поэтому того, что думаютъ и чего хотятъ крестьяне. Наконецъ, на сборищахъ этихъ обсуждаются часто вопросы и дѣла совершенно незаконные—о нарушеніи права собственности землевладѣльцевъ, объ измѣненіи основныхъ законовъ имперіи и т. д.».

Въ Курскѣ собранія крестьянъ изъ восьми уѣздовъ происходили уже явно. Корреспондентъ «Рус. Вѣд.» сообщаетъ, что наибольшій интересъ для крестьянъ представлялъ вопросъ о реформѣ госуд. строя *).

Всѣ проявленія освободительнаго движенія, однако, встрѣчаютъ систематическое противодѣйствіе. Благія намѣренія о сокращеніи района усиленной охраны, возвѣщеныя въ Указѣ, не только не осуществлены, но съ каждымъ днемъ, наоборотъ, увеличивается число мѣстъ на военномъ положеніи, отдающемъ населеніе на произволъ болѣе или менѣе «распорядительныхъ начальниковъ». Въ роли охраны теперь уже приспособлено казачье войско, 16 полковъ котораго — какъ сообщаютъ газеты мобилизованы для «внутренней» службы...

Эта новая служба казачьихъ войскъ вызвало въ чрезвычайномъ собраніи донскихъ дворянъ много замѣчаній, указывающихъ на противорѣчіе этихъ обязанностей традиціямъ Дона. По этому вопросу дворянами сдѣлано слѣдующее постановленіе (по сообщ. «Дон. Обл. Вѣд.»):

«Вслѣдствіе того, что нынѣ на казаковъ возлагаются спеціальныя функціи охраны порядка внутри имперіи и имъ приходится выполнять исключительно полицейскія обязанности, что противорѣчитъ всей исторіи донского казачества, готоваго служить, какъ военная сила, своему отечеству на полѣ брани,—собраніе высказалось за желательность образованія спеціальныхъ отрядовъ конной полиціи, долженствующей нести службу по охранѣ порядка внутри имперіи, а казачьи войска освободить отъ несоотвѣтствующей ихъ воинскому достоинству роли, приравнявъ ихъ въ этомъ отношеніи къ другимъ войскамъ имперіи». (Цит. по «Праву» № 29)...

По отношенію къ печати слѣдуетъ отмѣтить за истекшій мѣсяцъ опубликованный новый законъ, которымъ принадлежавшее до сихъ поръ коллегіи 4-хъ министровъ право совершеннаго закрытія періодическихъ органовъ печати передано Правит. Сенату по представленіямъ министра вн. д., при чемъ министръ можетъ «пріостанавливать изданіе собственной властью впредь до воспослѣдованія рѣшенія Сената».

Излишне прибавлять, что положеніе печати отъ такого порядка нимало не улучшается.

По отношенію къ отдѣльнымъ изданіямъ произошли слѣдующія перемѣны:

«Въ виду вреднаго направленія газеты «Русскія Вѣдомости», выразившагося, между прочимъ, въ передовыхъ статьяхъ №№ 134 и 152 и въ статьѣ «Къ вопросу объ организаціи будущаго представительства» № 180 этой газеты, министръ вн. д., на осн. ст. 144 уст. о ценз. и печ., и согласно заключенію

*) „Рус. Вѣд.“ № 185.

совѣта Гл. Упр. по д. п. 7 іюля опредѣлилъ: объявить газетѣ «Русскія Вѣдомости» *первое предостереженіе* въ лицѣ издателя-редактора ея, кандидата правъ Василія Михайловича Соболевскаго».

«Въ виду вреднаго направленія газеты «Новости», выразившагося, между прочимъ, въ статьяхъ: «Кто притѣснители?», «Замѣтки дня» и «Докладъ комиссіи присяжныхъ повѣренныхъ по поводу событій 9—11 января», помѣщенныхъ въ №№ 159, 165 и 171 этой газеты, министръ вн. д., на осн. ст. 144 уст. о ценз. и печ. 7 іюля, согласно заключенію совѣта Гл. Упр. по д. п. опредѣлилъ: объявить газетѣ «Новости» *первое предостереженіе* въ лицѣ издателя ея инженера Юліана Борисовича Бака и редактора кандидата правъ Осипа Константиновича Нотовича, съ воспрещеніемъ, на основаніи ст. 178 того же устава, розничной продажи отдѣльныхъ нумеровъ этого изданія».

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 156 уст. о ценз. и печ., и согласно заключенію совѣта Главнаго Управленія по д. п. 7 іюля опредѣлилъ: пріостановить выпускъ въ свѣтъ газеты «Слово» на одинъ мѣсяцъ» *).

На основаніи этой же статьи газета «Новости» пріостановлена 14 іюля на *два* мѣсяца.

Газета «Лодзинскій Гонецъ» по распоряженію варшавскаго генералъ-губернатора пріостановлена *впредь до особаго распоряженія.*

Іюльская книжка ж. «Русская Мысль» по распоряженію изъ Петербурга задержана московскимъ цензурнымъ комитетомъ. Въ этой книжкѣ помѣщена статья гр. Л. Толстого «Великій грѣхъ».

Третій и четвертый выпуски «Записокъ Московскаго Отдѣленія Русскаго Техническаго Общества» задержаны цензурою и выходъ ихъ въ свѣтъ пріостановленъ.

Одесскій генералъ-губернаторъ, на основаніи закона о военномъ положеніи, воспретилъ розничную продажу въ Одессѣ газетъ «Наша Жизнь», «Новости» и «Сынъ Отечества».

Въ Севастополѣ вице-адмиралъ Чухнинъ въ особомъ обязательномъ постановленіи 7 іюля воспретилъ, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія до 3 мѣс или штрафа до 3.000 р., «печатаніе статей и замѣтокъ а также перепечатки изъ другихъ газетъ и вообще произведеній печати *не вполнѣ достовѣрныхъ слуховъ*, не имѣющихъ *фактическаго* основанія и *не вполнѣ провѣренныхъ*». (???). По этому поводу мы можемъ лишь пожалѣть, что «Правит. Вѣстникъ» (см. выше) издается не въ Севастополѣ. Впрочемъ, первой жертвой этого глубокомысленнаго постановленія былъ мѣстный цензоръ, угодившій подъ арестъ на три дня **) за допущеніе «недостовѣрной» перепечатки.

С. Н. С.

---

*) Газета „Слово" 21 іюля уже вышла въ свѣтъ.

**) „Рус. Вѣд." № 187.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Августъ. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Публицистика. — Исторія всеобщая и русская.—Соціологія и Политическая экономія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С. Маковскій. Собраніе стиховъ. — *Танъ*. Стихотворенія. —„Пѣсни свободы".— „Сборникъ молодыхъ, писателей".—„Зеленый сборникъ".—*С. Благодушная*. Какъ онъ пошелъ въ народъ.

Сергѣй Маковскій. Собраніе стиховъ. 1905 г. Между молодыми поэтами нашихъ дней г. С. Маковскій выдѣляется почти полной безупречностью формы, классически-стройной, тщательно отчеканенной, обдуманно-соразмѣренной. Его мысль выливается въ красивые образы, душевныя состоянія передаются изящнымъ, правильнымъ, гармоничнымъ стихомъ; есть вдохновенье, есть форма, онъ имѣетъ всѣ права на званіе поэта. По характеру творчества онъ по преимуществу созерцатель; по темпераменту—нѣсколько холодный, даже иногда разсудочный, въ томъ смыслѣ, что разсужденіе у него всегда служитъ противовѣсомъ сердечному или душевному аффекту; по мотивамъ поэзіи — онъ эклектикъ, даетъ свое и чужое, въ личной переработкѣ, не столько манитъ насъ впередъ, отыскивая новое и неизвѣданное, какъ пораженъ повторяемостью явленій жизни, ощущаетъ вѣчное въ преходящемъ, становится какъ-бы между небомъ и землей, съ вершинъ взирая внизъ, въ долины человѣческой жизни, и снизу устремляясь вверхъ, къ недосягаемымъ высотамъ. Сборникъ распадается на три части: Сонеты, Признанья и Вечернее. Многіе изъ стихотвореній этого сборника, вѣроятно, памятны читателямъ «Міра Бож.», такъ какъ печатались на страницахъ этого журнала съ 99 года. Раздѣленіе на отдѣлы—формальное, по случайнымъ признакамъ: значительная часть сонетовъ могла быть включена во второй отдѣлъ—«признаній», каковыми является и большинство стихотвореній изъ отдѣла «вечернее»: не представляется ли, вообще, вся лирическая поэзія «признаніями»,—а г. Маковскій почти исключительно поэтомъ-лирикомъ?

Мы назвали его, по мотивамъ его творчества, эклектикомъ: авторъ самъ разъясняетъ, въ какомъ смыслѣ должно понимать поэтическій эклектизмъ: Всѣ творцы идутъ путемъ единымъ, пишетъ г. Маковскій.—Отъ сердца глубины къ невѣдомымъ глубинамъ,—во имя вѣчнаго и къ вѣчному тотъ путь. И далѣе.

Не бойся старыхъ словъ. Собой безстрашно будь.
И старыя слова, сѣдымъ крыламъ орлинымъ
Подобныя, взнесутъ тебя къ роднымъ вершинамъ;
Ихъ царственный полетъ не можетъ обмануть.
Въ порывѣ—творчество. Ни мыслей устарѣлыхъ,
Ни словъ отверженныхъ, ни чувствъ отжившихъ нѣтъ,
Когда вѣщаетъ ихъ и вѣритъ имъ поэтъ...

Стихотвореніе посвящено «Современнику», котораго поэтъ предостерегаетъ отъ «безумцевъ новизны» и совѣтуетъ ему «забыть о новомъ». Основная мысль о томъ, что творчество—въ порывѣ, которымъ все можетъ обновляться,—конечно, правильна. Вѣрно и то, что сердце человѣческое старо, какъ само человѣчество, но если мы думаемъ, что мы впервые испытываемъ то или другое ощущеніе, начавъ новую жизнь, то авторъ вправѣ намъ напомнить, что «въ глубинѣ страданья своего»—«пѣвецъ любви»—не свои почувствуетъ страданья—

И звучатъ въ словахъ его признанья—
Рыданья всѣхъ, любившихъ до него („Тѣни", ср. также „Одиночество").

Отсюда, однако, не долженъ бы слѣдовать выводъ, дѣлаемый г. Маковскимъ, что надо забыть о «новомъ» и помнить только «старыя слова». Авторъ безусловно правъ лишь въ требованіи—«собой безстрашно будь». Пусть изъ этого выйдетъ, что выйдетъ, т.-е. въ зависимости отъ индивидуальности автора, мы получимъ или что-нибудь дѣйствительно новое и оригинальное, или безсознательные или сознанные перепѣвы стараго, уже высказаннаго. Чему отдать предпочтеніе—на это едва ли можетъ быть два отвѣта.

«Старые» мотивы и настроенія не рѣдки въ поэзіи г. Маковскаго. Самъ онъ примыкаетъ съ одной стороны къ школѣ французскихъ «парнасцевъ», съ другой, какъ указано, его влечетъ (по завѣту Гете) спуститься «съ горъ чудесныхъ»—«въ долины звучныхъ строкъ». Онъ прислушивается къ двумъ «демонамъ», изъ которыхъ одинъ требуетъ, чтобы поэтъ «горѣлъ», освѣщая долгій мракъ долинъ, очищая «грозой любви и мукъ» тревоги людей, которые «злы, безумны и убоги»; другой демонъ совѣтуетъ ему остаться «царемъ вершинъ»—быть холоднымъ и нѣмымъ,—«какъ горные снѣга, какъ звѣздныя мерцанья»... И авторъ не рѣшаетъ выбора или въ ту, или въ другую сторону. Онъ довольствуется созерцаніемъ двухъ возможностей, которыя представились его уму: темпераментъ не проявился. Совсѣмъ на мотивъ Байронскаго «Шильонскаго узника» написанъ сонетъ—«Узникъ»; но чаще звучатъ въ поэзіи г. Маковскаго отзвуки болѣе намъ близкихъ поэтовъ, особенно Вл. Соловьева («Призраки», «Невѣдѣнье», «Предчувствіе» «Въ моей груди нездѣшній вѣтеръ вѣетъ» и т. п.). Есть у него и совершенно Бальмонтовскія строки (ср., напримѣръ, въ стихотвореніи—«Я люблю, пока летаю» заключительный стихъ: «Все, что манитъ, то обманетъ и не будетъ»). Въ любовныхъ стихотвореніяхъ не рѣдко звучатъ настроенія Бодлеровской поэзіи («О, будь, какъ ночь грѣха тревожна», 77, «О, будь безъ стыда. Какъ природа, какъ боги»... 66 и т. п.). Но въ передачѣ уже выраженныхъ другими поэтами ситуацій, мотивовъ, построеній, г. Маковскій остается «безстрашно собой», и это, конечно, является залогомъ дальнѣйшаго плодотворнаго развитія его собственной, оригинальной поэзіи, которой пока мы усматриваемъ лишь не вполнѣ опредѣлившіеся намеки въ чередованіи своего и чужого, конечно, усвоеннаго, въ порываньяхъ, не достигшихъ еще уровня весьма несомнѣннаго стихотворнаго таланта автора.—Чисто описательныя картинки,—какъ Scwancksee, Въ степи, На озерѣ, Ты любишь ли степи?, Въ равнинахъ пустынныхъ..., На Искіѣ, День погасъ, Украйна, Юная рожь не дрожитъ, не колышется, У плотины, и т. д.—прелестныя акварели, въ легкихъ, прозрачныхъ тонахъ, съ тонкими, мѣтко схваченными очертаніями. Собственное настроеніе автора еще во многомъ подвержено колебаньямъ. Такъ, въ противоположность вышеуказаннымъ мотивамъ о вѣчной повторяемости явленій жизни (ср. еще—«Вѣка», «Вѣка забытые», «Старый храмъ» и др.), о томъ, что надо забыть о новомъ и т. д., г. Маковскій заявляетъ въ другомъ стихотвореніи—«Есть много истинъ не открытыхъ и не измѣренныхъ глубинъ... И мыслей много, дерзновенныхъ,—безстрашныхъ мыслей—чуждыхъ всѣмъ,—и пѣсней, пѣсней вдохновенныхъ, не слышанныхъ

никѣмъ»!—а въ заключеніе Сборника приглашаетъ насъ—«Все къ новымъ днямъ, къ новымъ зорямъ».. Эта не послѣдовательность да послужитъ на пользу автора въ расширеніи его поэтическаго міросозерцанія въ раскрытіи «міровъ, не созданныхъ Творцомъ» (Счастье, 37), такъ какъ и въ этомъ также одна изъ задачъ поэзіи. Оцѣнивая пока, главнымъ образомъ, его качества пейзажиста въ поэзіи, мастерски владѣющаго формой, мы не можемъ не замѣтить, что и въ его образахъ во многомъ примѣнимо сравненіе, которое г. Маковскій приводитъ въ посвященіи къ какому-то неназванному поэту: «Ты озеро высотъ... И свѣтится въ тебѣ холодными лучами—печаль холодная, какъ небо надъ снѣгами,—прекрасная, какъ блескъ негрѣющей зари». А для того, чтобы выйти изъ этого промежуточнаго состоянія «озера межъ горъ», разлиться живымъ потокомъ, «пѣнящимся бурливо», автору надлежитъ лишь съ большимъ вниманьемъ прислушаться къ голосу того демона, который говорилъ ему: «Чего ты ждешь? Смотри:

„Въ долинахъ долгій мракъ. Въ тебѣ огонь. Гори".

Ѳ. Батюшковъ.

Танъ. Стихотворенія. Изд. 2-ое. Спб. Изд. Н. Глаголева. Ц. 60 к. Трудно было бы представить большую противоположность г. Маковскому, какъ поэту, чѣмъ г. Танъ. Къ послѣднему не приходится обращаться съ призывомъ: «Чего ты ждешь? Смотри: въ долинахъ долгій мракъ. Въ тебѣ огонь. Гори». Онъ горитъ жгучимъ огнемъ борьбы и протеста, и сверкающая въ его стихахъ «искра божья» не остается безцѣльно блуждающимъ болотнымъ огонькомъ. Второе изданіе, 8-ая тысяча экземпляровъ—для стихотвореній въ наше время служитъ лучшимъ ручательствомъ, что голосъ поэта находитъ дорогу къ сердцамъ людей, и его свѣточъ не напрасно освѣщаетъ имъ трудный путь къ свободѣ и лучшему будущему. Пусть стихи г. Тана часто грубы и не обработаны, подчасъ явно небрежны, брошены на бумагу такъ, какъ вылились изъ взволнованнаго сердца,—въ нихъ слышится біеніе жизни, чувствуется страсть борца и незнающая примиренія ненависть человѣка, готоваго положить «душу свою за други своя». Кто-то насмѣшливо назвалъ его стихотворенія «барабанными», и въ этой характеристикѣ есть своя правда. Его стихи звучатъ, какъ тревожный бой барабана въ глухую полночь, зовутъ къ неизбѣжной борьбѣ и приближаютъ часъ общаго пробужденья. «Дерзайте!»—таковъ «кличъ», который въ нихъ «гремитъ широко, неотступно», и отъ души желаемъ, чтобы онъ нашелъ отзвукъ въ возможно большемъ числѣ читателей.

А. Б.

Пѣсни свободы. Сборникъ. Спб. 1905. Ц. 60 к. Неизвѣстно кѣмъ составленный сборникъ «Пѣсни свободы» не вполнѣ отвѣчаетъ громкому заглавію. Среди настоящихъ «пѣсенъ», дышащихъ стремленіемъ къ свободѣ, въ сильныхъ и яркихъ образахъ поющихъ о свободѣ, попадаются и такія блѣдныя риторическія разсужденія, въ которыхъ нѣтъ и слѣда свободнаго полета вдохновенія. Не перечисляемъ этихъ неудачныхъ пьесъ, всякій самъ легко найдетъ ихъ среди дѣйствительно прекрасныхъ образчиковъ «пѣсенъ свободы» русской музы, вошедшихъ въ сборникъ. Очень мало также вошло стихотвореній этого рода изъ великихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, у которыхъ можно найти прекрасные образцы пѣсенъ свободы. Зато почему-то отведено излишне много мѣста новѣйшимъ, да и самый подборъ изъ нихъ не всегда можно назвать удачнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ сборникъ составленъ удовлетворительно и производитъ пріятное впечатлѣніе. Онъ вполнѣ отвѣчаетъ переживаемому моменту и заслуживаетъ вниманія. Если, какъ мы надѣемся, онъ дождется второго изданія, то мы бы посовѣтовали его неизвѣстному редактору выбросить всю риторику, всѣ мало говорящія имена изъ новѣйшихъ и заполнить ихъ мѣсто чудными строфами старыхъ, вѣчно юныхъ поэтовъ, не смущаясь тѣмъ,

что ихъ творенія слишкомъ знакомы каждому: въ сборникахъ такого рода важнѣе всего общій подборъ, ансамбль, усиливающій впечатлѣніе каждаго въ отдѣльности. *А. Б.*

Сборникъ молодыхъ писателей. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. Успѣхъ вызываетъ подражаніе. Дѣло понятное и обычное. Фирма «Знаніе» второй уже годъ выпускаетъ сборники, въ которыхъ издаетъ произведенія лучшихъ современныхъ беллетристовъ, печатавшихся обыкновенно въ журналахъ. И вотъ выступаетъ «группа молодыхъ писателей», съ несомнѣннымъ желаніемъ подражать «Знанію». Молодые писатели заявляютъ, прежде всего, что они «выступаютъ внѣ какого-либо обыкновенно нашими толстыми повременными изданіями навязываемаго или постулируемаго направленія». Иными словами «толстыя повременныя изданія» тѣснятъ беллетристовъ, навязывая имъ «направленія». Итакъ, долой направленіе!—таковъ первый лозунгъ «молодыхъ писателей», объединившихся въ настоящемъ сборникѣ. Далѣе, авторы послѣдняго «желали бы сохранить за собой самое дорогое и на зарѣ литературной дѣятельности особенно необходимое—свободу творчества». Опять-таки—увѣсистый камень въ огородъ «толстыхъ повременныхъ изданій», не признающихъ якобы свободы творчества. Наконецъ, главное для нихъ—«исканіе правды жизни, чистой красоты и вѣчнаго добра, исканіе, выраженное въ болѣе или менѣе цѣнныхъ художественныхъ образахъ», чему, по мнѣнію группы, нѣтъ мѣста въ толстыхъ журналахъ, зараженныхъ тенденціей, «неизбѣжно ставящей форму, художественные рессурсы и самое настроеніе писателя въ служебное положеніе». Облегчивъ себѣ душу, сорвавъ, что называется, сердце, удрученное этими проклятыми толстыми журналами, которые не даютъ развиваться молодымъ дарованіямъ, эти послѣднія открыли себѣ таки выходъ. Фирма «Знаніе» съ успѣхомъ издаетъ беллетристовъ. Стало быть, стоитъ намъ собраться вмѣстѣ и выпускать свои «сборники» и все остальное приложится. Что каждый авторъ, молодой или старый—все равно, увѣренъ въ своихъ силахъ, въ художественномъ дарованіи, это всякому извѣстно. Иначе не было бы и литературы. Въ результатѣ сборникъ № 1, въ который вошли свободные творцы и искатели съ слѣдующими «болѣе или менѣе цѣнными художественными образами».

Сборникъ открывается разсказомъ г. Ануфріева «Роза», въ коемъ повѣствуется о бѣдной еврейкѣ-горбуньѣ, любившей мечтать о счастьѣ, любви, и благородныхъ кавалерахъ, о которыхъ она читала въ дешевыхъ романахъ. Запуганные суровымъ тономъ редакторскаго предисловія, мы боимся сказать, что разсказъ написанъ по затасканному трафарету, въ которомъ все давнымъ-давно избито и старо, какъ міръ. И сама Роза, и ея мать, и насмѣшки не знающихъ жалости дѣтей, и богатая дама, смѣющаяся надъ мечтательницей — Боже!—да неужели же это «свободное творчество», а не простое tritum pertritum, столь хорошо знакомое каждому, на комъ лежитъ тяжелый и неблагодарный трудъ читать безчисленныя рукописи «начинающихъ беллетристовъ»? Вслѣдъ за г. Ануфріевымъ, которому, между прочимъ, принадлежатъ еще яко-бы «стихотворенія въ прозѣ» подъ общимъ много обѣщающимъ заглавіемъ «Изъ женской лирики» (о, сколько этой «лирики» погребено въ редакціонныхъ корзинахъ! Отъ души радуемся за г. Ануфріева, избѣгшаго такой злой участи), идетъ плодъ «свободнаго творчества» г. Билинскаго—«Рага». Заинтересовавшись иностраннымъ словомъ (оно означаетъ «роженица»), мы стали усердно искать «болѣе или менѣе цѣнныхъ художественныхъ образовъ» и тотчасъ наткнулись на слѣдующій стилистическій перлъ: «Жена Игнатія Петровича Сиповскаго, друга дѣтства Девятова, съ которымъ, однако, онъ ничего общаго, кромѣ дѣтства не имѣлъ, старше Николая Владиміровича года на два, маленькая, полная блондинка, съ глубокими синими глазами, въ то памятное солнечное, іюльское утро, присѣвъ въ лѣсу, подъ старой тѣнистой березой

отдышаться, такъ неожиданно повѣдала ему «всю повѣсть души истерзанной своей», что этотъ довѣрчивый, сквозь слезы разсказъ, волной отвратительной дѣйствительности опрокинулъ всѣ его прежнія представленія о семейномъ счастьѣ Сиповскаго, счастьѣ, о которомъ его другъ такъ витіевато писалъ Девятову почти пять лѣтъ кряду» (стр. 58—59). Каковъ стиль «свободнаго творца»! Или эта съ ногъ сшибательная «волна отвратительной дѣйствительности»! Образъ хотя бы и Пушкину, такъ въ пору. И такимъ языкомъ написанъ весь разсказъ: «Утопивъ задумчивый взоръ въ ея горящихъ глазахъ, онъ началъ», а она «съ колотящимся въ груди сердцемъ» слушала. Умолкаемъ, — со стыдомъ, но съ полной откровенностью признаемся: ни одна редакція, толстаго или тонкаго изданія, все равно, не въ силахъ оцѣнить по достоинству всю прелесть такого творчества. Тому же г. Билинскому принадлежитъ другое произведеніе съ многообѣщающимъ заглавіемъ «Женщина». Женщина—это звучитъ гордо! Рецензія наша, къ сожалѣнію растянулась, а еще много жаждущихъ свободы творцовъ ждутъ своей очереди. Поэтому отмѣтимъ только, что здѣсь г. Билинскій выводитъ двухъ спорщиковъ, изъ которыхъ одинъ доказываетъ справедливость словъ какого-то древняго женоненавистника, что «два раза въ жизни женщина бываетъ пріятна—въ брачную ночь и въ день своихъ похоронъ», а другой ему возражаетъ. Слушающая этотъ поучительный споръ дѣвица «просто и твердо» вставляетъ такія реплики: «Выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, ради лучшихъ матеріальныхъ условій, то же, что ради спасѣнія отъ голодной смерти съѣсть свое собственное сердце» (стр. 84).

Что же сказать объ остальныхъ? Если приведенныхъ образчиковъ недостаточно, то потребовалось бы выписать почти всѣ остальные разсказы, нисколько не уступающіе отмѣченнымъ ни по содержанію, ни по формѣ. Вотъ, напр., г. Михайловскій разсказываетъ про старый замокъ, гдѣ средневѣковая красавица сходитъ съ портрета и обручается заправскимъ образомъ съ естественникомъ-студентомъ двадцатаго вѣка. Или г. Аксаковъ и его два свободныхъ анекдота—про добраго прохожаго, который, случайно попавъ на распродажу деревенскаго добра за недоимки, уплачиваетъ за недоимщиковъ (фактъ!), и про «вепринскихъ турокъ», какъ глупой бабѣ померещились въ 1877 г. турки въ вепринской волости, какъ баба взбудоражила всю волость, а исправникъ послалъ о томъ донесеніе губернатору съ требованіемъ присылки войскъ, за что удостоился получить «дурака» отъ губернатора. Заканчивается сборникъ разсказамъ г-жи Нелли—«Любовь». Поэтическій псевдонимъ, самое заглавіе, все предрасполагаетъ читателя по меньшей мѣрѣ къ чему-нибудь въ родѣ еще одной варіаціи на тему «науки страсти нѣжной». И вдругъ съ перваго абцуга: «Больна. Заразилась. Изуродована, уничтожена, лишена тѣла—ея рабочихъ рукъ. Обречена на голодъ... смерть», и т. д. Весь разсказъ (о заразившейся проституткѣ, которая въ отместку заражаетъ своего перваго соблазнителя) написанъ тѣмъ языкомъ изъ обрывковъ фразъ, какимъ говоритъ въ «Пиквикскомъ клубѣ» одинъ изъ персонажей Диккенса. «Ее взяли. У нея отняли корсеты. Ей было все равно. Она такъ сильно любила. Была счастлива. Отдавалась вся»... Языкъ, какъ видимо, не новъ и еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ пародированъ знаменитымъ романистомъ. Но и тема не нова: она свободно позаимствована изъ извѣстной драмы Бріэ «Порченые» («Les avariés»), съ добавленіемъ отъ себя сентиментальнаго хвостика, который, какъ кончикъ ослинаго уха, выдаетъ автора, нарядившагося было въ львиную шкуру.

Не довольно-ли, однако? Мы разобрали большую часть произведеній сборника (8 изъ 14), добросовѣстно отмѣтивъ всѣ «болѣе или менѣе цѣнные художественные образы». Мы повѣрили въ искренность заявленія редакціи сборника, что «искра таланта или дарованія»—вотъ «единственное право на участіе авторовъ въ нашемъ сборникѣ», и старались, по мѣрѣ силъ и умѣнья, отвлекшись отъ всякихъ «направленій» и «тенденцій», стать на точку зрѣнія

молодыхъ искателей. И что же? Предоставляемъ читателямъ отвѣтить на вопросы,—совмѣстима-ли «искра таланта или дарованія» съ приведенными нами образчиками свободнаго творчества гг. молодыхъ «писателей»? Сами мы не рискуемъ дать на него отвѣтъ, такъ какъ, принадлежа къ составу сотрудниковъ «толстаго повременнаго изданія», мы тѣмъ самымъ, въ глазахъ участниковъ сборника и его редакціи, обречены на моральную смерть и гіенну огненную, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовный. *А. Б.*

Зеленый сборникъ. Стихи и проза. Спб. 1905 г. Ц. 1 руб. 50 коп. Еще сборникъ молодыхъ поэтовъ и прозаиковъ. «Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ? Что такъ жалобно поютъ?» Послѣ подробнаго разбора предыдущаго сборника, во избѣжаніе потери времени и мѣста, ограничимся краткими выдержками. Юрій Верховскій (мечтаетъ) «Ночью»:

„Тѣни ночныя—въ васъ тайны созвучья;
Образы дня—вы понятны, какъ риѳмы;
Ночью земля и прекраснѣй и лучше
Грезы—надъ міромъ парящія нимфы и т. д.

Его же: «Мѣсяцъ на ущербѣ, свѣтлый и холодный, безгранично—темный океанъ небесный звѣздами живетъ». Это немного напоминаетъ болѣе простую и понятную пѣсенку: «Солнце на закатѣ, время на утратѣ. Сѣли дѣвки на лужокъ, гдѣ муравка и цвѣтокъ».—Изъ драматической поэмы Михаила Кузьмина «Исторія рыцаря д'Алексіо», который, насколько то доступно неискушенному уму, соблазнялъ дѣвицъ всѣхъ странъ свѣта и подъ конецъ пришелъ къ неутѣшительному выводу:

„Два слова—и бѣжитъ она за мной,
Забывши все, что жизнь ей наполняло;
Но что легко вошло, легко и выйдетъ,
Какъ сквозь янтарь продернутая нитка.
Въ одно окно вошелъ, въ другое вышелъ—
Одинъ сквознякъ получится, не больше“.

Съ послѣднимъ не можемъ согласиться: получится отъ сквозняка еще и насморкъ.

Кромѣ такихъ глубокомысленныхъ стиховъ, есть еще и проза—разсказъ г. Конради «Чудило», самый лучшій отзывъ о которомъ—молчаніе, согласно мудрому правилу «de mortuis aut bene aut nihil,—и повѣсть г. Менжинскаго «Романъ Демидова». Романъ простъ и несложенъ. Ему двадцать лѣтъ съ небольшимъ, ей за тридцать. Онъ—эстетъ, цѣнитель тонкой «клубнички». Она—воплощеніе прозы, но годы взяли свое, и она сдалась. Однако, «Елена Игнатьевна чуть не съ самаго перваго дня отнеслась къ чувственной сторонѣ брака крайне просто», а онъ любилъ «утонченно и нѣжно», inde ira, разладъ и все прочее. А тутъ кстати подвернулась дѣвица Анна, ровесница по годамъ, которой очень нравились его пикантные разсказики и такіе, напримѣръ, стихи:

Я счастливъ, я счастливъ, я счастливъ...
Я дивное выполнилъ дѣло:
Подъ страстнымъ исканьемъ такъ страстно
Твое извивается тѣло.
Смѣюсь я, художникъ великій,
И смѣхомъ ты трудъ мой вѣнчаешь:
Ни слезъ, ни стыда, только вскрики
И вздохи, и трепетъ ты знаешь.
Нѣтъ силъ! Насъ внезапно объемлетъ
Желѣзное чувство покоя... и т. д.

Анна вполнѣ соотвѣтствуетъ герою, и Елена Игнатьевна остается при пиковомъ интересѣ—тутъ и сказки конецъ. Новый стиль проявляется въ формѣ изложенія, отрывистой, безъ связи, безъ придаточныхъ предложеній, читаешь словно конспектъ или планъ ученическаго сочиненія.

Вотъ и все. Зачѣмъ изданъ этотъ сборникъ? И почему онъ «зеленый?»

Быть можетъ, это намекъ на возрастъ авторовъ? Мы-бы осмѣлились, въ такомъ случаѣ, напомнить имъ стихъ Пушкина: «А сколько лѣтъ ему?..» Если же это мужи великовозрастные, то можемъ только посѣтовать: несомнѣнная графоманія, одна изъ безнадежнѣйшихъ формъ душевнаго заболѣванія...

А. Б.

Софія Благодушная. Какъ онъ пошелъ въ народъ. Повѣсти изъ жизни заграничнаго духовенства. (Церковные вопросы и реформы). Т. I. Спб. 1905 г. Ц. 2 руб.—Есть извѣстное шуточное стихотвореніе, навѣрное, знакомое каждому читателю, которое начинается такъ:

Неизвѣстнаго прихода
Былъ такой сердитый попъ,
Что четыре кряду года
Билъ дьячка кадиломъ въ лобъ.

Дальше разсказывается, что попъ былъ не твердъ въ святцахъ и для памяти «книгу лентой закладалъ». Эту ленту вынулъ какъ-то раздраженный дьячекъ, попъ спутался въ чтеніи и обругалъ дьячка. На этомъ исторія и кончается.

Такую-то исторію, подъ страннымъ названіемъ «Какъ онъ пошелъ въ народъ», авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Софіи Благодушной, растянулъ на сорока слишкомъ печатныхъ листахъ (650 стр. убористой печати), съ утомительными подробностями повѣствуя о ссорахъ и столкновеніяхъ псаломщика и настоятеля какой-то заграничной православной русской церкви. Сама по себѣ повѣсть не имѣетъ никакого интереса, ни общественнаго, ни тѣмъ паче художественнаго. Оба героя, псаломщикъ Одинокій и священникъ Поповъ, не живыя лица, а манекены, за которыми таится авторъ, заставляя ихъ продѣлывать разныя «штуки—фигуры», соотвѣтственно намѣченному плану. Послѣдній же заключается въ томъ, чтобы показать, что отношенія причта ненормальны; съ одной стороны, полный произволъ священника, съ другой—полная беззащитность подчиненнаго ему причта. И оба, въ свою очередь, находятся въ безусловной зависимости у высшаго начальства. Для того, чтобы доказать такую самоочевидную истину, едва-ли требовалось писать столь утомительную, скучную и огромную повѣсть (при томъ же это только томъ первый!).

Но «умыселъ другой тутъ былъ». Въ книгу вставлено, безъ всякой связи съ общимъ содержаніемъ, нѣсколько небезынтересныхъ замѣчаній объ устарѣлости нѣкоторыхъ обрядовыхъ сторонъ православной церкви и о необходимости реформъ въ этомъ направленіи. Въ двухъ главахъ (XVIII и XIX, «Церковныя реформы», «Литургія», стр. 248—306) псаломщикъ, бесѣдуя съ настоятелемъ, излагаетъ ему свои сомнѣнія по поводу утвердившихся въ обрядовой сторонѣ странностей. Почему, спрашиваетъ онъ, наше богослуженіе слабо дѣйствуетъ на народъ, и отвѣчаетъ: «тутъ играетъ роль то обстоятельство, что наши богослужебныя книги до сихъ поръ не исправлены, заключаютъ въ себѣ много словъ и выраженій не только непонятныхъ народу, но непонятныхъ и намъ самимъ, церковно-служителямъ»,—и приводитъ примѣры дѣйствительно явно искаженнаго перевода. Указываетъ на устарѣвшія выраженія, потерявшія теперь смыслъ, на несоотвѣтствіе съ нашимъ климатомъ и временемъ нѣкоторыхъ службъ, на обиліе ветхозавѣтныхъ мыслей, не отвѣчающихъ духу евангелія, въ родѣ знаменитаго псалма «На рѣкахъ Вавилонскихъ», гдѣ, напримѣръ, 8—9 стихи «заключаютъ такую прелесть:—Дщи вавилоня, окаянная... блаженъ иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень...» Есть рядъ и другихъ заслуживающихъ вниманія замѣчаній и мыслей, которыхъ не приводимъ въ виду ихъ нѣсколько спеціальнаго характера. Несомнѣнно, авторъ обладаетъ большой богословской эрудиціей и много думалъ надъ предлагаемыми ими упрощеніями и сокращеніями въ обрядахъ. Все это

и интересно, и поучительно, показывая, что въ средѣ духовенства идетъ нѣкая живая работа мысли, начинается какое-то движеніе. Но авторъ сдѣлалъ большую ошибку, окутавъ, повидимому, дорогія ему мысли въ такую тьму ненужнаго хлама въ видѣ своей нелѣпой исторіи про дьячка, котораго «четыре кряду года» преслѣдуетъ «сердитый попъ» и, наконецъ, изгоняетъ. Для огромнаго большинства читателей трудъ автора потерянъ, такъ какъ врядъ-ли найдутся желающіе добывать изъ всей этой кучи сору зарытое въ ней «жемчужное зерно». *А. Б.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

В. Дорошевичъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Безвременье".—*П. Бадмаевъ.* „Россія и Китай".

В. М. Дорошевичъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Безвременье. Изд. И. Сытина. Москва. 1905 г. Ц. 1 р. Полное собраніе сочиненій г. Дорошевича, предпринятое фирмой Сытина, вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Самый талантливый изъ русскихъ фельетонистовъ, блестящій и остроумный публицистъ-сатирикъ, В. М. Дорошевичъ создалъ особый стиль, которому безуспѣшно подражаютъ разные маленькіе «Дорошевичи», не обладая ни его остроуміемъ, ни умомъ, ни силою языка, колючаго и жалящаго, какъ хорошо заостренная стрѣла. Его остроты, легкія, изящныя, всегда неожиданныя, нерѣдко убивающія наповалъ, облетали подчасъ всю прессу и надолго становились ходячимъ словечкомъ. Въ особенности относится это къ петербургскому періоду его дѣятельности, въ приснопамятной газетѣ «Россія», гдѣ его талантъ достигъ—не скажемъ зенита, для этого г. Дорошевичъ еще слишкомъ молодъ,—а настоящей полноты и глубины. Пока г. Дорошевичъ подвизался въ провиціальной печати, даже въ Москвѣ, его талантъ былъ стѣсненъ необходимостью отводить слишкомъ много мѣста интересамъ «мѣстной колокольни». Ему не доставало широкаго размаха, простора, какой могла представить только общерусская жизнь. Къ петербургскому періоду, поэтому, принадлежатъ его лучшіе фельетоны, упрочившіе его извѣстность, какъ одного изъ самыхъ блестящихъ газетныхъ писателей. Но участь работника ежедневной печати тѣмъ и печальна, что работа его рѣдко переживаетъ день, интересамъ котораго она посвящена. Самая блестящая газетная статья, яркій, даже художественный фельетонъ быстро блекнутъ и теряютъ свою остроту и силу, имъ не суждено «пройти вѣковъ завистливую даль». Въ исторіи литературы очень мало примѣровъ такихъ газетныхъ работъ, которыя сохранились и не утратили своего интереса для потомства, въ родѣ писемъ Юніюса въ Spector'ѣ и «Парижскихъ писемъ» Берне. Они сохраняютъ неизмѣнный интересъ, благодаря рѣдкому сочетанію художественной формы и глубины безсмертныхъ идей свободы и справедливости, составляющихъ ихъ содержаніе.

Иного типа остроумные фельетоны г. Дорошевича, вошедшіе, напр., во второй томъ «Безвременье». Каждый изъ нихъ посвященъ тому или иному частному вопросу, волновавшему общество въ данный моментъ, и, кромѣ того, большая часть ихъ имѣетъ мѣстный интересъ, требующій иногда комментаріевъ для читателя, въ эти интересы не посвященнаго. Остроуміе выдохлось на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ этого номера газеты, въ которомъ эти фельетоны появились впервые. «Сонъ бессарабскаго помѣщика», вѣроятно, произвелъ въ свое время блестящій эффектъ, но теперь привидѣвшіяся ему во снѣ свиньи, спасительницы его благосостоянія, не вызываютъ даже улыбки. То же можно сказать про «Поѣздку русскаго патріота на финляндскій водопадъ Иматру», «Фонтанъ», «Монташіода» и др. Нѣкоторые

и теперь читаются съ удовольствіемъ, напр., «Расчетный балансъ», въ которомъ остроумно высмѣяна гордость русскихъ финансистовъ нашимъ вывозомъ,—или «Въ Хересѣ» и «Еще проектъ». Другіе, какъ «Отцы и дѣти», хотя и поднимаютъ важные вопросы, слабы по формѣ. Еще хуже «Татьянинъ день»—весь изъ отрывочныхъ фразъ и словечекъ, долженствующихъ изображать постепенное опьяненіе «стараго московскаго студента» въ традиціонный день Татьяны.

Въ общемъ «Безвременье» представляетъ легкое чтеніе, удобное для желѣзнодорожнаго времяпрепровожденія. Но его литературная цѣнность весьма мала, а проглотить всѣ обѣщанные г. Сытинымъ 12 т. сочиненій г. Дорошевича—трудъ врядъ ли по силамъ даже любителямъ легкаго чтенія. *А. Б.*

П. А. Бадмаевъ. Россія и Китай. Спб. 1905 г. Извѣстный «тибетскій медикъ» т. Бадмаевъ, сверхъ своихъ медицинскихъ талантовъ, обладаетъ еще и политическою мудростью, какъ самъ о томъ пространно расписываетъ въ предисловіи къ вздорной книжонкѣ «Россія и Китай». «Еще въ 1893 году я писалъ»... «Два года спустя много указано»... «По поводу постройки манчжурской дороги мною высказано», и т. д. Оказывается, за десять лѣтъ онъ уже предвидѣлъ русско-японскую войну. Но, какъ водится, никто не считается пророкомъ въ отечествѣ своемъ, и русско-японская война имѣетъ, между прочимъ, еще и то важное значеніе, что должна всѣмъ невѣрующимъ открыть глаза на г. Бадмаева, убѣдить ихъ, какого мудраго политика имѣемъ мы въ лицѣ тибетскаго врача. Увы! мы боимся пророчествовать, но кто знаетъ, не будетъ ли и нынѣ гласъ его вопіющимъ въ пустынѣ. «Патріотическое чувство въ насъ должно проявляться въ видѣ правды, а не самообмана. Мы должны понять, что насъ бьютъ на Востокѣ за наше незнаніе, за наше безуміе, за отсутствіе въ насъ мудрости». Высказавъ столь глубокую по политической мудрости истину, г. Бадмаевъ убѣдительно продолжаетъ: «Пусть истинно-русскіе люди поймутъ, что мы должны, во что бы то ни стало, побѣдить въ настоящей войнѣ, и побѣдить серьезно, иначе не будетъ конца нашимъ тревогамъ на восточныхъ окраинахъ». Ну, еще бы! Пріятныя рѣчи пріятно и слушать. Намъ остается только поскорбѣть, что руководство нашей иностранной политикой до сихъ поръ не передано г. Бадмаеву. Тогда пошла бы музыка не та! Однако, переходя отъ предисловія къ содержанію книжонки нашего мудреца, мы вдругъ натыкаемся на слѣдующія мѣры, рекомендованныя имъ въ 1896 г. и вновь имъ повторяемыя въ 1905 г. Для того, чтобы успѣшно поддерживать на Дальнемъ Востокѣ русскіе интересы, г. Бадмаевъ предлагалъ: «Учредить должность главноуправляющаго этими краями и предоставить ему особенныя полномочія и права министра, члена государственнаго совѣта и комитета министровъ... Для единства дѣйствія всѣ дѣла границы китайскаго востока должны находиться подъ вѣдѣніемъ главноуправляющаго этимъ райономъ. Наши посланники и консулы въ Китаѣ и Японіи со всѣмъ своимъ штатомъ должны подчиняться главноуправляющему», и т. д. (стр. 80). Да, вѣдь, это и есть намѣстникъ Дальняго Востока, каковымъ и былъ г. Алексѣевъ. Выходитъ, что въ свое время голосъ тибетскаго медика не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Такъ на что же онъ жалуется? Чего проситъ? Его совѣтъ былъ выполненъ въ полномъ объемѣ, его политическая мудрость вполнѣ пришлась по душѣ намѣстнику, который выполнилъ всю политику г. Бадмаева. Въ чемъ же произошла ошибка? На этотъ вопросъ авторъ еще не нашелъ отвѣта въ своей тибетской мудрости, а пока продолжаетъ твердить, что сущность интересовъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ заключается въ томъ, чтобы «дружно и энергично приняться за монголо-тибето-китайскій востокъ». Ни болѣе, ни менѣе. Какъ это сдѣлать, авторъ скромно умалчиваетъ, въ надеждѣ, конечно, что его «призовутъ», и тогда онъ откроетъ міру свой секретъ. Поскорѣе бы только его призвали, а то время идетъ и англичане успѣли уже захватить

Тибетъ. Пожалуй, наша неповоротливая бюрократія и тутъ запоздаетъ, и коварные японцы перехватятъ у насъ г. Бадмаева. Положимъ, онъ «патріотъ изъ патріотовъ», но силенъ лукавый, почему и молятся люди—«не введи насъ во искушеніе». А потому нашъ совѣтъ русской бюрократіи, какъ можно скорѣе обратиться за содѣйствіемъ къ г. Бадмаеву: онъ—извѣстный знахарь...

А. Б.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ:

Д. Ахшарумовъ. „Изъ моихъ воспоминаній".—*Н. Мировичъ.* „Страница изъ исторіи великой французской революціи (г-жа Роланъ)". — *А. Ефименко.* „Южная Русь".

Д. Д. Ахшарумовъ. Изъ моихъ воспоминаній (1849—1851 г.). Со вступительной статьей В. И. Семевскаго. Изд. «Обществ. пользы». Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 60 к. Съ записками г. Ахшарумова читатели нашего журнала хорошо знакомы. Первая часть печаталась въ «Вѣстникѣ Европы» и въ выдержкахъ была изложена у насъ въ отдѣлѣ изъ «Рус. Журналовъ» (въ 1902 г.). Вторая часть помѣщена въ «Мірѣ Бож.» за 1904 г. Любопытна исторія появленія этихъ воспоминаній въ отдѣльномъ изданіи. Казалось бы, послѣ напечатанія ихъ въ двухъ журналахъ, изъ которыхъ одинъ издается подъ предварительной цензурой, всѣ препятствія для отдѣльнаго изданія были устранены. Но не такъ оно оказалось въ дѣйствительности, какъ объ этомъ разсказываетъ г. Семевскій. Задумавъ издать отдѣльно первую часть, авторъ обратился въ цензурный комитетъ за разрѣшеніемъ въ апрѣлѣ 1902 г. Цензоръ, которому было поручено разсмотрѣніе представленнаго оригинала (уже напечатаннаго въ «Вѣстн. Евр.»), продержалъ его 7 мѣсяцевъ и положилъ такую резолюцію: «*Въ рукописи автора хотя и нѣтъ ничего предосудительнаго*, но всякія воспоминанія петрашевца, *хотя бы и* самыя невинныя, считаю неудобнымъ распространять въ народѣ дешевымъ изданіемъ, а потому полагаю допустить изданіе въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ (200) безъ права продажи». Послѣдовала жалоба на такую резолюцію цензора въ главное управленіе по дѣламъ печати, съ просьбой снять это ограниченіе. Главное управленіе не только не исполнило этой просьбы, но совершенно не разрѣшило изданія. Мало того, съ автора взяли подписку, что онъ не будетъ болѣе просить о дозволеніи печатать рукопись. Авторъ, пользуясь разрѣшеніемъ выпустить хотя бы 200 экземпляровъ, отпечаталъ ихъ въ Вольскѣ и послалъ въ августѣ 1903 г. въ петербургскій цензурный комитетъ для полученія разрѣшенія на выпускъ изданія, но до марта 1904 г. никакого отвѣта не получалъ. Въ апрѣлѣ 1904 г. авторъ послалъ новое прошеніе о томъ же, съ добавленіемъ разрѣшить издать ту же книгу безъ ограниченія числа экземпляровъ. Выпускъ книги въ 200 экземплярахъ, «безъ права продажи», былъ разрѣшенъ, въ остальномъ отказано. Наконецъ, въ ноябрѣ 1904 г., пользуясь краткимъ періодомъ «петербургской весны», авторъ вновь возбудилъ ходатайство, на что получилось очень скоро разрѣшеніе, на этотъ разъ, печатать «безъ всякихъ ограниченій». Эта исторія служитъ очень характернымъ дополненіемъ къ исторіи злоключеній самого автора, который былъ присужденъ къ смертной казни за участіе въ «заговорѣ идей», какъ назвали все дѣло петрашевцевъ члены слѣдственной комиссіи. Философъ все же можетъ извлечь изъ исторіи г. Ахшарумова утѣшительное заключеніе объ усовершенствованіи всего сущаго: въ 1849 г. за «идеи» присуждали въ Россіи къ смертной казни, черезъ пятьдесятъ пять лѣтъ воспоминанія человѣка, имѣвшаго эти идеи въ головѣ, признаются «невинными» и только не допускаются до «народа». Еще лѣтъ 50

и самыя идеи будутъ признаны въ Россіи тоже «невинными», какъ нынѣ признаются таковыми вездѣ, кромѣ Россіи. Итакъ, все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ, и напрасно противъ этого говорятъ вольтерьянцы.

Что касается воспоминаній г. Ахшарумова, то они уже достаточно были оцѣнены *всей* печатью, еще когда появлялись въ журналѣ. Въ отдѣльномъ изданіи они нѣсколько дополнены и исправлены авторомъ. Въ предисловіи г. Семевскій далъ интересный очеркъ жизни Д. Д. Ахшарумова и сдѣлалъ необходимыя примѣчанія и поясненія о дѣлѣ Петрашевскаго, вслѣдствіе чего многое въ «Воспоминаніяхъ» становится яснѣе для лицъ, мало знакомыхъ съ сущностью этого дѣла. *А. Б.*

Н. Мировичъ. Страница изъ великой французской революціи (Г-жа Роланъ). Съ предисловіемъ проф. Н. Карѣева. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Съ 2-мя портретами г-жи Роланъ. Москва 1905 г. Ц. 1 р. Стр. 188. Книга г. Н. Мировича не совсѣмъ правильно озаглавлена,— это не «страница изъ великой французской революціи», а біографія г-жи Роланъ. Революціи отведено въ ней мѣсто болѣе чѣмъ скромное, она лишь упоминается по стольку, по скольку нельзя безъ нея обойтись, разъ рѣчь идетъ объ одномъ изъ ея дѣятелей. Изъ двѣнадцати листовъ книги бóльшая часть (7 листовъ) заняты мелочными подробностями изъ жизни Роланъ, когда она еще была дѣвушкой и женой, и только. Весь центръ тяжести перенесенъ не въ эпоху, когда *дѣйствовала* историческая личность Роланъ, а въ жизнь этой послѣдней; при чемъ какъ-то такъ случилось, что авторъ словно исчерпалъ себя, рисуя личную жизнь Роланъ, и скомкалъ наскоро всю ея историческую общественную роль. Съ утомительными и едва-ли кому интересными подробностями авторъ повѣствуетъ о юношескихъ годахъ своей героини, о ея увлеченіяхъ, о дружбѣ съ Софи и другими не менѣе интересными личностями, приводитъ огромныя выписки изъ ихъ переписки, правду говоря, мало поучительной, силясь возсоздать духовный обликъ юной Роланъ. Усилія эти, къ сожалѣнію, остаются тщетными, такъ какъ масса цитатъ изъ юношескихъ писемъ дѣвицы Роланъ только загромождаютъ книгу и ни мало не помогаютъ читателю составить представленіе о будущей вдохновительницѣ партіи жирондистовъ. Двухъ условій нѣтъ въ этой работѣ. Авторъ—не художникъ и не историкъ а добросовѣстный компиляторъ. Не будучи художникомъ, онъ не смогъ найти той точки зрѣнія, съ которой личность Роланъ освѣтилась-бы извѣстнымъ образомъ, такъ что ей одной присущія черты, ея оригинальность, индивидуальность выступили-бы ярко и живо. Въ этомъ величайшая трудность біографической литературы, почему обыкновенно біографіи такъ скучны, и опытные писатели стараются налегать на фактическую сторону жизни даннаго лица. Жизнь Роланъ до переѣзда въ Парижъ и знакомства съ жирондистами очень бѣдна событіями. Сначала это сѣрая, безцвѣтная, будничная жизнь обыкновенной провинціальной барышни, потомъ бракъ «по разсудку», а не по любви съ много старшимъ по возрасту, сухимъ и педантичнымъ резонеромъ Роланомъ. Все здѣсь обычно и не даетъ матеріала для яркаго портрета. Но вотъ Роланъ переѣзжаетъ въ Парижъ и становится въ центрѣ величайшаго мірового событія, и картина сразу мѣняется. Каждый день своего рода эпоха, и г-жа Роланъ выступаетъ изъ роли жены и становится историческимъ дѣятелемъ. Не будучи историкомъ, авторъ не сумѣлъ дать ни общей картины, которая должна-бы служить фономъ для его героини, или той болѣе узкой сферы, въ которой вращается дѣятельность Роланъ. Вторая главная часть его работы сжата и суха до крайности, при чемъ мѣстами авторъ не столько поясняетъ, сколько судитъ, опираясь на мнѣнія самой Роланъ и на такой тенденціозный трудъ, какъ книга Тэна, скорѣе историческій памфлетъ, чѣмъ историческое изслѣдованіе. Характеристика партіи жирондистовъ сдѣлана слабо, при чемъ какъ курьезъ можемъ отмѣтить, что въ основу этой характеристики

положено мнѣніе одного современника Рейнгарда, дважды почему-то цитируемое (стр. 134 и 139). Причины слабости партіи и ея гибели не выяснены совсѣмъ, указанія на «демагогію» партіи горы звучатъ какъ-то странно въ устахъ русскаго автора. Соціальная подкладка грозной борьбы между двумя главными партіями даже не затронута, и для читателя неподготовленнаго такъ и остается тайной, изъ-за чего же велась борьба и почему погибли благородные жирондисты и вмѣстѣ съ ними величайшій и самый выдающейся членъ партіи, «единственный мущина среди жирондистовъ», г-жа Роланъ. Между тѣмъ, безъ выясненія этихъ вопросовъ, роль и значеніе послѣдней въ исторіи французской революціи остаются неясными и непонятными.

Изъ предисловія г. Карѣева къ настоящей работѣ мы узнаемъ, что книга эта была напечатана еще четырнадцать лѣтъ тому назадъ и появляется вновь въ дополненномъ и переработанномъ видѣ. Очень жаль, что такіе существенные недостатки остались безъ вниманія, и почтенный профессоръ, взявшій на себя трудъ написать предисловіе, рекомендующее книгу вниманію читателей, могъ-бы дать автору указаніе на необходимыя дополненія и исправленія, отъ которыхъ много выигралъ-бы сухой и скучный очеркъ автора. А какая это благодарная тема—дать привлекательный образъ въ исторіи французской революціи и вмѣстѣ съ тѣмъ самый трагическій моментъ въ этой исторіи! Въ своемъ же настоящемъ видѣ біографическій очеркъ Н. Мировичъ едва ли кого удовлетворитъ. Для спеціалистовъ онъ не нуженъ, такъ какъ не вноситъ ни одной новой черточки. Для большой публики, на которую, очевидно, разсчитанъ, онъ утомителенъ скучными подробностями изъ личной жизни Роланъ и лишенъ необходимой общей картины эпохи. *А. Б.*

А. Я. Ефименко. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Томы 1 и 2. Спб. 1905 г. Цѣна по 2 р. за томъ. Среди нашей журнальной литературы статьи историческаго характера встрѣчаются сравнительно рѣдко. Несправедливо было бы винить въ этомъ журналы, удѣляющіе мало мѣста историческимъ работамъ, или читающую публику, такими работами не интересующуюся. По крайней мѣрѣ, что касается публики, то хотя трогательныя школьныя воспоминанія объ Иловайскомъ должны бы навѣки заглушить въ ней интересъ къ исторіи, она, тѣмъ не менѣе, далеко не индифферентна къ историческимъ вопросамъ и, при сравнительной бѣдности или же большой спеціализаціи исторической литературы, склонна даже пробавляться и суррогатами въ этой области. Дѣйствительно же живыя и талантливыя историческія работы пользуются неизмѣннымъ успѣхомъ и спросомъ. Это послѣднее въ большой степени относится къ историческимъ статьямъ А. Я. Ефименко, которая всегда была желаннымъ гостемъ нашихъ толстыхъ журналовъ, большинство статей ея напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» и «Кіевской Старинѣ».

Историческіе труды г. Ефименко, о чемъ бы она не писала, всегда выдѣляются необыкновенной живостью мысли и изложенія. Авторъ не вводитъ насъ въ ученую лабораторію своей подготовительной работы и даетъ намъ лишь результаты этой черной работы, все всемя остающейся для читателя гдѣ то за кулисами. Этой манерой изложенія г. Ефименко наиболѣе изъ всѣхъ историческихъ писателей примыкаетъ къ Костомарову, чуждающемуся даже подстрочныхъ цитатъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Здѣсь трудъ ученаго соединяется уже съ творчествомъ художника, и свободный процессъ этого творчества не выноситъ гласнаго надзора шагъ за шагомъ цитируемыхъ источниковъ. Такая манера, можетъ быть, не удовлетворитъ ученаго спеціалиста, но средній читатель всегда отдастъ ей предпочтеніе и съ большимъ интересомъ прочтетъ статьи, лишенныя принятой ученой мѣрки. И дѣйствительно, многія страницы только что вышедшей книги г. Ефименко читаются съ захватывающимъ интересомъ, какъ художественное произведеніе.

Сочиненія г. Ефименко изданы Обществомъ имени Т. Г. Шевченко, которое

имѣетъ цѣлью оказывать матеріальную помощь нуждающимся уроженцамъ Украйны, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Пока въ двухъ томахъ изданы лишь тѣ работы, которыя имѣютъ то или иное отношеніе къ родинѣ патрона Общества—Украйнѣ; эта общность предмета и объединяетъ собою болѣе двухъ десятковъ помѣщенныхъ здѣсь разнообразныхъ статей.

Первое мѣсто въ сборникахъ занимаетъ наиболѣе обширная по объему статья—«Очеркъ исторіи Правобережной Украины». Трудъ этотъ въ общемъ компилятивнаго характера; онъ составленъ на основаніи работы І. І. Ролле, писавшаго исключительно на польскомъ языкѣ (подъ псевдонимомъ д-ра Antoni I). Въ высшей степени интересныя, хотя и проникнутыя нѣсколько шовинистическими тенденціями по отношенію къ украинской народной массѣ, которая нерѣдко здѣсь фигурируетъ, работы г. Ролле составляютъ около 20 томовъ печати и, будучи изданы въ Львовѣ и Краковѣ, представляютъ рѣдкое и малодоступное въ Россіи изданіе; до сихъ поръ лишь немногія изъ нихъ переведены на русскій языкъ. Дать систематическую сводку историческихъ изслѣдованій интереснаго историка—задача весьма благодарная, и г. Ефименко исполнила эту задачу съ обычнымъ для нея искусствомъ; если названная работа ея—компиляція,—то это одна изъ самыхъ блестящихъ историческихъ компиляцій, какія приходилось намъ читать. Непонятно только, почему издатели упустили указаніе на источникъ статьи—изъ сочиненій д-ра Ролле: въ первомъ изданіи этой статьи (въ журналѣ «Кіевская Старина») такое указаніе имѣется.

Говорить въ отдѣльности о каждой изъ статей, входящихъ въ составъ двухтомнаго сборника, заняло бы больше мѣста, чѣмъ это полагается для журнальной рецензіи. Отмѣчу лишь нѣкоторыя изъ статей, наиболѣе, по моему мнѣнію, выдающіяся. Въ статьѣ «Малорусское дворянство и его судьба» характеризуется довольно позорная роль украинскаго «благороднаго шляхетства», которое, выйдя само изъ среды выдвинувшей его народной массы, съ легкимъ сердцемъ предало ее въ жертву еще болѣе тяжелыхъ соціально-экономическихъ условій, чѣмъ въ какихъ она находилась до тяжелой и ослабившей ее борьбы съ польско-аристократическимъ режимомъ; статья эта, свидѣтельствуя о широтѣ научныхъ и общественныхъ взглядовъ автора, представляетъ, т. е., квинтъ—эссенцію многихъ детальныхъ, архивныхъ историческихъ трудовъ по исторіи Украйны (напр., труды покойнаго А. М. Лазаревскаго). «Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси»—одна изъ немногихъ и потому особенно цѣнныхъ работъ въ этой мало изслѣдованной, но чрезвычайно важной области экономическихъ отношеній украинскаго населенія. «Котляревскій въ исторической обстановкѣ»—замѣчательно яркое освѣщеніе источника украинскаго литературнаго творчества въ глубокой потребности національнаго духа народа. Статьи «Философъ изъ народа», «Личность Григорія Сковороды, какъ мыслителя» устанавливаютъ новый взглядъ на оригинальную личность «украинскаго философа». «По поводу украйнофильства», «Малорусскій языкъ въ школѣ»—затрагиваютъ нѣкоторыя боевыя стороны украинскаго движенія; къ сожалѣнію, послѣдняя статья, написанная еще въ 80 годахъ, теперь является устарѣлой и довольно слабой. Изъ другихъ статей сборниковъ укажемъ на «Южно-русскіе копные суды», «Народный судъ въ Западной Руси», «Крестьяне—данники въ Ю. Руси», «Бѣдствія евреевъ въ Ю. Руси въ XVII в.», «Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками», «Турбаевская катастрофа», «Обличитель Богдана Хмѣльницкаго», «Старинная одежда и принадлежности быта Слобожанъ», «Націонализмъ по Соловьеву», «Литературныя силы провинціи», «По поводу 40-лѣтняго юбилея Т. Г. Шевченка», «Украинскій элементъ въ творчествѣ Н. В. Гоголя». *А. Лотоцкій.*

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

А. Лоуэлль. „Правительства и политическія партіи въ Западной Европѣ“.

А. Л. Лоуэлль. Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы. (Франція, Италія, Германія, Австро-Венгрія, Швейцарія). Переводъ съ англ. О. Полторацкой; Изданіе С. Скирмунта. Цѣна 2 руб. Спб. 1905 г. Въ настоящее время чуть ли не вся Россія переживаетъ періодъ остраго политическаго возбужденія. Наши внѣшнія неудачи, обнаружившія все несовершенство нашего внутренняго строя, заставили призадуматься и тѣхъ, кто до сихъ поръ оставался совершенно «равнодушнымъ къ политикѣ». Сознаніе серьезности переживаемаго момента, сознаніе необходимости такъ или иначе разобраться въ немъ, найти то или другое рѣшеніе для трудной, но неотложной задачи—охватило самые разнообразные слои населенія и породило интенсивную потребность въ общихъ политическихъ и государственныхъ знаніяхъ. Въ удовлетвореніе этой потребности за послѣднее время появился цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ государственно-политическимъ и въ частности, конституціоннымъ вопросамъ. Въ этомъ ряду далеко не будетъ излишней и книга А. Лоуэлля, несмотря на значительные ея недостатки, которые нельзя обойти молчаніемъ.

Самый существенный ея недостатокъ—это тенденціозность. А. Лоуэлль—убѣжденный консерваторъ, и въ его изложеніи человѣкъ партіи слишкомъ часто беретъ верхъ надъ объективнымъ изслѣдователемъ. Конечно, культурный консерватизмъ американца—совсѣмъ не то, что первобытный консерватизмъ нашихъ отечественныхъ охранителей со Страстного бульвара или изъ «Союза русскихъ людей». Чтобы оцѣнить всю глубину различія, достаточно небольшой выписки. «Почему,—спрашиваетъ американскій консерваторъ,—мы должны повиноваться народу? Нѣсколько вѣковъ тому назадъ никто не признавалъ за народомъ права управлять собою, какъ ему вздумается, или скорѣе не признавалъ за большинствомъ права требовать себѣ повиновенія отъ меньшинства, и во многихъ странахъ такое право не признается и въ настоящее время. Отчего происходитъ, что *среди насъ нѣтъ класса людей, полагающихъ*, что законодательное учрежденіе не есть настоящій представитель народа, или *думающихъ*, что право голоса должно быть основано на извѣстномъ *образовательномъ*, или *имущественномъ цензѣ*, или на исповѣданіи извѣстной *религіи*; и почему какой-нибудь подобный классъ людей не создаетъ себѣ особаго законодательнаго учрежденія? Дѣло въ томъ, что хотя мы и можемъ расходиться во взглядахъ на идеальную форму правленія, всѣ мы относимся одинаково къ вопросу о томъ, какое правительство имѣетъ въ настоящее время право требовать отъ насъ повиновенія» (стр. 68). Изъ приведеннаго ясно, что консерватизмъ Лоуэлля нельзя понимать въ отечественномъ смыслѣ этого термина; тѣмъ не менѣе партійная точка зрѣнія автора очень вредитъ его изложенію. Описывая характеръ и взаимоотношеніе партій во Франціи, Италіи, Германіи, авторъ почти совершенно игнорируетъ соціалистическія партіи, что вовсе не мирится съ объективностью, ибо въ политической жизни этихъ странъ соціалистическія партіи играютъ очень значительную и самостоятельную роль. Обходить ихъ молчаніемъ или подводить подъ общую рубрику радикаловъ, какъ это иногда дѣлаетъ авторъ,—значитъ давать неполную и извращенную картину партійной жизни страны. Нѣкоторымъ извиненіемъ для автора можетъ служить ограниченность поставленной имъ себѣ цѣли.

«Настоящая работа,—говорится въ предисловіи,—разсматриваетъ только очень маленькую часть великаго вопроса о политическихъ партіяхъ. Это просто по-

пытка изучить *связь между развитіемъ партій и механизмомъ* современнаго *правительства*, а другіе вопросы затрагиваются лишь постольку, поскольку они имѣютъ отношеніе къ основной темѣ» (стр. VI). Съ этой точки зрѣнія автора интересуютъ преимущественно партіи, изъ которыхъ формируются правительства, или которыя оказываютъ *наибольшее непосредственное* вліяніе на механизмъ *правительства*. Но и по отношенію къ такимъ партіямъ, болѣе привлекающимъ его вниманіе, въ характеристикахъ партій, которыя онъ называетъ «крайними» (предметъ постоянныхъ укоровъ, наставленій и опасеній на протяженіи всей книжки), куда онъ относитъ французскихъ радикаловъ и нѣмецкихъ свободомыслящихъ, авторъ порой обнаруживаетъ удивительную необоснованность и прямо наивность. Такъ, по его мнѣнію, «идеалы крайнихъ французскихъ радикаловъ настолько далеки отъ дѣйствительности, что оказываются совершенно недостижимыми, и потому радикалы всегда недовольны всѣмъ существующимъ и вѣчно жаждутъ перемѣнъ, если не полнаго разрушенія» (стр. 58). Предсказывая побѣду въ французскомъ народѣ «умѣренныхъ и практическихъ взглядовъ», А. Лоуэлль пишетъ: «свободное обсужденіе дѣлъ, народныя собранія и попытки создать политическія организаціи широко распространились за послѣдніе годы и непремѣнно разовьютъ способность обсуждать общественныя дѣла, *благодаря чему (!)* народъ сдѣлается гораздо менѣе склоннымъ подпадать подъ вліяніе крайнихъ (95 стр.)». Во всемъ этомъ чувствуется весьма значительный привкусъ французской націоналистской прессы. И дѣйствительно среди источниковъ для характеристики общественно-политическаго настроенія Франціи въ качествѣ лучшихъ авторитетовъ фигурируютъ графъ де-Шодорди, и Жюль Симонъ съ его Dieu, Patrie, Liberté». Судить по такимъ источникамъ объ общественномъ настроеніи Франціи — это все равно, что судить объ общественномъ настроеніи Россіи по произведеніямъ А. С. Суворина, В. В. Комарова и генерала Г. И. Богдановича.

Таковы недостатки книги А. Лоуэлля. Они настолько существенны, что для лицъ, не имѣющихъ основныхъ, достаточно ясныхъ, понятій о существѣ политическихъ партій, объ ихъ различіяхъ, программахъ и цѣляхъ, книга эта не можетъ служить подходящимъ руководствомъ. Но для людей, уже разобравшихся въ основныхъ вопросахъ, она можетъ быть очень полезна. Въ предѣлахъ своей спеціальной задачи — изображенія вліянія партій на механизмъ правительства и обратно, вліянія правительственной организаціи на жизнь партій—авторъ даетъ много интереснаго и полезнаго,—рядъ цѣнныхъ фактовъ, сопоставленій, соображеній. Много вниманія удѣляетъ онъ описанію организаціи судебной власти и мѣстнаго управленія и вліянію того и другого на общую политическую жизнь каждой страны. Это составляетъ весьма цѣнную часть его работы. Къ достоинствамъ книги слѣдуетъ отнести и ея изложеніе — живое, легко читаемое, порою остроумное. Такъ, говоря объ австрійской полиціи, авторъ пишетъ: «Ея дѣятельность до того строга и всеобъемлюща, что обыкновенно здѣсь всякій постоянно имѣетъ при себѣ офиціальное удостовѣреніе своей личности и благонадежности — совершенно такъ же, какъ имѣетъ при себѣ надлежащіе документы *корабль, пускающійся въ плаваніе* (299 стр.)».

Къ книгѣ А. Лоуэлля приложены тексты основныхъ конституціонныхъ законовъ Франціи, Италіи, Германіи, Австріи и Швейцаріи въ подлинныхъ текстахъ и въ хорошемъ русскомъ переводѣ. Это приложеніе, составляющее почти треть книги, настолько цѣнно само по себѣ, что для многихъ оно одно можетъ быть достаточнымъ поводомъ для пріобрѣтенія книги А. Лоуэлля, тѣмъ болѣе, что цѣна 2 рубля за 644 большихъ страницы не высока. *В. Е.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

C. Bouglé „Solidarisme et liberalisme". *Кл. Цеткинъ.* „Женщина и экономическое положеніе".—*Б. Уэббъ* „Кооперативное движеніе въ Англіи".

Prof. C. Bouglé. Solidarisme et liberalisme. Réflexions sur le mouvement politique et l'éducation morale. Paris 1905. 248 стр. 150 с. (Проф. Бугле. Солидаризмъ и Либерализмъ. Парижъ 1905). Либерализмъ, какъ доктрина и боевое знамя политическихъ партій, повсюду переживаетъ глубокій кризисъ, кризисъ грядущаго обновленія, по мнѣнію однихъ, кризисъ умиранія, по утвержденію другихъ. Какъ бы ни смотрѣли на родословную либерализма и на генезисъ деклараціи правъ человѣка и гражданина, будемъ ли мы считать, что основная идея этой деклараціи сложилась въ религіозныхъ общинахъ Америки или въ нѣдрахъ европейской зрѣющей буржуазіи, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ отрицанію тотъ историческій фактъ, что либерализмъ сдѣлался орудіемъ борьбы въ рукахъ буржуазіи. Борясь со «старымъ порядкомъ», либеральная буржуазія противопоставила режиму соціальныхъ привилегій требованіе свободной игры хозяйственныхъ силъ, требованіе laissez faire, laissez passer. Такимъ образомъ, исторически либерализмъ тѣсно сросся съ хозяйственнымъ индивидуализмомъ, съ ученіемъ о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь страны.

Въ свое время, какъ извѣстно, знамя либерализма сумѣло объединить вокругъ себя «народы» за вычетомъ привиллегированныхъ сословій. Но это время давно миновало. Въ нашъ соціальный вѣкъ, ни одна политическая партія не можетъ обойтись безъ программы соціальнаго переустройства, программы вмѣшательства государства въ сферу «свободной игры экономическихъ силъ». И либерализмъ подъ угрозой исторической смерти долженъ былъ отказаться отъ своей манчестерской философіи государственнаго невмѣшательства и экономическаго индивидуализма и выдвинуть программу соціальныхъ реформъ. Все чаще и чаще, отмѣчая этотъ внутренній переворотъ, начинаютъ говорить о «соціалъ—либерализмѣ», о «новомъ либерализмѣ» и т. д. Во Франціи сторонники привитія соціальной программы либерализму создали даже особую политическую помѣсь подъ видомъ «солидаризма», представляющаго собою попытку примиренія между либерализмомъ и соціализмомъ.

Объ этой любопытной политической помѣси говоритъ проф. Бугле. Наиболѣе краснорѣчивымъ глашатаемъ «солидаризма» является во Франціи Леонъ Буржуа. «Солидаристы» прежде всего подчеркиваютъ несправедливость и неправильность всякихъ строго индивидуалистическихъ теорій, и въ ихъ числѣ и стараго либерализма. Индивидуалистическія теоріи, говорятъ они, позабываютъ прежде всего о томъ, что каждый индивидуумъ есть неоплатный должникъ общества, и что заявляя свои права, онъ не долженъ забывать и о своихъ обязанностяхъ. Съ самаго своего рожденія, говоритъ Буржуа, индивидуумъ становится должникомъ общества, онъ не можетъ ступить шагу, сдѣлать жестъ, чтобы при этомъ не «одолжить» чего-либо у общества. «Долгомъ», говоритъ Буржуа, «является питаніе человѣка, долгомъ его языкъ, каждое произносимое имъ слово онъ выучилъ благодаря другимъ и каждое слово содержитъ и выражаетъ кругъ идей, выработанныхъ безконечнымъ рядомъ предковъ. И чѣмъ дальше развивается человѣкъ, тѣмъ все сильнѣе возрастаетъ его долгъ обществу, тѣмъ все больше тратитъ на него общество».

И имѣетъ ли, въ виду этого, индивидуумъ право забывать объ этомъ долгѣ обществу, и не погашать его своей постоянной работой на пользу обществу? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ солидаристы горячо призываютъ либера-

ловъ позабыть объ ихъ старыхъ индивидуалистическихъ грѣхахъ, и вспомнивъ о неоплатныхъ долгахъ индивидуума обществу построить программу соціальнаго переустройства общества.

Прививая къ либерализму соціальные побѣги, солидаристы при этомъ подчеркиваютъ, однако, что, занявшись соціальною дѣятельностью, либералы не должны отказываться отъ своей прежней конечной цѣли, они должны по прежнему отстаивать индивидуума отъ опасности быть безъ остатка поглощеннымъ обществомъ. Индивидуумъ долженъ возвратить обществу то, что онъ отъ него получилъ, но всего себя онъ не долженъ ему отдавать, онъ долженъ завоевать извѣстный комплексъ силъ и благъ, которыми онъ бы могъ безконтрольно распоряжаться по своему усмотрѣнію, своему капризу.

Такимъ образомъ, солидаризмъ ни мало не возстаетъ противъ существованія частной собственности, онъ только ограничиваетъ ея районъ, онъ только доказываетъ, что всякій индивидуумъ такъ много обязанъ обществу, что онъ долженъ работать на пользу этого общества, чтобы выплатить хотя бы часть своего долга. Представляя собою соціальную разновидность либерализма, какъ бы являясь наслѣдникомъ либерализма по соціальной линіи, солидаризмъ центръ тяжести своей доктрины опираетъ на ученіе о солидарности интересовъ различныхъ членовъ и группъ общества, но онъ односторонне направляетъ это ученіе о солидарности лишь противъ застарѣлаго либерализма, противъ наслѣдниковъ либерализма по индивидуалистической линіи, строго учившей, что лишь изъ свободной *борьбы* и *столкновенія* индивидуальныхъ силъ можетъ родиться общее благо. Но у солидаристовъ есть болѣе опасный оппонентъ чѣмъ застарѣлый либерализмъ. На этого оппонента указываетъ и Бугле, онъ зовется ученіемъ о классовой борьбѣ. Классовая борьба не доктрина, а фактъ исторической и текущей дѣйствительности и наличность этого факта, такъ сказать, замыкаетъ сферу дѣйствія солидарности въ границы извѣстнаго класса, придаетъ развитію солидарности характеръ классовой солидарности, солидарности скрѣпляющей интересы и симпатіи отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Благодаря классовому расчлененію общества, благодаря рѣзкому расхожденію соціальныхъ интересовъ, мы сплошь и рядомъ замѣчаемъ, что солидарность вмѣсто того, чтобы замирить общественную борьбу становится орудіемъ ея—отдѣльные классы солидаризируются внутри себя, и благодаря этому еще рѣзче сталкиваются съ другими классами. Бугле въ своемъ изложеніи ученія либераловъ-солидаристовъ не достаточно отчетливо подчеркнулъ классовой характеръ солидарности въ современномъ обществѣ, хотя онъ и указалъ на игнорируемую солидаристами классовую борьбу.

Помимо главной статьи о солидаристахъ-либералахъ въ книгѣ Бугле собраны еще статьи о свѣтской школѣ, о націонализмѣ, о патріотизмѣ. Всѣ эти статьи читаются съ живымъ интересомъ. *П. Берлинъ.*

Клара Цеткина. Женщина и ея экономическое положеніе. Переводъ съ нѣмецкаго. Книгоиздательство «Молотъ». Одесса. 1905. цѣна 10 коп. Среди многихъ вопросовъ, волнующихъ въ настоящее время русское общество, вновь выдвинутъ вопросъ о правахъ и положеніи женщины. Тѣмъ болѣе интереса представляетъ теперь брошюрка Клары Цеткиной, извѣстнаго агитатора нѣмецкой соціалъ-демократической партіи. Въ ясныхъ и простыхъ выраженіяхъ г-жа Цеткина опредѣляетъ сущность и цѣли женскаго движенія и даетъ прочную руководящую нить для планомѣрнаго женскаго движенія.

Что такое женскій вопросъ? «Это, говоритъ г-жа Цеткина, не политическій и не моральный вопросъ (хотя онъ и заключаетъ въ себѣ политическіе и моральные элементы), а вопросъ экономическій». Освободившись съ развитіемъ производительныхъ силъ отъ экономической власти мужчины, женщина подпала подъ экономическое иго капитализма, женщина «изъ рабыни домаш-

ней становится рабыней фабричной». На этомъ фундаментѣ «экономической независимости» женскій вопросъ тѣсно сплетается съ рабочимъ вопросомъ, вообще, и только въ связи съ этимъ послѣднимъ можетъ получить полное рѣшеніе. «Женщина можетъ, слѣдовательно, ждать прочной своей эмансипаціи только въ преобразованномъ обществѣ», когда будетъ уничтожена зависимость труда отъ капитала.

Но этотъ общій—и мужской и женскій—рабочій вопросъ становится для женщины спеціально «женскимъ», благодаря ея политическому положенію въ современномъ обществѣ. «Ея экономическое значеніе находится въ поразительномъ противорѣчіи съ ея общественнымъ положеніемъ, въ особенности, съ ея политическими правами. Ей даже не предоставлены тѣ эфемерныя права, которыми пользуется мужской пролетаріатъ; въ политическомъ и юридическомъ отношеніи женщины образуютъ 5 классъ современнаго общества». Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что для женщины вся задача сводится къ переходу изъ 5 въ 4 классъ, дѣло идетъ не о томъ, «чтобы подчинить новыя экономическія условія, въ которыя попала женщина, *существующему* общественному и правовому порядку, опирающемуся еще на старыя экономическія условія». Это цѣнное замѣчаніе г-жи Цеткиной рѣзко отграничиваетъ ея идеи отъ «женскихъ вопросовъ» самыхъ разнообразныхъ буржуазныхъ оттѣнковъ. Такъ называемое «равноправіе», которымъ у насъ въ Россіи, такъ увлекались,—а, можетъ быть, и увлекаются,—въ значительной части носитъ именно буржуазный характеръ, поскольку задача женщины опредѣляется *существующими* политическими условіями. Сводить весь «вопросъ» къ переходу въ первый мужской классъ современной общественной табели о рангахъ,—значитъ не понимать огромной роли женщины, какъ «продуктивнаго производителя». Между тѣмъ это значеніе женщины, а особенно русской, еще болѣе увеличивается, благодаря политической конъюнктурѣ. Именно теперь домашній укладъ подвергается чрезвычайному потрясенію такъ, какъ это изображаетъ г-жа Цеткина въ своихъ разсужденіяхъ «вообще»: «внѣшнія войны изъ-за политическаго, промышленнаго или торговаго владычества, внутреннія войны изъ-за преобразованія государственнаго порядка безпощадно вырываютъ изъ семьи отца, сына или брата, убиваютъ кормильца или возвращаютъ его семьѣ уже безпомощнымъ калѣкой». Такимъ образомъ, на русскую женщину именно теперь взваливается преимущественная задача «продуктивнаго производителя».

Русскій женскій вопросъ очевиднѣе всего является общимъ вопросомъ рабочаго класса. И чѣмъ скорѣе, чѣмъ яснѣе русское женское движеніе опредѣлится, какъ организація, общая съ пролетарской, тѣмъ успѣшнѣе оно будетъ. Его цѣлью будетъ «привести *общественный порядокъ* въ соотвѣтствіе съ *новыми экономическими условіями*. Женскій вопросъ разрѣшится только съ обобществленіемъ орудій производства». Не буржуазное равноправіе, а демократическая эмансипація,—вотъ въ чемъ долженъ заключаться отвѣтъ на женскій вопросъ.

За подробной аргументаціей этихъ общихъ положеній мы отсылаемъ читателя къ интересной книжкѣ г-жи Цеткиной.

Брошюрка издана и переведена хорошо. Цѣна ея въ настоящее время понижена до 7 коп. *Л. Б.*

Б. Уэббъ. Кооперативное движеніе въ Англіи. Переводъ съ англійскаго Н. и С. Алексѣевыхъ. Изданіе И. Балашова. Спб. 1905. Цѣна 1 руб. Одна изъ видныхъ представительницъ фабіанскаго общества, г-жа Беатриса Уэббъ съ обычной добросовѣстностью и знаніемъ дѣла излагаетъ исторію и современное состояніе кооперативовъ въ Англіи. Богатство матеріала и умѣлая группировка фактовъ являются самымъ выдающимися достоинствомъ ея книги. Уже одни эти качества, самыя драгоцѣнныя во всякомъ изслѣдованіи общественно-

экономическаго характера, дѣлаютъ ея сочиненіе необходимымъ пособіемъ при изученіи кооперативнаго движенія. Собственные болѣе или менѣе отдаленные выводы г-жи Уэббъ изъ настоящаго положенія кооперацій не мѣшаютъ читателю самому составить себѣ определенное мнѣніе о сущности и значеніи этого движенія,—настолько точность и строго фактическая сторона доминируютъ въ ея изложеніи.

Отъ личныхъ воззрѣній автора тѣмъ легче освободиться, что они носятъ своеобразный отпечатокъ чисто англійской складки мышленія, дѣловитости и здраваго смысла, и сама г-жа Уэббъ довольно презрительно относится къ различнымъ идеальнымъ построеніямъ въ ущербъ хотя бы маленькому, но полезному дѣлу. Мы здѣсь не будемъ останавливаться на разныхъ довольно интересныхъ положеніяхъ автора, а для характеристики книги укажемъ лишь на одинъ конечный выводъ, касающійся мощи и предѣловъ коопераций. Но предварительно объ «англійскомъ соціализмѣ», послѣдовательницей котораго является г-жа Уэббъ. Англійскій соціализмъ,—это не соціализмъ «заграничнаго производства (foreign manufacture), который крикливо требуетъ анархической утопіи, достижимой лишь при помощи ужасной насильственной военной революціи», заявляетъ г-жа Уэббъ, а тотъ соціализмъ, «который мирно и безшумно осуществляется въ фабричныхъ законахъ, законахъ противъ truck-system, законахъ объ отвѣтственности предпринимателей, санитарныхъ законахъ, законахъ о рабочихъ жилищахъ» и т. д. Какъ видимъ, своеобразенъ, дѣйствительно, не только англійскій соціализмъ, но и «заграничный» въ пониманіи англійскаго ученаго. Г-жа Уэббъ надѣется, что соціализмъ, вводимый при помощи фабричнаго законодательства, уничтожитъ паразитовъ всѣхъ классовъ, «тѣхъ, кто потребляетъ, не производя» и улучшитъ участь тѣхъ, «кто теперь производитъ, не потребляя своей полной доли». Для этого требуется союзъ двухъ федерацій: федераціи трэдъ-юніоновъ и кооперативнаго союза, которые сплотили бы весь рабочій классъ. Но, чтобы двѣ послѣднія ассоціаціи осуществились во всей полнотѣ, необходимо, по мнѣнію автора, опять-таки предварительное законодательное регулированіе производства, ибо, какъ оказывается, «люди, живущіе ниже извѣстнаго уровня... неспособны къ добровольной ассоціаціи». При помощи *принудительной* ассоціаціи ихъ необходимо поднять «до соціальнаго уровня, при которомъ добровольная ассоціація становится возможной».

Столь огромныя надежды, возлагаемыя осторожнымъ авторомъ на всемогущій англійскій законъ, однако, разрушаются всѣмъ его изслѣдованіемъ. Въ этомъ насъ могутъ убѣдить слѣдующіе выводы, къ которымъ пришла Б. Уэббъ. Прославляя демократическую организацію потребительныхъ товариществъ, авторъ замѣчаетъ: «нѣтъ человѣка, слишкомъ великаго или слишкомъ низкаго, слишкомъ богатаго или слишкомъ бѣднаго для того, чтобы быть включеннымъ въ эту всеобъемлющую демократію,—лишь бы только онъ хотѣлъ покупать и платить наличными» (стр. 67). Но на стр. 204 оказывается, что «пропаганда кооперации среди богатыхъ такъ же безнадежна, какъ и среди самыхъ бѣдныхъ». Такимъ образомъ, хотя желаніемъ покупать обладаютъ всѣ люди, но «платить наличными» есть, очевидно, особый даръ свыше, не всѣмъ доступный; а если кому и весьма доступенъ, то не служитъ стимуломъ для вступленія во «всеобъемлющую демократію». И даже наоборотъ. Поэтому «при нынѣшней соціальной системѣ только ограниченная доля націи можетъ быть охвачена общественной демократіей, именно, промежуточный классъ, не слишкомъ бѣдный и не слишкомъ богатый для того, чтобы быть способнымъ къ демократическому самоуправленію». Патріотизмъ, съ одной стороны, и концентрація капиталовъ, съ другой стороны, какъ признаетъ г-жа Уэббъ, остаются въ такой же степени незатронутыми открытой для всѣхъ демократіей коопе-

ративовъ, какъ и при отсутствіи коопераціоннаго движенія. Тѣснѣе сплачивается только общественная группа средняго достатка, и англійскій соціализмъ осуществляется лишь для «потребителя», умѣющаго платить наличными.

Каковъ характеръ такого «соціалиста»—потребителя, авторъ и самъ знаетъ. «Безъ параллельнаго трэдъ—юніонисткаго движенія, говоритъ поэтому г-жа Уэббъ, потребительное общество не только обращается въ нуль, но и можетъ очень скоро стать орудіемъ угнетенія». Но и трэдъ-юніоны сами по себѣ совсѣмъ не разрѣшаютъ соціальнаго вопроса. Остается только убѣдиться, не рождаются ли могучія общественныя силы изъ соединенія этихъ двухъ организацій,—кооперативовъ и трэдъ-юніоновъ, которыя бы обновили человѣческое общество. Опуская имѣющія важность разсужденія г-жи Уэббъ чисто дѣлового характера о взаимныхъ выгодахъ такого соединенія, мы приведемъ лишь одну чрезвычайно характерную для автора цитату. Въ чемъ заключается «непреоборимая сила» союза двухъ движеній «при широкомъ пониманіи», т. е. съ точки зрѣнія достиженія поставленнаго идеала? А вотъ въ чемъ. «Рабочаго мы можемъ считать типическимъ кліентомъ перваго комитета (трэдъюніонисткаго), домохозяйку—типическимъ элементомъ другого (потребительскаго, такъ какъ покупателемъ является, главнымъ образомъ, женщина). Поэтому должностныя лица обѣихъ организацій должны стремиться къ тому, чтобы ихъ кліенты понимали другъ друга. Вѣдь, очевидно, было бы самоубійственной политикой труженика—супруга повышать цѣны для хозяйки—жены. А еще пагубнѣе было бы со стороны жены урѣзывать заработную плату супруга до уровня голаго существованія или лишить его работы. Существенныя цѣли этихъ двухъ лицъ и представляющихъ ихъ организацій тождественны—ихъ общая цѣль обезпечить себѣ и дѣтямъ незаработанный доходъ, нынѣ достающійся другимъ классамъ».

Слѣдовательно, и при соединеніи обѣихъ демократическихъ организацій получается «при широкомъ пониманіи» лишь семейный уютъ и приличная «обстановочка»... Окажется ли только это мѣщанское счастье, покровительствуемое фабричными законами, сильнѣе пауперизма и плутократіи, этихъ китовъ современнаго общества?

Приведенными замѣчаніями мы ничуть не желаемъ уменьшить значенія и цѣнности работы г-жи Уэббъ. Мы только старались выдѣлить особо тѣ взгляды автора, которые, не вліяя существеннымъ образомъ на ходъ и результаты интереснаго изслѣдованія, сообщаютъ конечнымъ выводамъ чуждое имъ сіяніе широкаго общественнаго идеала. И нужно имѣть въ виду, что «англійскій соціализмъ», несмотря на свою ограниченность, очень склоненъ давать распространительное толкованіе частичнымъ улучшеніямъ въ матеріальныхъ современныхъ условіяхъ жизни рабочаго класса. Эта склонность ведетъ къ тому, что нѣкоторое «поднятіе соціальнаго уровня» рабочаго класса легко квалифицируется, какъ всеобщее уравнительное распредѣленіе богатствъ, какъ постепенное уничтоженіе соціальныхъ перегородокъ и соціальнаго гнета.

Принявъ поправку на такія незаслуженныя претензіи, можно затѣмъ спокойно принять руководство г-жи Уэббъ, какъ хорошаго и освѣдомленнаго изслѣдователя. Ея книга сама безпристрастно покажетъ, чего можно ждать отъ коопераций, взвѣситъ ихъ силу и условія успѣшности ихъ развитія.

Переводъ довольно тяжеловатъ, а иногда и неясенъ, благодаря нѣкоторой небрежности. Напр., читая «избыточный доходъ всѣхъ членовъ общества надъ личными издержками» (стр. 182), читателю приходится догадываться, что это значитъ просто *избытокъ* дохода надъ издержками. *Л. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюня по 15-е іюля 1905 г.).

Ломенъ. Наброски. Спб. 1905. Ц. 1 р.

В. Анучинъ. Сказанія. Изд. О. Поповой. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Евгеній Волковъ. Разсказы. Т. I. Ростовъ н/Д. 1905. Ц. 1 р.

Н. Н. Каразинъ. Въ пескахъ. Изд. Сойкина. Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. Баулина. Отрывки. Спб. 1905.

Кантигровъ. Первый день службы. Томскъ. 1905.

А. Райскій. Новые звуки. Батумъ. 1905. Ц. 50 к.

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Изд. О. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 руб.

Его-же. Новое ученіе о государствѣ. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Н. И. Костомаровъ. Собраніе сочиненій. Книга VI, томъ XV. Изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С. А. Соединенныхъ Штатахъ составилъ Н. Сѣверный. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества, подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова. Т. IX. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1905. Ц. 3 р. 75 к. Въ перепл. 4 р. 25 к.

С. М. Житковъ. Когда Россія побѣдитъ Японію. Спб. 1905.

Д-ръ А. Комба. Дѣтская нервозность. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1904. Ц. 50 к.

И. Алибеговъ. Жилищныя условія рабочихъ Чернаго города. Баку. 1905.

И. Левитовъ. Желтороссія, какъ буферная колонія. Спб. 1905. Ц. 75 к.

П. Сакулинъ. А. Н. Пыпинъ. Москва. 1905.

Карлъ Марксъ и Фр. Энгельсъ. Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Изд. Алексѣевой. Одесса. 1905. Ц. 10 к.

Ал. Билимовичъ. Годъ войны и наши финансы. Кіевъ. 1905.

Народный университетъ въ Томскѣ. Томскъ. 1905.

Бесѣды объ окружающихъ явленіяхъ для учащихся въ сельскихъ школахъ ч. I. Воздухъ и вода. Изд. И. Жиркова. Москва. 1905. Ц. 25 к.

чебникъ русской исторіи для среднихъ v учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Сост. М. Острогорскій. Изд. 9. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Врачъ М. Виноградова-Лукирская. Бесѣда о холерѣ. Изд. Т-ва Сытина. Москва. 1905. Ц. 7 к.

Фабричные законы. Сборникъ законовъ, распоряженій и разъясненій по вопросамъ русскаго фабричнаго законодательства. Кіевъ. 1905. Ц. 75 к.

Гр. Чалхушьянъ. Армянскій вопросъ и армянскіе погромы въ Россіи. Ростовъ н/Д. 1905. Ц. 20 к.

С. Протопоповъ. Изъ поѣздки въ Соловецкій монастырь. Москва. 1905. Ц. 10 к.

А. А. Пановъ. Что такое Сахалинъ и нуженъ-ли онъ намъ? Спб. 1905.

Леонардъ Олстонъ. Общій очеркъ современныхъ конституцій. Изд. Книгоиздат. «Творческая мысль». Москва. 1905. Ц. 30 коп.

А. К. Джививелеговъ. Ростъ представительныхъ учрежденій на западѣ. Изд. Т-ва Сытина. Москва. 1905. Ц. 10 к.

В. Бузескулъ. Женскій вопросъ въ Древней Греціи. Изд. П. Брейтигамъ. Хар. 1905. Ц. 40 к.

Евгеній Елачичъ. Изъ жизни природы (біологическіе очерки). Спб. 1905. Ц. 40 коп.

О народномъ представительствѣ. Составилъ В. П. Обнинскій. Калуга. 1905.

Н. Туляповъ и П. Шестаковъ. Мысли двухъ философовъ о школѣ (В. Гумбольтъ и Кондорсэ). Москва. 1905. Ц. 10 коп.

Ихъ-же. Новая школа. Первая послѣ букваря книга. Изд. Т-ва Сытина. Москва. 1905. Ц. 25 к.

Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 1905. Вып. I.

Внѣшняя торговля по европейской границѣ. Вып. 236. Спб. 1905.

Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1903 годъ. Спб. 1905.

Статистика по казенной продажѣ питей. Спб. 1905. Вып. II.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1904 г. Спб. 1905.

Переселенія изъ Полтавской губ. съ 1861 г. по 1 января 1901 г. (вып. II). Полтава. 1902.

Очерки эпидеміи холеры 1892—1893 гг. въ Воронежской губерніи. Воронежъ. 1905.

Народныя безплатныя библіотеки-читальни Симбирской губерніи въ 1900—1901 гг. Симб. 1904.

Θ. Мирчинкъ. Упрощенная стенографія для учебныхъ заведеній и самообученія. Москва. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Е. Лаппо. Преступленія и наказанія по степному праву сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ. Красноярскъ. 1905.

Труды Общества больничныхъ врачей въ С.-Петербургѣ за 1903 г. Спб. 1905.

Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Нижнемъ-Новгородѣ за 1904 годъ. Нижній-Новгородъ. 1905.

П. Ю. Шмидтъ. Островъ изгнанія (Сахалинъ). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Изданія «Посредника». Москва. 1905. 1) Наживинъ. Великая истина Ц. 1½ к. 2) Н. Златовратскій. Деревенскій король. Ц. 3 к. 3) О. Рунова. Павлюкъ Ц. 1½ к. 4) Θ. Поступаевъ. Не дошелъ Ц. 1½ к.

Изданія книгоиздательства «Буревѣстникъ». Одесса. 1905. 1) Карлъ-Марксъ. Гражданская война во Франціи (1870—1871). Ц. 15 к. 2) Ф. Лассаль. О программѣ работниковъ. Ц. 10 к. 3) Его-же. О сущности конституціи. Ц. 8 к. 4) А. Бебель. О Бернштейнѣ. Изд. 2. Ц. 15 к. 5) Его-же. Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. Ц. 8 к. 6) Карлъ Каутскій. Экономическое ученіе Карла Маркса въ общедоступномъ изложеніи. Изд. 2. Ц. 30 к. 7) Его-же. Пролетаріатъ и общественный строй. Ц. 60 к.

Изданіе газеты «Кіевскіе Отклики». Кіевъ. 1905. Тексты конституцій: 1) Прусская конституція. Ц. 5 к. 2) Испанская конституція. Ц. 5 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«French Profiles», Cap Edmond Gosse (Heinemann) (*Французскіе профили*). Въ книгѣ напечатаны пятнадцать очерковъ выдающагося англійскаго критика, дѣлающаго психологическую оцѣнку произведеніямъ французскихъ писателей, Альфонса Додэ, Пьера Лоти, Ренэ Базена и др. Въ заключительной главѣ авторъ говоритъ о вліяніи Франціи на англійскую поэзію.

(Daily News).

«Studies in Colonial Nationalism», by Richard Sebb 12 s. 6 d. (*Очерки колоніальнаго національизма*). Это изслѣдованіе британской колоніальной политики представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что авторъ его англичанинъ, защищающій въ нѣкоторомъ отношенія фискальную политику Чэмберлена, критикуетъ въ то же время англійскую колоніальную политику, доказывая, что то, что по мнѣнію англичанъ, было движеніемъ впередъ въ сторону федерализма, въ сущности было только толчкомъ къ развитію національизма, такъ какъ всѣ усилія англійскихъ государственныхъ дѣятелей въ колоніяхъ въ сущности были направлены лишь къ подкрѣпленію временныхъ условій и къ подавленію здоровыхъ и естественныхъ стремленій національнаго чувства. Это въ особенности подтверждаетъ недавняя исторія Новой Зеландіи.

(Times).

«Some Distinguished Victims of the Seaffeld», by Horace Bleackiey, with thwenty one illustrations in Collotype from old Prints (Kegan und C°) 10 s. 6 d. (*Нѣсколько замѣчательныхъ жертвъ эшафота*). Въ высшей степени интересное историческое изслѣдованіе, снабженное снимками съ очень рѣдкихъ старинныхъ иллюстрацій. Авторъ изучилъ описываемую имъ эпоху въ подлинныхъ документахъ и высказываетъ большую эрудицію, въ своей книгѣ онъ даетъ яркую художественную картину, производящую глубокое впечатлѣніе на читателя. (Times).

«Model Factories and Villages»: Ideal conditions of Labour and Housing. By Budgett Meakin (Unwin) 7 s. 6 d. (*Образцовыя фабрики и деревни*). Въ первой части этой книги авторъ говоритъ объ условіяхъ труда и изслѣдуетъ то, что сдѣлано различными странами и промышленными учрежденіями для улучшенія быта своихъ служащихъ. Во второй—онъ говоритъ о жилищномъ вопросѣ и приводитъ примѣры образцовыхъ жилищъ и деревень, какія уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, причемъ онъ указываетъ тѣ недостатки, которые должны быть уничтожены и рисуетъ картину идеальныхъ условій труда и жилища.

(Times).

«Primitive Traits in Religions Revivals», a study in Mental and Social Evolution. By Frederick Morgan Davenport (Macmillan) 6 s. 6 d. (*Первобытныя черты въ религіозныхъ пережиткахъ*). Авторъ этой книги, профессоръ соціологіи въ коллегіи Гамильтона въ Америки, изслѣдуетъ явленіе переживанія съ психологической и исторической точки зрѣнія и его значеніе въ области умственной и соціальной эволюціи.

(Times),

«La Constitution Suédoise et le Parlamentarisme Moderne», par le prof. Pontus Fahlbeck (Alphonce Picard) Paris (*Шведская конституція и современный парламентаризмъ*). Въ этой небольшой книжкѣ, часть которой посвящена Швеціи, разсматриваются также парламентскія условія Англіи, Франціи, Швейцаріи и Америки и въ относящихся сюда замѣчаніяхъ и критикѣ автора заключается главный интересъ книги.

(Journal des Debats).

«L'Inde contemporaine et le mouvment national», par Ernest Pirion (Alcan) (*Современная Индія и національное движеніе*). Въ Индіи существуетъ теперь національная партія и предводители національнаго движенія усвоили себѣ идеи англійскаго либерализма. Они ни въ какомъ случаѣ не станутъ вызывать военнаго движенія въ Индіи; это адвокаты профессора и вообще мирные люди, мечтающіе о томъ, чтобы Индія осталась Индіей. Европеизація Индіи въ сущности только едва началась, несмотря на то, что Индія находится втеченіе 150 лѣтъ подъ владычествомъ англичанъ. Причина такого промедленія заключается въ существенномъ различіи между англосаксонскою и браминскою цивилизаціей. Аскеты и люди положительные, торговцы, оцѣнивающіе

каждый предметъ съ коммерческой точки зрѣнія, не могутъ понимать другъ друга. Неумолимымъ же противникомъ всякаго прогресса служатъ касты, но имъ уже нанесенъ чувствительный ударъ тѣмъ постановленіемъ, что «всѣ подданные Великобританіи могутъ занимать общественныя должности, не взирая на касту, цвѣтъ кожи и религію». Мало-по-малу Индія объединяется, въ ней распространяется просвѣщеніе, и теперь она хочетъ уже сама управлять своими собственными дѣлами.

(La Revue).

«*La Macédoine et sa population chrétienne*, *par. D. M. Brancoff* (*Plon*) (*Македонія и ея христіанское населеніе*). Въ числѣ множества брошюръ и всякаго рода книгъ о Македоніи, наводнившихъ книжный рынокъ въ послѣднее время, эта брошюра весьма выгодно отличается своею объективностью и достовѣрностью. Авторъ описываетъ страну и ея жителей, ихъ нравы и обычаи и приводитъ статистическія таблицы населенія вилайетовъ и выясняетъ отношенія болгаръ, грековъ и др. народностей.

(La Revue).

«*Les doctrines médicales*; *leur évolution*», *par L. Boinet* (*Flammarion*). (*Медицинскія доктрины, ихъ эволюція*). Исторія медицинскихъ методовъ является въ тоже время и исторіей медицины. Вначалѣ медицина была достояніемъ жрецовъ и носила священный характеръ, но впослѣдствіи она вдохновилась греческою философіей и въ основу поставила опытъ. Научная медицина составляетъ результатъ союза физіологія и клиники, но она отстаетъ отъ всѣхъ другихъ наукъ вслѣдствіе своей слишкомъ большой сложности. Прежде изучали механизмъ болѣзни, а не ея причины, но со временъ Пастера медицина приняла характеръ этіологическій, и теперь уже микроскопъ служитъ главнымъ способомъ для опредѣленія причинъ болѣзни и бактеріологія бросаетъ свѣтъ на этіологію всѣхъ инфекціенныхъ заболѣваній.

(La Revue).

«*Pour la Paix*», *lectures historiques*, *par M-mes Lagnerré et Careier*. (*Librairie générale de l'enseignement*). (*Для мира*). Рядъ чтеній, имѣющихъ цѣлью внушить юношеству любовь къ миру и проповѣдующихъ согласіе и единеніе народовъ, терпимость и высшую справедливость.

(Journal des Débats).

«*La nature et la vie*», *par N. de Varigny*. (*A. Colin*). (*Природа и жизнь*). Въ своихъ главахъ, заимствованныхъ изъ великой книги природы, авторъ знакомитъ читателя съ жизнью въ природѣ, съ тѣми затрудненіями, которыя она встрѣчаетъ въ своей эволюціи, съ ея отношеніями къ природѣ, съ приближеніемъ конца и степенями умиранія; прочитывая эти главы, читатель узнаетъ и новѣйшія рѣшенія біологическихъ проблемъ, самыхъ сложныхъ, но въ тоже время приходитъ къ заключенію, что сущность жизни остается неизвѣстной, что, однако, не мѣшаетъ изучать ее, подобно тому, какъ мы изучаемъ электричество, сущность котораго намъ неизвѣстна. И по мѣрѣ того, какъ развивается наука о жизни, становится все труднѣе проводить рѣзкую границу, отдѣляющую живое отъ такъ называемаго мертваго или неживого. Главы, гдѣ говорится о свойствахъ и роли минераловъ въ жизни, объ азотѣ и водѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

(Revue).

«*La morale des religions*», *par J. de Lanessan* (*Alcan*). (*Мораль религій*). Авторъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что религіи не имѣли существеннаго вліянія на частную и общественную нравственность и, слѣдовательно, онѣ не были необходимы для выработки нравственныхъ привычекъ. Напротивъ, повсюду онѣ были изобрѣтеніемъ жрецовъ, для которыхъ служили средствомъ утвердить свое господство. Авторъ доказываетъ это въ своемъ бѣглому обзорѣ древнихъ религій, причемъ говоритъ, что арійскія религіи древней Индіи, представляющія на самомъ дѣлѣ лишь семейные культы, были самыми чистыми. Браминская религія виновна въ образованіи кастъ, буддизмъ же хотя и отмѣнилъ ихъ, все же имѣлъ еще болѣе роковыя послѣдствія для Индіи, вслѣдствіе своихъ антисоціальныхъ принциповъ. Далѣе авторъ доказываетъ, что только философія благопріятствуетъ существованію общества. Когда она царствовала въ Римѣ, то нравы смягчались, улучшалось положеніе бѣдняковъ и индивидуальная свобода содѣйствовала отмѣнѣ крѣпостничества. Но религія снова воздвигла тѣ преграды, которыя философія и соціальная конкурренція готовились уничтожить.

(Revue).

«*La criminologie*» *par le baron R. Garofolo* (*Alcan*). (*Криминологія*). Въ этой книгѣ поддерживается тезисъ, что преступникъ, какъ вредный и опасный членъ общества, непремѣнно долженъ быть устраненъ обществомъ. Соціальныя власти не должны допускать даже самой малѣйшей возможности рецидива преступленія. Кромѣ того, содержаніе преступниковъ въ заключеніи обходится очень дорого общинѣ, которая порою изъ-за этого вынуждена отказывать себѣ даже въ самомъ необходимомъ. Авторъ—предсѣдатель апелляціоннаго суда въ Неаполѣ и извѣстный итальянскій юристъ, подкрѣпляетъ свои доводы многочисленными наблюденіями и своимъ многолѣтнимъ юридическимъ опытомъ.

(La Revue).

«Gardin Cities in Theory and Practice», *by A. R. Sennett* (*Bemrose and Sous*). (*Города-сады въ теоріи и практикѣ*). Идея устройства «городовъ-садовъ» получила большое распространеніе въ Англіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она уже осуществлена на практикѣ. Такъ какъ движеніе въ пользу устройства такихъ городовъ-садовъ все увеличивается, то явилась необходимость разсмотрѣть этотъ вопросъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, что и дѣлаетъ авторъ названной книги, посвящающій особенное вниманіе соціальной и политической сторонѣ вопроса. Кромѣ того, онъ снабдилъ свою книгу иллюстраціями и діаграммами, увеличивающими ея интересъ и практическое значеніе.

(Bookselles).

«Political Progress of the Nineteenth Century» by Thomas Machnight. Revised and Completed by C. S. Osborne (*R. Chambers*). (*Политическій прогресъ девятнадцатаго столѣтія*). Авторъ занимается исторіей политическихъ періодовъ и свою книгу заканчиваетъ основаніемъ новой германской имперіи. Остальная часть книги, отъ отдѣленія церкви въ Ирландіи до бурской войны написана другимъ лицомъ, просматривавшимъ и дополнившимъ названное сочиненіе.

(Bookselles).

«Der Sieg des Lebens», von Wilhelm Bölsche. (*Tranckh'sche Verlagshandlung*). (*Побѣда жизни*). Очень талантливо и блестяще написанная книга, развертывающая передъ глазами читателя картину жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ на землѣ. Авторъ рисуетъ постепенное развитіе жизни, красоты морскихъ глубинъ, коралловые сады, свѣтящихся животныхъ и т. п., затѣмъ передъ глазами читателя проходятъ картины жизни пещерныхъ людей, открывшихъ способъ добыванія огня и мало-по-малу подчинившихъ себѣ силы природы. «Жизнь всегда оставалась побѣдительницей»—говоритъ авторъ, книгу котораго можно причислить къ наилучшимъ популярнымъ описаніямъ природы и развитія жизни.

(Frankfurt. Zeit.).

«In Peace and War», Autobiographical Sketches. By Sir John Furby. With Portrait (*Smith, Elder*) *10 s. 6 d.* (*Во время мира и войны*). Авторъ былъ однимъ изъ устроителей Національнаго Общества Краснаго Креста въ 1868 году, такъ что взрывъ французской войны нашелъ его до нѣкоторой степени подготовленнымъ, потому что онъ уже пріобрѣлъ опытъ въ войнѣ Даніи противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Австріи. Самое интересное въ книгѣ — это описаніе великой борьбы между Франціей и Германіей, сдѣланное съ совершенно необычной точки зрѣнія. Авторъ не былъ солдатомъ, но не былъ и безучастнымъ зрителемъ, такъ какъ его дѣятельность была направлена къ тому, чтобы насколько возможно смягчить ужасы войны. Такое же участіе принималъ онъ и въ Карлистскомъ походѣ 1874 г. и въ послѣдней южноафриканской войнѣ. Его разсказъ даетъ самое полное понятіе о дѣятельности Англійскаго Общества Краснаго Креста во время войны и объ организаціи помощи раненымъ.

(Academy).

«Les Raisons du nationalisme», par Léon de Montesquiou (*Plon*). (*Основанія національзма*). Книга составлена изъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ, темою которыхъ послужила націоналистская доктрина, изучаемая въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Цѣль автора—выяснить причины ея возникновенія и развитія, и по возможности, опредѣлить ея будущее.

(Journal des Débats).

ОБЫКНОВЕННЫЯ ОБВИНЕНІЯ И «ДРУЖЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ».

Замѣчается ли юдофобство среди русскихъ рабочихъ, и если замѣчается, то въ какой мѣрѣ и формѣ?

Директоръ бакинскихъ мастерскихъ «Электрическая Сила» г. Классонъ увѣряетъ, будто «антисемитизмъ рабочихъ» не только существуетъ, но на его почвѣ «разыгрываются тяжелыя драмы». Такъ, инженеръ «Векслеръ былъ еврей, и при томъ единственный въ «Э. С.», и въ этомъ заключалось его несчастіе», и за это именно рабочіе дважды побили его въ январѣ 1903 г. (См. письмо г. Классона въ № 6 «М. Б.»).

Признаюсь, я лично, сталкиваясь съ рабочими въ разное время и по самымъ разообразнымъ поводамъ, ни разу не замѣчалъ ни юдофобства, ни какого-либо другого «фобства». Наоборотъ, самосознаніе рабочихъ, какъ выяснилось изъ разговоровъ съ ними, склоняется въ сторону классовой солидарности, которая, естественно, устраняетъ націоналистическую непріязнь. Интересовался этимъ я не случайно и вотъ почему. Какъ извѣстно, стоитъ лишь появиться слуху, что рабочіе задумали устроить забастовку или политическую манифестацію, и уже какіе-то темные людишки заранѣе пугаютъ общество:

— Непремѣнно де будетъ погромъ. Рабочіе пойдутъ «по линіи наименьшаго сопротивленія» и учинятъ звѣрство прежде всего надъ евреями.

Между прочимъ, въ Кіевѣ зимою нынѣшняго года сферы «бюрократическаго типа» ставили даже въ вину евреямъ отсутствіе уличныхъ манифестацій:

— Евреи, молъ, агитаторы. Они всюду устраиваютъ демонстраціи. Въ Кіевѣ же боятся. Ибо стоитъ лишь собрать на улицѣ рабочихъ, и тотчасъ же начнется «еврейскій погромъ».

Насколько я знаю, рабочіе сильно возмущаются этими розсказнями и считаютъ ихъ дѣломъ досужихъ провокаторовъ. Цѣль провокаціи ясна: обрисовать рабочихъ пугалами и заблаговременно настроить противъ нихъ общество. Не секретъ, что рабочіе дѣятельно борются съ такими обвиненіями. Не секретъ и то, что рабочіе выходили во многихъ мѣстахъ на защиту избиваемыхъ евреевъ, и если защита не всегда удавалась, то лишь благодаря принятымъ полиціей мѣрамъ.

Рѣшаюсь передать одинъ эпизодъ изъ екатеринославскаго рабочаго движенія въ августѣ 1903 г. Передъ «безпорядками», по обыкновенію, распространялись слухи, что будетъ погромъ. Евреи чувствовали себя скверно и ждали бѣды. И когда стало извѣстно, что рабочіе брянскаго завода прорвались сквозь отряды войскъ и идутъ изъ Чечелевки (предмѣстье Екатеринослава) въ городъ, началась паника; среди прочихъ, въ ужасъ пришелъ и какой-то еврей слесарь,

жившій, насколько помнится, на Керосинной ул. Это былъ уже старикъ, имѣвшій многочисленную семью и ни въ какихъ «организаціяхъ» не участвовавшій.

— Мы испугались,—разсказывалъ онъ мнѣ и нѣкоторымъ торговцамъ—жена спряталась. Дѣти спрятались. Я выбѣжалъ затворить ставни. Ничего сдѣлать не могу. А «они» уже совсѣмъ подошли. Тутъ я вродѣ какъ съ ума сошелъ. Держусь за дверь обѣими руками и кричу благимъ матомъ. А «они» мнѣ говорятъ: «дѣдушка, чего ты боишься? Мы тебя не тронемъ. Пойдемъ съ нами»... Думаю себѣ, если говорятъ: «пойдемъ», значитъ—надо идти. Не то плохо будетъ. Ну, они себѣ идутъ. А я тоже сбоку иду. Только, вижу, стоитъ торговка съ яблоками. Еврейка. Должно быть, шибко испугалась. Оттого убѣжать забыла. Какой-то мальчишка схватилъ у нея яблоко. А «они» какъ закричали: «положи назадъ, или деньги заплати». Мальчишка положилъ назадъ. Ну, чего вы хотите? Сразу видно, что люди не на погромъ идутъ. Мнѣ легче стало. Послѣ этого *мы* пошли въ трамвайное депо...

Этотъ переходъ къ «мы пошли» въ разсказѣ старика-слесаря былъ прямо-таки неподражаемъ. За нимъ слѣдовало, какъ «мы» останавливали трамвайныя машины, какъ «мы» заходили къ торговцамъ и говорили:

— Заприте вашъ магазинъ. «Мы» васъ не тронемъ. И постараемся защитить. Но всюду шляются жулики, которые воспользуются суматохой...

И т. д., и т. д.

Беру другой эпизодъ. Вскорѣ послѣ житомирскаго погрома (т.-е. послѣ Пасхи н. г.) въ «Вѣстникъ Юга» поступило изъ Александровска, Екатеринославской губ., коллективное письмо рабочихъ, которые возмущались, что хозяинъ подкупаетъ ихъ бить евреевъ. Такія же письма, впрочемъ, получались также изъ другихъ мѣстъ и «Вѣстникомъ Юга» и другими газетами.

Меня долго смущало участіе рабочихъ въ Гомельскомъ погромѣ. Оно противорѣчило всѣмъ моимъ наблюденіямъ. Какъ и многіе, я, конечно, слышалъ, что это участіе также подстроено, какъ татарско-армянская рѣзня въ Баку. Факты доказывали, что другого объясненія и быть не можетъ. Но все-таки хотѣлось самому убѣдиться. Въ маѣ нынѣшняго года мнѣ удалось столкнуться съ гомельскими рабочими. И къ моему глубокому удовольствію, могу засвидѣтельствовать, что въ Гомелѣ рабочіе такъ же не заражены племеннымъ человѣконенавистничествомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Погромная вспышка была, несомнѣнно, создана искусственно.

Разумѣется, наблюденія одного человѣка субъективны и случайны. Они цѣнны лишь, какъ свидѣтельское показаніе. Строить на нихъ характеристику всего рабочаго класса врядъ-ли основательно. Вотъ почему весьма желательны показанія другихъ лицъ. Въ общей суммѣ они помогли бы выяснить, дѣйствительно ли въ рабочемъ движеніи есть матеріалъ для погромныхъ звѣрствъ. Если «матеріала» этого нѣтъ, мы могли бы убѣдительно доказать, что слухи, опорачивающіе трудовой пролетаріатъ,—злостная клевета. Если онъ есть, пришлось бы серьезно подумать объ оздоровленіи рабочей среды. Какъ бы ни горька была истина, ее необходимо знать, ибо только она спасаетъ отъ лож-

ныхъ шаговъ и роковыхъ ошибокъ. Поэтому я готовъ бы отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ свидѣтельству г. Классона. Но... мнѣ бы не хотѣлось думать, что г. Классонъ умышленно говоритъ неправду. Остается, слѣдовательно, предположить, что онъ введенъ кѣмъ-то въ глубокое заблужденіе.

II.

Наблюдается ли теперь «антисемитизимъ» среди рабочихъ «Э. С.» судить не берусь. Но за время, о которомъ повѣствуетъ г. Классонъ (т. е. въ концѣ 1902 г. и въ началѣ 1903 г.), рабочіе этого предпріятія бывали частыми гостями, и моими лично и редакціи газеты «Баку». Надо замѣтить, что «Баку». ставила своею главною цѣлью—выясненіе нуждъ трудового люда и защиту его интересовъ. Рабочіе это знали и шли въ редакцію и за юирдическими совѣтами, и съ жалобами, и просто за справками. Наплывъ былъ такъ великъ, что хотя рабочихъ принимали сразу трое (А. И. Матюшенскій, Г. Е. Старцевъ и я), но многимъ приходилось ждать очереди. Мы ежедневно принимали по нѣсколько десятковъ человѣкъ. Среди жалобщиковъ наичаще встрѣчались рабочіе Г. З. А. Тагіева и «Электрической силы». Говорю не голословно. Стоитъ лишь г. Классону развернуть старые комплекты «Баку», и онъ убѣдится, что ни одно предпріятіе не обличалось такъ часто, какъ «Электрическая Сила». И уже это показываетъ, насколько справедливы слова г. Классона, будто «отношенія администраціи къ рабочимъ были самыя дружественныя».

На что и на кого жаловались рабочіе? На кумовство, на отсутствіе безпристрастности, и на систему шпіонства, вслѣдствіе которой судьба всѣхъ стала зависѣть отъ «электрика Смирнова, машиниста Раттэра и кочегара Рященко». Эти господа, получивъ въ свои руки власть, покровительствовали однимъ, которые вступали съ ними въ кумовство, т. е. попросту подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ давали взятку, и преслѣдовали другихъ. «Кумовьямъ» сверхурочныя работы записываются, «не кумовьямъ»—нѣтъ. «Кумъ,» что бы ни сдѣлалъ, освобождается отъ штрафовъ, «не—кумъ» штрафуется безо всякой вины и т. д. Жаловались также на отмѣну прежнихъ «хорошихъ порядковъ», когда «бывало каждый могъ обращаться прямо къ директору Классону или къ старшему инженеру Красину», а «теперь дальше непосредственнаго начальства никому ходу нѣтъ»...

Всѣ эти жалобы не должны составлять новости для г. Классона, ибо онѣ изложены были въ «Баку» 6-го декабря 1902 г., т. е. за мѣсяцъ съ лишнимъ до побоевъ, нанесенныхъ г. Векслеру. Замѣтка эта, кстати, г. Классономъ не опровергалась и не опровергнута.

Жаловались рабочіе и на холодъ въ квартирахъ. Дѣло въ томъ, что акціонеры «Э. С.» построили сложную и дорогую систему отопленія. Но администрація ужъ слишкомъ экономила топливо. Привожу еще нѣсколько пунктовъ:

1) «Раньше «Электрическая Сила» выдавала на каждое помѣщеніе мѣсячную порцію: пудъ керосину и пудъ угля. Потомъ керосину стали выдавать полпуда. Потомъ и вовсе перестали давать».

2) Раньше рабочіе и ихъ семейства «получали прѣсную воду (для Баку это очень важно) въ волю, теперь воды выдаютъ въ обрѣзъ, ровно столько, чтобы не помереть отъ жажды. Цѣль очень проста и понятна:

— Если хочешь чистоту соблюсти,—купи воды. Мы продаемъ воду на промысла. Продадимъ и вамъ»...

3) «Которые на вахтѣ стоятъ, тѣмъ допрежъ полагалось два раза чай пить. А теперь только разъ, да и то не знаешь когда. Какъ только увидитъ Векслеръ говоритъ: «Теперь не время чаи распивать, а потому штрафъ... Вотъ мы и пьемъ украдкой. И оттого большой убытокъ компаніи, потому что много рабочаго времени зря тратится».

Эти жалобы, если г. Классонъ припомнитъ, напечатаны въ «Баку» до «случая» съ г. Векслеромъ. Онѣ также не были опровергнуты. И, какъ видите, ничего общаго съ «антисемитизмомъ» не имѣютъ.

О г. Векслерѣ, рабочіе говорили, какъ о человѣкѣ, по винѣ котораго «порядки» ухудшились. Но роль его объясняли мотивами, слишкомъ семейными. Предавать гласности эти мотивы я категорически отказался. Отказываюсь и теперь это дѣлать. Могу сообщить ихъ лишь непосредственно г. Классону, да и то съ извѣстными оговорками. Рабочіе согласились, что дѣло, дѣйствительно, интимное; и потому лучше его не касаться. По долгомъ совѣщаніи, мы условились объ этомъ не упоминать, Векслера не называть, а обращаться къ гг. Классону и Красину, ибо они, по отзыву рабочихъ, «люди справедливые»— прочтутъ, узнаютъ и возстановятъ «старые, хорошіе порядки».

Вотъ почему имя г. Векслера изъ обличеній изгонялось. Назвать «притѣснителя» Векслера «инженеромъ», правда, не разрѣшила бы цензура. У нея на этотъ счетъ оригинальные взгляды: разъ столкновеніе между рабочими и инженеромъ, значитъ, «дѣло серьезное», и оглашенію не подлежитъ. Но умолчать объ инженерскомъ званіи было возможно. Не составляло труда прибѣгнуть къ иносказательной формѣ, въ которую свободно и безнаказанно выливаются самыя интимныя исторіи. Однако, мы рѣшили щадить администрацію и надѣяться, что недоразумѣнія разрѣшатся мирно при помощи гг. Классона и Красина.

Къ несчастью, надежды рабочихъ не оправдались. Нынѣ г. Классонъ пишетъ: «редакія «Баку» не печатала опроверженій». Неправда, редакція «Баку» ждала опроверженій, но не получала ихъ. Мы, вообще, не пренебрегали опроверженіями и очень цѣнили ихъ, такъ какъ они помогали выяснить сложную картину бакинской рабочей жизни и, въ большинствѣ, являлись характерными человѣческими документами. Баку—исключительный городъ. Тамъ люди, если такъ можно выразиться, обнажаются. Иные нагло и откровенно, другіе,— соблюдая внѣшніе признаки стыдливости. Въ этомъ смыслѣ поучительно даже напечатанное въ «М. Б.» письмо г. Классона. Останавлюсь хотя бы на слѣдующемъ вскользь брошенномъ замѣчаніи:

— «Рабочій, уволенный за сочувственное отношеніе къ дракѣ»...

Уволено, положимъ, за «сочувственное отношеніе», двое рабочихъ, а не одинъ. Но обратите вниманіе на эту формулировку вины: «сочувственное

отношеніе къ дракѣ»... Отъ нея такъ и пахнетъ эластичностью «положенія объ усиленной охранѣ» и «цензурнаго устава». Готовность вооружаться каучуковыми формулами,—признакъ цѣнный. По такимимъ мелкимъ черточкамъ и составляется понятіе о средѣ, съ которой имѣешь дѣло. Въ дѣйствительности, «сочувственное отношеніе» заключалось въ томъ, что уволенные рабочіе не стали бить товарища Бухалова, когда онъ дрался съ инженеромъ Векслеромъ. Но это между прочимъ.

Неправда и то, будто редакція «Баку» «не изъявляла желанія» ознакомиться съ дѣлалами «Электрической Силы». Мы съ радостью воспользовались бы возможностью проникнуть туда, куда, какъ извѣстно, «входъ постороннимъ строго воспрещается». Но, къ нашему прискорбію, ни г. Классонъ, ни г. Красинъ насъ не приглашали. Они упорно отмалчивались. Положеніе рабочихъ не улучшалось. Даже ухудшалось, такъ какъ изобличенная въ газетѣ «мелкота», искала «жалобщиковъ», сыпала штрафами, набрасываясь «на кого зря». «Жалобщики» начали настаивать, чтобы «Векслеръ былъ пропечатанъ», неосновательно надѣясь, будто «это подѣйствуетъ». Наконецъ, мы «пропечатали Векслера» въ процитированной выше замѣткѣ о чаепитіи. «Для смягченія» фамилія Векслера сопровождалась вопросительнымъ знакомъ въ скобкахъ. Замѣтка появилась 10-го января, а 13-го января между увѣчнымъ машинистомъ Бухаловымъ и Векслеромъ произошла драка.

Извиняюсь передъ читателями за эти мелочныя подробности. Но обвиненіе противъ рабочихъ, высказанное г. Классономъ, весьма серьезно, и его надо опровергнуть такъ, чтобы совершенно не оставалось мѣста для сомнѣній.

III.

Итакъ, г. Классонъ утверждаетъ, будто увѣчный Бухаловъ «избилъ» Векслера потому, что юдофобъ.. А такъ какъ человѣконенавистниковъ необходимо держать въ уздѣ, то и для рабочихъ нужна узда. Ближайшимъ поводомъ къ избіенію послужило то, что Бухаловъ былъ пьянъ. Ergo, узда нужна сугубая. Пьянствовать же онъ сталъ, между прочимъ, потому, что, получивши увѣчье,—опять чрезвычайно цѣнная черточка для характеристики—«долго не работалъ, пока продолжалось лѣченіе». Отсюда явствуетъ вредъ праздности. Слѣдовательно, хорошенько подумайте, прежде чѣмъ говорить о сокращеніи рабочаго дня и праздничномъ отдыхѣ.

Начнемъ съ «пьянства». 13-го января машинистъ Бухаловъ опоздалъ на вахту на 30 минутъ. Слѣдовательно, задержалъ своего товарища. Машинисты смотрятъ на такія опозданія по товарищески: «нынче ты, а завтра я». И дѣло кончилось-бы безъ всякихъ осложненій. Но, къ несчастью, по близости случился г. Векслеръ. Онъ сталъ бранить Бухалова (кстати, на г. Векслера, вообще, рабочіе жаловались, что онъ ужъ слишкомъ не стѣсняется въ выраженіяхъ). Затѣмъ толкнулъ. Бухаловъ, опальный (что подтверждаетъ и г. Классонъ), подвергавшійся усиленнымъ штрафамъ, болѣе другихъ стиснутый «новыми порядками», на толчокъ отвѣтилъ толчкомъ, завязалась драка. «Оба

клубкомъ катались по полу». Воспроизвожу эту картину по показаніямъ очевидцевъ рабочихъ. Я тщательно разспрашивалъ, былъ ли Бухаловъ пьянъ? Мнѣ всѣ отвѣтили,—нѣтъ, не былъ, этого не было замѣтно.

Вполнѣ понимаю, что г. Классону докладывали о дракѣ Векслеръ, Смирновъ, Ратторъ, Ряшенко и пр. «начальство». Отсюда и разница: по моимъ даннымъ, «съ ругательствами и кулаками» набрасывался Векслеръ, по даннымъ г. Классона,—Бухаловъ; меня увѣряли, что Бухаловъ не былъ пьянъ, а г. Классона, что былъ пьянъ. Но я предпочту моихъ свидѣтелей, благо они лично въ извращеніи фактовъ не заинтересованы, а сверхъ того, обязались честнымъ словомъ повторить свои показанія на судѣ «подъ присягою».

Далѣе—говоритъ г. Классонъ—«три — четыре дня газетныхъ нападокъ завершились тѣмъ (все на почвѣ юдофобства), что второй рабочій... также бросился на Векслера съ кулаками»... заранѣе извиняюсь передъ г. Классономъ, но это завѣдомая неправда, которую можно установить документально.

Первая драка произошла 13-го января, а первая газетная замѣтка о ней появилась 18-го января. Итого промежутокъ въ 5 дней. 20-го января администрація «Электрической Силы» обратилась въ редакцію, но не съ опроверженіемъ, а съ вызовомъ автора замѣтки «на дуэль». «Дуэль» заключалась въ томъ, чтобы передать дѣло третейскому суду, и если судъ признаетъ, что Векслеру напалъ на Бухалова, то повиненъ выѣхать изъ Баку Векслеръ, а если первымъ напалъ Бухаловъ, то повиненъ выѣхать изъ Баку авторъ замѣтки. 22-го января «вызовъ» былъ напечатанъ въ «Баку». Одновременно Векслеръ разъяснялось, что заводская администрація достаточно вооружена для борьбы съ непріятными авторами. Вооруженіе состоитъ изъ статьи о клеветѣ, статьи о диффамаціи, закулисныхъ давленій на цензуру, права на опроверженія. Давать и еще одно оружіе—право изгонять авторовъ путемъ «дуэлей» àla Векслеръ—редакція не находила возможнымъ, тѣмъ болѣе въ Баку, гдѣ г. Тагіевъ, напр., можетъ доказать свидѣтельскими показаніями, что Іерусалимъ впадаетъ въ Черное море, а Днѣпръ—главный городъ Персіи. Въ заключеніе, г. Векслеру предлагалось обратиться въ судъ и прислать опроверженіе. «Электрическая Сила» не сдѣлала ни того, ни другого. «Опроверженіе», правда, было написано г. Классономъ, но отправлено не въ «Баку», а въ тогдашнія «Бакинскія Извѣстія», гдѣ и напечатано 25-го января.

О какихъ же «3—4 дняхъ» газетныхъ нападокъ говоритъ г. Классонъ? Я понимаю: если для объясненія дракъ не достаточно ни «антисемитизма», ни «пьянства», надо выдумать и еще одну причину. Кстати и нравоученіе подходящее: благодаря газетамъ, рабочіе бьютъ инженеровъ, стало быть,—«цензоръ, бди». Но, вѣдь, нельзя же полагаться на чужую забывчивость. Попутно могу объяснить г. Классону, что, по словамъ рабочихъ, причиной второго «случая» съ Векслеромъ послужилъ «вызовъ» на дуэль. Рабочіе были сильно возмущены этимъ, и особенно въ связи съ слухами, что передъ «вызовомъ» г. Векслеръ получилъ годичный отпускъ. Они подошли къ инциденту нѣсколько своеобразно:

— Векслеръ, дескать, покушается лишить автора замѣтки заработка. А этого нельзя «спускать...»

А что авторъ находится наканунѣ отъѣзда изъ Баку, и уже по одному этому не о заработкѣ печется,—они, конечно, знать не могли.

Теперь объ «антисемитизмѣ». Повторяю, рабочіе «Э. С.» были весьма частыми посѣтителями редакціи. Но никто изъ нихъ ни разу даже не заикался о томъ, что г. Векслеръ—еврей. Ни одного намека на это не было. Мнѣ принадлежитъ нѣсколько замѣтокъ объ «Э. С.», но о національности г. Векслера я узналъ уже послѣ «вызова»—впервые, насколько помнится, отъ А. И. Новикова, бывшаго тогда городскимъ головой. Однако, самъ г. Классонъ удостовѣряетъ, что г. Векслеръ былъ «единственнымъ евреемъ» въ «Э. С.». Значитъ, «электрикъ Смирновъ», напримѣръ, не еврей. Между тѣмъ на Смирнова жаловались не меньше, чѣмъ на Векслера. Правда, Смирновъ въ мою бытность не подвергался побоямъ. А что безъ меня было,—не знаю. Но, вѣдь, это случайность, что на потерявшаго терпѣніе Бухалова въ злую минуту наскочилъ инженеръ, а не «электрикъ».

Я не виню г. Векслера и вижу въ немъ такую же жертву общаго режима, какая выпала на долю всего трудового люда. Вмѣстѣ съ «электросильцами» въ редакцію хаживали рабочіе нобелевскихъ мастерскихъ въ Балаханахъ. И тѣ и другіе жаловались на одинаковые «непорядки». И въ томъ и въ другомъ мѣстѣ недоразумѣнія разрѣшились тоже одинаково: почти одновременно подверглись непріятности въ «Э. С.» еврей Векслеръ, а въ мастерскихъ Нобеля не—еврей Вуриковъ. Причемъ же тутъ «антисемитизмъ?»

Драка—занятіе дикое, но въ общежитіи не рѣдкое. Заграничная практика придала дракамъ исключительно личный интересъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Ам. бываетъ, что надсмотрщикъ (кто бы онъ ни былъ) и рабочій ссорятся сердятся, порою тузятъ другъ друга кулаками. Сорвавши злость, расходятся по своимъ мѣстамъ, и это не влечетъ никакихъ каръ ни для одного, ни для другого. Оно и резонно: надсмотрщикъ при такихъ условіяхъ поневолѣ будетъ держать себя корректно,—не то, вѣдь, получишь сдачи.

Не бѣда и не позоръ, что Векслеръ и Бухаловъ подрались. Это ихъ личное дѣло, въ которое ни мнѣ, ни г. Классону не слѣдъ бы мѣшаться. Позоръ начинается съ послѣдствій драки: Бухалова г. Классонъ приговариваетъ къ увольненію по 105 ст. уст. о пром. (т.-е. «безъ предупрежденія и безъ выдачи двухнедѣльнаго жалованья впередъ»), еще двое рабочихъ изгнаны за «сочувствіе», а Векслера тотъ же г. Классонъ беретъ подъ свою защиту, выступаетъ за него «съ письмами въ редакцію». И г. Векслеръ принимаетъ это какъ должное, не чувствуетъ явной и глубокой несправедливости и даже не замѣчаетъ, насколько поведеніе г. Классона невыгодно для репутаціи его, Векслера.

Казалось бы, выдавши самому себѣ столь яркую аттестацію, можно остановиться и подумать. Но г. Классонъ прибавляетъ къ ней новый штрихъ: слишкомъ смѣлое, чтобъ не выражаться рѣзче, обвиненіе въ антисемитизмѣ... А продѣлавши собственноручно на нашихъ глазахъ самосѣченіе, намъ рекомендуются:

— Мы, Классонъ и Векслеръ, друзья рабочихъ...

На мѣстѣ рабочихъ на это можно лишь отвѣтить:

— Избави насъ, Боже, отъ друзей, а съ врагами мы сами справимся.

А. Петрищевъ.

P. S. Письмо г. Классона содержитъ и другія неточности. Я ихъ опускаю по недостатку мѣста. Отмѣчу вскользъ лишь одну, наиболѣе крупную. Онъ пишетъ:

«Всѣ рабочіе «Э. С.» были застрахованы, а слѣд. «Э. С.» вовсе не была матеріально заинтересована въ томъ, чтобъ выторговывать у Бухалова, т. к. платить (за увѣчье) приходилось страховому обществу».

Это обычный доводъ заводчиковъ, когда рѣчь заходитъ объ «увѣчныхъ недоразумѣніяхъ». Дѣло, однако, въ томъ, что заводчику и страховому агенту резоннѣе быть «солидарными», ибо отъ этого, между прочимъ, зависитъ размѣръ страховой преміи. А затѣмъ—иски увѣчнаго предъявляются не къ страховому обществу и разсматриваются независимо отъ тѣхъ или иныхъ страховыхъ условій. *А. П.*

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ дополненіе къ отвѣту, данному г. Классону г. А. Петрищевымъ, приводимъ слѣдующее письмо, полученное нами отъ рабочихъ «Электрической Силы»:

Милостивый Государь,

г. Редакторъ.

Мы, рабочіе ст. Биби-Эйбатъ Акц. Общества «Электрическая Сила,» просимъ почтенную редакцію, давшую мѣсто въ своемъ журналѣ письму г. Классона, помѣстить и наше письмо. Мы увѣрены, что намъ будетъ дана возможность смыть съ себя то позорное пятно, которое оно положило на насъ. Въ своемъ письмѣ г. Классонъ обвиняетъ насъ въ антисемитизмѣ, объясняя этимъ наше отношеніе къ г. Векслеру. Такой упрекъ, совершенно нами не заслуженный, насъ глубоко возмутилъ и оскорбилъ. Мы никогда не дѣлали различія между русскимъ, евреемъ, армяниномъ или татариномъ. Г. Векслера не уважали всѣ рабочіе, какъ русскіе, такъ и евреи, за грубое обращеніе съ рабочими и за всевозможныя гоненія на нихъ.

Г. Классонъ пишетъ, что г. Векслеръ былъ единственный еврей на станціи. Это не правда: тогда-же служило еще пять человѣкъ евреевъ—рабочихъ, и между ними и русскими были самыя лучшія отношенія, которыя сохранились и по настоящее время. Нападеніе-же Бухалова было вызвано имъ же самимъ, послѣ чего пострадалъ не только Бухаловъ, но и совершенно непричастный къ дѣлу другой рабочій только потому, что онъ не захотѣлъ вмѣшиваться въ драку.

Если редакція пожелаетъ ближе ознакомится съ этимъ дѣломъ, мы, съ своей стороны, охотно дадимъ подробныя свѣдѣнія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ—рабочіе станціи «Биби-Эйбатъ». (*Слѣдуютъ подписи двадцати рабочихъ*).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

